

Альманах

2015. № 1

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КОНСЕРВАТИЗМА

На первой полосе обложки слева направо:

верхний ряд:

А. С. Шишков, С. Н. Глинка, С. С. Уваров, архимандрит Фотий (П. Н. Спасский)

средний ряд:

М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, М. П. Погодин, С. П. Шевырев

нижний ряд:

А. А. Киреев, К. П. Победоносцев, П. И. Ковалевский, Д. В. Скрынченко

Адрес редакции:
394006 Воронеж,
пр. Революции, 24

E-mail:
minak.arkady2010@yandex.ru

Ведущий редактор
издательской группы
Н. Н. Масленникова

Подписано в печать
17.12.2015.
Формат 70×100/16.
Уч.-изд. л. 32,7.
Усл. п. л. 33,8.
Тираж 100. Заказ 501

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2015
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2015

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- П. В. Акульшин**, доктор исторических наук, профессор
(г. Рязань);
- А. А. Иванов**, доктор исторических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург);
- Ю. Е. Кондаков**, доктор исторических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург);
- А. Э. Котов**, кандидат исторических наук, доцент
(г. Санкт-Петербург);
- О. А. Милевский**, доктор исторических наук, профессор
(г. Сургут);
- Р. В. Михайлов**, кандидат политических наук (г. Москва);
- И. В. Омелянчук**, доктор исторических наук, профессор
(г. Владимир);
- С. В. Перевезенцев**, доктор исторических наук,
профессор (г. Москва);
- А. В. Репников**, доктор исторических наук, профессор
(г. Москва);
- С. М. Санькова**, доктор исторических наук, профессор
(г. Орел);
- В. Л. Степанов**, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник (г. Москва);
- А. А. Тесля**, кандидат философских наук, доцент
(г. Хабаровск);
- С. В. Удалов**, кандидат исторических наук, доцент
(г. Саратов);
- А. А. Шириняц**, доктор политических наук, профессор
(г. Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- А. Ю. Минаков**, доктор исторических наук, доцент
(главный редактор) (Воронежский гос. университет);
- С. В. Хатунцев**, кандидат исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
(Воронежский гос. университет);
- Н. Н. Лупарева**, кандидат исторических наук,
преподаватель (Военно-воздушная академия
им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина,
г. Воронеж);
- А. О. Мещерякова**, кандидат исторических наук,
ведущий библиограф (Воронежский гос. университет).

Almanac

2015. № 1

QUESTIONS OF THE HISTORY OF CONSERVATISM

Editorial address:

394006 Russia, Voronezh,
Revolutsii Avenue, 24

E-mail:
minak.arkady2010@yandex.ru

EDITORS:

- P. V. Akulshin**, doctor of history, professor (Ryazan);
A. A. Ivanov, doctor of history, professor (St. Petersburg);
Yu. E. Kondakov, doctor of history, professor (St. Petersburg);
A. E. Kotov, candidate of history, associate professor
(St. Petersburg);
R. V. Mikhailov, candidate of political sciences (Moscow);
O. A. Milevsky, doctor of history, professor (Surgut);
I. V. Omelyanchuk, doctor of history, professor (Vladimir);
S. V. Perevezentzev, doctor of history, professor (Moscow);
A. V. Repnikov, doctor of history, professor (Moscow);
S. M. Sankova, doctor of history, professor (Orel);
V. L. Stepanov, doctor of history, leading research associate
(Moscow);
A. A. Teslia, candidate of philosophy, associate professor
(Khabarovsk);
S. V. Udalov, candidate of history, associate professor
(Saratov);
A. A. Shirinianz, doctor of policy, professor (Moscow).

EDITORIAL BOARD:

- A. Yu. Minakov**, doctor of history, associate professor
(senior editor) (Voronezh State University);
S. V. Khatunzev, candidate of history, associate professor
(senior editor's assistant) (Voronezh State University);
N. N. Lupareva, candidate of history, lecturer
(Military Academic Center of an Air Force
"Air Force Academy in honor of professor N. E. Zhukovski
and Yu. A. Gagarin");
A. O. Mesheriakova, candidate of history, leading bibliograph
(Voronezh State University).

© Voronezh
State University, 2015
© Desing, original-model.
Publishing house
of the Voronezh State
University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии..... 7

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА: ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ, ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Перевезенцев С. В.</i> Идейные истоки русского консерватизма	11
<i>Минаков А. Ю.</i> Русские консерваторы в поисках «русской формулы».....	33
<i>Лупарева Н. Н.</i> «Забытый патриот 1812 г.»: общественно-политическая деятельность Сергея Николаевича Глинки	42
<i>Кондаков Ю. Е.</i> Фотий (П. Н. Спасский): философско-религиозные взгляды, общественно-политическая и церковная деятельность	67
<i>Мещерякова А. О.</i> Создатель русской триады: интеллектуальная биография С. С. Уварова.....	132
<i>Удалов С. В.</i> «Православие, самодержавие, народность»: идеологема николаевского царствования	144
<i>Тесля А. А.</i> Славянофильство в его развитии: опыт реконструкции исторической логики	160
<i>Котов А. Э.</i> «Средство борьбы и суррогат политики»: политическая публицистика М. Н. Каткова и его последователей.....	174
<i>Медоваров М. В.</i> Общественно-политическая деятельность А. А. Киреева и история ее изучения	194
<i>Хатунцев С. В.</i> Константин Леонтьев: русский публицист и мыслитель.....	215
<i>Прасолов М. А.</i> Философия личности против «нового варварства»: метафизический персонализм П. Е. Астафьева	229
<i>Милевский О. А.</i> Л. А. Тихомиров: политический портрет в интерьере эпохи ...	247

РАЗВИТИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Колмаков В. Б. Д. В.</i> Скрынченко: становление православного консерватора....	266
<i>Омельяничук И. В.</i> Черносотенное движение в Российской империи в 1901–1917 гг.	279

<i>Иванов А. А., Репников А. В.</i> Русские правые в годы Первой мировой войны ...	308
<i>Стогов Д. И.</i> Неформальные правые политические организации царской России в годы Первой мировой войны.....	334
<i>Стукалов П. Б. П. И. Ковалевский</i> – ученый, публицист, идеолог консервативного национализма	345

КОНСЕРВАТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Шириняну А. А.</i> К «феноменологии» консерватизма и не только... ..	356
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Иванов А. А., Репников А. В.</i> «Предстоит ... решительное столкновение германского мира с русским»: прогнозы и предостережения <i>Клавдия Пасхалова</i>	381
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Хатунцев С.В.</i> Рецензия на книгу: <i>Фетисенко О. Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века).</i> – СПб. : Пушкинский дом, 2012. – 784 с.	399
<i>Медоваров М. В.</i> Рецензия на книгу: <i>Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917).</i> – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. – 520 с.	406
Правила для авторов	415

CONTENTS

From an Editorial Board 7

FORMATION OF THE RUSSIAN CONSERVATISM: IDEOLOGICAL SOURCES, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS VIEWS, POLITICAL ACTIVITY

<i>Perevezentzev S. V.</i> The ideological origins of russian conservatism	11
<i>Minakov A. Yu.</i> Russian conservatives in search of “russian formula”	33
<i>Lupareva N. N.</i> “The forgotten patriot of 1812”: socio-political activity of Sergey Nikolaevich Glinka	42
<i>Kondakov Y. E.</i> Photios (P. N. Spassky): philosophical and religious views, socio-political and church activities	67
<i>Mescheriakova A. O.</i> Author of russian triad: S.S. Uvarov’s intellectual biography.....	132
<i>Udalov S. V.</i> “Orthodoxy, autocracy, nationality”: ideologeme of the reign of Nicolas I.....	144
<i>Teslya A. A.</i> Slavophilism in its development: the experience of reconstruction of it’s historical logic	160
<i>Kotov A. E.</i> “The remedy and the surrogate policy”: political journalism of M. N. Katkov and his followers	174
<i>Medovarov M. V.</i> Socio-political activity of A. A. Kireev and history of its studying.....	194
<i>Khatuntsev S. V.</i> Konstantin Leontyev: Russian publicist and thinker	215
<i>Prasolov M. A.</i> The philosophy of the individual against the “new barbarism»: metaphysical personalism of P. E. Astafiev	229
<i>Milevsky O. A. L. A.</i> Tikhomirov: political portrait on the background of his age.....	247

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CONSERVATISM ON THE EVE OF AND IN THE YEARS OF WORLD WAR I

<i>Kolmakov V. B. D. V.</i> Skrynchenko: the formation of an orthodox conservative	266
<i>Omeliyanchuk I. V.</i> Right-conservatives movement in the Russian Empire in 1901–1917	279

<i>Ivanov A. A., Repnikov A. V.</i> Right-wing russians in the World War I	308
<i>Stogov D. I.</i> The informal right political organizations in the tsarist Russia during the World War I.....	334
<i>Stukalov P. B.</i> P. I. Kovalevsky – a scientist, journalist, nationalist.....	345

CONSERVATISM IN MODERN IDEOLOGICAL AND POLITICAL SPACE

<i>Shirinyants A. A.</i> On the “phenomenology” of conservatism and besides.....	356
--	-----

PUBLICATIONS

<i>Ivanov A. A., Repnikov A. V.</i> “...Have the decisive conflict of the German world with the Russian world”: the forecasts and warnings Claudius Pashalova”	381
--	-----

REVIEWS

<i>Khatuntsev S. V.</i> Review of the book: Fetisenko O. L. <i>Geptastilista: Konstantin Leontyev, his interlocutors and pupils (ideas of the Russian conservatism in literary and art and publicistic practitioners of the second half XIX – the first quarter of the XX)</i> . – SPb. : Pushkin house, 2012. – 784 p.	399
<i>Medovarov M. V.</i> Review of the book: <i>Ivanov A. A. Right in the Russian parliament: from crisis to crash (1914–1917)</i> . – M. ; SPb. : Alliance-Arkheo, 2013. – 520 p.	406
Submission guidelines	415

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

У альманаха «Вопросы истории консерватизма» имеется достаточно содержательная предыстория, с основными вехами которой стоит познакомить его читателей. Изучение истории русского консерватизма в Воронежском государственном университете было положено профессором Л. М. Искрой, который выпустил в 1995 г. монографию «*Б. Н. Чичерин о политике, государстве и истории*»¹. В последующие 20 лет в ВГУ проблематику, связанную с изучением различных персоналий и течений в русском консерватизме, активно исследовали А. Ю. Минаков, С. В. Хатунцев, А. О. Мещерякова, Н. Н. Лупарева и др. Так, в 1995 г. вышел альманах «*Воронежская беседа*», в котором были опубликованы статьи и рецензии, посвященные русскому консерватизму и консерваторам, в частности Б. Н. Чичерину и П. Е. Астафьеву². В ряде воронежских изданий были напечатаны статьи и публикации, посвященные персоналиям русских консерваторов, жизнь и деятельность которых были в той или иной степени связаны с воронежским краем: М. Л. Магницкого, В. И. Аскоченского, А. Д. Градовского, А. С. Суворина и др.

В 2001 г. был издан сборник «*Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее*», вызвавший серьезный резонанс; рецензии на него появились почти во всех ведущих отечественных исторических журналах и некоторых западноевропейских славистских изданиях³.

В начале XXI в. в Воронеже состоялись научные конференции, посвященные консервативной проблематике: «*Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты*» (2002), «*Консерватизм в*

---

¹ Продолжением стала другая его монография (см.: *Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме* / науч. ред. М. Д. Карпачев. Воронеж, 1999).

² См. [рецензии на альманах]: *Редлих Р.* «Воронежская беседа» // *Посев*. 1996. № 3. С. 52–53; *Козырев А.* «Должны быть и разномыслия» // *Новая Европа*. 1996. № 11. С. 119–124.

³ См. [рецензии на: *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее* : сб. науч. трудов. Воронеж, 2001. Вып. 1. 264 с.] : *Р.[оман] Р.[омов]* [Рецензия] // *Свободная мысль*. 2001. № 9; *Вишленкова Е.* [Рецензия] // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 467–472; [Аннотация] // *Родина*. 2002. № 2. С. 31; *Христофоров И. А.* // *Отечественная история*. 2002. № 5. С. 200–202; *Полторац С. Н.* [Рецензия] // *Клио*. 2002. № 3 (18). С. 226; *Макушин А. В.* [Рецензия] // *Вопросы истории*. 2003. № 9. С. 163–166; *Nolte Hans-Heinrich* // *Zeitschrift fuer Weltgeschichte*. 2002. № 1. S. 164–165; *Hamburg G. M.* [Рецензия] // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62, № 1. P. 177–179.

России и мире: прошлое и настоящее». Материалы конференции были опубликованы в печати⁴.

В 2004 г. на историческом факультете были проведены конференции «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время» и «Актуальные вопросы истории общественного движения и общественной мысли в России в предреформенные и пореформенные эпохи».

В начале 2003 г. был создан сайт «Консерватизм в России и мире», который со временем превратился в одну из самых значительных электронных библиотек, посвященных русскому консерватизму. В 2012 г. его заменил новый сайт – «Российский консерватизм» (<http://conservatism.lib.vsu.ru/>).

В течение 2004–2005 гг. вышла серия из четырех сборников и коллективных монографий, в которых были опубликованы материалы прошедших в предшествующие годы конференций⁵. В 2005 г. вышла коллективная монография «Против течения», содержащая исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX в.⁶ В мае 2006 г. на заседании Ученого совета исторического факультета было принято *Положение о Центре по изучению консерватизма при историческом факультете ВГУ*.

В 2007 г. вышла книга С. В. Хатунцева об эволюции взглядов К. Н. Леонтьева, ставшая крупным событием в историографии «русского консерватора номер один»⁷. В этом же году вышла монография А. О. Мещеряковой о жизни и деятельности Ф. В. Ростопчина, получившая престижную *Макариевскую премию 2009 г.*⁸ В 2009 г. второй номер американского исторического реферативного журнала «*Russian studies in history*», выходящего в Нью-Йорке, был посвящен современной историографии русского консерватизма. В нем, помимо статьи А. Ю. Минакова⁹, были опубликованы работы, посвященные различным аспектам истории русского консерватизма, В. Л. Степанова, И. А. Христофорова, А. В. Репникова, И. В. Омелянчука, сотрудничавших с воронежской исследовательской группой.

⁴ См.: Процессы модернизации в России и Европе : социокультурные, политические и духовные аспекты : материалы Междунар. науч. конф. // Отечественная история. 2003. № 2 ; Исторические записки : науч. труды ист. фак. ВГУ. Воронеж, 2003. Вып. 9. С. 230–235.

⁵ См.: Российская империя : стратегии стабилизации и опыт обновления. Воронеж, 2004 ; Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж, 2004 ; Консерватизм в России и Западной Европе : сб. науч. работ. Воронеж, 2005 ; Сборник материалов научных конференций : «Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005.

⁶ См.: Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2005 ; Рецензии на монографию: Wayne Dowler (University of Toronto Scarborough, Canada) [Рецензия] // Slavic Review. 2007. Vol. 66, № 3. P. 557–558 ; Хатунцев С. В. [Рецензия] // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 166–168 ; Кузнецов О. В. [Рецензия] // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения : науч.-теорет. журнал. 2008. № 1 (13). С. 175–180.

⁷ См.: Хатунцев С. В. Константин Леонтьев : интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007.

⁸ См.: Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России / [науч. ред. А. Ю. Минаков]. Воронеж, 2007.

⁹ См.: Minakov A. Russian Conservatism in Contemporary Russian Historiography New Approaches and Research Trends // Russian Studies in History. 2009. Vol. 48, № 2. P. 8–29.

Этапной вехой в изучении русского консерватизма стал выход в 2010 г. «Энциклопедии русского консерватизма» (руководитель проекта – В. В. Шелохаев)¹⁰, представляющей и по сей день наиболее масштабное обобщающее издание по истории русского консерватизма. В редакционную коллегию энциклопедии вошли В. В. Шелохаев, А. В. Репников, А. А. Иванов и А. Ю. Минаков. Воронежская исследовательская группа приняла самое активное участие в создании этого уникального издания: из 260 статей энциклопедии примерно пятая часть написана воронежскими исследователями (М. Д. Карпачевым, Л. М. Искрой, А. Ю. Минаковым, В. Ю. Рыловым, Т. Е. Плященко, А. О. Мещеряковой, Н. Н. Лупаревой, В. Б. Колмаковым и др.).

В 2009–2010 гг. воронежский Центр по изучению консерватизма устанавливает интенсивные научные контакты с аналогичными центрами Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов. В частности, А. Ю. Минаков принимает участие в заседании Санкт-Петербургского консервативного клуба, на котором выступил с докладом «Особенности консервативной традиции в России»¹¹. В работе клуба участвовали Ю. Н. Солонин, А. Бенуа, А. Г. Дугин, С. Л. Фирсов и др. На сайте «Центра консервативных исследований» МГУ появилась страничка, посвященная мероприятиям и публикациям воронежского «Центра по изучению консерватизма»¹². В отличие от московского и петербургского центров, большинство членов которых – идеологи современного консерватизма, воронежский центр представлен преимущественно историками, исследователями русского консерватизма XIX – начала XX в.

В 2011 г. как итог многолетних исследований истории раннего русского консерватизма вышла монография А. Ю. Минакова о русском консерватизме первой четверти XIX в.¹³, за которую в 2012 г. автор получил премию Союза писателей России «Имперская культура». В это же время публикуются монография В. Б. Колмакова, посвященная жизни и деятельности Д. В. Скрынченко, «С Россией в сердце»¹⁴ и книга Н. Н. Лупаревой «Отечестволюбец», посвященная С. Н. Глинке, получившая Бердяевскую премию 2015 г.¹⁵

В 2011 г. Центр по изучению консерватизма и группа немецких исследователей из Хемница (проф. Ф.-Л. Кроль, проф. А. Зёлльнер) организовали при финансовой поддержке германского Фонда имени Конрада Аденауэра, руководства ВГУ и «Агентства региональных социально-экономических проектов (Д. Н. Нечаев, Е. С. Селиванова) международную конференцию в Воронежском государственном университете «Консерватизм в России и Германии:

¹⁰ См.: Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.

¹¹ См.: Минаков А. Ю. Особенности русской консервативной традиции : уроки прошлого // Консерватизм : перспектива или альтернатива? : сб. науч. статей / под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2010. С. 274–290.

¹² URL: <http://konservatizm.org/regions/voronezh/list.shtml>

¹³ См.: Минаков А. Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж, 2011.

¹⁴ См.: Колмаков В. Б. С Россией в сердце : история жизни. Воронеж, 2012.

¹⁵ См.: Лупарева Н. Н. Отечестволюбец : общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки / науч. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2012.

опыт интернационального диалога». По итогам конференции был издан сборник на русском языке¹⁶. В 2011 г. началось сотрудничество ряда воронежских авторов с Институтом русской цивилизации (ИРЦ), возглавляемым О. А. Платоновым. В 2011 г. ИРЦ опубликовал избранные сочинения А. С. Шишкова; в 2013 г. – монографию А. Ю. Минакова «Русская партия» и сборники произведений Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина и М. Л. Магницкого, в создании которых приняли участие А. О. Мещерякова, С. В. Хатунцев, Н. Н. Лупарева¹⁷.

28 февраля 2014 г. в Москве состоялся круглый стол, посвященный современному консерватизму в России (организаторы – Администрация Президента, Исполком Общероссийского народного фронта). Основными докладчиками выступили О. Ю. Васильева, С. Ю. Глазьев, С. С. Говорухин, О. В. Морозов, Н. А. Нарочницкая, В. А. Никонов, Л. В. Поляков, М. В. Ремизов, К. Г. Шахназаров, о. Тихон (Шевкунов) и др. На круглом столе с докладом, посвященном роли гуманитарных дисциплин, в частности истории, в трансляции консервативных ценностей выступил руководитель Центра по изучению консерватизма А. Ю. Минаков¹⁸. Он же сделал программный доклад «История российского консерватизма» на семинаре «Актуальные вопросы региональной политики», организованном 3 декабря 2014 г. Администрацией Президента.

В течение 2014–2015 гг. А. Ю. Минаков и С. В. Хатунцев участвовали в проводимых Институтом социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) Бердяевских чтениях в Москве, Ялте, Калининграде и Владивостоке. В 2015 г. А. Ю. Минаков выступил в качестве редактора-составителя одного из номеров выпускаемого ИСЭПИ альманаха «Тетради по консерватизму»¹⁹.

Таким образом, деятельность воронежской исследовательской группы в течение полутора десятков лет смогла выйти на федеральный уровень, труды ее участников получили признание и известность как внутри России, так и далеко за ее пределами. Предлагаемый альманах «Вопросы истории консерватизма» является своего рода «наследником» сборников и коллективных монографий, выходивших с 2001 г. под эгидой воронежского Центра изучения консерватизма. Под его обложкой собраны статьи ведущих современных российских исследователей истории русского консерватизма.

¹⁶ См.: Консерватизм в России и Германии : материалы Междунар. науч. конф. (сентябрь 2011 г.) / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2012.

¹⁷ См.: Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству / предисл. А. Ю. Минакова. М., 2011 ; Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013. ; Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / сост., предисл. А. Ю. Минакова, прим., именной указ. С. В. Хатунцева и Н. Н. Лупаревой. М., 2013 ; Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце / сост., предисл., пер. с фр., прим. А. О. Мещеряковой. М., 2014 ; Магницкий М. Л. Православное просвещение / сост., предисл. А. Ю. Минакова, именной указ. Е. П. Гришиной, коммент. С. В. Хатунцева. М., 2014.

¹⁸ См.: Консерватизм – это блистательное интеллектуальное направление // Тетради по консерватизму : альманах Фонда ИСЭПИ. № 1: Базовые ценности консерватизма. История и современность : стенограмма семинара в штаб-квартире Общероссийского народного фронта (27–28 февраля 2014 г.). М., 2014. С. 105–111.

¹⁹ См.: Тетради по консерватизму : альманах фонда ИСЭПИ / ред.-сост. А. Ю. Минаков. 2015. № 4.

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА:
ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ, ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 94:329.11(47+57)

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

С. В. Перевезенцев

*Российский православный университет,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

Поступила в редакцию 25 апреля 2015 г.

Аннотация: рассматриваются специфика исторического развития российской цивилизации, а также специфика и основные темы русской духовно-политической мысли XI–XVII вв. Выдвигается и аргументируется тезис о том, что комплекс идей о месте, смысле и цели существования России, выработанный русской духовно-политической мыслью XI–XVII вв., нашел отражение и продолжение в различных отечественных религиозно-философских и духовно-политических учениях, в первую очередь в русской консервативной мысли XIX – начала XX в.

Ключевые слова: русский консерватизм, русская духовно-политическая мысль, российская цивилизация.

Abstract: the article discusses the specifics of the historical development of Russian civilization, as well as the specificity and the main themes of Russian spiritual and political thought of the XI–XVII centuries. Extends and sums up the thesis that complex of ideas about the place, meaning and purpose of Russia belonging to Russian spiritual and political thought of the XI–XVII centuries, reflected and continued in various Russian religious-philosophical, spiritual and political doctrines, and primarily in the Russian conservative thought of the XIX – beginning of XX centuries

Key words: russian conservatism, russian spiritual and political thought, the russian civilization.

Русский консерватизм как специфическое явление отечественной общественно-политической и религиозно-философской мысли XIX – начала XX в. базировался на неких идеях, которые возникли намного ранее, чем отечественная консервативная мысль. Немаловажную роль в формировании русского консерватизма сыграли некоторые историософские и духовно-политические учения XI–XVII вв., поскольку именно эти учения выполняли в сознании отечественных мыслителей и политических деятелей XIX–XX вв. роль национальной идейно-политической традиции, возвращение к которой было значимой частью в теоретических построениях и практических рекомендациях русских консерваторов. Тем более важно понять, какие именно *реальные*

идеи древнерусских мыслителей могли оказать влияние, пусть даже и опосредованное, на духовные и идейные поиски их далеких потомков.

* * *

Русская политическая мысль XI–XVII вв. обладала своеобразием и спецификой [1–7]. При этом русская политическая мысль XI–XVII вв., во-первых, была отражением и выражением специфики исторического и политического развития России; во-вторых, формировала определенные социальные и политические идеалы, которые в той или иной степени определяли содержание общественного сознания, более того, становились целью развития общества и государства. Поэтому процессы развития русской политической мысли в XI–XVII вв., ее специфику и особенности необходимо рассматривать в контексте специфики исторического развития России.

Россия по сравнению с западноевропейскими или собственно азиатскими странами и сегодня представляет собой «*другой мир*» (или, пользуясь популярным ныне термином, – *отдельную цивилизацию*). Некая «отдельность» России, ее непохожесть на иные страны не означает, что российская цивилизация лучше или хуже других стран и цивилизаций. Просто у каждого народа, у разных групп народов был свой исторический путь. В ходе этого исторического пути каждый народ отвечал на встававшие перед ним исторические вызовы, формируя тем самым собственное лицо, свои ценности, свою духовную и политическую культуру, свое социальное устройство, экономическую жизнь и т.д.

Можно выделить несколько исторических вызовов, которые оказывали длительное и существенное влияние на отечественную историю и, следовательно, на формирование своеобразных черт всей российской цивилизации.

Первый из них – *географические условия*, в которых проходило становление российской цивилизации и в которых она продолжает существовать сегодня. Географический фактор исторического развития играл особенную роль в древние времена, когда человек, уже научившись приспосабливаться к окружающей его природе, еще не умел изменять ее, переделывать под себя.

Особенность российской цивилизации состоит в том, что она складывалась на границе лесостепных и степных районов Восточной Европы. Соседство со степными просторами, где господствовали различные кочевые народы, определило тот факт, что на протяжении почти всей своей истории, начиная с X в. и кончая XVIII столетием, российские земли находились под угрозой разорения, а порой и завоевания кочевниками. Постоянная внешняя опасность, особенно значимая в годы ордынского ига (XIII–XV вв.), заметно повлияла на формирование экономических, политических, социальных и государственных основ российского общества.

Историческим вызовом были и те огромные пространства, которые пришлось осваивать нашим предкам. Уже в XI в. территория Древнерусского государства с центром в Киеве была самой большой в Европе. Позднее, когда

центр российской государственности сместился на северо-восток, в Москву, уже в XVI в. Российское царство снова оказалось крупнейшим европейским государством, а в дальнейшем территория России только увеличивалась.

Столь большие пространства, находившиеся в пределах российских границ, имели как положительное, так и отрицательное влияние на ход отечественной истории. К примеру, несомненным плюсом были просторы Севера и Сибири, освоение которых принесло России немалые выгоды. Однако огромная территория страны таила в себе и множество минусов, которые уравновешивали, а то и перевешивали все преимущества. В отличие от Западной Европы, где, образно говоря, людей было больше, чем земли, в России наоборот – земли было больше, чем людей. Заселение новых территорий могло происходить только за счет оттока населения из исторического центра России, где и так проживало немного народа (в XVI–XVII вв. плотность населения в России составляла 1–5 человек на 1 кв. км, в Европе – 10–30 человек). Расстояния между русскими городами были довольно большие – до 50–100 и более километров (в Западной Европе расстояния от одного города до другого составляли всего 15–20 км). Такое положение определяло и специфику возникающих экономических, социальных и политических отношений, так как управлять столь большой территорией, добиться исполнения на ней единых правил и законов было очень непросто и далеко не всегда удавалось. Кроме того, избыточность свободных, но неосвоенных земель порождало то, что в российском обществе господствовали экстенсивные способы решения социально-экономических проблем – за счет освоения новых территорий. Наконец, специфическим способом решались социальные проблемы: недовольные своим положением люди имели возможность бегства на свободные территории. К минусам стоит отнести и удаленность исторического центра страны от морей, а следовательно, от мировых торговых путей. Стоит напомнить, что наши предки на протяжении нескольких столетий вели борьбу за выход к морям, но в полной мере добились этого только в XVIII столетии.

Другим историческим вызовом были *природно-климатические условия*. Формирование Российского государства с центром в Москве проходило в период природного цикла, названного «малым оледенением Европы». С древнейших времен и на протяжении многих веков основой российского хозяйства было земледелие, а земледельцы – русские крестьяне – основной частью всего населения. В отличие от Западной Европы или от стран Востока земледелие в России всегда было рискованным и очень трудоемким занятием; высоких урожаев добиваться не удавалось: не позволяла суровая природа, когда длинные, холодные зимы лишь на короткий срок сменялись теплыми летними месяцами. Рабочий период для земледелия продолжался всего около 130 дней. Летом часто случались засухи или, наоборот, могли ударить заморозки. Каждые три-четыре года бывали неурожаи, и тогда в стране начинался голод. Кроме того, в распоряжении русских крестьян Московского государства были скудные, быстро истощавшиеся почвы (в XIV–XVI вв. «русские черноземы», просла-

вившиеся позднее своим плодородием, именовались «диким полем» и находились под контролем Орды). Поэтому на полях, засеянных рожью, обычно получали урожай, лишь в 2–3 раза превосходящий количество посеянного зерна. Испытывать недостаток хлеба наши предки перестали только во второй половине XVIII в., после ликвидации Крымского ханства и присоединения к России плодородных земель Новороссии, Кубани и Причерноморья.

По мнению историков, в силу природно-климатических условий Россия принадлежит к типу социумов с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта [8, 9]. В результате русский крестьянин нередко находился на грани выживания, а Российское государство силой изымало у крестьян прибавочный продукт на нужды армии и государственного аппарата.

Еще одним историческим вызовом было *геополитическое положение* России, которая находилась, да и находится до сих пор, на границах двух великих цивилизаций, образно называемых Востоком и Западом. Россия чутко воспринимала влияния и той и другой стороны. Но и сама влияла на развитие Запада и Востока: на протяжении своей многовековой истории Россия была одним из важнейших мостов между западной и восточной цивилизациями. В России столкнулись две разные культуры, два разных миропонимания. Столкнулись и своеобразно переплелись на основе уже собственно русской культуры. Кроме того, Россия была не только мостом, но и барьером, разделяющим Восток и Запад и предохраняющим их от губительного столкновения друг с другом.

Несомненным историческим вызовом была *многонациональность Российского государства*, которое изначально возникло и существовало в дальнейшем как государство не только русского народа, но и как государство, обеспечивающее развитие всем народам, жившим в пределах русских границ. Следовательно, на протяжении всей истории постоянно возникали различной глубины межэтнические конфликты, которые приходилось преодолевать.

Сталкиваясь с непростыми историческими вызовами, наши предки, естественно, искали свои ответы на них, тем самым формируя неповторимые, своеобразные черты отечественной истории, государственности, культуры, духовности, а в целом – своеобразные черты российской цивилизации. Выделим эти основные черты.

Во-первых, *политическое устройство России*. Огромная территория страны, слабость экономических связей между отдельными областями, социальные и национальные противоречия, существовавшие в русском обществе, наличие постоянной внешней опасности требовали сильной центральной власти, обладающей развитым аппаратом управления и принуждения. Поэтому в истории России всегда была велика роль государства как в политической и социально-экономической областях, так и в иных сферах общественной жизни: культуре, образовании, духовной сфере и др. Но наряду с сильной «вертикалью власти», на протяжении всего исто-

рического времени в России продолжали сохранять свое значение древние вечевые традиции земского самоуправления, которые были очень сильны и в городах, и в деревнях. Центральная власть в разные времена по-разному относилась к земскому самоуправлению, но в лучшие для страны годы умело использовала все преимущества народного самоуправления и включала их в общую политическую систему страны. Таким образом, одна из самых заметных особенностей политического устройства России состоит в постоянном и противоречивом взаимодействии центральной государственной власти с различными формами народного (земского) самоуправления.

Во-вторых, *социальное устройство*. Большая роль государства в отечественной истории формировала и своеобразие социального устройства страны, особенно в период Московского царства. Именно тогда, в конце XV – XVI в. складывается система служилых сословий, просуществовавшая в России до начала XX столетия и оказавшая значительное влияние на формирование национального общественно-политического сознания (идея служения – государю, государству, Отечеству, родной земле, народу – на протяжении многих веков оставалась ведущей для миллионов русских людей).

Многие особенности российской социально-политической жизни определяло крепостное право, основные компоненты которого постепенно сложились в конце XV – середине XVII в. К сожалению, крепостное право оказалось неизбежным явлением в России, ибо это была единственно возможная система насильственно-принудительного изъятия прибавочного продукта у населения для решения общегосударственных задач, охраны границ, содержания армии и господствующих сословий.

В-третьих, *национальное устройство*. Русский народ формировался на протяжении нескольких столетий на основе славянских племен, занимавших в древности огромную территорию Восточной Европы. По своим обычаям, хозяйственной жизни, духовному складу славяне отличались и от соседних с ними племен Западной Европы, и от народов Востока. Так, рано возникшая и просуществовавшая у славян до XX в. территориальная община (гораздо дольше по сравнению с Западом) определила восприимчивость славянских народов к внешнему влиянию. В то же время славяне, чисто внешне принимая «чужие» обычаи и порядки, внутренне сохраняли своеобразие и со временем перерабатывали всё чужеземное на свой лад, делая всё это славянским. В процессе формирования русского народа приняло участие большое количество различных, в том числе и неславянских, этнических групп, но славянский компонент всегда оставался главенствующим, цементирующим соединение, казалось, несоединимого.

Пестрым по этническому составу было и Московское государство, не говоря уже о Российской империи XVIII–XIX вв. Российские власти посте-

пенно выработали достаточно гибкую и эффективную национальную политику: привлечение на свою сторону местной знати, включение местной знати в состав общерусского правящего класса, стремление избегать вмешательства во внутреннюю жизнь национальных общин и национальных территорий.

Ведущую роль в развитии российской государственности играли русские (великороссы). Русский народ на протяжении веков нес на своих плечах основную тяжесть государственного строительства, созидания экономического и культурного богатства страны, причем не пользуясь в Российской империи никакими привилегиями – ни экономическими, ни законодательными, ни социальными, ни политическими. Скорее наоборот, именно русские во все времена использовались правителями России как основной материальный и человеческий ресурс для исполнения разнообразных государственных задач. Присущие русским черты национального характера – жертвенность, открытость, трудолюбие, терпимость и стойкость в борьбе с невзгодами – стали важным условием того, что русские сумели сплотить вокруг себя многие другие народы, жить с ними в дружбе и добрососедстве. Совместными усилиями народы России, объединившись вокруг русского народа, создали уникальное государственное образование – Российскую империю.

В-четвертых, *религиозное своеобразие России*. Отличие России от Запада и Востока выражалось и в том, что на Руси издревле, с X в., сложилась своеобразная форма христианства, впоследствии получившая название русского православия. Последнее возникло не в один момент, а складывалось постепенно, вырабатывая свои принципы в соответствии с духовными потребностями русского народа. С течением времени, особенно в период монголо-татарского нашествия, православие в народном сознании стало связываться с идеей национальной независимости, ибо оно олицетворяло собой борьбу с иноземными захватчиками, доказывало, что русский народ, сохранив свою религию, не канет в Лету, а сохранит себя и свою культуру. Закрепившись в виде одной из основных форм русского национального самосознания, в дальнейшем православие активно формировало своеобразные черты русской духовности, национального характера и, соответственно, русского понимания истории, философии, политических вопросов вплоть до сегодняшнего дня.

Но многонациональный состав Российского государства определил и существование на его территории совершенно различных религиозных конфессий. Это тоже порождало проблемы во внутренней жизни страны. Однако эти проблемы преодолевались, и в целом российским властям удалось выработать вполне эффективную модель сосуществования различных религий в едином государстве, с учетом признания господствующей роли одной государственной религии – православия.

* * *

Перечисленные исторические вызовы и специфические черты русской цивилизации в течение многих веков воздействовали на русское общество и формировали его уникальный образ жизни и тип мышления. И политическое сознание в средневековой Руси изначально обладало специфическим характером.

Прежде всего, на протяжении многих веков русское общество было *традиционным*. Это очень характерная черта – *приверженность традиции* – была присуща и самой власти, и большинству политических мыслителей того времени. Всякие новшества рассматривались прежде всего с точки зрения их соответствия традиции и только потом принимались, со временем становясь частью традиции.

Главным носителем традиции оставался народ, в первую очередь крестьянство, которое, как уже говорилось, и составляло основную часть народа. Здесь свою роль играла территориальная община, которая господствовала в русской деревне и позволяла сохраняться традициям на протяжении многих веков. Так, некоторые традиции обычного права, зафиксированные в конце XIX в., восходят своими корнями еще к XI в. Иначе говоря, некоторые нормы обычного права русских крестьян хранились на протяжении почти тысячи лет [10].

Именно народ оставался главным противником различных нововведений. К примеру, если проанализировать политические требования, выдвигаемые во время большинства народных восстаний и бунтов той поры, то главное из этих требований – возвращение к традиции. Восставшие ждали от власти не срочного перехода в «светлое будущее», а наоборот, не принимали тех или иных нововведений власти. Да и в других случаях крестьяне старались оставаться в рамках традиционной жизни, ибо всякие новшества воспринимали как неминуемое ухудшение условий существования (что, к сожалению, было часто).

В то же время главным нарушителем традиции, инициатором различных нововведений всегда выступала власть. Впрочем, важнейшей чертой всяких изменений было то, что власть сразу же объявляла новшества традицией и всячески их поддерживала именно как традиционные. Более того, всякие новшества, предлагаемые властью обществу, тоже вытекали из определенной традиции. К примеру, целью церковной реформы, проводившейся в XVII в., были не просто некие нововведения, а утверждение более «чистой», более «правильной» греческой традиции. Интересно и то, что Петр I, осуществлявший свои реформы как борьбу с древнерусскими традициями, в своей деятельности опирался именно на традицию – традицию самодержавной власти русского царя, получившего свою власть от Самого Бога.

Что служило признаком соответствия традиции? Основным принципом соответствия – «*жизнь по старине*» или, как говорится в Повести временных лет, «как деды и отцы наши жили» («по устройению дедню и отню») [11]. Этот принцип затрагивал все сферы жизни – политическое и социальное устройство, духовную, культурную, хозяйственную, бытовую жизнь общества. Если говорить о политической мысли Руси того времени, то нередко предметом размышлений русских политических мыслителей становилась проблема соответствия возможных нововведений уже существующей традиции, а сама обращенность «к старине» была важной чертой многих политических идей¹.

Впрочем, нельзя забывать о том, что и сама традиция не была внутренне едина. Во все времена в России существовали *различные традиции* – этнические, политические, духовные, хозяйственные, которые оказывали свое влияние на русскую политическую жизнь и одновременно соперничали между собой.

Так, на первых этапах становления Древнерусского государства, в IX–X вв., огромную роль играли этнополитические традиции – религиозные, социально-политические, хозяйственные – различных народов, находящихся под властью киевских князей. К примеру, у русов и славян были совершенно разные традиции социально-политического устройства, которые в первые века Древнерусского государства очень долго «притирались» друг к другу. Следовательно, во-первых, в этот период главенствующую роль играли этнополитические традиции, гораздо более важные, чем традиции экономической, хозяйственной жизни. Во-вторых, само Древнерусское государство складывалось в процессе борьбы и одновременно объединения этих традиций в *новую традицию*, которая стала играть важную роль в дальнейшем государственном развитии Древней Руси.

С принятием христианства в конце X в. большое значение в русской политической мысли получила христианская традиция, которая, с одной стороны, боролась с предшествующей языческой традицией, а с другой – также формировала новую традицию. Однако внутри самого христиан-

---

¹ Обращение к «старине» как к основному источнику норм социально-политического устройства Русской земли характерно для подавляющего большинства духовно-политических и юридических памятников XI–XVII вв., во многих из них присутствует прямая ссылка на «старину» («от прадед и дед наших», «по старине» и др.) (см., например: «Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г.», «Устав великого князя Всеволода о церковных судах и о людех, и о мерилах торговых», «Новгородская судная грамота 1471 г.», «Уставная грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда 1552 г.», «Стоглав» и др.). В одной из речей на Стоглавом соборе 1551 г. царь Иван IV Васильевич прямо говорил, что Судебник 1550 г. составлялся по принципу соответствия его норм «старине» — «исправити по старине» (см. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 267). В условиях кризисного состояния общества возрождение «старины» рассматривалось как социально-политический идеал (см.: «Слово о погибели Русской земли», «Приговор Второго ополчения 30 июня 1611 г.», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» и др.).

ства существовало несколько традиций понимания христианского вероучения, которые на протяжении многих веков тоже соперничали друг с другом.

Следовательно, сама русская политическая мысль не просто опиралась на традицию, но разные политические мыслители опирались на различные политические традиции, так или иначе существовавшие на Руси и имевшие своих сторонников. Иначе говоря, политические споры XI–XVII вв. – это не просто борьба «старого» и «нового», «хорошего» и «плохого», но и соперничество различных традиций за первенство в общественно-политическом сознании и в общественно-политической практике. Соответственно, сущность той или иной позиции того или иного русского политического мыслителя характеризовалась его принадлежностью к определенной традиции политической мысли.

Как уже говорилось, с принятием христианства важнейшей традицией в социально-политической мысли России стала христианская традиция, а именно православие. И это определило еще одну важнейшую особенность русской социально-политической мысли XI–XVII вв.: значимость социальных и политических идей в этот период определялась их духовным содержанием, тем, насколько они способствовали реализации в социально-политической практике православных идеалов. Поэтому можно говорить, что русская социально-политическая мысль в XI–XVII вв. развивалась в русле православной традиции и была прежде всего **духовно-политической**. Своеобразие *духовно-политической мысли* состоит в том, что она предлагает *политическими средствами* решать *духовные, религиозные* задачи. В этом случае политические предпочтения, учения и идеалы выстраиваются в зависимости от религиозных предпочтений, учений и идеалов, которые в свою очередь являются основополагающими для выстраивания собственно политической идеологии. Именно духовные, религиозные идеалы становятся критериями для оценки как конкретных политических деятелей, так и создаваемой ими политической системы общества. Политическая идеология и политическая практика направляются на то, чтобы социально-политическое состояние общества в максимально возможной степени соответствовало духовным, религиозным идеалам.

Еще одной особенностью можно считать то, что для средневековых русских духовно-политических мыслителей, как, впрочем, и для политических деятелей, типичным было *религиозно-мистическое мировосприятие*. Социально-политические идеи формировались в соответствии с общим религиозно-философским восприятием окружающего мира, а собственно политическая мысль практически не существовала в России как самостоятельное, оторванное от православия явление. Например, проблемы происхождения и сущности верховной власти рассматривались в соотношении

с идеей Божиего Промысла, а деловые и нравственные качества реального главы государства должны были соответствовать христианскому идеалу правителя. Не случайно многие политические идеи в XI–XVII вв. возникали и формировались прежде всего в монашеской среде, а уже потом становились предметом обсуждения среди светских людей, которые их и реализовывали в политической практике. Впрочем, и церковные деятели на протяжении XI–XVII вв. были крупнейшими политическими фигурами, а светские мыслители русского Средневековья, в свою очередь, оставались по своей сути православными мистиками.

Православное мировосприятие определяло и тот факт, что на Руси социально-политическая мысль основывалась не столько на рациональном, сколько на *интуитивном знании*. Рациональное знание интересовало отечественных мыслителей того времени в достаточно малой степени, поэтому древнерусские книжники не разрабатывали развернутые, многоуровневые философско-политические системы, но их политическое творчество выражалось чаще всего в символах. *Символическое мышление*, прежде всего *христианское символическое мышление*, в то время занимало доминирующее положение. При этом русские книжники основывались на Священном Писании и Священном Предании и мыслили в соответствующих символических формах. Более того, осмысление исторических событий, произошедших, происходящих или ожидаемых, самоосознание во всемирно-историческом процессе, осознание и тем самым создание своей государственности совершалось на Руси через христианские символы и в христианских символах.

Еще одна черта социально-политического творчества в XI–XVII вв. – отсутствие традиционных, например для Запада, объемных политических трактатов. Зато большинство социально-политических сочинений в Древней Руси создавалось *в форме литературно-художественных или публицистических произведений* – «слов», поучений, посланий, сказаний, притч, повестей и т.д. Подобная форма изложения позволяла древнерусским любомудрам сочетать глубину мысли с образностью и художественностью повествования.

* * *

Своеобразными были и некоторые «сквозные» темы русской политической мысли XI–XVII вв. Так, немаловажное значение для политического мышления средневековой Руси имела *тема идеала*. Свое видение политических задач, стоящих перед обществом, русские мыслители облекали в форму идеалов, неких представлений о том, как должен быть устроен мир, и как должен жить всякий человек. При этом идеалы воспринимались и формулировались прежде всего как *нравственные христианские идеалы*,

поскольку в качестве идеалов нельзя выбирать что-то конкретное, уже существующее в жизни – раз оно существует, следовательно, это уже не идеал, а реальность.

С христианской точки зрения все человеческие идеалы изначально задаются Богом, именно Божественное провидение формирует и руководит ходом человеческой истории. Следовательно, и познание идеала – это познание Божественного. В этом отношении важнейшей являлась *тема соответствия социально-политического устройства России православному духовному идеалу, а именно Божественному замыслу, представление о котором искали в священных христианских текстах*. Поэтому русская политическая мысль XI–XVII вв. была самым непосредственным образом связана с *богословием*, ибо все знание о мире в то время существовало только как Божественное откровение. Причем русские книжники уже с XI в. показали себя глубокими знатоками богословия.

Богословские размышления над сущностью политического устройства общества выводили отечественных мыслителей на *тему святости*. В идее святости выражен христианский идеал человеческого существования на земле. Смысл жизни верующего христианина заключается в том, чтобы, соблюдая веру, стать избранником Божиим и заслужить посмертное вечное спасение. Высшая степень избранности – признание святым после смерти.

История средневековой Руси наполнена многочисленными примерами святости. Нередко поначалу устанавливались различные *местно-чтимые* культы святых, которые признавались официальной Церковью намного позднее времени возникновения культа. Так, только в 1547–1549 гг. при митрополите Макарии Русская православная церковь официально установила праздники в честь более чем 40 святых, которых в различных регионах России начали почитать намного раньше. Большое значение придавалось и признанию *святости икон*, которые являли те или иные чудеса.

Для религиозного сознания вообще и для русского православного сознания в частности характерно и крайне важно состояние *уподобления*. Православный человек, устраивая свою повседневную жизнь, стремится подражать, уподобляться Христу, так как именно Спаситель явил миру истинный пример земного существования, оставил людям Новый Завет, в котором даровал необходимые правила земного человеческого бытия. Но жить по Христу и во Христе – задача невероятно сложная для простого человека, обремененного многообразными грехами. Поэтому люди, доказавшие своими земными деяниями приверженность Христовой вере, смогли уподобиться Спасителю, свершали подвиг во имя Христа, начинали, в свою очередь, служить примером для православного народа.

Со временем в русской духовно-политической мысли сложилось понимание, что идея уподобления Христу важна не только для отдельного человека, но и для всего государства, для всего народа. Так, в XVI в. возник идеал-образ Святой Руси как земного уподобления России Небесному Царству Христову. И если в идее святости мы находим идеал человеческого существования на земле, то в идеале-образе Святой Руси получили выражение основные смысловые и целевые установки земного бытия русского народа, Русского государства и Русской церкви. Поэтому можно с уверенностью сказать, что без темы святости нельзя понять всю глубину русской истории, русской жизни, русской духовно-политической мысли, ибо идея святости очень часто оказывала непосредственное влияние на формирование политических предпочтений (причем не только в период Средневековья, но и позднее).

Еще одним важным моментом, характерным для русской политической мысли XI–XVII вв., было осмысление конечных задач существующего политического устройства общества. В понимании тогдашних русских политических мыслителей всякая власть имеет свое *предназначение*. Это предназначение заключается в том, что власть служит Богу и явлена на Земле для исполнения Божественного промысла. Смысл земной власти определялся борьбой с антихристом и его слугами во имя вечного спасения. Поэтому одна из важнейших политических задач всякой власти – *сохранение истинной веры*. Вопросы, *как избежать греха и как спастись* (т.е. заслужить воскрешение и вечное спасение после смерти), занимали самое серьезное место в размышлениях русских политических мыслителей.

Споры об истинности веры достигали на Руси высочайшего духовного и интеллектуального накала, нередко переходя из теоретической области в сферу политики. Проблема сохранения истинной веры была важной, так как Русская держава в конце XV в. оказалась в окружении государств, народы которых придерживались иных вероисповеданий. Следовательно, сохранение чистоты собственной православной веры приобретало, помимо прочего, значение сохранения национальной и государственной независимости.

Для русской духовно-политической мысли важными были и некоторые другие темы, например *тема правды и справедливости* (конкретное социально-политическое состояние русского общества оценивалось в зависимости от того, насколько в социально-политической системе России воплощены христианские идеалы правды и справедливости), *тема «истинного правителя»* (по убеждению русских духовно-политических мыслителей XI–XVII вв., именно правитель государства (великий князь, позднее – царь) был обязан Богом вести народ и все русское общество к достижению православных идеалов, следовательно, вопрос об «истинности» правителя имел первостепенное значение).

* * *

Наконец, еще одна важнейшая тема, которая проходит через всю историю русской социально-политической мысли, – *тема России*². В этой теме выделяются три главных вопроса, которые задавали себе русские книжники тех времен. *Первый вопрос* – какое место в общечеловеческой истории занимает Россия? *Второй вопрос* – в чем смысл и цель существования России на земле? *Третий вопрос* – кто способен обеспечить достижение этой цели?

Отвечая на первый вопрос, древнерусские книжники поначалу пытались обосновать идею, что Русь занимает самое достойное место в чреде христианских народов. *Например, в XI в. эту идею необходимо было доказывать*. Уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.) мы встречаем идею *величия Руси*, правда, в начале ее развития. При этом идея величия Руси обосновывается по двум главным пунктам.

С одной стороны, Иларион доказывает, что Русь, приняв Святое крещение, встала в ряд великих христианских государств, и Христова благодать распространилась теперь и в русские пределы. Следовательно, Господь не презрел Русь, а спас ее, приведя к познанию истины. «И уже не идолослужителе зовемся, – пишет Иларион, – нъ христианин, не еще безнадежници, нъ уповающе въ жизнь вечную... И уже не жерьтвенна крове въкушающе, погыбаемъ, нъ Христовы пречистыя крове въкушающе, съпасаемся» [11, т. 1, с. 38]. Следовательно, приняв Русь под свое покровительство, Господь даровал ей и величие. И теперь это не «худая» и «неведомая» земля, но земля Русская, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [там же, с. 42, 44].

С другой стороны, митрополит Иларион всячески подчеркивает самостоятельный характер русской государственности, прославляя великих киевских князей, прежде всего Владимира (в крещении – Василий) и Ярослава Мудрого (в крещении – Георгий). Интересно, что Иларион прославляет также язычников Игоря и Святослава, заложивших будущее могущество Русского государства. Более того, в своем сочинении он именует русских князей титулом «каган», который в те времена приравнивался к титулу императора [там же, с. 26; 12].

Иначе говоря, богословские рассуждения митрополита Илариона о превосходстве Благодати над Законом являются основанием для серьезных историософских обобщений и выводов. Доказательства в пользу Благодати дают митрополиту Илариону возможность показать место и роль Руси в мировой истории, продемонстрировать величие его Родины, ибо Русь была освящена Благодатью, а не Законом. А воспевание достоинства

² В данном случае понятие «Россия» используется в несколько расширительном смысле, поскольку это понятие стало применяться лишь с конца XV в. До этого времени более употребительными были понятия «Русская земля», «Русь» и др.

и славы Русской земли и княживших в ней потомков Игоря Старого должны были подчеркнуть самостоятельность русской государственности.

В годы ордынского ига (1237–1480) впервые в полном своем виде формулируется *идея гибели Руси* и одновременно отыскиваются пути *спасения Руси*³. Позднее *идея возможной новой гибели Руси* будет постоянно присутствовать в рассуждениях отечественных любомудров и оказывать существенное влияние и на строй, и на специфику, и на направленность развития русской духовно-политической мысли. Во всяком случае с тех пор важное место в размышлениях русских книжников будут занимать поиски таких путей развития России, которые не могли бы привести к гибели Русской державы. При этом в расчетах всегда старались опираться на уже имеющийся исторический опыт. Только один этот фактор – *возможность новой гибели Руси* – во многом определил общий консервативный настрой русского духовно-политического мышления (хотя, естественно, и не только этот фактор).

В дальнейшем, особенно в XV–XVI вв., размышления о России и русском народе приводят отечественных мыслителей к созданию оригинальных духовно-политических учений. Причиной появления подобных теорий стало совпадение особо важных для истории России событий: в 1439 г. во Флоренции было подписано соглашение об объединении католической и православной церквей; в 1448 г. в ответ на Флорентийскую унию собор епископов в Москве провозгласил Русскую церковь автокефальной, т.е. независимой от константинопольского патриарха; в 1453 г. прекратила свое существование Византийская империя; в 1480 г. Русское государство окончательно избавилось от ордынского ига; в 1492 г. не состоялся ожидаемый всем христианским миром конец света.

Для русского духовно-политического сознания той поры такая быстрая последовательность, фактически совпадение этих событий, не могла быть случайной. Смысл виделся совершенно определенный – Сам Господь, покаравший за грехи Византийскую империю, но освободивший Русь и не допустивший погибели мира, избрал Московское государство для осуществления на земле неких Высших, Божественных предначертаний. Ведь Россия осталась единственным в мире государством, которое несло человечеству свет правой веры.

Именно поэтому с конца XV столетия в России начинается напряженнейшая духовная работа в поиске нового места Русского государства и русского народа в мировой истории. Результатом этого поиска стало появление ряда важнейших для русской истории духовно-политических идей, обозначивших некие «идеалы-образы», к которым должно стремиться Русское государство – «Москва – новый Царьград», «Москва – новый град

---

³ См., например, произведения XIII в.: «Слова» и «Поучения» Серапиона Владимирского, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.

Константина», «Третий Рим». Именно в этих учениях Москва начинает осознаваться как центр, ядро, средоточие не только России, но и всего мира, а сама Россия начинает приобретать черты некой особой цивилизации [13, 14].

Ведущими в русском духовно-политическом сознании конца XV – XVII в. становятся «идеалы-образы» с еще более глубокими аналогиями. Подчеркивая идею богоизбранности России, русские книжники начинают именовать ее «Новым Израилем», Москву – «Новым Иерусалимом» и «Новым Сионом», а русский народ иногда называть «истинными израильскими народами новообращенными»⁴.

Образы «Сиона», «Израиля», «Иерусалима» восходят к библейской традиции. Так, образ «Сиона», святой горы в Иерусалиме, в Библии трактуется как «вышний Иерусалим» (Евр. 12:22), как символ присутствия и благословения Божиего (Пс. 128:5; 132:13; Ис. 8:18; 24:23; Евр. 12:22; Откр. 14:1). «Новый Иерусалим», согласно Откровению Иоанна Богослова, – это святой город, «новый, сходящий от Бога с неба», символ чистоты и правды, «ибо сила Божия осветила его» и «спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою» (Откр. 21:2, 23–24). «Израилем» же в Библии называется избранный Господом народ.

Следовательно, появление подобных «идеалов-образов» показывает *новый уровень* в развитии отечественной духовно-политической мысли – *богоизбранность России признается уже свершившимся фактом*, а сама Россия должна была теперь исполнять историческую функцию «*Нового Израиля*» и быть единственным светочем правой веры во всем свете.

В середине XVII столетия идеалы-образы России как «Нового Израиля», а Москвы как «Нового Сиона» и «Нового Иерусалима» найдут свое завершение в деяниях патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Зримым воплощением образа «Нового Иерусалима» станет подмосковный Воскресенский монастырь на реке Истра, который, по указанию патриарха Никона, был точной копией храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Да и архитектурные начинания, предпринятые по строительству Москвы в XVII в., во многом были связаны с построением столицы России как центра вселенского православия. Иначе говоря, Москва превращалась не только в мистический, но и в географический и политический центр истинно-православной веры, в место, избранное Самим Господом для Своего присутствия и благословения [15]. Если вспомнить Откровение Иоанна

⁴ Подобные «идеалы-образы» по отношению к России используются с конца XV в. и далее в продолжении двух последующих столетий (см.: «Послание на Угру» архиепископа Вассиана Ростовского (1480 г.), сочинения А. М. Курбского (середина XVI в.), памятники Смутного времени («Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», «Словеса дней и царей, и святителей московских» Ивана Хворостинина, «Повесть о видении некоему мужу духовному» и др.).

Богослова, именно в «Новый Иерусалим» все «цари земные» должны принести «славу и честь свою».

Итак, к середине XVII в. идея России как особой цивилизации завоевала главное место в отечественном духовно-политическом сознании.

Ответ на *второй главный вопрос* – в чем смысл существования России на земле? – был также напрямую связан с утверждением и развитием православного мирозерцания и православной веры, с православной эсхатологией.

Если снова вспомнить митрополита Илариона, то именно в его «Слове о Законе и Благодати» мы встречаемся с первым на Руси православным ответом на этот вопрос. Разделяя всемирную историю на два периода – период Закона (Ветхого Завета) и период Благодати (Нового Завета), Иларион утверждает, что лишь Новый Завет («истина»), данный человечеству Иисусом Христом, является Благодатью, ибо Иисус своей смертью искупил все людские грехи, а посмертным воскрешением Он открыл всем народам путь к спасению. Следовательно, смысл существования России состоит в утверждении христианских истин и, тем самым, в обретении спасения. «Христианыхъ же спасение благо и щедро простираяся на все края земли... – пишет Иларион. – Хръстиани же истиною и благодатию не оправдаются, нъ спасаются» [11, т. 1, с. 30].

Своеобразное продолжение «линии Илариона» можно заметить в рассуждениях Климента Смолятича (XII в.). Так, в истории человеческого общества он выделяет *три состояния*, которые соответствуют этапам утверждения Божественной истины в людских сердцах – «Завет», «Закон» и «Благодать». «Завет» – это пророчество будущей Благодати, которое Господь даровал праотцу Аврааму, а в его лице и всем язычникам. «Закон» (*Ветхий Завет*) – это пророчество истины, данное Моисею для иудеев. «Благодать» (*Новый Завет*) – это и есть истина, дарующая вечное спасение уже всем людям [11, т. 4, с. 128].

Эти рассуждения позволяли и митрополиту Илариону, и Клименту Смолятичу утверждать, что Русь может надеяться на великое и прекрасное будущее именно потому, что приняла крещение. Ведь само принятие крещения, по мысли того же Илариона, как бы предопределяет и спасение Руси⁵. Подобные историософские представления стали основой позиции обоих мыслителей в решении церковно-политических вопросов: оба выступали за самостоятельность Русской православной церкви. Следовательно, уже в XI в. возникло убеждение, что самостоятельность Русской церкви и русской государственности есть важней-

---

⁵ Оптимистическое понимание христианской эсхатологии в учениях митрополита Илариона и Климента Смолятича было связано с тем, что на их представления существовало влияние оказала специфика раннего русского христианства, напрямую связанного с кирилло-мефодиевской традицией. Кстати, и позднее русское православие будет отличаться светлым отношением и к проблеме предопределенности, и к эсхатологическим вопросам [16].

шие условия в обретении смысла пребывания Руси на земле и в достижении *главной цели – спасения*.

Если митрополит Иларион и Климент Смолятич еще только отстаивали идею самостоятельности Русской церкви, то к XVI в. и обрядовая сторона, и содержание собственно Русского православия уже заметно отличались от греко-византийского обряда. Многие из своеобразных черт Русской православной церкви были закреплены в решениях Стоглавого Собора 1551 г. Интересно, что Максим Грек, воспитанный в византийской православной традиции и оказавшийся волею судеб в России в начале XVI в., очень удивлялся несоответствиями русского православия греческому. Он попытался осуществить некоторое реформирование русско-православного вероучения путем «исправления книг», но был наказан в том числе и за это русскими церковными и светскими властями. Прежде всего, Максим Грек не принял идею богоизбранности России [17, с. 135], а ведь именно эта идея и составляла главный смысл существования России, как его понимали древнерусские книжники в XVI в., что и было выражено в духовно-политических учениях того времени.

Дело в том, что *Россия воспринималась как единственное на Земле государство, которое хранит силы Истины, Добра и Красоты, иначе говоря, Божии силы*. Ведь даже жесткие споры и жестокая борьба внутри самой России чаще всего велись не просто за власть, а во имя идеи. И разные участники споров и борьбы ощущали себя защитниками правого, Божиего дела, а своих противников воспринимали как вероотступников. Вспомним хотя бы переписку царя Ивана IV Грозного и Андрея Курбского в XVI в. или споры никониан и старообрядцев в XVII столетии, когда каждый из участников спора обвинял другого именно в вероотступничестве и призывал вернуться ко Христу.

И это было не случайно. Только сохраняя свет правой веры, соблюдая Божии установления, Россия могла оставаться одним из немногих островков Божией правды, на котором собираются силы для Последней битвы. Иначе говоря, *Россия мыслилась как один из главных участников борьбы с Антихристом, этим олицетворением Мирового Зла*. Следовательно, обособление от «антихристового» мира, стремление к сохранению внутренней чистоты нужны были России для того, чтобы в решающий момент выступить на стороне Добра против Зла.

Если внимательно проанализировать историю Руси XI–XVII вв., то окажется, что на протяжении этого периода Россия как особая цивилизация готовилась только к одному, но самому важному деянию – к битве с Антихристом. Более того, русские православные люди стремились побороть Антихриста еще до его прихода на Землю, а если и не побороть, то максимально ослабить его воинство. В этом и состояло главное предназначение России, как оно понималось нашими предками. Причем созда-

тели духовно-политических «идеалов-образов» достаточно оптимистично смотрели в грозное будущее, ибо искренне верили в то, что если Россия исполнит свое предназначение, то воскреснет и спасется, обретя жизнь вечную⁶.

Поэтому и в древнерусской духовно-политической мысли, и в обыденном сознании людей столь большое место занимала тема святости. С этим же связано и появление еще в XIII в. легенды о граде Китеже. Ведь образ града Китежа приобрел в сознании древнерусских людей самое широкое значение, – он превратился в один из символов русской святости. В связи с этим в легенде утверждается, что град Китеж никогда не будет доступен людям гордым, корыстным, развратным, лживым. Более того, по причине извечной греховности человека град останется невидим до конца земной истории: «И не видим будет Большой Китеж даже и до пришествия Христова» [11, т. 5, с. 176]. Тем не менее град Китеж открывает свои врата, но лишь для праведников, гонимых злым миром и собравшимся в одном месте в ожидании второго пришествия Христа. Согласно легенде, на земле есть множество подобного рода «сокровенных обителей»: «И сокровенныя обители не едина, но много монастырей, и въ тех монастырех много множество бысть святых отец, яко звезд небесных просияв житием своим» [там же]. Теперь и на Руси появилось такое «сокровенное» место, в котором Русь копит силы для битвы с Антихристом. А вершиной древнерусского духовно-политического творчества стал идеал «Святой Руси».

Третий вопрос, который волновал древнерусских мыслителей, – кто способен обеспечить достижение Россией поставленных перед ней задач? Кто способен взять на себя Божественную миссию спасения мира? В принципе, в Древней Руси были только две такие силы, – церковь и светская власть.

Споры о том, кто из них главнее велись уже в XI в. Так, митрополит Иларион и Климент Смолятич признавали верховенство светской власти. А Феодосий Печерский, наоборот, утверждал приоритет власти духовной [12, с. 153–154]. Продолжались эти дискуссии и в Московском государстве, история которого наполнена конфликтами между церковью и великими князьями. Однако исторические и политические реалии были таковы, что церковь, будучи союзницей и духовной наставницей светской власти, тем не менее, всегда оставалась в подчиненном положении. Более того, светская власть выступала и в качестве высшего судьи, когда религиозные споры заходили в тупик.

---

⁶ У С.Н. Булгакова есть определение, которое можно использовать в данном случае – «светлый образ эсхатологии» [18, с. 375, 385]. Н. В. Сеницына считает, что это понятие вполне применимо, например, к историсофским и эсхатологическим идеям старца Филофея [14, с. 248–252].

В итоге к началу XVI в. в древнерусской религиозной мысли и в общественно-политическом мнении постепенно возобладало убеждение – светская власть, а именно великий князь Московский, способен взять на себя исполнение божественных предначертаний. О том, что московский государь начинает восприниматься на Руси в качестве монарха, способного повести народ русский ко всемирному величию и тем самым спасти остальной, духовно «изрушившийся» мир, говорят многие исторические факты. К примеру, явно нарастает стремление установить в эти годы на Московской Руси царский титул, а происхождение московской династии пытаются углубить на максимально возможный период, что проявилось в создании целого цикла произведений, объединяемых названием «Сказание о князьях Владимирских». Тем самым обосновывались претензии московских государей не только на то, чтобы стать ровнями крупнейшим европейским монархам, но и на то, чтобы перехватить у католического Запада инициативу в борьбе с «антихристовыми» силами.

Не случайно, по свидетельству С. Герберштейна, уже в годы правления Василия III подданные великого князя считали: «...Воля государя есть воля Божия и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией». А самого государя величали «ключником и постельничим Божиим» и вообще верили, что он – «свершитель Божественной воли» [19, с. 74]. Послания Филофея также показывают, что псковский старец пророчил Василию, не обладавшему даже земным царским титулом, роль вселенского православного царя. Даже Максим Грек, искренне не принимавший русскую веру в собственную богоизбранность, тем не менее призывал Василия III к освобождению занятого турками Константинополя, а его сыну, Ивану Грозному, пророчил участь величайших императоров прошлого – Александра Македонского и Августа [20].

И хотя ни Иван III, ни Василий III не решились официально принять царский титул, это не означало смены общественных настроений. Более того, в начале XVI в. русское общество жило в ожидании восшествия на московский престол государя, который наконец-то возложит на себя Высшую обязанность в полной мере и будет соответствовать Божественным предначертаниям.

Об ожидании исполнения Русью Божественного замысла свидетельствует и рождение в XVI в. нового архитектурного стиля – шатрового. По мнению историков архитектуры, создание храмов шатровой формы является символом тоски по внутреннему подъему, символом стремления ввысь гордой души. Устремленные в небо храмы – это признание Русью себя наследницей первого храма Гроба Господня, уверенность, что, идя по дороге созидания Третьего Рима, Москва станет «Новым Иерусалимом» [21, с. 142–143].

Здесь уместно несколько отвлечься от собственно российских сюжетов и вспомнить о главном источнике всех размышлений той поры – о Священном Писании. Именно в Библии и мыслители, и правители, и простые люди черпали основные знания о мире, об истории, о человеке. Естественно, что именно в Библии искали ответы на вопрос о личности и качествах, о правах и обязанностях царя.

Повествование о том, как появились в земной истории человечества цари, приводится в 1-й книге Царств. Библия рассказывает, что древние иудеи долгое время жили под непосредственной властью Господа – в Боговласти, или теократии. По Божией воле людьми управляли судьи, которые передавали людям божественные указания. Но в какой-то момент люди оказались недовольны судьями. И тогда древние иудеи потребовали у судьи Самуила, чтобы тот испросил у Бога царя. Самуил долго молился. В ответ на молитву Господь ответил Самуилу: «Ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; ... представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними» (1 кн. Цар. 8: 7–9). Бог устанавливает и права царя: царь владеет всем в своем царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьей; жители царства – рабы царя (1 кн. Цар. 8:10–17). Устанавливает Господь и царские обязанности: царь – защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 кн. Цар. 9:15); хранитель истинной веры (3 кн. Цар. 11:38). Кроме того, Господь говорит Самуилу: «И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (1 кн. Цар. 10: 18).

Таким образом, идеальным общественным устройством, по Библии, может считаться теократия. Отказ людей от Боговласти означает, что люди впали в грех и отказались от непосредственной власти Бога. Древние иудеи сами признают этот грех, говоря Самуилу: «Ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя» (1 кн. Цар. 12:19). Так возникает монархия. При этом царем может быть только тот человек, на которого укажет Господь, главным источником власти царя является Божия воля, сама власть монарха должна рассматриваться подданными как богоданная, а подданные – это рабы царя.

Если сопоставить духовно-политические реалии России конца XV – первой половины XVI в. с библейскими заветами, то окажется, что библейские правила устройства монархической власти русские жители пытались почти дословно воспроизвести в собственной политической действительности. К примеру, известно, что именно великого князя Ивана III некоторые его современники уже титуловали царем. И, как установили историки, именно в правление Ивана III его подданные начинают именовать себя «рабами» своего государя. Следовательно, библейские установления были для наших предков прямым руководством к действию.

Окончательно признание того, что именно русский царь должен устроить вверенное ему Господом Русское государство как «Святую Русь», как «Новый Израиль» и в дальнейшем обеспечить движение «новоизбранного Израиля» из мира земного («Нового Иерусалима») в мир горний («Небесный Иерусалим»), утвердилось в середине XVI в. при государе Иване IV Васильевиче Грозном. Именно Иван IV Васильевич первым в истории России осознал себя богоизбранным государем, обязанным спасти мир. И все его деяния были освящены именно этой глобальной идеей⁷.

* * *

Итак, историософские построения древнерусских книжников достигли своего пика развития на рубеже XVI–XVII вв., приняв вид вполне определенных духовно-политических идей, которые формировали целевые установки существования России⁸. *Первое*: Россия – это особая цивилизация, богоизбранное государство, единственное на земле, хранящее правую веру. *Второе*: смысл существования России заключается в сохранении истинной веры, для того чтобы в решающий час вступить в битву с антихристом и тем самым заслужить спасение и жизнь вечную. *Третье*: силой, способной повести Россию и к земному величию, и к посмертному спасению, стала считаться светская власть (а именно государь), которая в союзе с церковью способна взять на себя исполнение божественных предначертаний.

Полагаем, именно этот комплекс идей о месте, смысле и цели существования России, выработанный древнерусской историософией, нашел позднее то или иное отражение (и продолжение) в различных отечественных религиозно-философских и духовно-политических учениях, в первую очередь в русской консервативной мысли XIX – начала XX в.

⁷ Эта идея нашла свое отражение и выражение в большом числе русских письменных памятников, а также в иконописи и архитектуре. Наиболее яркие из них — «Сказание о князьях Владимирских», «Степенная книга царского родословия», Великие Минеи Четьи, Лицевой летописный свод, Никоновская летопись, икона «Благословенно воинство Небесного Царя», фресковые росписи храмов Московского Кремля и др.

⁸ Следует помнить, что при Алексее Михайловиче происходит и смещение в оценке места России во всемирной истории. В понимании царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и других «придворных боголюбцев», Россия как «Новый Иерусалим», как центр вселенского православия должна была стать примером абсолютного православного благочестия. Только в этом случае можно было говорить об объединении всех православных церквей под покровительством России. В будущем подразумевалось и государственное соединение православного Востока с Россией – путем отвоевания Константинополя у турок. Поэтому был взят совершенно новый для России духовно-политический курс – отказ от уже традиционного религиозно-политического изоляционизма России и сближение русского православия с греческим. Такая унификация русской церковной жизни с греческой была осуществлена в 1653–1667 гг. в ходе церковной реформы. В результате реформы Россия постепенно начала двигаться на сближение не только с Востоком, но и с Западом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перевезенцев С. В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. : основные идеи и тенденции развития / С. В. Перевезенцев. – М., 1999.
2. Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Ч. 1 : История политических учений России X–XVII вв. : от Киевской Руси до Московского царства / авт.-сост. С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц, Д. В. Ермашов. – М., 2005.
3. *Перевезенцев С. В.* «Слово о погибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси / С. В. Перевезенцев // Вестник Моск. ун-та. Серия 12, Политические науки. – 2006. – № 2. – С. 39–45.
4. *Перевезенцев С. В.* Духовно-политическая концепция царя Ивана IV Васильевича Грозного / С. В. Перевезенцев // Там же. – № 4. – С. 88–97.
5. *Перевезенцев С. В.* К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. / С. В. Перевезенцев // Там же. – 2008. – № 4. – С. 11–22.
6. *Перевезенцев С. В.* «Умное делание» преподобного Нила Сорского / С. В. Перевезенцев // Там же. – 2011. – № 4. – С. 63–72.
7. Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. : хрестоматия / сост. С. В. Перевезенцев ; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. – М., 2011.
8. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности исторического процесса / Л. В. Милов. – М., 1998.
9. История России с древнейших времен и до конца XVII в. / под ред. Л. В. Милова. – М., 2006.
10. *Курашов А. В.* Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX – начала XX в. : по материалам центральных губерний : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Курашов. – М., 2003.
11. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т. 1 : XI–XII века. – С. 170 (далее – страницы указаны в тексте).
12. *Златоструй.* Древняя Русь. XI–XIII вв. / Златоструй. – М., 1990.
13. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханова. – СПб., 1995.
14. *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н. В. Синицына. – М., 1998.
15. *Кудрявцев М. П.* Москва – Третий Рим. Историко-градостроительное исследование / М. П. Кудрявцев. – М., 1994.
16. *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна / А. Г. Кузьмин. – М., 1988.
17. *Громов М. Н.* Максим Грек / М. Н. Громов. – М., 1983.
18. *Булгаков С. Н.* Православие. Очерки учения Православной церкви / С. Н. Булгаков. – М., 1991.
19. *Герберштейн С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. – М., 1988.
20. *Ржига В. Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист / В. Ф. Ржига // ТОДРЛ. – Л., 1934. – Т. 1. – С. 89.
21. *Вагнер Г. К.* Искусство Древней Руси / Г. К. Вагнер. – М., 1993.

*Российский православный университет
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Перевезенцев С. В., доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Историческое образование»

E-mail: serp1380@yandex.ru

*Russian Orthodox University,
Moscow State University named after
M. V. Lomonosov*

Perevezentsev S. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Historical-philological Faculty, Chief Editor of the Journal «Historical education»

E-mail: serp1380@yandex.ru

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ В ПОИСКАХ «РУССКОЙ ФОРМУЛЫ»

А. Ю. Минаков

*Воронежский государственный университет,
Воронежская Православная духовная семинария*

Поступила в редакцию 11 мая 2015 г.

Аннотация: *исследуется процесс вызревания в русской консервативной мысли начала XIX в. «русской формулы», являющейся кратким выражением русской национальной идеи: православие, самодержавие, народность. Ее создателями до С. С. Уварова были А. С. Шишков, Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, Ф. В. Ростопчин, М. Л. Магницкий.*

Ключевые слова: *консерватизм, русский консерватизм начала XIX в., русская национальная идея, православие, самодержавие, народность.*

Abstract: *the article analyses the process of aging in the Russian conservative thought of the beginning of the XIX century «russian formula», which is a concise expression of the russian national idea: orthodoxy, autocracy, nationality. Its creators before S. S. Uvarov were A. S. Shishkov, N. M. Karamzin, S. N. Glinka, F. W. Rostopchin, M. L. Magnitsky.*

Key words: *conservatism, russian conservatism of the beginning of the XIX century, the russian national idea, orthodoxy, autocracy, nationality.*

Государственная идеология, базирующаяся на ценностях православия и патриотизма, получила окончательное оформление стараниями министра просвещения графа С. С. Уварова в начале 30-х гг. XIX в. в царствование Николая I. В настоящее время хорошо известны немецкие источники, которые могли повлиять на появление знаменитой формулы «православие – самодержавие – народность» [1, 2], однако до сих пор недостаточное внимание уделяется русским идейным предтечам Уварова, которые не только сформулировали основные элементы указанной формулы уже в царствование Александра I, но и создали в первой четверти XIX в. целостную идеологическую доктрину русского консерватизма. Причем, с нашей точки зрения, их деятельность и взгляды были несопоставимо более значимыми для процесса становления и развития официальной идеологии Российской империи, чем влияние немецких романтиков на взгляды будущего министра народного просвещения.

В Российской империи консерватизм в период своего возникновения в самом общем виде представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX в.

стали реформы Петра I, либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства, проекты преобразований, связанные с именем М. М. Сперанского, галломания русского дворянства, наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир 1807 г., Отечественная война 1812 г., а также послевоенная политика создания экуменического евангельского государства, приведшая к понижению статуса православной церкви как государственной. Эти явления и события воспринимались русскими консерваторами как угроза, ведущая к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии вообще, языка, патриархального быта, национальных традиций, сословных перегородок и др. Угрозы и вызовы существующему порядку неоднократно были и раньше. Однако они не подрывали основополагающие принципы монархической власти, религии, культурно-языковой идентичности. К концу XVIII в. ситуация резко изменилась. Процессы вестернизации, разрушающие основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Соответственно беспрецедентность вызова породила ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности.

Пожалуй, первым, кто начал всерьез разрабатывать основы новой государственной идеологии, долженствующей прийти на смену космополитическому «просвещенному абсолютизму», был Александр Семенович Шишков (1754–1816), государственный и общественный деятель, адмирал, поэт и филолог, сыгравший важную роль в становлении русского литературного языка [3, 4, 5]. В начале XIX в. он воспринимался современниками прежде всего как лидер «русской партии», выступившей против галломании – повального увлечения русского образованного общества французским языком, идеологией и культурно-поведенческими моделями. Галломания, с точки зрения консерваторов, вела не просто к забвению русского языка, но и игнорированию собственной культурно-религиозной традиции, атеизму, распаду семейных связей, нравственному разложению русской дворянской молодежи. Она представлялась консерваторам тем идейным злом, в котором оказались сфокусированы все угрозы, которые несла с собой Французская революция и наполеоновская агрессия.

В описании Шишкова галломания выглядела как тяжкая духовная болезнь, поразившая русское общество. Французы учили русских всему: «как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по-французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Русскую песню» [6, с. 252]. Всё это, по мнению Шишкова, чрезвычайно опасно для самой будущности Русского государства и народа, поскольку «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством» [6, с. 6].

Подобное положение, по Шишкову, было совершенно недопустимо, ибо означало, по его мнению, что французы, по сути, «запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостью, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честью возить их!» [6, с. 252–253]. В итоге, заявлял Шишков, возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ унижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением» [6, с. 225–226].

Процессы всеобщей нравственной деградации, «растления», «заразы», предшествующие революции, по Шишкову, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Всё это однозначно расценивалось им как своеобразная подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые «вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю» [6, с. 3]. А это вело к разрушению нравственных устоев общества, ибо Шишков «не отделял литературы от общественной нравственности, поставляя порчу первой в причинной связи с искажениями последней» [7, с. 1]. Любопытно отметить известный параллелизм взглядов на язык Шишкова и его европейского единомышленника Ж. де Местра, который писал: «...всякое вырождение отдельного человека или целого народа тотчас же дает о себе знать строго пропорциональной деградацией языка» [8, с. 58].

Неприятие Шишковым французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить просвещенческому проекту собственную, национальную, русско-православную традицию, ядром которой являлся язык. При этом язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. «Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел. Возвышается народ, возвышается язык; благоденствен народ, благоденствен язык... Где нет в сердцах веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъявляет чувств отечественных. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствует один только разврат и ложь. Одним словом, язык есть мерило ума, души и свойств народных» [9, с. 183]. Язык, помимо прочего, имеет важную государствообразующую функцию: «соединяет всех самыми крепкими узами ... самые разделенные и отторженные одна от другой области, имеющие один язык, сохраняют в себе некое тайное единодушие, которого ни рука власти, ни рука времени, разрушить не могут» [9, с. 185–186]. Как справедливо отмечал М. Г. Альтшуллер, «понятие языка у

Шишкова очень широко и в его рассуждениях практически приравнивается к культуре народа в целом» [10, с. 145].

С точки зрения Шишкова, несмотря на известное «повреждение нравов», в России еще сохранялись остатки мощной культурно-религиозной традиции, которые можно и нужно было использовать: «Мы оставались еще, до времен Ломоносова и современников его, при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божиим, при умствованиях о христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды, после толикого пролития крови, и поныне еще во Франции гнездятся» [6, с. 423].

Недопустимость подражательства западноевропейским образцам и отказа от собственных традиций, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые, например в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах) изучения русского языка во всех его ипостасях (любопытно, что Шишков, при всей своей приверженности «высокому стилю» церковно-славянского языка, одним из первых начал собирать народные песни, видя в них потенциальный источник для литературного языка), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии, борьба с галломанией и космополитизмом – таковы были основные положения культурно-политической программы Шишкова.

В наикратчайшем виде она вылились в лозунг, сформулированный Шишковым в его программной речи «Рассуждение о любви к Отечеству» (1811 г.): «вера, воспитание и язык (курсив Шишкова. – А. М.) суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию» [11, с. 227]. Итак, «вера, воспитание и язык» – такова была первая редакция «русской формулы» в исполнении А. С. Шишкова. На этих принципах он и стремился выстроить деятельность возглавляемого им в 1824–1828 гг. Министерства народного просвещения. Именно Шишков на практике первоначально задал народному просвещению тот национальный вектор (приоритетное значение православия, русской истории, русской культуры и русского языка), который получил дальнейшее развитие при С. С. Уварове.

Следующая попытка создать «русскую формулу» принадлежит С. Н. Глинке (1776–1847), издателю «Русского вестника», ежемесячного журнала национально-консервативного «русского направления», идеологически близкого к позициям А. С. Шишкова (о С. Н. Глинке см. [12]). Главным объектом критики, как и в публицистике Шишкова, в «Русском вестнике» была галломания. Результатом галломании, согласно Глинке, было то, что в государстве «возникло общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную» [13, с. 37–38]. Главным средством от галломании, порождавшей «испорчен-

ность» нравов, Глинка считал добродетели, которые были свойственны предкам в идеализируемую Глинкой допетровскую эпоху. Избавить от галломании должно было изучение русской истории по особой программе «русского воспитания». Обучение дворянских детей на основе обращения к «старине» – мифологизированной в героическом стиле русской истории, должны были осуществляться в патриотическом духе только русские учителя. В концентрированном виде программа русского воспитания формулировалась Глинкой следующим образом: «Бог. Вера. Отечество» (1811 г.) [12, с. 139]. Таков был второй по счету вариант «русской формулы», вышедшей из консервативного лагеря.

Несмотря на особое подчеркивание роли православия как основополагающей для русского самосознания ценности, главной идеей, выдвинутой и отстаиваемой русскими консерваторами той поры, была идея *самодержавия*. Наиболее полно взгляды русских консерваторов на его сущность и природу изложил Н. М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» (1811 г.). Наряду с обзором русской истории и критикой государственной политики Александра I, в «Записке» содержалась цельная, оригинальная и весьма сложная по своему теоретическому содержанию концепция самодержавия как особого, самобытно-русского типа власти, тесно связанной с православием и православной церковью.

С точки зрения Карамзина, самодержавие представляет собой «умную политическую систему» [14, с. 382], прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система была «великим творением князей московских» [там же], начиная с Ивана Калиты, причем в основных своих элементах слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку не была продуктом личной власти, а довольно сложной конструкцией, опирающейся на определенные традиции и государственные и общественные институты. Система эта возникла в результате синтеза автохтонной политической традиции «единовластия», восходящей к Киевской Руси, и некоторых традиций татаро-монгольской ханской власти. Большую роль сыграло также сознательное подражание политическим идеалам Византийской империи [там же].

Возникшее в условиях тяжелейшей борьбы с татаро-монгольским игом самодержавие было безоговорочно принято русским народом, поскольку не только ликвидировало иноземную власть, но и внутренние междоусобицы. «Рабство политическое» не казалось в этих условиях чрезмерной платой за национальную безопасность и единство.

Концепция естественного права в записке Карамзина не просматривается. Выражение воли народа явно не предусматривается в этой системе власти, оно скорее было даже опасно для государства: «Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителя» [14, с. 384].

Вся система государственных и общественных институтов была, по Карамзину, «излиянием монаршей власти» [14, с. 383], монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху донизу. При этом самодержавная власть была предпочтительнее власти «многоглавой гидры аристократии» [14, с. 385]. Аристократия, приобретающая самодовлеющее значение, могла стать опасной для государственности, например, в удельный период или в период Смуты XVII в. [14, с. 383, 391]. Самодержавие «встраивало» аристократию в систему государственной иерархии, жестко подчиняло ее интересам монархической государственности.

Самодержавная система политической власти, по Карамзину, зиждилась также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что он обозначал как «древние навыки» и, шире, «дух народный», «привязанность к нашему особенному» [14, с. 388]. Карамзин категорически отказывался отождествлять «истинное самодержавие» с деспотизмом, тиранией и произволом. Он считал, что подобные отклонения от норм самодержавия были обусловлены делом случая (Иван Грозный, Павел I) и быстро ликвидировались инерцией традиции «мудрого» и «добродетельного» монархического правления: «государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует благодетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти; чем страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда!» [14, с. 398]. Только добродетель может оправдать самодержавную власть. Эта традиция была столь мощной и эффективной, что даже в случаях резкого ослабления или даже полного отсутствия верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты) приводила в течение короткого исторического срока к восстановлению самодержавия [там же]. В силу всего перечисленного выше самодержавие явилось «палладиумом России» [14, с. 431], залогом ее могущества и процветания. Самодержавная монархия зиждилась на союзе монарха с дворянством и духовенством. «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих» [14, с. 433–434]. Ограничение самодержавной власти было губительно: «можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти?» [14, с. 397]. Карамзин категорически заявлял о неприемлемости конституционного правления: «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти ничто, – писал он. – Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава она гибла и должна по-

гибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?» [14, с. 397–398].

С точки зрения Карамзина, основные принципы монархического правления должны были сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его максимальному усилению. При таком понимании самодержавия всякая попытка его ограничения являлась бы преступлением перед русской историей и русским народом. Карамзин не оставил в своем публицистическом наследии кратких определений, подобных тем, которые оставили до него Шишков и Глинка, однако следует помнить, что его концепция самодержавия оказала огромное влияние на С. С. Уварова, которого в идейном плане можно рассматривать как прямого наследника Карамзина.

В ослепительном огне 1812 г. родилось несколько формулировок «русского мировоззрения», вышедших из-под пера еще одного лидера «русской партии» Ф. В. Ростопчина (1743–1826), в те годы генерал-губернатора Москвы, фактически наделенного диктаторскими полномочиями в 1812–1814 гг. Ростопчин был скорее практиком, чем теоретиком, но при этом обладал незаурядным публицистическим талантом. Он приобрел всероссийскую известность еще в 1807 г. благодаря публикации блестящего памфлета «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева». Это был своего рода манифест складывающегося русского консервативного национализма, направленный против галломании: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси» [15, с. 148]. Французы, точнее отбросы французского общества, обвинялись Ростопчиным в деградации России, в том, что своим влиянием они разрушили почитание Бога, царя, отечества, внушили презрение к русскому языку.

В своих знаменитых пропагандистских «афишах», обращенных к населению Москвы в период наполеоновского нашествия, Ростопчин следующим образом формулировал национальную идею: «А все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные!» [16, с. 158]. В ряде афиш, адресованных исключительно крестьянам, которых русские правые рассматривали как хранителей народного духа и традиций, Ростопчин призвал их встать на защиту «храма Божьего, Престола Государева и родного царства Русаго» [16, с. 160]. Это ли не почти готовая «уваровская» формула?

В наиболее концентрированной и отчетливой степени взгляды на такие составляющие консервативной идеологии, как православие и самодержавие, были развиты М. Л. Магницким (1778–1844), потомком создателя первого учебника «Арифметики», одним из ярких представителей русского консерватизма в первой четверти XIX в. В 1823 г. Магницкий отправил Алек-

сандру I «Записку о народном воспитании», в которой предлагал царю проект создания целостной системы «народного воспитания», призванной заменить созданную во всем мире, в том числе и в России, «антихристианскими силами» систему народного воспитания, являющуюся плодом реализации «правильного, обширного и давно втайне укоренившегося плана и заговора» (он имел в виду прежде всего масонство). В качестве «основного начала» народного воспитания Магницкий называл православие. При этом он обращал внимание не только на нравственно-политическую функцию православия как учения, нравственно оправдывающего царскую власть, но и его мистическую сторону. Только в России, утверждал Магницкий, помазание на царство представляет собой мистическое «таинственное священнодействие», принимается от церкви. «Тут нет ничего человеческого».

Понимаемое таким образом православие теснейшим образом связано с самодержавием. Без первого невозможно второе. Более того, «самодержавие вне православия есть одно насилие», утверждал Магницкий. Православие и самодержавие, таким образом, «два священных столпа, на которых стоит империя». Говоря о том, что «православие и благоговение к помазаннику Божию должны быть основанием русского народного воспитания», Магницкий уже в 1823 г. вплотную приблизился к триединой формуле, представленной впоследствии С. С. Уваровым [17].

Таким образом, в условиях явного кризиса идеологии «просвещенного абсолютизма», т.е. той идеологической доктрины, которой российская монархия придерживалась в течение весьма длительного времени, русские консерваторы фактически дали идеологическое обоснование и выражение консервативному повороту в политике самодержавия, причем с православно-патриотических, а не с господствующих в то время мистико-космополитических позиций. Однако их взгляды не разделялись в то время верховной властью. Показательно, что подавляющее большинство кратких формулировок национальной идеи пришлось на 1811–1812 гг., когда консервативно-национальная мысль и деятельность переживали феерический взлет.

Впоследствии С. С. Уварову лишь оставалось придать теоретическим построениям эпохи царствования Александра I характер чеканной формулы, явно противостоящей главному лозунгу враждебного консерваторам лагеря: «Свобода, равенство, братство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин А. Л. Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники / А. Л. Зорин // В раздумьях о России (XIX век) / отв. ред. Е. Л. Рудницкая. – М., 1996. – С. 105–128.

2. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла : литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. / А. Л. Зорин. – М. : Новое лит. обозрение, 2001. – 414 с.

3. Стоюнин В. Я. Исторические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1880. – Ч. 1 : Александр Семенович Шишков. – 371 с.

4. Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – Изд. 2-е, доп. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 448 с.

5. Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти ... » : Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук / М. Ш. Файнштейн. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – 191 с.

6. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. – СПб., 1824. – Ч. 2. – С. 1–352.

7. Галахов А. Д. Русская патриотическая литература / А. Д. Галахов // Филологические записки. – 1867. – Вып. 1. – С. 1–32.

8. Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера / Ж. де Местр. – СПб. : Алетейя, 1998. – 731 с.

9. Шишков А. С. Рассуждение о любви к отечеству / А. С. Шишков // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. – СПб., 1825. – Ч. 4. – С. 147–185.

10. Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции / М. Г. Альтшуллер // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 144–149.

11. Шишков А. С. Избранные труды / А. С. Шишков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. – М. : РОССПЭН, 2010. – 718 с.

12. Лупарева Н. Н. «Отечестволубец» : общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки / Н. Н. Лупарева. – Воронеж : Новый взгляд, 2012. – 216 с.

13. Русский вестник. – 1808. – № 4.

14. Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин // О древней и новой России. – М., 2002. – С. 378–435.

15. Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева / Ф. В. Ростопчин // Ох, французы. – М., 1992. – С. 148–152.

16. Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России / А. О. Мещерякова. – Воронеж : Китеж, 2007. – 264 с.

17. Магницкий М. Л. Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании / М. Л. Магницкий // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I Отделения с.е.и.в.к. – СПб., 1876. – Вып. 1. – С. 363–374.

*Воронежский государственный университет,
Воронежская Православная духовная
семинария*

Минаков А. Ю., доктор исторических наук, доцент, директор Зональной научной библиотеки ВГУ, преподаватель Воронежской Православной духовной семинарии
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru
Тел.: 8-952-548-03-31

*Voronezh State University,
Voronezh Orthodox Seminary*

Minakov A. Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Zone Research Library at VSU, Teacher of the Voronezh Orthodox Seminary
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru
Tel.: 8-952-548-03-31

«ЗАБЫТЫЙ ПАТРИОТ 1812 ГОДА»:
общественно-политическая деятельность
Сергея Николаевича Глинки

Н. Н. Лупарева

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 5 июня 2015 г.

Аннотация: статья посвящена жизни и деятельности яркого представителя консервативного направления общественно-политической мысли России первой четверти XIX в. С. Н. Глинки. Рассмотрено становление его консервативно-националистических взглядов и их выражение в издававшемся Глинкой журнале «Русский вестник», в написанной им «Русской истории», а также в его патриотической и пропагандистской деятельности в Москве в период Отечественной войны 1812 г.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, Отечественная война 1812 г., антинаполеоновская пропаганда.

Abstract: the article is devoted to the biography and activity of a famous Russian conservative of the first quarter of XIX century Sergey Nikolayevich Glinka. It analyses the formation of his conservative and nationalistic views, the reflection of this views in Glinka's journal "Russian Messenger", writing "Russian history" and his patriotic and propagandist activity in Moscow in a period of the War for Fatherland of 1812.

Key words: conservatism, nationalism, the War for Fatherland of 1812, antinapoleonic propaganda.

«Забытым патриотом 1812 года» Сергея Николаевича Глинку назвал консервативный историк И. В. Евдокимов в статье, вышедшей к столетнему юбилею Отечественной войны. «Забытый» либеральными историками XIX в. С. Н. Глинка остался таковым и для историков-марксистов большей части XX столетия. Между тем его патриотическая деятельность накануне войны с Наполеоном и непосредственно в 1812 г. вызвала широкий общественный резонанс и оказала большое влияние на формирование патриотических и националистических настроений в широких слоях населения. С. Н. Глинку смело можно поставить в один ряд с А. С. Шишковым, Н. М. Карамзиным, Ф. В. Ростопчиным – деятелями, которым накануне Отечественной войны стала вполне очевидна опасность галломании и либерализации русского образованного

общества и которые в противовес этой опасности стали формировать «спасительный» консервативный дискурс. В этой статье мы попытаемся «вспомнить» вклад в создание этого дискурса С. Н. Глинки.

Сергей Николаевич Глинка родился 5 июля 1775 (по надгробной надписи) или 1776 г. (по его «Запискам») [1, с. 7; 2, с. 290] в небогатой дворянской семье, в с. Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии. Предки Глинки были поляками, перешедшими в русское подданство в XVII в. В XVIII в. это были уже «совершенно русские» дворяне [3, л. 7–8]. Отец С. Н. Глинки, Николай Ильич, в молодости служил в гвардии, вышел в отставку в звании капитана и поселился в деревне. Семья Глинки жила типичным для дворян средней руки патриархальным укладом. Домашнее образование Глинки не носило систематического характера, но в 1781 г. он был зачислен в одно из самых престижных учебных заведений второй половины XVIII в. – Сухопутный Шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге.

Годы, проведенные в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе (1782–1794), оказали серьезное влияние на становление личности Глинки, который и на склоне лет называл себя «старинным кадетом, мечтателем отжившего XVIII столетия» [1, с. 53]. Педагогическая система корпуса была экспериментальной, основанной на принципах просветительской педагогики. Корпус должен был воспитать «новую породу людей», призванных усовершенствовать российскую действительность. С этой целью кадеты изолировались от «порочной» внешней среды в стенах учебного заведения, где царил культ гуманизма и филантропии. Воспитанников окружал удивительный симбиоз просветительских, масонских и некоторых идей европейского романтизма, не всегда соответствовавших реалиям российской общественно-политической жизни. Например, представления о закономерности и неизбежности существования социальной иерархии, о патриархальной природе общественных отношений соседствовали с мыслью о примате нравственного достоинства личности и об уважении достоинства человека вне зависимости от его социального статуса [1, с. 72]. Отсюда едва ли не революционные для того времени новшества в воспитании: стремление привить уважение к крестьянству [там же, с. 91] («Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, подтвердившая, что «и крестьянки любить умеют!», еще не была опубликована), стремление ознакомить воспитанников корпуса с национальной культурой, традициями и нравственностью [там же, с. 133], носителями которых являлись именно непривилегированные слои, а не европеизированное дворянство. Эти идеи составили основу мировосприятия Глинки.

В корпусе Глинка, в числе других кадетов, имел свободный доступ к запрещенной литературе, в том числе антимоноархическим произведениям русских авторов (Я. Б. Княжнин, А. Н. Радищев) и сочинениям французских философов-просветителей XVIII в. (Вольтер, Руссо). Находясь под влиянием французской культуры и языка, Глинка «затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» [там же, с. 83–84]. Именно в корпусе Глинка получил

первые сведения о Французской революции, которую воспринял восторженно: перевел на русский язык текст «Марсельезы» [1, с. 140] и стал поклонником Наполеона Бонапарта [там же, с. 230].

По окончании корпуса Глинка прослужил всего пять лет, пройдя путь от поручика до майора. Военная служба его совсем не привлекала и мало соответствовала эмоциональности и артистичности его натуры. Уже в это время Глинка делал первые шаги на литературном поприще. После смерти отца в 1800 г. он вышел в отставку [4, л. 1]. В 1801 г. умерла и его мать. Перед смертью матери Глинка пообещал ей отдать все свое наследство – движимое и недвижимое имущество и 30 душ крестьян – сестре и исполнил данное слово [1, с. 221–222].

Глинка отправился в Москву, имея на руках всего 75 рублей, но и те были сразу же проиграны в карты [там же, с. 223]. Оставшись без средств к существованию, он согласился поработать учителем трех сыновей богатого украинского помещика Д. А. Хрущева. В его имении Рясном Харьковской губернии Глинка провел три года – с 1801 по 1804 г. [5, с. 45]. Эта работа не принесла ему денежных средств [1, с. 229], но способствовала систематизации знаний, подготовив к дальнейшей издательской деятельности и к написанию русской истории [6, с. 152].

Взгляды Глинки не претерпели серьезных изменений в течение десяти лет по выходе из кадетского корпуса. В этот период он оставался космополитом, страстно увлеченным французской культурой. Переломным для него стал 1806 г., когда униженная поражением под Аустерлицем Россия вступила в четвертую антинаполеоновскую коалицию, а Александр I издал манифест о формировании крестьянской милиции в России. «В то время, – писал Глинка, – отечество для меня было новой мечтой, и воображение мое горело, как чувство юноши, согретое первым пламенем любви» [1, с. 232]. С таким настроением в декабре 1806 г. он отправился в родную Смоленскую губернию, чтобы вступить в милицейские войска.

Глинка начал службу в звании бригад-майора в Сычевском уезде под начальством тамошнего предводителя И. Н. Ефимовича [там же, с. 250, 254]. Зимой 1807 г. он писал об этом зятю Ефимовича Д. П. Руничу. В этом письме впервые ярко выражены и вполне оформлены националистические мотивы, развитые уже в зрелый период его творчества: «Мы родились в злополучной век: в век, в котором видим, какая плоды произросли от роскоши и высокоумствования... Где еси Русь святая? Далеко еси! ... Герои наши разят: Наполеон бежит... подвиг дивный; бессмертный! Ах! Для чего не присовокупим к нему другой подвиг: оживотворение России в России! Нравы, вера! Исключительная любовь к отечеству и согражданам! Простота! Единодушие! Союз правоты и родства! Когда вы опять возвратитесь к нам!» [7]. Стремление найти опору и основу национальной идентичности в мифологизированном историческом прошлом сочетается здесь с характерным для консервативной идеологии ан-

тирационализмом. Обращает на себя внимание и использование так называемых лингвистических архаизмов.

В феврале 1807 г. Глинка получил приказ составить список отставных солдат, вызванных на службу. Общение с ветеранами, их искренний патриотизм произвели на Глинку глубокое впечатление, о нем он писал в письмах и к Д. П. Руничу, и к Г. Р. Державину [8, л. 166; 9, с. 203]. Таким образом, «в необычайный год среди русского народа ознакомился я с душою русских воинов... Они подарили меня сокровищем обновления мысли. Мне стыдно стало, что доселе, кружась в каком-то неведомом мире, не знал я ни духа, ни коренного образа мыслей русского народа... Но время могучею силой вывело дух русский перед лицом нашего отечества и перед лицом Европы... И этот первый урок повел меня постепенно к изданию «Русского вестника» [1, с. 256].

Эволюция взглядов С. Н. Глинки нашла отражение в литературном творчестве. В драме 1806 г. «Сумбека, или падение Казанского Царства» национализм Глинки приобретает отчетливый антилиберальный характер. В драме критикуется народовластие, а следовательно, предлагаемая западом либеральная идея. Критический смысл создается контекстом произведения, так как следующие строки, обращенные к народу, автор вкладывает в уста отрицательного персонажа:

От вас могущество властители приемлют,
Чрез вас законам их пределы мира внемлют:
Вы учреждать должны избранье на престол:
Священнее всех прав народа произвол [10, с. 30–31].

Очевидно, что отрицательная нагрузка этого фрагмента подчеркнута и тем, что право народа на участие в избрании власти Глинка называет не свободой, а произволом. Образцовое же политическое устройство описывает положительный персонаж:

Народ! Покорен будь уставам вышней власти;
От безначалья шаг к тиранству и напасти...
.....
Бог, Вера и закон – вот к счастью пути!
Велик народ, в душах почтенье к ним хранящий [там же, с. 31–32].

Но особенно ярко выражены консервативно-националистические мотивы в трагедии «Михаил, князь Черниговский». Она была опубликована в 1808 г., но фактически готова к маю 1807 г. [11, с. 204]. Судя по переписке, автор обсуждал трагедию в литературных кругах, близких к Г. Р. Державину [9, с. 201]. В тексте трагедии проводилась прозрачная параллель между историей и современностью, а Батый слишком напоминал «нового завоевателя нашего века» – Наполеона Бонапарта.

Особый интерес представляет вступление к трагедии или «Предварительная речь о сношении драматического искусства с нравственностью и по-

литикою» [12], так как в нем Глинка указывает на один из важных источников формирования своей консервативно-националистической программы и ее основные положения. Он начинает со сравнения Батыя с «кровавыми преобразователями Французской державы». Как первый стремился «сперва истребить душу Русского правительства, *Веру и древние обычаи*», так и последние приложили максимум усилий для «ниспровержения храмов Христовых и для утверждения на развалинах их адского своего правительства, именуемого ими *владычеством разсудка*» [там же, с. III–IV]. В этом небольшом отрывке Глинка впервые дает негативную оценку Французской революции, спровоцированной безграничной уверенностью в силе человеческого разума. Ему он противопоставляет «Веру и древние обычаи», т.е. опыт как цементирующую основу всякого правопорядка. Далее Глинка говорит, что ознакомился с множеством русских летописей, и недавний восторженный поклонник античной истории заключает: «Мы непрестанно именуем Цинциннатов, Камиллов, Курциев, Регулов! Славны их деяния, но сравните их беспристрастно с жертвами наших Князей, Бояр и прочих Россиян. Князья Василий Ростовский, Михаил Черниговский, Михаил Тверский! Знаменитые Бояре, Пожарские, Шеины! и проч. вами свидетельствуюсь; отвечайте за меня сердцам потомков своих» [там же, с. X–XI]. Все они, по словам Глинки, «во всем прибежали к Богу и Вере», «чувства набожности сливались со всеми ощущениями их душ и сердец. От чего сие происходило? От того, что все преподаваемые им поучения относились к Богу и Вере и что Божественное писание было единственным их чтением» [там же, с. VIII]. Таким образом, автор начинал формулировать историческую традицию, преемственность которой должна обеспечить благосостояние государства, усилить его перед лицом какой бы то ни было опасности.

Следует обратить внимание на поднятую здесь проблему воспитания; к тому же в тексте присутствует указание на то, почему автора заинтересовал этот вопрос. Глинка цитирует знаменитую работу Ж.-Ж. Руссо «Соображения об образе правления в Польше»: «...пусть каждый воспитанник читает все то, что напоминает ему об Отечестве» [там же, с. XI]. Это сочинение Руссо было написано после первого раздела Польши и посвящено тому, каким образом поляки могут сохранить свое национальное бытие перед лицом русской угрозы. Обращаясь к полякам, философ писал: «Вы не можете помешать русским проглотить вас, но сделайте, по крайней мере, так, чтобы они были не в состоянии вас переварить. <...> Если вы добьетесь того, чтобы ни один поляк не мог превратиться в русского, я отвечаю вам, что Россия никогда не подчинит себе Польшу. <...> Именно воспитание придает душам национальную форму. <...> Наставниками должны быть только поляки» [13, с. 169].

Актуальность этого текста в отношении российской действительности для Глинки оказалась несомненной. России предстояла война с наполеоновской Францией, а в это время российское дитя (безусловно, речь идет о представителях благородного сословия), раскрывая глаза, видело не отечество, а

Францию (благодаря своим французским гувернерам), что было не просто унизительно, но и потенциально опасно. Достаточно было лишь заменить противостояние поляки–русские на русские–французы с соответствующим разделением ролей.

Вот почему Глинка обращается к вопросам отечественного воспитания. В письме к Д. П. Руничу, которое можно датировать маем-июнем 1807 г., он пишет, что «непрестанно занимаясь *опытом о воспитании*», идет «довольно быстрыми стопами...» [8, л. 163]. А в более раннем письме к Г. Р. Державину от 21 марта 1807 г. он говорит о желании «устроить журнал *отечественного воспитания*», причем из текста письма следует, что об этой идее он общал адресату не впервые и что уже хлопотал в Москве по этому вопросу [9, с. 202]. Таким образом, можно утверждать, что идея издания «Русского вестника» вполне оформилась уже к весне 1807 г., а не после Тильзитского мира (25 июня 1807 г.), как утверждает большинство исследователей. Однако заключение унизительного мирного договора, а также успех консервативно-националистического памфлета Ф. В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» (он разошелся гигантским по тем временам тиражом в 7 тыс. экземпляров) [14, с. 112–115] укрепили решимость Глинки.

Первый номер нового «Русского вестника» увидел свет в январе 1808 г. Его главной целью С. Н. Глинка положил «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе» [1, с. 259]. В объявлении о выходе своего журнала, опубликованном в № 102 «Московских ведомостей» от 21 декабря 1807 г., Глинка обещал помещать в нем всё то, что «непосредственно относится к отечественному» и «политические известия касательно токмо до России» [15, с. 121].

В журнале Глинки публиковались сочинения видных консерваторов – А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, А. А. Аракчеева, Г. Р. Державина. Некоторые из авторов – Д. И. Хвостов, П. И. Голищев-Кутузов, Н. Николев, А. А. Волкова – так или иначе были связаны с «Беседой любителей русского слова» [14, с. 131–132; 16, с. 401–404]. Все же основная часть статей «Русского вестника», носивших программный характер, принадлежала С. Н. Глинке.

Программу своего издания Глинка изложил во вступлении к первому номеру. Он начал с утверждения «русского направления» журнала: «Издавая Руской вестник, намерен я предлагать читателям все то, что непосредственно относится к Руским. Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество; на сем единомушном стремлении основано общее благо. <...> Руской вестник посвящается Русским» [17, 1808, № 1, с. 3, 9]. Но далее из текста следовало, что обращение «к отечественному» и опыту предков будет проходить в контексте противостояния Франции и атеистической, рационалистической и материалистической просветительской философии, породившей революционные события: «Философы осьмагонадесять столе-

тия, – писал Глинка, – никогда не заботились о доказательствах; они ... все опровергали, обещивали беспредельное просвещение, неограниченную свободу... Мы видели, к чему привели ... сии мечты воспаленного и тщеславного воображения! И так, замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и проч., мы будем противопоставлять им не вымыслы романические, но нравы и добродетели праотцов наших» [17, 1808, № 7, с. 6].

Уже в третьем номере «Русского вестника» Глинка не побоялся опубликовать статью, в которой Тильзитский мир был назван временным перемирием; а в заключении говорилось, что если «неисповедимыми творческими судьбами назначено когда-нибудь возгореться войне между Россиею и Франциею», то Россия найдет в себе силы для отпора [там же, № 3, с. 404]. После этой публикации на направление журнала самому Александру I пожаловался французский посланник Коленкур. Можно предположить, что официальные круги, осознававшие искусственность мира с Наполеоном, были заинтересованы в сохранении националистических тенденций, поэтому дело с «Русским вестником» ограничилось лишь выговором цензору журнала А. Ф. Мерзлякову, а С. Н. Глинка «по политическим обстоятельствам» был уволен от московского театра, при котором состоял сочинителем и переводчиком [1, с. 280]. Запрета на издание журнала не последовало, но вплоть до 1812 г. «Русский вестник» оставался оппозиционным официальной правительственной линии.

После инцидента с жалобой французского посланника Глинка сосредоточился на реализации основных задач своего издания. Первой в этом ряду стояла критика галломании русской аристократии и дворянства. Ориентация на французские культурно-поведенческие модели, увлечение российской элиты трудами французских просветителей, которых Глинка именовал не иначе как «лжеумствователи осьмагонадесят столетия» и нещадно критиковал, вели, с точки зрения издателя, к прямой революционности. Поэтому Глинке было важно дискредитировать источник распространения этих галломаний – иностранное воспитание.

В статье «Мысли про себя» Глинка устами ее героя Иова Силантьевича Домоседова (явное стилистическое подражание Ростопчину) таким образом характеризует образование современного ему дворянства: «Что проповедают нам иноземные учителя? (я не говорю о всех: нет правила без исключения). Сперва станут они уверять питомца своего, что он ошибкою родился на Руси; что природа сама не знала для чего напустила на Север такие стужи и непогоды; что родина его сотворена только для медведей и что все его соотчичи невежды, дикари; словом, не люди. Потом, следуя похвальным правилам новой философии, исподволь и ухитряясь, так очистят ум от предрассудков, что в нем... чуть ли и названия останутся о Вере, нравах и добродетелях... как же поступают в учении? Говорят: «не надобно отягощать голову излишним, должно брать всего по-немногу; составить маленький всеобщий курс наук,

особливо из тех, которые нужны для того, чтоб жить в большом свете и быть *любезным по моде*» [17, 1808, № 3, с. 256–258].

Здесь мы видим еще одну важную для Глинки проблему – поверхностность, пустоту «модного воспитания», его ориентацию на внешний эффект, благодаря чему в русском обществе утвердились ранее неизвестные понятия – «бон-тон», «бомонд», «любезность», «мода» и «роскоши». Эти новые для России явления подобны «лютым и опасным язвам общественным» [там же, № 9, с. 334], так как они не только подменяют истинные нравственные ценности ложными, в результате чего человек начинает оцениваться не по собственным заслугам, а по стоимости одежды, экипажа и т.д.

Глинка разоблачал и экономический эффект иностранного воспитания. С детства наученные считать качественной и престижной только европейскую продукцию, представители благородных сословий тратят невероятные суммы денег на иностранные «безделки» не только внутри страны [там же, № 4, с. 39], но и за ее пределами: «И молодые и старые все из царства в царство в запуски рыщут. За чем же старые бредут? Один ответ: к водам. Разве в России нет целительных вод, и не читаем ли мы в Истории, что Римляне ездили лечиться к Кавказским водам? Но Сарепта не Спа, а Липецк не Карльсбат: там веселее... может статься; но расплата тяжела. Бог знает, вылечится ли от телесной чахотки, а карманная как сон в руку» [там же, № 3, с. 262–263].

Засилье иностранного воспитания оказало крайне негативное влияние на социальную ситуацию в стране. Европеизированные привилегированные слои объединились в «общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную» [там же, № 4, с. 37–38], совершенно чуждую простонародью, все еще живущему в рамках национальных традиций и культуры [там же, 1812, № 2, с. 96–97]. Этот мировоззренческий конфликт, с точки зрения Глинки, был чреват возможностью социально-политических потрясений, ведь оказывалась нарушенной традиционная патриархальная связь между помещиками и крестьянами, которые теперь подвергались гнету со стороны своих хозяев [там же, 1809, № 4, с. 22]. Французская военная угроза еще более усугубляла эту ситуацию.

Негативным последствиям иностранного воспитания Глинка противопоставил «отечественное воспитание», которое рассматривал как механизм возрождения и поддержания национальной идентичности привилегированных сословий. С организационной стороны «отечественное воспитание» предполагало: во-первых, исключительное внимание родителей к процессу обучения своих детей [там же, 1808, № 8, с. 190]; во-вторых, подготовку русских педагогических кадров, учреждения русских училищ и пансионов, составления отечественных учебных пособий и преподавания на русском языке [там же, 1811, № 7, с. 125–134].

Что же касается содержательной стороны образовательного процесса, то его стержнем должно было стать изучение русской истории. Уже во вступительной статье к первому номеру «Русского вестника» Глинка говорил о намерении составить на страницах своего издания «новую отечественную историю: историю о добродетельных деяниях и благотворных заведений» [17, 1808, № 1, с. 4], как средоточие позитивных моделей поведения, которым родители должны были обучать своих детей. При этом решающую роль для автора имело следование традиции, опора на исторический опыт предков.

«Бог. Вера. Отечество» – таковы, по мнению издателя, основы праотеческой нравственности [там же, 1811, № 8, с. 71]. Наши предки никогда не сомневались в существовании Бога, в его всемогуществе и знали, что всё в земной жизни предначертано Божественным провидением, считал он [там же, 1809, № 5, с. 165]. Поэтому в старину люди жили, следуя божественным законам и уставам Веры. Вера – краеугольный камень праотеческой нравственности. На протяжении многих веков она поддерживала гармоничное развитие Отечества. Вера, «учиняющая всех чадами Отца небесного» [там же, 1812, № 6, с. 86], во-первых, уравнивала всех людей перед Богом; во-вторых, превращала русское общество в братский союз. Поэтому «старинных русских» никогда не возмущало существование социального неравенства, ибо они осознавали свою причастность к высшему «христианскому равенству», т.е. все они были равны перед Богом. Существование сословной системы в Российском государстве виделось им явлением таким же нормальным и необходимым, как различное положение членов в семье. Они осознавали, что «малое семейственное владычество есть образец всех других владычеств. В Державе обширной и благоустроенной все то же, что и в тесном кругу семейства. Владыка есть отец-наставник, судья и распорядитель; подданные суть чада» [там же, 1815, № 2, с. 16–17]. Эту иерархию они воспринимали лишь как частное проявление природного неравенства, установленного на земле Богом. Поэтому «всякое старшинство было для них священо» [там же, 1812, № 6, с. 78]. Наши предки, утверждает Глинка, осознавали, что отсутствие общественного начальства и повиновения ему угрожает стабильности и безопасности государства. Монархическое государство они считали единственно возможным и легитимным, поэтому «лучше желали умереть, нежели жить самоуправно и без главы законной» [там же, № 5, с. 64]. В свою очередь, русские государи «могущества своего не отделяли от щастия и великости своего народа», равно заботились обо всех сословиях, «старались о распространении правил необходимых для счастья человеческого и гражданского» [там же, 1808, № 4, с. 29–30]. Их отеческая опека над народом подавала пример нравственного взаимоотношения с подданными всем представителям высших сословий. Поэтому русские бояре и дворяне были любящими, милосердными отцами своим подчиненным [там же, № 9, с. 365], они «учреждали общенародные празд-

нства, угощения и сближались с простолюдинством, не умаляя ни сана, ни достоинства своего» [17, 1808, № 2, с. 130].

Этот порядок воспроизводился благодаря тому, что Вера составляла основу праотеческого воспитания, которое базировалось на священных и духовных книгах [там же, 1811, № 7, с. 22]. Обучением своих детей занимались родители, сообщавшие своим питомцам знания, прежде всего о родной стране, и свято чтимые «праотеческие предания» [там же, 1812, № 6, с. 30–31]. Отечественное воспитание готовило наших предков к «бытию гражданина», который жертвует своим частным благом ради общего, так как понимает, что первое без второго невозможно [там же, 1808, № 2, с. 295].

Особое внимание Глинка придавал тому факту, что праотеческое воспитание было общенародным, т.е. одинаковым «для земледельцев от сохи и бояр от теремов княжеских» [там же, 1812, № 5, с. 48]. В результате в старой России не существовало того культурного разрыва, который Глинка видел в настоящем, и «голос России для всех... был равно понятен» [там же, 1808, № 6, с. 288]. Поэтому, как утверждает издатель, в старину представители верхушки общества не презирали простой народ. Руководствуясь нормами христианской морали, учившей, что «душа превыше всего» [там же, 1812, № 5, с. 47], наши предки оценивали человека не по богатству и чинам, а по его личным достоинствам и заслугам. Поэтому вышестоящие по социальной лестнице не боялись признать выдающихся качеств нижестоящих. Яркой иллюстрацией Глинка считал события Смуты, когда простой купец Минин возглавил дворянские дружины [там же, № 6, с. 14–15]. Не зная ни «мод», ни «роскошей», представители всех сословий вели одинаково простой образ жизни, были скромны и умеренны в своих желаниях, и все необходимое находили в своем Отечестве. Так, издатель утверждает, что даже русские цари «жили почти в таких же домах, как и подданные их» [там же, 1808, № 7, с. 33]. «Старинные русские» знали цену нажитому их предками имуществу, потому не спускали его на ветер, а были очень бережливы: «Платье прадеда переходило к правнуку» [там же, № 3, с. 261]. Не расточительные на предметы материального мира, наши предки обладали исключительной духовной щедростью. К ней Глинка относил милосердие, сострадание, гостеприимство и т.д. Квинтэссенцией всех этих качеств издатель представлял благотворение, т.е. всемерную помощь ближним, прежде всего слабым и неимущим.

Таким образом, Вера сформировала особый тип «Русской нравственности» [там же, 1815, № 2, с. 43], проявившейся в национальном характере русских. Последний включал такие черты, как «простота нравов, уважение к старости, стыдливость, истинная чувствительность, изъясляющаяся в спомоществовании несчастным, гостеприимство, откровенность, дружелюбие» [там же, 1808, № 7, с. 64]. Скрепленное «единодушием и единомыслием» Русское государство выстояло в самые сложные периоды своей истории: в эпоху татаро-монгольского нашествия [там же, № 4, с. 48] и в Смутное время [там же, 1810, № 7, с. 13–45]

(Эти, а также все «темные» моменты отечественной истории издатель считал следствием забвения некоторыми членами общества «уставов Веры»; но они были исключением и преодолевались благодаря тому, что все остальное население оставалось верным праотеческой нравственности [17, 1811, № 9, с. 87–97]).

Следующим обязательным условием «отечественного воспитания» было преподавание на русском языке. Издание Глинки разделяло взгляд А. С. Шишкова и его последователей-архаистов на национальный язык как средоточие присущих каждой конкретной нации нравственных устоев и догм, которые автоматически проникают в сознание человека в процессе общения на родном языке [18, с. 24]. Значительная часть материалов «Русского вестника» имела целью убедить галломанов в превосходстве «богатого» русского языка перед «бедным» французским.

С помощью «отечественного воспитания» читатели «Русского вестника» должны были вернуться к традиционным для России нормам поведения и жизни в обществе. Важнейшей из них было исполнение своей «должности», т.е. заложенных в социальном статусе каждого человека обязанностей, которым соответствовали и определенные права. Исполнение своей должности было основой сохранения стабильности общественного порядка. Именно при рассмотрении этого вопроса Глинка в законченном виде сформулировал один из стержневых принципов зрелой консервативной идеологии – принцип иерархии, как регулятора требований, предъявляемых каждому члену общества в зависимости от его социального статуса, т.е. чем выше положение человека в обществе, тем выше его ответственность и шире круг его обязанностей [19]. Таким образом, различное положение сословий нивелировалось степенью долга и ответственности, которую несли на себе привилегированные слои. Соответственно самой сложной должностью являлась должность монарха, который согласно патриархальной модели общественного устройства С. Н. Глинки был отцом всего народа и «примером своим учреждал нравы и мнение общественное» [17, 1812, № 6, с. 53]. Проработке «должности» государя и образов русских государей в «Русском вестнике» было отведено значительное место. Важнейшей характеристикой этого образа было следование национальным традициям во всех сферах общественной жизни, «соображение деяний и учреждений своих с духом и коренными свойствами народа» [там же, 1811, № 9, с. 78].

С точки зрения С. Н. Глинки, все российские монархи соответствовали этому идеалу. Таковы представленные на страницах «Русского вестника» портреты А. Невского, В. Мономаха, первых царей династии Романовых. Даже изображенные С. Н. Глинкой портреты Петра I и Екатерины II полностью соответствовали сконструированной им модели идеального государя в государстве-семье. Петр I в «Русском вестнике» выступал не как преобразователь России, не как Демиург, а как «Божество-хранитель» праотеческих традиций

[17, 1808, № 3, с. 303]. Екатерина II изображалась как «истинная Мать народа», которая «отреклась от самой себя для блага россиян» [там же, № 4, с. 7]. Она – последовательница Петра I и истинно русских традиций управления.

На страницах «Русского вестника» Глинка пытался по-своему разрешить проблему крепостного права в России. О том, что он скорее отрицательно относился к этому институту, свидетельствуют факты его собственной биографии. Выше было упомянуто об отказе Глинки от наследства в размере 30 душ в пользу сестры. В 1808 г. он дал вольную своему последнему человеку [1, с. 287], а позже отказался от предложения друга, желавшего подарить Глинке 60 крепостных, и заявил: «Не возьму, я никогда не буду иметь человека как собственность» [там же, с. 211]. В исследовании В. И. Евдокимова сказано о нескольких главах «Записок» С. Н. Глинки, посвященных крепостному праву (позже они были утеряны), и о том, что эти главы не были пропущены цензурой при публикации мемуаров, что тоже наталкивает на мысль о «неудобности» их содержания [20, л. 7 об.–8]. Вопрос о крепостном праве открыто поднимался в «Русском вестнике» лишь однажды и его политико-правовое разрешение объявлялось прерогативой верховной власти [17, 1808, № 4, с. 36–38]. До этого, с точки зрения Глинки, крепостное право могло существовать как гармоничный социальный институт при условии выполнения его субъектами должностей «истинного русского помещика» и «истинного русского крестьянина».

Глинка утверждал, что «истинные русские помещики» «были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались напечатлеть в сердцах детей своих, что *крестьяне суть такие же люди, как и они*» [там же, 1809, № 2, с. 208]. Русские православные крестьяне, в свою очередь, всегда и во всем повиновались «Богу, Государю, помещикам, отцам и матерям», потому что «Бог велит повиноваться старшим» [там же, 1812, № 10, с. 58].

«Звание» «отца-помещика» – одна из составляющих «должности» русского дворянина, не менее важная, чем «служение на ратном поприще», так как «Отечество веряет крестьян в человеколюбивый и отеческий присмотр» [там же, 1810, № 1, с. 121–122]. На помещике лежит ответственность за нравственность, здоровье и благосостояние своих крестьян.

Глинка стремился доказать, что исправное выполнение помещиками своей должности непременно вызовет благодарность и признательность крестьян, так как «сии люди умеют живо чувствовать силу любви и благодетельности» [там же, 1809, № 2, с. 208]. Он настаивал, что «название благородного человека... часто неправильно употребляется... Простой воин, земледелец, усердно и терпеливо переносящие обязанности свои, суть достойные и благородные сыны Отечества» [там же, 1808, № 6, с. 315]. Самое яркое воплощение гражданственности русского крестьянина Глинка находил в историческом прошлом России: в подвиге Ивана Сусанина, ценой собственной жизни в конце Смуты спасшего от гибели царя Михаила Федоровича [там же, 1812, № 5, с. 72–94]. Причем М. Велижев и М. Лавринович в своем исследовании

утверждают, что именно С. Н. Глинка на страницах «Русского вестника» сформулировал сусанинский миф в том виде, в котором он вошел в отечественную историографию [21].

Важным элементом социальных отношений «Русский вестник» считал «благотворение», которое препятствует возникновению социальной напряженности и скрепляет общество на высшем духовно-нравственном уровне. «Русский вестник» являл наглядный пример деятельного благотворения. В конце каждого номера помещалась информация о нуждающихся людях или семьях и рассказы о помощи читателей журнала в ответ на такие объявления. Если верить «Запискам» С. Н. Глинки, то благодаря многочисленным откликам читателей в период с 1808 по 1816 г. через издание оказавшимся в затруднительном положении людям было направлено более 40 тысяч рублей [1, с. 363].

Таким образом, консервативно-националистическая программа «Русского вестника» представляла собой конструктивную альтернативу революционному преобразованию действительности. По убеждению издателя, ее реализация могла снять все социальные противоречия при сохранении существующего в стране политического устройства. Просматриваемый за его мифологизированной концепцией русской истории социально-политический идеал имел явные консервативные черты. Он утверждал ценность сильного монархического государства, интересы которого стояли выше интересов отдельной личности, но одновременно являлись и гарантом последних, высокую роль религии в жизни общества и государства, признание целесообразности общественной иерархии, ориентацию на национальные традиции и национальный историко-культурный опыт. Одновременно изображавшиеся издателем сюжеты славной российской истории и образы героических предков должны были способствовать росту патриотических настроений общества в преддверии французской опасности.

«Русский вестник» пользовался несомненным успехом у читающей публики в первые годы своего издания, т.е. в 1808–1812 гг., так как направление журнала совпадало с общественным настроением. Количество подписчиков в этот период варьировало от 600 до 800 человек. А поскольку наиболее общепризнанные журналы того времени – «Вестник Европы» и «Сын Отечества» – издавались тиражом в 1–2 тысячи экземпляров, то это была довольно внушительная цифра [22, с. 106]. По окончании заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. в связи с изменением умонастроений русского общества, приведшим к возникновению декабризма, тираж «Русского вестника» начал неуклонно сокращаться: журнал, снова обратившийся к восхвалению русской старины и современности, стал казаться анахронизмом. В 1820 г. Глинка сообщил о прекращении издания журнала. В 1824 г. он предпринял попытку обновления «Русского вестника», но журнал прекратился на девятой книжке.

Отношение современников к «Русскому вестнику» было различным. Нарочитый национализм журнала, склонность издателя к патетике, морализа-

торству, крайностям в оценках, несовершенство его слога, слишком частое повторение одних и тех же мыслей вызывали едкие замечания, особенно прозападнически и либерально настроенной общественности. Настоящая полемика разгорелась между «Русским вестником» и журналом «Аглая», издававшимся карамзинистом князем П. И. Шаликовым в 1808–1812 гг. и выступавшим против воззрений круга литераторов А. С. Шишкова. Не обошли вниманием С. Н. Глинку яркие литературные сатиры первой четверти XIX в.: «Видение на берегах Леты» К. Н. Батюшкова, «Калмык-оратор» А. Е. Измайлова, А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» [5, с. 105–109].

Тем не менее переписка и мемуары современников Глинки позволяют утверждать, что определенные слои общества, далеко не всегда консервативные, видели то важное, что несла в себе публицистика «Русского вестника». Положительная оценка журналистики Глинки литераторами круга А. С. Шишкова вполне понятна. В переписке самого главы архаистов сохранилось его мнение об издании Глинки: «...весьма охотно читаю *Русской вестник*, который не твердит о словах *эстетика, образование, просвещение* и тому подобных, – но говорит всегда об истинной и чистой нравственности, от которой в нынешние времена род человеческий, к злополучию своему, далее и далее отпадает» [23, с. 318]. В неизданных документах Глинки сохранилось письмо одного из видных деятелей «Беседы любителей русского слова», поэта и баснописца Д. И. Хвостова, в котором он высказывал благодарность издателю «Русского вестника» не только от себя, но от «всех благомыслящих соземцев своих» [24, л. 1].

Однако значение журнала понимали и люди отнюдь не консервативных взглядов. Ф. Ф. Вигель в своих мемуарах отмечал: «В обстоятельствах, в которых мы тогда находились, журнал его, при всем несовершенстве своем, был полезен, даже благодетелен для провинций» [25, с. 562]. Ярче отразил эту мысль П. А. Вяземский: «По всей России, особенно в провинциях, читали его (*Русский вестник*. – *Н. Л.*) с жадностью и верою... Одно заглавие его было уже знамя. В то время властолюбие и победы Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всех государств. Нужно было поддерживать и воспламенять дух народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестях предков, которые также сражались за честь и целостность отечества... Укорительные слова: галломания, французолубцы, бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но воевать и против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям, предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем или упорствовать до смерти или до победы? Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем» [26, с. 437–438].

Ряд современников сумел подметить в материалах журнала то, что во многом положило начало российскому консервативно-националистическому

дискурсу. Так, М. А. Дмитриев писал: «Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность появления Русского вестника. Теперь о нашей старине нам твердят беспрестанно, а тогда – многие в первый раз услышали из Русского вестника о царице Наталье Кирилловне, о боярине Матвееве, о Зотове, воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты» [27, с. 104]. О том, что влияние публицистики С. Н. Глинки проявилось в последующих поколениях, может свидетельствовать письмо к нему известного русского журналиста и видного консервативного историка М. П. Погодина. Уже в 40-е гг., узнав, что С. Н. Глинка интересуется «Москвитянином», Погодин прислал ему подписной билет и между прочим написал: «Ваш Русский вестник 1808 года, с портретами царя Алексея Михайловича, Дмитрия Донского и Зотова, возбудил во мне первое чувство любви к Отечеству, Русское чувство, и я благодарен Вам во веки веков» [28, с. 4].

В период войны 1812 г. Глинка получил возможность дополнить консервативно-националистическую публицистику «Русского вестника» соответствующей практической деятельностью. Основываясь на собственных воспоминаниях Глинки, исследователи утверждали, что 11 июля он первым записался в Московское ополчение и возложил «на алтарь Отечества» триста рублей серебром, фактически всё свое состояние. В тот же день он возглавил шествие московских жителей навстречу императору Александру I [29, с. 4, 8–9].

С. Н. Глинка 15 июля выступил в Слободском дворце, где в присутствии императора проходило собрание купечества и дворянства. В речи, продолжавшейся более часа, он заявил, что Москва будет сдана [29, с. 18–19]. После этой речи жена С. Н. Глинки уже слышала «звон сибирского колокольчика» [там же, с. 28]. Однако 19 июля Глинка был вызван к генерал-губернатору Москвы Ф. В. Ростопчину, который известил Глинку о пожаловании кавалером ордена Святого Владимира IV степени за любовь к Отечеству, «доказанную сочинениями и деяниями», как было сказано в высочайшем рескрипте [30, л. 6]. Далее Ростопчин заявил: «Священным именем Государя Императора развязываю вам язык на всё полезное для Отечества, а руки на триста тысяч рублей экстраординарной суммы» [29, с. 27–28]. Однако врученная Глинке сумма сполна осталась в казне. А позже он снарядил на службу в ополчение 20 человек, заложив для этой цели драгоценности своей жены и продав часть своей богатой библиотеки [1, с. 393].

Помимо награды, Ростопчин сообщил Глинке, что «государь возлагает на вас особенные поручения, по которым будете совещаться со мною» [29, с. 28]. С этого момента С. Н. Глинка фактически становится правой рукой московского главнокомандующего. В качестве помощника графа Ростопчина он выполнял *тайные и важные* препоручения», неоднократно подвергая свою жизнь опасности [4, л. 1]. С полной уверенностью можно говорить лишь об активной устной пропаганде среди московского народа с целью «возбуждать

народ против Наполеона, доказывать ему всяческими способами, что обещания чуждого завоевателя дать крепостным людям свободу – не менее как гнусный обман и ложь» [31, с. 142]. Это предположение подтверждает и обилие подобных материалов в «Русском вестнике».

Думается, что важной задачей С. Н. Глинки стала агитационная поддержка усилий Ростопчина по созданию народного ополчения. Так, дореволюционный консервативный исследователь И. В. Евдокимов указывает, что в ходе своей агитационной деятельности Глинка призывал москвичей к составлению ополчения и партизанской войне [32, с. 18]. В «Записках» Глинка утверждает, что идею создания партизанских отрядов он высказывал еще до начала военных действий, а в «Записках о 1812 году» он упоминает о том, что уже в июле 1812 г. подал графу Ростопчину «записку о лесных отрядах», способных помочь отражению нашествия [29, с. 32–34].

В воспоминаниях одного из очевидцев московских событий тех дней, известного писателя И. И. Лажечникова, содержится колоритный рассказ об одном из выступлений Глинки: «На Поклонной горе ... в середине толпы стоял мужчина, довольно высокий, плечистый; лицо его казалось вдохновенным, голос звучал знойно, энергически... Толпа, творя крестное знамение, повторяла с жаром его последние слова: «за батюшку царя и Русь православную, под покровом Царицы небесной!» – Я узнал, что это был Сергей Николаевич Глинка» [33, с. 270]. Пропаганда сочеталась с распространением сочинявшихся им летучих листов, возможно, и воззваний Ростопчина к жителям столицы. Плоды этой работы проявились после вступления в Москву наполеоновских войск, когда отряды вооруженных мужиков не давали французам возможности добыть продовольствие в округе.

Не стоит забывать, что агитаторская деятельность Глинки сочеталась с интенсивной издательской. Именно в 1812 г., когда, по словам П. А. Вяземского, «Русский вестник» «облекся в плоть и кровь» [26, с. 440]. В военное время Глинка уже не сдерживал своего натиска на «лживых и неверных» французов, которые обещали жить в мире, а сами «разбойнически ворвались в земли любезного нашего отечества» [17, 1812, № 9, с. 88]. В статье с красноречивым заголовком «Злоумышленность французских военных правил» издатель резко критиковал безнравственные захватнические амбиции французских войск, порожденные «зловредным духом» французской революции, который эти войска распространяют на побежденных территориях [там же, № 10, с. 36–39]. Глинка описывал коварство и жестокость французского правительства, намеренно не снабжавшего свои войска продовольствием, чтобы заставить их заниматься мародерством [там же, с. 40–41]. Для характеристики Наполеона Глинка не жалел самых мрачных красок: он «неверный Гольяф», выступивший против «верного Давида» [там же, № 4, с. 96–102]; «лицемер», для которого сам Бог будет «карателем» [там же, № 7, с. 89]; «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны» [там же, № 11, с. 16].

Вообще, войну с французами С. Н. Глинка воспринимал как зло, но зло необходимое, которое может объединить все сословия перед лицом внешней угрозы. Поэтому в своем журнале в 1812 г. он помещал статьи, призванные подчеркнуть долгожданное для него единение в патриотическом порыве всего русского народа: «Русская речь Никифора Михайлова, крестьянина государева села Крылацкого, что близ Хорошева» [17, 1812, № 9, с. 91–93], «Усердие русского купечества к военнослужащим» [там же, с. 121–125], «Добродетельный подвиг мещанина Семена Зунькова» [там же, № 10, с. 50–55], «Подвиг смоленского дворянина Петра Николаевича Клочкова» [там же, с. 89–90] и др. Знаменательно, что именно в 1812 г. на страницах «Русского вестника» появилась обширная статья «Опыт о народном нравоучении» [там же, № 5, с. 1–94; № 6, с. 5–106], в которой Глинка впервые в систематизированном виде изложил свою консервативно-националистическую концепцию.

Глинка надеялся, что нашествие французов заставит обратиться к национальной культурно-исторической традиции самых отъявленных галломанов. Подобный сценарий развития событий отражен в статье «Разговор Артемия Булатова с Молодовым» [там же, № 10, с. 3–20]. В ней издатель показал столкновение двух «миров» современной ему России – приверженцев праотеческих традиций и убежденных галломанов, представленных соответственно Булатовым и Молодовым. Оканчивалась статья тем, что под впечатлением от французской опасности и под воздействием отповеди Булатова Молодов сжигал все свои французские альбомы и, вооружившись отцовской шпагой, готовился к службе Отечеству и Государю. Для С. Н. Глинки это желаемая кульминация войны, которая приводит к уничтожению нравственного господства французов в русском образованном обществе.

Глинка аккуратно издавал журнал даже в военное время: вместе с августовской книжкой «Русского вестника» он издал сентябрьский и октябрьский номера журнала. В середине августа он с семьей уже готовился к отъезду из Москвы, но получил приказ графа Ростопчина оставаться в столице, «где нужна ваша служба» [29, с. 49]. Зная затруднительное материальное положение Глинки, тратившего на пропагандистскую деятельность собственные средства, Ростопчин предлагал ему сумму, необходимую для эвакуации его семьи, но Глинка отказался брать деньги [там же, с. 55–56].

Приближение неприятеля к первопрестольной столице ввергло Глинку в совершенное отчаяние. Накануне вторжения французов в Москву он бил зеркала и рвал книги из своей богатой библиотеки [34, с. 23]. Глинка замешкался в Москве и едва не попал в плен. Он наблюдал, как полки Наполеона тремя колоннами входили в столицу, и видел, как в городе начался пожар. Этот момент очень эмоционально описан в его воспоминаниях, где, в частности, сказано, что «я предвидел... пожарный жребий» Москвы [29, с. 69–74]. Интересно, что некоторые современники, кто в шутку, кто всерьез, обвиняли Глинку в поджоге столицы. Так, А. П. Валуев, встретивший Глинку в послепожарной Москве

в начале 1813 г., «с жаром вскрикнул: «Что вы наделали с вашим Ростопчиным?» [35, с. 38–39]. И по прошествии многих лет, в 1835 г., один из московских литераторов, встретившись с Глинкой, заявил, что московский пожар – дело его рук [29, с. 80–81]. Глинка отметал подобные обвинения и усердно защищал Ф. В. Ростопчина от сомнительной славы поджигателя Москвы. Но на склоне лет в одной из своих неопубликованных работ писал, что именно он подал мысль о зажжении Москвы, «а граф Ростопчин произвел ее в действительности» [36, л. 204 об.–205]. В настоящее время факт организации московского пожара Ф. В. Ростопчиным является общепризнанным среди исследователей, но проверить истинность позднего признания Глинки в авторстве этой идеи не представляется возможным. Но было бы заманчивым предположить, что в число «тайных и важных» поручений Глинки входили меры по организации московского пожара.

Уже в 1830 г. в одном из своих писем П. А. Вяземский писал, что в 1812 г. С. Н. Глинка был «Штаббригадом московского ополчения» [37, с. 593]. Это образное сравнение с одним из видных европейских консерваторов, христианских мыслителей и гневных критиков Наполеона выглядит более чем удачным. В период Отечественной войны энергичная издательская и пропагандистская деятельность С. Н. Глинки среди московского населения, опиравшаяся на православную риторику и способствовавшая возжиганию ненависти к Наполеону и его войскам, способствовала предотвращению паники ввиду приближения неприятеля и созданию партизанских отрядов, серьезно беспокоивших французов в Москве и ее окрестностях, что стало одним из важных факторов победы над наполеоновской армией.

В послевоенный период в условиях падения популярности «Русского вестника» С. Н. Глинка приступил к систематизации исторических материалов, опубликованных на страницах журнала в предшествующие годы. Итогом этой работы стало написание «Русской истории», впервые частично опубликованной на страницах «Русского вестника» в 1817 и 1818 гг. Помимо этой публикации книга выдержала три издания: в 1817–1818 гг., в 1818–1819 гг. и в 1823–1825 гг.

Глинка полагал, что история должна воспитывать общественную мораль, патриотизм и вызывать чувство национальной гордости, поэтому считал себя вправе прибегать к мифотворчеству, морализаторству и модернизации исторических событий. Так, стремясь опровергнуть норманнскую теорию, он утверждал, что руссы были одним из славянских племен, но переселились за Ладожское озеро. Там они соседствовали с варягами и, конечно, подверглись их влиянию, однако не переняли их грабительских нравов. Отсюда и был призван Рюрик. Таким образом, оказывалось, что он принадлежал к славянскому корню [38, ч. 1, с. 8–26]. Название «славян» Глинка производил от славы [там же, с. 25–26], а опричников считал не русскими, а татарами и этим объяснял их жестокость [39, ч. 4, с. 112–133].

Историософия «Русской истории» С. Н. Глинки вырастает из консервативно-националистической концепции «Русского вестника». Коренным началом русского духа Глинка считал монархизм. Уже в IX в. славяне поняли, что «народное правление, возрождающее буйство и своеволие, вредно в земле великой и обильной» и добровольно установили «наследственную власть» [38, ч. 1, с. 64]. Принятие христианства закрепило установившийся политический порядок, связав народ «единодушием» и стремлением к «общей пользе». Все кризисы русской государственности были связаны с тем, что «Вера», «единодушие» и «общая польза» забывались в угоду «своеволию», «разномыслию» и исканию «личной выгоды». Так было в эпоху феодальной раздробленности и последовавшего за ней монголо-татарского ига [там же, ч. 2–3], правления Ивана IV [там же, ч. 4, с. 98–133], в период Смуты [39, ч. 5], в эпоху дворцовых переворотов [там же, ч. 8]. Но всякий раз политическое чутье русского народа способствовало восстановлению национальной политической системы. В этом смысле апофеозом русской истории для Глинки было начало XVII столетия, когда «самодержавие утвердилось в России верою и единодушным избранием на престол царя Михаила Феодоровича» [38, ч. 1, с. 64]. Таким образом, Глинка акцентировал внимание на том, что русская государственность имела аутентичный, а не привнесенный извне характер, и противопоставлял ее консервативную, патриархальную природу, нашедшую выражение в особом типе политического строя – самодержавии, либеральным политическим ценностям. Отечественную историю Глинка не разделял на периоды Московской Руси и Петербургской России. Царствование Петра I, а также Екатерины II он оценивал в контексте продолжения государственных традиций XVII в.

«История» Глинки была написана легко и увлекательно и имела определенный читательский успех. Но последнее ее издание подверглось критике со стороны Н. А. Полевого [40] и А. Ф. Воейкова [41]. В результате книга оказалась нераскупленной, а Глинка погряз в долгах. За книгу вступился Н. М. Карамзин, который ходатайствовал перед министром народного просвещения А. С. Шишковым о том, что «Русская история» «по изложению происшествий и по нравственной цели заслуживает быть классической книгой» [42]. Фактически это означало признание книги пригодной для программ различных учебных заведений. Статуса классической работа Глинки не получила, но ему была выдана премия, позволившая уплатить долг в типографию.

«Русская история» стала последним крупным консервативным проектом С. Н. Глинки. Изменение общественных настроений и сложное материальное положение его многочисленной семьи, вызванное потерей всего имущества в московском пожаре 1812 г. и абсолютной непрактичностью Глинки, превратило последние десятилетия его жизни в непрерывную борьбу с нищетой. Хоть как-то сводить концы с концами помогала литературная деятельность, преимущественно имевшая педагогический характер. К 1817–1819 гг. отно-

сится еще одно педагогическое предприятие С. Н. Глинки. Речь идет о пансионе для донцов, открытом по просьбе самих казаков. Современники отмечали «блистательный» успех пансиона; некоторые даже утверждали, что «золото обильно лилось в его (Глинки. – Н. Л.) карманы» [33, с. 271]. Из воспоминаний самого владельца видно, что воспитательная деятельность действительно давала значительный доход. Но мечтательный, непрактичный Глинка оказался совершенно не способен вести пансионное хозяйство. Он залез в огромные долги и, просуществовав два года, пансион был закрыт с дефицитом в десять тысяч рублей [1, с. 366–367].

Положение Глинки было настолько тяжелым, что он даже сочинял надгробные надписи. В июле 1825 г. он отправился в Петербург, чтобы просить место директора гимназии в каком-нибудь городе, но А. С. Шишков заявил, что тот пригодится ему в Москве в качестве цензора при Московском университете [1, с. 398–400]. Интересно, что С. Н. Глинка крайне негативно отреагировал на цензурный устав, разработанный консервативным министерством А. С. Шишкова. В «Записках» Глинка утверждал, что именно он метко назвал устав «чугунным» [там же, с. 409]. Все же его материальное положение было столь затруднительным, что 1 октября 1827 г. С. Н. Глинка был «вынужден» начать службу в Московском цензурном комитете.

С. Н. Глинка, прямолинейный, не умевший сдерживать своих эмоций, не склонный к кропотливой работе, доверчивый, мало подходил на должность цензора. Не желая стеснять свободы авторов, Глинка часто подписывал их рукописи, не читая. Годы его цензорства были ознаменованы рядом конфликтов, некоторые из которых получили широкую общественную огласку. В 1830 г. С. Н. Глинка был уволен из цензурного комитета за то, что пропустил в печать в «Московском телеграфе» сатирический фельетон Н. А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина», в котором явно проглядывали намеки на престарелого князя Н. Б. Юсупова [там же, с. 417–418].

Участь С. Н. Глинки, оставшегося без содержания, взволновала его друзей. Так, в его судьбе принимал участие П. А. Вяземский, который просил «замолвить слово» за Глинку перед великим князем Михаилом Павловичем, в письме к Е. М. Хитровой просил ее «постучаться у сердца Бенкендорфа» с тем, чтобы Глинке выдали пенсию [43, с. 84]. С этой же просьбой он обратился к Д. Г. Бибикову, напоминая, что «наказав цензора за оплошность... не имели в виду, что губят вместе с тем... писателя, служившего пером своим верою и правдою правительству, особенно же в 1812 году» [44].

С. Н. Глинка и сам подавал прошения сменившему Шишкова К. А. Ливену о назначении ему пенсии. Униженный тон этих обращений говорит о том, насколько трудным было материальное положение уволенного цензора. Прошение С. Н. Глинки было удовлетворено.

Вскоре после увольнения с должности цензора С. Н. Глинке пришлось оставить Москву. Он уехал сначала в Смоленск, а затем в Петербург, где

продолжал пользоваться поддержкой литераторов консервативного толка – А. С. Шишкова и В. А. Жуковского (кстати, последний был близким другом семьи С. Н. Глинки, крестным отцом одного из его сыновей, и, вообще, принимал довольно деятельное участие в судьбах членов этого семейства [45]). В северной столице Глинка сосредоточился на литературной деятельности, и 1830–1840-е гг. стали довольно плодотворными в этом плане. Особо стоит отметить его сочинения, касающиеся восточного вопроса во внешней политике России, и мемуары об Отечественной войне.

Первая тема стала реакцией на причины и события Русско-персидской войны 1826–1828 гг. и Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Еще в Москве Глинка начал, а в Петербурге продолжил публиковать работы, в которых обосновывал правомерность греческого восстания и российского влияния на территории Греции [46–49] и доказывал правомерность притязаний России на вхождение армянских территорий в состав Российской империи [50–51]. В последнем случае определяющими факторами он считал исповедание одной религии (Глинка не замечал разницы между русским православием и армянским монофизитством. – *Н. Л.*), породившее схожесть нравственного облика двух народов и общность политического устройства.

В 1836 и 1837 гг. соответственно были опубликованы «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения» [29], «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва» [35]. Известно, что эти воспоминания позже стали одним из источников при написании Л. Н. Толстым романа «Война и мир» [20].

В 1830–1840-е гг. годы С. Н. Глинка не переставал писать статьи в различные журналы. Так, на рубеже 20–30-х гг. XIX в. он сотрудничал в «Дамском журнале», в 1837 г. – в «Сыне Отечества», в 1841 г. – в «Репертуаре русского театра», в 1843–1844 гг. – в «Современнике», «Журнале Министерства народного просвещения» и «Маяке». Особое значение он придавал сотрудничеству с возобновленным по инициативе Н. И. Греча, Н. А. Полевого и Н. В. Кукольника «Русским вестником», издававшимся в 1841–1844 гг.

Названия последних литературных сочинений С. Н. Глинки – «Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и Отечеству» [52] и «Русское чтение» [53] – свидетельствуют о том, что их автор все еще хранил верность «русскому направлению». Содержательно эти работы мало чем отличались от его публицистики периода издания «Русского вестника».

Иную картину дают неопубликованные сочинения С. Н. Глинки, написанные им в 1840-е гг. [36, 54–55]. Если в консервативный период своей деятельности Глинка исходил из идеи господства над миром нравственных законов и возможности регулирования с их помощью политической сферы, то в последние годы жизни пришел к убеждению необходимости регулирования политической системы государства политико-правовыми мерами. Важней-

шей из них он считал введение конституции, обеспечивающей равенство всего населения страны перед законом. В связи с этим жесткой критике подвергалась законодательная деятельность русских монархов петербургского периода, особенно Петра I, Екатерины II и Александра I. Глинка считал дарование конституции России обязанностью Николая I [36, л. 107–210 об.]. Таким образом, в последние годы жизни взгляды Глинки эволюционировали в сторону консервативного либерализма, так как источником и гарантом прав должна была выступать личность монарха.

В последние годы жизни С. Н. Глинка часто тяжело болел и ослеп. К. А. Полевой, видевший его незадолго перед смертью, зимой 1846/47 г., был изумлен смирением и преданностью провидению, с какими этот некогда огненный человек переживал свое ужасное несчастье. Чтобы хоть как-то двигаться, Глинка велел протянуть через комнату веревочку и ходил, держась за нее. Дочь его, находившаяся всегда при нем, читала ему или писала под его диктовку. Из прежних знакомых, кроме Полевого, только П. А. Вяземский посетил слепого Глинку [56, с. 258].

Сергей Николаевич Глинка умер 5 апреля 1847 г. Похоронен он на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. Семья Глинки оказалась на грани нищеты. Не раз помогавший Сергею Николаевичу П. А. Вяземский помог ему в последний раз: в некрологе о Глинке попросил «всех добрых людей» выкупить оказавшиеся нераспроданными экземпляры «Русского чтения», чтобы хоть как-то помочь вдове и детям человека, который всю жизнь был в «полном значении слова: человеком, гражданином, христианином» [26, с. 445–446].

Изучение истории и сущности русского консерватизма и национализма невозможно без анализа идейно-политической биографии Сергея Николаевича Глинки. Сложность его интеллектуальной эволюции раскрывает философские основы становления консервативно-националистической идеологии в России, которая формировалась не только в противовес европейским философским направлениям, прежде всего просветительству, но и в значительной степени под их влиянием. В концепциях консерваторов первой четверти XIX в. были сформулированы теории и концепты, развитые русским консерватизмом последующих эпох. Не был исключением и С. Н. Глинка. Его историческая концепция, безусловно, оказала влияние на русскую патриотическую историографию николаевского царствования, прежде всего на М. П. Погодина, который в юном возрасте потратил свои первые деньги на полное собрание «Русского вестника». Трехединица формула Глинки «Бог. Вера. Отечество», явившаяся консервативной альтернативой революционного лозунга «Свобода. Равенство. Братство», на наш взгляд, стояла у истоков идеологического поиска, завершившегося созданием знаменитой уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность». Патриархальная модель общественно-политического устройства, представленная в «Русском вестнике» и «Русской истории», перекликается с моделью государственного устройства, раз-

работанной К. П. Победоносцевым. И это лишь самые очевидные примеры. В любом случае С. Н. Глинка стоял в ряду тех мыслителей и государственных деятелей, которые начали формировать представление о том, что Россия – особый мир, цивилизационно отличный от Европы, а поэтому должна развиваться по собственному, самобытному пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глинка С. Н. Записки* / С. Н. Глинка. – М., 2004. – 464 с.
2. *Сивков К. Глинка С. Н.* / К. Сивков // *Русский биографический словарь.* – М., 1995. – С. 290–297.
3. [Евдокимов И. В.] *Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование* / [И. В. Евдокимов] // РГАЛИ. – Ф. 1246. – Оп. 1. – Ед. хр. 121. – Л. 1; Оп. 3. – Ед. хр. 75. – 237 л.
4. *Автобиографическая записка Глинки Сергея Николаевича. 18 сентября 1830 г.* // РГАЛИ. – Ф. 141. – Оп. 3. – Ед. хр. 35. – 5 л.
5. *Лупарева Н. Н. «Отечестволюбец» : общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки* / Н. Н. Лупарева. – Воронеж, 2012. – 216 с.
6. *Володина Т. А. Русская история С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в.* / Т. А. Володина // *Вопросы истории.* – 2002. – № 4. – С. 147–161.
7. *Глинка Сергей. Б.м. Б.г. письмо Д. П. Руничу* // ОР РНБ. – Ф. 859. – Картон 34. – № 39. – Л. 115 об.–116.
8. *Письма С. Н. Глинки к Д. П. Руничу* // РГАЛИ. – Ф. 1246. – Оп. 1. – Ед. хр. 121. – Л. 160–167.
9. *Письмо С. Н. Глинки к Г. Р. Державину 21 марта 1807 г.* // *Державин Г. Р. Соч. с объяснительными примечаниями Я. Грота.* – СПб., 1876. – Т. 6. – С. 201–203.
10. *Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского Царства : трагедия : в 5 действиях* / С. Н. Глинка. – М., 1806.
11. *Письмо С. Н. Глинки к Г. Р. Державину 8 мая 1807 г.* // *Державин Г. Р. Соч. с объяснительными примечаниями Я. Грота.* – Т. 6.
12. *Глинка С. Н. Михаил, князь Черниговский : трагедия : в 5 действиях* / С. Н. Глинка. – М., 1808. – С. III–XVIII.
13. *Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в.* / А. Л. Зорин. – М., 2004. – 416 с.
14. *Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века* / А. Ю. Минаков. – Воронеж, 2011. – 560 с.
15. *Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки* / А. В. Предтеченский // *Предтеченский А. В. Из творческого наследия.* – СПб., 1999. – С. 118–132.
16. *Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства* / М. Г. Альтшуллер. – М., 2007. – 448 с.
17. *Русский вестник. 1808–1815 гг.*
18. *Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов»* (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) / Л. Н. Киселева // *Ученые записки Тартус. гос. ун-та.* – 1983. – Вып. 620. – С. 18–29.
19. *Репников А. В. Метаморфозы русского консерватизма : от С. С. Уварова до Никиты Михалкова* / А. В. Репников // *Отечественная история.* – 2001. – № 3. – С. 107–108.

20. [Евдокимов И. В.] Статьи-доклады «Сергей Николаевич Глинка», «Pro domo sua» по поводу доклада о С. Н. Глинке. Черновая запись доклада о С. Н. Глинке. 1913 / [И. В. Евдокимов] // РГАЛИ. – Ф. 1246. – Оп. 1. – Ед. хр. 120. – 26 л.

21. *Велижев М.* «Сусанинский миф»: становление канона / М. Велижев, М. Лавринович // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 63.

22. *Мартин А.* «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808–1812) / А. Мартин // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 85–116.

23. Письмо А. С. Шишкова к Я. И. Бардовскому от 19 июля 1811 г. // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. – Берлин, 1870. – С. 318–321.

24. Хвостов Дмитрий Иванович. Письмо издателю «Русского вестника» // ОР РНБ. – Ф. 191. – Ед. хр. 28. – 2 л.

25. *Вигель Ф. Ф.* Записки : в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. – М., 2003. – Кн. 1. – 608 с.

26. *Вяземский П. А.* Глинка Сергей Николаевич / П. А. Вяземский // Глинка С. Н. Записки. – С. 435–446.

27. *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти / М. А. Дмитриев. – М., 1869. – 297 с.

28. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1894. – Кн. 8. – С. 33–34.

29. *Глинка С. Н.* Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения / С. Н. Глинка. – СПб., 1836. – 401 с.

30. *Глинка В. С.* Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки. Б/д / В. С. Глинка // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Ед. хр. 675. – 20 л.

31. *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза / В. К. Надлер. – Рига, 1886. – Т. 1. – 378 с.

32. *Евдокимов И. В.* Забытый патриот 1812 г. / И. В. Евдокимов // С.-Петербургские ведомости. – 1912. – 29 авг. – № 195. – С. 7–26.

33. *Лажечников И. И.* Новобранец 1812 года (из моих памятных записок) / И. И. Лажечников // Собр. соч. – СПб., 1858. – Т. 7. – С. 270–272.

34. *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера / Ф. Н. Глинка. – М., 1987. – 383 с.

35. *Глинка С. Н.* Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года, с присовокуплением статей : 1) Александр I и Наполеон ; 2) Наполеон и Москва / С. Н. Глинка. – СПб., 1837. – 370 с.

36. [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. / [С. Н. Глинка] // ОР РНБ. – Ф. 191. – Оп. 1512. – Ед. хр. 18. – 212 л.

37. Князь Вяземский – Бибикову Д. Г. Остафьево, 2 сент. 1830 // Вяземский П. А. Старая записная книжка. – 1813–1877. – С. 593–594.

38. *Глинка С. Н.* Русская история в пользу воспитания / С. Н. Глинка. – М., 1818. – Ч. 1. – 404 с. ; Ч. 2. – 186 с. ; Ч. 3. – 166 с. ; 1823. – Ч. 4. – 173 с.

39. *Глинка С. Н.* Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой / С. Н. Глинка. – М., 1823. – Ч. 4. – 173 с. ; Ч. 5. – 215 с. ; Ч. 8. – 208 с.

40. Московский телеграф. – 1825. – № 10. – С. 79.

41. Славянин. – 1828. – № 30. – С. 150.

42. Письмо Карамзина к Шишкову о Глинке // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. – М., 1866. – Ч. 2. – С. 399–400.

43. Письмо П. А. Вяземского к Е. М. Хитровой // Русский архив. – 1899. – № 5. – С. 83–87.

44. Письмо П. А. Вяземского к Д. Г. Бибикову // Русский архив. – 1899. – № 5. – С. 87–88.

45. Письмо С. Н. Глинки к В. А. Жуковскому. С.-Петербург, 1844, 15 сент. // Там же. – С. 90–91.

46. *Глинка С. Н.* Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки. С историческими примечаниями сочинителя и подражателя / С. Н. Глинка. – М., 1828. – 30 отд. л. Книга была запрещена к печати цензурой.

47. *Глинка С. Н.* Обзорение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей. С присовокуплением 12 картинок, изображающих окрестности Константинополя, древние и новые памятники зодчества, находящиеся в стенах его // С. Н. Глинка. – М., 1829. – 94 с.

48. *Глинка С. Н.* Картина историческая и политическая новой Греции / С. Н. Глинка. – М., 1829. – 127 с.

49. *Глинка С. Н.* Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой державы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года / С. Н. Глинка. – М., 1830. – 308 с.

50. *Глинка С. Н.* Обзорение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи : в 2 ч. / С. Н. Глинка. – М., 1832. – Ч. 1. – 273 с. ; 1833. – Ч. 2. – 294 с.

51. *Глинка С. Н.* Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою / С. Н. Глинка. – М., 1831. – 142 с.

52. *Глинка С. Н.* Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству : в 2 кн. / С. Н. Глинка. – СПб., 1842. – Кн. 1. – 56 с. ; Кн. 2. – 63 с.

53. Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою : в 4 вып. – СПб., 1845. – Вып. 1. – 74 с. ; Вып. 2. – 75–143 с. ; Вып. 3. – 144–256 с. ; Вып. 4. – 257–312 с.

54. *Глинка С. Н.* Взгляд на русскую народность в XVIII столетии / С. Н. Глинка // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Ед. хр. 671. – Б/д. – 24 л.

55. [Глинка С. Н.] История России. Отрывки : Глава 1. О быте русских крестьян до Петра I и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава 2. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян / [С. Н. Глинка] // ОР РНБ. – Ф. 191. – Оп. 1512. – Ед. хр. 12. – 1844? – 32 л.

56. *Полевой К. А.* Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого / К. А. Полевой // Полевой Н. А. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. – Л., 1934. – С. 250–258.

*Военно-воздушная академия имени
профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина*

Лупарева Н. Н., кандидат исторических наук, преподаватель

E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru
Тел.: 8-920-416-50-40

*Air Force Academy named after of Professor
N. E. Zhukovski and Yu. A. Gagarin*

Lupareva N. N., Candidate of Historical Sciences, Lecturer

E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru
Tel.: 8-920-416-50-40

**ФОТИЙ (П. Н. СПАССКИЙ):
философско-религиозные взгляды,
общественно-политическая и церковная деятельность**

Ю. Е. Кондаков

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена*

Поступила в редакцию 29 апреля 2015 г.

Аннотация: архимандрит Фотий (1792–1838) был заметным явлением политической и религиозной жизни России. Он принял участие в движении русской православной оппозиции, а затем и возглавил его. Под влиянием Фотия Александр I в 1824 г. поменял политический курс. Фотий одним из первых открыто выступил с критикой масонства. Русская церковь обязана ему повышением престижа духовенства.

Ключевые слова: государство, церковь, консерватизм, духовенство, митрополит, епископ, политическая борьба, масонство, православие, христианство, религиозная литература.

Abstract: archimandrite Photius (1792–1838) was a notable phenomenon of political and religious life of Russia. He took part in the movement of the Russian Orthodox opposition, and then led him. Under the influence of Photius Alexander I in 1824 he changed the political course. Photios one of the first openly criticized Freemasonry. Russian church owes him increase the prestige of the clergy.

Key words: the state, the church, conservative clergy, the Metropolitan Bishop, the political struggle, freemasonry, orthodoxy, christianity, religious literature.

В настоящее время среди историков пользуется большой популярностью первая четверть XIX в. Издан ряд трудов, посвященных политическим деятелям этого периода. Пересмотру подверглись оценки А. А. Аракчеева, М. Л. Магницкого, А. С. Шишкова. Развеяны многие исторические мифы. Но даже в начале XXI в. историк, изучающий начало века XIX, не может быть свободен в своих оценках.

Есть такие исторические фигуры, изучая которые невозможно быть беспристрастным. По одному и тому же материалу можно давать различные оценки одного и того же политика. К таким «проблемным» деятелям относится настоятель Юрьева монастыря архимандрит Фотий (1792–1838). Он активно участвовал в политической борьбе, был ярким выразителем взглядов партии русских консерваторов. При этом Фотий буквально воспринимал клят-

вы, принесенные при принятии монашества, и главной своей заботой считал спасение души. В любое время и в любом обществе есть люди, разделяющие религиозно-философские взгляды Фотия, есть и такие, кто их категорически не приемлет. Для одной группы Фотий был и остается подвижником, для другой – фанатиком и мракобесом. Хотя беспристрастная оценка архимандрита и невозможна, но биографию его изучать нужно и важно. Факты всегда останутся фактами, какую бы интерпретацию не придали им исследователи. Данный материал базируется на ряде документов, до сих пор не известных не только широкой публике, но и специалистам.

Будущий настоятель новгородского Юрьева монастыря архимандрит Фотий (Петр Никитич Спасский) родился 7 июня 1792 г. в семье Никиты Федоровича, чтеца церкви Преображения Господня Спасского погоста Новгородского уезда. Семьи сельских церковнослужителей того времени почти не отличались от семей крестьян – бедных и многодетных. Мальчик был уже третьим ребенком, родившимся в этой семье, но его брат и сестра, Матфей и Ксения, умерли вскоре после рождения. По желанию отца и матери мальчик был назван Петром, в честь Петра Афонского. Вскоре отец Петра был посвящен в дьяконы. После Петра его мать Евфимия родила еще двух детей, но, заболев после последних родов, уже не выздоровела. В неделю Святой Пасхи 1796 г. она умерла. Спустя многие годы стараниями Фотия на могиле матери была установлена каменная церковь.

Когда Петру исполнилось десять лет, отец определил его в числе певчих в Казанский собор С.-Петербурга. Вскоре мальчик заболел, и его вернули домой. Издатель автобиографии Фотия В. И. Жмакин указывал, что у Петра впоследствии выработался прекрасный тенор, он любил церковное пение и завел в Юрьевом монастыре прекрасный хор [1, с. 160].

В декабре 1802 г. Петр был определен в Новгородскую семинарию, расположенную в монастыре Антония Римлянина (где ныне располагается Новгородский университет). Фотий писал, что храм, где хранились мощи Антония Римлянина, был для него святым местом древностей и благочестия. Входя туда, он чувствовал себя вне мира, а при выходе ощущал сладкую радость. Здесь он находил утешение в бедности, болезнях и скорбях. Живя 12 лет в семинарии, Петр никогда не ходил в город, боясь общества и проистекающих от него соблазнов, даже не был в Софийском соборе. Он постоянно молил Господа о ниспослании ему возможности стать монахом. Видя бедность новгородских монастырей и храмов, он мечтал о том, чтобы на него обрушился золотой дождь, и он употребил бы это богатство на обустройство церквей, призрение нищих, заботу о странниках и бедных. Всему этому суждено было сбыться, и деньги графини А. А. Орловой-Чесменской были направлены на восстановление церквей и монастырей.

В «Плачевной повести о искушении во все дни живота» Фотий описывал свое обучение в семинарии более мрачными красками. Согласно этой версии,

родители Петра были очень бедны, и обидеть мальчика мог любой. Были случаи, когда от побоев Петр «плевал кровью». В 12 лет Петр подвергся сексуальным домогательствам одного из старших учеников, жертвами которого стали уже многие воспитанники младших классов. Однако Петру удалось отбить покушения этого «содомлянина». Фотий писал, что за учебу его не наказывали, но часто за неопрятность в одежде (по бедности) ему приходилось как наказание класть по 600 поклонов. Петра донимали насекомые, а в баню он стыдился идти от того, что «короста покрывала все его тело» [2, с. 12].

В «Плачевной повести» можно найти объяснение тому, как мальчик из бедной семьи, не имевший протекции, был рекомендован для поступления в духовную академию. Фотий объясняет это так: узнав о том, что Петр устоял перед сексуальными домогательствами, его вызвал в свой кабинет «первый начальник» (видимо, ректор семинарии. – Ю. К.) и попытался также «приласкать». Несмотря на то что Петр отверг покушения «первого начальника», тот «проникся к нему любовью» и в течение всего времени обучения оказывал протекцию. По воспоминаниям Фотия, именно «первый начальник» распорядился взять его на казенное содержание [2, с. 13].

По окончании учебного курса семинарии, составившего 11 лет 6 месяцев и 25 дней, Петр в числе лучших учеников был направлен на обучение в Петербургскую духовную академию и 11 августа 1811 г. отбыл из Новгорода в Александро-Невскую лавру.

Трудно сказать, какие именно события в детстве Фотия обусловили его будущий характер и особые религиозные взгляды. Воспитанный в бедной семье, он с детства привык терпеть лишения. Долгие годы его единственным чтением была Библия и труды Святых Отцов. Именно на их примере он учился и планировал строить свою жизнь. Для бедного мальчика монашеская жизнь имела определенную привлекательность. Выработавшиеся в детстве строгие религиозные взгляды и определенные способности Фотия обусловили развитие его дальнейшей карьеры по духовному ведомству.

Петр прибыл в Петербург 12 августа 1814 г. С группой выпускников Новгородской семинарии он был представлен ректору академии архимандриту Филарету и ректору семинарии архимандриту Иннокентию. Всем поступающим в этом году в академию был назначен вступительный экзамен, проводимый самим ректором. Фотий указывал, что среди абитуриентов он больше всех отличился знаниями и заслужил похвалу Филарета. С приездом в столицу начался новый этап в жизни Петра Спасского. Оказавшись в новой для себя обстановке, молодой человек должен был сделать выбор, «кому следовать» в жизни. Петр вновь предпочел старину новомодным веяниям. Он отказывался читать популярные в то время «мистические» сочинения, а в своих проповедях и трудах опирался на сочинения Отцов церкви. В дальнейшем это определило политическую ориентацию Петра. Он примкнул к стану ультраконсервато-

ров, сплотившихся в православную оппозицию. Главными представителями этого направления были глава писателей-архаистов А. С. Шишков и ректор петербургской семинарии архимандрит Иннокентий.

Фотий писал, что, поступив в академию, занимался там очень усердно. Среди его любимых предметов было толкование Священного Писания, а наиболее нелюбимой была история философии. Петр часто болел и даже лежал в больнице. В академии во время постов ученикам давали есть рыбу, с этим Петр смириться не мог и голодал, «съедая в неделю столько, сколько раньше ел в день». Чувствуя неспособность продолжать обучение, Петр обратился к ректору Филарету, и тот, проконсультировавшись с доктором О. К. Каменским, решил отпустить больного лечиться домой. Фотий, вспоминая этот период своей жизни в «Плачевной повести», писал, что в академии был «сущий ад» и от огорчений он получил «помрачение в очах» [2, с. 15]. Филарет добился выделения Петру на дорогу 50 рублей, от себя прибавил 25 и еще 25 попросил пожертвовать знакомых. Таких денег бедный ученик никогда не держал в руках, и это событие запомнилось ему на всю жизнь.

В сентябре 1815 г. Петр по болезни был отчислен из академии и поступил учителем латинского и греческого языков, славянской грамматики, церковного устава и закона Божьего в Александровское духовное училище при Петербургской семинарии.

В должности учителя Петр внимательно относился к ученикам, и они в ответ любили его. Живя в одном доме с ними, он наблюдал за их поведением в неурочное время. Не имея возможности содержать в своей келье прислугу, Петр позволял ученикам вести его хозяйство. Ректор семинарии Иннокентий, видя усердие нового учителя, часто приглашал его к себе домой для бесед. Имеются сведения, что еще во время обучения в академии Иннокентий предложил Петру квартиру и стол, поселив его у себя [3, с. 15]. С этого времени Петр приобрел духовного отца и учителя в лице главы цензурного комитета духовной академии и известного писателя. Впоследствии он очень дорожил вниманием Иннокентия и старался во всем брать с него пример «в словах, действиях, поступках и духе веры».

Отражение политических взглядов Иннокентия можно найти в книге Фотия «Сказание о житии и подвигах блаженного Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского». В своем труде, призванном раскрыть обществу дела Иннокентия, Фотий приводил отрывки поучений, в которых Иннокентий обрушивался на новые книги и заблуждения, разделяемые лидерами Библейского общества. Фотий был свидетелем многих встреч своего учителя с единомышленниками и споров с противниками, содержание которых он и воспроизводил в своей книге. Иннокентий критиковал многие направления духовной жизни царствования Александра I. Выступая против слабых и вредных проповедей, он говорил: «Мы плохие проповедники, проповедуем не для спасения душ, а для сотрясения воздуха..., когда в проповеди есть семе-

на лжи, проповедник убивает чад своих духовных». Иннокентий однозначно указывал, что «вредный дух» попадает в проповеди русского духовенства из западных сочинений. «Учителя Православной церкви забыты, а на смену им пришли Массильон, Боссюэт, Бурдалу, Флешье...; под видом очищения религии западные учителя хотят внедрить царство антихриста», – говорил он (по интерпретации Фотия) [4, с. 42]. Иннокентий беспощадно критиковал духовную литературу, издаваемую помимо духовной цензуры. Он отмечал произведения Беме, Гюйон, Юнга-Штиллинга, Эккартсгаузена, Иерусалема как наиболее вредные [5, с. 31–41]. Иннокентий прекрасно видел реформистские покушения Александра I и указывал, что они порождают секты, ереси и расколы. По словам Фотия, Иннокентий отвергал «всякий дух, кой не дух Церкви Христовой, коим она дышала во святых Отцах» [4, с. 42].

Отношения Фотия и его наставника Иннокентия по-разному оценивались в исторических трудах. С. И. Миропольский считал, что именно Иннокентий воспитал в Фотии ту нетерпимость, которой он в дальнейшем славился [6]. Издатель автобиографии В. И. Жмакин находил, что, напротив, Фотий побуждал Иннокентия к борьбе [7]. Эта же версия фигурирует в книге Фотия «Сказание о житии и подвигах блаженного Иннокентия...» и автобиографии. То, что Фотия и Иннокентия объединяли общие взгляды, видно из письма, посланного из Пензы в 1819 г.: «Что наши голоса с тобой, если не писканья кишаших на земле насекомых? И что наши с тобой усилия, если не усилия напряженной руки младенца сдвинуть стену, строенную многими веками, строенную многими миллионами, поддерживаемую многими подпорами, хотя, впрочем, стену Вавилонскую» [8, с. 410].

Свои политические воззрения Фотий демонстрировал в письмах к М. П. Толстой в 1820 г. Он объяснял, что существует только одна христианская церковь – Восточная, а остальные – это лишь искажения христианства, наиболее страшными из которых являются разновидности протестантизма. «Что же касается до тех безумств, кои суть квакеры и подобные им, ... делами не суть христиане, – писал Фотий, – почему иные вовсе отпадают от веры истинной Божьей Христовой и избирают внутреннее христианство, словом, позволяют внутрь войти Антихристу, то сии горше язычников. Посему и называются то филодельфийцами, то генуэзцами, то братьями и товарищами и иными странными именами. Страх объемлет меня, когда помышляю, како они заблудшие и дерзки, и буйны, и слепы... Они есть суть саранча, навалившаяся на отечество наше и светлую Церковь» [9, с. 4–5]. Несомненно, что взгляды такого рода сформировались у Фотия под влиянием старшего товарища Иннокентия.

От Иннокентия Фотий перенял некоторую особенность религиозного поведения, за которую в течение жизни он подвергался критике врагов как лицемер и корыстолюбец. Интересно то, что Иннокентию ни при жизни, ни после смерти эти поступки в вину никогда не ставились. Иннокентий всегда пользовался вниманием дам высшего света, среди них наиболее известными

были С. С. Мещерская, А. С. Голицына, Н. С. Трубецкая, А. А. Орлова-Чесменская. Иннокентий состоял с ними в переписке, поучал и наставлял, вероятно, был духовником некоторых из них. Он не стеснялся принимать помощь своих духовных чад, используя для поездок их кареты и присланные ими кушанья для стола. Перед смертью Иннокентий передал Фотия на попечение этих дам. То, что по отношению к Иннокентию в высшем свете воспринималось как должное, Фотию не прощалось. Духовное общение с С. С. Мещерской, А. А. Орловой-Чесменской, Д. А. Державиной, Е. И. Кутузовой, П. М. Толстой до сих пор ставится Фотию в вину. Использование денег своих духовных дочерей всегда оставалось одним из главных доказательств двуличности Юрьева архимандрита.

Иннокентий вел строгий образ жизни, носил власяницу, дни и ночи проводил в молитвах, и это пагубным образом сказывалось на его здоровье [10, с. 13]. Он часто болел, причем болезнь усиливалась в дни «скорбей и гонений». Чахотку, ставшую причиной его смерти, Иннокентий получил в 1817 г., когда ночью, готовясь к утренним занятиям в семинарии, он уснул прямо на каменном полу; проснулся архимандрит сильно простуженным и от болезни уже не оправился [11, с. 13]. Фотий полностью воспринял строгий образ жизни своего учителя, он также не щадил себя в духовных трудах и расплачивался за это своим здоровьем. Но то, что у Иннокентия современники почитали за праведность, у Фотия называли «внешностью» и показным благочестием.

Письма к своим духовным чадам Иннокентий часто подписывал «убогий Иннокентий», «грешный Иннокентий»; в его письме А. А. Орловой-Чесменской от 8 июня 1819 г. есть такие строки: «Боже мой! Как почитают и грешников, обличенных саном священным! И окаянный Иннокентий должен был благословлять окаянною рукой многие сотни людей, может быть, праведных» [12, с. 3]. Очевидно, что когда А. А. Орлова-Чесменская впоследствии именovala себя в переписке «окаянной Анной», она брала пример с Иннокентия. Фотий также называл себя в письмах «убогий Фотий», «убогий чернец Фотий», но то, что современники принимали от Иннокентия, они не прощали его ученику.

От своего учителя Фотий перенял своеобразное и весьма редкое отношение к еретикам и отступникам от веры. Ошибки и заблуждения человека, согласно этому взгляду, не ставились ему в прямую вину, за всем этим Фотий видел козни сатаны. Поэтому, непримиримо обличая масонов и еретиков, Фотий при личном общении с ними старался наставить их на путь спасения. Фотий безуспешно пытался обратить А. А. Жеребцова, А. Ф. Лабзина и А. Н. Голицына. Эти естественные для православного священника труды современники не понимали и объявляли двуличием.

В начале 1816 г. Петр сочинил проповедь «В чем состоять будет будущее единение в Боге верных» и принес Иннокентию, который, в свою очередь, зачитал это произведение митрополиту Амвросию и сообщил Петру его благоволение. Петру было поручено прочитать свое творение 27 января в Невской

Лавре, но из-за болезни он сделать этого не смог. Второй раз Петру доверили проповедовать в церкви Св. Лазаря в Невском монастыре, и он написал новое «слово» «В чем состоит смерть души нашей». Иннокентий был удивлен твердыми взглядами молодого учителя и спросил, какие книги тот читает. Петр ответил, что книг Святых отцов у него нет, а новых мирских книг и проповедей он не терпит, поэтому свои проповеди строит на Библии, которую одну и читает. Иннокентий одобрил неприятие новых книг и вновь показал проповедь Петра Амвросию. Первоприсутствующий член Священного синода выразил свое благоволение, и на этот раз к нему присоединился ректор академии Филарет, также довольный своим бывшим учеником.

Как видно из послужного списка, карьера Петра развивалась стремительно. Филарет и Иннокентий рекомендовали Петра на открывшуюся вакансию законоучителя первого кадетского корпуса, митрополит Амвросий одобрил эту кандидатуру. При рекомендации Петра Иннокентий объявил митрополиту, что молодой учитель давно хочет принять монашество. Инспектор семинарии Поликарп объявил Петру о предстоящем постриге, к великой радости последнего. К этому моменту Петр уже три месяца изнурял себя строгим постом, в некоторые дни не принимая даже воды. Отослав все свои деньги отцу, он не имел средств даже приобрести должное монашеское одеяние, и Филарет дал ему клобук, рясу, камилавку, а Амвросий – бархатный подрясник, сто рублей, молитвенник и четки. Иннокентий предложил молодому учителю самому избрать себе монашеское имя, но он отказался, сказав, что новое имя будет дано ему свыше. Своим духовным отцом в монашестве Петр попросил быть Иннокентия, «самим Богом для этого избранного». Он был пострижен в монахи 16 февраля 1817 г., рукоположен в иеродьяконы 17 февраля, в иеромонахи – 18 февраля [13, с. 2].

Такое быстрое посвящение, впрочем, бывшее не редким в то время, нужно было, чтобы Петр мог занять пост законоучителя на освободившейся вакансии. 21 февраля он был назначен на эту должность в первый кадетский корпус (откуда почти сразу был переведен во второй кадетский корпус). В автобиографии Фотий также подтверждает этот факт, указывая, что, когда открылась вакансия, Филарет и Иннокентий выбрали его, с чем согласился и митрополит Амвросий, и ему велено было подать прошение в монашество. Более того, Фотий свидетельствует, что, назначая его на этот пост, наставники несколько раз переправляли его возраст с 24 с половиной на 30, а позднее на 32 года. Трехлетнее испытание, положенное перед постригом, Петру также назначено не было. Свое монашеское имя он получил, как ему объяснили, в честь патриарха Цареградского, возведенного в сан за три дня и несколько раз отлучавшегося от сана за православие. При выборе имени Петру его наставники, видимо, руководствовались не только обстоятельствами его скорого посвящения, но и прямолинейными взглядами будущего борца за православие. Постриг Петра совершали совместно Филарет, Иннокентий и Амвросий,

в иеродьяконы его возводил архиепископ Ириний, а в иеромонахи его вновь посвящали Филарет, Иннокентий, Амвросий и посвящаемый в то же время в архиерейский сан Павел. После церемонии посвящения все собрались на трапезу в доме митрополита Амвросия, чтобы чествовать нового архиерея Павла. Фотий также был в числе приглашенных. Здесь новый монах был представлен А. Н. Голицыну как редкий случай посвящаемого сразу двумя архиереями.

В автобиографии Фотий лишь вскользь упоминает о действиях Иннокентия в 1818 г. Он пишет, что Иннокентий был призван свыше учить и начать творить, «когда земная тьма охуждала очи телесные многих архиереев»; он также считал, что перевод Священного Писания на русский язык может принести больше вреда, чем пользы [14, с. 111]. В «Сказании...» Фотий был более категоричен в оценке действий Иннокентия. Фотий писал, что его учитель не принимал духовно-религиозной политики правительства [4, с. 44–50]. О том, что в душе Иннокентия в 1818 г. царили сомнения, свидетельствует его письмо С. С. Мещерской, написанное в начале 1818 г.: «Бедная душа моя, ослепляемая сомнениями, не знает себя и своей слепоты, однако мечтает, что она не слепа, что она во свете, что она чиста! Это ли не гордость, это ли не ослепление, когда лгу сам себе и не хочу отступать ото лжи; лгу другим и не сознаюсь во лжи – еще ужаснее – лгу целому собранию верных, лгу целой церкви – лгу пастырям ее и, однако, не хочу расставаться с ложью. Как же идти в ту Церковь, в которой нет согласия, как принять духовника той Церкви, которой лгу и не верую, однако лжи своей не почитаю ложью?» [15, с. 34]. Несмотря на свои сомнения, архимандрит Иннокентий принял активное участие в выступлении православной оппозиции конца 1818 – начала 1819 г.

В должность законоучителя кадетского корпуса Фотий вступил серьезно подготовленным. У него имелся собственный курс богословия для преподавания кадетам. Учебник «Огласительное богословие веры Кафолической и Апостольской Церкви Восточной» помечен в рукописной редакции 23 сентября 1820 г., но уже с 1817 г. он существовал в виде учебного курса. Методика Фотия была опробована на экзаменах 6 сентября 1817 г., 17 сентября 1818 г., в 1819 и 1820 гг. Перед практическим применением учебник трижды просматривался митрополитом Михаилом. Даже беглое изучение этой редкой книги дает ясное представление о том, чем именно Фотий привлек к себе своих учителей Иннокентия и Филарета. Текст учебника содержит 90 вопросов и ответов, разъясняющих смысл учения православной церкви. Причем основной акцент делается на исключительности православия, «сохранившего свое учение в неприкосновенности со времен апостольских». Такие взгляды молодого учителя должны были вызвать одобрение литераторов – «архаистов» и вождей православной оппозиции – митрополита Михаила и архимандрита Иннокентия. Внимание Филарета Фотий привлек своей проповедью Священного Писания, разбору которого он посвятил одну из частей своего учебника.

Вскоре Фотий был назначен благочинным и цензором поучений, произносимых в церкви кадетского корпуса (т.е. главным законоучителем). В октябре 1818 г. он был зачислен в число соборных иеромонахов Александро-Невской лавры. По этому поводу митрополит Михаил докладывал Священному синоду: «Второго кадетского корпуса законоучитель, церкви сего корпуса настоятель, иеромонах Фотий, с 21 февраля 1817 г. находясь при оном корпусе в звании законоучителя, ведет себя в отношении образа жизни соответственно правилам монашества и должности по церкви настоятеля, а по корпусу законоучителя проходит с неутомимой ревностью и отличною похвалой. Принимая в особое уважение таковые труды и честность по жизни сего законоучителя иеромонаха Фотия, в обязанность себе поставил просить Правительствующий Синод о помещении его в число соборных иеромонахов Александро-Невской лавры» [16].

Ощущая значительное влияние масонов на просвещение в стране, консервативно настроенные преподаватели столицы стали спланироваться между собой. Кружок православных педагогов сформировался вокруг ректора духовной семинарии архимандрита Иннокентия. Кроме Фотия, среди его участников известны преподаватели морского кадетского корпуса Сергей и Павел Ширинские-Шихматовы. Следы их совместной деятельности можно найти в письме Фотия к князю Павлу Алексеевичу 16 января 1820 г.: «Я за благо всякое почитаю и писать к тебе, ибо люблю тебя нелицемерным сердцем, ведая, что ты сын Церкви святой, защитник, любимец, Христов подражатель» [17, с. 228]. К сожалению, в автобиографии Фотия совместная деятельность православных преподавателей освещена не была.

Фотий указывал свои практические действия против «врагов Церкви». Он вступал в спор с масонами везде, где их встречал [14, с. 116]. В борьбе с масонством ему помогали некоторые служащие типографий, они доставляли ему книги и объясняли обстоятельства их перевода и издания. Фотию удалось достать масонский устав и, сделав с него несколько копий с надписью «Катехизис масонов, верующих в антихриста, дьявола и сатану», раздать для чтения кадетам. Кельи Фотия посещали паломники и монахи, от которых он получал также информацию. В автобиографии Фотий указывал, что ему удалось посетить собрание секты Татариновой в Михайловском дворце. В самой лавре нашелся старец Георгий, убеждавший Фотия подвергнуться осклопению. Против заблуждений «духа времени» Фотий выступал в проповедях, произносимых в Казанском соборе. Все это принесло ему уважение духовных особ: митрополита Михаила, архиепископа Симеона, обер-священника Державина, протоиерея Стахия и архимандрита Товии [14, с. 145–146]. Несомненно, Фотий не понимал всех хитросплетений высшей политики и действовал «вслепую». Некоторые его поступки удивляли даже архимандрита Иннокентия. В автобиографии Фотий писал, что масоны распустили по Петербургу слух, что он помешался, и Михаил с Иннокентием вызывали его, чтобы убедиться в обратном.

Фотий утверждал, что собирал для Иннокентия сведения о «врагах Церкви»: «Ближе всех был к нему по сердцу блаженный Иннокентий; нередко из корпуса своего в праздники приходил Фотий к нему. Фотий же, послушав его наставлений, между прочим, успевал повести говорить о живых людях, кто и какие враги суть Церкви, чьи и какие книги исполнены духа лести и коварства» [14, с. 108]. Информация, которую Фотий получал от своих питомцев в кадетском корпусе, могла представлять интерес для деятелей православной оппозиции. Связи 5000 кадетов охватывали всю столицу. Фотий служил связующим звеном между высшими клириками церкви, находившимися все время на виду, и светскими ревнителями православия. Переписка князей Ширинских-Шихматовых показывает, что во время службы Сергея и Павла в Морском кадетском корпусе Фотий поддерживал с ними связь. Письмо Фотия к Павлу Александровичу 16 января 1820 г., в котором он именуется «сыном Церкви святой, защитником» [18, с. 230], позволяет предположить, что братьев и Фотия связывало совместное участие в политической борьбе.

Переломным моментом автобиографии Фотия стали события начала 1819 г. После войны 1812 г. в окружении Александра I созрела идея реформ Российской православной церкви. Как и при царе Алексее Михайловиче, внешнеполитические интересы возобладали над религиозной традицией. Русский император планировал интегрировать Россию в европейское сообщество, сблизив русскую церковь с протестантскими церквями. Этой цели служило Российское библейское общество, на некоторое время ставшее «господствующим исповеданием» империи. В рамках Библейского общества совместно работали клирики всех христианских церквей. Чтобы подготовить русское общество к предстоящим реформам, в России широко издавалась мистическая литература. Такие авторы, как Юнг-Штилинг, Сен Мартен, Эккардсгаузен, Беме, Гюйон, вошли в моду в высшем свете. В Библейском обществе был начат перевод Библии на русский язык. Вершиной религиозных реформ было создание Министерства духовных дел и народного просвещения, в которое вошли и дела Священного синода.

Уже с 1816 г. в русском обществе возникло течение, направленное против религиозных реформ. Постепенно оно сложилось в православную оппозицию. Некоторые клирики православной церкви поощряли свою паству писать обличение против мистических книг. Некоторые из этих обличений направлялись царю. После образования Соединенного министерства в рядах православной оппозиции объединились некоторые члены Священного синода, обер-прокурор П. С. Мещерский и писатели-«архаисты», примыкавшие к А. С. Шишкову. Оппозиционеры решили подать жалобу царю на издание мистической литературы. В конце 1818 г. была написана и издана книга Е. И. Станевича, разоблачавшая мистические книги, пользовавшиеся поддержкой А. Н. Голицына. Но князь опередил заговорщиков и первым подал жалобу царю на издание «неприличной» книги. Е. И. Станевич был выслан за границу, а архимандрит

Иннокентий, пропустивший его книгу, переведен в Пензу [5, с. 100–112; 19, с. 114–133].

Близкие к вершинам власти митрополит Михаил и архимандрит Иннокентий должны были понимать, что религиозная политика вдохновлялась Александром I. Но они надеялись «открыть глаза» императору на его «скверных» советников А. Н. Голицына и Р. А. Кошелева. Совершенно иначе представлял себе политическую борьбу Фотий. Высокие покровители не находили нужным посвящать молодого монаха в суть интриг. Фотий на всю жизнь сохранил уверенность, что с 1817 г. он и его учитель Иннокентий боролись против масонов, пагубно влиявших на царя. Отсюда наивная уверенность Фотия, что стоит только сообщить Александру I о тяжелом положении православного духовенства, царь сразу придет на помощь клирикам. Все это определило методы борьбы будущего настоятеля Юрьева монастыря. Он любыми путями искал доступ к высшей власти. Для этого он использовал А. А. Орлову-Чесменскую, А. А. Голицына, А. С. Шишкова, А. А. Аракчеева и митрополита Серафима.

Фотий очень тяжело переживал удаление своего учителя, в автобиографии он вспоминал: «Фотий скорбел много и непрестанно об Иннокентии, что сей светильник сдвинут со своего места и сокрыт от врагов под спудом, удален из столицы вместо ссылки в дальнюю паству, и нет более в царственном граде человека, который бы возмог или восхотел по пути светлomu идти и брань иметь со врагами Церкви и веры Христовой» [14, с. 125]. Он даже уезжал из Петербурга в Коневецкий монастырь, пытаясь там побороть свою скорбь. Фотий в сопровождении приставленного к нему для услужения солдата, с позволения митрополита Михаила 5 июня 1819 г. отправился на остров в Ладожском озере, где находился Коневецкий монастырь. Весь путь Фотий проделал пешком, питаясь только хлебом. По прибытии Фотия встретил возобновитель Коневецкой обители игумен Илларион, введший в монастыре общежитийный устав и основавший скит. За семь дней пребывания обитель произвела такое сильное впечатление на молодого монаха, что он решил, если доведется ему стать настоятелем, то он так же введет в своем монастыре общежитийный устав.

После помещения в штат соборных иеромонахов Александрo-Невской лавры Фотий был допущен читать проповеди в Казанском соборе. Но проповедовать ему пришлось недолго, вскоре он был удален из Петербурга. В 1824 г. Фотий писал императору, что был выслан из-за интриг мистиков и А. И. Тургенева после проповеди «Бога бойтесь, царя чтите», произнесенной в Казанском соборе 27 апреля 1820 г. В автобиографии архимандрита отразилась та же версия. С таким мнением не согласился Е. И. Чистович. Он писал в своем исследовании, что сам читал эту проповедь Фотия, что в ней нет ничего необычного, и она получила одобрение митрополита Михаила.

В главе автобиографии, относящейся к 1818 г., Фотий писал о том, что, кроме как на службу, никуда не ходит и друзей не имеет. Но, описывая события начала 1820 г., Фотий уже указывал, что его постоянно посещали

Д. А. Державина, супруги Дружинины, П. А. Нилов, М. А. Баранов с супругой Анастасией. Бедному настоятелю кадетского корпуса было не по рангу такое окружение, но перед отъездом Иннокентий поручил своего ученика заботам друзей. По службе Фотию приходилось подменять приходского священника, исповедывать умирающих и бывать в богатых домах. По-видимому, лица, разделявшие взгляды Иннокентия, старались обращаться к Фотию в случае нужды в священнике. Фотий отмечал, что ни за службы, ни за требы, ни за похороны он денег не брал. Однако перед смертью Иннокентий смог обеспечить финансовое благополучие Фотия на всю оставшуюся жизнь. В Москве Иннокентий передал своего ученика заботам знатных дам, просивших у него назначить им духовного руководителя. Это были А. А. Орлова-Чесменская и П. М. Толстая (урожденная Голенищева-Кутузова).

Дочь героя Чесменской битвы вместе с Фотием стала жертвой клеветы. В своих воспоминаниях баронесса М. П. Фредерикс писала об этом: «Про нее было распущено много нелепых и ложных слухов, особенно после ее смерти, но, конечно, эти сплетни не могли бросить ни малейшей тени на ее память для коротко знавших ее лиц» [20, с. 84]. Графиня А. А. Орлова-Чесменская родилась 2 мая 1785 г. и уже на восьмом году жизни стала фрейлиной. В 1807 г., после смерти отца, она стала одной из самых богатых невест империи. Осыпаясь милостями двора, она в 1817 г. была пожалована в камер-фрейлины. Отвергнув все предложения женихов, графиня обратилась к религии, надеясь искупить грехи отца и дяди: «Кончина императора Петра III тяготила на совести ее. Она предалась мысли искупить грех отца своего, посвятив себя добрым делам» [21, с. 1], – писала знавшая графиню современница.

В 1817 г. во время поклонения мощам Дмитрия Донского в Ростове графиня познакомилась с гробовым монахом Свято-Яковлевского монастыря Амфилохием – в миру Андрей Яковлевич. Он был известен участием в реставрации фресок собора над могилой Святого Дмитрия. Духовное общение графини и Амфилохия продолжалось до самой его смерти 26 мая 1824 г. Однако Амфилохий не мог долго играть роль духовного наставника графини, так как последние годы жизни был тяжело болен, у него отнялись ноги. Графиня нуждалась в новом духовном пастыре, который и был ей рекомендован Иннокентием во время его остановки в Москве по пути в Пензу.

Первая встреча графини с ее новым наставником произошла на дне рождения С. С. Мещерской 2 мая 1820 г.; еще 27 апреля, после проповеди в Казанском соборе, графиня послала Фотию цветы и дары. До конца жизни Фотий был крайне строг со своей духовной дочерью. Он ставил ей в вину самые малозначительные проступки и даже велел вести подробную запись грехов, составившую несколько тетрадей; а за вынужденное появление графини при дворе наложил на нее наружное покаяние: «В церкви (она) не только не представлялась какой-нибудь особенной богомолицей, а совсем просто молилась, как и все, не делая даже земных поклонов и не снимая перчатки с руки,

чтоб креститься; это меня всегда очень поражало» [20, с. 84], – писала в своих воспоминаниях М. П. Фредерикс (ношение дамами перчаток и шляпок в церкви Фотий расценивал, как страшный проступок). Общение графини с ее духовным отцом не было легким, но она принимала его со смирением: «А что касается до меня грешной, не знаю, как вам сказать, в восторге ли я или нет от отца моего духовного Фотия; только то скажу вам, что сердечно и душевно люблю его и почитаю» [22, с. 64], – писала А. А. Орлова-Чесменская Парфению Черткову в 1823 г.

Можно предположить, что до знакомства с Фотием поведение А. А. Орловой-Чесменской ничем не отличалось от общепринятого. Подобно многим, она следовала моде на религиозность. Но уже в конце 1823 г. графиня стала строго соблюдать обряды православной церкви и читать книги, только рекомендуемые ее духовным наставником. Как видно из посланий Фотия, до 1822 г. А. А. Орлова-Чесменская не вела строгого образа жизни. В послании 19 декабря 1822 г. «Царский путь – средний и легкий ко спасению» Фотий, отговаривая графиню принимать монашество, перечислял достижения в ее духовной жизни, сделанные под его руководством. К концу 1822 г. графиня носила под одеждой власяницу, соблюдала посты, среды и пятницы, удерживалась от светских бесед, читала писания святых отцов, предания и уставы отеческие, отвергала книги Юнга-Штиллинга, Гюйон и прочих подобных авторов [23, с. 143–144].

Личные отношения Фотия с графиней до сих пор не получили должного освещения в литературе. Прояснить их могут неопубликованные письма А. А. Орловой-Чесменской к Д. А. Державиной с 1822 по 1842 г. Переписка включает в себя 165 писем за различные годы, содержащих несколько автографов самого Фотия. Из писем видно, что дам вовсе не интересовала политическая борьба, и они не принимали в ней участия. Личное общение духовных дочерей с Фотием было гораздо менее частое, чем принято считать. Каждый визит к духовному отцу вызывал у них бурю восторга. Находясь в Петербурге, Фотий жил в Лавре, используя дом графини для встреч с почитателями. Сама А. А. Орлова-Чесменская, во всяком случае в царствование Александра I, не жила вблизи Юрьева монастыря. Своей «тихой обителью» она называла город Остров вблизи Москвы. Фотий не сразу согласился стать духовным отцом дам высшего света, но не отказывал им в советах и принимал щедрые подношения: «Ежели когда во время оное была нужна ему помощь ея и милостыня, то она всегда ему присылала» [14, с. 173].

До 1820-х гг. роль Фотия в политической борьбе была малозаметна. Он собирал информацию для своего учителя Иннокентия и организовывал связь между участниками православной оппозиции. После удаления из Петербурга епископа Иннокентия и смерти митрополита Михаила православная оппозиция распалась, и Фотий остался в изоляции. С назначением в Деревяницкий монастырь он на время выпал из политической жизни. Несмотря на измене-

ние обстановки в 1821–1823 гг., Фотий продолжал считать основными противниками Российской православной церкви масонов и сектантов. Борьбу с ними он видел основной задачей на этот период.

Деревяницкий монастырь Фотий застал в полном разорении. В кельях не было пола, дверей, печей, стекол в окнах. Главная церковь Воскресения Христова была испорчена протечками из дырявой крыши. По этому поводу Фотий писал А. А. Орловой-Чесменской: «Приехал в обитель, мне от Бога данную, как в место, после войны расхищенное, приехал почти в стены одни, кои и в церкви местами обветшали весьма от течи и худого покрова изгнившего; приехал я в обитель, и нет в ней ни хлеба куска, ни зерна крупы, ни еля, вина и прочего на потребы церковные, ни замка, ни ведра в кельях, а иные из братии от нищеты едва рубище на себе имеют разодранное» [24, с. 7]. В монастыре было всего 12 монахов, и их Фотий называл «апостольским числом». После суетной и шумной столичной жизни тихий и спокойный Деревяницкий монастырь показался Фотию «Раем Божиим».

Конец 1820 – начало 1821-го г. Фотий провел в трудах по благоустройству монастыря. Восстановить пришедшее в упадок хозяйство было нелегко. На исходе весны у Фотия открылся обширный нарыв груди, и это потребовало нескольких операций. В послании А. А. Орловой-Чесменской он объяснял, что болезнь произошла от ношения вериг: «Крестоношения многое, поднятое мной с начала пострижения в монашество, надело на меня по гроб знамение Креста, и того написание всегда на хребте моем имею» [24, с. 12]. Он пишет, что со дня принятия монашества носил власяницу и вериги, составленные из многих крестов. Описывая графине свою болезнь, Фотий указывал, что «правый сосец внутри весь от огня изгнил, и из правого бока яко из мешка гной изливаю», а после операции вся грудь изрезана до кости и представляет собой одну большую рану, сочащуюся гноем [24, с. 18–19]. 29 июля 1821 г. Фотий писал к П. М. Толстой: «Грудь вершка на полтора распухла и не опадала... Лекарь, которого я призвал, мне сказал, что скрытый нарыв сильный уже давно сечь надобно, в двух местах прорезал и выпустил. Вот почему я не писал долго» [9, с. 65].

Видимо, пик болезни Фотия пришелся на июнь 1821 г. В июле нарыв начал заживать, и Фотий вместе с местным викарным епископом Дамаскиным смог принять участие в службе 10 июля, посвященной иконе Коневской Божьей Матери. Согласно автобиографии, последний разрез был сделан Фотию 18 июля 1821 г. Уже 30 июля он писал П. М. Толстой, что совершенно излечился и здоров [9, с. 66]. Последствия этих операций Фотий ощущал всю жизнь, в 1823 г. он писал А. А. Орловой-Чесменской: «Тебе известно, о чадо, что в 1820 г. болезнью Бог меня искусил; в «21» (1821 год. – Ю. К.) тебе ведомо, что всю грудь, почти до сердца, попустил Бог дьяволу изгноить, почему было у меня все изрезано» [25, с. 17]. Физическая слабость не замедлила сказаться на душевном состоянии Фотия. Летом 1821 г. он неоднократно сооб-

шал графине, что хочет принять схиму. А 21 августа он даже просил владыку перевести его в Коневскую пустынь, «где желает со временем принять схиму» [26 (1), с. 121].

Положение Фотия начало меняться с переводом в Петербург митрополита Серафима. Новый владыка, прибыв в свою епархию, сразу вызвал Фотия служить вместе с собой в Софийском соборе. После службы Фотий был вместе с другими приглашен на трапезу к архиерею. Серафим, много слышавший о Фотии, но видевший его впервые, остался доволен настоятелем Деревяницкого монастыря.

С приездом нового владыки Фотий сделал жизнь своего монастыря более строгой. Еще летом он принимал в монастыре Д. А. Державину, а уже осенью он писал своему брату: «... и игумений, и княгинь, и графинь, и генеральш я не принимаю, как могу твою жену принять?» [27, с. 239]. Видевший старания Деревяницкого игумена по устройству монастыря, Серафим, однако, не хотел самостоятельно принять решение о его продвижении по службе. Осенью 1821 г. Фотий совершил первый визит в Грузино – к графу А. А. Аракчееву.

Следы данного визита видны в неопубликованных письмах Фотия к протоиерею собора села Грузино Н. Ильинскому от 1 июля 1824 г.: «В 1821 году был я в Грузино, и против всех слухов, – святая церковь в Грузине, – и устройство Грузина, – в сердце меня уверовали о благочестии и усердии к Господу – соседа» [28]. Встреча Фотия с графом в 1821 г. косвенно подтверждается неоднократным именованием А. А. Аракчеева «соседом» в переписке архимандрита. Использовать такую форму обращения к графу Фотий мог в бытность игуменом Деревяницкого монастыря, во владения которого некогда входило село Грузино. Поскольку весной и летом 1821 г. Фотий болел и даже перенес три операции, посетить Грузино он мог лишь осенью, вероятнее всего, во время освящения храма Андрея Первозванного 21 ноября. Предположение о том, что Фотий сошелся с А. А. Аракчеевым в бытность игуменом Деревяницкого монастыря, высказывалось биографом А. Н. Голицына – Н. Стеллецким [29, с. 425]. В то же время в послании Александру I 12 апреля 1824 г. Фотий писал, что никогда не видел А. А. Аракчеева [30, с. 6].

Фотий продолжал поддерживать общение с окружением епископа Иннокентия. В письмах А. А. Орловой-Чесменской он отзывался о П. М. Толстой, как о «смирной и примерной в послушании» и жалел, что их личное общение прервалось [26 (1), с. 80]. В письме Д. А. Державиной 2 сентября 1821 г. он превозносил А. А. Орлову-Чесменскую как «ангела чистоты» [26 (1), с. 125]. Из переписки видно, что будущие духовные дочери Фотия соперничали между собой из-за его внимания.

Осенью 1821 г. Фотий вновь вернулся к общественной деятельности. Он стал выписывать книги и комментировать их в письмах своим корреспондентам. 19 октября Фотий писал П. М. Толстой: «Благодарю Бога нашего Христа, что от 3 числа июля до 19 числа октября рана моя на груди уже закрылась со-

всем, и скорбь прошла». «Катехизис я почитаю пресвященного Филарета, о котором ты писала мне, он добрый и мудрый – чти его» [9, с. 73]. В это время Фотий работал над написанием книги «Сказание о житии и подвигах Блаженного Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского, скончавшегося в Бозе 1819 года октября 10 дня». Эта книга не предназначалась для издания. С рукописи было снято несколько копий для членов православной оппозиции. Фотий хотел показать своим соратникам, что он является продолжателем дела, начатого Иннокентием. Сведений о том, когда и кому вручал Фотий экземпляры «Сказания...», нет; известно только, что в ноябре 1821 г. он разослал послания о «Видениях», вошедших в заключительную часть книги.

Чтобы напомнить о себе единомышленникам, Фотий разослал два послания: «Видение – о явлении во сне Господа» и «Видение бывшее о Блаженном Иннокентии Епископе Пензенском и Саратовском 1819 года 19 ноября». В письме А. А. Орловой-Чесменской 19 ноября 1821 г. Фотий писал о «Видениях», как о продолжении «Сказания...» [26 (1), с. 130]. Эти послания не вошли в автобиографию, и их следов нет в переписке с А. А. Орловой-Чесменской и Д. А. Державиной, хотя эти дамы, несомненно, получили экземпляры посланий. В послании «Видение, бывшее о Блаженном Иннокентии...» Фотий писал, что, услышав о смерти Иннокентия, он много молился, чтобы узнать, в радости или скорби находится душа его учителя: «И на сердце своем положил так: что ежели откроет Господь, что душа его в покое и радости по кончине, то буду держаться крепко до смерти всего священного, что содержал Иннокентий; а если в скорби душа Иннокентия, то не буду крепко стоять противу учений и заблуждений настоящего времени, против чего крепко блаженный отец, стоя, много потерпел скорби». Далее Фотий писал, что на сороковой день совершил молитву и увидел Иннокентия в Петербурге и заговорил с ним, прося призвать к себе. Иннокентий обещал, что настанет время их встречи, затем Фотию было показано место в раю, где среди святых уготовлено место его учителю [26 (1), с. 90]. Послание Фотия о «Божественных видениях» должно было служить своего рода рекламой «Сказания...», еще окончательно не завершенного.

Стараниями митрополита Серафима Фотия делают архимандритом и переводят во второразрядный Сковордский монастырь, находящийся недалеко от Новгорода. Выдвигая кандидатуру Фотия, митрополит, как указывал Н. Елагин, планировал на деньги покровителей Фотия восстановить бедный Сковородский монастырь, подобно тому, как был обновлен Деревяницкий [31, с. 39]. Сам Фотий в этом случае выигрывал очень мало, меняя третьеклассный монастырь, хотя и на и второклассный, но не менее разоренный, и в сыром месте. Единственной выгодой было посвящение его в архимандриты, совершенное епископом Сильвестром 29 января 1822 г. в Софийском соборе. Решение о посвящении Фотия в сан было принято, видимо, одновременно с решением о его назначении в Сковородский монастырь. В середине января

1822 г. Фотий писал графине, что ему объявлено, что посвящение в архимандриты совершится тогда, когда в Новгород прибудет новый викарный епископ [26 (2), с. 13]. Он отмечал, что быть архимандритом ему «крайне не хочется».

Заявив в своих посланиях, что будет продолжать дело Иннокентия по борьбе с «учениями и заблуждениями века сего», Фотий начал действовать. В автобиографии он указывал, что опаснее всего для церкви Христовой в то время считал франкмасонов – Крюденер и Татаринову. Действительно, в письмах к П. М. Толстой зимой 1822 г. он часто критиковал религиозные заблуждения вышеупомянутых дам: «Спасайся от Крюденер ради Духа Святого»; «Услышал весть об изгнании негодной змии от лица Царева – лукавых блудниц и прелестниц Крюденер и Татариновой, так обрадовался, что пал на колени перед Господом. О Прасковья! Как мне не радоваться, как мне не благодарить Господа. Я противу одной с 1818 года действовал, а противу другой около двух лет» [9, с. 96–99].

На этом этапе первостепенной по важности задачей Фотия было вернуться в столицу; для этого он должен был обратить на себя внимание высокопоставленных чиновников. О том, как далеко простирались планы Фотия, можно судить по его письму к графине 23 марта 1822 г., где описывалось очередное видение. Фотий писал, что в ночь с 17 на 18 марта видел сон, в котором кто-то докладывал о нем самому царю, и ему предоставлялась аудиенция. Фотий думал, что смысл этого видения в том, что Александру I донесут о его действиях против Крюденер и Татариновой [26 (2), с. 53]. Его желание вскоре осуществилось.

Новый этап политической деятельности Фотия начался с его вызова 28 апреля 1822 г. в Александро-Невскую лавру. С начала апреля Фотий добивался вызова в Петербург. 13 апреля он писал графине, что будет просить митрополита Серафима уволить его на две недели в столицу. 16 апреля это разрешение было получено [26 (2), с. 68]. Для поездки в столицу Фотию был прислан экипаж, дорогой наперсный крест и солидная сумма денег. В Петербург архимандрит приехал для совершения важной миссии: «По многой беседе и многократной о спасении души, девица просила отца Фотия принять ее в дочери себе, Фотий же сказал ей на сие: ежели архиерей Серафим даст благословение. Боярыня Дарья Державина, тако же, как и девица Анна, по благословию Серафима митрополита, восхотела быть дочерью духовной аввы Фотия, и в сие же время учинилось» [14, с. 189]. Из писем Фотия графине видно, что на этот важный шаг его вдохновил митрополит Серафим, учивший, как ему «действовать и руководить» [26 (2), с. 79]. Благодаря миллионам графини Анны Алексеевны, дружбы с архимандритом стали искать самые высокопоставленные чиновники государства, среди них министр духовных дел и народного просвещения.

Изменения во внешнеполитической ориентации Александра I не могли не отразиться на судьбе Соединенного министерства. Противники князя

А. Н. Голицына почувствовали ослабление интереса императора к его прошлым начинаниям и перешли в наступление: «Вам известно, сударыня, как этой зимой все было против меня, и нападки, не переставая, следовали одна за другой» [32, с. 387], – писал князь баронессе Крюденер 6 июля 1822 г. Одним из самых сильных противников князя была императрица Мария Федоровна, недовольная вмешательством мистиков во все благотворительные начинания и увольнением профессоров Петербургского университета. А. Н. Голицын хотел заручиться поддержкой графини А. А. Орловой-Чесменской, любимой камер-фрейлины императрицы, для чего им был использован Фотий. В исторической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что А. Н. Голицын завел дружбу с Фотием для того, чтобы примкнуть к консервативной партии [29, с. 428; 33, с. 412]. Е. П. Карнович также предполагал, что князя привлекали деньги А. А. Орловой-Чесменской, поскольку в этот период он проводил кампанию по выкупу греков из турецкого плена [33, с. 412]. Однако сведений о том, что графиня жертвовала средства на эти цели, не обнаружено.

В письме А. А. Орловой-Чесменской Фотий оставил подробное описание обстоятельств своего знакомства с князем. А. Н. Голицын, прибывший на освящение церкви, попросил митрополита Серафима представить ему присутствующих священников. Князь, видимо, уже слышавший о Фотии, попросил его благословения, пригласил посетить свой дом и назначил время визита [26 (2), с. 79]. В тот же день состоялась их беседа на приеме в доме митрополита Серафима, на который Фотий был приглашен в гости к князю. Их переписка была начата письмом, назначающим Фотию день аудиенции [34, с. 205]. Как можно понять из письма А. Н. Голицына к А. А. Орловой-Чесменской, это событие произошло между 18 и 21 мая [35, с. 943], после чего встречи князя с Фотием стали постоянными. Переписка князя и Фотия продолжалась до 1824 г.

В автобиографии Фотий писал, что в этот приезд в Петербург трудился на пользу веры и святой церкви: «Каждодневно авва Фотий был зван то к тем то к другим лицам на беседу о Господе, о церкви, о вере, спасении души; на беседу же собирались знатные и ученые бояре и боярыни, ревностные к слову и делу святой церкви и веры» [14, с. 195]. Чаще всего эти встречи проходили в доме А. А. Орловой-Чесменской, Д. А. Державиной и в Таврическом дворце, где жила С. С. Мещерская. Как видно из автобиографии Фотия, он стремился наладить отношения между первоприсутствующим членом Священного синода и министром духовных дел и народного просвещения. А. Н. Голицына, в свою очередь, толкала на контакт с Фотием не только необходимость добиться благоволения императрицы Марии Федоровны, но и воля императора. Александр I, осведомленный о существовании православной оппозиции, решил использовать ее в своих целях. По ходатайству А. Н. Голицына, Фотию вскоре была предоставлена аудиенция у императора.

С 14 мая по 3 июня 1822 г. Александр I объезжал смежные с Петербургской губернии, устраивая смотры войскам. Сразу же по прибытии 5 июня

1822 г. император назначил Фотию день и час приема. В автобиографии архимандрит отмечал, что Серафим и А. Н. Голицын придавали особое значение аудиенции. 4 июня 1822 г. князь отправил Фотию два письма с просьбой прибыть к нему, но не для беседы о Боге, «это надо приберечь для царя», а для получения наставлений. Устраивая Фотию аудиенцию, князь преследовал не только собственные цели. Вспоминая встречу с императором, архимандрит привел слова Александра I, сказанные ему: «Я давно желал тебя видеть, отец Фотий, видеть и принять твое благословение» [14, с. 196]. Вероятнее всего, аудиенция была устроена по прямому указанию царя, данному еще до отъезда: мало вероятно, что князь самовольно решился представлять императору молодого монаха после двухнедельного знакомства с ним.

Аудиенция была назначена на 5 июня 1822 г. на пять часов дня. Фотий помолился в Казанском соборе перед иконой Богородицы и в карете А. А. Орловой-Чесменской поехал во дворец. Проведенный в царские покои, Фотий прежде всего нашел на стене икону, перекрестился и положил три поклона, а лишь затем поклонился царю. Александр I, согласно своей привычке, поцеловал руку Фотию, принял его благословение и приложился к приготовленной иконе Спаса. Затем царь усадил Фотия напротив себя и стал расспрашивать о жизни и службе. Фотий же начал с того, что превознес перед царем достоинства митрополита Серафима, а затем принялся вразумлять про «злые тайные общества». Беседа длилась полтора часа. Согласно автобиографии Фотия, на аудиенции не произошло ничего важного, а сам он не произвел особого впечатления на императора. Несмотря на это, архимандрит был награжден бриллиантовым крестом и назначен настоятелем перворазрядного Новгородского Юрьева монастыря.

Биограф Фотия В. Орнадский указывал, что к наперсному кресту Фотий был представлен еще в 1820 г., но награждение задержали [36, с. 32]. Бриллиантовый крест, дарованный архимандриту указом 25 июня 1822 г., был вручен лишь 1 августа по малозначительной причине: «Но заказано было мастеру получше новый сделать, а посему и медлилось немного пожалование креста» [14, с. 198]. Деятели православной оппозиции восприняли аудиенцию Фотия как свою победу. Серафим, к которому Фотий поехал сразу после встречи с царем, обнимал и целовал его, а А. А. Орлова-Чесменская писала к Д. А. Державиной 9 июня: «Слава Богу, Слава Богу, Слава Богу, все здорово и все хорошо. Порадуйтесь сердечно и поблагодарите Господа, устроившего чудесным все образом» [37].

Князь А. Н. Голицын получил весьма ощутимую пользу от аудиенции Фотия у императора. Архимандрит ходатайствовал за него перед вдовствующей императрицей и графиней Ливен, и довольно успешно: «Царица в сие время имела великую ненависть к сим врагам за их противозаконные действия по всем частям учебных заведений; но Фотий, как бы поручаясь за князя, со всей силой и любовью стоял, говорил слово, что он будет полезен, он не совсем ви-

новен, а его окружение все пакости делают» [14, с. 198]. Ходатайство Фотия тут же дало результаты, и уже 6 июля 1822 г. князь писал к архимандриту об императрице Марии Федоровне. «Был я в Павловске в субботу в день праздника Александры Федоровны, – сообщал Голицын, – и хорошо был принят, а та особа, которая с вами много говорила обо мне, так ласково мне поклонилась, что давно такого не было» [34, с. 778]. При этом Фотий старался не упустить и выгоды православной оппозиции. Он ходатайствовал перед императрицей и за митрополита Серафима: «Стоял Фотий за лицо иерарха Серафима более всего, дабы тем внушить о нем большее мнение, как бы доставить вес больший перед дерзкими вельможами, врагами Церкви и веры. Сие представление весьма много действовало в пользу митрополита и во вред противных партий» [14, с. 198].

Летом 1822 г. А. Н. Голицын активно занимался устройством карьеры Фотия. 1 июня он прислал митрополиту Серафиму проповеди Фотия, рекомендуя их напечатать на средства графини. Почему эти проповеди так никогда и не были изданы, неизвестно. При протекции князя Фотий активно включился в общественную жизнь столицы. 21 июня он присутствовал на экзамене в духовной академии, где был представлен М. М. Сперанскому. В 1822 г. настроения Фотия еще не были такими радикальными, как впоследствии. Встречаясь с М. М. Сперанским, он рассказывал ему об успехах А. А. Орловой-Чесменской; при их следующей встрече в конце 1820-х гг. Фотий отказал графу в благословении, заявив, что он не знает, кто это такой (в это время в представлении Фотия М. М. Сперанский превратился в агента всемирного масонского заговора). 26 июня Фотий был на собрании Библейского общества, где познакомился со «многими знатными вельможами». В письмах А. А. Орловой-Чесменской Фотий сообщал, что митрополит Серафим плакал, видя его успех у князя. Близость к А. Н. Голицыну позволяла Фотию посещать приемы, на которых присутствовали члены царской семьи. 2 июля он сообщал графине, что виделся с императором и Марией Федоровной [26 (2), с. 159].

Фотий прекрасно понимал, кому он обязан своими успехами. Его письма графине в 1822–1823 гг. были наполнены восхвалениями А. Н. Голицына. Фотий писал, что предан князю навеки: «...хотя он умертвил меня, но я слово дал ему любить его: то хочу, да по слову будет и дело» [26 (2), с. 168]. Восхищение Фотия заходило так далеко, что он сравнивал А. Н. Голицына с ангелами и писал, что «за всю жизнь не видел людей переполненных такой жадой ко спасению» [26 (2), с. 230].

Вскоре после аудиенции у Александра I Фотий заболел, нарывы на груди опять воспалились. А. Н. Голицын довел до сведения императора болезнь Фотия, и тот распорядился послать к нему врача гвардейского корпуса. Врач пытался вскрыть нарыв, но Фотий отказался, сказав, что на все воля Божья, и вскоре опухоль спала сама собой [38, с. 901]. Время болезни можно установить по письму А. Н. Голицына к А. А. Орловой-Чесменской (от 28 июня

1822 г.). Князь пишет, что хочет спросить разрешения Фотия доложить о его болезни императору, и сообщает графине, что архимандрит не хочет лечиться у врачей, надеясь на волю Божию [35, с. 945]. Сам Фотий писал графине 3 июля из монастыря, что его донимает сырость, и вся надежда только на помощь князя, которому «Господь велит меня побережь» [26 (2), с. 165].

Несмотря на то что императору и князю было известно о болезнях архимандрита, вызванных сыростью Сковородского монастыря, они не спешили переводить его в новое место: «Молю Господа да скорее он вас избавит от сего болота, и буду стараться с митрополитом при первой удобности перевести вас из Сковородского» [34, с. 778], – писал Фотию А. Н. Голицын 6 июля 1822 г. Возможность перевода Фотия появилась лишь в сентябре, после выхода в отставку прежнего игумена Юрьева монастыря. 25 августа 1822 г. С. П. Мещерский рапортовал А. Н. Голицыну о том, что настоятель Юрьева монастыря Антоний просит отпустить его на отдых. Священный синод рассмотрел просьбу Антония, отметив, что ему 73 года, в монашестве с 1782-го, в 1801-м посвящен в архимандриты, с 1820-го настоятель Юрьева монастыря, службы беспорочной, и рекомендовал его жалованье превратить в пенсию. 19 ноября 1822 г. рапорт Священного синода был подан императору. 18 января 1823 г. П. С. Мещерский рапортовал А. Н. Голицыну о выплате Антонию пенсии в 600 рублей [39, с. 1–7].

В автобиографии Фотий указывал, что узнал о назначении в Юрьев монастырь совершенно неожиданно 21 августа. Это заявление Фотия опровергает его переписка с А. А. Орловой-Чесменской в 1822 г. 3 августа Фотий писал, что еще 25 июля Серафим подписал прошение о его назначении в Юрьев монастырь. При этом Фотий рассчитывал, что назначение состоится уже к 12 августа, дню ангела графа Орлова [26 (2), с. 197]. Такая хронология событий отчасти подтверждает заявление С. Крылова о том, что Фотий приложил много сил, чтобы уговорить настоятеля Юрьева монастыря Антония уйти на покой [40, с. 16–18]. Из письма А. А. Орловой-Чесменской к Д. А. Державиной видно, что назначение задержалось. Лишь вечером 21 августа Фотию был объявлен указ о новом назначении [37]. Задержав награждение и перевод Фотия, царь связал тем самым его назначение с запретом масонских лож и тайных обществ, произошедшим 1 августа 1822 г.

Назначая Фотия настоятелем Юрьева Новгородского монастыря, власти преследовали «свой интерес», желая использовать деньги графини для обновления уже третьего монастыря. Графиня писала в своих записках: «В бытность мою в Петербурге в 1822 году, Его Высокопреосвященство Митрополит Серафим намеревался сделать Настоятелем в Новгородский первоклассный Юрьев монастырь архимандрита Фотия, сообщил оные намерение мне с тем, чтобы я всевозможно помогала в обновлении запустевшей обители сей архимандриту Фотию, яко наставнику и духовнику своему» [31, с. 101]. Архимандрит принял это назначение с гордостью, а письма к П. М. Толстой в этот

период вместо обычного «Убогий Фотий» он стал подписывать: «Юрьев архимандрит Фотий». В автобиографии Фотий указывал, что еще с 5 на 6 июля ему было видение святого Георгия, который показал ему обновленный Юрьев монастырь и предсказал, что он будет там архимандритом и все это сделает сам [14, с. 199]. 1 сентября безутешная графиня Анна писала Д. А. Державиной: «Признаюсь, страх грустно, что наш премноголюбимейший Отец уезжал, да правит Господь его путь благополучно» [37].

Революции в Европе и беспорядки внутри России пугали императора. Еще в 1821 г. по его приказу была обнародована булла Папы Пия VII, запрещающая лицам светским и духовным католического вероисповедания участвовать в тайных обществах и масонских ложах и как-либо им содействовать. Все русское общество в 1822 г. ждало аналогичного указа для России. Император стремился придать готовящемуся указу религиозный характер. Именно этой цели и служила ставшая известной в обществе встреча царя с архимандритом Фотием, а также еще две встречи с Вологодским епископом Онисифором и священником города Балты Феодосием Левицким [41]. Фотий считал запрет тайных обществ собственной заслугой. 20 сентября 1822 г. он писал к П. М. Толстой: «Можно сказать, что ныне духовная победа над духовным Наполеоном, дьяволом и сатаной и его слугами. Масонство и все тайные общества запрещены. Много было труда ради Бога» [9, с. 108].

Назначение в Юрьев монастырь стало последней вехой в карьере Фотия. До конца жизни ему было суждено остаться настоятелем этой славной обители. Стать настоятелем Юрьева монастыря было давним желанием Фотия. В автобиографии он вспоминал, что в июне 1822 г., во сне, его посетил святой Георгий, взял за руку и, выведя из Сквородского монастыря, указал на Юрьеву обитель как на Рай земной и место его будущего служения [14, с. 194]. Кроме этого высшего служения, в Юрьев монастырь Фотия влекли и практические соображения. Настоятелями обители в прошлые годы состояли учителя Фотия Иннокентий и Филарет. По рангу первоклассный Юрьев монастырь был одной из первых обителей Новгорода, а его настоятели некогда имели многие привилегии, свойственные архиерейскому сану. Несмотря на крайнее разорение, обитель привлекала к себе множество паломников благодаря собору Святого Георгия, по своей красоте уступающему в Новгороде лишь собору Святой Софии. Настоятельство здесь сулило известные материальные выгоды. Наконец, Юрьев монастырь находился вблизи вотчины графа А. А. Аракчеева и военных поселений в Старой Руссе. Назначения Фотия в Юрьев монастырь желал митрополит Серафим. Как рачительный пастырь он мечтал о восстановлении одной из красивейших обителей епархии, но отчаялся получить средства на ремонт у правительства.

Фотий писал, что застал Юрьев монастырь в страшном разорении. Георгиевский собор был в критическом состоянии: «Трещины большие были со всех четырех сторон Храма, особенно под окнами и над дверями. В арках и

сводах, по причине повреждения замков, угрожала опасностью падением». Сохранилось всего одно здание с зимними кельями, и то находящееся за стенами монастыря. Братии было мало, запасы так скудны, что часто хлеб для трапезы приходилось покупать на рынке [31, с. 120]. В автобиографии Фотий отмечал, что сразу по приезде в монастырь он приказал доставить хлеб из Новгорода. Одним из первых мероприятий нового настоятеля стал ремонт церкви Жен-Мироносиц, находившейся на подворье монастыря в Новгороде и давно уже стоявшей с разобранной крышей.

В ноябре в монастырь приехала А. А. Орлова-Чесменская и осталась на несколько дней в усадьбе соседей помещиков. В автобиографии Фотий указывал, что, боясь худой молвы, так как «был еще Фотий не совсем терпелив при худой молве о нем проносимой» [14, с. 209], он через несколько дней посоветовал графине вернуться в Москву. По поводу приезда А. А. Орловой-Чесменской он писал князю: «Радовался и возрадовался и радуюсь, что Царица и Владыка Серафим и все так тебя любят, как дочь моя духовная сказывала. Юрьев мой гроб может быть, сладко мне умереть в нем – дочь моя со слезами многими со мной расставалась: Беседа была многа и сладка, и она бы желала жить близ меня, так дорого ей все в обители моей» [25, с. 8]. Несмотря на упоминания смерти, в том же послании Фотий пишет, что вполне здоров и только слаб бывает от безмолвия и всегдашнего поста. В рождественские праздники Фотий впервые после своего отъезда в Петербург навестил родительский дом в селе Тесове в Спасском погосте Новгородского уезда. Он осмотрел окрестные церкви и долго плакал на могиле матери.

В конце 1822 – начале 1823 г., помимо деятельности по приведению в порядок монастыря, усилия Фотия были направлены на борьбу с директором департамента духовных дел А. И. Тургеневым, главным противником митрополита Серафима. Успехи этой деятельности явно видны в письмах Симеона Крылова к Парфению Черткову, где директора именуют «ценсором», а митрополита Серафима – «старцем»: «Для старца, впрочем, он много пользы сделал, а для ценсора вреда; от чего первый стал иметь ныне более веса, а последний менее» [40, с. 20]. В автобиографии Фотий указывал, что в это время часто писал послания к Серафиму, А. Н. Голицыну и «духовным детям – знатым вельможам и прочим, могущим действовать в пользу Церкви». В своем письме к Д. А. Державиной в 1823 г. Фотий жестко критиковал А. И. Тургенева, объявляя его масоном [42, с. 850]. Симеон Крылов сообщал Парфению Черткову, что в одном доме Фотий сказал о А. И. Тургеневе: «Он масон, и молиться за него – грех. Ценсор жаловался и мне на него в одном письме, вышедши, видимо, уже из терпения» [40, с. 16].

Митрополит Серафим, заняв место первоприсутствующего члена Священного синода, был вынужден принять участие в политической борьбе. Защищая прерогативы сана первого епископа, митрополит Серафим одновременно боролся и за личное влияние. Первостепенными его задачами было

добиться приоритета православных епископов перед клириками прочих исповеданий и получить возможность напрямую взаимодействовать с царем.

С учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения православное духовенство отделило от императора целый ряд светских чиновников. Первый из них, начальник первого отделения департамента духовных дел П. А. Зималов, назначенный в 1819 г., в 1822 г. уже был отстранен от должности [43, с. 152]. В этом мероприятии видится то влияние Фотия, которое в 1822 г. А. Н. Голицын так охотно демонстрировал обществу. Следующим объектом атаки митрополита Серафима стал директор департамента духовных дел А. И. Тургенев. Личность этого чиновника вызывала неприятие у православного духовенства.

В борьбе с директором департамента Серафима поддерживал обер-прокурор Священного синода П. С. Мещерский. Его должность при Министерстве духовных дел и народного просвещения была сведена к функциям, заложенным в Духовном регламенте, что не соответствовало практике, установившейся в конце XVIII – начале XIX в. Роль третейского судьи в этом конфликте пытался играть министр А. Н. Голицын. Через Фотия он пытался заручиться лояльностью первоприсутствующего члена Священного синода и взять под контроль православную оппозицию.

В этой ситуации Фотий, поощряемый Серафимом и П. С. Мещерским, пытался повлиять на А. Н. Голицына и добиться отставки директора департамента. Кроме того, Фотий имел личные причины желать падения А. И. Тургенева. Именно по его распоряжению он был удален из Петербурга в 1821 г.

В то же время в Москве и Петербурге появились рукописные копии замечаний С. И. Смирнова на книгу «Воззвание к человеку о последовании внутреннему влечению Христову» [44], в духе православия разоблачавшие учение «западных мистиков». По этому поводу Симеон Крылов писал, что автор опровержения, видимо, учен и благочестив, и «если бы прочел переводчик или издатель, то бы не поохотился впредь издавать подобных сочинений» [40, с. 15].

Естественно, Фотий не мог вести активную борьбу только из монастыря. Из недатированного письма Фотия к П. М. Толстой (относящегося к концу осени 1822 г.) видно, что он бывал в Петербурге: «Я опять вызван в град Св. Петра. Труда есть довольно» [9, с. 108]. Этой активной деятельности не простили архимандриту литературные круги, к которым принадлежал директор департамента духовных дел. В 1823 г. началась планомерная травля Фотия членами литературных кружков, имевшими тогда большое влияние на общественное мнение.

Запрещение масонских лож сильно ударило по сотрудникам А. Н. Голицына, многие из которых были масонами. Несомненно, глава Соединенного министерства предвидел скорое падение этой непрочной структуры и был не против руками Фотия переложить груз ответственности за просчеты в работе на своих подчиненных. Естественно, у высокопоставленных мистиков

в высшем свете была масса сторонников. Именно в это время по Петербургу поползли сплетни, ставшие основой эпиграмм А. С. Пушкина на Фотия и А. А. Орлову-Чесменскую. По-видимому, это был политический заказ товарищей поэта по обществу «Арзамас», член которого А. И. Тургенев носил шуточное прозвище «Эолова арфа».

Клевета находила слушателей даже в среде духовенства. В письмах С. Крылова, епископа Ярославского с 1821 г., бывавшего в Петербурге, можно прочесть следующее: «О Фотии мне говорили, что он обманул своего предместника Анатолия, обещав давать ему ежегодно по 4000 рублей; но ныне отказал. Анатолий писал о сем в Ростов к своим знакомым, называя его: плут святоша. Подлинно чудо, как не видят его лукавства, по-видимому, просвещенные люди, когда многие женщины говорили мне еще в Санкт-Петербурге, что он обманывает». Эти же сплетни он повторял в следующем письме: «Анатолию Фотий обещался давать по 400 рублей, как я после услышал вернее, но после отказал». И в следующих письмах: «О Фотии мне не хочется и говорить. Сколько могу я видеть его, более не могу о нем сказать, как то, что он показался мне человеком своенравным, дерзким, притворяющимся юродивым для прикрытия своих недостатков, коих разве слепой, да князь Голицын с графиней Орловой не увидят»; «Кто поручил Фотию обратиться к православию князя Голицына? Разве графиня? Я не пишу к ней потому единственно, что она сбилась с пути со своими наставниками. В Ростове говорила она старику, что Фотий еще молод, и тем утешала скорбевшего об отпадении духовной дочери. Добрые наставники! Духовного не посеют, может быть, на грош, а берут тысячами телесное. Но избави Боже, от осуждения! Жалко, что слепые слепых водят» [40, с. 16–22].

Из этих писем явно виден источник ложных слухов. Они исходили из окружения бывшего духовного отца А. А. Орловой-Чесменской монаха Амфилохия. С появлением Фотия ростовские монастыри утратили значительную долю пожертвований графини, распределявшихся уже по усмотрению нового духовного отца. Значительную группу ненавистников Фотия составляло духовенство, сотрудничавшее в Библейском обществе. Они боялись влияния архимандрита на князя А. Н. Голицына. Всем этим лицам было выгодно опорочить Фотия в глазах высшего света. Вместе с тем Фотий приобрел мощную поддержку в лице А. С. Шишкова и обер-прокурора Священного синода князя П. С. Мещерского (противников А. И. Тургенева), чем и объяснялись частые вызовы Фотия в Петербург.

В начале 1823 г. труды Фотия временно поменяли направление. 21 января в Юрьевом монастыре случился сильный пожар, уцелели лишь три кельи и холодная (летняя) церковь. Описание этого события в автобиографии дословно соответствует посланию Фотия к А. А. Орловой-Чесменской «Божие крещение огнем и глас благодарения», в котором он описывал пожар 21 января 1823 г. В этот день архимандрит пришел в храм совершать литургию и вдруг увидел, что теплая церковь объята пламенем, хотя печи в тот день не

топились. Фотий в полном облачении перешел в соседнюю церковь и довел литургию до конца. Храмовое имущество было все спасено, вынесли даже двери и доски. Противники заявили, что Фотий сам поджег монастырь, планируя на деньги графини отстроить его заново. Действительно, архимандрит был вынужден обратиться к духовной дочери. 24 января 1823 г. Фотий писал графине: «Помнишь ли, как ты сидела у меня в келье, я тебе сказал, оставишь ли ты меня, если злой слух бесчестия обо мне всюду пройдет» [25, с. 17].

Видимо, из-за солидного размера суммы, требуемой на восстановление монастыря, Фотий, с разрешения митрополита Серафима, 1 февраля 1823 г. был вынужден выехать в Москву. А. А. Орлова-Чесменская с радостью оказала испрашиваемую помощь в 30 000 рублей; 15 февраля она писала по этому поводу Д. А. Державиной: «Вы верно уже знаете, что наш Премноголюбимый Отец находится в Москве по причине разных монастырских надобностей», и 12 марта: «Не могу вам описать, как мне было грустно расставаться с нашим Многолюбимейшим Отцом и Благодетелем. Три недели, которые он здесь провел, показались мне за одну минуту» [37].

Кроме монастырских дел, Фотий во время своей поездки в Москву выполнял обязанности посланца православной оппозиции. Он посещал столичные церкви и монастыри, беседуя с представителями православного духовенства, близкими ему по духу. В автобиографии Фотий писал, что просил графиню свести его с кем-нибудь «из ревнителей, хотя по вере и благочестию противу сект, еретиков и вольнодумцев» [14, с. 219]. Графиня указала ему на священника церкви Положение Ризы Спасителя Христа Михаила, с которым Фотий впоследствии неоднократно виделся и беседовал. С писателем С. И. Смирновым, чьи писания против «злых книг» были хорошо знакомы Фотию, они впервые встретились лично. Судя по автобиографии, находившийся в тяжелом материальном положении С. И. Смирнов в то время был уже на иждивении графини. Причем помощь А. А. Орловой-Чесменской была не совсем бескорыстна: она поручила С. И. Смирнову составить разбор проповедей Фотия, естественно, в хвалебном духе. Задание было выполнено, но графине разбор не понравился и поэтому был оставлен без движения [40, с. 18].

Кроме средств А. А. Орловой-Чесменской Фотий пытался привлечь к монастырю субсидии правительства. В письме 26 января 1823 г. А. Н. Голицын сообщал Фотию, что по его просьбе переговорил с митрополитом Серафимом об увеличении дохода Юрьевской обители. Князь писал, что мельницу и рыбную ловлю в Новгородской губернии выхлопотать невозможно, и предлагал просить денег из казны [34, с. 433]. Пожар помог Фотию, и в марте 1823 г. он получил из казны 4000 рублей с дальнейшей ежегодной выплатой взамен «выгод мельничных». Крест, присланный императором в Юрьев монастырь, состоял из шести перламутровых круглых икон, оправленных позолоченным серебром. Александр I получил его в дар от архимандрита Парфения, привезшего его из паломничества в Иерусалим.

После московской поездки Фотия активность его врагов резко возросла. Архимандрит был вынужден обратиться за помощью к А. Н. Голицыну, помимо всего прочего, жалуясь на интриги жившего в лавре священника Феодосия Левицкого. Князь на это отвечал: «Московская ваша поездка, конечно, для многих там была полезна, но и сатана, которому сие не нравилось, с того много козней наделал пустых. Истинно благо вам, что мир много лжи на вас возлагал, и такие лжи, что кто немного вас знал, тотчас удостоверился бы, что тут клевета. То, что вы мне пишете о злом намерении против вас в Петербурге, меня очень огорчило, кажется, в лавре должно было положиться, что подобного не может случиться. Я очень содрогнулся, но государь не выдаст вас, я в этом уверен» [34, с. 440].

Действительно, 16 марта царь послал в подарок Юрьеву монастырю крест для украшения новой церкви и назначил денежную помощь 4000 рублей в год. Об этом событии Фотий сообщал в письме П. М. Толстой от 18 марта [9]. На защиту Фотия решительно встал митрополит Серафим. 4 июня 1823 г. он писал к Парфению Черткову: «Касательно архимандрита Фотия скажу вам, что он редкий человек. Здесь многие из знатных особ его уважают отлично. Он много обратил масонов, даже закоренелых, принимает некоторых дам, знатных на дух, но только принимает с дозволения начальства своего и по самой усиленной просьбе. Сверх сего, можно сказать, что умерщвляет тело свое самым жестоким постом и бдением; бескорыстен, не человекоугодлив, но отнюдь не ханжа и не лицемер. Рассудок имеет здравый, память твердую, премного читал св. Отцов и крепко их держится, имеет дар слова отличный и говорит от сердца с большим убеждением» [40, с. 56]. А. Н. Голицын также был вполне доволен Фотием, что видно из его писем к баронессе Крюденер: «Господь послал мне новое и интересное знакомство, это архимандрит очень строгой жизни, еще молодой, но весьма опытный, с пламенным к Создателю сердцем и одаренный большим красноречием. Речь его источник живой веры» [32, с. 383].

В конце 1823 г. противники архимандрита продолжали действовать. 20 ноября С. Крылов писал к П. Черткову, удивляясь благому отзыву митрополита Серафима о Фотии: «Дивлюсь отзывам старца о Фотии. Кажется, он не стоит их. Ко мне писали из Питера, что там менее стали о нем говорить, узнав его плутовство и притворство, коих слепой только не увидит. Всех обмануть нельзя» [40, с. 24]. Того же числа митрополит Серафим писал Филарету: «К. ... разглагольствует о чудесном приключении, в доме его случившемся, я несколько знаю. Спросите других, которые коротко его знают; и вам скажут, что он не заслуживает вероятия. Что касается до архимандрита Фотия, то ему некогда теперь заниматься сторонними делами, у него и своих очень много» [45, с. 31]. Таким образом, в 1823 г. Фотий был поддерживаем представителями двух противоположных направлений, что в глазах столичных обывателей послужило доказательством его двуличности. И в дальнейшем наветы недоброжелателей не оставляли архимандрита.

В автобиографии Фотий, видимо, из скромности не приводил многих делающих ему честь фактов, имевших место в 1823 г. Это необычайно строгие посты, безмолвие и затворничество, помощь бедным монастырям и нуждающимся. Кроме того, Фотий активно боролся с масонами, стремясь обратить их в традиционное православие. Одним из «обращенных» был, по-видимому, М. Л. Магницкий, вместе с М. М. Сперанским входивший в ложу И. Фесслера в 1811 г. В своих воспоминаниях А. С. Стурдза так описывал встречу М. Л. Магницкого с Фотием: «Встретив его у дверей гостиной, Фотий, держа восковые свечи в руках, и с немой торжественностью проводил его до приготовленных кресел. Кругом сидели почетные дамы, в том числе графиня Орлова. Фотий сидел возле Магницкого и молчал несколько минут, потом ухватился за колокольчик, стоявший на столике, и стал звонить, сколько у него было силы, не проговаривая, между прочим, ни слова. Видно, Магницкий и он поменялись взорами в залог взаимного согласия, – и негласный между ними союз был заключен» [46, с. 932]. Рьяный сторонник Библейского общества, открывший его филиал в Симбирске и возглавивший ревизию Казанского университета, М. Л. Магницкий в 1824 г. выступил на стороне Фотия против своего благодетеля А. Н. Голицына. В автобиографии архимандрит о нем писал: «Ученый человек Магницкий, как сам бывший во многих тайнах зловерия, многия вещи рассказывал важны, по частям своим везде сильно и благим намереньем действовал».

В 1823 г. Фотий продолжал активную переписку с А. Н. Голицыным, в которой пытался склонить его в пользу православной церкви или хотя бы улучшить отношения между князем и митрополитом Серафимом. Фотий по-прежнему пребывал в восторге от своего покровителя. В 1823 г. он писал А. А. Павлову: «С А. Н. Голицыным дело верное имей. Если бы у тебя было сто родных, – но истинный христианин может быть тебе вернее всех родных. Чаю, что в свете лучше не нужно, как служить князю: он другу не изменит и врага не обидит; а сего в мире ныне вовсе нигде нет. Я люблю его по сердцу о Христе. Благ он человек» [47, с. 287]. Но А. Н. Голицын совершенно не воспринимал наставления архимандрита. Он так же отвечал ему религиозными проповедями, в которых фигурировали фразы «удивительно, как возбужденных много, только ждут делателей», «люди Божьи», «друзья Божьи», встречавшиеся также в терминологии хлыстов и квакеров. Тем не менее А. Н. Голицын консультировался с Фотием по поводу назначения нового новгородского викария и спрашивал его мнения по поводу различных знамений. Например, о присланных ему неизвестным дарителем картинах, на которых был изображен заключенный в темницу Христос. Но при этом князь поддерживал переписку с Крюденер и Феодосием Левицким, идейными противниками Фотия.

Уже в конце 1823 г. силы, оппозиционные деятелям соединенного министерства, были готовы к действию. Однако их мишенью не был лично князь А. Н. Голицын, как считали те, кто рассматривал интригу 1824 г. только как

борьбу А. А. Аракчеева за расширение сферы влияния. Свидетельством тому являются письма архимандрита Фотия к А. А. Орловой-Чесменской в 1823 г., в которых он пишет, что «пришло время подвизаться противу врагов Церкви и Веры и их побороть: «Исконные враги Церкви Божьей, враги веры вторично распинают Господа, сына века сего, главы свои подъявляют на избранных Божьих, уста их глаголют лжи и пишут они неправду. Малое стадо Господне – верные избранники Божьи зовут меня и с плачем извещают о семени лукавствия, сеянном в Церкви. А брат наш Александр князь Николаевич Голицын не видит, яко слеп, яко глух и нем; ни хладен он, ни тепел! Се! Настоит воистину подъять мне труд на поле жатвы. Пастырь наш добрый Серафим один вопиет; но сего мало, подобает вскоре и мне вопль мой присовокупить к воплю пастыря моего, – да общим воплем по Бозе изгоним от стада Христова волков. Брат наш князь А. Н. Голицын дремлет в путях своих. Помолимся о нем; что нам скорбеть о нем? Когда мы будем в словах и делах с тобою двое, или с кем-нибудь трое, то в нас будет один дух, одно сердце и одна душа по Бозе, и Господь посреде тогда обещает быть в числе его избранных всех, сотворим, елико восхочет Сила Божия...» [48, с. 25]. Объект выступления поборников православия ясно указан в послании Фотия: «Ныне в нас расколы умножаются; дух тьмы от бездны Адской в худых книгах силится закрыть свет истины», «На седалище Святейшего Синода воссело Министерство Духовных Дел, а на место проповеди слова Божия в Церкви лепетание библейского общества единственно к отлучению от единения в Духе с Христом» [48, с. 33].

Весной 1824 г. в Петербурге разразился скандал, связанный с появлением в продаже книги пастора И.-Е. Госснера «Евангелие от Матфея», еще не получившей разрешение цензуры на издание. Следствие по поводу этого инцидента получило название «Дело Госснера» и явилось одним из самых ярких событий последних лет царствования Александра I [5, с. 139–176]. Оно стало поводом к отставке 15 мая 1824 г. министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына и к упразднению Соединенного министерства. В этих событиях архимандриту Фотию было суждено сыграть ключевую роль, по выражению С. А. Ширинского-Шихматова, навечно вписавшую его имя в церковные летописи.

Как показали материалы проведенного позже следствия, в 1823 г. внимание деятелей Библейского общества привлекла книга И.-Е. Госснера «Дух Жизни и Учения Иисуса Христа в Новом Завете» (комментировавшая книги Евангелия на протестантский лад), несколько раз издававшаяся в Вюртембергском королевстве и давно ходившая в России на немецком языке. Чья конкретно стоявшая инициатива перевода книги сейчас установить трудно. Н. И. Греч писал на этот счет: «Госснер написал в то время толкование на Новый Завет на немецком языке. Набожный Карл Карлович фон Поль (цензор. – Ю. К.) одобрил эту книгу к напечатанию; думаю, он читал ее, стоя на коленях. Другой усердный почитатель Госснера, отставной инженер, гене-

рал-майор Александр Максимович Брискорн, вздумал перевести это толкование на русский язык» [49, с. 1404]. В написанных более тридцати лет после событий мемуарах Н. И. Греча много неточностей. К. К. Поль пропустил в печать вариант книги на немецком языке, русский перевод одобрил цензор А. С. Бируков. Книга И.-Е. Госснера была написана гораздо раньше, но ее русский перевод А. М. Брискорн принес в цензурный комитет в начале 1823 г. Он представлял собой первую часть книги «Духа Жизни и Учения Иисуса Христа в Новом Завете» и содержал комментарии к «Евангелию от Матфея». В то время всем чиновникам столицы было известно о покровительстве, оказывавшем И.-Е. Госснеру руководителями Соединенного министерства. Цензор петербургского цензурного комитета А. С. Бируков (с 1821 г.) пропускал многие сомнительные с точки зрения православной церкви произведения. Поэтому вполне понятно утверждение Н. И. Греча о том, что цензор пропустил книгу не читая, а лишь просмотрев. 24 мая 1823 г. книга была пропущена цензурой.

К работе над русским переводом «Евангелия от Матфея» имел отношение ряд известных в обществе лиц. Н. И. Греч писал, что А. М. Брискорн, не зная толком русского языка, не справился с переводом и нанял себе в помощь бывшего профессора Казанского университета И. Ф. Яковкина и чиновника 5-го класса Трескинского. Действительно, следствие показало, что все эти лица участвовали в переводе, исправляя уже написанное А. М. Брискорном. Сам Н. И. Греч признавал на следствии и указывал в мемуарах, что из уважения к его памяти тоже исправлял перевод А. М. Брискорна как ошибочный. Но самым существенным во время следствия было признано, что осенью 1823 г. к исправлению перевода подключился директор департамента народного просвещения В. М. Попов. Исправления высокопоставленного чиновника не были признаны вредными и относились к еще не поступившей в печать части произведения. Но, по мнению следователей, внесенные им поправки могли повлиять на цензора и издателя, из страха перед директором департамента содействовавших изданию книги. Архимандрит Фотий считал, что немецкая книга переводилась только для вида, а сам русский текст «Евангелия от Матфея» был составлен уже после прохождения произведением цензуры [14, с. 252]. Однако его трактовка событий не подтверждается источниками.

Книга И.-Е. Госснера по содержанию отличалась от сочинений подобного рода, издававшихся в России в первой четверти XIX в. И.-Е. Госснер писал свои комментарии к Евангелию в обстановке травли католиками членов Библейских обществ Европы. Эта политическая и религиозная борьба нашла воплощение в его книге. Автор обрушивался на католическую церковь. Он, опираясь на цитаты Евангелия, показывал, что в заповедях Христа нет и следа обрядовой стороны религии. Исходя из этого, И.-Е. Госснер вел речь о надуманности обрядов христианских церквей и их человеческом (греховном), а не Божественном характере. Объявляя ничтожной всю обрядовую сторону христианства, И.-Е. Госснер переходил к критике духовенства, в протестант-

ском ключе раскрывая все его пороки. Заканчивал он свое писание открытым призывом к христианам не повиноваться властям, притесняющим «истинное христианство».

Автобиография Фотия содержит сведения по поводу приоритетных направлений борьбы православной оппозиции весной 1824 г. Фотий указывал, что главной своей задачей считал освобождение царя из-под влияния Р. А. Кошелева, «агента всемирного масонского заговора». На следующем по важности месте стояла борьба против политики правительства в области цензуры и книгоиздания. Лишь на третьем месте находились А. Н. Голицын (также заблуждавшийся под влиянием Р. А. Кошелева) и его ближайшие сотрудники по Соединенному министерству. Православные оппозиционеры начали действовать против Российского библейского общества, против перевода Библии на русский язык и сочинений Филарета лишь после своей победы в 1824 г.

Материалы следствия по «Делу Госснера» подтверждают распределение ролей, сделанное в автобиографии Фотия. Связи между участниками интриги 1824 г. до сих пор не раскрыты. Хотя между собой они, несомненно, сносились при помощи А. А. Павлова и М. Л. Магницкого. Митрополит Серафим сотрудничал с А. А. Аракчеевым с начала 1824 г. при расследовании дела А. П. Дубовицкого. А. С. Шишков сносился с И. В. Гладковым в ходе следствия. Из автобиографии Фотия следует, что главными действующими лицами на первом этапе дела были митрополит Серафим и сам Фотий. Очевидно, что в автобиографии архимандрит был не до конца откровенен. Он не упомянул об участии в деле П. С. Мещерского, без которого деятельность духовенства была бы затруднена, и вообще не раскрыл тайной роли А. С. Шишкова, несомненно, бывшего в центре интриги.

В автобиографии Фотий пишет, что митрополит Серафим неоднократно приглашал его приехать в Петербург и помочь ему в борьбе с врагами церкви, но архимандрит ждал для этого знака свыше. В автобиографии указывается, что Божья воля была явлена Фотию в начале января 1824 г. Архимандрит видел себя перед императором, который был болен и просил исцелить его. Фотий истолковал видение как призыв на подвиг. Однако в письмах Фотия к А. А. Орловой-Чесменской имеется послание от 31 января 1824 г. под названием «Жалость отца Фотия, что враг запиная митрополиту его вызвать на подвиг за веру и Церковь Христовы». В нем Фотий сетовал на то, что Серафим забыл его «многие труды» и не вызывает его в Петербург. «Нужда заставит его меня вызвать на брань, чтобы покорить врага под ноги верных и православие поддержать» [26 (3), с. 9], – писал Фотий. Очевидно, в конце января Фотий уже знал о готовящемся заговоре и боялся, как бы события не начались без него.

О книге Госснера Фотий получил сведения от князя А. Б. Голицына и М. Л. Магницкого в конце 1823 г. В записке, поданной Николаю I в 1831 г., А. Б. Голицын писал, что, чувствуя невозможность убедить Александра I встать на защиту православия, он целую неделю прожил в Юрьевом мона-

стыре. Там он передал архимандриту Фотию все имевшиеся у него сведения о действиях «врагов веры». Позже А. Д. Голицын послал к Фотию М. Л. Магницкого с новыми доказательствами, которые и побудили архимандрита начать выступление [50, с. 533].

По желанию митрополита Серафима в начале февраля 1824 г. Фотий был вызван в Петербург. Возможно, инициатором приглашения Фотия в столицу был А. Н. Голицын. На это указывает письмо А. Н. Голицына от 6 февраля 1824 г.: «Высокопреподобный отец Фотий в Санкт-Петербурге третий день и ни слова не пишет к тому, кто с нетерпением желал его видеть и получить его благословение» [47, с. 295]. О приезде Фотия в Петербург сообщал архиепископу Московскому Филарету епископ Ревельский Григорий (Постников). Он писал, что архимандрит приехал вместе со своими певчими за неделю до масленицы и постоянно служил в домовый церкви митрополита Серафима. Григорий указывал, что на этих службах бывает множество народа [45, с. 664]. Внимание общества к Фотию было привлечено в том числе и тем, что его певчие демонстрировали ставший в то время редким вид древнего знаменного пения – столповое (9 декабря 1823 г. введенное в Юрьевом монастыре).

В послании к царю 12 апреля 1824 г. Фотий писал, что уже полтора месяца следит за И.-Е. Госснером. Следовательно, начало этого дела можно отнести к концу февраля 1824 г. В своих воспоминаниях Н. И. Греч и В. И. Панаев однозначно свидетельствовали, что попытки добыть печатный экземпляр книги И.-Е. Госснера начались в середине марта (т.е. сразу после того, как листы были отпечатаны). Н. И. Греч вспоминал, что печатные листы книги И.-Е. Госснера из его типографии пытался выкрасть полицейский осведомитель Платонов [49, с. 1406]. В своих донесениях к К. Х. Бенкендорфу в 1828 г. Ф. В. Булгарин писал, что Платонов был послан к Н. И. Гречу обер-полицмейстером И. В. Gladковым [51, с. 244].

Все это убедительно доказывает, что участники православной оппозиции с самого начала интриги 1824 г. действовали очень осторожно. Сначала была подана тайная жалоба обер-полицмейстеру И. В. Gladкову. Затем через Ф. П. Уварова заговорщики вышли на царя. Только с санкции Александра I обер-полицмейстер мог начать тайное расследование, связанное с именем пастора Госснера, хорошо известного в высших сферах власти. Митрополит Серафим, осторожный дипломат, никогда не обратился бы с жалобой к царю, не имея на этот счет предварительной договоренности. Письма Фотия к графине подтверждают, что уже в феврале 1824 г. оппозиционеры имели прямые контакты с царем [26 (3), с. 10]. Следовательно, участь Госснера была решена еще до того, как православные оппозиционеры начали действовать официально. По-другому обстояло дело с князем А. Н. Голицыным, также ставшим жертвой этой интриги.

Из автобиографии Фотия мы узнаем, что, получив книгу И.-Е. Госснера (императора. – Ю. К.), митрополит Серафим на заседании Библейского об-

щества впервые выступил против А. Н. Голицына, и между ними произошла ссора. Это же подтверждает и письмо Фотия от 16 марта 1824 г., в котором он пытался примирить князя с Серафимом: «Митрополит никого паче тебя не может любить. Это знаю верно. Ты его душа вся. Никто тебя не любит, и не будет любить другой архиерей так свято, как Серафим» [32, с. 387]. Вместе с тем Фотий советовал А. Н. Голицыну самому войти к императору с критикой «антиклерикальной» литературы, выдержки из которой он читал князю: «Я имел свои замечания из вредных книг и в 1820 г. предал огню, и точно всё в памяти осталось. А по сем я еще повычитаю о книгах и тебе прочту. Иначе на нас врасплох напасти – испугать могут. Вот как я этим и служу тебе» (из письма 17 марта 1824 г.). В посланиях графине в феврале 1824 г. Фотий указывал также на то, что пытался «образумить» князя от заблуждений [26 (3), с. 11]. «Люблю его, буду молиться о нем, но говорить ему правду о том, что он по воле врага делает и зло творит», – писал Фотий.

Фотий упоминал также о том, что по поводу книги Госснера шла борьба и в самом близком окружении Петербургского митрополита. Его викарный епископ Григорий (Постников), которому Серафим поручил написать обличение этой книги, от задания отказался. И Серафим вынужден был писать опровержение самостоятельно, приложив к нему 32 листа книги, имевшиеся у него.

Перед праздником Пасхи опровержение на книгу И.-Е. Госснера было закончено, после чего митрополит Серафим сразу же отправил его Александру I. В автобиографии Фотий не приводил содержания послания, но давал краткое описание критикуемой книги, где характеризовал ее таким образом: «Все сочинение Госснера оное есть повестка на явное возмущение всех уже приготовленных через другие книги во всех концах земли» [14, с. 252]. То, что Фотий приводит в пример лишь хулу Госснера Богоматери, подтверждает, что в руках у него была лишь часть произведения, так как далее в «Евангелии от Матфея» шли высказывания, каравшиеся, согласно российским законам, сожжением на костре, вырыванием языка, отсечением суставов [5, с. 151].

Вслед за этим 12 апреля 1824 г. Фотий послал императору два письма: «Пароль тайных обществ или тайные замыслы в книге «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова» и «О революции через Госснера, проповедываемой среди столицы всем в слуху явно уже», а также приложенную к ним апологию (разбор мест из «вредных книг»). В них архимандрит обрушился не только на И.-Е. Госснера, но и на других мистических авторов, чьи произведения издавались в предыдущие годы в России. Позднее эти послания Фотия получили широкую известность. В рапорте графу М. А. Милорадовичу 21 июля 1825 г. есаул Е. Н. Котельников писал: «Архимандрит Фотий выставил Государю себя благодаря написанной им книге «Пароль», этот пароль есть карбонарский и изданный для смущения народа» [52, с. 17].

Фотий писал, что книга на французском языке «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова» была вручена Р. А. Ко-

шелевым для перевода правителю Комиссии духовных училищ И. Ястребцову. За успешно выполненную работу переводчик получил по ходатайству А. Н. Голицына пенсию в 3000 р. Эта книга хранится ныне в рукописном отделе РНБ вместе с «Делом Госснера». Она издана в 1820 г. в Медицинской типографии и прошла через светскую цензуру. Книга полна карандашных пометок. В предисловии к ней говорится, что автор ее неизвестен, а впервые появилась она в Базеле в 1727 г., содержание ее предсказывает Французскую революцию. Для автора характерны нравоучения в духе «внутренней церкви»: пришествие Христа в плоти еще продолжается в самом человеке, Бог внутри человека и всякая другая религия ложна, умеющий читать книгу «натуры» познает Бога в себе. Правда, все эти высказывания были завуалированы. Следуя написанному в 1820 г. опровержению С. И. Смирнова на ту же книгу, Фотий нашел в ней пароль тайных обществ, призывающий к революции. Он, несомненно, прав в том, что в книгах такого рода содержалась проповедь «новой религии», не относящейся ни к одной христианской церкви.

В своем втором послании Фотий писал: «Пребывая в сем граде полтора месяца, я вслед тайно за Госснером назирал и узнал, что он для приготовления к революции умы вызван учить. Я довести непрестанно просил князя Голицына до сведения твоего (царя. – Ю. К.), но тщетно» [14, с. 265]. Архимандрит, ссылаясь на вещий сон, указывал императору на А. А. Аракчева как на верного человека. Во второй части послания Фотий раскрывал суть «новой религии»: «Сия новая религия проповедуется в разных видах, а именно: то под видом какого-то нового света, то нового учения, то пришествия Христова в Духе, то соединения Церквей, то под видом какого-то обновления и аки бы Христова тысячелетнего царствия, то внушается под видом какой-то новой истины. Все это есть токмо в разных видах отступление от веры Божьей, Христовой, Апостольской, Отечественной, Православной». Фотий перечислял также источники этого зла: «Юнг-Штилинг, Эккартсгаузен, Гийон, Беме, Лабзин, великое число методистов, гарнгутеры, квакеры, Госснер, Фесслер и прочие. Цель же всего та, чтобы всяким образом отвлечь от истинной веры, испоганить алтари и престолы, внушить отвращение ко всем властям. А особенно к царской и священной» [14, с. 268–269]. Интересно, что книга И.-Е. Госснера в этих письмах Фотия не упоминалась вообще, хотя во второй части послания она явно имелась в виду. По-видимому, митрополит и архимандрит разделили сферы, затрагивавшиеся в посланиях, и письма Фотия должны были усилить впечатление, произведенное на царя посланиями Серафима.

Мысли, содержащиеся в посланиях Фотия, высказывались позднее на протяжении всего хода «Дела Госснера» различными лицами. Но Фотий первым отправил царю послание, полное нападок на религиозные воззрения, которыми Александр I руководствовался в течение долгих лет. Это был очень рискованный шаг. Лица, позволявшие себе гораздо более слабые обвинения,

попадали в опалу и отправлялись в ссылку. Выступления Фотия видимых последствий не имели. В автобиографии он свидетельствовал, что сердце царево настолько было в тайне, что даже митрополит не знал, имели ли влияния эти послания. Лишь в день Пасхи император не допустил к себе Р. А. Кошелева и в дальнейшем отказал ему в аудиенции.

Фотий писал, что в годы существования Соединенного министерства члены Священного синода не имели доступа к императору. Тем не менее через два дня после Пасхи митрополит Серафим явился во дворец, был принят, и ему была назначена аудиенция.

Встрече митрополита Серафима с Александром I представители православной оппозиции придавали большое значение. Это видно из автобиографии Фотия, воспоминаний А. А. Павлова и М. Л. Магницкого. Они писали, что поддерживают митрополита в его решимости «раскрыть глаза царю», и даже провожали его до дворца, боясь, что он изменит решение. Фотий под руку вел Серафима до кареты со словами: «Что ты, владыко святой, робеешь? С нами Бог! Господь сил с нами! Аще Бог по нас, кто на нас? Пора тебе ехать! Гряди с Богом» [14, с. 274].

Во время беседы 17 апреля, продолжавшейся пять часов, Серафим жаловался царю на то, что «Церковь и государство в опасности от тайных обществ, первое из которых Библейское, оно возглавляется мирским человеком и противно христианству». Всё это, по словам митрополита, вело к революции, и главный организатор этих «непотребств» – друг царя А. Н. Голицын. Князь для того и добился трех министерств, чтобы разрушить православную церковь, он действовал под влиянием Р. А. Кошелева. Митрополит Серафим подал также жалобу на сотрудников А. Н. Голицына. В оправдательном письме царю 19 мая 1824 г. А. И. Тургенев писал: «Я снова имел несчастье подпасть гневу Вашего Императорского Величества, и причиною оному принесенная Вам на меня жалоба преосвященного митрополита Серафима» [53, с. 384]. Но Александр I гораздо лучше Серафима знал задачи Библейского общества, а доверия к А. Н. Голицыну, осуществлявшему его волю, не утратил до конца жизни. Несмотря на это, царь благосклонно выслушал митрополита.

Убедившись в расположении царя внять жалобам православного духовенства, Фотий вновь попытался уговорить князя вместе выступить против мистиков: «Думал Фотий после, что, может быть, он его еще обратит на путь истины или отвратит от себя как-либо таковыми речами и словами» [14, с. 273]. Однако А. Н. Голицын, уверенный в покровительстве Александра I, к речам архимандрита был глух, «как бы слуха не имел». 20 апреля 1824 г. Фотий был тайно вызван во дворец к императору. Во время аудиенции архимандрит лишь повторил содержание своих посланий. В автобиографии он свидетельствовал, что одновременно с этими событиями сведения императору передавались через Ф. П. Уварова, стараниями которого и были организованы аудиенции Серафиму и Фотию.

22 апреля 1824 г. по распоряжению императора Комитет министров осудил книгу И.-Е. Госснера и распорядился начать следствие по лицам, участвующим в ее издании. Накануне, 21 апреля, А. Н. Голицын послал Фотию письмо с угрозами, что, по-видимому, было вызвано как его аудиенцией у императора, так и предстоящим заседанием Комитета министров, о котором князь должен был, безусловно, знать. 22 апреля Фотий писал в ответ князю: «Кто тебе возвестил, что я противу тебя? Ужели слово и дело всякое противу злодейств в книгах есть и может быть противу тебя? Знай, что я, по власти мне данной, твой наставник и отец, а ты сын мне. Я Божий слуга, подними же ты руки на меня и узришь, или земля вас пожрет вскоре, или гнев Божий вечно постигнет вас всех» [14, с. 285].

Вечером 22 апреля по повелению императора в дом митрополита явился граф А. А. Аракчеев с целью примирить Серафима с князем. Хотел ли Александр I подкрепить решимость митрополита или использовал последнюю возможность сохранить князя на его посту, решить трудно. Фотий придерживался первой версии: «После слышал Фотий от графа Аракчеева, что император велел ему потому быть на совете тайном сём, дабы как старец Серафим не оказал какой-либо слабости духа и уступки в деле, и стоял бы Серафим твердо, а что касается до царя, то он готов за всё приняться. Ежели же митрополит не устоит в твердости своей, то дело царю начать гласно будет без пользы» [14, с. 288]. Во время этой встречи Фотий впервые обвинил князя в потворстве еретикам. К этому времени архимандрит истратил весь запас средств убеждения, получив в ответ от князя одни угрозы. Об итогах встречи А. А. Аракчеева с митрополитом можно судить по тому, что Фотий сразу после ее окончания сознательно пошел на разрыв с А. Н. Голицыным. Судьба Соединенного министерства была уже решена. 23 апреля 1824 г. состоялась последняя, как считал Фотий, его встреча с князем. В ответ на обвинения архимандрита А. Н. Голицын резонно заявил: «Не я, а государь виноват, который, такого же духа будучи, желал, поздно уже останавливать, всё уже в большой силе» [14, с. 289]. Фотий решил больше не встречаться с князем как с врагом святой церкви и государства.

Какими бы ни были отношения митрополита и архимандрита с А. Н. Голицыным, его имя не фигурировало в «Деле Госснера». На следствии лица, причастные к идее издания книги, не выяснялись, допрос автора не проводился. Вопрос об ответственности руководителей Соединенного министерства за издание вредных книг не ставился.

25 апреля последовали два высочайших указа: «Об осуждении книги И.-Е. Госснера и высылке его из России, начале следствия об обстоятельствах издания книги» и «О новом порядке одобрения духовных изданий» [54, с. 104, 105]. Этими указами А. Н. Голицын ставился в зависимое положение от своего подчиненного митрополита Серафима, с которым, согласно указу, он вынужден был теперь консультироваться по вопросам цензуры [55, с. 104]. После этого Фотий резко порвал отношения с князем. 25 апреля в час дня в доме

А. А. Орловой-Чесменской архимандрит предал князя анафеме за потворство вредным книгам.

По чьему указанию Фотий разорвал отношения с князем, видно из его автобиографии: «Возвратился Фотий в объятия отца, архипастыря Серафима, внушавшего разорвать союз с князем Голицыным, возвещает, что сотворил он с ним и со всеми» [14, с. 296]. А за митрополитом стояла воля верховной власти России. Скандал стал широко известен в столице, что дало А. С. Шишкову право писать в дальнейшем, что анафема Фотия повлияла на императора и совместно с «Делом Госснера» стала причиной отставки князя [56, с. 91]. Таким образом, Александр I в очередной раз провел сложную политическую интригу, переложив ответственность за непопулярную меру на чужие плечи.

Анафема министру духовных дел и народного просвещения, произнесенная Фотием, была уголовно наказуемым поступком. Правом налагать анафему обладал в то время лишь Священный синод. Таким образом, архимандрит самовольно присвоил себе prerogatives высшего церковного правления. Все окружавшие Фотия понимали, в какой опасности он находится. В автобиографии Фотий указывал, что пришедшая в это время в дом А. А. Орловой-Чесменской П. М. Толстая ожидала неминуемого ареста архимандрита. Фотий отвечал ей, как некогда его учитель Иннокентий: «Чего бояться за правду?». Действительно, А. Н. Голицын немедленно подал жалобу царю, но выговор Фотию был объявлен лишь 14 июня 1824 г. Свой поступок Фотий объяснял тем, что проклял А. Н. Голицына наедине, без свидетелей (если был бы духовным отцом А. Н. Голицына. – Ю. К.), и уже воля князя была распространить этот слух по Петербургу. Фотий указывал, что если Госснер смеет наносить хулу Пресвятой Богородице, то и он вправе отлучить от Бога покровителя Госснера.

В новой ситуации главным рупором православной оппозиции стал Фотий. 29 апреля он отправил императору третье послание, куда входил «План разорения России и способ оный план вдруг уничтожить тихо и счастливо». Фотий предлагал царю: «1) Министерство духовных дел уничтожить, а другие два отнять у настоящей особы. 2) Библейское общество уничтожить под тем предлогом, что много уже напечатано Библей, и они теперь не нужны. 3) Синоду быть по-прежнему, и духовенству надзирать при случаях за просвещением, не бывает ли чего противного власти и вере. 4) Кошелева отдалить, Госснера выгнать, Фесслера изгнать и методистов выслать, хотя главных» [14, с. 298]. Эти меры он обосновывал тем, что в России действует тайное общество иллюминатов, которое готовится к приходу Христа в 1836 г. и к этому времени хочет разрушить государства и церкви и учредить единую религию. Главный посланник иллюминатов в России – Родион Кошелев, «поймавший в свои сети А. Н. Голицына», хочет ввести реформу конституционную и ущемить духовенство введением Соединенного министерства. Ту же цель преследуют методисты под именем Библейского общества, пропуская в Россию «злодейские книги», которые рассылаются в академии, семинарии и училища.

7 мая Фотий передал царю свое четвертое послание «План революции, обнародованный тайно, или тайна беззакония, в книге «Победная повесть». Он писал о заговоре тайных обществ, имеющем целью учреждение универсальной монархии и «тысячелетнего царствия Христова в Иерусалиме». Это послание было также направлено против религиозных заблуждений императора.

В этих посланиях Фотия факты переплетались с фантазией. Но при этом он давал царю практические рекомендации по кадровой политике. Очевидно, без посторонней подсказки архимандрит не мог предугадать перемены, предстоящие в правительстве. Существовала группа лиц, представлявшая собой центр православной оппозиции, к которому сходились все нити интриги. Диапазон информации, поступавшей в него, был очень широк, ее доставляли А. А. Павлов, М. Л. Магницкий и даже начальник полиции И. В. Гладков. Центром православной оппозиции в 1824 г., по-видимому, являлся дом графини А. А. Орловой-Чесменской. Именно там произошла первая встреча Фотия с М. Л. Магницким и был предан анафеме князь А. Н. Голицын. Туда стекались все сведения и оттуда получали инструкции митрополит Серафим и А. С. Шишков. Главной связующей нитью оппозиционеров и был архимандрит Фотий, что, при отсутствии главы оппозиции, делало его самым заметным лицом. Именно этим положением объясняется большая роль, отводимая Фотию его старшими товарищами – митрополитом Серафимом [57, с. 947] и А. С. Шишковым [56, с. 246].

Несомненно, послания Фотия явились совместным плодом деятельности ядра оппозиционеров. Именно существование центра православной оппозиции позволило Александру I возглавить ее своим ставленником А. А. Аракчевым и направить в нужное русло. Как и любая консервативная оппозиция, православная партия предпочитала использовать легальные пути борьбы, и ее представители действовали в рамках своих служебных полномочий. Первоприсутствующий член Священного синода митрополит Серафим ходатайствовал перед царем в защиту православной церкви, а А. С. Шишков обвинял И.-Е. Госснера и В. М. Попова в Комитете министров, Сенате и Государственном совете. По сложившейся традиции во главе оппозиции мог стоять только клирик православной церкви. Но первоприсутствующий член Священного синода был осторожным дипломатом, и во главе оппозиционеров оказался Фотий. Не исключено, что выдвигать на первый план его фигуру императору понадобилось именно потому, что архимандрит не имел достаточного веса, чтобы реально возглавить оппозиционеров. В нужный момент появился А. А. Аракчев, и управление делами духовного ведомства перешло от одного светского лица к другому при полной поддержке православного духовенства.

15 марта 1824 г. последовали указы, которыми упразднилось Министерство духовных дел и народного просвещения, а руководители Библейского общества лишались своих постов. «Дело Госснера», ставшее поводом к расформированию Соединенного министерства, стало символом отказа импера-

тора от проанглийской ориентации. С помощью интриги 1824 г. Александр I избавился от мешавших ему сотрудников, возглавил оппозицию и скомпрометировал самых ярых противников нововведений, представив их в глазах общества двуличными интриганам и фанатиками.

Необходимость решительных перемен в правительстве возникла в 1824 г. в связи с наметившимися изменениями в отношениях России и Рима. 8 августа 1824 г. скончался Пий VII. Это положило конец влиянию его фаворита кардинала Консальви, придерживавшегося антирусской ориентации. Консальви был непопулярен среди высшего духовенства Ватикана, и, выбирая нового Папу, кардиналы старались подобрать кандидатуру, во всем противоположную ненавистному фавориту. На престол был избран кардинал Делла Джега, получивший имя Льва XII. Эти события дали возможность Александру I надеяться на новый европейский союз, направленный против Турции и Англии. Однако на пути сближения России с Римом оставалось по-прежнему много препятствий, устранять которые император начал весной 1824 г. Мероприятия Александра I должны были в первую очередь поднять его популярность в глазах католиков, а во вторую – консолидировать власть в руках царя и умиротворить российское общество. Одна из главных задач при этом – добиться расположения православного духовенства. А это было едва ли возможно без изгнания неугодных и православным, и католикам проповедников и прекращения выпуска «антиклерикальной» литературы.

В фондах РГИА хранится документ, подтверждающий участие католиков в «Деле Госснера». Это «Записка одного католика», переданная Александром I А. А. Аракчееву 30 апреля 1824 г. Ее автор пишет: «Трудно в точности определить, к какому классу людей принадлежит пастор Госснер. К злонамеренным или заблуждающимся. Он думает, что один на земном шаре понимает смысл Евангелия. В его проповедях доброе и злое перемешаны. Госснер не признает официальных церковных властей и агитирует против них. Он призывает народы слиться в единое братство наподобие республики. Как фанатик он опасен для общественного спокойствия. Толкуя по-своему Евангелие, он искажает и указы гражданских властей. Покровительство в столице еретика, отпавшему от Римской церкви, дает основание и другим сектантам собирать свои общества. Секта Госснера опасна для государства» [58, с. 38].

15–17 мая были изданы указы, по которым власть над духовной сферой страны перешла к представителям православной оппозиции – митрополиту Серафиму и А. С. Шишкову. Но их победа была далеко не полной. Текст указа 15 мая гласил, что до назначения нового министра духовных дел дела Священного синода должны иметь то же течение, что и до учреждения Соединенного министерства. Трудно сказать, чем было вызвано промедление императора с решением судьбы Священного синода. Е. А. Вишленкова считает, что император не оставил идеи Министерства духовных дел [43, с. 175]. Но так как воссозданное Главное управление духовных дел иностранных исповеданий было

присоединено к Министерству народного просвещения и неясной осталась только судьба Священного синода, можно предположить, что Александр I хотел подождать реакции духовенства на произошедшие перемены. Создавать такую неопределенную ситуацию в духовном ведомстве императору понадобилось для того, чтобы сломить возможное сопротивление духовенства. И действительно, указы, данные в августе и сентябре 1824 г., вывели клириков православной церкви из рядов православной оппозиции.

Хотя Князь А. Н. Голицын после отставки и сохранил за собой только номинальную должность, он не утратил расположения царя. Свидетельство тому – письмо Фотия к А. А. Павлову по поводу А. Н. Голицына: «Он все имеет у себя в руках: помни, я читал собственной руки Царевы письма к Г. (А. Н. Голицыну. – Ю. К.)» [47, с. 290]. Через князя доходили до императора дела обществ, которые он ранее возглавлял. Как видно из переписки, опубликованной великим князем Николаем Михайловичем, А. Н. Голицын остался поверенным сердечных дел императора. Наконец, он получил право учредить особую Канцелярию при почтовом ведомстве, начальником которой был назначен В. М. Попов, с сохранением ранее полагавшегося ему жалованья [59, с. 190].

Дела весны 1824 г. Фотий считал самым выдающимся свершением в своей жизни. Между тем роль Фотия в этих событиях до сих пор недостаточно выяснена. Главным источником к изучению борьбы православной оппозиции в этот период по-прежнему остается автобиография Фотия. Насколько можно ей верить? До сих пор скепсис вызывали даже послания Фотия к Александру I. Нельзя с уверенностью сказать, читал их царь или нет. На эти и многие другие вопросы дают ответ материалы, содержащиеся в фонде № 1409 РГИА (Собственная его величества канцелярия), – «Бумаги и письма архимандрита Фотия к императору Александру в 1824 году».

В состав дела входит: 1. Письмо Фотия к Александру I 12 апреля 1824 года. 2. Послание «О новой религии». 3. Записка Фотия 12 апреля 1824 года. 4. Послание «Тайна». 5. Список масонов. 6. Письмо Фотия к Александру I 29 апреля. 7. «План разрушения России». 8. Запись последних разговоров с А. Н. Голицыным. 9. Некоторые сведения о раскольниках. 10. «Записка одного католика». Рукой А. А. Аракчеева на обложке дела написано: «от его императорского величества все бумаги получил в мае месяце 1824». Содержание этих документов полностью подтверждает текст автобиографии Фотия.

При этом очевидно, что Фотий редактировал свои послания перед тем, как подготовить их к обнародованию. Он умалчивал о некоторых событиях. Например, в оригинале послания царю 12 апреля Фотий писал о том, что масоны в 1817 г. пытались его отравить. Слуга Фотия, евший отравленное кушанье, «страдал 8 месяцев». В том же послании Фотий сообщал царю, что «с 1823 года по 3 февраля 1824 года каждодневно служил 56 служб, молил Бога о спасении церкви, царя и отечества, в продолжение коего служения было мне открыто еще в конце декабря, что тебе крест болезни будет от Бога». Были и более ин-

тересные дополнения, не вошедшие в автобиографию. Почерком Фотия дописано на обороте послания от 12 апреля: «Р. С. Граф Алексей Андреевич Аракчев – верен, хотя Я и не видел его никогда, но знаю по сердцу: и обер-полицмейстер верный Господа слуга, других я мало знаю по должности приближенных к тебе: впрочем, есть такие рабы Божьи у тебя, и в сем граде, – кои как ангелы святые, и о коих радуются небеса. Знай, что тебя народ весьма любит всей душою: и никому не верь, если кто скажет, что есть люди, тобой недовольные: есть карбонарии, но и тех токмо двух – лишить службы, – истает все яко воск» [60, с. 3, 6–7]. Все эти нюансы в автобиографию не вошли. Между тем это текст послания царю, который Фотий приводит как оригинал документа.

В автобиографию Фотия не вошли строчки, которые он, видимо, считал слишком радикальными. Например, в записке Александру I от 23 апреля 1824 г. Фотий писал, что многих опасных людей он еще в молодости обратил, а тех, кого не удалось, не удастся обратить никому. Никто кроме него не может раскрыть весь вражеский план. «1. Список масонов посылаю при сем, – а другой большой и высших лож могу достать вскоре... 5. Я совесть много яко святителю Божьему, митрополиту открыл, что могу, ему говорю тайно: а тебе все открываю... Мое дело тебе открывать, – а твоя святая воля все делать; 6. Не удивляйся великому знакомству моему, тако Господь все устроил на пользу Церкви Святой – и через чего по человеческой немощи дознать не мог, так Бог открыл мне.

Р. С. Никому не говори, что ты меня видел, и впредь, ежели будет угодно, тайно принимай. Единожды потеряешь меня, больше не найдешь другого. Мне Господь все способы дал разрушить и предупредить весь план зла» [60, с. 12–13]. В письме царю, где описывались последние встречи с А. Н. Голицыным, Фотий также смягчил некоторые подробности. В оригинале звучало так: «...и сказал К. Голицын: Я ли виновен? Г... виноват, он такого же духа был тогда сам. Сказал Фотий: что ты плетешь? Кто может сам себе быть враг? Государь ангел наш: уверяю тебя, что можно еще все остановить, и никакого труда не составит» [60, с. 34]. Все эти материалы хотя и дополняют автобиографию Фотия, но не опровергают ее. Купюры, сделанные Фотием при записи своих воспоминаний, не носят принципиального характера.

Содержание посланий Фотия к царю ясно показывает, что в 1824 г., находясь в центре политической борьбы, архимандрит мало понимал происходящее. Ему казалось, что он борется с всемирным масонским заговором, главными адептами которого в России являются Р. А. Кошелев и А. Н. Голицын. Все, что известно о характере Александра I, не позволяет предположить, что на него могли произвести впечатление эти послания. Фотий считал себя пророком, но Александр I воспринимал его как юродивого. С таким же интересом император встречался с госпожой Крюденер, главой скопцов Селивановым и пророком секты Татариновой Федором.

Что же заставило императора принимать Фотия? Александр I отдавал себе отчет, что голосом Фотия говорит православная оппозиция. В 1824 г., так

же как в 1819 г., Фотий был далек от вершин власти. Он не представлял себе, с какими проблемами сталкиваются члены Священного синода. Всю информацию о политической борьбе Фотий получал из вторых рук. Даже авторство посланий, отправляемых Фотием царю, находится под сомнением. В Москве на содержании А. А. Орловой-Чесменской находился писатель С. И. Смирнов (активный участник выступлений 1816–1819 гг.) [19, с. 101–104]. В произведениях этого автора Фотий черпал материал для своих обличений.

Письмо С. И. Смирнова к К. М. Киселеву 26 марта 1824 г. ясно показывает, что первое послание Фотия царю от 12 апреля 1824 г. полностью базируется на заимствованных материалах. С. И. Смирнов сообщал своему корреспонденту о том, что 7 февраля он получил письмо от Фотия, с которым давно состоял в переписке. Фотий одобрял замечания С. И. Смирнова на книгу «Воззвание к человекам...» и его выписки из вредных книг. Из письма следует, что по просьбе митрополита Серафима С. И. Смирнов отослал ему выписки из 20 «вредных» книг с краткими замечаниями [61, с. 6].

Можно ли обвинить Фотия в плагиате? Нет. Вызванный в Петербург по воле митрополита Серафима, он выполнял его приказы. Естественно, для интересов православной оппозиции было лучше, чтобы послания к царю исходили от известного ему лица. Сам С. И. Смирнов не только не обвинял Фотия в заимствовании, но, напротив, расточал ему хвалы.

По политическим вопросам Фотия консультировал М. Л. Магницкий. В «Бумагах и письмах архимандрита Фотия к императору Александру в 1824 году» содержится «Письмо о Фесслере» [60, с. 14–17]. В конце документа почерком Фотия написано: «Бумагу сию мне подал бывший у Фесслера в ложе генерал Михаил Магницкий». Такие документы, как «Записка фактора о ввозе и приеме золотой монетою денежных сумм в Россию», направленная против еврейской торговли, или «Обозрение плана революции, или тайны беззакония», где указывалось, что тайные общества толкают Россию к войне с Турцией, Фотию явно были подсказаны.

Все это не меняет общей картины происшедшего. Слушая Фотия и читая его послания, Александр I внимал голосу оппозиции. В событиях 1824 г. архимандрит Фотий был лишь орудием. Свою роль он исполнял с огромным энтузиазмом и даже самопожертвованием. После отставки А. Н. Голицына царь еще трижды предоставлял Фотию аудиенцию и принимал его послания. Но никаких политических последствий эти встречи не имели.

Назначив митрополита Серафима и А. С. Шишкова на освободившиеся должности, император долго бездействовал, видимо, выясняя, на что еще рассчитывают представители православной оппозиции. Архимандрит Фотий писал в автобиографии, что ждал удаления из столицы за анафему князю. Это подтверждает его письмо к А. А. Павлову: «Я говорил, что с тобой ехать хочу. И Г. (граф А. А. Аракчеев. – Ю. К.) кучера мне и подорожную к 10-му числу обещал прислать, но я, получив твое письмо, сказал, что частное известие по-

лучил, аки б владыка не решился меня увольнять в М., а потому и кучера я просил прислать мне, когда напишу Г., что я уволен» [47, с. 290]. Тем не менее Фотий отважился нанести удар еще по одному противнику православной оппозиции. 18 мая 1824 г. он отправил послание императору (не вошедшее в автобиографию), в котором обвинил Филарета Московского в потворстве мистикам и просил не вызывать его в Священный синод, а пригласить Евгения Киевского, так как «он старше, умней и партии своей не имеет» [62, с. 47]. Послание Фотия имело политический резонанс. В этот период в обществе поползли слухи, что Филарета хотят назначить экзархом Грузии. 3 июля 1824 г. епископ Ревельский Григорий писал Филарету, утешая его: «Горько прослезился я от письма вашего. Тяжело состояние ваше. По кроткому взору моему я несколько представлял ваши трудности, но никогда не думал, что они будут столь велики» [45, с. 66].

Ходатайствующая за архимандрита А. А. Орлова-Чесменская писала царю и удостоилась личной аудиенции. А 14 июня Фотий был вызван к императору для личного объяснения. Он тщательно готовился к аудиенции, запасся нужными документами и посетил в Лавре своего духовного отца, схимника Алексея, приняв от него наставление ничего не бояться и стоять за дело церкви. А. С. Шишков так описывал эту встречу: «Вскоре государь вызвал его к себе, и, хотя сначала его выговорил с гневом за такой его поступок, находя оный не только неприличным, но даже и не сообразным с христианской покорностью, однако же, по долгом с ним беседовании отпустил его без гнева» [56, с. 92].

В описании Фотия его встреча с царем наполнена мистическим смыслом. Он писал, что был проведен к царю тайно и усажен им за большой стол. Александр I начал выговаривать архимандрита за то, что он посмел предать анафеме человека, с которым он дружил тридцать лет, и не желал никаких оправданий. Фотию было страшно слушать царя и, тем более, смотреть ему в лицо, он отвернулся к окну и стал часто креститься. Император был удивлен таким поступком и спросил Фотия, понимает ли он то, что ему говорят. Это дало возможность архимандриту сказать слово в свою защиту, и он объяснил, за что проклял князя: «аще бы не токмо князь Голицын, но ангел с небес пришел и глаголил мне противно благоверию Христову, слову святых и учению Церкви, я ему бы сказал: анафема». Фотий говорил, что не верит князю в отношении того, что книги, где хулятся Богородица и поносятся духовенство, издаются по воле царя. И он всего лишь проклял князя, а не поступил подобно святому Николаю, ударившему Ария за ложь на первом Вселенском соборе. Император отвечал, что за свой поступок святой Николай был лишен сана. Тогда Фотий достал заранее заготовленный им лист из жития святого Николая и указал императору место, где сам Иисус Христос вручил Чудотворцу регалии его сана в знак правильности его поступка. После этого Фотий постарался продемонстрировать императору то, что он носит вериги и власяницу, по его мнению, это так потрясло царя, что он с миром отпустил архимандрита.

Во время аудиенции Фотий вручил царю очередные послания. В первом из них – «Обозрение плана революции, или тайны беззакония, деемой ныне в России и везде» – он писал, что тайные общества хотят ниспровергнуть Россию, сию втянуть ее в войну с Турцией. В подрывных целях, – писал архимандрит, – врагами был прислан Р. А. Кошелев, чтобы сделать конституционную реформу, ввести равенство, истребить самодержавие; первый последователь этих идей – А. Н. Голицын. Чтобы не препятствовало духовенство, введено было Соединенное министерство, работавшее над созданием всеобщей религии. Для содействия этим целям англичане учредили Библейское общество. Все это – интрига Англии и тайных обществ для разорения России.

Второе послание – «Число зверино в Апокалипсисе 666» – предупреждало о революции, планируемой тайными обществами на 1836 г. К 14 июня 1824 г. Фотий относит также послание «О действиях тайных обществ на Россию через Библейское общество». Оно помещено в самом конце автобиографии. Архимандрит, по-видимому, не желал афишировать свою роль в политической борьбе и поэтому в автобиографии приурочил свое выступление против Библейского общества к действиям А. С. Шишкова. Фотий рекомендовал императору закрыть Библейское общество, так как оно создано для разрушения веры и подготовки реформы церкви и государства [14, с. 306–307]. Эти послания Фотия – откровенный политический манифест православной оппозиции. Очевидно, архимандрита консультировал человек, хорошо знакомый с планами царя. Такого рода документ Александр I не мог оставить без внимания. Фотию было приказано дать письменное объяснение по поводу личных причин в их конфликте с князем. 17 июня это объяснение было отослано императору под названием «Записки убогого Фотия, с 1817 по 1824 г. действовавшего против тайных обществ». В них Фотий кратко, по годам, перечислял этапы своей борьбы с масонами и сектами [14, с. 307–308].

В автобиографии Фотий пишет, что ему велено было сноситься с императором через А. А. Аракчеева. Действительно, в июле 1824 г. Фотий имел несколько встреч с А. А. Аракчеевым. Это подтверждается письмом графа архимандриту, датированным началом августа 1824 г.: «По прибытии моем сюда я имел счастье докладывать Всемилостивейшему нашему Государю Императору о наших свиданиях, и Его Величеству весьма приятно было слышать ваше усердие к пользе Церкви Божьей и отечеству» [63, с. 950].

Отстранив от власти А. Н. Голицына, император возглавил православную оппозицию другим своим доверенным лицом – графом А. А. Аракчеевым. Лицам, искавшим внимания императора, дано было понять, что получить его можно лишь через графа. Создание такого положения в управлении страной было, среди прочего, целью перемен весны 1824 г. Император подчинил своей воле две противостоящие в русском обществе силы. Когда положение в духовной сфере оказалось под контролем А. А. Аракчеева, пришло время определить положение Священного синода. Решение по управлению православной

церковью было принято только 26 августа 1824 г., когда был объявлен Указ «Об оставлении 1-го отделения бывшего департамента духовных дел в настоящем его положении» [64, с. 491]. Указом от 17 сентября Комитет министров уполномочивался при разрешении вопросов, относящихся к ведомству Священного синода, предоставлять обер-прокурору все нужные для этого полномочия [64, с. 528]. Отныне все дела Священного синода доходили до императора через графа А. А. Аракчеева. То, что обер-прокурор Священного синода утратил связь с императором, компенсировалось тем, что его полномочия по управлению православной церковью возросли после присоединения первого отделения департамента духовных дел, заменившего канцелярию обер-прокурора Священного синода. Эти нововведения окончательно изменили статус обер-прокурора, превратив его из «надзирающего ока» в управляющего делами и главного администратора Священного синода.

Князь П. С. Мещерский достиг желаемого и вышел из борьбы, вместе с ним в деятельности православной оппозиции прекратили участвовать иерархи православной церкви. В новой политической ситуации оппозиция перешла к легальной борьбе через А. С. Шишкова, как казалось, имевшего возможность влиять на духовно-религиозную политику императора. В этих действиях принимал активное участие архимандрит Фотий, а А. А. Аракчеев продолжал держать под контролем оппозиционные силы.

«Дело Госснера» решалось в Комитете министров 3 и 8 августа. Император повелел всех, прикосновенных к переводу и изданию «Евангелия от Матфея», предать суду. Такое положение дел тут же отразилось на деятелях православной оппозиции. А. А. Аракчеев известил Фотия письмом, что государь хочет видеть его у себя между 3 и 10 августа и отныне дозволяет приезжать в столицу в любое время [63, с. 950]. Во время аудиенции, состоявшейся 6 августа, Фотий вручил императору ряд бумаг, среди которых были два послания: «Открытие заговора под звериным апокалипсическим числом 666 и о влиянии Англии под тем предлогом на Россию» и «О революции под именем тысячелетнего царствия Христова, готовой в 1836 году в России через влияние тайных обществ» [14, с. 313–316] – оба коротких и малообразумительных. В послании от 7 августа «Дабы взять решительные меры к прекращению революции, готовимой в тайне» Фотий приводил список лиц, которых нужно тихо удалить из столицы, так как они хотят восстать в прежней силе и угрожают преданным престолу людям. Посланный архимандритом список не сохранился. Вероятно, это были деятели Соединенного министерства, находящиеся в опале. На эти послания также не последовало никакой реакции. Но император вновь продемонстрировал, что перед принятием важных решений он консультируется с Фотием. 8 августа Комитет министров принял решение предать участников «Дела Госснера» суду. Поборниками православия это было воспринято как знак внимания императора к духовенству. Противники православной оппозиции припи-

сывали действия царя влиянию архимандрита. То и другое было выгодно Александру I и совпадало с его целями.

В октябре 1824 г. началось следствие в Сенате по делу В. С. Попова. А. С. Шишков был занят сбором новых улик. А Фотий и митрополит Серафим вместе с графом А. А. Аракчеевым расследовали ересь донского есаула Е. Н. Котельникова [65, с. 135–140]. Следы этих трудов остались в письме Серафима к А. А. Аракчееву от 2 ноября 1824 г.: «Честь имею уведомить ваше сиятельство, что я ныне по вечеру, в начале седьмого часа приеду к вам вместе с отцом Фотием и втроем переговорим обо всем» [53, с. 393]. В 1824–1825 гг. архимандрит Фотий пользовался полным доверием императора. Ему поручали еретиков и при решении их судьбы руководствовались его рекомендациями. В этот период Фотий продолжал тесно сотрудничать с высшими чиновниками.

В январе 1825 г. Фотий был награжден драгоценной панагией и отмечен монаршим благоволением. Митрополит, обращаясь с просьбой к А. А. Аракчееву, писал: «Что сказать о пламенном усердии и ревности архимандрита Фотия к соблюдению веры отцов наших неприкосновенной? Как исчислить труды и подвиги, понесенные им для блага Святой нашей Церкви, воюемой злоухищренными кознями врага Божия и возмущаемой косвенными нападениями исчадий ада, тем опаснейшими, что прикрыты личиной любви к ближним и усердия к пользам человечества? Архимандриту Фотию, посвятившему себя Богу и восходящему к совершенству христианской жизни, чуждо всякое желание возможных наград; он, по слову Спасителя, возжелал единого на потребу, он твердо решил нести крест свой и по нему идти» [57, с. 947]. 31 января граф ответил на письмо митрополита: «Свидетельство Вашего Высокопреосвященства о возведении архимандритом Фотием Новгородского первоклассного Юрьева монастыря в цветущее состояние, пламенное его усердие к Церкви Божьей и благочестивое его рвение на пользу отечества, обратили на него особое внимание Государя Императора и Монаршее благоволение. Во изъявление онаго и в ознаменование отличных заслуг архимандрита Фотия, Е. И. Величество всемилостивейше пожаловать соизволил панагию и повелел мне препроводить оную к Вашему Высокопреосвященству для доставления отцу архимандриту Фотию» [66, с. 1].

В 1825 г. Фотий не оставил попыток окончательно сокрушить влияние «западных мистиков». 12 февраля архимандрит вновь имел трехчасовую аудиенцию у Александра I [67, с. 61]. Следы этой встречи есть в его письме А. А. Аракчееву от 10 мая 1825 г.: «Важнейшее лично я желал государю императору открыть по данной мною присяге, – писал Фотий, – но язык у меня не мог выговорить лично и прямо, и я только сказал ему лично, что не смею сказать. Ибо царю много говорить нельзя; царь бо есть и Божий слуга, великий помазанник Господен». Как и летом 1824 г., Фотий пытался убедить императора в необходимости удаления «вредных» людей. Возможно, речь шла о руко-

водителях Соединенного министерства, перешедших в почтовое ведомство: «Я много писал, и смело правду; я говорю; дабы некие лица удалить, прежде легче; теперь же трудней» [6, с. 769].

Александр I посетил Юрьев монастырь 5 июня 1825 г. Он прибыл из Новгорода на пароходе в четыре часа утра, присутствовал на ранней литургии, беседовал со старшей братией, был в кельях настоятеля. В восемь часов утра состоялась беседа императора с Фотием, затем он отбыл из монастыря [67, с. 61]. Однако успеха в своих делах архимандрит имел не более чем А. С. Шишков в попытках упразднить Библейское общество: «Нельзя лжепророкам подобно есаулу, Татариновой и прочим не быть, когда начальница всех мерзостей лжепророков и последователи в самой столице; едва, едва мы, служители Церкви, перевес ныне стали держать, а одолеть сил нам не дают» [6, с. 769], – писал Фотий А. А. Аракчееву.

Осенью 1825 г. Александр I послал Фотию первое и последнее свое письмо по поводу убийства 11 сентября 1825 г. любовницы А. А. Аракчеева Н. Ф. Минкиной. В этом письме император просил утешить графа, так как его служба «драгоценна для отечества». Письмо заканчивалось довольно трогательными словами: «Христианин обязан с покорностью переносить удары, рукой Господней ему наносимые. Мы все в Его воле. Испрашивая благословения вашего, предаю себя молитвам вашим» [68, с. 163]. Как видно из переписки Фотия с протоиереем села Грузино Н. Ильинским, архимандрит и до письма царя старался подбодрить и утешить графа. Помимо его воли, излишнее рвение Фотия стало причиной отставки Н. Ильинского. Архимандрит во время одного из своих визитов сообщил графу, что протоиерей спрашивал разрешения у своего начальства похоронить убитую Н. Ф. Минкину в соборе села. Гнев А. А. Аракчеева тут же обрушился на провинившегося; 10 октября 1825 г. Фотий в письме утешал протоиерея: «Ты, любезный отец, будь спокоен касательно тебе известного дела, Господь все устроит. Мы тебя всей душой любим, и готовы тебе Бога ради служить. Молю тебя, братец, утешай общего нашего соседа и друга царева» [69].

Одним из последних людей, с кем виделся Александр I перед своим последним отъездом из Петербурга, был схимник Александро-Невской лавры Алексей, духовный отец Фотия. Архимандрит участвовал в проходах императора в последний путь. По дороге из Таганрога в Петербург траурную процессию на границах губерний встречали представители светских и духовных властей. На границе Новгородской губернии навстречу гробу выехали епархиальный архиерей и архимандрит Фотий, который по ночам оставался читать Евангелие у тела царя.

В 1825 г. умеренные оппозиционеры, чиновники духовного ведомства во главе с П. С. Мещерским и члены Священного синода, отошли от политической борьбы, так как посчитали свою задачу выполненной. То, какая обстановка царил в среде бывших оппозиционеров, видно из следующего факта:

когда в 1825 г. по «Делу Апполоса» на Фотия поступил заведомо ложный донос, двое из трех лиц, его получивших (А. А. Павлов и митрополит Серафим), переслали его Александру I.

В царствование Николая I в рядах православной оппозиции остались лишь ультраконсерваторы и политические интриганы. Легальную деятельность этой партии по-прежнему возглавлял А. С. Шишков, проводивший в правительстве линию оппозиционеров. На полулегальном положении находилась группа духовных и светских лиц во главе с архимандритом Фотием. Щекотливость ее положения заключалась в том, что члены Священного синода были послушны воле светских властей. Однако А. С. Шишков и Фотий не могли сложить оружия до тех пор, пока внутри империи оставались ростки, по их мнению, подрывных идей. В первые годы нового царствования своими первоочередными задачами православные оппозиционеры считали завершение «Дела Попова», введение нового цензурного устава и воспрепятствование проникновению в Россию революционных идей.

Архимандрит Фотий 4 февраля 1826 г. отправил письмо Николаю I. Он писал, что десятый год борется против врагов царства русского и православной церкви и что «еще есть время все исправить». К посланию был приложен «Обзор плана революции, предназначенного от тайных обществ, в 1815 году в СПб в Морской типографии напечатанного, и имеющего аки бы скоро исполниться, с прибавлением к тому актов революционных о начале, ходе и образовании тайных обществ в России» [70, с. 62–63].

В своем послании о расследовании дела декабристов Фотий комментировал статью в «Русском инвалиде» № 24 за 1826 г. Факты, помещенные там, он дополнял собственными наблюдениями над деятельностью тайных обществ. Фотий писал, что, прежде чем заговор созрел в умах молодых людей в России, он был спланирован за границей. Общество английских методистов решило преобразовать русскую церковь и государство, для этого было разослано 1657 эмиссаров-проповедников. Этот тайный план был опубликован в 1815 г. в книге «Победная повесть». Решительный шаг к проведению реформ, по мнению Фотия, был сделан учреждением Соединенного министерства. Фотий писал: «За сим в след нахлынули в Россию карбонарии духовные и гражданские извне; методисты, пиетисты, квакеры поделали в Петербурге свои связи: выходят на кафедру в России Фесслер, Линдель, Госснер, Патерсон, Пинкертон, Крюденер, Татаринова и вся сволочь» [70, с. 67]. Письмо заканчивается вопросом Фотия: «После таких успехов карбонариев в России, чего хорошего можно было ждать?». Такое объяснение восстания декабристов Николай I не воспринял, но 6 февраля 1826 г. Фотию было объявлено, что он может писать лично в руки Николаю I и приезжать в Петербург в любое время. При этом архимандриту было дано понять, что в его политических советах император больше не нуждается.

26 марта 1826 г. Фотий писал «славному воину 1824 года» А. А. Павлову: «Невод цел был рыбы, и на берегу из руки велено бросить от рыбака Апостола

Андрея (митрополит Серафим. – Ю. К.). Что делать: воля в том Андрея, апостол бо есть, а мы работники в дому Божьем. Помоги, Господи, поборнику православия, царю нашему на все супротивные силы, видимые и невидимые» [47, с. 291]. Под этим иносказанием архимандрит имел в виду волку его пастыря митрополита Серафима, предписывавшего ему отказаться от политической борьбы, когда победа была так близка. В апреле того же года Фотий писал А. А. Павлову, что даже в этой ситуации им не следует складывать оружия: «Лучше не жить, если я не хочу по-христиански жить. Мы в свое время свои дела должны делать». 18 июля 1826 г. Фотий писал еще более определенно: «Не все могу делать и силен, ибо и во всем есть мне предел» [47, с. 293]. До конца 1826 г. Фотий еще продолжал бывать в Петербурге, затем эти поездки были негласно запрещены. 29 декабря 1826 г. он писал А. А. Павлову: «Во сии времена я не буду во граде Св. Петра, я из него изгнан был. Я люблю на одном месте жить и быть. Мне нет нужды быть в С. Петербурге, когда я не нужен» [47, с. 295].

Труды Фотия по восстановлению Юрьева монастыря были по достоинству оценены его начальством и самим императором. 16 июня 1824 г. Юрьев монастырь был исключен из общего благочиния и передан под надзор Фотия. 28 мая 1827 г. архимандриту было объявлено, что, согласно его желанию, он остается настоятелем Юрьева монастыря пожизненно. 19 сентября 1828 г. Фотий был назначен благочинным близлежащих новгородских монастырей и введен в состав консистории. Это вполне отвечало сложившейся традиции, так как в древности настоятель Юрьева монастыря был благочинным над всеми монастырями епархии и вторым лицом после архиерея [31, с. 334]. Настоятель Юрьева монастыря издревле имел некоторые привилегии, свойственные архиерейскому сану, например носил посох с сулком. 25 декабря 1833 г. эта традиция была восстановлена, Священным синодом было разрешено всем настоятелям Юрьева монастыря иметь жезл с сулком [71, с. 3].

Несмотря на его заслуги, власти вынудили архимандрита Фотия оставить столицу. Теперь, лишившись многих своих соратников, Фотий мог влиять на окружение императора лишь через графиню А. А. Орлову-Чесменскую. В духовном ведомстве Фотий вообще утратил всякий вес и даже был взят под надзор. Но при этом архимандрит Юрьева монастыря продолжал оставаться знаменем оппозиционных сил. По донесениям Ф. В. Булгарина в третьем отделении можно видеть, что Фотий был очень популярен в столичном обществе и продолжал участвовать в политической жизни [72, с. 225, 244, 288].

Подозрения Николая I по поводу православных оппозиционеров получили подтверждение в 1828 г. В это время в третьем отделении Его величества канцелярии было начато дело о государственном заговоре, в котором участвовали А. А. Аракчеев и архимандрит Фотий. Дело было инициировано по доносу иеромонаха Юрьева монастыря Апполоса. Это был друг и ближайший сотрудник Фотия. Сведений о биографии Апполоса очень мало. Из письма Фотия 2 июля 1822 г. видно, что Апполос был в числе монахов Сковородского мо-

настыря. Можно предположить, что это был образованный человек, которого Фотий возил за собой из монастыря в монастырь для исполнения обязанностей секретаря. Как видно из письма, Фотий пытался устроить карьеру своему протеже. Но в 1825 г. Апполос продолжал оставаться среди монахов Юрьева монастыря. Видимо, Апполос был недоволен своим игуменом и использовал первый удобный повод, чтобы выступить против него.

Выступить против Фотия Апполос решил, когда в Юрьев монастырь был доставлен есаул Е. Н. Котельников (7 августа 1825 г.). Фотий назначил Апполоса для вразумления есаула. Перед назначением Апполоса ввели в курс дела, и он даже снимал копию с письма Е. Н. Котельникова, в котором Фотий и А. А. Аракчеев обвинялись в государственном заговоре. Уже первый разговор с есаулом убедил Апполоса, что в этом письме есть доля правды. На допросе Апполос показывал, что Фотий часто порывался «произвести что-то необыкновенное» и говорил: «да не миновать мне Сибири». По его словам, Фотию совместно с А. А. Аракчеевым удалось уничтожить Министерство духовных дел и народного просвещения, остановить Библейское общество, запретить многие полезные книги, «каких он ни смысла, ни духа не понимал» [73, с. 1–3]. Е. Н. Котельникову удалось убедить Апполоса, и между ними состоялся сговор против Фотия.

Фотий быстро заметил, что Апполос что-то задумал. Через четыре дня посещения были прекращены, и к Е. Н. Котельникову вместо Апполоса были назначены иеромонахи Иоанникея и Лампада, а затем наместник Петр. Фотий приказал Апполосу составить письменное мнение об учении есаула. Через семь дней эта записка была составлена. Апполос заявил, что учение Е. Н. Котельникова ни в чем не противоречит православной вере. Он считал, что секты есаула не существовало, а его последователи лишь занимались на дому чтением Библии. «Во всем я видел только одну живую веру в Сына Божия и совершенную преданность Всевышнему», – писал Апполос [73, с. 1]. После представления своего мнения Апполос был заключен в своей келье. Сам Апполос в дальнейшем утверждал, что был заключен Фотием за то, что отказался передать настоятелю тайны, сообщенные ему есаулом.

Уже первого сентября 1825 г. в содержании Апполоса было сделано послабление, и он смог выходить в город. Он немедленно воспользовался этим, чтобы начать борьбу с Фотием. На следствии Апполос показывал, что ходил в Новгород, надеясь встретить там картеж Александра I, направлявшегося в Таганрог. Но жалобу императору передать не удалось. Тогда между 4 и 11 сентября Апполос разослал письма, в которых обвинял Фотия в государственном заговоре. Послания были направлены обер-прокурору Священного синода П. С. Мещерскому, чиновнику за обер-прокурорским столом А. А. Павлову и А. Н. Голицыну.

В 1828 г. А. Х. Бенкендорф провел тщательное расследование о судьбе этих писем. Выяснилось, что корреспонденты Апполоса повели себя раз-

лично. П. С. Мещерский письмо уничтожил, но сообщил о нем митрополиту Серафиму [73, с. 5]. Тот немедленно приказал объявить выговор Апполосу. А. А. Павлов, получив письмо, сразу переслал его в Таганрог Александру I. Император ответил письмом на французском языке, в котором «изъявил недоверие к Апполосу». По приказу императора А. А. Павлов 16 сентября прибыл в Юрьев монастырь с целью удержать Апполоса «от дальнейших предприятий». Что сделал со своим письмом А. Н. Голицын, следствие выяснять не стало.

По приказу Серафима в Юрьев монастырь прибыли епископ Вологодский Моисей и ректор Новгородской семинарии Игнатий для освидетельствования Апполоса. Ни А. А. Павлову, ни посланцам митрополита разубедить Апполоса не удалось. 17 сентября он был заключен под караул. Даже будучи привезенным к Серафиму в Невскую лавру, Апполос продолжал упорствовать. Священный синод вынес решение послать непокорного иеромонаха в Спасо-Ефимов монастырь для «обращения на путь истинный» [73, с. 6].

Весной 1828 г. Апполосу удалось переслать на волю письмо, в котором он обвинял архимандрита Фотия в государственных преступлениях. Он писал, что, по словам Е. Н. Котельникова, А. А. Аракчеев и Фотий «способствуют открытию мятежей»; что для возмущения они планировали использовать военные поселения; что Фотий хотел удалить от императора преданных ему особ, разрушить Комиссию духовных училищ и все человеколюбивые заведения, «подальше запровадить Филарета». Все эти сведения очень заинтересовали Николая I, и он приказал провести расследование.

Апполосу были представлены вопросные пункты, среди которых лишь два первых касались секты Котельникова, в остальных речь шла о государственном заговоре. Со всех, имевших отношение к делу, были собраны показания. В то же время Николай I отдал приказ разобраться в положении заключенного Е. Н. Котельникова и либо выпустить его на свободу, либо оказать помощь его семье. Но Апполос не смог доказать своих обвинений. На представленные ему вопросы он либо отговаривался незнанием, либо ссылаясь на материалы, относящиеся к 1824 г. Например, он заявлял, что Фотий хранит в монастыре книгу «Тайна», из которой «все можно узнать» [73, с. 4]. В действительности материалы, содержащиеся в книге «Тайна», с 1824 г. хранились и в Собственной его величества канцелярии [30].

Убедившись в том, что заговора не существовало, Николай I одновременно нашел множество подтверждений распространенной в то время версии о том, что А. А. Аракчеев с помощью Фотия в 1824 г. убрал от императора негодных ему людей. В ответах Апполоса были фразы о том, что Фотий «не совсем полагался» на Александра I, а «надеялся все провести» с А. А. Аракчевым, что он желал уничтожить учрежденное высочайшей волей. Подобное влияние участников православной оппозиции Николай I уже ощутил и на себе. Ему было очень легко представить, что А. А. Аракчеев, А. С. Шишков и Фотий в собственных интересах ввели в заблуждение его слабовольного

брата. Ту же версию мог представить императору и вновь вошедший в силу А. Н. Голицын. В результате этого дела православные оппозиционеры полностью утратили доверие императора и попали под правительственный надзор.

Политическая борьба, в которой Фотий принимал участие с 1817 г., наложила сильный отпечаток на его религиозно-философские взгляды. В царствование Николая I он стал ультраконсерватором. Фотий был убежден, что сбылись предсказания Иоанна Богослова и наступает время второго пришествия Господня, антихрист уже царит в мире, а участники православной оппозиции принадлежат к «малому стаду», борющемуся с сатаной. Эту борьбу он считал святым делом и неотъемлемой частью служения монаха. В беседе с М. А. Корфом Фотий говорил: «Мы [монахи] и денно, и ночью, и всякую минуту нашей жизни уподобляемся воинам, борющимся со своими врагами; должны, как и они, быть на всегдашней страже, если не против внешних, то против опаснейших еще внутренних врагов – наших страстей» [74, с. 73].

Как верный последователь А. С. Шишкова, неистового поборника древности, Фотий истинной православной церковью считал ту, которая существовала на Руси до раскола и времени реформ (до времен антихриста). Будучи поклонником древности, он копировал религиозные обычаи людей того времени. Подобно участникам «кружка ревнителей благочестия» времен Алексея Михайловича, чтобы укрепить себя в борьбе со злом, Фотий прибегал к усиленному посту, молитве и всеобщим бдениям. Как и они, он свято верил в чудеса и пророческие сны. Обязанностью монаха Фотий почитал борьбу с сатаной и защиту веры, поэтому главным своим делом считал исправление еретиков, изгнание бесов и врачевание бесноватых. В свое время протопоп Аввакум очень успешно лечил болезни и изгонял бесов. Исцеленные женщины селились рядом с ним, постились, исповедовались и причащались, не желая уходить даже после выздоровления. Поступал так же и Фотий, создав у стен монастыря больницу для бесноватых. Подобно Аввакуму и патриарху Никону, он считал свой сан ангельским и безмерно превосходящим любые светские чины. Фотий всем говорил «ты» и критиковал поступки даже «помазанника Господня», если они, на его взгляд, вредили православию. Подобно Аввакуму, Фотий нередко сопровождал свои послания царю описанием пророческих видений [75, с. 342]. Вслед за протопопом, Фотий, критикуя своих врагов, выступал не против их личностей, а против идей, на его взгляд, наносивших ущерб православной церкви. По этой причине в полемике архимандрит нередко терял меру и обвинял своих оппонентов в том, в чем они заведомо не могли быть виновны (в иллюминатстве, карбонарстве, масонстве, скопчестве).

Подобно «ревнителям старины» времен Алексея Михайловича, Фотий считал себя избранным для борьбы от Бога, в этом деле ему не были указом светские и духовные власти и просвещенные духовные лица [75, с. 276]. Он порицал деятельность духовных академий и современное ему духовное образование, формировавшееся под управлением А. Н. Голицына, по мнению

Фотия, пособника врагов церкви. Свято почитая древность, Фотий очень осторожно относился к обличению последователей старого обряда. В письме А. А. Аракчееву в 1830 г. он писал: «Не благоразумно на сих простецов наводить угнетение или явно их пленять со враждой». Фотий советовал поручать староверов опытному руководителю, убеждающему их собственным примером, кротостью и любовью [14, с. 319]. В церковно-служебных книгах Фотий считал священной каждую букву и был близок к последователям старого обряда во взглядах на этот предмет. В 1837 г. он писал епископу Херсонскому Иннокентию: «Учение Православное в книгах, а не в душах и училищах. Житии в книгах и святых, а не в христианах. Посты и воздержания в уставах, а не в сыновьях монахах, священниках и мирских» [76, с. 731]. Даже в литературно-богословских трудах Фотий не принимал использования новых слов, «отсутствующих в Библии» [76, с. 753].

Потерпев в царствование Николая Павловича поражение в политической борьбе, Фотий замкнулся в Юрьевом монастыре. Здесь он продолжил свои «подвиги за Веру». Фотий противился приказам своего начальства, критиковал высшее духовенство и духовное просвещение, исцелял бесноватых. В Юрьевом монастыре было введено древнее столповое пение и общежитийный устав, возобновлен скит. В религиозной практике Фотия было много того, что не соответствовало нормам, принятым среди духовенства того времени. Он носил власяницу и вериги, подолгу уединялся в скиту, в посты практически не принимал пищи и налагал на себя обет молчания. Фотий ввел в монастыре хитоны, по его убеждению, первоначальное монашеское одеяние.

В начале 1830-х гг. борьба Фотия с «соблазнами века сего» вылилась в юродство. Он отказывался признавать субординацию и игнорировал своего прямого начальника епископа Старорусского Тимофея, поступая так, как будто Юрьев монастырь имел статус ставропигиального. Пытаясь сохранить в Юрьевом монастыре свои нововведения, Фотий пошел на прямой обман митрополита Серафима. Когда духовные власти пригрозили наложить на Фотия запрет на священнослужение за введение в монастыре обычаев, не принятых в практике православной церкви, он принял на себя обет молчания и стал просить разрешения принять схиму.

В 30-х гг. XIX в. архимандрит Фотий стал одной из самых известных личностей в России. Ему завидовали, его ругали, его объявляли святым при жизни. В автобиографических записках А. Д. Боровиков вспоминал: «Быть в Новгороде и не видеть Фотия, архимандрита Юрьева монастыря, – то же, что быть в Риме и не видеть папы» [77, с. 104]. В конце XIX в. А. Алексеев писал, что когда бы и где бы ни заговорили в Новгороде о святых обителях, Фотий и А. А. Орлова-Чесменская всегда вспоминались в разговоре беседующих. Все Новгородские жители интересовались жизнью настоятеля Юрьева монастыря, и даже дети записывали в альбомы подробности встречи с Фотием [3, с. 14, 29]. Об архимандрите и его духовных дочерях говорили много достойного и

хорошего. Поток публики, посещавший Юрьев монастырь, не иссякал. Фотий не любил людей, приезжавших в монастырь из любопытства, и называл их «ежами колючими». Не все, праздно посещавшие Юрьев монастырь, уезжали недовольные приемом. Михаил Евреинов, приехавший в монастырь вместе с князем С. М. Голицыным, писал: «Отец Фотий принял нас очень ласково, чего не всегда ожидать было можно от него, потому что он многих трактовал по-своему» [78, с. 26]. При прощании архимандрит поцеловал гостей в голову и дал им освященный хлеб. В другом случае Фотий попросил графиню подарить одному из гостей породистого скакуна за то, что тот будет поститься по средам. Урок пошел на пользу, и устыженный посетитель стал вместе со средами соблюдать и пятницы.

Жизнь и обычаи Юрьевого монастыря, дышавшие древностью, казались странными многим посетителям. Архимандрит Никодим (Казанцев), побывавший в Юрьевом монастыре 29 мая 1832 г., вспоминал: «Отец Фотий принял меня хорошо, но больше поразил меня собой. В нем я увидел юродивого, для целей, конечно, религиозных, но которые постичь мудрено» [79, с. 351]. Некоторые гости пытались поправить свои финансовые дела за счет Фотия. Кому-то это удавалось. И. Г. Мизерецкий вспоминал, что однажды к архимандриту пришел просить денег проигравшийся в карты офицер, угрожая самоубийством. Фотий денег не дал, но, сняв с шеи панагию, отдал ее офицеру. В этом случае Фотий не ошибся, панагия была возвращена, а жизнь и душа офицера спасены [80, с. 405].

Юрьевым монастырем интересовались даже за границей. 20 мая 1829 г. обитель посетил французский посланник. В 1830 г. были австрийский посланник и принц шведский Оскар. Члены императорской семьи тоже посещали обитель. В 1836 г. в монастыре побывал великий князь Михаил Павлович. Весной 1837 г. приезжал наследник престола Александр Николаевич. К его приезду Фотий готовился за два месяца. От сходней корабля до ворот храма было постелено 607 сажень красного сукна. В письме к графине от 4 мая 1837 г. по поводу приезда наследника Фотий написал пророческие слова: «Ежели он когда будет сам все, он утешитель будет во плоти на земле людям». Николай I несколько раз посещал Новгород, и всякий раз к его приезду готовили Юрьев монастырь. Наконец, в 1835 г. император приехал внезапно, этот визит имел неприятные последствия для архимандрита. К Николаю Павловичу, как и к его старшему брату Александру Павловичу, Фотий относился с глубоким почтением, но, по-видимому, считал возможным указывать коронованным особам на их ошибки. То, что император в России являлся главой православной церкви, архимандрит не признавал. Он считал духовную власть выше светской. Но при этом внешне Фотий оставался примерным верноподданным, не подавая своей пастве дурного примера. А. Г. Слезкинский замечает, что в письмах графине Фотий хвалил императора тогда, когда ему передавали лестный отзыв Николая I. В переписке он именовал царя «Ангелом правды».

В 1830-х гг. архимандрита стал особенно тяготить надзор викарных епископов, и он просил графиню исходатайствовать у государя права превратить монастырь в ставропигиальный, подчиняющийся только Священному синоду. Через обер-прокурора ей было отказано в просьбе. Видимо, в утешение в 1833 г. всем настоятелям Юрьева монастыря было дозволено иметь жезл с сулком [71, с. 3]. Но еще через год Фотий обратился к А. Ф. Орлову с просьбой ходатайствовать перед императором, чтобы тот повторил разрешение на свободный проезд архимандрита в Петербург. Через графиню был получен ответ Николая I, что если Фотий не оставит своих претензий, то будет примерно наказан [81, с. 452]. Царский гнев висел над Фотием как «дамоклов меч». По свидетельству А. Г. Слезкинского, графиня писала архимандриту о том, что царь, раздосадованный слухами о возмущении Фотием незаконными церковными обрядами народа, хочет отослать его в дальний монастырь. Фотий отвечал: «Царь хочет отнять у меня обитель, наследие святых, мой сад. Мой сад мне дорог паче, чем царю его град. Мне в обители дороже святой престол для служения Богу, чем ему царский престол. Боюсь, что даже от мысли не случилось бы гнева Божьего тому, кто посягнет лишить меня достояния Божьего. Не ведают бо, что творят» [81, с. 159]. Графиня писала в ответ, чтобы Фотий успокоился – время пройдет и царский гнев минует.

Первая и последняя встреча архимандрита с Николаем I состоялась 24 мая 1835 г. Фотий неоднократно писал графине о том, чтобы графиня предупредила его о приезде Николая I, но император приехал внезапно, сразу после утренней службы, когда все монахи отдыхали. Государь вошел в монастырь вместе со свитой с «черного хода» от конюшен и, никем не замеченный, стал осматривать собор «Воздвижения креста». Когда появление царя было обнаружено, Фотий выскочил ему навстречу, надев синюю рясу, и присоединился к свите. Николай I восхищался порядком и задавал различные вопросы об истории и устройстве обители, затем, вторично придя в собор, пожелал присутствовать на богослужении. Совершал службу иеромонах, а Фотий стоял вблизи государя. При выходе из собора царь попросил благословить его, и Фотий, благословив, протянул руку для целования, которую царь и поцеловал смиренно. Затем прежним путем Николай I отбыл из монастыря.

Через несколько дней Фотий был вызван в Петербург, где ему было прочитано послание царя Священному синоду по поводу посещения Юрьева монастыря, в котором значилось: «Был сегодня в Новгороде, заезжал в Юрьев монастырь совершенно неожиданно, нашел везде большой порядок и чистоту, но притом некоторые вещи, как отступление от общего должного порядка, должны были обратить мое внимание» [82, с. 629]. Эти неполадки были перечислены в послании от 26 мая 1835 г. обер-прокурора Священного синода к митрополиту Серафиму: «1. Когда в большом Соборе Государю Императору благоугодно было приказать возгласить краткую эктению с многолетием, Настоятель Монастыря Архимандрит Фотий сам не служил, а все то время стоял

подле Его Величества; крест же выносил к Государю Иеромонах. 2. При выходе из монастыря Архимандрит осенил Его Величество крестным знаменем, не соблюл того благоговейного уважения, которое при сем оказывается Особам Императорской Фамилии, протянул сам руку к целованию. 3. Архимандрит был одет в фиолетовую бархатную рясу вместо черной. Его Величество Высочайше повелевают соизволить сообщить о сем Вашему Высокопреосвященству с тем, чтобы приказано было архимандриту Фотию прибыть в Невский Монастырь и под собственным наблюдением Вашим, Милостивый Государь и Архипастырь, научиться у архимандрита Палладия всем принятым в подобных случаях обрядам» [83]. Священный синод, обсудив этот инцидент, постановил, что Фотий выразил своими поступками явное непочтение к государю, гордость и дерзость.

Сам Фотий считал себя ни в чем не виновным. В своих письмах графине А. А. Орловой-Чесменской он оправдывался тем, что из-за тайного приезда императора у него не было возможности надлежащим образом подготовиться к богослужению, а неготовым он в алтарь войти не мог, потому что предпочитал не подчиниться воле царя, чем оскорбить Христа непочтением. Крест царю подносить не стал по той же причине. То, что при осенении крестным знаменем он не целовал руки царю, Фотий объясняет так: «Когда по глаголу цареву делал крестное осенение, не знал обычая мирского от неучения политике, не догадался проворно в одно и то же время руку цареву целовать». Кроме того, архимандрит писал, что в момент осенения крестным знаменем царя в храме присутствовал сам Иисус Христос, поэтому надобно было соблюдать то благоговение, которое бывает во время совершения таинств. Сам, благословляя, не целовал руки, хотя рад был бы и ноги целовать, так как в нынешнее время царь не доступен для лиц духовных, а монахов в особенности, но «я руку простирал не сам по себе, а сие Бог творил. Дух Святой найде на нас и сила Всевышнего осенила нас: Царь целовал руку истово, тоже не сам по себе, а творил силою, действием и наитием Святого Духа» [84, с. 44].

По поводу цвета рясы Фотий писал: «Я был в рясе темно-синей бархатной, но показался в фиолетовой, я же никогда в житии моем не носил рясы сего цвета – царскому и патриаршему достоинству приличного. Царю дано видеть было меня, не како я был, но како свыше дано было показаться. На мне в час свидания с царем было такое одеяние. Я был в синей рясе, в хитоне под рясой фиолетовом. Для тепла под хитоном на мне был короткий хитон овечий, покрытый голубой материей, под рясой власяница и вериги». Далее Фотий писал, что император покинул монастырь вполне довольным. Этому заявлению архимандрита вполне можно верить, и, очевидно, царский гнев был вызван интригами против Фотия в высшем свете.

Так ли в действительности виделась архимандриту его встреча с царем, установить уже невозможно, но из его описания видно, что Фотий считал Николая I повинным в пренебрежении духовенства и отнесся к нему соответственно, как это делал всегда с людьми, повинными в чем-либо, но не раскаива-

ющимися. Хотя в своих письмах графине Фотий и писал, что все сложилось во благо, но, видимо, нанесенная обида и заставила его заняться описанием своей жизни. Можно предположить, что именно после визита императора Фотий и составил главы своей автобиографии, относящиеся к политической борьбе.

Наместник Невской лавры архимандрит Палладий 31 мая 1835 г. рапортовал митрополиту Серафиму о том, что прибывшего к нему 30 мая архимандрита Фотия в тот же день всем принятым обрядам обучил. С Фотия была взята подписка: «Цветных ряс никогда употреблять не буду, в чем даю сию расписку 3 июня 1835 года». 19 июня обер-прокурор Священного синода просил митрополита уведомить его об обучении Фотия, так как ему нужно донести императору. В тот же день митрополит сообщил об обучении и подписке [85, с. 3–4]. На время покаяния, наложенного на Фотия, он должен был служить как простой иеромонах, – указывал в своем труде А. Алексеев [3, с. 24]. Недоброжелатели Фотия были обрадованы этой видимой немилостью царя. А. Н. Голицын так рассказывал об этом событии Ю. Н. Бартеневу: «Фотий запутывается в своей мантии, которую велели ему снять [цветной подрясник], и протягивает свою лапу Государю. Государь не заходит в его кельи. По приезде в Петербург делается предписание обер-прокурору вытребовать Фотия в Петербург и отдать его для науки, как встречать Царя, наместнику здешней лавры Палладию» [86, с. 145–146]. После этих событий контроль светских властей над Фотием усилился. 18 ноября 1835 г. архимандрит извещал графиню о том, что ее письма доходят до него вскрытые и чтобы она была осторожна [81, с. 448].

«Воспитание» в Невском монастыре не прошло даром для здоровья Фотия. А. Г. Слезкинский на основании писем Фотия к графине относил начало его болезни к концу 1835 г. В этот период Фотий о своем здоровье писал графине подробно и ежедневно. В 1835 г. у него начали чернеть десны, разлагались и страшно пахли. В начале следующего года Фотий оправился, но летом 1836 г. заболел еще тяжелей. Он писал графине, что пот с него льет градом, и он колодой валяется на постели. Он ничего не ел и поддерживал себя лишь причастием: «О пище и слышать не могу, даже крохи и капли взять противно. Как чудно мне причастие святое; так оно вчера мне было по сердцу, приятно, хорошо, на потребу, что уже и выразить не могу» [81, с. 161]. Выводы А. Г. Слезкинского относительно болезни Фотия достаточно спорны, он и прежде болел почти ежегодно. Причем из писем архимандрита видно, что симптомы болезней 1835, 1836 и 1837 гг. совершенно разные. В 1835 г. они напоминали цингу, в 1836 г. – лихорадку и, наконец, смерть Фотия в 1838 г. настала от кишечного-желудочного заболевания, которым, как указывается в автобиографии, Фотий страдал с 1818 г.

Сам Фотий определял начало своей болезни в письме епископу Иннокентию 26 января 1838 г. Он указывал, что болеет уже более трех месяцев, а с крещения не встает с постели [76, с. 755]. Следовательно, начало последней, смертельной болезни архимандрита можно отнести к октябрю 1837 г. 23 но-

ября он писал брату: «Болезнь моя от обстоятельств, мне известных, крайне усилилась; я скрывать старался» [27, с. 235]. В своих письмах к А. А. Орловой-Чесменской архимандрит Юрьева монастыря был еще более откровенен, прямо объявляя причиной своей болезни выговор, полученный от митрополита Серафима: «Владыка так много влил в мою душу горечи, что от него считаю болезненное положение» [81, с. 164].

В начале декабря, почувствовав близость смерти, Фотий стал чаще молиться у своего гроба, плакать и думать о смертном часе. В январе у него усилились головные боли, и началась лихорадка. Позже появились озноб, тошнота, «голова болела как от угара» [81, с. 162]. Последний раз архимандрит был в церкви с братией Юрьева монастыря 7 января 1838 г., он причастился и, опираясь на плечо иеродьякона, обратился к монахам: «В последний раз стою я здесь с вами, братья и чада мои во Христе Иисусе возлюбленные, и вкушаю на земле сию и Ангелами не вкушаемую небесную пищу – Светлое тело и Светлую кровь Спасителя нашего» [31, с. 76]. 26 января Фотий сообщал Иннокентию Херсонскому: «Еще не умираю, а в горниле искушения Божия очищаюсь» [76, с. 755].

28 января Фотий писал графине: «Я не умираю, но так болен, что желаю тебя видеть, если завтра ты не получишь письма, то, значит, руки мои не могут писать. Хотя я и не думаю, что б болезнь моя была к смерти, но весьма страдаю. Ты знаешь, что в тяжелом положении, кроме тебя, кому меня сбережь». А 29 января: «Пишу на коленях. Прости, что тако я дошел до крайнего истощения. Божья воля и я, как малое больное дитя, без помощи чужия быть не могу. Я так болен, как никогда не был» [86, с. 56–57]. В течение января Фотий писал графине каждый день.

Фотий с самого праздника Крещения был уже не в силах самостоятельно подняться в покои и стоять на службе, а позже он писал А. А. Орловой-Чесменской: «Наконец истощился в силах и свалился на одре. Вчера головы весь день не мог поднять» [81, с. 162]. Фотий не принимал лекарств, лишь пил для облегчения страданий теплую воду, от которой его рвало желчью. Он так ослабел, что перед смертью не мог самостоятельно сидеть в постели даже десяти минут, причастие ему приносил в келью схимник. Но даже при этом архимандрит продолжал обмениваться письмами с Иннокентием Херсонским, и перед смертью указывая ему, что священнику не подобает употреблять в писаниях простонародное выражение «это» вместо церковного «сие». Узнав, что Фотий очень плох, графиня решила приехать в Юрьев монастырь, что несказанно обрадовало умирающего. «О, если б ты, чадо, была ко мне, всего дала пить и есть. А то келейник ничего не дает, говорит, что мне вредно и надо сидеть на диете», – писал ей архимандрит. Срочно приехавшая графиня пыталась уговорить Фотия показаться доктору, но он отвечал: «Почто лечиться архиерею (Фотий считал, что достоинство настоятеля Юрьева монастыря равно архиерейскому. – Ю. К.) у поганых врачей. Как можно веровать врачам, а презирать все, данное от Бога?» [81, с. 164].

Все посещавшие прикованного к постели Фотия видели, что его глаза потухли и последний час близок. Незадолго перед смертью, не будучи в силах уже подняться, архимандрит писал братии: «Во все дни и часы я, по причине горькой смерти, не молился вместе с вами, но вопил как Иов: отцы и братья, и чада, все вы приступите к покаянию, простите мя днесь: я не могу приобщиться с вами, истинно умираю, а лица вашего не созерцаю, яко грешник. Отец ваш настоятель архимандрит Фотий. Прощайте» [31, с. 77]. При жизни Фотий молил Господа открыть ему время смерти: «Я, грешный и окаянный инок, гласно вопию: Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих» [70, с. 113]. Есть свидетельства того, что это знание было даровано Фотию. А. Д. Боровиков в автобиографических записках описывал свою беседу с Фотием в Юрьевом монастыре: «Я обещал еще приехать в Новгород и видеться с ним, но он возразил: – Ты будешь и не один раз; но меня не увидишь. Сбылось предвидение: через год его душа перенеслась» [77, с. 105]. В материалах, собранных на родине Фотия, М. Можайский также отмечал, что архимандрит Юрьева монастыря умер, как и предсказывал [88, с. 151]. Фотий скончался 26 февраля 1838 г. в два часа ночи, при смерти его присутствовали А. А. Орлова-Чесменская, Д. А. Державина, А. И. Жадовская, а также князь П. А. Ширинский-Шахматов, чей брат под именем Аникита ранее находился в Юрьевом монастыре.

Доктор Соколовский, лечивший Фотия до 1832 г., свидетельствовал смерть от истощения, «вследствие атрофы кишок» [89, с. 210]. Это заявление подтверждает рассказ отца Арсения, бывшего келлиархом Юрьева монастыря. Он писал, что по окончании поста Фотий брал аптекарские веса и с их помощью приучал себя вновь к приему пищи, начиная с очень малых доз, но в последний раз его желудок так сжался, что принимать пищи уже не мог» [90, с. 315]. Очевидно, смерть Фотия наступила от заболевания пищеварительных органов, но скудость, а порой и полное отсутствие пищи не были основной причиной этой долгой болезни. Архимандрит был привычен к постам, но он не смог превозмочь наветов и козней врагов.

28 февраля митрополит Михаил докладывал Священному синоду о смерти настоятеля Юрьева монастыря: «Новгородская Духовная Консистория с рапорта Наместника первоклассного Юрьева монастыря иеромонаха Мануила таковым донесла мне, что Настоятель оного монастыря архимандрит Фотий по тягчайшей болезни и напутствовании Св. Таинствами в час по полуночи 26 числа сего февраля скончался». К рапорту Серафима был приложен послужной список Фотия, где архимандрит аттестовался как «к послушанию отлично способен» [91, с. 3]. В тот же день обер-прокурор Священного синода рапортовал императору о смерти Фотия от воспаления 26 февраля в два часа ночи.

В третье воскресение Великого поста состоялось отпевание в холодном Георгиевском соборе при огромном стечении народа. Погребение тела состоялось 6 марта 1838 г. Гроб почившего как настоятеля обители был обнесен вокруг монастыря. Очевидцы свидетельствовали о том, что прах покойно-

го, простояв почти две недели, не издавал запаха [88, с. 151]. Гроб был помещен в каменную раку, давно приготовленную в нижней церкви Похвалы Богородицы. Впоследствии монахи Юрьева монастыря сожалели, что Фотий не удостоился приобщения к лику святых. 12 августа 1843 г. В. С. Орнатский говорил над гробом Фотия: «Будет время, – на земле оно должно быть, – когда протечет новый, целый ряд настоятелей сей обители; но имя Священно-Архимандрита Фотия, его жизнь, подвиги, труды и бесчисленные пожертвования в благоденствие и славу Юрьевской Обители останутся здесь навсегда незабвенными. Он все видит и невидимо, быть может, всего более действует во благо сей Обители и братии» [92, с. 4, 9].

Жизнь и деятельность Фотия можно разделить на две сферы: церковную и политическую. В той и другой архимандрит проявил себя крайне незаурядным человеком. Филарет (Гумелевский) считал, что Фотий возродил престиж русского монашества: «ревность его к истине была чиста, и подвиги его для истины – замечательны для истории» [93, с. 156]. Личное спасение было главной заботой Фотия. Ради этого он смирял свою плоть, очень строго соблюдал посты, носил власяницу и вериги, во время поста ежедневно причащался, вместе с братией монастыря служил всенощные службы. Единственным развлечением архимандрита в течение жизни была рыбная ловля. Фотий очень высоко ценил священный сан. Именно для возвышения достоинства настоятеля Юрьева монастыря он носил собольи шубы, заказывал дорогую утварь и выезжал в каретах. Не менее тщательно выполнял Фотий и свои пастырские обязанности. Библиотека Юрьева монастыря сохранила множество посланий архимандрита к его духовным детям и монахам. Духовная жизнь Фотия имела неожиданные практические воплощения. Он боролся с бесами и разговаривал с ангелами. Часто архимандрит получал Божественные откровения. Он лечил больных, изгонял бесов и пророчествовал. К сожалению, при Александре II, когда материалы о жизни и деятельности Фотия стали публиковаться, русскому обществу были нужны не святые, а революционеры.

В своей политической жизни Фотий был ярким представителем консервативного направления. Даже среди православных клириков он был ультраконсерватором. В политической борьбе Фотий защищал традиционные для России ценности. По его мнению, природа человека была испорчена грехом, и достигнуть совершенства в земной жизни было невозможно. Поэтому любые перемены были злом. Единственно возможной формой правления Фотий считал абсолютную монархию. В его понимании русская монархия была теократией. «Начальников» Фотий делил на духовных и светских, отдавая приоритет духовным как поставленным от Святого Духа. По мнению Фотия, царь сочетал в своем лице высшую религиозную и светскую власть. Но даже царю Фотий был готов оппонировать, если тот шел против Божьих заповедей. Попытки реформ церкви Фотий относил к вмешательству европейских революционе-

ров и масонов. Единственными формами борьбы Фотий считал разоблачение «вражьих козней» и жалобу царю. Естественно, такими методами невозможно было изменить замыслы Александра I, желавшего преобразовать Российскую православную церковь.

Фотию удалось добиться успеха потому, что за его спиной стояла православная оппозиция – влиятельное течение в русском обществе. С 1817 г. каждый шаг Фотия находился под бдительным контролем его соратников. Епископ Иннокентий обеспечил будущее Фотия, порекомендовав его графине А. А. Орловой-Чесменской; митрополит Михаил после высылки из Петербурга отправил Фотия в ближний монастырь; митрополит Серафим добился того, что Фотий начал использовать деньги графини на нужды церкви, и одобрил его знакомство с А. Н. Голицыным. В 1824 г. кроме митрополита Серафима на Фотия влияли Д. Б. Голицын и М. Л. Магницкий. Советы светских ревнителей православия нашли отражение в посланиях Фотия царю.

В последние годы царствования Александра I Фотий оказался в центре политической борьбы. Но ему не было суждено сыграть самостоятельной политической роли. Фотий своим моральным влиянием объединял представителей оппозиции, публично провозглашал их требования и был готов за них пострадать. Но в высокой политике он был наивен и поддавался под чужое влияние. В результате архимандрита использовали различные политические группировки, прикрывая его именем интриги.

Александр I предоставлял аудиенции Фотию и читал его послания, но из этого вовсе не следует, что он подпал под влияние архимандрита. Слушая Фотия, император внимал голосу православной оппозиции. Готовясь к войне с Турцией, Александр I пытался избежать раскола в русском обществе и привлечь на свою сторону самую патриотически настроенную его часть. Николай I в первое время принимал деятелей православной оппозиции, чтобы составить представление о настроениях, царящих в консервативном лагере. Но после того, как новый император избрал свою политическую линию, он перестал нуждаться в чужих советах. Вскоре архимандрит Фотий стал неудобен для светских и духовных властей. Он был взят под строгий надзор в Юрьевом монастыре. Жажда деятельности в этот период вылились у Фотия в ряде «чуждеств», за которые он получил славу юродивого.

Даже в самые сложные для Фотия жизненные моменты его поддерживали почитатели. В российском обществе появилось целое направление последователей строгой жизни архимандрита Юрьева монастыря. Фотий ушел из жизни в тот момент, когда начался второй этап религиозных реформ первой половины XIX в. Православную церковь взялся преобразовывать гвардейский полковник Н. А. Протасов. Хотя эти реформы носили совершенно иной характер, чем преобразования А. Н. Голицына, они не были приняты консервативной частью русского общества. Очевидно, что, проживи Фотий еще несколько лет, он вновь вступил бы в политическую борьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фотий*. Автобиография / Фотий // Русская старина. – 1894. – Июль.
2. *Фотий*. Плачевная повесть о искушении во все дни живота / Фотий // РГАДА. – Ф. 1208. – Д. 102.
3. *Алексеев А.* Краткое описание Новгородского Юрьева монастыря / А. Алексеев. – Новгород, 1875.
4. *Фотий*. Сказание о житии и подвигах блаженного Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского / Фотий // РГАДА. – Ф. 1208. – Оп. 3. – Д. 30–32.
5. *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825) / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 1998.
6. *Миропольский С. И.* Фотий Спасский Юрьевский архимандрит / С. И. Миропольский // Вестник Европы. – 1878. – Кн. 11, 12.
7. *Жмакин В. И.* Иннокентий епископ Пензенский и Саратовский / В. И. Жмакин. – СПб., 1885.
8. Письмо Иннокентия к Фотию из Пензы в 1819 году // Русский архив. – 1868.
9. Письма Фотия к М. П. Толстой // РГИА. – Ф. 925. – Оп. 1.
10. Иннокентий епископ Пензенский и Саратовский // Пензенские епархиальные ведомости. – 1882. – № 2.
11. История со свечой // Странник. – 1870. – Май.
12. Письма епископа Иннокентия к А. А. Орловой-Чесменской // РНБ. ОР. ОСРК. Д. Ф. I. 393.
13. Послужной список Фотия // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 102. – Д. 1267.
14. Автобиография архимандрита Фотия (Спасского). – СПб., 2013.
15. Письма Иннокентия к С. С. Мещерской. 1818 год // РНБ. – ОР. ОСРК. Д. Q-I 741.
16. О помещении законоучителя Фотия в число соборных иеромонахов Александро-Невской лавры // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 99. – Д. – 833.
17. Материалы для истории русской богословской мысли 30-х годов текущего столетия. – СПб., 1890.
18. Переписка князей Ширинских-Шихматовых // Материалы для истории Русской богословской мысли. – СПб., 1890.
19. *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий и его время / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 2000.
20. Воспоминания баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. – 1898. – № 1.
21. Воспоминания неизвестной // РНБ. – ОР. Архив Шубинского С. Н. – Оп. 2. – Д. 282.
22. Письмо Орловой-Чесменской А. А. к П. Черткову 16 мая 1823 // Православное обозрение. – 1872. – Июль.
23. Послания архимандрита Фотия к А. А. Орловой-Чесменской. – Калуга, 1998.
24. Письма желающим приобрести и сохранить духовное благополучие среди суеты. – Калуга, 1998.
25. Беседы архимандрита Юрьева Фотия // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 205. – Д. 549.
26. Письма Фотия к А. А. Орловой-Чесменской. 1820–1821 // РГАДА. – Ф. 1208. – Оп. 3. – Д. 46 (1) ; Д. 47 (2) ; Д. 48 (3).
27. Письмо Фотия к брату 15 октября 1821 // Русский архив. – 1871.
28. Письма Фотия к Николаю Ильинскому // РНБ. – Ф. 29. – Д. 69.
29. *Стеллецкий Н.* Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность / Н. Стеллецкий // Труды киевской духовной академии. – 1901. – Т. 2.

30. Бумаги и письма архимандрита Фотия к Александру I // РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 1. – Д. 4396.
31. *Елагин Н.* Жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской / Н. Елагин. – СПб., 1853.
32. Письма А. Н. Голицына к В. Ю. Крюденер // Русский архив. – 1905. – № 3.
33. *Карнович Е. П.* Архимандрит Фотий / Е. П. Карнович // Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. – Л., 1990.
34. Письма А. Н. Голицына к Фотию // Русская старина. – 1882. – Т. 34.
35. Письма А. Н. Голицына к А. А. Орловой-Чесменской // Русский архив. – 1869. – № 6.
36. *Орнадский В.* Начертание жизни, деяний и подвигов Фотия / В. Орнадский // РГАДА. – Ф. 1208. – Оп. 3. – Д. 40.
37. Письма А. А. Орловой-Чесменской к Д. А. Державиной // РНБ. – ОР. – Ф. 267. Не описан.
38. Сведения о лечении Фотия // Русский архив. – 1870.
39. Дело о пенсии настоятеля Антония // РГИА. – Ф. 797. – Оп. 2. – Д. 6933.
40. Письма С. Крылова к П. Черткову в 1823 г. // Православное обозрение. – 1872. – Июль.
41. *Феодосий Левицкий.* Записки / Левицкий Феодосий // Русская старина. – 1880. – Т. 29.
42. Письмо Фотия к Д. А. Державиной в 1823 г. // Русский архив. – 1863.
43. *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика : официальный курс и «общественное мнение» России александровской эпохи / Е. А. Вишленкова. – Казань, 1997.
44. Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Христову // РНБ. – ОР. ОСРК. – Д. III-F 46.
45. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Филарету. – СПб., 1900.
46. *Стурза А. С.* Воспоминания о М. Л. Магницком / А. С. Стурза // Русский архив. – 1868.
47. Князь А. Н. Голицын и архимандрит Фотий в 1821–1825 гг. // Русская старина. – 1882. – Т. 35.
48. Послания Фотия к А. А. Орловой-Чесменской // РНБ. – ОР. – Ф. 847. – Д. 37.
49. Из записок Н. И. Греча // Русский архив. – 1868.
50. Записка, поданная А. Б. Голицыным Николаю I в 1831 г. // Русская старина. – 1898. – Февраль.
51. Видок Фиглярин. – М., 1998.
52. Об есауле Евлампии Котельникове // РГИА. – Ф. 815. – Оп. 16. – Д. 893.
53. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. – СПб., 1883.
54. О новом порядке одобрения духовных изданий // РГИА. – Ф. 1151. – Т. 1. – Д. 177.
55. «Дело Госснера» // РНБ. Рукописный отдел. – Ф. F: I. № 484/1-3.
56. Записки адмирала А. С. Шишкова // Чтения в обществе истории и древностей российских. – 1868. – Кн. 3.
57. Письмо Серафима к А. А. Аракчееву 17 января 1825 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. – 1873. – Кн. 2.
58. Записка одного католика // РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 1. – Д. 4396.
59. Указ А. Н. Голицыну об образовании при почтовом департаменте особой канцелярии // РГИА. – Ф. 1162. – Оп. 6. – Д. 122. – № 97.
60. Бумаги и письма архимандрита Фотия к императору Александру I // РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 1. – Д. 4396.

61. Письмо С. И. Смирнова к К. М. Киселеву // Архив АН. – Ф. 100. – Д. 255.
62. *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I / М. И. Богданович. – СПб., 1869. – Т. 6.
63. Письмо А. А. Аракчеева к Фотию август 1824 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. – 1871. – Т. 3.
64. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XXXIX.
65. *Кондаков Ю. Е.* Есаул Е. Н. Котельников / Ю. Е. Кондаков // Вопросы истории. – 2001. – № 5.
66. О всемилостивейшем пожаловании архимандриту Юрьева монастыря Фотию панагии // РГИА. – Ф. 815. – Оп. 16. – Д. 891.
67. Встречи Фотия с Александром I // РНБ. – ОР. – Ф. СПб. Духовной академии. – Д. II/64.
68. Письмо Александра I к Фотию 1825 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. – 1871. – Кн. 3.
69. Письмо Фотия к Н. Ильинскому 13 октября 1825 г. // РНБ. – ОР. – Ф. 29. – Д. 29.
70. Послание Фотия // РНБ. – ОР. – Ф. СПб. Духовной академии. – Д. АП/154.
71. Послужной список Фотия // РГИА. – Ф. 796. – О. 119. – Д. 254.
72. Видок Фиглярин. – М., 1998.
73. Дело Апполоса // Архив АН. – Ф. 100. – Д. 248.
74. Из дневника барона М. А. Корфа // Русская старина. – 1904. – Т. 117.
75. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад, 1912.
76. Письма Фотия Иннокентию епископу Херсонскому // Христианское чтение. – 1887. – Ноябрь.
77. *Боровиков А. Д.* Автобиографические записки / А. Д. Боровиков. – СПб., 1899.
78. Воспоминания Михаила Евреина // Душеполезное чтение. – 1909. – Ч. 2, № 5.
79. Жизнь архимандрита Никодима Казанцева // Душеспасительное чтение. – 1911. – Июль.
80. Рассказы об архимандрите Фотии // Исторический вестник. – 1885. – Т. 21.
81. *Слезский А. Г.* Фотий и графиня А. А. Орлова-Чесменская / А. Г. Слезский // Русская старина. – 1902. – Февраль–октябрь.
82. Повеление Николая I о высылке Фотия в 1835 // Русская старина. – 1876. – Т. 17.
83. О вызове архимандрита Фотия в Александрово-Невскую лавру для научения его обрядам // РГИА. – Ф. 815. – Оп. 16. – Д. 1065.
84. Письмо Фотия к А. А. Орловой-Чесменской 1835 г. // Русская старина. – 1897. – Т. 90. – Апрель.
85. Рапорт наместника Лавры архимандрита Палладия // РГИА. – Ф. 815. – Оп. 16. – Д. 1065.
86. Из записок князя Ю. Н. Бартеньева // Русский архив. – 1886. – № 5/8.
87. Письмо Фотия к А. А. Орловой-Чесменской // РГАДА. – Ф. 1208. – Оп. 3. – Д. 73.
88. Сведения о Фотии, собранные на месте его рождения // Исторический вестник. – 1888. – Т. 33.
89. Записки И. И. Европеуса // Русская старина. – 1875. – Т. 14, № 9.
90. Воспоминания священника Я. Л. Морощкина // Там же. – 1876. – Т. 17, № 9/12.

91. Переписка митрополита Серафима о смерти Юрьева монастыря архимандрита Фотия // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 119. – Д. 254.

92. *Орнатский В. С.* Слово, произнесенное при гробе священноархимандрита Фотия в день его памяти / В. С. Орнатский. – СПб., 1843.

93. *Филарет.* Обзор русской духовной литературы. 1862–1863 / Филарет. – СПб., 1884.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Кондаков Ю. Е., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории

E-mail: urakon@rambler.ru

The Russian State Teachers' Training University (Saint-Petersburg)

Kondakov Yu. E., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the History Department

E-mail: urakon@rambler.ru

**СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ ТРИАДЫ:
интеллектуальная биография С. С. Уварова**

А. О. Мещерякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена интеллектуальной биографии графа С. С. Уварова – ученого-востоковеда, крупного государственного деятеля в царствование императоров Александра I и Николая I, автора знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность». Уделяется внимание эволюции и особенностям общественно-политического мировоззрения С. С. Уварова, выявлению его роли в становлении идеологии русского консерватизма.*

Ключевые слова: *Российская империя, государственная идеология, «Православие. Самодержавие. Народность», консерватизм, С. С. Уваров.*

Abstract: *the article is an intellectual biography of count S. S. Uvarov, an orientalist, outstanding statesman of the Emperors Alexander I and Nicholas I's reigns, the author of a famous triad «Orthodoxy. Autocracy. Nationality». The article focuses on the evolution and particular features of S. S. Uvarov's social and political outlook and reveals his role in the establishment of the russian conservative ideology.*

Key words: *Russian empire, state ideology, «Orthodoxy. Autocracy. Nationality», conservatism, S. S. Uvarov.*

Имя графа С. С. Уварова неразрывно связано со знаменитой триадой «Православие. Самодержавие. Народность», ставшей своего рода формулой русского консерватизма. Ученый-востоковед, получивший европейское признание, крупный государственный деятель, увенчавший свою карьеру должностью министра народного просвещения (1834–1849 гг.), наконец, идеолог Николаевского царствования, С. С. Уваров с середины XIX в. неизменно привлекает к себе внимание исследователей. Несмотря на обилие литературы о знаменитом министре народного просвещения, тема «С. С. Уваров как идеолог русского консерватизма» по-прежнему не может считаться вполне изученной. Интерес со стороны ученых к его идейному наследию значительно слабее, чем к различным аспектам его государственной деятельности.

С. С. Уваров родился в 1786 г. в семье подполковника конной гвардии С. Ф. Уварова, флигель-адъютанта и фаворита Екатерины II, которая и стала крестной матерью будущего министра народного просвещения [1, стб. 2104]. В ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. С. С. Уваров лишился своего

отца, поэтому с раннего детства он оказался на попечении матери – Дарьи Ивановны, урожденной Головиной и ее сестры, в замужестве княгини Н. И. Куракиной. Последняя постаралась дать своему племяннику хорошее домашнее образование, однако вполне традиционное для русской аристократии конца XVIII в. Так, главным наставником юного С.С. Уварова был французский эмигрант аббат Манген. Он привил своему воспитаннику тягу к европейской культуре и образованию, развил в нем утонченный вкус, а также внушил ему ценности «старого порядка» [2, с. 7].

С. С. Уваров с детства демонстрировал незаурядные способности к учебе. Как писал один из его современников, в целом не склонный к его апологетике Ф. Ф. Вигель, «мальчик был от природы умен» и «отменно понятлив в науках», «говорил и писал по-французски в прозе и стихах, как настоящий француз» [3, с. 765]. И хотя домашнее образование, полученное С. С. Уваровым, отличалось скорее блеском, чем глубиной, тем не менее, этого было достаточно, чтобы поступить в 15-летнем возрасте на престижную дипломатическую службу [4, с. 97].

Во время службы в Коллегии иностранных дел С. С. Уваров был отправлен на учебу в Геттингенский университет (1803) [5, с. 218] – одно из лучших учебных заведений Европы. Учеба за границей и полученные затем назначения в русские посольства в Вене и Париже (с 1806 по 1810 г.) способствовали не только углублению знаний и расширению культурного кругозора молодого человека, но и окончательному складыванию интеллектуального фундамента его личности. Во время пребывания в Вене С. С. Уваров был вхож в круг европейской культурной и политической элиты, обосновавшейся в столице Австрийской империи. Русский дипломат был знаком и общался с графом Л. фон Конбенцелем, князем Ш.-Ж. де Линем, бароном К. фон Штейном, графом К. О. Поццо ди Борго, мадам Ж. де Сталь, братьями Августом и Фридрихом фон Шлегелями. Годы спустя, сделав головокружительную государственную и научную карьеру, С. С. Уваров написал воспоминания о знаменитых европейцах, с которыми он общался в пору своей молодости [6–8]. Для молодого человека, воспитанного на образцах западной культуры, годы дипломатической службы в Европе стали временем дальнейшего развития его культурного западничества, которому в общих чертах он был верен до конца жизни.

В год своего возвращения на родину С. С. Уваров написал и затем издал на французском и русском языках первую научную работу – «Проект Азиатской академии» [8]. Автор трактата подчеркивал, что Россия, имеющая обширную сухопутную границу с Азиатским регионом, как никакая другая страна, должна иметь серьезную политическую заинтересованность в исследовании Востока. Однако, несмотря на всю очевидность этого, среди всех европейских государств именно в Российской империи, по словам С. С. Уварова, «меньше всего уделяют внимания изучению Азии» [8, с. 69]. Помимо практических це-

лей «азиатские исследования» должны способствовать сближению и взаимообогащению восточной и западной цивилизаций. Ведущую роль в реализации этой цели С. С. Уваров отводил России [8, с. 69–78]. Значение изучения Востока имело и антимодернистские задачи. Автор проекта считал, что обращение к истории и философии традиционалистского Востока окажет несомненную услугу европейской цивилизации – поможет ей свернуть с пути господствующего рационализма и кровавых социальных потрясений, на котором она сейчас находится. «Мы призваны защищать огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание» [8, с. 79], – заключал С. С. Уваров, выражая тем самым главный принцип консерватизма: сохранение и продление традиции.

«Проект Азиатской академии» получил широкую известность как в Европе, так и в России. Этот трактат высоко оценили Наполеон, французский ориенталист Лангле, великая княгиня Екатерина Павловна, Фридрих Шлегель, Гете, Жозеф де Местр. Последний, кроме прочего, похвалил молодого ученого за его «нападки» на XVIII столетие как «самую постыдную эпоху человеческого духа» и его отважную проповедь «добрых старых принципов» [2, с. 34]. Основные положения «Проекта Азиатской академии» впоследствии нашли отражение в ряде других сочинений, вышедших из-под пера С. С. Уварова [9, с. 251–260; 10, с. 361–364]. Примечательно, что он не только всегда теоретически доказывал необходимость глубокого изучения Востока, но и приложил немало усилий для практического внедрения ориенталистики в систему отечественного образования и науки. В 1843 г. в юбилейном отчете о результатах деятельности Министерства народного просвещения под своим руководством он отмечал, что «иностранные ученые, еще недавно обвинявшие Россию и втайне, и гласно в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом» [10, с. 364].

Женитьба в 1810 г. на Екатерине Алексеевне Разумовской – дочери тогдашнего министра народного просвещения графа А. К. Разумовского – открыла перед С. С. Уваровым, который не имел ни состояния, ни связей, поистине богатые возможности. В первую очередь это способствовало началу его стремительного карьерного роста. Так, уже в конце 1810 г. С. С. Уваров был назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. В этой должности он находился вплоть до 1821 г. Тогда же, в 1810 г. он стал членом Императорской академии наук, а в 1818 г. был избран ее президентом [11, с. 16]. В этот период продолжается и активная научная работа С. С. Уварова. Настоящую европейскую славу ученого принесло ему «Исследование об Элевсинских таинствах» [12], вышедшее в 1812 г. на французском языке и впоследствии неоднократно переиздававшееся как в России, так и за рубежом. За этот труд Французская

академия избрала С. С. Уварова своим членом – первым и единственным из русских ученых [11, с. 19].

Как попечитель Санкт-Петербургского учебного округа и президент Императорской академии наук С. С. Уваров явился создателем нескольких записок, имевших большое значение для характеристики его общественно-политических взглядов в царствование Александра I. Одна из них – «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» [13, с. 204–213] – была издана отдельной брошюрой на французском языке в 1813 г. Основную мысль записки автор выразил следующим образом: «В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное» [13, с. 204]. Исходя из этого, С. С. Уваров давал конкретные указания и рекомендации, касающиеся преподавания Всемирной и Отечественной истории на той или иной ступени образования – в народных училищах, в гимназиях и в университетах. Отмечая особенности преподавания истории в разных учебных заведениях, автор записки, тем не менее, выдвигал общие для всех требования. Во-первых, исторические события и процессы должны рассматриваться, по его мнению, сквозь призму религии и философии. Благодаря этому всемирный исторический процесс приобретет стройность и ясность. Во-вторых, изучение истории должно «возбуждать и сохранять народный дух», культивировать ту самобытность, на которую «ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши». Наконец, последнее – преподаванию истории С. С. Уваровым отводилась роль проводника политики правительства и исполнителя «его высоких намерений» [13, с. 212]. Спустя два десятилетия все эти принципы в более четкой и конкретной форме нашли свое воплощение в знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность», на которой С. С. Уваров предлагал основывать образование в России.

Тема преподавания истории и ее роли в формировании государственной идеологии была затронута С. С. Уваровым и в «Речи президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта, 1818 года» [9]. Эту «Речь...» можно считать программным и одновременно самым противоречивым официальным документом, вышедшим из-под пера С. С. Уварова в царствование Александра I. С одной стороны, ее автор вновь заявил о своей приверженности к некоторым высказанным ранее идеям и теориям, которые можно считать элементами консервативного мировоззрения. Речь идет, прежде всего, о необходимости глубокого и интенсивного изучения в Российской империи Азиатского региона, на которую указывал С. С. Уваров. Это, по его мнению, соответствует национальным интересам России, определяя ключевое направление ее внешней политики [9, с. 251–260]. Политическая и интеллектуальная ориентация на Восток рассматривалась им и в качестве естественного противовеса доминированию западничества [9, с. 257].

Много внимания уделил попечитель Санкт-Петербургского учебного округа и своему пониманию исторического процесса. Он развил высказанную им ранее [13, с. 212] органическую теорию, представляющую историю государств и народов как смену фаз развития, свойственных всем живым организмам (рождение – детство – зрелость – старость). С. С. Уваров был одним из наиболее последовательных сторонников этой теории, которую он воспринял у идеологов немецкого романтизма. Впоследствии органическая теория стала распространенным элементом идеологии русского консерватизма. Это наглядно демонстрирует интеллектуальное наследие таких выдающихся консерваторов, как Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев. Основываясь на органической теории, С. С. Уваров заявлял: «Государства имеют свои эпохи возрождения, свое младенчество, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость». При этом роль «попечительного правительства» состоит в том, чтобы смягчать «переходы одного возраста к другому», «охранять неопытность», открывать «способности ума», предупреждать «опасности и заблуждения», свойственные юному возрасту [9, с. 271]. Таким образом, С. С. Уваров выступал сторонником постепенного развития государства и общества, без революционных взрывов и потрясений. При этом ведущая роль в данном случае отводилась государству – инициатору и регулятору социальных и политических процессов. В «Речи...» дальнейшую эволюцию претерпела и русская триада. Здесь она приобрела узнаваемые черты. Так, касаясь вопроса о цели познания истории, С. С. Уваров заявлял, что она должна состоять в том, чтобы «более любить свое отечество, свою веру, своего государя» [там же]. Тем самым он подчеркивал главные принципы, которыми следует руководствоваться в своей жизни каждому русскому подданному.

С другой стороны, в «Речи...» наряду с демонстрацией консервативных взглядов, С. С. Уваров сделал смелое заявление со ссылкой на известного либерала лорда Т. Эрскина о том, что политическая свобода является «последним и прекраснейшим даром Бога». Этот дар, по словам английского оратора, «приобретается медленно, сохраняется неусыпной твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами» [9, с. 267]. Как заметил по этому поводу Н. И. Греч, впоследствии за эти слова С. С. Уваров «сам себя посадил бы в крепость» [13, с. 219]. Вероятно, упомянув в «Речи...» о политической свободе, автор всего лишь хотел включить свое выступление в контекст либеральной политики Александра I. Как справедливо заметил Н. П. Барсуков, эта «Речь...» была произнесена С. С. Уваровым вслед за открытием Варшавского сейма в феврале 1818 г., когда «из уст самого государя раздались свободолоубивые обеты» [15, с. 228]. Современные исследователи склонны также считать либеральные идеи С. С. Уварова, озвученные им 22 марта 1818 г., откликом на речь императора Александра I от 15 марта 1818 г., заявившего в Варшаве о своих намерениях в перспективе даровать конституцию всей России [16, с. 530]. Примечательно, что ни до, ни после своей мартовской «Речи...»

1818 г. С. С. Уваров не демонстрировал в своих текстах либерализм столь явно и откровенно.

За эту «минутную слабость» С. С. Уварова часто обвиняют в беспринципности и приспособленчестве, подчеркивая, что его общественно-политические взгляды во многом определялись карьерными соображениями [2, с. 4, 10, 146; 17, с. 678; 18, с. 21]. Факты его государственной деятельности свидетельствуют о другом. Причиной отставки С. С. Уварова с высоких государственных постов – попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в царствование Александра I и министра народного просвещения в царствование Николая I – был его отказ действовать вопреки совести и своим принципам.

В действительности вопрос о взглядах С. С. Уварова в царствование Александра I не так прост и однозначен. Основная часть текстов, появившихся из-под его пера в этот период не слишком информативна для характеристики его общественно-политической позиции, так как в основном представляет собой научные труды, а также официальные или полуофициальные выступления государственного чиновника высокого ранга, вынужденного оглядываться на мнение высшего начальства. Для характеристики взглядов С. С. Уварова довольно точным представляется определение А. Л. Зорина, назвавшего его просвещенным консерватором «в духе Н. М. Карамзина» [19, с. 82]. По всей видимости, это определение справедливо и для мировоззрения С. С. Уварова уже в царствование Александра I. Ряд его либеральных высказываний того периода носили преимущественно ситуативный характер. То, что С. С. Уваров остался за пределами мощного консервативного движения Александровского царствования, объясняется своеобразием его консерватизма, который испытал на себе значительное влияние идей немецкого романтизма. Во многом благодаря этому он стоял особняком среди таких ранних консерваторов, как Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка и др. Все эти теоретики и практики раннего русского консерватизма имели слабо выраженную интеллектуальную связь со своими европейскими единомышленниками, в силу чего их идейный багаж отличался большей национальной самобытностью и независимостью. С. С. Уваров же еще в первой четверти XIX столетия идейно был ближе консерваторам следующего поколения, которые заявили о себе в царствование Николая I.

Начальный период Николаевского царствования ознаменовался крупными политическими событиями, которые не могли не оказать влияния на мировоззрение С. С. Уварова. Речь идет о восстании декабристов и июльской революции 1830 г. во Франции. Во многом благодаря этим событиям, к началу 1830-х гг. его консерватизм приобрел большую ясность и остроту, а отношение к Западной цивилизации стало заметно критичнее. Вероятно, С. С. Уваров делился своими переживаниями и страхами, когда вскоре после революционных событий во Франции писал следующее: «Июльская революция, уничтожившая столько явлений, покончила в Европе, по крайней мере,

на полстолетия со всеми идеями общественного прогресса и политического совершенствования. Она потрясла тех, кто тверже всего верил в будущее народов, вовлекла их в бесчисленные заблуждения, заставила усомниться в себе самих. После 1830 года нет мыслящего человека, который хотя бы однажды не спрашивал себя с удивлением, что же такое эта цивилизация?» [20, с. 96].

В 1832 г. С. С. Уваров был назначен товарищем министра народного просвещения при графе К. А. Ливене, а год спустя он возглавил это ведомство сначала в качестве управляющего, а с 1834 г. уже в ранге министра [1, стб. 2105]. На этом посту он явился создателем знаменитой консервативной доктрины, которая нашла свое выражение в формуле «Православие. Самодержавие. Народность», ставшей официальной идеологией в царствование Николая I. Следы этой доктрины можно найти в целом ряде документов, вышедших из-под его пера в период с 1832 по 1849 г. Наиболее информативными для анализа данной идеологической системы являются несколько официальных и полуофициальных текстов этого периода. Прежде всего, речь идет о черновике меморандума Николаю I [20], появившемся в марте 1832 г., вскоре после назначения С. С. Уварова товарищем министра народного просвещения. Этот документ был опубликован в 1997 г. А. Л. Зориным [19; 21]. Меморандум, по-видимому, содержит самое раннее из всех известных упоминаний о триаде [21, с. 343] в том виде, в котором она стала эмблемой русской национальной идеи. Следующими по времени создания являются «Всепоподданнейший доклад управляющего Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 года» [22], который был подготовлен С. С. Уваровым уже в качестве исполняющего обязанности главы Министерства народного просвещения, а также записка «О средствах сделать Народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» [23] (датирована М. М. Шевченко 1833 г. [24, с. 227]). Оба документа в разное время ввел в научный оборот исследователь министерской деятельности и взглядов С. С. Уварова М. М. Шевченко [25, с. 29]. В этот же ряд следует поставить и доклады о работе Министерства народного просвещения во главе с С. С. Уваровым – за 5 [26] и 10 лет [10]. Поскольку все эти документы отличаются друг от друга обстоятельствами и временем появления, а также адресатом и общим содержанием, то они могут дополнять друг друга при реконструкции уваровской доктрины.

В хронологически наиболее раннем из указанных выше документов – письме Николаю I – С. С. Уваров дал развернутое объяснение причин появления консервативной доктрины. Основанием для ее создания стала духовная и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в Европе в результате июльской революции во Франции. По словам С. С. Уварова, после 1830 г. западные интеллектуалы, духовно дезориентированные и морально подавленные, должны были признать, что «у общества нет более политических, нравственных и религиозных убеждений». Россия же, по его мнению, «пока избежала подобного унижения». «Она еще хранит в своей груди убеждения ре-

лигиозные, убеждения политические, убеждения нравственные – единственный залог ее блаженства, останки своей народности, драгоценные и последнее останки своей политической будущности», – писал С. С. Уваров. В связи с этим он возлагал на правительство обязанность собрать воедино разрозненные части русской народности (религиозные, политические и нравственные убеждения) и образовать из них «тот якорь, который позволит России выдержать бурю». По мнению автора письма, сделать это можно с помощью воспитания и образования, основанных на так называемых национальных началах и одновременно отвечающих требованиям времени и обстоятельств, чтобы, с одной стороны, – «идти в ногу с Европой», а с другой – «не удалиться от нашего собственного места» [20, с. 97].

Национальные начала, без которых русское государство «не может благоденствовать, усиливаться, жить», и составляют знаменитую триаду: «Православие. Самодержавие. Народность» [10, с. 347]. В разных текстах определение первого элемента триады варьировало между «национальной религией» [20, с. 97], «религией предков» [23, с. 233], «православной верой» [22, с. 70] и «православием» [10, с. 347]. Использование в письме к императору (1832 г.) термина «национальная религия» вместо «православия» натолкнуло А. Л. Зорина на мысль об «очевидном конфессиональном индифферентизме» С. С. Уварова, которому «решительно безразлично, о какой именно вере и какой церкви идет речь», главное – их укорененность «в истории народа и политической структуре государства» [19, с. 86]. Это явное преувеличение. Несмотря на свое культурное западничество, С. С. Уваров всегда придавал особое значение непоколебимости основ православной веры. В 1821 г. в связи с запрещением книги профессора А. К. Куницына «Естественное право» он писал: «Я всегда думал и ныне думаю (курсив наш. – А. М.), что всякое учение, всякое действие, явное или скрытое, противное догматам Православной греко-российской церкви, или клонящееся поколебать существующий порядок и ослабить любовь и доверенность к Трону <...>, должны обращать на себя внимание правительства и внушать ему меры предосторожности» [4, с. 102]. И хотя за годы министерской деятельности отношение С. С. Уварова к православной церкви претерпело определенную эволюцию, однако это скорее касается сферы личной религиозности, проблемы воцерковленности, а не его взглядов на значение православия в жизни русского народа.

Итак, православие по С. С. Уварову является двигателем, средоточием жизни как всего государства и всего русского народа, так и жизни отдельного человека. Подрыв православия в России приведет, по его мнению, к ее духовной и политической деградации, откату к дикости. «Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть, – писал он, – ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это было бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы

почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха» [22, с. 71].

Второй элемент триады – самодержавие – является, по мнению С. С. Уварова, основой ее политического бытия, непременным условием ее существования в настоящем виде. «Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам, – писал он, – можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к Европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов Государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству» [22, с. 71]. В черновике меморандума Николаю I С. С. Уваров изобразил конкретные последствия утраты Россией самодержавия. Он считал, что любое ограничение самодержавной власти, введение народного представительства на европейский манер и разрушение сословного строя приведут к тому, что «колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены» [20, с. 98]. Эта «истина», по мнению С. С. Уварова, очевидная для большинства русских, подчеркивала национальный характер самодержавной власти, ее органическую связь с русским народом. По мнению идеолога, помимо сплочения русской нации вокруг царского трона, роль самодержавия заключалась в создании и укреплении величайшей империи мира. В одном из юбилейных докладов о деятельности Министерства народного просвещения он писал следующее: «Самодержавие соединило расторгнутые члены государства, у врачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его целость в такой огромной массе, которой не было в истории мира ничего подобного...» [26, с. 7–8].

Третий элемент триады, не менее важный, чем предыдущие два, – народность – С. С. Уваров считал наиболее трудным для определения [20, с. 98; 22, с. 71]. Вслед за ним на сложность интерпретации «народности» в контексте его доктрины указывали и многочисленные исследователи [4, с. 106; 11, с. 29; 27, с. 103]. Пожалуй, самое неожиданное и оригинальное объяснение этому понятию дал А. Н. Пыпин, который и ввел в свое время в научный оборот термин «официальная народность» [28, с. 5]. В своих рассуждениях об уваровской доктрине он поставил знак равенства между понятиями «народность» и «крепостное право» [29, с. 91]. Несостоятельность подобной концепции очевидна. С. С. Уваров об этом «спорном» понятии своей доктрины писал следу-

ющее: «Относительно Народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным святыще наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль Правительства, особенно в отношении к Народному Воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека, и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния – твердо и невреждимо укрепиться может» [22, с. 71]. Из рассуждений С. С. Уварова о народности можно заключить, что под этим термином он понимал не что иное, как национальную самобытность и национальное самосознание, включающие в себя и связь с национальными традициями, и историческую память, и представления о своем особом пути. Недаром в одном из официальных текстов, касаясь триады, он заменил абстрактное понятие «народность» на более конкретное – «дух русский» [26, с. 7].

Цель построения национальной системы образования на принципах «Православия. Самодержавия. Народности» С. С. Уваров видел «в восстановлении в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой Монархии и всеобщих успехов образованности» [26, с. 3–4]. В его представлении, это было реальной альтернативой тому пути, по которому шла Европа, сотрясаемая революциями. Однако на успех своего дела он смотрел с большим пессимизмом. «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении, – заявлял он, – мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкушать, по крайней мере, теперь еще сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно» [30, с. 362]. Однако С. С. Уваров, как известно, вынужден был уйти в отставку значительно раньше (в 1849 г.), чем он смог увидеть и оценить плоды своих трудов на ниве народного просвещения.

Создание «русской триады» и разработка соответствующей доктрины стали наивысшей точкой консервативного творчества С. С. Уварова. Его консерватизм в этот период приобрел цельность и ясность. В целом же идейную эволюцию С. С. Уварова на протяжении первой половины XIX в. можно рас-

смагивать через призму складывания его консервативной формулы, явные намеки на которую можно обнаружить уже в трудах 10-х гг. XIX в.

Роль С. С. Уварова в истории русского консерватизма трудно переоценить. Он представляет собой яркий пример консерватора, который не только явился создателем мощной охранительной идеологии, но и имел возможность реализовать ее на практике в своей государственной деятельности. Подобный опыт в истории отечественного консерватизма был скорее исключением, чем нормой. Важно значение С. С. Уварова и как связующего звена между различными поколениями и типами русских консерваторов. Будучи идейным последователем Н. М. Карамзина, он еще в первой четверти XIX в. выступил своего рода интеллектуальным мостом между представителями русского консерватизма Александровского и Николаевского царствований. Если же говорить о последователях С. С. Уварова, нельзя не упомянуть о группе правых интеллектуалов – профессоров Московского университета (М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Н. Г. Устрялов и др.), в научной и педагогической деятельности которых консервативная доктрина знаменитого министра народного просвещения получила свое дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биографическое известие // Русский архив. – 1871. – № 12. – Стб. 2103–2107.
2. *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер. – СПб., 1999. – 350 с.
3. *Вигель Ф. Ф.* Записки : в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. – М., 2003. – Кн. 2. – 752 с.
4. *Шевченко М. М.* Сергей Семенович Уваров / М. М. Шевченко // Российские консерваторы. – М., 1997. – С. 95–136.
5. *Дурылин С.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения / С. Дурылин // Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 33/34. – С. 215–330.
6. *Уваров С. С.* Князь де Линь / С. С. Уваров // Уваров С. С. Избранные труды / пер. В. С. Парсамова ; сост., авт. вступ. ст., коммент. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. – М., 2010. – С. 334–345.
7. *Уваров С. С.* Мадам де Сталь / С. С. Уваров // Там же. – С. 521–530.
8. *Уваров С. С.* Проект Азиатской академии / С. С. Уваров // Там же. – С. 65–95.
9. *Уваров С. С.* Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года / С. С. Уваров // Там же. – С. 252–271.
10. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 / С. С. Уваров // Там же. – С. 361–364.
11. *Пайпс Р.* Сергей Семенович Уваров : жизнеописание / Р. Пайпс. – М., 2013. – 81 с.
12. *Уваров С. С.* Исследование об Элевсинских таинствах / С. С. Уваров // Уваров С. С. Избранные труды. – С. 97–154.
13. *Уваров С. С.* О преподавании истории относительно к народному воспитанию / С. С. Уваров // Там же. – С. 204–213.
14. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М., 1990. – 392 с.

15. Барсуков Н. П. С. С. Уваров и адмирал Шишков / Н. П. Барсуков // Русский архив. – 1882. – Кн. III. – С. 226–228.
16. Шевченко М. М. Уваров С. С. / М. М. Шевченко // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2010. – С. 529–534.
17. Степанов М. Жозеф де Местр в России / М. Степанов // Литературное наследство. – М., 1937. – Т. 29/30. – С. 577–726.
18. Парсамов В. С. Сергей Семенович Уваров / В. С. Парсамов, С. В. Удалов // Уваров С. С. Избранные труды. – С. 5–54.
19. Зорин А. Идеология «православия – самодержавия – народности» : опыт реконструкции (неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I) / А. Зорин // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 71–104.
20. Уваров С. С. [Письмо Николаю I] / С. С. Уваров // Там же. – С. 92–100.
21. Зорин А. Заветная триада. Меморандум С. С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие – самодержавие – народность» / А. Зорин // Зорин А. Корня двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2004.
22. Уваров С. С. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 года / С. С. Уваров // Река времен. – М., 1995. – Вып. 1. – С. 68–78.
23. Уваров С. С. О средствах сделать Народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного / С. С. Уваров // Шевченко М. М. Конец одного величия : власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. – М., 2003. – С. 231–237.
24. Четыре служебных документа министра С. С. Уварова // Там же. – С. 227–254.
25. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I (публ. М. М. Шевченко) // Река времен. – М., 1995. – Вып. 1. – С. 68–78.
26. Уваров С. С. Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие / С. С. Уваров // Журнал министерства народного просвещения. – 1839. – № 1. – С. 1–36.
27. Иванов О. А. Идеология «православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова / О. А. Иванов // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. трудов. Вып. 1 / под ред. А. Ю. Минакова. – Воронеж, 2001. – С. 92–110.
28. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов / А. Н. Пыпин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1890. – 519 с.
29. Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I / М. М. Шевченко // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2002. – № 4. – С. 89–104.
30. Никитенко А. В. Записки и дневник : в 3 т. / А. В. Никитенко. – М., 2004. – Т. 1. – 639 с.

Воронежский государственный университет

Мещерякова А. О., кандидат исторических наук, ведущий библиограф

E-mail: arina-m@mail.ru

Voronezh State University

Mescheriakova A. O., Candidate of Historical Sciences, Leading Bibliographer

E-mail: arina-m@mail.ru

«ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ»:
идеологема николаевского царствования

С. В. Удалов

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Поступила в редакцию 3 июня 2015 г.

Аннотация: рассматривается вопрос о содержательной структуре государственной идеологии царствования Николая I, ее влиянии на политику правительства в области просвещения и развитие русской общественной мысли.

Ключевые слова: православие, самодержавие, народность, государственный и общественный консерватизм, просвещение, цензура, общественная мысль.

Abstract: the article deals with the question of the content structure of the state ideology of the reign of Nicholas I, its impact on government policy in the field of education and the development of Russian social thought.

Key words: orthodoxy, autocracy, nationality, state and social conservatism, enlightenment, censorship, social thought.

Проблемы, связанные с формированием и последующим развитием государственной идеологии в России второй четверти XIX в. продолжают оставаться важной составляющей исследования общественно-политического развития империи в указанное время. Тесная связь между политической системой, сложившейся при Николае I, и ее идеологическим наполнением, а также определенное влияние идеологии на развитие общественного мнения подчеркивают важность этого аспекта. При этом изучение идеологической сферы николаевского царствования уже имеет давнюю историографическую традицию. Особенно актуальной тема стала в последние десятилетия, когда возросший интерес к государственному и общественному консерватизму способствовал решению новых исследовательских задач. В исторической науке рассматриваются и активно обсуждаются вопросы, мало привлекавшие внимание историков предыдущего поколения. В последние годы вышло немало работ, позволяющих более объективно оценить развитие политического и идеологического дискурса в России второй четверти XIX в.

Как и следовало ожидать, в центре внимания исследователей чаще всего оказывается триада «православие, самодержавие, народность», автором которой считается министр народного просвещения граф С. С. Уваров.

С. С. Уваров в отчете об осмотре Московского университета 4 декабря 1832 г. писал, что «образование правильное, основательное, необходимо в нашем веке с глубокими убеждениями и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия, народности, составляющие последний якорь нашего спасения и важнейший залог силы и величия нашего отечества» [1, стб. 68]. Это было одно из первых официальных упоминаний о знаменитой триаде, определявшей вектор развития русского консерватизма в последующие годы. Через официальную пропаганду в дальнейшем ее пытались превратить в некий социально-политический императив.

Триада Уварова представляла собой, как заметил М. М. Шевченко, своеобразную интерпретацию лозунга «За веру, царя и отечество» [2, с. 68]. В то же время существовала вероятность противопоставления ее другой формуле, возникшей в период Французской революции 1789 г. Она имела сходную с уваровской структуру, но элементы, включенные во французский вариант («Liberte', Egalite', Fraternite'» – «Свобода, Равенство, Братство»), выступали прямыми антиподами тому, что предлагал министр просвещения [3, с. 405]. Какое бы значение ни приобретала тройственная формула, она стала идеологической платформой, обеспечивающей в исторической перспективе устойчивость российской государственности.

В докладе от 19 ноября 1833 г. Уваров дал развернутую характеристику каждого элемента выдвинутой им формулы. Православная вера – основа нравственного и культурного развития человека и общества в целом. Потеря религиозного чувства ведет к разрушению личности и духовной гибели. «Без любви к Вере предков, – писал Уваров, – народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении» [4, с. 71]. А. Л. Зорин, опубликовал черновой вариант письма Уварова Николаю I (март 1832 г.), в котором впервые были упомянуты будущим министром просвещения элементы триады. Публикатор обратил внимание на то, что первый из них «православие» был заменен более широким понятием «национальная религия». Подобная трактовка в большей степени подчеркивала универсализм и традиционализм этой идеологической формулы. По замечанию Зорина, для Уварова в данном случае был важен не сам факт веры, а в первую очередь ее укорененность в «истории народа и политической структуре государства» [5, с. 360].

Всё это, конечно, могло присутствовать в идеологической стратегии Уварова, но абсолютизировать подобное утверждение, так же как и конфессиональный индифферентизм министра просвещения, нельзя. Уваров не случайно акцентировал внимание на национальном характере религии. Уже во взглядах консерваторов александровского царствования вера являлась своеобразным символом как политической лояльности, так и национальной самоидентификации [6, с. 342]. Именно эти качественные характеристики важно

было подчеркнуть Уварову в отношении православия, и вполне возможно, что именно поэтому он сознательно подменял данную категорию такими понятиями, как «национальная» или «государственная религия». Понятно, что одним из главных инструментов формирования национальной идентичности русского общества становилось православие. Полагаем, вполне можно согласиться с В. М. Живовым, по мнению которого именно православие и самодержавие как «реальные явления» служили материалом для нового конструирования и соответствующей репрезентации такой базовой для уваровской триады категории, как народность. Соответственно новый конструкт заставлял по-новому интерпретировать те явления, которые служили для него основным материалом, соглашаясь с природой конструкта (православие становится «национальной религией», а самодержавие – «национальной формой правления») [7, с. 126]. Другими словами, акцент на национальном характере первых двух составляющих идеологемы позволял более органично ввести в нее третью – «народность». Сам Уваров косвенно указывал на это обстоятельство следующим образом: «Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее» [4, с. 71]. К этому следует также добавить, что актуализация православия как религии *национальной и государственной* в концепции, фактически претендующей на идеологический и программный статус, как бы окончательно порывала с традицией религиозных экспериментов второй половины царствования Александра I.

Что касается самодержавия как отдельной составляющей триады, то вполне в духе карамзинской интерпретации¹, согласно версии Уварова, оно является основой существующего политического порядка в России, обеспечивает его устойчивость и стабильность. Это фундамент, на котором зиждится Российское государство, и любые попытки изменить этот порядок влекут разрушительные действия: «Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный». Именно эта идея, по мнению Уварова, «должна присутствовать и развиваться в народном воспитании» [4, с. 71]. Последующая интерпретация уваровской формулы показывает нам, что самодержавие здесь представлено не просто как форма политического устройства, а как воплощение социально-политического и культурного бытия Российского государства и общества.

Если две первые категории были вполне понятны и в силу своей традиционности доступны для восприятия, то третья, «народность», впервые введенная Уваровым в качестве составляющей государственной идеологии, осталась без какой-либо определенной характеристики. Министр просвещения ограничился лишь туманными рассуждениями о том, что «вопрос о народности не

¹ Н. М. Карамзин, как известно, еще в 1811 г. в своей знаменитой записке «О древней и новой России» писал о том, что «Самодержавие есть Палладиум для России; целость его необходима для ее счастья» [8, с. 105].

имеет того единства, какое представляет вопрос о самодержавии» [там же]. Между тем именно это понятие было одним из главных, характеризующих в принципе всю концепцию. Выше уже говорилось о том, какой характер придавало это понятие православию и самодержавию. Долгое время считалось, что введение понятия «народность» в официальный идеологический дискурс для Уварова было лишь своеобразной данью моде, попыткой через завоевывающее в то время популярность слово эксплицировать наиболее значимые для власти идеологемы. Лишь в последние годы наметилась тенденция, направленная на более внимательное изучение смысловых нагрузок, придаваемых «народности» не только в русской культуре, но и идеологическом дискурсе [5, с. 337–372].

Слово «народность» в то время еще воспринималось многими как неологизм. Уваров прекрасно знал, что своим происхождением оно обязано его «собрату» по Арзамасу П. А. Вяземскому, который в письме к другому арзамасцу А. И. Тургеневу писал в 1819 г.: «Зачем не перевести *nationalité* – *народность*? Поляки сказали же: *narodowosć*! <...> Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится» [9, с. 357–358; 10, с. 296]. При этом Вяземский совершенно не имел в виду русскую народность («русского поэта по физиономии не узнаешь»). Под народностью он понимал культивируемое европейскими романтиками национальное своеобразие. Сомневался в существовании русской народности и И. В. Киреевский. В 1832 г., еще не освоив слово «народность» и используя более привычное для слуха «национальность», будущий славянофил писал: «Если рассмотреть внимательно, то это самое стремление к национальности есть не что иное, как непонятное повторение мыслей чужих, мыслей европейских, занятых у французов, у немцев, у англичан и необдуманно применяемых к России» [11, с. 29]. Таким образом, вводя «русскую народность», Уваров, с одной стороны, открывал широкие возможности для конструирования национальных корней и традиций, а с другой – во власти правительства оставалось решать, что может считаться подлинно народным, а чему должно быть в этом отказано. Видимо, для того чтобы сильнее подчеркнуть продуктивные возможности этого понятия, Уваров писал: «Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна» [4, с. 71].

Говоря о том, какую роль народность играла в репрезентации определенного набора идеологем, следует обратить внимание на еще один важный аспект. А. И. Миллер, анализируя вопрос об эволюции понятия «нация» в общественно-политическом дискурсе России XVIII–XIX вв., подчеркнул, что это понятие во второй четверти XIX в. сознательно подменяется в официальной лексике как раз менее опасной для самодержавия категорией «народность». Причем опасность скрывалась в неразрывной связи понятия «нация» с «кон-

ституцией, народным представительством и надсословностью» [12, с. 57]. В целом, соглашаясь с подобным утверждением, хотелось бы обратить внимание на то, что выбранный имперским чиновничеством эвфемизм нации, приобретая в официальном идеологическом дискурсе политические коннотации, становится в конечном итоге своеобразной надсословной категорией. Речь идет не о социальном статусе подданных и их правовом положении. Чтобы разобраться в проблеме, необходимо перевести ее в несколько иную плоскость.

Для начала необходимо подчеркнуть, что в политической культуре второй четверти XIX в. официальными идеологами создавался образ смиренного русского народа, безынициативного и несклонного к участию в государственных делах, строилась концепция о бесконфликтном развитии отношений государства и народа в России. Причем, продолжая во многом традицию, уходящую корнями во времена Московской Руси, базовым принципом здесь становился патернализм, проводимая аналогия государства с семьей. «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, – писал по этому поводу М. П. Погодин, – в котором государь отец, а подданные дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастье и спокойствие их – общие» [13, с. 636–637]. Одновременно с этим «народность» как своеобразное воплощение единого национального организма осмыслялась в официальном дискурсе помимо прочего и через верноподданические чувства русского народа к своему монарху, ощущение их единства. С определенной долей условности можно сказать, что понятия *русский* и *верноподданный* в идеологической репрезентации власти становятся почти синонимичными, так же как *русский* и *православный*. Такое было возможно лишь при сохранении национальных традиций, цельности «народного духа».

При конструировании и реализации подобной идеологемы главная проблема заключалась в том, что в течение XVIII в. и первых десятилетий XIX в. представители социальной элиты, дворянства, были инкорпорированы в западноевропейскую культуру. Как пишет В. М. Живов, «конструирование «народного духа» наталкивается на то, что этот дух существует вне элиты, а у элиты дух «ненародный», сотворенный Петром из чужих чувств, обычаев и внешних проявлений» [7, с. 120]. В 1836 г. Ф. Ф. Вигель в свою очередь писал М. Н. Загоскину: «Запад год от году мне становится отвратительнее, по мере того как он становится любезнее нашим богатым и знатым. Ох уж эти мне знатные! С каким бешенством стремятся они за границу <...>; все отечественное им не мило и они более и более становятся чуждыми России» [14, ф. 291, ед. хр. 54, л. 3 об. – 4]. Проблема состояла не только в том, что дворяне говорили на французском свободнее, чем на русском, и не в том, что их стиль общения, поведения, одежда не соответствовали национальному канону. Европеизируясь, дворянство теряло органическую связь не только с культурной, но и политической традицией Русского государства. Оно более свободно опе-

рировало европейскими политическими категориями, что могло привести к сознательному дистанцированию от государственных нужд, как их понимало русское самодержавие. Ярким примером тому служило восстание декабристов. Кажется не случайным, что они становились в официальной версии «горсткой извергов» по отношению к русскому народу, если учесть, что верноподданность, тесная связь с монархом, основанная на национальной традиции, действительно в 1830–1840-е гг. становится в официальном дискурсе одним из инструментов национальной самоидентификации.

Именно осмысление народности через приверженность к национальной религии и национальной форме правления (самодержавию) делало ее надсловной категорией. Оно ломало сословные перегородки на уровне политических и религиозных убеждений, создавая единое пространство для формирования национальной идентичности. Дворяне, чтобы оставаться русскими, должны были впитать в себя народную веру и народную любовь к монарху. Нельзя сказать, что попытки постулирования взаимозависимости этих явлений впервые были предприняты именно в николаевскую эпоху. В частности, Карамзин еще в первой четверти XIX в. таким образом пытался решить задачу обратного включения дворянского сословия в единое национальное тело [7, с. 122–124]. Но если тогда это было в большей степени явление социокультурного порядка, то после восстания декабристов в глазах политической элиты оно окончательно обретает вид политической программы.

Мнение о том, что идеология николаевского царствования имела заметный антидворянский оттенок [15, с. 141], кажется в значительной мере преувеличенным. Оставаясь главной социальной опорой самодержавия, дворянство, тем не менее, вызывало подозрения как потенциальный носитель и проводник западной политической культуры, порождающей либеральные и революционные идеи. В данном случае следует говорить не об антидворянской направленности правительственной идеологии, а о попытках нейтрализовать возможные опасные последствия дальнейшего самостоятельного развития европеизированной дворянской культуры и противопоставить ей государственную систему просвещения, основанную на национальных началах, трактуемых правительством в рамках уваровской триады. Этим объясняется и политика правительства, направленная на включение высшего сословия в систему государственного контроля, особенно в области образования и просвещения.

Опираясь на три исходных постулата своей формулы, Уваров переносил эти представления в сферу возможной модификации системы просвещения в России, параллельно пытаясь оценить и ее роль в сохранении политической стабильности в государстве. Источники, используемые им в процессе разработки концепции развития национального просвещения нового типа, весьма разнообразны. К ним можно отнести: идейное наследие французских легитимистов, представителей немецкого романтизма первой половины XIX в., и, безусловно, концепцию исторического развития Российского государства

Н. М. Карамзина, выраженную не только в записке «О древней и новой России», но и в «Истории государства Российского». Нельзя не учитывать также и принципы легитимизма, характерные для самого Николая I. Не будучи оформлены в стройную систему взглядов, они, тем не менее, представляли определенную мировоззренческую позицию, занимаемую императором, и играли ведущую роль в процессе складывания общей политической системы нового царствования.

Таким образом, используя теоретические наработки своих предшественников, Уваров доказывал, что Россия идет особым, отличным от западного, путем исторического развития. В связи с этим Уваров предельно четко сформулировал исходные принципы, неуклонная реализация которых позволила бы достичь искомого результата. «Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, – писал он, – невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым *религиозным, моральным и политическим* понятиям, ей исключительно принадлежащим». По сути, он сумел объединить и предложить в качестве цельной системы символы, способные внедрить в общественное сознание идею легитимности и незыблемости существующего в России политического порядка.

Однако задача, которую Уваров ставил в связи с этим, несколько расширяла проблему: «Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое Европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к Европейскому просвещению, к Европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью?» [4, с. 70].

Постановка вопроса подобным образом была неминуема для самого Уварова. Будучи человеком европейски образованным, а также инкорпорированным в западноевропейскую культуру, Уваров не мог не осознавать, что полная изоляция России от Запада немыслима в сложившихся обстоятельствах и грозила бы Российскому государству значительным отставанием в развитии. Тем не менее система общественных ценностей, лежавшая в основе всех культурных достижений Запада, несла в себе также и разрушительные начала, губительные для существующего в России порядка вещей [5, с. 367]. Выход из логического тупика был найден в неразрывной связи общего просвещения с нравственным и политическим воспитанием. Исходя из этого главной задачей, по мнению Уварова, было «внушить юношеству, что на всех степенях общественной жизни умственное совершенствование, без совершенствования нравственного – мечта и мечта пагубная» [16, с. CXLV–CXLVI]. Базовым основанием для образования, нравственного воспитания должна была послужить уваровская формула – «православие, самодержавие, народность».

В конечном итоге Уваров сформулировал концепцию, ставшую, своего рода, компромиссом между западным просвещением и самодержавной Росси-

ей. Он выражался в попытке приспособить западную науку и просвещение в целом к российской действительности, не побуждая к изменению последней. Русская модель просвещения, таким образом, не отвергая право на заимствование определенных достижений западноевропейской цивилизации, приоритет отдавала национальным охранительным принципам. Самобытность России, особый путь ее исторического развития не исключали Российское государство из системы других государств. Но в то же время они отстаивали позицию ее самостоятельности в вопросах просвещения и политического порядка. Эта самостоятельность была обусловлена общественными ценностями, отличными от западноевропейских и опирающимися на другие начала и принципы. Триада приобретала значение своеобразной лакмусовой бумаги, определяющей приемлемость тех или иных идей и теорий для самодержавной России. Авторитет и неприкосновенность трех постулатов, заложенных в ней, должны были стать определяющими для русского общества в процессе его интеллектуального развития. «Вот те главные начала, – писал позже Уваров, – которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа» [17, с. 4].

Важность той роли, какую Уваров сыграл в формировании идеологического дискурса в николаевское царствование, трудно оспорить. В начале 1830-х гг. он предложил Николаю I триаду «православие, самодержавие, народность» в качестве универсальной формулы, характеризующей главный принцип устойчивости государственных институтов Российской империи. Но определять его как центральную, а уж тем более как единственную фигуру в этом процессе, конечно, не стоит. Тем более что впоследствии, в процессе пропаганды сторонниками Уварова, его идеи продолжали эволюционировать, наполняясь порой новым содержанием. Идеологема, сформулированная им изначально в 1832 г., являлась, по сути, отражением общих тенденций, определявших изменения политического курса самодержавия в условиях кризиса отношений власти и общества. Практическое осознание проблем, существующих в империи, на которые указывали декабристы, постепенно в первое десятилетие царствования Николая I на репрезентативном уровне подменяется вопросом о неверном «искаженном» восприятии политической и социальной действительности людьми, подобно декабристам, поддавшимся влиянию западных политических теорий, чуждых русским государственным традициям. Причем этот процесс явно коррелировал с усилением, на фоне европейских революций, консервативных тенденций в политике правительства. Определялись новые задачи, среди которых самой приоритетной становилось укрепление существующего политического строя.

Наверное, любая идеологическая концепция, создаваемая именно на официальном, государственном уровне, направлена, прежде всего, на обосно-

вание и в конечном счете легитимацию существующей власти, а также того политического и социального порядка, который она устанавливает. Для того чтобы созданная идеология «работала», необходима планомерная пропаганда заложенной в ней системы взглядов, внедрение их в общественное сознание. Попытка подобной обработки умов и была предпринята в 1830–1840-е гг. под руководством Уварова и возглавляемого им министерства.

В министерстве Уварова окончательно складывается система государственного контроля над развитием просвещения в России. В учебных округах усиливается власть попечителей, под влияние которых попадают не только низшие и средние учебные заведения, но и университеты. Новый университетский устав 1835 г. фактически лишил их прежней автономии. Учебный процесс стал подвергаться более жесткому контролю и регламентации со стороны властей. Особое внимание было уделено частным школам, а также домашним учителям и наставникам, интеграция которых в государственную систему образования приобретала политическое значение.

Правительство, по сути, объявляло себя интеллектуальным руководителем страны. Ему одному были известны все нужды общества в просвещении. Г. Г. Шпет, первым обративший внимание на данный аспект, еще в 1920-х гг. высказал предположение, что настоящая программа Уварова заключалась как раз не в тройственной формуле (она представлялась философу лишь случайной постановкой вопроса «в духе времени»), а в идее, что именно правительство является главным попечителем и вдохновителем интеллектуального развития русского общества [18, с. 248]. Эта идея вполне соотносилась и с представлениями об исторической роли власти в России, активно внедряемыми в историческое сознание русского общества, и стремлением самого Уварова играть роль идейного лидера. Хотя расставлять здесь какие-то приоритеты не стоит. Идеологические построения Уварова и идея о руководящей роли правительства в процессе развития просвещения и, как выражение этого, установление правительственного контроля являются, на самом деле, отдельными, взаимодополняющими друг друга, элементами одной общей программы. И тройственная формула была в этой программе отнюдь не случайной. По замыслу ее создателя она как раз должна была определять вектор дальнейшего развития русского просвещения и в то же время давать вполне четкие ориентиры правительству, контролирующему этот процесс.

Цензурная политика в царствование Николая I совместно с политикой образовательной и воспитательной осуществлялась также в соответствии с общей идеологической стратегией. Во второй четверти XIX в. оформляется новая парадигма социально-экономического, политического и культурного развития государства. Она стала, в свою очередь, основополагающей и в работе цензурного ведомства, определяя творческие возможности авторов.

Цензуру можно также вписать в систему государственного контроля и представить в качестве важного инструмента реализации идеологической про-

граммы, направленной на формирование политической лояльности российского общества. Цензурное ведомство, проводя зачистку печатной сферы, стремились освободить ее от опасной (с точки зрения государственных интересов) для массового сознания информации, подменяя фактами и идеями, создающими порой иной, наиболее приемлемый для власти образ реального мира. Этот процесс был направлен на создание условий, при которых «правительственное мнение» становилось бы определяющим при генерации новых идей, интерпретации в печати фактов и событий, происходящих в окружающем мире.

С. С. Уваров во многом поддерживал такой подход в отношении дальнейшего развития литературы и журналистики в России. Показательно, что еще в 1831 г. тайный советник С. С. Уваров на одном из заседаний Главного управления цензуры высказал мнение о необходимости «усилить надзор цензуры за периодическими изданиями при настоящих обстоятельствах времени, когда происшествия в многих землях Европы и даже в самих пределах Империи обращают на себя внимание и производят столь сильное волнение умов» [14, ф. 831, ед. хр. 2, л. 18].

В своей деятельности в этой сфере министр просвещения руководствовался, по сути, теми же принципами, что и в области образования. Выдвинутый им тезис о руководящей роли правительства в развитии просвещения, а также его реализация не только распространялись на образовательные учреждения, но и во многом определяли и политику правительства в отношении литературы и журналистики. Уваров, указывая на необходимость ужесточения контроля над частными периодическими изданиями, прямо заявлял о том, что «в правах гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять когда хочет» [20, с. 141].

Уваров не мог не осознавать необходимость более осторожного подхода в выборе методов при осуществлении контроля над развитием печати. Открытое ущемление прав литераторов в условиях неуклонного роста их авторитета в обществе могло привести к непредсказуемым последствиям. Ярким примером тому служила общественная реакция на издание «чугунного» устава 1826 г., когда во многом под давлением негодующего русского общества правительство вынужденно было приступить к пересмотру устава и сглаживанию некоторых имевшихся в нем крайностей. В результате в 1828 г. был утвержден новый цензурный устав, более мягкий и либеральный по своему содержанию. В частности, он отрицал право цензуры искать в сочинениях двоякий смысл, а также «входить в разбор справедливости или неосновательности частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим правилам цензуры» [21, с. 317–318]. Как справедливо заметил М. Гиллельсон, «цензурный устав 1828 г., менее стеснительный, нежели предшествующий устав, способствовал возникновению мнения о том, что Николай I намерен насаждать просвещение» [22, с. 120].

Однако общественные ожидания не оправдались и на этот раз. Впоследствии устав неоднократно дополнялся многочисленными негласными предписаниями и циркулярными предложениями, которые часто противоречили параграфам основного нормативного документа. Это привело к тому, что русское общество, в большинстве своем благосклонно принявшее издание нового устава, в конечном итоге постигло разочарование. А. В. Никитенко уже в декабре 1830 г. отмечает в своем дневнике, что «цензурный устав совсем ниспровержен» [20, с. 95]. С. Н. Глинка, так же как и Никитенко служивший цензором, впоследствии с горечью вспоминал: «Со времени существования цензуры никогда не было такого свободного, такого льготного устава для мысли человеческой, каким казался устав 1828 года. С горестию повторяю: казался (курсив наш. – С. У.)» [23, с. 351].

И все же политика Уварова в области цензуры отличалась стремлением с его стороны найти некий компромисс во взаимоотношениях власти и общества. Жесткий контроль над выражением общественного мнения через печатную продукцию, а часто и искусственное торможение этого процесса являлись достаточно эффективным оружием, но не должны были быть, по мнению министра просвещения, единственным способом сохранить стабильное и спокойное существование государства. Поэтому, указывая цензорам на необходимость основываться при исполнении своих обязанностей на уставе, а также дополнительных, исходящих от правительства распоряжениях, Уваров, вместе с тем, требовал от них действовать так, «чтобы публика не имела повода заключать, будто правительство угнетает просвещение» [20, с. 130].

Уваров понимал истинное значение, какое приобретало развитие частной периодической печати при формировании общественного мнения. В связи с этим хотелось бы отметить, что не совсем верно оценивает взгляды на цензуру Уварова современный исследователь Г. В. Жирков. Помимо конкретно-исторических условий их складывания, более приоритетное место автор отводит личным карьерным побуждениям министра просвещения. В результате одной из главных проблем в николаевское царствование, по его мнению, «было недопонимание того, что происходит развитие информационной службы общества, периодики, журналистики в том числе» [20, с. 189]. Между тем анализ источников убедительно доказывает обратное. Если заключение, сделанное Жирковым, можно в какой-то мере применить к самому Николаю I и его ближайшему окружению, то в отношении Уварова необходимы некоторые уточнения. Министр просвещения прекрасно видел и понимал многое из того, что происходило в России, в том числе и в области печати. Именно осознание важности этих процессов Уваровым и некоторое недопонимание другими членами правительства создавали ситуации, не всегда выгодные для министра просвещения и приведшие в конечном итоге к его отставке в 1849 г.

Еще в 1832 г., подавая императору отчет о ревизии Московского университета, он акцентировал внимание на этом вопросе. «Вообще, имея при сем слу-

чае непосредственное сношение с сими лицами (издателями и журналистами. – С. У.), – писал будущий министр просвещения, – убедился я в том, что можно постепенно дать периодической литературе, сделавшейся ныне столь уважительною и столь опасною, направление, сходственное с видами правительства; а сие, по моему мнению, несравненно лучше всякого вынужденного запрещения издавать листки, имеющие большое число приверженцев и с жадностью читаемые особенно в средних и даже низших классах общества» [1, стб. 515].

Таким образом, Уваров выделял два основных аспекта, на которые правительство, по его мнению, должно было обращать внимание, координируя свои действия в печатной среде. С одной стороны, пресечение любых возможностей проникновения в печать вредных идей, противоречащих правительственному мнению, а с другой – привлечение на свою сторону наибольшего числа писателей и журналистов и превращение, тем самым, их в верных союзников власти и популяризаторов государственной идеологии. При этом министр просвещения, как видно из его собственных слов, предпочтение отдавал последнему пункту. То есть процесс формирования политической лояльности необходимо было начинать с самой литературы. Использование только официальных каналов для проведения «правительственного мнения» было явно недостаточно для того, чтобы овладеть массовым сознанием. В то же время авторитетная в обществе и лояльная к власти литература могла быть гораздо эффективнее в решении поставленных задач, чем литература, просто задавленная цензурными ограничениями, не имеющая доступа к самостоятельной рефлексии.

Периодическая печать и литература принимали активное участие в трансляции политической концепции власти. Вторую четверть XIX в. можно назвать периодом расцвета официальных изданий. Одним из главных проводников официальной идеологии в данном случае выступал «Журнал министерства народного просвещения», где публиковались статьи известных российских ученых, ежегодные отчеты министра просвещения, известия из области просвещения. Приветствовались также министром и частные издания, содержание которых соответствовало правительственному курсу. В частности, Уваров покровительствовал журналу «Москвитянин», издававшемуся М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым.

Доктрина Уварова, конечно, не стала единственной парадигмой в решении проблем, связанных с историческим развитием Российского государства. Однако нужно признать, что многие журналисты и писатели, публикующие свои работы в «Москвитянине», «Северной пчеле» и других изданиях, решали этот вопрос, опираясь, прежде всего, на основные положения государственной идеологической доктрины. Способствовали ее развитию и такие общественные деятели, как А. А. Краевский, Н. И. Надеждин, В. П. Андросов, В. Ф. Одоевский и др. Во многом в рамках государственной идеологии определял свою позицию и В. Г. Белинский в период своего примирения с действительностью.

В целом можно сказать, что триада Уварова «православие, самодержавие, народность» появилась в благоприятный для себя момент развития общественной мысли. В 1830-е гг. внутренние противоречия с официальной трактовкой народности и самодержавия, которые могли возникнуть при критическом ее осмыслении, еще не достигли своей определенности. Образ просвещенного монарха, отстаивающего идею народности на пути дальнейшей модернизации России, вполне вписывался в идеологию зарождающегося либерализма и последовательного консерватизма. Знаменитая триада должна была стать идеологическим обоснованием николаевской политической системы. Но эта система в конечном итоге сама деформировала ее восприятие обществом. Сталкиваясь с социально-политической реальностью, уваровская идеология все больше приобретала в общественном сознании отрицательные коннотации.

Самодержавие, эксплицируемое через народность, в официальной версии представляло собой самобытный вариант абсолютистского строя, стержневой основой которого становилась сакральная связь между народом и управляющим им царем. По мнению В. М. Живова, в государственной идеологии «народность была концептом неопределенным и неопределимым по преимуществу. Интерпретации могли колебаться от простой констатации врожденной приверженности россиян к своему царю или монархическому принципу до утверждения, что цари русские правили и правят в глубинном соответствии с национальным духом» [24, с. 247]. При этом самодержавная власть представлялась как средоточие порядка с одной стороны и главная движущая сила прогресса с другой. Здесь необходимо подчеркнуть, что консерватизм того времени как общественный, так и правительственный нельзя априори связывать с антиреформизмом. Необходимость дальнейшей модернизации России как важного фактора ее развития признавалась и теми и другими. Вопрос заключался лишь в ее масштабах и генеральном направлении. Идея просвещения и здесь оставалась доминирующим, базовым принципом культурной и социально-экономической модернизации. Самодержавие как главный хранитель национальных традиций на пути к прогрессу должно было определить его направление и содержание. Такая трактовка оказывалась близка широким общественным кругам в условиях отторжения радикальных методов декабризма и создания образа Николая I как просвещенного монарха, действующего в соответствии с национальным духом. Неоднократно в связи с этим подчеркивался центробежный характер развития просвещения в России. В этом контексте самодержавие, действительно, рассматривалось как главный инициатор движения вперед, как главная созидательная сила в процессе исторического развития России. В середине 1830-х гг. А. С. Пушкин пишет о том, что «со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно» [19, с. 47]. Подобные высказывания отнюдь не были единичными. П. Я. Чаадаев в письме Ни-

колаю I, предлагая свои услуги на поприще просвещения (взамен уже предложенной ему службы в министерстве финансов), также подчеркивал, что «какой-либо прогресс возможен для нас лишь при условии совершенного подчинения чувств и взглядов подданных чувствам и взглядам монарха» [25, с. 84]. Это, в свою очередь, вполне соответствовало правительственным установкам, декларируемым Уваровым.

Но крылись здесь и свои противоречия, которые в дальнейшем обусловили и увеличивающиеся расхождения. Интеллектуальная элита, изначально поддерживая власть, стремилась все-таки к созданию двусторонней модели отношений власти и общества. Отсюда стремление многих литературных и общественных деятелей к сотрудничеству с самодержавием, в том числе и со стороны «пушкинского круга». В начале 1830-х гг. на имя Николая I и в Министерство просвещения неоднократно поступали предложения об издании журналов, целью которых было формирование политической лояльности русского общества. Правительство должно было выступать с реформаторскими инициативами, зная настоящие потребности общества, и в условиях, когда общество адекватно воспринимает эти инициативы. «Журнал политический, административный, литературный, образовательный по всем частям, входящим в состав истинной государственной образованности, писал П. А. Вяземский, был бы у нас важное и полезное явление. Составление его должно быть правительственною мерою, вверенною исполнению людей с дарованием, с благородством в мыслях, в чувствах, имени чистого, чести несомнительной. В сей журнал входили бы все виды правительства до обличения их в закон. Сей журнал был бы не только отголоском, но и указателем правительства. Он приучал бы умы к умеренному и полезному исследованию запросов, возбуждающих участие каждого русского как современника европейских событий и гражданина России. Ныне русские поставлены между извержениями огнедышащих мнений иноплеменных, между волканической литературою французскою и замерзлым прудом русской литературы. Нам нужно непременно иметь теплые ключи целительной, живой, воды для избежания невыгод, следующих за двумя крайностями» [22, с. 128].

Политическая система, создаваемая Николаем I, наоборот, была основана на принципе односторонности, что превращало ее в самодостаточную силу, не нуждающуюся в поддержке общественного мнения. Одновременно с этим затягивался процесс адаптации общественного сознания к возможным реформам путем внедрения в него государственной идеологии. Политика Николая I становилась все более охранительной, реформаторский потенциал, который видели в нем изначально, за некоторыми исключениями, так и не раскрылся в полном объеме. Блистательная эпоха, представляемая официальной пропагандой, все больше превращалась в эпоху застоя.

Уваровская формула осталась в конечном итоге декларацией, по сути, ничем не подкрепленной. В этом и заключалась ее главная слабость как идеоло-

гии. Со стороны власти она все больше превращалась в инструмент жесткой, ограничительной политики. В результате постепенно усиливалось разочарование, и прогрессивно мыслящая часть общества окончательно разошлась с официальной версией в понимании «народности» и роли самодержавия в историческом развитии России. К концу 1830-х гг., когда многие общественные и литературные деятели отошли от абстрактных философских увлечений и приступили к обсуждению конкретных вопросов, затрагивающих в том числе и разные традиции социально-политического развития, блуждающая в поисках ориентиров общественная мысль разделилась и разошлась в двух направлениях: западническом и славянофильском. Следует также отметить, что во второй половине 1840-х гг. в противоречие со сложившейся системой вступают люди, которые уже в своих ранних размышлениях, заблуждениях и идейных поисках не только были потенциально готовы к оппозиции, но и изначально стояли на твердых позициях монархизма, веря в просветительский потенциал русского самодержавия. В дневнике за 1847 г. В. А. Жуковский делает вполне характерную запись: «Меры нашего правительства клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр нам отворил в Европу... нас хотят насильно заставить любить Россию, бояться заразы либеральных мнений (которые теперь всюду более или менее перекипели), бояться того действия, которое на русских производит сравнение России с Европою. Но средство фальшиво и, можно сказать, противоречащее предназначенной цели. То же, что нетерпимость...» [26, с. 300–301].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1875. – Т. 2. – Отд. 1.
2. Шевченко М. М. Конец одного Величия / М. М. Шевченко. – М., 2003.
3. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. – СПб., 2002.
4. Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения / С. С. Уваров // Река времен. Книга истории и культуры. – М., 1995. – Кн. 1.
5. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Л. Зорин. – М., 2004.
6. Минаков А. Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж, 2011.
7. Живов В. М. Чувствительный национализм : Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности / В. М. Живов // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 3 (91).
8. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. – М., 1991.
9. Остафьевский архив кн. Вяземских. – СПб., 1899. – Т. 1.

10. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века / Н. И. Мордовченко. – М. ; Л., 1959.

11. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. / И. В. Киреевский, П. В. Киреевский. – Калуга, 2006. – Т. 1.

12. Миллер А. И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное : трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) / А. И. Миллер // Imperium inter pares : роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). – М., 2010.

13. Погодин М. П. Историческое похвальное слово Карамзину / М. П. Погодин // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006.

14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 291. – Ед. хр. 54.

15. Соловьев Э. Г. У истоков российского консерватизма / Э. Г. Соловьев // Полис. – 1997. – № 3.

16. [Уваров С. С.] Общий отчет, представленный его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1837 г. / С. С. Уваров // Журнал министерства народного просвещения. – 1838. – Ч. 18, № 4.

17. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 гг. – СПб., 1864.

18. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Шпет Г. Г. Соч. – М., 1989.

19. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М., 1937–1959. – Т. 11.

20. Никитенко А. В. Дневник / А. В. Никитенко. – Л., 1955. – Т. 1.

21. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре (1720–1862). – СПб., 1862.

22. Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П. А. Вяземского и И. В. Киреевского / М. Гиллельсон // Русская литература. – 1966. – № 4.

23. Глинка С. Н. Записки / С. Н. Глинка. – СПб., 1895.

24. Живов В. М. О превратностях истории или незавершенности исторических парадигм / В. М. Живов // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11) : Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. – М. : ОГИ, 1999.

25. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма / П. Я. Чаадаев. – М., 1991. – Т. 2.

26. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. : в 20 т. / В. А. Жуковский. – М., 2004. – Т. 14 : Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847.

*Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского*

Удалов С. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России и археологии
и методики преподавания истории

E-mail: grot-saratov@mail.ru

*Saratov State University named
after N. G. Chernyshevsky*

Udalov S. V., Candidate of Historical
Sciences, Associate Professor of the Russian
History and Archeology Department

E-mail: grot-saratov@mail.ru

**СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В ЕГО РАЗВИТИИ:
опыт реконструкции исторической логики***

А. А. Тесля

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

Поступила в редакцию 15 мая 2015 г.

Аннотация: анализируется историческая логика развития славянофильства, особое внимание уделяется поздним (с 1860-х гг.) этапам существования славянофильского направления. Реконструкция истории славянофильства осуществляется с позиций социальной интеллектуальной истории, что позволяет отчетливо выделить основания расхождения с доктриной официальной народности и взглядами «Москвитянина».

Ключевые слова: национализм, славянофильство, нациестроительство.

Abstract: analyzes the historical logic of the Slavophiles; special attention is paid late (from 1860) stages of the Slavophiles. Reconstruction of the history of Slavophiles carried out from the perspective of social intellectual history. This allows you to clearly highlight the differences with the base of the doctrine of official nationalism and views «Moskvityanin».

Key words: nationalism, slavjanofilstvo, slavophiles, nation building.

Возникновение «славянофильства» как направления можно датировать достаточно точно, однако вопрос о том, где пролегает финальная грань его истории, не только многократно дебатировался, но и вряд ли может получить окончательное разрешение, которое устроит представителей основных точек зрения, поскольку различия в определении исторического завершения славянофильства непосредственно зависят от того, что понимается как основное содержание данного понятия, а равно и от дисциплинарных рамок рассмотрения: истории философии, истории общественной мысли или истории общественных движений. В данном случае, избирая форму эссе (и тем самым избегая какой-либо окончательности выводов), предлагается попытка реконструкции исторической логики развития славянофильства, понимаемого как один из альтернативных проектов нациестроительства и, соответственно, как общественной группы, стремящейся данный проект реализовать [1].

---

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма : между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

© Тесля А. А., 2015

«Славянофилов», не говоря уже о «славянофильстве» хоронили неоднократно. Собственно, это закономерно – появление данного термина в его привычном для нас значении (введенным Белинским в начале 1840-х гг.) призвано было: 1) соединить вместе тех интеллектуалов, которые не принадлежали к «официозу» и в то же время оказывались в противостоянии устремлениям «круга Белинского»; 2) обозначить «отживший», «архаичный» характер данного интеллектуального течения (через заимствование названия, ранее присвоенного «шишковистам»). Тем самым в эту общность попали и С. П. Шевырев, и М. П. Погодин, и А. С. Хомяков с братьями Киреевскими – всем им было свойственно противопоставление «России» «Западу», утверждение наличия особых «русских» начал, проявлением которых и одновременно доказательством самого факта наличия оных выступало своеобразие русского исторического процесса, особых форм государственного и общественного устройства [2, с. 17–33].

Данные тезисы трактовались оппонентами как нацеленные на разрыв единства исторического процесса, утверждение «самобытности» – стоит отметить, что в рамках господствующей логики того времени данная критика была весьма болезненна и несправедлива, поскольку «великая цепь бытия» (распространяющаяся и на исторический процесс) выступала универсально-признанной, претендующей на самоочевидность истиной: утверждение «самобытности» в этом ключе перетолковывалось как синоним «азиатской отсталости», т.е. выпадения из истории, а поскольку прошлой, иной истории за Россией не было, то следствием этого тезиса становилось отнесение русских к числу «народов неисторических», положение еще худшее в сравнении с «азиатским», поскольку для Индии или Китая «история остановилась», они выпали из истории, замерев в пустом повторении некогда бывших историческими форм существования, теперь ставшими природными, тогда как для России это означало бы небытие в качестве народа исторического ни в один из моментов истории.

Иными словами, критика, адресованная всей этой общности, обозначаемой Белинским как «славянофилы», означала тождественность по следствиям принятия негативной составляющей историософии П. Я. Чаадаева – способности пребывать в истории лишь в качестве «объекта». Данный тезис имел силу в той мере, в какой опирался на непризнание убедительности ключевых контраргументов, а именно: наличия самостоятельного, особого исторического содержания – особой «идеи», имеющей всемирно-историческое значение. То есть спор шел о том, как именно России возможно «войти в истории» или осознать себя в ней. Следует отметить, что для С. П. Шевырева или для М. П. Погодина в целом данная проблема особенной остроты не имела, поскольку аргументом здесь становилось для них фактическое положение вещей, в первую очередь апелляция к имперской мощи и общемировому (практически тождественному европейскому) значению Российской империи, непрерывно возрастающему с

начала XVIII в. и достигшему апогея после победы над наполеоновской коалицией. Внешнеполитическое могущество оказывалось достаточным аргументом для доказательства исторической значимости, подкрепляемой простираваемой прямолинейной проекцией в будущее, а мощь Империи должна была конвертироваться и во внутреннее благосостояние.

Тем самым они не давали никакого ответа на вызов, брошенный «Философическим письмом» Чаадаева, поскольку если для них обоснованием места и значения России в мировой истории была Империя, факт построения могущественного (уникального) политического целого, то для Чаадаева масштаб и сила Империи выступали в качестве бессмысленного факта, голый фактичности – тем, в чем отсутствует «идея». Иной вопрос, что уже для самого Чаадаева данная «фактичность» выступала как загадка – невозможность простого бытия подобного политического образования без предназначенности к чему-либо, какой-либо идеи, для осуществления которой оно вызвано к жизни Провидением. То есть если для Чаадаева «фактичность» Российской империи выступала загадкой или скорее тайной, на которую он надеялся дать ответ (в этом плане между «Философическими письмами» и «Апологией сумасшедшего» действительно отсутствует противоречие), то для Шевырева и Погодина это и был уже сам по себе ответ.

Напротив, западничество давало ответ именно на вопрос, поставленный Чаадаевым, но при этом начисто устраняя его метаисторическое содержание, т.е. переводя его из религиозной логики в логику культуры: Россия, тождественная Российской империи, входила в мировую историю как часть «европейского мира», принимая его в качестве последней точки исторического процесса. Если ей и было суждено сказать «свое слово»¹, то именно в рамках существующего языка – стать более или менее успешным вариантом в рамках «западного» инварианта, который выступал в качестве синонима «современности». При этом «западничество» не имело фундаментальных противоречий наличным порядком – расхождение наличествовало в рамках осмысления перспектив развития Империи, тогда как сам имперский порядок выступал в качестве универсального. В политической оптике право на власть определялось знанием, соответственно возможная претензия по отношению к существующей власти формулировалась как «отсталость», «непросвещенность» правления, а надлежащая власть выступала единством «знания–власти»². Политическое действие выступает как направленное на гомогенизацию империи, формирование единого пространства власти, чем, в частности, определяются резкие суждения Белинского в адрес украинского языка, совер-

---

¹ Следует отметить, что большинство «западников» в 1840-х гг. полагали, что решающая, первенствующая роль России – в ее возможности в перспективе стать во главе «западного мира», вместе с Америкой, например в духе популярных рассуждений А. де Токвиля или предшествующих ему аналогичных размышлений И. В. Киреевского.

² Здесь из хрестоматийного легко припомнить более раннее суждение А. С. Пушкина о правительстве как «единственном европейце».

шенно аналогичные более поздней позиции Чернышевского по отношению к галичанам («Национальная бестактность»): и в том и в другом случае речь не о предпочтении русского или немецкого языка, а о предпочтении единого языка империи – тогда как всякое внутреннее различие рассматривается как способное предстать угрозой имперскому единству: в идеале империя должна стать абсолютно гомогенной – один язык, одна культура, одно право и т.д., т.е. абсолютно рациональной. Понятно, что подобный идеал наталкивается в своей реализации на фактические ограничители, но они оказываются именно ограничителями в рамках самой реальности – отсюда, например, вытекает двойственность по отношению к остзейским порядкам: с одной стороны, Остзейские губернии выступают наиболее европеизированной частью империи и поэтому заслуживают всяческой защиты и поощрения, а с другой – они же нарушают ее внутреннее единство, внося неконтролируемое разнообразие. Соответственно, теперь уже в рамках политической оптики определяется разница между Шевыревым и Погодиным и «западниками»: для первых, в особенности для Погодина, абсолютная власть выступала как абсолютный уравниватель, т.е. трактовка царской власти оказывалась цезаристской: монарх потому и должен быть абсолютен, чтобы перед ним все были равны (и тем самым самодержавие рассматривается как защита от власти аристократии). Для «западничества» в его как оппозиционной ипостаси, так и провластной монарх обязан быть «просвещенным», прислушиваться, а в идеале – следовать голосу «образованного общества», поскольку именно оно представляет «знание», задачей же «образованного общества» выступает не самостоятельное действие, а «вразумление власти».

Официальная идеология второй половины 1820 – 1830-х гг. оказывается в достаточно сложном положении, облегчаемом, впрочем, рядом факторов, в первую очередь отсутствием необходимости гомогенной идеологии для империи в целом, поскольку Российская империя в то время представляла собой достаточно архаичную конфессионально-сословную аграрную империю, в составе которой разные группы слабо контактировали между собой, выстраивая отношения в первую очередь с имперским центром, соответственно имеющим возможность с каждой из этих групп устанавливать свой особый порядок взаимодействия. Поэтому, например, «уваровская триада», претендовавшая на определение имперской идеологии, оказалась далека от универсальности, обращенная лишь к «имперскому ядру»: в 1830-х гг. не было проблемы в ее распространении на мусульманские регионы Поволжья или на Остзейские губернии, где действовали свои режимы легитимации власти и идеологического обоснования. До тех пор пока разные группы оставались дифференцированными в порядке управления и его обоснования, проблема универсальной идеологии была не актуальной – и так продолжалось до 1850-х – начала 1860-х гг.

Императорская власть, на протяжении XVIII – начала XIX в. опиравшаяся на ресурсы «просвещенного правления», с 1820-х гг. была во все возраста-

ющем конфликте с «современностью», нуждаясь в ресурсе, способном оправдать ее несоответствие порядкам, воспринимаемым как требования разума. Ответ оказывается двойственным:

– во-первых, это обоснование от «старого режима», т.е. Российская империя выступает воплощением «европейскости» как «старого порядка», воплощая принципы «полицейского государства» (в смысле Юсти и его последователей), т.е. просвещенного правления и попечения об общем благе;

– во-вторых, в рамках логики романтической реакции идеологическое обоснование режим получает как специфически присущее данному месту и данному сообществу, выражение «народного духа», что и фиксируется в уваровской триаде.

Движение в рамках данной логики можно отметить, например, уже в манифесте от 13 июля 1826 г., сопровождавшем исполнение приговора участникам декабрьского мятежа, в котором М. М. Сперанский настаивал, что «не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел», равно как в официальном описании «происшествия 14 декабря 1825 года» Д. Н. Блудов настаивал, что «всяк <...> с благодарностию к Промыслу признает, что в сем случае много и утешительного, что оный есть не иное что, как минутное испытание, которое будет служить лишь к ознаменованию истинного характера нации: непоколебимой верности величайшей без всякого сравнения части войск и обще преданности русских августейшему их законному монарху» [3, с. 21], т.е. где из «характера нации» (последующей «народности») выводится, подобно последующей формулировке Уварова, «самодержавие» – и остается лишь добавить «православие» как «народную» веру, чтобы образовать позднейшую кольцевую структуру.

«Народность», как неоднократно отмечал в своих работах А. И. Миллер [4], служила заменой «нации», означавшей в лексике 1810 – 1820-х гг. преимущественно «гражданскую нацию»: в отличие от «нации» «народность» не имела свойства политической субъектности и была наделена лишь двумя качествами, а именно: «русской народности» была свойственна православная вера и приверженность самодержавному правлению.

Славянофильство, формирующееся в период с 1839 до середины 1840-х гг., принимает вызовы времени и выступает в качестве радикального ответа, противостоящего всем ранее названным – принципиально сближаясь в постановке вопроса (но не в ответе, разумеется) с Чаадаевым. Как и для него, для славянофилов речь идет не только об общей романтической логике исторического процесса (в рамках которой универсальное раскрывается непременно через индивидуальное, своеобразное – в то время как «общее» себе предстает уже только «мертвой формой», что может быть возвращено к жизни лишь через конкретное усвоение, индивидуализацию), но и о религиозном смысле исторического процесса. При этом славянофильский ответ по своей масштабности соразмерен чаадаевскому пафосу – «славянский мир» (практи-

чески тождественный в данном случае России) призван сказать новое слово в мировой истории, стать после мира романо-германского – при этом слово это заключается в истине христианства, православия – не только истине учения, но и истине христианского идеала общества.

Христианский идеал общественного устройства составляет существенное содержание русской жизни – те самые известные начала «мира», «соборности», которые вскоре станут общеизвестными признаками славянофильского учения. Речь здесь не идет о том, что социальная реальность Российской империи соответствует этому идеалу (или когда-либо соответствовала в предшествующей русской истории), но в наличии этого идеала в жизни, т.е. сколько бы реалии жизни от него не уклонялись, они осознаются именно как нарушение, отступление от идеала, не возводятся в норму.

В отличие от Погодина и Шевырева государство воспринимается лишь как форма жизни общества, ценность его определяется тем, что оно хранит и защищает содержание, а не как благо само по себе. Гораздо более важно то обстоятельство, что в рамках славянофильства Россия принципиально не тождественна с Российской империей – основанием последней, ее ядром оказывается Русское царство, Всероссийский император – в первую очередь есть Русский царь – и империя существует в рамках нужд и потребностей этого царства. Отметим, что из этого следуют позиции, занятые славянофилами по польскому вопросу в 1863 г. – при больших разногласиях в их рядах основным оставался принцип дебатов: необходимость/полезность для России сохранения в составе империи Царства Польского и если нет возможности отделения последнего, то каким наилучшим (вновь для России) образом установить порядок существования Царства Польского в рамках Российской империи.

К концу 1840-х гг. К. С. Аксаков сформулирует доктрину «Земли» и «Государства» как двух начал, выведя ее из учения о безгосударственном характере русского народа – в силу последнего русский народ не стремится к власти, тяготеет к ней, передоверяя государство внешнему началу (призвание варягов) ради «свободы Земли». Власть принадлежит «Государству», «Земле» же принадлежит «свобода слова», «свобода мнения» – ради охранения этой внутренней свободы от соблазна свободы внешней (политической) и происходит отречение от государственной власти, чуждость которой умеряется самодержавным принципом, трактуемым как привнесение личного, нравственного начала во власть – умерение справедливости (права) милосердием (нравственностью). При всей внешней аполитичности обратим внимание на то обстоятельство, что аполитичность здесь достигается за счет крайне суженного толкования «политического»: само вече, например, в древнерусской истории толкуется как «Земля», реализация ее свободы, равно как в дальнейшем реализацией этого начала представляются Земские соборы. Статичность этой схемы будет преодолена в начале 1860-х гг., когда Ю. Ф. Самарин и И. С. Аксаков модифицируют ее в триадическую, введя в качестве нового элемента «Общество», вы-

ступающее как орган «самосознания Земли». То есть если «Земля» выступала началом «хранительным» (в первую очередь несущей в себе идеал христианского общежития), то на уровне «Общества» происходит самосознание этих начал и применение их к конкретной ситуации. При этом «Общество» выступает уже как политический субъект – в качестве организованного целого и способного вступать в диалог и взаимодействие с «Государством».

В рамках этой схемы получает переинтерпретацию и русская история, где славянофилы стремятся выстроить баланс государственных и земских начал. Если трактовка исторического процесса до монгольского нашествия мало отличается от Погодина, с заимствованным от него призыванием варягов как центрального смыслового момента, «начала» русской истории, выражающей ее своеобразие, то история поднимающейся Москвы интерпретируется как осознание – после удельных времен и татарской неволи – ценности Государства, готовности Земли жертвовать многим ради его становления и укрепления. Петровский переворот и последующая эпоха понимаются как исторически оправданный процесс, усиление Государства и принятие им на себя функций, с которыми оказалась не способна справиться Земля ради выживания в новых условиях, при этом подчеркивается, что Россия – единственная славянская страна, которой удалось сохранить свою государственность. Петровская эпоха породила образованные слои – сначала за счет государственного аппарата, а затем и в числе лиц образованных, уже имеющих возможность не служить – тем самым Государство по мере своего развития создало условия для формирования Общества. То чрезмерное разрастание государственности, которое было свойственно предшествующим полутора столетиям, утратило свое оправдание: возникли силы (Общество), способные вновь взять на себя эти задачи. Для Государства все настоятельнее возникала необходимость передать эти задачи обществу, поскольку оно как начало «внешнее» может быть уподоблено «коре» дерева: защищая его от внешних воздействий, оно в случае болезни способно чрезмерно разрастаться и душить дерево, задерживая течение его внутренних соков. Не встречая внешнего упора, вынужденное действовать не только в рамках своих, соответствующих своей природе задач, но и беря на себя задачи Земли, Государство неизбежно «мертвит» всё, к чему прикасается, всё облекает в форму, т.е. во внешнее и чуждое. Сыграв хранительную роль, сформировав силы, способные стать Обществом, оно выполнило свою задачу Петровского периода – и теперь жизнь Земли должна обустроиваться уже своими собственными, Общественными силами, обладающими самосознанием народных начал (и способных не только в соответствии с этим обустроить жизнь Земли, но и донести эти начала до Государства, изменить его в соответствии с ними, в меру их сознания).

В приведенной схеме отчетливо видна не только прививка германской философии – с явными отзвуками гегелевской философии права, – но и тео-

ретическое выражение программы реформ, на осуществление которых возникли надежды с начала царствования Александра II. В 1850-е гг. славянофильство приобретает свою классическую форму, выступая как российская разновидность романтического нациестроительства, наполняя понятие «народность» национальным содержанием, т.е. характеристиками политического субъекта, при этом в качестве важнейшего критерия национальной идентичности выдвигая конфессиональную принадлежность (по формулировке И. Аксакова: «русский – значит православный»), аналогично, например, балканским движениям, предполагая переключение конфессиональной идентичности в национальную, в рамках синхронного движения «вторичной христианизации» (перехода от коллективной религиозности к индивидуальной) и формирования множественных форм модерной православной религиозности. Тем самым потенциальная «русская нация», мыслимая в рамках славянофильского проекта, оказывается одним из вариантов «большой русской нации» (включающей велико-, мало- и белоруссов), а поскольку всякая идентичность выстраивается как негативная и позитивная, то основной негативной идентичностью выступает размежевание с поляками на основе именно религиозного критерия.

Религиозная и выстраиваемая на ее основе (и во многом параллельно с ней) национальная идентичность призваны обеспечить общественное единство – где принадлежность к единой нации позволяет преодолевать прежние межсословные разграничения, которые требуют устранения – откуда не только вытекает значимость для славянофильства отмены крепостного права, но и объясняет логику последующего требования (1861 г.) И. Аксакова ликвидации сословий и неперемногого элемента почти всех славянофильских проектов общественных преобразований вплоть до начала XX в. – приходской реформы и стремления положить приходскую общину в основу социально-территориальной организации (одновременно предполагая упрочение связки конфессионального и национального, подспудно включая исключение из общественной жизни или ограничение прав иноверцев³).

В рамках данной перспективы определяется и отношение к самодержавию. По известной формулировке И. С. Аксакова, «самодержавие не есть религиозная истина», но, как писал Ю. Ф. Самарин в 1861–1862 гг. (текст был опубликован только в 1881 г.), «всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время в России мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа» [5, с. 96], поскольку это означало бы фактически ограничение власти самодержца в пользу немногих. Самодержавие выступа-

³ Уже в обстановке начала XX в. эти проекты вызовут критику со стороны Ф. Д. Самарина в изменившихся условиях – когда он увидит в них угрозу разрушения приходской жизни там, где она есть, и препятствие ее возникновения и упрочения там, где она слаба или почти отсутствует, если приход станет административной единицей и соответственно в приходскую жизнь начнут стремиться включиться те, кто далек от церкви.

ло для славянофилов не как единственно истинная форма правления, а как лучшая в данных условиях и в данный момент времени, для которой требуется скорее стать «истинным самодержавием», обрести для своей полноты Земский собор, а в ситуации начала 1860-х гг. и это представлялось избыточным. Самарин заключал: «Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман. Довольно с нас лжепрогресса, лжепросвещения, лжекультуры; не дай нам Бог дожить до лже-свободы и лжеконституции» [5, с. 98].

Внешнеполитические аспекты славянофильства оказываются тесно увязаны с национальным проектом по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, в рамках общей логики исторического процесса, господствующей в 1830–1840-х гг., действующими лицами всемирной истории выступают «народы»: «романцы», «германцы», «славяне», в числе которых уже выделяются «племена» или «народности»: как, например, Погодин выделяет в числе славянского народа чехов, поляков, малороссов, великороссов однопорядково. Именно эти народы являются носителями «исторических идей», тогда как через отдельные племена выявляются разные аспекты «идеи», присущей народу. Россия в этом смысле – привилегированный, первенствующий член славянства, но к раскрытию всемирно-исторической идеи мыслится призванным (вслед, например, за Гердером) славянством в целом. В практическом плане такое понимание позволяет соединить внешнеполитическую программу имперской экспансии и национальный проект, более того, нация может состояться лишь через «испытание», решающее событие, нация сплачивается кровью и большой идеей – и в качестве таковой становится «славянское дело», опирающееся на идею славянской взаимности (и позволяющее одновременно оказаться потенциально полезным союзником в глазах имперской власти в рамках традиционного балканского направления внешней политики). Показательно, что в ситуации балканского кризиса 1876–1877 гг. и войны 1877–1878 гг. И. С. Аксакова, по крайней мере, не меньше внешней политики волнует ее влияние на политику внутреннюю – война мыслится как средство мобилизации и сплочения общества, событие, важнейшее для конституирования нации, и плачевные результаты Берлинского конгресса интерпретируются им не с точки зрения конкретных территориальных потерь и т.п., а как результат неспособности соответствовать национальной идее, реакция общества – как свидетельство его незрелости.

Если «классическая» стадия развития славянофильского учения приходится на 1850-е гг., то конец 1850 – начало 1860-х гг. оказывается переломным этапом, кризисом, который славянофильство так и не смогло преодолеть. Для объяснения этого феномена, на наш взгляд, чисто интеллектуальные факторы оказываются совершенно недостаточными – и даже смерть

трех виднейших фигур славянофильства⁴ не объясняет, почему славянофилы не смогли оправиться от этих утрат, поскольку в живых остались такие видные и активные деятели, как Ю. Ф. Самарин (ум. в 1876 г.), А. И. Кошелев (ум. в 1883 г.), И. С. Аксаков (ум. в 1886 г.), а также близкие к славянофильству фигуры, как В. А. Черкасский (ум. в 1878 г.), Н. П. Гиляров-Платонов (ум. в 1887 г.) и др.

Тем не менее рубеж 1850 – 1860-х гг. выступает явным водоразделом, для объяснения которого необходимо обращение к анализу устройства славянофильского круга. Он выстраивался на основе семейных, родственных, соседских связей, т.е. идейная общность надстраивалась над иными – в отличие от «западников», которые одними из первых выстроили объединение на идейной основе, вокруг журнала. Примечательно, что славянофилы осознавали данную проблему – еще во второй половине 1840-х гг. молодой И. Аксаков писал родным о необходимости журнала как основы для объединения и распространения славянофильских идей, предпринимались попытки издания журнала в 1845 г. (три первых номера «Москвитянина» за этот год вышли под редакцией И. В. Киреевского), в 1852 г. И. Аксаков пытался превратить «Московский сборник» *de facto* в периодическое издание [6], с 1856 по 1860 г. с разной периодичностью выходил издаваемый А. И. Кошелевым журнал «Русская беседа» и др. Но все эти попытки, независимо от их общественного резонанса, не привели к изменению структуры славянофильского круга – сочувствующие, интересующиеся и другие не включались в него, оставаясь во внешней периферии [7]. Если система личных связей обеспечивала славянофилам влияние, нередко несопоставимое с их численностью (так, можно вспомнить значение связей на половине императрицы Марии Александровны, значение поддержки женской части двора для цензурной истории славянофильских изданий или ее роль в обстановке Балканского кризиса 1876–1877 гг. и последующей Русско-турецкой войны), то она же оказывалась решающим препятствием для рекрутинга новых членов данного круга – примером здесь могут служить основные представители позднего славянофильства конца XIX – начала XX в., из которых Д. А. Хомяков или Ф. Д. Самарин были детьми первого поколения славянофилов, а генерал А. А. Киреев приходился соседом Хомяковых по имению. То есть прежний, сложившийся круг практически не может быть пополнен новыми лицами (чему препятствует еще и распад в силу происходящих исторических изменений самой среды – среднего московского дворянства) – и физическая смерть оказывается практически невозможной за счет приходящих на их место других участников. Смерть лидеров славянофильства – в

---

⁴ В 1856 г. скончался И. Киреевский, а следом, в тот же год, и его брат – Петр; в 1860 г. умерли А. С. Хомяков и К. С. Аксаков, годом ранее скончался не принимавший активного участия в разработке славянофильского учения, но лично весьма значимый для всех славянофилов, а также обладающий большим авторитетом в обществе С. Т. Аксаков.

первую очередь Хомякова – тем самым означает распад самого круга, теперь не имеющего фигуры с достаточным авторитетом среди остальных участников, а единственный, обладающий сопоставимой репутацией в глазах славянофилов, всеми почитаемый, хотя и не вызывающий у большинства в силу особенностей характера теплой, сердечной привязанности, Ю. Ф. Самарин не только не изъявляет желания взять на себя подобную роль, но и чисто пространственно находится далеко от Москвы, на протяжении всей первой половины 1860-х гг. заваленный многочисленными обязанностями по крестьянской реформе, сначала в России, а затем в Царстве Польском. Наиболее активный в публичном пространстве И. С. Аксаков, с 1861 г. издающий и редактирующий еженедельник «День» (до 1865 г.), а затем, в 1867–1868 гг. – ежедневную газету «Москва», не обладает достаточным авторитетом в своих собственных глазах, чтобы выступить в качестве самостоятельного лидера, предпочитая роль «хранителя наследия» умершего брата и Хомякова. Сохраняющимся прежним связям и отношениям будет нанесен серьезный удар разногласиями, возникшими в ходе польского восстания 1863 г. и в рамках мер по его подавлению, в частности по отношению к действиям М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае: личные отношения в дальнейшем в большинстве случаев будут относительно восстановлены, но единство кружка нарушено окончательно. Так, после 1865 г. фактически отойдет от прежних единомышленников А. И. Кошелев, сближаясь с земской либеральной средой.

Однако и при всех сделанных оговорках позднее (пореформенное) славянофильство не только остается достаточно влиятельным вплоть до середины 1880-х гг., но и переживает заметный взлет в 1860-е гг. в плане:

– активной публицистической деятельности, преимущественно И. С. Аксакова, а также влиятельных публикаций (во многом зарубежных) Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева, способствовавших распространению славянофильских взглядов в широких общественных кругах, в том числе за счет полемического резонанса;

– включения в общественную деятельность – начиная от уже отмеченной активной работы по крестьянскому вопросу (в которой приняли участие Ю. Ф. и Д. Ф. Самарины, А. И. Кошелев, кн. В. А. Черкасский) и по реформам в Царстве Польском в 1864–1865 гг., к разработке и осуществлению которых привлек тех же лиц, за исключением Д. Ф. Самарина и Н. А. Милютинина – и вплоть до работы в земствах и в городском самоуправлении Москвы, где славянофилы имели большой вес с его введения в 1865 и до 1880-х гг.

Тем не менее общее наблюдение еще современниками (начиная с Вл. С. Соловьева, В. В. Розанова и П. Н. Миллюкова) за кризисом, распадом или качественным изменением «славянофильства» (при всех различиях в понимании последнего понятия разными авторами) не ограничивается названными ранее обстоятельствами, поскольку кризис касается содержания самого учения, а не исчерпания предшествующих форм социальной организации или

восприятия данного учения другими лицами. Славянофильская доктрина сложилась в 1840–1850-х гг., предполагая одновременную «вторичную христианизацию» и переключение конфессиональной идентичности в национальную. В то время данный проект выглядел достаточно реалистичным – аналогичными путями шло развитие чешского или, например, польского национальных проектов. Однако 1860–1880-е гг. существенно модифицировали ситуацию:

– во-первых, благодаря в том числе усилиям самих славянофилов внесословная общность, которая могла бы выстраиваться как национальная, не сложилась – крестьянство фактически оказалось на особом правовом статусе, сохраняющем его положение как сословия;

– во-вторых, вторичная христианизация шла крайне медленно, в условиях уменьшения церковного присутствия в обществе: на протяжении всей второй половины XIX в. количество священников на душу православных прихожан продолжало довольно быстро сокращаться [7, с. 403–440], система церковно-приходских школ начала создаваться только с 1880-х гг. – в этой ситуации прежняя, групповая религиозность разрушалась, не сменяясь выработанными формами личной религиозности;

– в третьих, отмеченный кризис традиционной религиозности накладывался на трансформацию конфессиональной принадлежности в национальную тем, что между ними исчезала переводимость, очевидная в условиях 1850-х гг. Славянофильский национальный проект формировался в условиях конкуренции с польским, и тем самым возможность опереться на конфессиональную принадлежность представлялась беспроблемной. На протяжении 1860–1880-х гг. происходит становление украинского национального движения с конкурирующими национальными проектами, наблюдаются и некоторые подвижки в Северо-Западном крае; украинские национальные проекты уже формируются как минимализирующие конфессиональную составляющую, помимо этого противостояние украинским проектам невозможно на конфессиональной основе, поскольку она не может выступить критерием демаркации. Нарастающая параллельно секуляризация общества ослабляет возможную роль религии в качестве мобилизационного ресурса, что также снижает реалистичность славянофильского проекта, а в ситуации конкуренции за Западную Украину и Северо-Западный край конфессиональность как национальный идентификатор оказывается неприемлемой, отчуждая от потенциального национального проекта униатов и католиков.

В основании славянофильского учения лежала масштабная, характерная для эпохи 1830–1840-х гг. историософия, которая мыслилась в рамках религиозного понимания истории – данный «большой синтез» к 1860-му г. выглядел уже достаточно архаично, и с течением времени это усугублялось. В итоге происходит закономерный распад славянофильского учения на «прагматическое», «натуралистическое» понимание исторического процесса и национального движения (что происходит ярче всего у Н. Я. Данилевского, сохраняю-

щего религиозные импликации в прямом логическом противоречии с основными исходными положениями своего понимания истории и одновременно утверждающего «славянский культурно-исторический тип» в качестве «четырехсоставного», своеобразного конца истории, вопреки линейной временной открытости собственной историософии) и де-политизацию православия, противостояние наличествующему в славянофильстве соблазну понимания православия как «русской веры» – у К. Н. Леонтьева.

К середине 1880-х гг. славянофильство как целостное учение окончательно завершается, тогда как многочисленные его элементы в разнообразных комбинациях приобретают новую жизнь. Непосредственные попытки продолжения славянофильского учения – в лице и «петербургского кружка» (конца 1880–1890-х гг.), и С. Ф. Шарапова и др. – оказываются предсказуемым эпигонством. Однако параллельно с этим славянофильство как вариант «мирского богословия» получает ширящееся распространение в духовно-академических кругах, в первую очередь благодаря влиятельной фигуре Антония (Храповицкого), ознаменовавшись ренессансом в начале XX в., благодаря, в частности, деятельности «Новоселовского кружка», связанного с семейством Самариных и др.

К 1880-м гг. славянофильские формулировки плотно проникают в язык официальных речей и указов, постепенно утрачивая свою связь с конкретным учением, становясь общим языком «русского национализма» практически во всех его ипостасях – начиная от «официального национализма» Александра III и заканчивая текстами партии социалистов-революционеров, одновременно служа языком русского земства. Н. Н. Страхов уже в 1864 г. на волне национального подъема после январского восстания 1863 г. писал о «победе славянофилов», подразумевая, что теперь и те, кто ранее оппонировал славянофилам, заговорил их языком, принял – в той или иной степени, разумеется, весьма различной – конкретные положения их учения: славянофильство перестало быть принадлежностью узкого круга, понятия славянофильские теперь уже не служили особым «языком для своих», а вошли в общий оборот – с тем большим основанием это можно сказать о ситуации к началу XX в. Однако еще более важным достижением славянофильства, сохраняющим свое влияние вплоть до наших дней, стала конкретизация, смысловое и образное наполнение «народности», для Уварова еще выступающего в качестве «пустотного понятия», определяемого через два других члена триады: к концу 1860-х гг. «народность» предполагала достаточно определенный образ «русского мужика», «русского мира», начиная от традиционного обихода вплоть до таких узловых понятий, как «мир» и «соборность». Разумеется, славянофилы принимали участие в этом процессе конкретизации понятия «народность», они предложили иерархически упорядоченную рамку для его наполнения, позволяющую выстроить образ, способный к универсализации, выходу за пределы сословных/групповых границ. «Народность» в первую очередь определялась

через русского крестьянина, но и предполагала образы «русского барства», «боярина», «купца» и т.д., т.е. универсальную «русскость», с которой можно было себя идентифицировать. Собственно, то обстоятельство, что славянофильские тексты до сих пор могут быть прочитаны как описание/раскрытие «русскости», и является демонстрацией успеха предложенной ими модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тесля А. А.* Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма / А. А. Тесля // Вестник Тихоокеанского гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 207–216.
2. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н. И. Цимбаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986.
3. *Невелев Г. А.* Декабристский контекст : документы и описания / Г. А. Невелев. – СПб. : Мирь, 2012.
4. *Миллер А. И.* История понятия «нация» в России / А. И. Миллер // Понятия о России : к исторической семантике имперского периода : в 2 т. – Т. 2 / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. – М. : Новое литературное обозрение, 2012.
5. *Самарин Ю. Ф.* 1840–1876 : Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Ю. Ф. Самарин / сост. Т. А. Медовичева. – М. : ТЕРРА, 1997.
6. Московский сборник / изд. подготовил В. Н. Греков. – СПб. : Наука, 2014.
7. *Тесля А. А.* Славянофильство сквозь призму неформальных отношений / А. А. Тесля // Христианство и русская литература. – СПб. : Наука, 2012. – Вып. 7. – С. 46–54.
8. *Тесля А. А.* Последний из «отцов» : биография Ивана Аксакова / А. А. Тесля. – СПб. : Владимир Даль, 2015.

*Тихоокеанский государственный университет
(г. Хабаровск)*

Тесля А. А., кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
и культурологии

E-mail: mestr81@gmail.com
Тел.: 8(4212) 37-51-86

*Pacific National University
(Khabarovsk)*

Teslya A. A., Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor of the Philosophy
and Culturology Department

E-mail: mestr81@gmail.com
Tel.: 8(4212) 37-51-86

**«СРЕДСТВО БОРЬБЫ И СУРРОГАТ ПОЛИТИКИ»:
политическая публицистика М. Н. Каткова
и его последователей**

А. Э. Котов

*Государственный университет морского и речного флота
имени адм. С. О. Макарова (г. Санкт-Петербург)*

Поступила в редакцию 21 июня 2015 г.

Аннотация: анализируется политическая публицистика М. Н. Каткова и его последователей (конец 1860-х – 1890-е гг.). Характеризуется идеология редактора «Московских ведомостей» как «бюрократический национализм». Уделяется особое внимание политическим публицистам, принадлежавшим к катковскому направлению.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, журналистика, М. Н. Катков, Н. А. Любимов, И. Ф. Цион, С. С. Татищев, В. А. Грингмут, М. Ф. Де-Пул, П. К. Щербальский.

Abstract: the article analyzes the political journalism of M. N. Katkov and his followers (the end of the 1860s – 1890s). Ideology of editor of «Moscovskie vedomosti» is characterized as «bureaucratic nationalism». Particular attention is paid to a political publicists, who belonged to Katkov's direction.

Key words: conservatism, nationalism, journalism, N. A. Lyubimov, I. F. Cyon, S. S. Tatischev, V. A. Gringmut, M. F. De-Pule, P. K. Schebalsky.

Редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катков (1818–1887) вошел в историю как самый влиятельный русский журналист XIX столетия. В середине 1860-х гг. он стал одним из вождей «русской партии», позже – ведущим идеологом политики «контрреформ». Свои передовицы публицист адресовал не столько тысячам подписчиков, сколько первым лицам государства, а его «пособники на высших ступенях управления» – И. Д. Делянов, М. Н. Островский, К. П. Победоносцев, И. А. Вышнеградский, А. Д. Пазухин, Е. М. Феокистов и другие, – виделись современникам «новой, почти правительственной силой» [1, с. 499]. Н. П. Гиляров-Платонов, неудачливый конкурент Каткова, отмечал в нем «явление небывалое, беспримерное, положение исключительное [...] Постоянное соединение государственного деятеля и публициста в одном лице, самое понимание обязанностей публициста как стража государственных интересов, – это явилось с Катковым и, должно полагать, с ним прекратится» [2, с. 522].

Гиляров-Платонов ошибался: в XX в. это «соединение» повторится неоднократно. Самым ярким его примером будет В. И. Ленин. И если по своим масштабам фигуры Каткова и Ленина несопоставимы, то по идейности и бескомпромиссности, по количеству, качеству и широте проблемного охвата своей публицистики они схожи. Существовал – разумеется, в узких кругах – и культ Каткова. С. С. Татищев характеризовал последнего как «возлюбленного учителя и вождя» [3, л. 1]. «Я со своим славяно-русским направлением [...] глядел на старших, на Аксакова, да на Каткова», – вспоминал в письме к А. А. Кирееву П. А. Кулаковский [4, л. 2]. «Занять общественное положение умершего Каткова» мечтал Л. А. Тихомиров [5, с. 213].

В современной историографии прочно устоялась предложенная дореволюционным историком А. А. Корниловым периодизация деятельности Каткова: 1) время «либерального уклона» – 1856–1862 гг.; 2) период «полуоппозиции» – 1863–1881 гг.; 3) эпоха «контрреформ» 1880-х, «когда охранители были у власти» [6, с. 19; 7, с. 16; 8, с. 44]. Подобную смену вех еще современники объясняли беспринципностью публициста – однако только советская историография отошла от столь упрощенных трактовок. Стремясь доказать реакционную природу пореформенного либерализма, советские историки, как правило, развивали тезис А. Е. Преснякова, утверждавшего, что «ни Катков, ни Феокистов в собственном своем сознании ничему не изменили, ничего не сжигали и, конечно, никому не «продавались» [9, с. 7]. Впрочем, в этом утверждении не было ни новизны, ни серьезного противоречия с мнением либеральных современников. Еще К. Н. Леонтьев писал, что «Катков лично производил [...] впечатление самого не прямого, самого фальшивого и неприятного человека; но [...] фальшивость характера ничуть не исключает глубокой искренности общих убеждений» [10, с. 281].

В идейной эволюции любого мыслителя целесообразно выделять «надстройку» и «базис», т.е. те воззрения, которые менялись под действием обстоятельств, и мировоззренческую основу, составлявшую неотъемлемую часть личности. К первым, очевидно, относятся тексты Каткова, посвященные судам, земствам, железным дорогам и водному транспорту, университетской автономии, экономическому протекционизму и роли государства в экономике, взаимоотношениям с Францией и Германией. К мировоззренческому же «базису» следует отнести, прежде всего, приверженность публициста к классической античной и европейской культуре и, как следствие, концепции классического образования, а также связанные с ней чувство формы и эстетическое преклонение перед созидющим, упорядочивающим могуществом государственной власти.

Государство для Каткова было единственным субъектом истории. В его ранней публицистике еще встречаются апелляции к обществу, а в конце 1860-х гг. Михаила Никифоровича считали «лучшим представителем русской гласности» [11, л. 19]. Однако в процессе борьбы за конкретные «националь-

ные проекты» (например, гимназическую и университетскую «контрреформы») «Московские ведомости» вступили в конфронтацию с обществом, причем не только либеральным. В 1880-е гг. врагами Каткова были и московские славянофилы, и окружение «церковного традиционалиста» Т. И. Филиппова, и, разумеется, многие сановники, видевшие опасность в том, что «правительство рядом со своей властью или даже над своей властью создает власть бесконтрольного, безответственного журналиста» [1, с. 499]. Последнее было не совсем верно: редакция на Страстном бульваре не столько становилась *над* «правительством», сколько превращалась в полуофициальную его часть, в «департамент Каткова». И даже те символические уступки, которые планировал сделать обществу гр. Н. П. Игнатъев, это «ведомство» начинает трактовать как опасные уступки революционному потоку.

Центральным элементом катковского политического мировоззрения была «народная политика», т.е. одна из форм национализма. Главная особенность последнего – пренебрежение этничностью. Принадлежность к «политической нации» определялась языком и подданством, а не религией и этническим происхождением. Публицист неоднократно повторял: «Решительно настаиваем, что в России нет и не может быть другой национальности, кроме русской, другого патриотизма, кроме русского, причем мы вполне допускаем, что русскими людьми и русскими патриотами могут быть, как и бывали, люди какого бы то ни было происхождения и какого бы то ни было вероисповедания» [12, № 24]. «Национальность есть термин по преимуществу политический; какую бы из допускаемых в государстве религий человек не исповедовал и какого бы ни был он племенного происхождения, политическая национальность его определяется его подданством. Для того чтобы быть русским в гражданском смысле этого слова, достаточно быть русским подданным» [12, № 142] (курсив наш. – А. К.).

Таким образом, будучи сторонником «политического национализма», Катков не исключал из жизни «политической нации» и этнический или, как тогда говорили, «племенной» элемент. Например, причина поддержки им болгар – именно «племенное родство». Как для многих националистов, нация для Каткова – расширенная семья, могущая включать родных и приемных родственников. Показательны в этом отношении его протесты в 1887 г. против «облегчения натурализации» иностранцев: «Первый признак порядочной семьи состоит в том, что в ней принимаются лица лишь с выбором, а не первые попавшиеся. Благоразумно ли слишком поспешно равнять с членами этой семьи, предки коих «выстрадали» нынешнюю Россию, первых встречных, кто только натолкнется, не имея иных гарантий благонадежности их, кроме желанья принять наше подданство и получить соответственные выгоды?» [13, № 134].

Катковскую идеологию целесообразно охарактеризовать как «бюрократический национализм» – в том смысле, что при ее практическом применении

государственная бюрократия становилась единственной свободной в своих действиях национальной силой и единственной инстанцией, определявшей чью-либо принадлежность к нации. Этой характеристике, на наш взгляд, не противоречат многочисленные антибюрократические выступления «Московских ведомостей» в 1860–1870-е гг. Обвинения по адресу «петербургской бюрократии» во время польского восстания или защита университетской автономии от посягательств К. Ф. Головина были для Каткова лишь средствами борьбы как за решение национальных задач, так и за усиление своего личного влияния. Одержав верх над петербургским бюрократическим «драконом», Михаил Никифорович с удовольствием завел собственного, фактически превратив свою редакцию в один из государственных департаментов.

Неудовольствие Каткова вызывало всё, что нарушало гомогенность национально-государственного организма. Прохладным было и его отношение к православной церкви как социальному институту. В. А. Твардовская отмечала у него интерес к спиритизму [14, с. 151–152], а «пророки византизма» К. Н. Леонтьев и Т. И. Филиппов сравнивали «московского опричника» Каткова с Феофаном Прокоповичем [15, с. 67]. При этом парадоксальным образом оба «византийца», мечтая о независимой церкви, решительно порывали таким образом с византийской практикой церковно-государственных отношений и скорее тяготели к католическому опыту. Наоборот, «московский опричник» в своем цезарепапизме был ближе к средневековым византийским реалиям. Очевидно, несмотря на постоянные дифирамбы православной монархии, Катков не рассматривал церковь в качестве субъекта общественной жизни.

Наконец, для окончательного уяснения сути катковского национализма необходимо отметить его отношение к США. Если для И. С. Аксакова они были воплощением «бездуховности» [16, № 5], то Катков об Америке отзывался крайне положительно, даже сравнивая борьбу России с Польшей с борьбой Севера с Югом: «Оба народа (русский и американский. – А. К.) одушевлены чувством будущности; оба готовы на всевозможные жертвы для сохранения своего государственного единства; оба исполнены духа патриотизма, в котором они могут сравнивать себя только друг с другом [...] Оба народа роднит и сближает друг с другом самая загадочность их для всех остальных...» [12, № 6]. В переломном 1881 г. Катков фактически сравнивает себя с американскими республиканцами: «В северной Америке нет помину о партиях либеральной и консервативной в политическом смысле. Зато там есть две партии, которые постоянно и открыто борются между собой. В первой вся центростремительная сила государства, которою зиждется его единство и держится его целость, патриотический дух и национальное чувство: это партия государственная, которая в Америке зовется республиканскою. Другая представляет собою движение центробежное, партия расторжения и разложения, которая от этапа к этапу влечет людей к измене и бунту; она зовется в Америке демократическою партией. Всем известно, в которой из этих двух партий великой

заатлантической страны присутствует дух жизни и свободы и которая, напротив, была оплотом рабства» [17, № 72].

Внешнеполитические идеи «московского опричника» еще более соответствовали американским ценностям. Рассуждения Каткова и его единомышленника С. С. Татищева о «здоровом национальном эгоизме», который только и способен обеспечить мир во всем мире, во многом напоминают идеи Айн Рэнд о «разумном эгоизме» – только в приложении к национальным государствам. Таким образом, редактор «Московских ведомостей» даже в конце своей жизни не был ни консерватором, ни реакционером. Его взгляды и вкусы в целом соответствовали эпохе модерна, и представляли собой одну из возможных моделей модернизации страны.

В целом, публицистическое наследие и биография Каткова изучены достаточно хорошо. Меньше повезло катковскому окружению «постлиберального» периода его деятельности. Участники самой влиятельной русской газеты всегда пребывали в своеобразной изоляции: по свидетельству В. А. Гиляровского, «негде было видеть сотрудников «Московских ведомостей» – они как-то жили своей жизнью, не знали с сотрудниками других газет» [18, с. 8]. На катковцев автоматически переносилась нелюбовь либеральной публики к самому Михаилу Никифоровичу. Так, для Н. К. Михайловского «птенец гнезда Каткова» суть «нечто вообще злобное, мрачное, воющее с ветряными мельницами, ежеминутно готовое уличить в государственном преступлении и верстовой столб на большой дороге, и кротко блеющего барашка, и сороку, и ворону, и я не знаю кого и что» [19, с. 109].

Последнее не удивительно. Будучи властным человеком, Катков не потерпел бы рядом с собой равновеликой и самостоятельной фигуры, и со временем это его качество только усугублялось. Большинство постоянных сотрудников располагавшегося на Страстном бульваре «департамента Каткова» не имело своего голоса, всецело подчиняясь воле редактора. Н. В. Васильев, ставший редактором «Голоса Москвы» (газеты, подконтрольной не любившему Каткова Т. И. Филиппову), вспоминая о своем прежнем сотрудничестве в «Московских ведомостях», отмечал, что его участие в редакционной политике «было не более участия в пашне той мухи, которая сидела на лбу пахавшего вола» [20, № 1]. Колоритно описывал катковскую редакцию Ю. С. Карцов: «Состоящая из двух комнат, редакция эта напоминает контору в помещицкой экономии. Мимо меня снуют волосатые индивидуумы в длиннополых сюртуках, говорят они между собою вполголоса, жестами указывая в коридор, в который только скрылся артельщик. С первого взгляда видно, что эти господа самостоятельного значения не имеют. Властный хозяин там за стенкою; все прочие не более как его челядь; хотя они именуют себя сотрудниками, но собственного мнения иметь не дерзают и беспрекословно покорствуют хозяйской воле. Кто бы мог подумать, что пройдет несколько лет, эти раболепные подкакиватели, в свою очередь, станут хозяевами – обратятся в заправских

«Катковых» и даже начнут пренебрежительно отзываться о покойнике, перед которым не смели вымолвить и слова» [21, с. 136–137].

Уже в начале 1880-х гг. современники отмечали некий перелом в качестве «Московских ведомостей»: «Катков теперь, впрочем, великий барин, держит себя очень важно, а редакция его как-то бедна людьми и газета очень пуста становится» [22, л. 18 об]. Особенно остро это проявилось после смерти редактора, когда после яростной бюрократической схватки его место занял С. А. Петровский [23, с. 153–181]. Впрочем, в этот период перемены к худшему затронули и всю консервативную журналистику. К. Н. Леонтьев писал А. А. Александрову: «Катков и Аксаков еще давали пример хорошего тона в полемике. У них она никогда не носила личного характера. А вникните, что печатали друг против друга «Московские ведомости», «Гражданин» и «Новое время». Особенно Н. А. Любимов и Васильев отличались в «Московских ведомостях». Ну, и Шарапов тоже лез в это. Померли «господа» (Катков и Аксаков), лакеи теперь, подлецы, дерутся [...] У «Московских ведомостей», кроме подлой злости в полемике, ничего не видно» [24]. Схожими были наблюдения Н. Н. Дурново: «С Аксаковым, Катковым и Гиляровым правительству приходилось считаться и прислушиваться к их голосу, а на гг. Петровского и кн. Мещерского, фельетониста Суворина [...] можно и не обращать внимания» [25, с. 2].

Впрочем, «катковское направление» в русской журналистике все-таки состоялось. Его представляли Н. А. Любимов, С. С. Татищев, П. К. Щебальский, М. Ф. Де-Пуле, И. Ф. Цион, Ф. Н. Берг, С. А. Петровский, В. А. Грингмут, С. В. Флеров, К. Н. Цветков, Ю. С. Карцов, отчасти П. А. Кулаковский и Л. А. Тихомиров и др. Попытаемся кратко рассказать о наиболее ярких его представителях.

Ядром катковского окружения 1860–1870-х гг. был «триумвират» из самого Михаила Никифоровича и двух московских профессоров – П. М. Леонтьева (умершего в 1874 г.) и Н. А. Любимова. Подобная коллегиальность очень помогала редакции в общении с авторами. Так, в 1883 г. профессор П. А. Кулаковский сообщал профессору В. В. Макушеву: «Сказать по правде, трудно себе представить больше беспорядка, чем тот, который царствует в редакции «Русского Вестника» [...] Лежит у Каткова или Любимова рукопись этого перевода с декабря 1880 года, они тогда еще обещали поместить перевод в январе или феврале 1881 г., и до сих пор нельзя добиться в редакции никакого толку: напечатают ли перевод или нет, никто не знает, и несмотря на всякого рода запреты нет ни определенного ответа, ни возвращают рукописи. И это как-то делает «Русский Вестник» беззастенчиво! Право, приходится дивиться тому, как Катков умеет сослаться на Любимова, а Любимов на Каткова, так что концов не видно» [22, л. 3 об].

Профессор П. М. Леонтьев (1822–1874) – филолог-классик, сооснователь и соиздатель катковских изданий – оставил ряд исследований по античной истории и культуре. Романтик и эстет К. Н. Леонтьев характеризовал Павла

Михайловича так: «умный, благородный, но все-таки горбатый однофамилец мой» [26, с. 77]. В катковском «триумвирате» ему принадлежала в большей степени организационно-«квартирмейстерская» роль. Леонтьев являлся одним из главных творцов гимназической реформы 1871 г., и большинство его передовиц были посвящены защите классического образования в школе. Этим, однако, не ограничивался круг его сюжетов: сейчас уже вряд ли возможно установить, какие из приписываемых Каткову текстов на самом деле принадлежат перу П. М. Леонтьева. Показательно в этом плане письмо Ф. И. Тютчева М. А. Георгиевской: «За неимением письменных извещений я стараюсь вычитать коли не вас, так мужа вашего из передовых статей «Московских ведомостей»... но как-то не удастся. – Выдается из них, а особенно из последних по финансовым вопросам, только сердитый горб Леонтьева...» [27]. Ю. С. Карцов в своей «Хронике распада» передает рассказ архитектора Пороховщикова: «Московские ведомости» только что завершили блестящую кампанию. Московский английский клуб, выражая патриотические чувства населения первопрестольной столицы, в честь редакторов М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева давал парадный обед, в котором участвовал и Пороховщиков. Оба редактора, М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, сидели в центре стола на почетном месте. Кем-то был поднят вопрос: где кончается Леонтьев и начинается Катков? Вопрос этот обсуждался при дружном смехе, но удовлетворительного его решения найти не смог никто, даже сами юбиляры. Постановлено было общим голосом: Катков и Леонтьев составляют одно неразрывное целое [28, л. 229].

Публиковавшиеся в «Русском вестнике» литераторы называли Каткова и Леонтьева «московскими баронами», нередко объединяя их в триумвират с еще одним alter ego Каткова – профессором-физиком Н. А. Любимовым (1830–1897). Николай Алексеевич был активным пропагандистом университетской «контрреформы». В 1873 г. на страницах «Русского вестника» появилась подготовленная им «Записка по поводу предстоящего пересмотра университетского устава», направленная против либерального устава 1863 г. Провозглашенная этим уставом университетская автономия привела, по мнению Любимова, к формированию «профессорской олигархии». Свойственный ей «канцелярский либерализм особого рода» мешал университетам выполнять свою основную, образовательную, функцию – подменяя ее политическим «развратом». Борьбу со всем этим злом профессор предлагал посредством целого ряда мер, в том числе: 1) установлением более строгого контроля министерства над университетскими советами; 2) введением «внешнего» государственного экзамена и единого стандарта университетского преподавания; 3) углублением и расширением университетского курса философии, – что дало бы молодежи иммунитет к нигилистической пропаганде. Программа Любимова, позднее легшая в основу университетской «контрреформы» Д. А. Толстого, отнюдь не была памятником консервативной мысли. Она ориентировалась на пере-

довые западные, т.е. германские, образцы. Консервативной, наоборот, была мотивация противников Каткова и Любимова, среди которых было немало профессоров-славянофилов. Развернувшаяся вокруг «дела Любимова» полемика привела к отсрочке университетской «контрреформы» на десятилетие и в немалой степени способствовала расколу между властью и интеллигенцией того времени [29, л. 25–26].

Второй раз Любимов привлек к себе внимание общества в 1881 г., опубликовав в «Русском вестнике» под псевдонимом «Варфоломей Кочнев» цикл диалогов «против течения», посвященный причинам и ходу Французской революции. Одной из главных причин революционной катастрофы он называл уступки власти конституционным устремлениям общества, в частности созыв Людовиком XVI собрания нотаблей. Этот тезис был направлен против политики М. Т. Лорис-Меликова, а чуть позже стал аргументом против проекта Н. П. Игнатьева [30, с. 72–75].

В октябре 1882 г. Любимов был назначен членом ученого совета министра народного просвещения, в связи с этим переехал в Петербург и прекратил редакционное сотрудничество в катковских изданиях, впрочем, продолжая активно поддерживать «Московские ведомости» на страницах газеты В. В. Комарова «Свет». На административном же поприще ему пришлось немало конфликтовать с близким Каткову И. А. Вышнеградским и другим бывшим сотрудником «Московских ведомостей» – А. И. Георгиевским. Жалобы Любимова Каткову за июнь-июль 1885 г. полны грустной иронии: «Я знаю Алекс[андра] Ив[ановича]. Творчество в его уме родит только уродов даже при хорошем замысле, и, как только предастся он собственному измышлению, выходит несообразца удивительная. А он восторгается и себе, и миру, и всем говорит, какой он искусный и главное основательный. А тут подвернулся Иван Алексеевич [Вышнеградский] и совсем уже сбил его с толку, подлаживанием укрепив самоуверенность» [31, л. 90]. Конфликты удавалось гасить только благодаря вмешательству самого Каткова: «Прогресс, благодаря Вам, тот, что безумная регламентация, кажется, не так уже прельщает самого Алекс[андра] Ивановича. Иван Алексеевич юлит. Если бы царь Ирод ему поручил составить проект избияния младенцев, проект этот был бы готов по параграфам, и едва ли бы ускользнуть младенцу Иисусу. Не догадался царь Ирод» [31, л. 97].

Главным экспертом «Московских ведомостей» по внешнеполитическим вопросам был неудачливый дипломат и «самый колоритный из представителей дворянской историографии XIX века» [32, с. 126] С. С. Татищев (1846–1907). Близко знавший его Ю. С. Карцов характеризовал его так: «Политический деятель широкого размаха, вследствие необузданности нрава, всегда готовый хватить через край, типу дипломата, который держится буквы инструкций, взвешивает каждое слово и теряется в мелочах, представлял он полную противоположность. И помимо страстей, помешавших ему сделать карьеру,

если бы и достиг Татищев высоты, никогда бы он на ней не удержался». Одновременно мемуарист отмечал в Татищеве глубокую эрудицию и «редкую способность к сути предмета подступить вплотную, в двух-трех словах политическому моменту поставить диагноз и найти формулу» [33, с. 35].

Блестящая дипломатическая карьера этого родовитого выпускника Сорбонны оборвалась из-за скандала: в бытность секретарем русского посольства в Вене его обвинили в передаче Австрии секретных шифров. Факт измены доказан не был, однако сведение счетов с российским МИДом стало одним из основных мотивов дальнейшей деятельности Татищева. В 1880 г. он выпускает первую историю революционного движения в России и, заявив таким образом о себе, вскоре поступает на службу в МВД чиновником особых поручений при гр. Н. П. Игнатьеве. Выйдя в 1883 г. в отставку, Татищев уезжает за границу, чтобы заняться историческими исследованиями: историей рода Татищевых и панегирической биографией Александра II. В 1885 г. К. А. Губастов рекомендует Татищева Каткову, и с этого момента начинается сотрудничество бывшего дипломата с «Русским вестником» и «Московскими ведомостями». Одновременно материалы Татищева выходили и в суворинских изданиях – «Новом времени» и «Историческом вестнике».

Исторические исследования и публицистика были для Татищева лишь инструментом. Ю. С. Карцов отмечал, что «не прельщаясь славой ученого, в истории Татищев видел не цель, а средство борьбы и суррогат политики» [33, с. 41]. Предвосхищая ленинские взгляды на партийную журналистику, Татищев рассматривал «историческую литературу и повременную печать» как «идущие в огонь» «боевые части» – «они решают исход битвы». «Первая выясняет общие законы, управляющие отношениями государства к иноземным державам, подводя итоги прошлого, рассеивая предрассудки и заблуждения, проливая яркий свет научной истины на настоящее и отчасти на будущее; вторая зорко следит за всем происходящим в мире, стараясь угадать и распознать дипломатические умыслы, враждебные отечеству» [34, с. 114].

Последняя фраза как бы дополняет знаменитые слова Каткова о полицейских функциях печати [14, с. 22]. Кстати, и сотрудничая в министерстве внутренних дел, Татищев стремился координировать деятельность дипломатов и полиции, прежде всего в борьбе с социалистами-эмигрантами [35, л. 10]. Карцов свидетельствовал, что «Татищев был государственным и до мозга костей человеком власти... Свою службу в департаменте полиции не только не считал позорною, а ставил себе в заслугу и ею гордился. Все, что пахло «интеллигентщиною», претило ему и оскорбляло сильно в нем развитое художественное начало» [33, с. 36]. Правда, в отношении литературной деятельности Татищева Юрий Сергеевич уточнял: «...попасть в действительные члены Императорского исторического общества, дабы перед лицом блестящего сего ареопага дилетантов и меценатов, на торжественном годичном заседании, в высочайшем присутствии, получить возможность прочесть реферат, было за-

ветной мечтой Татищева [...] От лавров народного трибуна и великого националиста отрекся бы он с восторгом, если бы только мог реабилитироваться, вернуть придворный чин и попасть на службу» [33, с. 19].

По политическим взглядам Татищев – националист-государственник. «Социализм и анархия, – писал он Каткову, – формы, чуждые нашей исторической жизни, занесенные в нее с Запада и возможные у нас только до тех пор, пока наш государственный организм [...] не станет развиваться в силу собственных жизненных законов» [36, л. 19 об]. Под этими «жизненными законами» Татищев подразумевал «народный взгляд на Царя-батюшку и на матушку-Россию» [37, с. VIII]. Соответственно и внешняя политика должна «применять к делу естественные законы развития государства, истекающие из его истории» [34, с. VII]. Использование этих славянофильских формулировок, без какой-либо их конкретизации, без присущего тому же И. С. Аксакову этического пафоса, наводит читателя на мысль о том, что для автора они носили скорее инструментальный характер.

Историк многократно возвращался к словам Бисмарка, считавшего, что «система солидарности консервативных интересов всех стран есть опасная фикция», пытаясь доказать тем самым, что «единственная здоровая основа великого государства... есть государственный эгоизм, а не романтика» [37, с. 524]. Соответственно главный объект критики историка – «внеземельная наша дипломатия». По Татищеву, с начала XIX в. в русской внешней политике существовало две тенденции. Первая – легитимизм, выразившийся в создании Священного союза. Вторая – панславизм, стремившийся «к вмешательству России в дело освобождения единоверных и единоплеменных ей народов Балканского полуострова из-под власти турок». Оба направления имели общую черту: «государственную задачу России ставили они не в удовлетворении собственных нужд ее и потребностей, а в служении идеальным целям [...] То была политика благотворительная» [37, с. 2–4].

Татищев был одним из наиболее деятельных пропагандистов союза с республиканской Францией и считал, что Россия «приветственно встретит» любое французское правительство – «каково бы ни было его происхождение, цвета и знамя», лишь бы оно было «законно и прочно составленное, пользующееся почтением и доверием нации, уважающее ее права». Точно так же С. С. Татищев связывал надежды России на Балканах с демократическими партиями, т.е. с сербскими радикалами и болгарскими «народниками» – «громко исповедующими начало самобытности в гражданственности, самостоятельности в политике» [34, с. 97]. Следствием этих надежд стала его знаменитая поездка в Болгарию для переговоров со Стамболовым, так осуждавшаяся В. А. Грингмутом и другими авторами «Русского обозрения» [38, с. 419].

Неоднозначной фигурой был другой катковец – профессор-физиолог И. Ф. Цион (1842–1912), известный широкой публике прежде всего тем, что ему позднее приписывалось авторство «Протоколов сионских мудрецов». По-

следнее не соответствовало действительности, однако не было и случайным. Журналист А. Е. Кауфман приводит в своих воспоминаниях слова В. А. Бильбасова: «Если Вы меня спросите, правда ли, что Цион постригся в монахи и поступил в монастырь, – я этому поверю. Если Вы скажете, что Цион открывает кафешантан, я и этому поверю: он все может» [39, с. 92].

Автор ряда открытий в области физиологии кровообращения и нервной системы, Цион в октябре 1874 г. стал мишенью для студенческого недовольства, вызванного его монархическими взглядами и вылившегося в серьезные беспорядки. По словам Каткова, И. Ф. Цион «очутился в антагонизме с этим режимом, который развращал и учащихся, и учащихся и долго держаться не мог» [40, с. 379]. В 1875 г. он официально увольняется из Медико-хирургической академии (ныне – Военно-медицинская), оставляет чтение лекций в Санкт-Петербургском университете, однако продолжает работу в Париже и Лейпциге – откуда пишет корреспонденции в «Московские ведомости».

Взгляды Циона во многом совпадали с катковскими. Об «идеях 1860-х» публицист отзывался с крайним презрением: «На все плевать, все отрицать, это может любой идиот, любой невежда, любой помешанный... Вот почему нигилизм сразу приобрел такую громадную популярность между «детьми». Не учиться, потому что наука дрянь, гораздо легче, чем задать себе труд познакомиться с этой дрянью; точно так же, не умываться, не причесываться и выражаться грубо опять гораздо легче, чем умываться, причесываться, одеваться опрятно и выражаться прилично» [41, с. 9]. Профессор отмечал теоретическую слабость народнических воззрений: «их группа ... в течение 10–15 лет чуть не каждый месяц меняла свою систему, свою программу действия, свое название». Не видел Цион необходимости и в подробном анализе различных теоретических направлений революционно-демократической мысли: «Не все ли равно, под каким соусом нас съедят, когда все согласны между собою в том, что съесть нас необходимо, что общественный и государственный строй России нужно разрушить до основания, что из всего здания, носящего еще название Русской империи, не следует оставлять камня на камне» [41, с. 10].

Нигилизм рассматривался Ционом как разновидность эпидемической болезни, поэтому главный объект его критики – не сами «микробы», а «санитарные власти», «давшие заразе развиваться»; «пагубная небрежность публики, ... не нашедшей в себе достаточно энергии, чтобы собственной инициативой заменить отсутствие правительства»; наконец, те развратители юношества, которые в стенах университетов и на столбцах журналов систематически вливали в молодые умы яд и сознательно, из-за пошлой популярности, губили целые поколения ... русского юношества». Этим, по мнению Циона, «легальные и нелегальные руководители смуты... на десятки лет приостановили нормальное развитие России» [41, с. 6, 9].

Не сумев после смерти М. Н. Каткова занять пост редактора его газеты, Цион сблизился с С. Ю. Витте. Однако после скандального разрыва с мини-

стерством финансов он уехал за границу и начал резкую критику этого ведомства. Так, Витте был обвинен Ционом в приверженности к «евангелию Карла Маркса»: «Мнимое введение золотой валюты есть не что иное, как объявление государственной несостоятельности». Введение винной монополии – «безобразное искажение верной мысли», разорившее винодельческие хозяйства Крыма и Бессарабии. Наконец, рабочее законодательство 1890-х и речь Витте перед пострадавшими от рабочей стачки фабрикантами, в которой министр защищал интересы рабочих, по мнению Циона, заслуживала того, чтобы Сергею Юльевичу «всыпали ... порядочное количество того добра, на которое он так щедр, высекая из крестьян подати» [42, с. 1, XIII, 68].

Еще в 1883 г. И. Ф. Цион надеялся на создание управляемой правительством оппозиции. Так, он предлагал М. Н. Каткову перекупить у А. А. Краевского газету «Голос», которая перешла бы в «верные» (т.е. Циона) руки и «не переставая, по-видимому, идти по прежнему пути, в сущности, мало-помалу и в весьма осторожной форме стала бы проповедовать более здравые мысли» [43, л. 3 об]. В начале XX в. Цион уже считал, что такая оппозиция должна стать самостоятельной силой, но «не ограничивать вовсе не существующей самодержавной власти государя, а наоборот, вырвать эту власть из рук министров и восстановить ее в надлежащем виде». Таким образом, задолго до П. Н. Милюкова Цион выдвинул тезис «оппозиции Его Величества», не претендующей на изменение основ существующего строя [44, с. XV, 43]. Илья Фаддевич был типичным «птеном гнезда Каткова». При всей неоднозначности своего морального облика, он обладал определенными убеждениями, которые, повторимся, во многом совпадали с катковскими. По тому, как менялись взгляды Циона в последующие годы, в какой-то степени можно судить, как эволюционировал бы сам Катков, если бы дожил до начала XX в.

Разумеется, в катковских изданиях печатались и авторы иного склада. Одним из них был М. Ф. Де-Пуле (1822–1885). Уроженец Воронежа и выпускник Харьковского университета, Михаил Федорович начинал свою литературную деятельность в либеральных и «почвеннических» изданиях. В истории русской литературы он останется как аккуратный и добросовестный литературный критик, биограф И. С. Никитина, А. В. Кольцова и других отечественных поэтов и писателей, автор ряда работ, посвященных педагогическим вопросам. Из публицистического его наследия наибольший интерес представляют, на наш взгляд, педагогические работы, а также статьи «Нигилизм как патологическое явление русской жизни» и «К истории украинофильства». Они, впрочем, во многом связаны с педагогическими работами автора. Сравнительно с катковскими передовицами, в этих текстах нет ни идейной, ни теоретической новизны, однако они добросовестны и обстоятельны, а главное – написаны с либеральных позиций.

Вслед за многими консервативными современниками Де-Пуле искал причины нигилизма в сфере культуры: «Наш нигилизм – язва социальная, подоб-

но западноевропейской социальной демократии; но он отличается от последней тем, что вытекает не из экономических причин, а из культурных [...] У нас гниет не экономический строй нашей жизни, вообще крепкий и здоровый; у нас яд гниения вносится в самую культуру нашу, едва насчитывающую полтора десятка лет своего существования» [45, с. 27]. Нигилизм, в его представлении, «осадок и отложения органической порчи прежней жизни»: «Русский либерал, сам того не подозревая, в душе остается озлобленным крепостником, который, будучи затронут, в отместку не остановится ни перед какими ломками и предастся либерализму уже без всякого удержу» [45, с. 38].

М. Ф. Де-Пуле далеко не первый, кто связывал нигилизм с крепостничеством. До него это делал одесский профессор П. П. Цитович, на чью скандальную брошюру «Что делали в романе «Что делать?»» Михаил Федорович ссылался на первых страницах своего текста, избегая, разумеется, тех грубых выражений, что так повышали «индекс цитируемости» Цитовича в либеральной прессе. Довольно стандартны для консерваторов (и актуальны во все времена) обвинения Де-Пуле в адрес либеральных веяний в педагогике: «...повсюдное распространение педагогической простаковщины, основанной на жертвоприношениях мамоне, требование сладости не плодов, а корней учения, каковое должно состоять в игривой легкости как порхание бабочек, ожесточенная, ярая вражда к классическому и вообще идеальному образованию, — непрекращаемое возбуждение молодежи, извращение ее понятий, лезть пред нею» [45, с. 44] [...] «Явился детский деспотизм вместо родительского. Явился ученический деспотизм в разных видах, мало известный публике и часто скрываемый оторопевшими или трусливыми педагогами, за которыми и без того неотступно гонялись реальная и педагогическая журналистика. Явился деспотизм студенческий по поводу экзаменов, стипендий, из-за желаний жить на чужой счет... Глубокое падение наших университетов у всех перед глазами и не нуждается в фактах» [45, с. 50].

Брошюра Де-Пуле была частью давней и последовательной «информационной кампании», которую катковские издания вели в пользу будущей университетской «контрреформы» 1884 г. Однако и последняя была не самоцелью, но лишь одним из инструментов борьбы с «пропагандой бестиации» [45, с. 52]. К «бестиации» же публицисты причисляли не только революционный нигилизм, но и зарождавшийся в те годы украинский национализм. Критике «украинофильства» в тот период было посвящено немало катковских передовиц. Михаил Никифорович был радикальным противником этого направления, отказывая в праве на жизнь даже популярной в славянофильской среде концепции «триединого русского народа» (точнее, как говорили тогда, еще не зная о существовании белорусов, «теории двух русских народов») [12, № 12]. Для него существовали только русские; попытки отделить от них малороссов и т.д. виделись ему проявлениями «польской интриги». Появлялись на страницах «Русского вестника» антиукраинские статьи и других авторов. Однако

лишь Де-Пуле, в свою бытность студентом Харьковского университета наблюдавший деятельность тамошнего украинофильского кружка, попытался проанализировать историю украинского движения.

Разумеется, его отношение к «украинству» было критическим. Однако в отличие от Каткова, публицист делает акцент не на конспирологических поисках, а на выявлении последствий и причин украинофильства. Считая, вслед за Катковым, украинский язык одним из множества простонародных русских диалектов, Де-Пуле расценивал его преподавание в школах (напомним, именно это было главным требованием первых украинофилов) как антидемократическую меру, изолирующую малороссийское простонародье от социального прогресса: «В настоящую пору распространение нашего государственного языка (литературного и образованного) идет с поразительной быстротой. Даже такая крепкая племенная индивидуальность, как еврейская, в лице своего учащегося молодого поколения, начинает забывать свой жаргон, и это не в Одессе одной, а даже в таких городах, как Вильна [...] И вдруг украинофилы со своими запоздалыми требованиями [...] Народность сама ассимилируется, сама бежит навстречу слиянию с общею матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, о насилии!.. Не с той ли стороны, напротив, идет насилие, которое становится поперек этому историческому движению и старается поставить ему преграды» [46, с. 230–231].

Однако источником этого насилия, по его мнению, была не любимая Катковым «польская интрига»: «Украинофильство, даже самое простое и чистое, есть явление не органическое, а искусственное, вызванное прихотью людей образованных, литературным дилетантизмом» [46, с. 214]. «Прихоть» эта была закономерной болезнью роста. Перенасыщенность русской литературы талантами, по мнению Де-Пуле, вела к тому, что второстепенные литераторы искали альтернативное поле для самореализации: «Когда завершилось создание общего русского литературного языка, когда в этом направлении дела стало меньше, а результаты трудов стали обещать блестящие успехи только для крупных дарований: тогда начало появляться в разных местах украинофильство, писательство на малороссийском языке, положившее начало его литературной обработке» [46, с. 216].

Еще одним либералом в катковском стане считался самый старший его представитель – П. К. Щебальский (1810–1886). Бывший боевой офицер-«кавказец», затем – московский полицмейстер, а после – неплохой историк-популяризатор, Петр Карлович не был замешан ни в каких крупных скандалах. Наоборот, даже люди либеральных взглядов считали его человеком, безусловно, порядочным. Близко друживший с ним Н. С. Лесков писал о своем восхищении личными качествами Щебальского [47, с. 429]. Самая известная работа последнего – «Чтение из русской истории». Из этой книги видно, что история России начинается для Щебальского только с конца XVII в., когда складывались предпосылки для Петровских реформ.

Свойственный большинству катковцев западнический взгляд на русскую историю характерен практически для всех трудов Щебальского. «Старинная Русь с ее началами и формами отжила свое время: это судьба всего в мире [...] Из государственных начал уцелело только самодержавие, и оно олицетворилось в особе Петра, но видоизменившееся, обновленное духом деятельности и инициативы. Оно произвело у нас тот переворот, который историческая судьба сделала очевидно необходимым и предохранило Россию от колебаний земли, сопровождавших в других государствах неизбежные, необходимые перевороты» [48, с. 54].

Эрудиция и хорошо развитая историческая интуиция позволяли Щебальскому видеть в жизни современного Запада «новый и необыкновенно сильный фактор – элемент национальностей». Это историческое явление живописуется им с необычайной экспрессией: «Вопрос национальностей – вопрос колоссальный, вопрос страшный! Это рычаг Архимедов, который поднимает весь шар земной, переворачивает вверх дном всю историю. Давно ли история и дипломатия заодно, с гордым самодовольствием провозглашали теорию политического равновесия? [...] И что же? Карта Европы переворачивается, звук оружия не умолкает; отыскался какой-то новый источник международной вражды: разверзлась Эолова пещера, и из нее, как ураган, вырывается *вопрос национальностей!*.. И когда этот ураган промчится? На каких заоблачных горах, на каких неизмеримых равнинах успокоится? Какие новые поднимет он громады, в какие песчинки обратит ныне существующие постройки?» [49, с. 28].

С точки зрения «принципа национальностей» предлагает рассматривать Щебальский и польский вопрос. Разумеется, на страницах катковского издания нельзя было напрямую признать права Польши на самоопределение. Однако публицист не ставит полякам этого в вину, упрекая их прежде всего в том, что они «считают всю Белую и Южную Русь, до Двины и Днепра, – Польшей». Чтобы понять польский вопрос, Европа должна «подвергнуть феодальную точку зрения публицистов прошедшего времени критике современных понятий»: «для нас ничего не значит, что у славной короны Пястов и Ягеллонов «отрываются лучшие перлы»... Право династии нарушено, но слияние народностей совершилось. Что же против этого возразить можно?» [49, с. 29–33].

Польские претензии на цивилизаторскую миссию – просвещение полудиких «русинов» европейской культурой – трактовались Щебальским как реакционные: «Во всей Европе утверждается уважение к индивидуальности как людей, так и народов, – а что мы видим со стороны представителей молодой Польши? [...] И вам, и нам будет лучше, если вы ограничитесь исключительно польскою национальностью; развивайте ее, очиншовывайте своих крестьян; но окажитесь от невозможного и преступного замысла – насиловать чужую народность» [49, с. 36–38].

Сквозь ту же призму рассматривал публицист и славянский вопрос. При чтении его статьи, посвященной Славянскому съезду 1867 г., можно подумать, что именно с ней спорил К. Н. Леонтьев в своем знаменитом «Византизме и славянстве». Щебальскому панславизм представляется прежде всего культурным движением – «протестом против умственного илотства», реализацией объективных исторических закономерностей: «Не заметно ли повсюду стремление к образованию обширных государств и обширных этнографических единиц, имеющих язык своим знаменем? Не центробежная, а центростремительная сила создала те языки и те литературы, которые суть истинные хранители и двигатели всемирной цивилизации. Ни во Франции, ни в Германии, ни в самой Англии не существовало первоначально одного, общего для всей территории языка». Соответственно, и славянское движение отражает эту европейскую тенденцию: «образовать из мелких племенных единиц крупные национальные единицы, а из слабых наречий и литературных попыток – обширную литературу и могущественный язык» [49, с. 834–836].

В 1883–1886 гг. П. К. Щебальский – уже больным 70-летним старцем – будет редактировать «Варшавский дневник». Эта официальная газета получила некоторую известность при кн. Н. Н. Голицыне – радикальном консерваторе, пригласившем в качестве сотрудника К. Н. Леонтьева и симпатизировавшем польской культуре. При Щебальском издание станет последовательно защищать интересы русского населения региона. В эти же годы сотрудником редакции станет П. А. Кулаковский (1848–1913) – выдающийся ученый-славист, в свое время посылавший в «Московские ведомости» свои корреспонденции из Сербии. Кулаковский сочетал «катковскую» и «аксаковскую» версии русского национализма. Он сменит П. К. Щебальского на посту редактора, а в начале XX в. станет редактором газеты «Окраины России» и членом «Русского собрания» [50, с. 77–90].

Но, пожалуй, наиболее характерным «птенцом гнезда Каткова» являлся В. А. Грингмут (1851–1907), в 1896 г. сменивший С. А. Петровского на посту редактора «Московских ведомостей». Если Щебальский и Кулаковский делали акцент на либерально-националистических элементах катковской идеологии, то для «богатыря мысли и дела» (так будут называть Грингмута авторы некрологов из черносотенных газет) важнее был элемент «государственнический»: «Я, само собой разумеется, поклонник Каткова, хотя в некоторых отношениях иду дальше и приближаюсь к точке зрения Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева...» [51, л. 10].

В идеи Данилевского Грингмут вникал не особенно глубоко, зато взгляды К. Н. Леонтьева, – в силу близкого знакомства и сходства вкусов, – усвоил прекрасно. Леонтьев называл Грингмута «тонкий эстетик» [52, с. 578], сам же Владимир Андреевич писал о себе в письме А. В. Половцову: «...настоящее мое призвание – эстетика. Живопись, изящная литература, и в особенности

театр – вот мои природные стихии» [51, л. 2 об]. Главным расхождением Грингмута с катковской идеологией было неприятие панславизма. В своих знаменитых статьях в «Русском обозрении», написанных под псевдонимом Spectator, «богатырь» утверждал: «Такой народ, как сербский, столь близкий нам по языку и по вероисповеданию, совершенно чужд нам по духу, по своему характеру, по своему уму и направлению. А между тем ведь общий язык и общая вера должны бы, по теории, создавать и общие духовные интересы; если они этого не делают, то, очевидно, неверна теория, и нам, следовательно, было бы непростительно подчинять такой шаткой теории наши несомненные духовные и государственные интересы» [53, с. 132].

Современные исследователи не без оснований характеризуют Владимира Андреевича как «дельца от журналистики», «человека тонкого политического расчета, чутко улавливающего любые смены оттенков в политике Зимнего дворца», при котором «Московские ведомости» полностью подчинились «оправданию правительственного курса» [5, с. 293]. Впрочем, этатизм Грингмута был связан не только с корыстными, но и с эстетическими мотивами. Посвятив ряд своих статей защите классического образования, он, подобно Каткову, считал государство силой творческой и упорядочивающей хаос общественной жизни.

Пытался Грингмут упорядочить и тот «хаос», что царил в разношерстных рядах консервативной печати. Так, отговаривая П. А. Кулаковского от полемики с «Санкт-Петербургскими ведомостями» Э. Э. Ухтомского, «богатырь мысли и дела» писал ему: «Мне хотелось бы содействовать водворению некоторого порядка в расстроенные ряды нашей «консервативной» партии. Так же, как либеральные органы, стремясь к одной и той же цели, *не спорят между собой о средствах для достижения этой цели, как бы они во взглядах на эти средства ни расходились, точно так же и нашим органам, стремящимся также к одной цели (самодержавие и единство России) не следует на потеху врагам препираться между собою в публичной полемике о средствах, ведущих к этой цели [...]* Если пред нами стоит не нами созданное стройное войско, то и нам следует выстроиться в дисциплинированную армию, так как иначе победа всегда будет на их стороне» [54, с. 470]. Свой организаторский талант В. А. Грингмуту удалось реализовать позднее – после создания им в 1905 г. «Русской монархической партии».

Своего рода промежуточный итог деятельности Каткова и его эпигонов подвел в 1891 г. Н. Я. Грот в письме Н. Н. Страхову: «...консерваторы выучились у старых либералов их приемам литературной борьбы и, кажется, критикуют их не менее успешно» [55, л. 24 об]. Злую шутку с катковским направлением сыграла власть, пресекая любую полемику с «Московскими ведомостями» и лишив тем самым их публицистов стимула к развитию. Не будем также забывать, что пропаганда в политической борьбе всё же не играет решающей

роли: общество судило русскую монархию не по словам публицистов, а по делам властей, которые к концу царствования Александра III вызвали недовольство самих консерваторов. В начале XX столетия большинство из доживших «птенцов гнезда Каткова» «растворятся» в черносотенном движении, которое, в свою очередь, так и не смогло одержать верх над движением революционным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Половцов А. А.* Дневник Государственного секретаря : в 2 т. / А. А. Половцов. – М., 2005. – Т. 1 : 1883–1886.
2. *Гиляров-Платонов Н. П.* М. Н. Катков / Н. П. Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений : в 2 т. – М., 1900. – Т. 2.
3. РГБ. – Ф. 120. – Картон 11. – Ед. хр. 4.
4. ИРЛИ. – Ф. 572. – Ед. хр. 50.
5. *Репников А. В.* Две жизни Льва Тихомирова / А. В. Репников, О. А. Милевский. – М., 2011.
6. *Попов Э. А.* Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М. Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х – 1880-е гг.) / Э. А. Попов, И. В. Велигонова. – М., 2014.
7. *Брутян А. Л.* М. Н. Катков : социально-политические взгляды / А. Л. Брутян. – М., 2001.
8. *Бугаева В. А.* Педагогическое наследие М. Н. Каткова / В. А. Бугаева. – М. ; Смоленск, 2011.
9. *Пресняков А. Е.* Воспоминания Е. М. Феоктистова и их значение / А. Е. Пресняков // Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. – М., 1991.
10. «Преемство от отцов» : Константин Леонтьев и Иосиф Фудель : переписка. Статьи. Воспоминания. – СПб., 2012.
11. ОР РГБ. – Ф. 120. – Оп. 1. – Картон 41.
12. Московские ведомости. – 1866.
13. Московские ведомости. – 1887.
14. *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия / В. А. Твардовская. – М., 1978.
15. Пророки византизма : переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891). – СПб., 2012.
16. День. – 1865.
17. Московские ведомости. – 1881.
18. *Гиляровский В. А.* Москва газетная / В. А. Гиляровский // Соч. : в 4 т. – М., 1967. – Т. 3.
19. *Михайловский Н. К.* Литературно-критические статьи / Н. К. Михайловский. – М., 1957.
20. Голос Москвы. – 1885.
21. *Карцов Ю. С.* Семь лет на ближнем Востоке / Ю. С. Карцов. – СПб., 1906.
22. РГБ. – Ф. 156. – Картон 5. – Ед. хр. 71.

23. Юшко А. Г. За кулисами публицистики (власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) / А. Г. Юшко // Никита Петрович Гиляров-Платонов : исследования. Материалы. Библиографии. Рецензии. – СПб., 2013.
24. Леонтьев К. Н. Избранные письма / К. Н. Леонтьев. – СПб., 1993.
25. НД [Дурново Н. Н.]. Нечто о русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева. – Лейпциг, 1887. – Вып. 2.
26. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. / К. Н. Леонтьев – СПб., 2003. – Т. 6., кн. 1.
27. Тютчев Ф. И. – Георгиевской М. А. 22.02.1866 // Полн. собр. соч. и писем : в 6 т. – М., 2005. – Т. 6.
28. Карцов Ю. С. Хроника распада / Ю. С. Карцов // ДРЗ. – Ф. 1. – М-76(1).
29. Котов А. Э. Охранители и общество / А. Э. Котов // Родина. – 2014. – № 4.
30. Котов А. Э. Птенцы гнезда Каткова / А. Э. Котов. – СПб., 2013.
31. ГАРФ. – Ф. 1718. – Оп. 1. – Ед. хр. 6.
32. Рязанов С. Ю. С. С. Татищев о политике самодержавия в Восточном вопросе / С. Ю. Рязанов // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. – Куйбышев, 1985.
33. Карцов Ю. С. Сергей Спиридонович Татищев (страница воспоминаний) / Ю. С. Карцов. – Пг., 1916.
34. Татищев С. С. Дипломатические беседы о внешней политике России. Год первый / С. С. Татищев. – СПб., 1890.
35. ОР ИРЛИ. – Ф. 463. – Ед. хр. 38.
36. ОР РГБ. – Ф. 120. – Картон 11. – Ед. хр. 2.
37. Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии / С. С. Татищев. – СПб., 1890.
38. Spectator [В. А. Грингмут]. Г. Татищев и г. Стамбулов / Spectator // Русское обозрение. – 1890. – № 9.
39. Кауфман А. Е. За кулисами печати (из воспоминаний старого журналиста) / А. Е. Кауфман. – СПб., 2011.
40. М. Н. Катков – К. П. Победоносцеву. 2 июня 1887 // К. П. Победоносцев и его корреспонденты : воспоминания. Мемуары : в 2 т. – Минск, 2003. – Т. 2.
41. Цион И. Ф. Нигилисты и нигилизм / И. Ф. Цион. – М., 1886.
42. Цион И. Ф. С. Ю. Витте и его проекты злостного банкротства перед Государственным советом / И. Ф. Цион. – Лейпциг, 1896.
43. ОР РГБ. – Ф. 120. – Картон 13. – Ед. хр. 2.
44. Цион И. Ф. Как установить в России правовой государственный строй / И. Ф. Цион. – Лейпциг, 1905.
45. Де-Пуле М. Ф. Нигилизм как патологическое явление русской жизни / М. Ф. Де-Пуле. – М., 1881.
46. Де-Пуле М. Ф. К истории украинофильства / М. Ф. Де-Пуле // Русский вестник. – 1881. – № 4.
47. Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 т. / Н. С. Лесков. – М., 1958. – Т. 10.
48. Щебальский П. К. О России, какую оставил ее Петр I / П. К. Щебальский // Русский вестник. – 1858. – № 1.
49. Щебальский П. К. Польско-русский вопрос / П. К. Щебальский // Там же. – 1861. – № 11.
50. Котов А. Э. «Варшавский дневник» в конце 1870-х – 1880-е гг. / А. Э. Котов // Российская история. – 2013. – № 1.

51. РНБ. – Ф. 601. – Ед. хр. 367.

52. Пророки византизма : переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891). – СПб., 2012.

53. *Spectator* [В. А. Грингмут]. Сербские скандалы / *Spectator* // Русское обозрение. – 1891. – № 3.

54. Котов А. Э. «Акрит» русской публицистики : П. А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым / А. Э. Котов // Славистика. – 2013. – Т. 17.

55. ОР РНБ. – Ф. 747. – Оп. 1. – Ед. хр. 13.

*Государственный университет морского
и речного флота имени адм. С. О. Макарова
(г. Санкт-Петербург)*

Котов А. Э., кандидат исторических наук,
доцент

E-mail: akotov@inbox.ru

*State University of Maritime
and Inland Shipping named after Admiral
Makarov (Saint-Petersburg)*

Kotov A. E., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor

E-mail: akotov@inbox.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. КИРЕЕВА И ИСТОРИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

М. В. Медоваров

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 8 июня 2015 г.

Аннотация: дается обзор основных вех жизни и общественно-политической деятельности интеллектуального лидера позднего славянофильства А. А. Киреева. Рассматривается история изучения его наследия и современное состояние историографии.

Ключевые слова: А. А. Киреев, славянофильство, консерватизм, старокатолики.

Abstract: the article contents the review of the main landmarks of Alexander Kireev's life and of social and political activity of this prominent intellectual leader of the late Slavophilism. History of the investigation of his heritage and the contemporary situation in historiography are also considered.

Key words: A. A. Kireev, slavophilism, conservatism, old catholics.

Выдающийся русский мыслитель, крупнейший представитель позднего славянофильства Александр Алексеевич Киреев родился 23 октября (4 ноября) 1833 г. в Москве. Род Киреевых происходит от казанских татар, перешедших на службу к Ивану Грозному. После участия П. Г. Киреева в освобождении Москвы в 1612 г. его потомки получили вотчины, стали стольниками и стряпчими. Прадед А. А. Киреева М. М. Киреев был убит по личному приказу Е. И. Пугачева в 1774 г.

Отец будущего мыслителя Алексей Николаевич Киреев (1812–1849) окончил Лейпцигский университет, стал гусарским офицером, был награжден за участие в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. орденом Святого Георгия и имением Сенькино в Московской губернии (ныне Подольский район). В 1840-е гг. вращался в кругу московских славянофилов, составил проект отмены крепостного права.

Мать будущего славянофила Александра Васильевна, урожденная Алябьева (1812–1891) происходила из известного вологодского рода, восходящего к А. С. Алябьеву – нижегородскому воеводе и соратнику К. Минина. А. В. Алябьева в юности считалась первой красавицей Москвы, ей посвящали свои произведения А. С. Пушкин, Н. М. Языков, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой.

Интересные воспоминания о ней оставили Б. Н. Чичерин и А. Ф. Тютчева. А. В. Киреева была очень образованна, глубоко интересовалась естественными науками и содержала свой салон, где в 1840-е гг. собирались славянофилы.

У Киреевых родились пять детей, двое из которых умерли в младенчестве, а трое – Александр, Ольга и Николай – стали видными славянофилами второй половины XIX в. Это неудивительно: посетителями дома Киреевых в 1930–1840-е гг. были Аксаковы, Киреевские, Самарины, А. С. Хомяков. Не случайно А. А. Киреев называл себя «славянофилом по происхождению».

Крестным отцом всех детей А. Н. Киреева был император Николай I. Именно он лично определил Александра и Николая Киреевых в Пажеский корпус в 1849 г., после неожиданной кончины их отца. В годы Крымской войны А. А. Киреев служил на австрийской границе, после ее окончания был вольнослушателем Петербургского университета, писал большой труд по этике. С 1861 г. Киреев начал вести дневник, в который на протяжении полувека будет записывать свои размышления, фиксировать важные встречи, слухи, свои оценки событий в России и за рубежом.

В 1861 г. Киреев служил мировым посредником в Саратовской губернии и заключил уставные грамоты со своими крестьянами в Нижегородской губернии. В центре внимания молодого Киреева в те годы были вопросы перехода российской экономики на капиталистические рельсы и перестройки политической системы в сторону конституции. В целом Киреев начала 1860-х гг. может быть охарактеризован как умеренный либерал, поклонник английского строя, сторонник постепенного распространения дворянских привилегий на весь народ и ярый апологет «манчестерского» капитализма. При этом он оставался патриотом России и выступал за освобождение южных и западных славян от турецкого и австрийского гнета. Сохраняя связи с И. С. Аксаковым, в целом молодой Киреев был ближе к платформе «Русского вестника» М. Н. Каткова: защита имущественного и образовательного ценза, надежды на ведущую роль дворянства в пореформенной России, недопущение политического равенства (при признании гражданского равенства для всех), крайне негативное отношение к радикалам, социалистам, нигилистам, а также наиболее «космополитическим» группам либералов.

В 1862 г. Киреев подал в отставку из гвардии и стал адъютантом великого князя Константина Николаевича, что позволило ему в дальнейшем на всю жизнь остаться человеком, приближенным ко двору и входящим в самые высокие правительственные сферы. Благодаря своей многолетней службе у великого князя Киреев получил уникальную возможность прямого общения с лидерами практически всех европейских государств, чего не удавалось добиться ни одному другому русскому консервативному мыслителю (за исключением разве что К. П. Победоносцева). Киреев в течение жизни был награжден 7 российскими и 15 иностранными орденами, не считая почетных званий различных обществ.

В период наместничества великого князя Константина Николаевича в Польше (1862–1863 гг.) Киреев выполнял при нем важнейшие поручения, помогал разрабатывать программу реформ. Высоко оценивая деятельность А. Велёпольского, Киреев глубоко сожалел о том, что поляки не захотели автономии в рамках Царства Польского и посягнули на западнорусские земли. С тех пор Киреев неоднократно предлагал проекты примирения с поляками на основе деполонизации Белоруссии, Малороссии и Литвы и предоставления широкой автономии собственно этнической Польше [1; 2].

В июне 1865 г. он был избран секретарем Подольского уездного земства, которое быстро превратилось в один из центров российской политической борьбы. В 1866 г. Киреев предпринял первую попытку создать «либерально-консервативную» политическую партию в целях наилучшего, на его взгляд, осуществления программы реформ Александра II. Эта программа предусматривала эклектическое сочетание принципов М. Н. Каткова, И. С. Аксакова и великого князя Константина Николаевича. По замыслу Киреева, созданная на основе таких принципов партия должна была стать противовесом и нигилистам, и реакционерам, и крайним либералам, и олигархической партии «Вести», и «красному» Н. А. Милютину (которого Киреев считал главным и непримиримым противником умеренно-либерального дворянства). Следует отметить, что свою планируемую «партию» Киреев видел не чисто дворянской, она должна была олицетворять «всю Россию», сосредоточенную в земстве: «Мы не можем забывать дворянских интересов, но мы должны опережать других на пути либеральных мер». Конечно, такие представления были далеки от реальности, как отмечает И. А. Христофоров [3, с. 180–192, 229–230]. В конечном счете Киреев остался без союзников в своем замысле, его планы не встретили понимания практически ни у кого. Вовлеченность Киреева в авантюру с Обществом взаимного поземельного кредита в 1866–1868 гг. серьезно повредила его репутации даже в дружественной славянофильской среде.

Однако уже в конце 1866 г. Киреев впервые четко заявил о своем идеале законосовещательного, но не законодательного собрания. После беседы с Александром II он вернулся к славянофильским идеалам своего детства, к идеализации «древнемосковского» строя с его земскими соборами. Однако политическая обстановка в России не позволяла адъютанту «полуопального» великого князя Константина Николаевича развивать сколько-нибудь заметную общественную деятельность в годы ненавистного Кирееву «западнического», «космополитического» режима Шувалова – Тимашева – Валуева. По этой причине в первой половине 1870-х гг. Киреев и его патрон сосредоточились на церковных делах, воодушевившись после Ватиканского собора перспективой воссоединения старокатоликов с православной церковью. В 1872 г. он стал секретарем петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения под председательством великого князя Константина Николаевича. Поездки Киреева в составе русской делегации на старокатолические конференции

в 1874–1875 гг. привели к подписанию ряда богословских соглашений между православными и старокатоликами. Кирееву удалось заинтересовать в старокатолическом деле ряд сановников, добиться официального одобрения со стороны Александра II и Святейшего синода.

В 1869 г. братья Киреевы вошли в число основателей петербургского Славянского комитета и в последующие годы быстро разорились, вложив свои деньги в сомнительные предприятия с целью направить прибыль на помощь славянам. Балканский кризис 1875–1876 гг. выдвинул братьев на передний край борьбы. Николай Киреев стал практически первым русским добровольцем, командовавшим сербским отрядом и погибшим в бою с турками в июле 1876 г. (его могила на территории нынешней Болгарии сохраняется и глубоко чтится и поныне). Его смерть подтолкнула Александра Киреева и его сестру Ольгу Новикову, проживавшую в основном в Лондоне, к тому, чтобы стать публицистами славянофильского толка. А. А. Киреев в русской, а Новикова в английской прессе в течение десятилетий отстаивали интересы России, самодержавия, православия и славянства, как они их понимали.

В конце 1870-х гг. А. А. Киреев особенно тесно общался с Ф. М. Достоевским, И. С. Аксаковым, М. Н. Катковым. Вместе с сестрой он оказывал постоянную поддержку молодому философу В. С. Соловьеву: без их поддержки не осуществились бы ни его знаменитые лекции о богочеловечестве, ни издание его первых книг, ни поездка в Лондон.

Киреев заявил о себе как о серьезном публицисте уже брошюрой «Избавимся ли мы от нигилизма» (1879), а с 1883 г. стал идейным вдохновителем журнала «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», первый номер которого открывала его программная статья «Сущность славянофильского учения», вызвавшая отклики даже за рубежом. С этого момента Киреев начинает выдвигаться на место крупнейшего идеолога позднего славянофильства. После смерти в 1885–1887 гг. таких крупных консерваторов, как Н. Я. Данилевский, И. С. Аксаков, М. Н. Катков, Н. П. Гиляров-Платонов, Киреев стал позиционировать себя как человека, осуществившего синтез идей всех этих мыслителей. Что касается таких друзей и соратников Киреева, как Д. А. Хомяков и Ф. Д. Самарин, то они писали намного меньше его, были менее влиятельны, и генерал имел основания похвалить себя: «Для развития мысли славянофильской, конечно, я работаю один... Немного смешно говорить про себя такие вещи, но это действительно так». Да и некоторые оппоненты признавали Киреева «вожаком славянофильства». В 1895 г. мыслитель сам заявил Николаю II: «Я воспитывался и рос среди славянофилов, а теперь обстоятельства поставили меня (за неимением достойнейшего) во главе славянофильской мысли, я в этом служении вижу свой долг всей своей жизни» [4].

Однако это не означало признания Киреева со стороны других поздних славянофилов, в чьих рядах после смерти И. С. Аксакова не было единства.

А. В. Васильев, О. Ф. Миллер, Н. П. Аксаков, резко нападая на Киреева, пытались превратить славянофильство в национально окрашенный либерализм. В. И. Ламанский вступил в конфликт с Киреевым по поводу славянского вопроса. Д. А. Хомяков и Ф. Д. Самарин разделяли многие мысли Киреева, но считали себя чуть «правее» его. С. Ф. Шарапов ревниво относился к Кирееву как к конкуренту. В то же время 1880–1890-е гг. XIX в. ознаменовались острой полемикой Киреева как с теми консерваторами, кто видел в славянофильстве опасное «либеральничанье» (К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, В. А. Грингмут), так и с либералами-западниками (прежде всего, с С. Н. Трубецким и П. Н. Милюковым). Наконец, и с Владимиром Соловьевым к концу 1880-х гг. у Киреева произошел разрыв, после которого он нашел нового протеже – Льва Тихомирова, реабилитированного и вернувшегося в Россию именно стараниями Киреева и Новиковой.

Александр III, хотя и присвоил Кирееву чин генерал-лейтенанта (1888), в целом его не жаловал, несмотря на подчеркнутое уважение того к своему императору. После смерти великого князя Константина Николаевича Киреев остался жить в Мраморном дворце в Павловске в окружении его вдовы, детей и внуков. На политику страны он мог влиять теперь только через частые беседы с К. П. Победоносцевым да с Ольгой Константиновной, русской королевой Греции. К 90-м гг. XIX в. четко определились три основные сферы деятельности генерала: борьба за строгое классическое образование в гимназиях и университетах (в сочетании с физической подготовкой и спортом); активное содействие сближению старокатоликов и отчасти англикан с православной церковью (сочинения по старокатолическому вопросу составляют как минимум половину всех трудов Киреева); разработка позднеславянофильского учения о государстве и обществе. «Краткий катехизис славянофильского учения» вышел в 1896 г., и в этом труде Киреев претендовал на роль человека, систематизировавшего взгляды ранних славянофилов и адаптировавшего их к текущей политической обстановке конца XIX в.

Теория Киреева проста и в то же время противоречива. Он принимал триаду «православие, самодержавие, народность» за краеугольный камень своей доктрины, оговариваясь, что понимает эти три понятия иначе, чем охранители или, напротив, либералы. Православие Киреев видел в значительной степени «модернизированным», сближенным с западным старокатолицизмом и даже протестантизмом; самодержавие трактовал как власть царя, не ограниченную буквой закона, но ограниченную подчинением православным догматам и соблюдением народных традиций, власть, отвечающую чаяниям всего русского народа, прежде всего дворян, духовенства и крестьян. «Народность» Киреев тесно связывал с «принципом национальности», отвергая легитимистский принцип в международной политике и называя конечной целью русской политики распад Австро-Венгрии и Османской империи с образованием на их месте дружественных славянских государств, по возможности православ-

ных или старокатолических. Не все в замыслах Киреева было утопичным: например, его стараниями старокатолицизм стал массово распространяться среди поляков и чехов.

Пожалуй, наиболее экстравагантными взгляды генерала на внешнюю политику были тогда, когда он предлагал русско-германский союз (при желательном нейтралитете Великобритании) против Австро-Венгрии, Франции и Италии. Восхищение Киреева О. фон Бисмарком, а также У. Ю. Гладстоном было почти безграничным, но не менее прочной была его франкофобия и многолетняя ненависть к императору Францу-Иосифу. Киреев в течение жизни не раз общался напрямую с европейскими монархами, членами династий, министрами, поэтому его политические пристрастия обусловлены его собственным опытом, какими бы нетипичными они сейчас ни казались.

В целом положительно оценивая правление Александра III, Киреев видел его недостатки в «оскудении кадров» (к концу правления не осталось практически ни одного незаурядного, выдающегося министра или сановника), а также в тяжелейших провалах российской политики на Балканах. После вступления на престол Николая II пессимизм и критические выпады Киреева в адрес существующего строя резко возрастают, причем молодой император любил Киреева и иногда по несколько раз в год советовался с ним по различным вопросам (прежде всего, о старокатоликах и о введении дуэльного кодекса), уже к началу XX в. генерал был убежден в неотвратимости революции. По его мнению, слишком долго власть не давала свободы слова независимым славянофильским и вообще консервативным органам печати. В своей полемике с охранителем В. А. Грингмутом и либералом Б. Н. Чичериным Киреев, категорически возражая против введения конституции в России, предлагал упредить революцию рядом паллиативных реформ, которые уменьшили бы степень бюрократизации управления. Если ранее, даже в период министерства Н. П. Игнатьева, Киреев был против созыва Земского собора, то в начале XX в. он решил, что его время настало. Мыслитель верил, что созыв законосовещательного собрания позволит императору узнать о нуждах страны, выбрать талантливых управленцев и сделает идеи конституционализма и парламентаризма ненужными.

Период, когда Министерство внутренних дел возглавляли В. К. Плеве и П. Д. Святополк-Мирский (1902–1904 гг.), стал звездным часом Киреева. Никогда еще с ним так часто не советовались в высших эшелонах власти. Пользуясь изменившейся обстановкой, Киреев засыпал Николая II записками о необходимости созыва Земского собора и предложениями по его формированию. Одна из таких записок была опубликована под названием «Россия в начале XX столетия» и являлась одним из ключевых произведений Киреева. Однако, несмотря на ряд уступок и благожелательных жестов, ни Плеве, ни Святополк-Мирский не стали последовательно проводить в жизнь киреевскую программу. Разразилась революция 1905 г., которую Киреев пережил очень тяжело.

Уже в ноябре 1904 г. он вместе с рядом «придворных» консерваторов вошел в состав Консервативного бюро, выступавшего со славянофильских позиций. После того как весной 1905 г. многие дворянские собрания поддержали лозунг созыва законосовещательной (не законодательной) Думы, 1 мая Консервативное бюро было преобразовано в Отечественный союз. Киреев как его идеолог расходился с проектом А. Г. Булыгина по ряду вопросов, но в итоге был согласен и на «булыгинскую» Думу. Манифест 17 октября Киреев воспринял как катастрофу, гибель России и крах идеалов всей своей жизни.

Тем не менее с весны 1906 г. он вернулся к активному участию в политической жизни страны: следил за заседаниями Государственной Думы, участвовал во всех съездах Объединенного дворянства, старался создать умеренные, «респектабельные» правые организации, которые отличались бы от «неотесанных» черносотенцев. Киреев приветствовал переворот 3 июня 1907 г., сразу после него получил звание полного генерала из рук Николая II. Мыслитель призывал пойти дальше и де-юре отменить манифест 17 октября, чтобы конституционализм «не пустил корни» в России. Однако председатель Совета министров П. А. Столыпин был категорически против такой мысли. Плодотворного сотрудничества у него с Киреевым не сложилось. Генерал уважал Столыпина, но однозначно осуждал его «октябристские» идеи. Со своей стороны премьер-министр часто советовался с Киреевым по вопросам о крестьянской общине, балканской политике, церковных делах и старокатоликах, дуэльном кодексе. Киреев часто размышлял, кто из правых дворянских лидеров мог бы заменить Столыпина на посту главы правительства, но удовлетворительной кандидатуры так и не нашел.

Отдушиной для Киреева в эти годы стало участие в подготовке церковной реформы и созыва поместного собора. Еще в 1903 г. он стал почетным членом Московской духовной академии, а в марте-декабре 1906 г. был одним из немногих мирян – членов Предсоборного совещания, в ходе которого он ставил вопрос о децентрализации управления в Русской православной церкви и резком усилении роли мирян гораздо важнее вопроса о восстановлении патриаршества.

В последние годы жизни на фоне нового поворота российской политики в сторону Балкан и активизации православно-старокатолических контактов Киреев стал давать относительно оптимистические оценки своей деятельности. Перед смертью он писал: «На склоне лет я, даже больше прежнего, стал убежденным сторонником основоположников славянофильства, проверив отвлеченные теории моим разносторонним, долгим житейским опытом... Бурный первоначальный поток славянофильства превратился в тихую реку, постепенно расширяющуюся и проникающую вглубь народного сознания... Необходимо еще крепче держаться нашего славянофильского учения, вне которого России спасения не будет... сделать славянофильство еще более достоянием народных масс» [5, т. 1, с. V–VI].

Скончался А. А. Киреев 13 (26) июля 1910 г. и был похоронен в селе Ново-Александровское (ныне Новиково) Тамбовской губернии, в храме, построенном его племянником А. И. Новиковым, также видным общественным деятелем и просветителем (автором «Записок земского начальника», «Записок о сельской школе» и «Записок городского головы»).

Масштаб личности и деятельности А. А. Киреева несоизмерим с чрезвычайно низким вниманием к нему в историографии. Современники, в числе которых крупнейшие русские мыслители и богословы, активно с ним полемизировали и давали ему интересные оценки, но, на наш взгляд, эти оценки нельзя отнести к историографии, к истории изучения А. А. Киреева. О зарождении научной традиции исследования наследия генерала можно говорить, пожалуй, лишь начиная с момента его кончины. Уже некрологи [6; 7; 8] и статьи памяти Киреева, опубликованные в 1910–1911 гг., содержат первые попытки анализа его взглядов. Среди них следует особо выделить энциклопедическую статью Н. И. Афанасьева, который самостоятельно дал достаточно меткие характеристики социально-политическому и церковному идеалам Киреева, подчеркнув их взаимосвязь: «Как самодержавие для него немислимо без совещательной думы, так для него недопустимо церковное правительство без церковного собора» [9]. В том же 1910 г. выходит статья соратника генерала по Славянскому благотворительному обществу П. А. Кулаковского «Памяти А. А. Киреева» [10] и опубликованная в виде отдельной брошюры одноименная работа бывшего редактора «Богословского вестника» В. А. Соколова [11; 12]. Эти работы носят скорее фактографический характер, описывая основные достижения Киреева и не претендуя на обобщение его взглядов. Некоторую долю рефлексии по поводу деятельности мыслителя можно заметить и в некрологе, написанном его сестрой О. А. Новиковой [13].

Однако серьезное научное значение имеют, прежде всего, мемуары Л. А. Тихомирова о Кирееве, существующие в двух вариантах. Первый вариант находится в неопубликованном дневнике Тихомирова, хранящемся в Государственном архиве РФ, и представляет собой набросанные сразу после смерти Киреева довольно обширные тезисы. В них Тихомиров пытается определить место Киреева в его эпохе, ищет социально-психологическое объяснение специфике его взглядов через отсылку к дореформенному дворянскому воспитанию, выделяет несколько периодов развития общественно-политических взглядов Киреева, констатирует тяжелые потрясения, которые идеалы генерала пережили в годы Русско-японской войны и первой революции. В политическом спектре России Тихомиров ставил Киреева посередине между собой и «катковцами» [14, л. 96 об.–100 об.].

С 1913 по 1918 г. Тихомиров работал над своими воспоминаниями, озаглавленными «Тени прошлого». Одни из последних глав этих мемуаров посвящены Кирееву и его знаменитому племяннику А. И. Новикову. Уделяя боль-

шое внимание описанию внешности генерала, его бытовых привычек, образа жизни, его семьи, Тихомиров анализирует и его политические взгляды. Он подчеркивал, что представления Киреева о формах созыва Земского собора были расплывчаты и неопределенны: «Как это организовать конкретно? Он не думал... И это вовсе не по “тупости”, а потому, что у него живы были только *нравственные* мотивы, а *конституционные* его мало занимали. У него было такое убеждение: если будут судить *по совести*, то столкнутся. Ну а если будут судить не по совести? Тогда все равно ничего не выйдет, как ни устраивай... Он верил в чудодейственную силу *нравственного общения* и *единения*». Утопичность планов генерала Тихомиров видел в том, что тот предполагал в России «некоторый крепкий фонд общих всему народу верований и идеалов, чего на самом деле уже было мало» [15, с. 660, 663–664].

Однако автор «Монархической государственности» оправдывал Киреева тем, что в конце XIX в. никто еще не мог разглядеть процессов разрушения старой России. Особое внимание Тихомиров уделил описанию процесса разочарования Киреева в годы царствования Николая II, его предчувствиям начавшейся гибели «старой России» [15, с. 663–668], но чрезмерное выпячивание этой стороны рассуждений генерала при замалчивании других, более оптимистических, его суждений вообще чрезвычайно характерно для Тихомирова [16]. С другой стороны, большой заслугой автора «Теней прошлого» является детальный анализ отношения Киреева к Столыпину и Витте [15, с. 668–671] и его позиции в старокатолическом вопросе: Тихомиров одним из первых констатировал глубоко рационалистический, близкий к протестантскому характер личной религиозности Киреева [15, с. 661–663].

Наконец, Тихомирову удалось раскрыть конкретно-исторические условия, в которых мог сформироваться такой тип личности: «Для того чтобы выработать А. А. Киреева, нужно иметь старорусского дворянина, пропустить его через стремления декабристов, через школу императора Николая Первого, через мечтания славянофильства и через освободительные порывы реформ Александра Второго. Ни одного из этих составных элементов нельзя отбросить для получения того своеобразного, но рыцарски благородного типа, который представлял он и отражения которого давали жизнеспособность старой императорской России... Но он вымирал уже при жизни Киреева, который был последним его представителем» [15, с. 654].

Дореволюционный период 1910–1917 гг. характеризуется также изданием многих трудов А. А. Киреева, который вплоть до самой кончины продолжал готовить свои статьи к изданию, снабдил их примечаниями и внес ряд исправлений в свой дневник. Сотни писем, весь дневник за 49 лет, множество других документов Киреев за месяц до смерти передал своему другу – архивисту Г. П. Георгиевскому. Мыслитель писал ему: «Корреспонденция будет иметь значение в особенности как описание быта русского общества нашего времени. Может быть, в ней найдется немало такого, что окажется достойным

опубликования» [17, л. 1–2 об]. Киреев разрешил издать эти материалы только после 1975 г. С 1910 по 1924 г. О. А. Новикова передала сначала Г. П. Георгиевскому, а затем напрямую Государственной библиотеке множество документов и предметов, принадлежавших семейству Киреевых – Новиковых [18, л. 113–119; 19, с. 16–17].

В 1912 г. А. С. Суворин наконец издал сочинения Киреева в двух томах. В первый том вошли сочинения на церковные темы, во второй – на политические и общественные. Это собрание сочинений является далеко не полным. В Швейцарии после кончины Киреева прекратилось издание международного старокатолического журнала «Revue Internationale de Théologie», но были выпущены в свет сборники работ Киреева на французском языке [20; 21]. Работы Киреева по старокатолическому вопросу публиковались и в России в 1910–1912 гг. [22; 23; 24]. В 1915 г. в газете «Русские ведомости» были опубликованы фрагменты переписки Киреева с В. А. Грингмутом в 1905 г. [25], а в период Временного правительства в 1917 г. в «Русской мысли» увидела свет часть переписки генерала с Владимиром Соловьевым [26].

Изучение наследия Киреева в Советском Союзе в 20-е годы свелось к единственному эпизоду, когда в 1926 г. в «Красном архиве» появилось небольшое письмо Плеве к Кирееву в сопровождении предисловия Е. В. Тарле, в котором социально-политическая позиция мыслителя, как и у Тихомирова, сводилась к особенностям его общественного положения и воспитания: «Отставной генерал по службе и славянофил новейшей формации по убеждениям, А. А. Киреев, человек крайне наивный и до курьеза близорукий в политике, усвоил себе роль как бы некоего шиллеровского маркиза Позы, благородного и бескорыстного советника, говорящего правду сильным мира сего, предостерегающего их от ложных шагов, раскрывающего перед ними скрываемые несправедливости и т.д. А. А. Киреев мечтал о мирном изживании “смуты”, о воссоединении царя не только с “народом” (в этом он был и без того убежден), но и с заблудшею, погрязшею в конституционных “бреднях” интеллигенциею и т.д. Царю – сила власти, народу – свобода мнений. Все эти старинные славянофильские лозунги владели и Киреевым. К этому присоединялись природное прекраснодушие и наивная сентиментальность» [27].

В свете доступной сегодня полноты источников характеристика Киреева, данная Тарле, не может считаться безошибочной, однако в свое время это была практически первая адекватная научная оценка деятельности генерала. Более того, вплоть до начала XXI в. ни одному историку не удавалось даже приблизиться в своих оценках Киреева к уровню Тихомирова и Тарле. Это было обусловлено тем, что вплоть до 90-х гг. XX в. ни один историк не занимался специально Киреевым. Некоторое исключение можно сделать для С. А. Никитина, который в «Славянском сборнике» 1948 г. опубликовал и прокомментировал документы, относящиеся к деятельности братьев Киреевых на Балканах в 1876 г. [28; 29], а в монографии 1960 г. о Славянских комитетах

проанализировал эту деятельность, попутно верно определив А. А. Киреева как «одного из последних теоретиков позднего славянофильства» [30].

В русском зарубежье о Кирееве кратко упомянул только Г. В. Флоровский, назвавший его в своей статье 1921 г. «систематизатором и официальным истолкователем позднейшего славянофильства» [31, с. 838], а в «Путиях русской мысли» (1937 г.) перечисливший несколько сухих фактов из деятельности мыслителя на старокатолическом направлении [32, с. 279, 382].

Среди зарубежных исследователей почти все обращались к наследию Киреева не непосредственно, а путем цитирования единичных фактов и высказываний из работ советских коллег. Следует привести несколько примеров, когда на таком вторичном материале американские ученые все же пытались сделать самостоятельные выводы. Так, Н. В. Рязановский, следуя традиции русской либеральной историографии, причислил Киреева наряду с Д. А. Хомяковым к последним «обоителям славянофильства» [33, с. 199, 212]. Фиона Томашевски обратила внимание на теплые отношения Киреева с императрицей Александрой Федоровной, нетипичные для ее враждебного в целом окружения [34, с. 57]. Астрид Туминес выдвинула гипотезу о вкладе Киреева в разворот внешней политики России в сторону Балкан в 1908 г. [35, с. 150].

Единственными специальными зарубежными работами о Кирееве являются статьи Дж. Д. Бэзила (1987–1991 гг.), по первоисточникам исследовавшего религиозные воззрения и церковную деятельность Киреева: от старокатолического вопроса до его призывов к «модернизации» внутри Русской православной церкви [36; 37; 38]. Труды Бэзила были по достоинству оценены таким специалистом по религиозной истории России, как П. Верт [39].

В советской историографии 70–80-х гг. Киреева называли «одним из теоретиков позднего славянофильства» и «т.н. славянофилом-националистом» [40, с. 254]. Наследие мыслителя было прочно забыто, и на страницах научных трудов он фигурировал лишь как свидетель политических событий конца XIX – начала XX в. Ю. Б. Соловьев и П. А. Зайончковский часто цитировали дневник Киреева, но даже эти выдающиеся историки не останавливались на характеристике его взглядов и на его исторической роли. Так, Ю. Б. Соловьев отметил значение Киреева всего лишь как «одного из наиболее целеустремленных поборников дворянского дела, сферой деятельности которого был высший придворно-бюрократический мир» [41, с. 79; 42, с. 35]. П. А. Зайончковский, В. А. Твардовская, В. А. Дьяков без всяких доказательств относили Киреева к охранителям и реакционерам, попутно отрицая значимость и сам факт существования прочной позднеславянофильской традиции [43, с. 179; 44, с. 87, 90, 245; 45, с. 44, 56; 46, с. 180]. Этой ошибки не избежал и Ю. З. Янковский, по мнению которого генерал был «одним из реакционнейших последователей старших славянофилов, заметно обострившим их националистические тенденции» [47, с. 134].

Ошибочная оценка Киреева была доведена до крайности в концепции Н. И. Цимбаева, вопреки всему комплексу источников произвольно разрывавшему историю славянофильства на собственно славянофильство (до 1875 г.) и «славянолюбие» (после 1875 г.). Неудивительно, что в результате получался абсурдный вывод: «Киреев был крупным теоретиком славянофильства-славянолюбия, неоднократно излагал “славянофильское учение”. Под его пером оно сводилось к “славянофильской формуле”»: “православие, самодержавие, народность”. Было бы упрощением утверждать, что Киреев не понимал истинного славянофильства или сознательно его искажал. Нередко он тонко указывал на существенные отличия своих воззрений от представлений Хомякова, но объяснял эти отличия только изменившейся исторической обстановкой. Киреев искренне считал себя продолжателем дела Хомякова, которое он понимал (совершенно в духе О. Ф. Миллера) как начало славянолюбия в России и твердо именовал свои консервативные, панславистские убеждения “славянофильством”» [48, с. 44]. Если не брать в расчет идейную вражду между Киреевым и Миллером, то остается констатировать, что Киреев прекрасно понимал свою принадлежность к славянофильству, основанному А. С. Хомяковым, работал рука об руку с его сыном Д. А. Хомяковым и, несомненно, не мог предвидеть спустя столетие появление историков, которые попытаются расчленить их наследие по лекалам схем, полностью оторванных от источниковой базы.

В корне ошибочное причисление Киреева к реакционерам или ультраконсерваторам дало о себе знать и в коллективной монографии «Русский консерватизм: идеология и практика» (2000 г.), где Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская и К. Ф. Шацилло упоминали Киреева исключительно как соратника М. Н. Каткова в деле проведения контрреформ, игнорируя подчас сдержанное отношение к ним генерала. Впрочем, на сей раз В. А. Твардовской удалось отметить влияние Киреева «в высших сферах» [49, с. 260, 292, 305–306, 320, 328–329, 336–338, 355, 386].

К сожалению, и без того скупые сведения о Кирееве оказались подчас разбавлены ошибками и опечатками в выходящих в 90-е гг. биографических словарях [50, с. 183–184; 51, с. 532; 52, с. 571]. Исключение составила словарная статья священника А. Дубинина, в которой Киреев был наконец-то признан продолжателем ранних славянофилов [53, с. 253–254]. В том же русле высказался в поздний период своего творчества В. А. Дьяков [54, с. 143–181]. Данный тезис повторил в своей диссертации Д. П. Золотарев, отметивший, что «влияние идей Н. Я. Данилевского во взглядах А. А. Киреева практически не прослеживается... Киреев всецело ориентируется на наследие ранних славянофилов» [55, с. 16–20].

Этот факт признал и пишущий на околоисторические темы публицист А. Л. Янов, который подметил также правоту Киреева, отказавшегося причислять К. Н. Леонтьева к славянофилам [56, с. 63–68, 82–87]. Однако признание

преемственности генерала от ранних славянофилов почему-то вызвало у Янова только насмешки. Он отрицал оригинальность Киреева как мыслителя, называя его «ортодоксом неославянофильства», «законсервировавшимся консерватором», «полулиберальным славянофилом аксаковского стиля», «белой вороной» на фоне консерваторов-националистов конца XIX в. [57, с. 163, 166]. Янов не сдерживал своих негативных эмоций в адрес «старой гвардии» поздних славянофилов в лице Киреева и его соратников: «Их рабское копирование славянофильских догматов сороковых годов производило в несравненно усложнившейся ситуации годов девяностых впечатление скорее комическое, их гневные манифестации весьма напоминали пародию и благообразный их лидер [т.е. Киреев] так же походил на Хомякова, как черносотенец Сергей Шарпов на Ивана Аксакова» [58, с. 292, 295, 303].

Тем не менее к началу XXI в. высказывания в духе А. Л. Янова стали, к счастью, анахронизмом. Систематическое обращение к первоисточникам, публикация значительной части переписки Киреева, отрывков из дневника и некоторых публицистических произведений мыслителя в 1990–2000-е гг. [59; 60; 61; 62; 63; 64; 65; 66] позволило публикаторам этих документов дать ему более взвешенные оценки. И. В. Лукоянов вернулся к определению Киреева как «лидера славянофильской партии» в конце XIX – начале XX в. [59, с. 11], Д. В. Соловьев назвал его «пылким», «благородным консерватором, истинно-православным и добрейшим человеком» [60, с. 158]. В. А. Фатеев называл его вначале «славянофильствующим придворным публицистом» [67, с. 95], а затем просто «публицистом славянофильской ориентации» [31, с. 954].

В начале XXI в. И. А. Христофоров и В. Е. Воронин не только прибегали к обширному цитированию дневника Киреева, но и впервые в историографии начали рассматривать политическую деятельность Киреева в 1860-е гг. [3, с. 29–30; 68]. С. Л. Фирсов, постоянно привлекавший сочинения Киреева при исследовании истории Русской православной церкви в начале XX в., характеризовал его как «трезвомыслящего церковного консерватора», «неославянофила», «идейного монархиста» и притом гибкого политика [69, с. 27–28]. Говоря о степени реалистичности киреевских проектов реформирования России накануне революции 1905 г., С. Л. Фирсов замечает: «Трудно сказать, существовала ли возможность реализовать программу Киреева. Но ничего и не было сделано для этого» [70, с. 30, 101].

Эту мысль С. Л. Фирсова фактически продолжает представитель современной либеральной историографии М. Сулов, по мнению которого Киреев и его соратники «выработали проект модернизации, альтернативный правительственному, более мягкий и национально-ориентированный», который хотя и «стал неактуальным после революции 1905–1907 гг.», но все же был востребован и в народе, и в политической элите [71, с. 174].

Примером грамотного, квалифицированного исследования является статья В. М. Хевролиной (2000 г.), которая причислила к поздним славяно-

филам И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского, А. А. Киреева, А. В. Васильева и впервые в историографии озвучила тезис о том, что «по своим идейным взглядам Киреев был консерватором с некоторым оттенком либерализма» [72]. Во многом повторил выводы В. М. Хевролиной С. М. Сергеев, рассмотревший на ряде конкретных примеров соотношение консервативных и либеральных элементов в мировоззрении Киреева, его положение среди других консерваторов и в целом определивший место мыслителя на правом фланге позднего славянофильства [73]. Немаловажно, что исследование Киреева для С. М. Сергеева было неотъемлемой частью создания новой научной концепции позднего славянофильства и критики схем Н. И. Цимбаева и других советских историков.

В целом лишь после 2010 г. в изучении А. А. Киреева был достигнут настоящий прорыв.

В 2010 г. К. А. Соловьев при поддержке РГНФ подготовил к изданию, опубликовал и прокомментировал дневник генерала за 1905–1910 гг. [4]. К сожалению, из-за большого объема этого важнейшего исторического источника речи о публикации дневника за более ранние периоды сейчас не идет, однако важное научное значение имеет предисловие К. А. Соловьева [4, с. 3–17]. В первой половине предисловия дан сжатый очерк отдельных, наиболее любопытных моментов из жизни мыслителя, к сожалению, не всегда точный. Во второй половине предисловия точно и корректно поставлен вопрос об особенностях позднего славянофильства – главная историографическая проблема, связанная с Киреевым. Правда, К. А. Соловьев предпочитает термин «неославянофильство», с чем мы не можем согласиться, не желая путаницы с оппонентами Киреева – либеральными «неославистами» начала XX в.

К. А. Соловьев обращается к историографии проблемы, отмечает внутреннюю противоречивость взглядов Киреева, наряду с этим признавая его «одним из наиболее последовательных продолжателей славянофильского учения, что во многом обусловило его значение в ряду прочих консервативных мыслителей начала XX века». Краткий и четкий анализ общественно-политических и религиозных убеждений генерала сочетается у К. А. Соловьева с констатацией того, что, хотя «внутренняя противоречивость политического учения А. А. Киреева бросалась в глаза современника», «при всей этой противоречивости А. А. Киреев, пожалуй, был одним из наиболее последовательных продолжателей славянофильского учения, что во многом обуславливало его значение в ряду прочих консервативных мыслителей начала XX в.» [4, с. 15–16].

Публикация дневника Киреева за 1905–1910 гг. вызвала отклик со стороны А. А. Тесли, написавшего краткую рецензию и сделавшего вывод о том, что после краха политических идеалов в 1905 г. активность Киреева переходит в русло церковной реформы. Следует отметить, что вслед за К. А. Соловьевым А. А. Тесья использует термин «неославянофильство» применительно к славянофилам рубежа XIX – XX вв. [74].

В последующих работах, выполненных в рамках гранта Президента РФ «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом» (2011 г.), А. А. Тесля также обращается к наследию А. А. Киреева [75]. Довольно странно, что он сделал вывод, будто Киреев после 1906 г. возражал против созыва поместного собора, предпочитая миссионерские съезды, – дело обстояло прямо противоположным образом.

В русле всестороннего анализа убеждений Киреева лежат выводы А. Э. Котова, который в 2010 г. назвал его «одним из забытых представителей славянофильского либерального национализма» и отметил наличие элементов либерализма в консервативной в целом программе мыслителя [76]. А. Э. Котов обратил особое внимание на то, что Киреев отдавал приоритет «принципу национальностей перед легитимизмом» [77]. В монографии 2010 г. А. Э. Котов подробно останавливается на взглядах Киреева в главе о «либеральном национализме», тождественном у него с поздним славянофильством и являющемся одной из разновидностей русского консерватизма 70–90-х гг. XIX в. Исследователь поясняет: «Причиной кризиса славянофильства стала внутренняя противоречивость самого славянофильского учения, его неспособность окончательно примирить имевшиеся в нем либеральные и консервативные компоненты» [78, с. 90].

В 2012 г. О. Л. Фетисенко, опубликовав и обработав множество архивных материалов, связанных с кругом общения К. Н. Леонтьева, отметила: «А. А. Киреев (наравне, пожалуй, с Л. А. Тихомировым) – сейчас самая заманчивая фигура для историков консерватизма... Киреев ближе к Леонтьеву, чем принято сейчас думать. Да, у них была в 1889 г. полемика о национальной политике, но разворачивалась она больше как “спор о словах” и “из-за слов”. Несомненно, меж ними существовало “в главном – единство”... Киреев в спорах с Леонтьевым выступает как хранитель преданий славянофильства» [79, с. 150]. Эти слова, безусловно, справедливы, если не считать странного сравнения с Л. А. Тихомировым – мыслителем, исследованным за последние два десятка лет вдоль и поперек.

В 2012 г. в Институте русской цивилизации О. А. Платонова увидел свет том избранных сочинений Киреева под общим названием «Учение славянофилов» [80]. В него вошли не только статьи из двухтомника 1912 г., но и другие произведения (прежде всего, «Краткое изложение славянофильского учения» 1896 г. и записка Николаю II 1907 г.), а также отрывок из воспоминаний его прадеда М. М. Киреева (пару раз ошибочно названного дедом) о пугачевщине. Статьи А. А. Киреева на церковные темы в рассматриваемом издании перепечатаны не из двухтомника 1912 г., а из «Богословского вестника» и «Христианского чтения» рубежа XIX – XX вв.

Предисловие С. В. Лебедева к этому тому представляет собой достаточно нетрадиционное изложение биографии мыслителя, правда, без анализа его взглядов [80, с. 5–27]. С. В. Лебедев подробнее, чем другие исследователи, ос-

вещает взаимоотношения Киреева с великим князем Константином Николаевичем и дает должную оценку деятельности сестры мыслителя О. А. Новиковой. Однако, к сожалению, в целом предисловие С. В. Лебедева содержит более десятка неточностей и фактических ошибок. Вероятно, это можно объяснить тем, что исследователь, известный изучением ряда других генералов-мыслителей второй половины XIX в. [81], Киреевым ранее специально не занимался.

В настоящее время самым крупным исследованием общественно-политической и церковной деятельности А. А. Киреева является кандидатская диссертация М. В. Медоварова [82] и около 25 его публикаций, посвященных генералу, из которых следует выделить исторический портрет Киреева в журнале «Вопросы истории» [83]. В откликах на работы М. В. Медоварова в 2012–2014 гг. внимание уделялось обычно спору Киреева с Владимиром Соловьевым (А. А. Поповкин, С. В. Мотин) [84; 85, с. 21] или старокатолическому вопросу (А. А. Тесля) [86, с. 91].

Особо следует отметить статью Н. Ю. Андреева (2013 г.), видного специалиста по правовым аспектам славянофильской мысли [87]. Для него характерен интерес к историографии проблемы позднего славянофильства, к содержательной постановке вопроса о сходстве и отличии ранних и поздних славянофилов. При этом термины «неославянофильство» и «позднее славянофильство» Н. Ю. Андреев считает синонимами. Свой политико-правовой анализ он проводит на материале сочинений С. Ф. Шарапова, А. А. Киреева и Д. А. Хомякова и приходит к выводу, что все те их отличия от своих предшественников 1840-х гг., которые непомерно раздувались и преувеличивались в советской историографии, «заложены непосредственно в славянофильском учении и могут быть рассматриваемы как логическое продумывание или даже просто “договаривание” славянофильских идей» применительно к текущей ситуации [87, с. 11].

В целом в историографии конца XX – начала XXI в. четко прослеживается тенденция к отказу от причисления Киреева к нетворческим эпигонам ранних славянофилов или, напротив, к реакционерам, складывается традиция рассмотрения его как умеренного, либерального консерватора, осуществившего успешную рецепцию идей классического славянофильства применительно к ситуации конца XIX – начала XX в. Растет понимание значимости его роли в политической и церковной истории России и Европы. Вместе с тем многие задачи остаются еще не решенными. Нет полной библиографии всех сочинений мыслителя, разбросанных по дореволюционным периодическим изданиям. Нет пока ни одной монографии о Кирееве. Остается актуальной задача анализа его взаимоотношений с рядом других мыслителей и общественных деятелей. Перспективы подобных исследований представляются сейчас благоприятными. Появился интерес к «месту памяти», связанному с генералом: в 2012 г. на месте разрушенного в 1930 г. семейного склепа в селе Новиково

Тамбовской области установлены новые надгробные памятники Киреева и его родни, память о мыслителе хранится в музее села. По всей видимости, бурно растущий с 2010 г. поток научной литературы о Кирееве только продолжит увеличиваться в количественном и качественном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медоваров М. В. «Как с Русью Польша помирится» : генерал Киреев и польский вопрос / М. В. Медоваров // Родина. – 2013. – № 1. – С. 118–121.
2. Медоваров М. В. Польский вопрос в публицистике А. А. Киреева / М. В. Медоваров // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России : сборник статей памяти проф. В. Б. Макарова. – Н. Новгород, 2010. – С. 235–240.
3. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.) / И. А. Христофоров. – М., 2002. – 429 с.
4. Дневник А. А. Киреева (1894–1899 гг.) // ОР РГБ. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 23, 24 об.
5. Киреев А. А. Соч. : в 2 т. / А. А. Киреев. – СПб., 1912. – Т. 1. – 452 с.; Т. 2. – 489 с.
6. А. А. Киреев. Некролог // Исторический вестник. – 1910. – № 8. – С. 718–719.
7. А. А. Киреев. Некролог // Новое время. – 1910. – № 12333. 14(27) июля. – С. 3.
8. А. А. Киреев [некролог] // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1910. – № 29. 17 июля. – С. 1220–1222.
9. Афанасьев Н. И. Киреев А. А. / Н. И. Афанасьев // Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. – СПб., 1910. – Т. 2. – С. 228–231.
10. Кулаковский П. А. Памяти А. А. Киреева / П. А. Кулаковский // Славянские известия. – 1910. – №5/6. – С. 538–548.
11. Соколов В. А. Памяти А. А. Киреева / В. А. Соколов. – Сергиев Посад, 1911. – 24 с.
12. Соколов В. А. Памяти А. А. Киреева / В. А. Соколов // Богословский вестник. – 1911. – № 9. – С. 169–189 (2-я пагинация).
13. Новикова О. А. К биографии А. А. Киреева / О. А. Новикова // Московские ведомости. – 1910. – 25 сент. (№ 220). – С. 2.
14. Дневник Л. А. Тихомирова (1909–1910 гг.) // ГАРФ. – Ф. 639. – Д. 20.
15. Тихомиров Л. А. Тени прошлого / Л. А. Тихомиров. – М., 2000. – 720 с.
16. Медоваров М. В. Finis Rossia : революция 1905–1907 гг. и ее последствия глазами консерваторов (на примере А. А. Киреева и Л. А. Тихомирова) / М. В. Медоваров // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 1. – С. 308–314.
17. Письма А. А. Киреева Г. П. Георгиевскому // ОР РГБ. – Ф. 217. – Картон 11. – Д. 56.
18. Письма О. А. Новиковой Г. П. Георгиевскому // ОР РГБ. – Ф. 217. – Картон 13. – Д. 20.
19. Киреев А. А. Дневник / А. А. Киреев // сост., предисл. К. А. Соловьева. 1905–1910. – М., 2010. – 472 с.
20. Novikova O. A. Le général Alexandre Kiréeff et l'ancien-catholicisme (A collection of articles appeared in «Revue internationale de théologie») / O. A. Novikova. – Berne, 1911. – 267 p.

21. *Kiréeff A.* Quelques lettres du général Alex. Kiréeff au professeur Eugène Michaud sur l'ancien catholicisme. Publiées par M-me Olga Novikoff, née Kiréeff / A. Kiréeff. – Paris ; Neuchâtel, 1913. – 245 p.

22. Письма Киреева его сестре о старокатоликах // Московские ведомости. – 1910. – 25 сент. (№ 220). – С. 2.

23. Материалы к истории старокатолического вопроса в России // Христианское чтение. – 1911. – № 6. – С. 742–752; № 11. – С. 1336–1357 (сплошная пагинация).

24. Материалы к истории старокатолического вопроса в России. Письма протопресвитера И. Л. Янышева и генерала Киреева. – СПб., 1912. – 49 с.

25. Историограф. Генерал Киреев и Грингмут // Русские ведомости. – 1915. – № 233 (11 окт.). – С. 2.

26. Из переписки Вл. Соловьева с А. А. Киреевым // Русская мысль. – 1917. – № 8. – С. 135–148.

27. Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву 31 августа 1903 г. // Красный архив. – 1926. – № 5, т. 18. – С. 201–203.

28. Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях // Славянский сборник : славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. – М., 1948. – С. 93–120.

29. *Никитин С. А.* Славянские съезды 60-х годов XIX века / С. А. Никитин // Там же. – С. 16–92.

30. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. / С. А. Никитин. – М., 1960. – 362 с.

31. Славянофильство : pro et contra : антология. – СПб., 2006. – 1056 с.

32. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Париж, 1937. – 601 с.

33. *Riasanovsky N. V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology / N. V. Riasanovsky. – Cambridge (Mass.), 1952. – 244 p.

34. *Tomaszewski F. K.* A Great Russia : Russia and the Triple Entente, 1905 to 1914 / F. K. Tomaszewski. – L., 2002. – 196 p.

35. *Tuminez A. S.* Russian Nationalism since 1856 / A. S. Tuminez. – Lanham MD, 2000. – 339 p.

36. *Basil J. D.* Alexander Kireev and Theological Controversy in the Russian Orthodox Church, 1890–1910 / J. D. Basil // Church, Nation and State in Russia and Ukraine / edited by G. A. Hosking. – Houndmills ; L., 1991. – P. 131–147.

37. *Basil J. D.* Alexander Kireev : turn-of-the-century Slavophile and the Russian Orthodox Church, 1890–1910 / J. D. Basil // Cahiers du Monde russe et sovetique. – XXXII (3). – Juillet – septembre 1991. – P. 337–348.

38. *Basil J. D.* Russian Orthodox Response to the Old Catholics, 1870–1905 / J. D. Basil // Religion and Nationalism in Eastern Europe and the Soviet Union. – Boulder ; L., 1987. – P. 63–76.

39. *Werth P.* [Review on the book] : Basil J. D. Church and State in Late Imperial Russia : Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914). Minneapolis, 2005. 214 pp. / P. Werth // Slavic Review. – Vol. 66, № 1 (Spring 2007). – P. 149.

40. Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 22.

41. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. / Ю. Б. Соловьев. – Л., 1981. – 256 с.

42. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. / Ю. Б. Соловьев. – Л., 1990. – 267 с.

43. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. – М., 1970. – 444 с.

44. *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. – М., 1978. – 279 с.

45. *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в пореформенной России (1861–1895 гг.) / В. А. Дьяков // Вопросы истории. – 1986. – № 1. – С. 41–56.

46. *Дьяков В. А.* Общественно-политические факторы, влиявшие на славистические исследования / В. А. Дьяков // Славяноведение в дореволюционной России : изучение южных и западных славян. – М., 1988. – С. 177–182.

47. *Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия / Ю. З. Янковский. – М., 1981. – 373 с.

48. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н. И. Цимбаев. – М., 1986. – 274 с.

49. Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.]. – М., 2000. – 439 с.

50. Славяноведение в дореволюционной России : библиографический словарь. – М., 1979. – 428 с.

51. Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. – М., 1992. – Т. 2. – 621 с.

52. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия. – М., 1996. – Т. 2. – С. 571.

53. Русская философия : малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – 624 с.

54. *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России / В. А. Дьяков. – М., 1993. – 205 с.

55. *Золотарев Д. П.* Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60–90-х гг. XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2004.

56. *Янов А. Л.* Трагедия великого мыслителя (по материалам дискуссии 1890-х годов) / А. Л. Янов // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 61–88.

57. *Янов А. Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825 – 1921 / А. Л. Янов. – Новосибирск, 1999. – 368 с.

58. *Янов А. Л.* Россия и Европа. 1462–1921 : в 3 кн. Книга 3 : Драма патриотизма в России (1855–1921) / А. Л. Янов. – М., 2009. – 688 с.

59. Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина / публикация, вступ. ст. и комментарии И. В. Лукоянова // Нестор. – 2000. – № 3. – С. 11–103.

60. *Соловьев Д. В.* Владимир Соловьев в восьмидесятые годы. По его письмам к А.Ф. Аксаковой, а также по записям и переписке А.А. Киреева / Д. В. Соловьев // Звезда. – 1996. – № 1. – С. 140–158.

61. *Соловьев Вл. С.* Письма А.А. Кирееву / Вл. С. Соловьев ; комментарии А. Носова // Символ. – Париж, 1992. – № 27. – С. 191–254.

62. «Вы должны царствовать самодержавно...» : записка А. А. Киреева Николаю II / публикация В. Степанова // Источник. – 1993. – № 2. – С. 19–22.

63. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым / вступ. ст., подготовка текста и комментарии О. В. Соколовской и И. В. Чуркиной // Славяноведение. – 1996. – № 4. – С. 57–73.

64. *Лобашкова Т. А.* Дневник славянофила А. А. Киреева. 1905 год / Т. А. Лобашкова // Московский журнал (история государства Российского). – 1998. – № 5. – С. 45–46.

65. Киреев А. А. Славянофильство и национализм. Ответ В. С. Соловьеву (фрагменты) / А. А. Киреев // Славянофильство : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 513–523.

66. Киреев А. А. Россия в начале XX столетия / А. А. Киреев // Стратегия России. – 2008. – № 10. – С. 83–95.

67. Фатеев В. А. С русской бездной в душе : жизнеописание Василия Розанова / В. А. Фатеев. – СПб. ; Кострома, 2002. – 636 с.

68. Воронин В. Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х годов XIX века) / В. Е. Воронин. – М., 2009. – 369 с.

69. Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С. Л. Фирсов. – СПб., 1996. – 660 с.

70. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.) / С. Л. Фирсов. – М., 2001. – 623 с.

71. Суслов М. Утопический проект Г. М. Шиманова в контексте правого диссидентского движения в СССР в 1960–1980-х гг. / М. Суслов // В мире консерватизма : идеи, практики, люди : межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь, 2006. – С. 174–198.

72. Хевролина В. М. А. А. Киреев о проблеме славянского единства / В. М. Хевролина // Славянский альманах-2000. – М., 2001. – С. 144–151.

73. Сергеев С. М. Проблема позднего славянофильства / С. М. Сергеев // Образовательный портал «Слово». – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php>

74. Тесля А. А. Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А. А. Киреева 1905–1910 гг.) / А. А. Тесля // Румянцевский музей. 2011. – Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224>

75. Тесля А. А. Церковные вопросы 1860–1880-х годов и позиция славянофилов / А. А. Тесля // Гефтер. – Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/11908>

76. Котов А. Э. Русский националист генерал А. А. Киреев / А. Э. Котов // Глобализация и патриотизм : материалы докладов и выступлений Международной науч.-практ. конф. ученых, аспирантов, студентов. – СПб., 2010. – С. 166–171.

77. Котов А. Э. Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX века : автореф. ... канд. ист. наук / А. Э. Котов. – СПб., 2006. – 22 с.

78. Котов А. Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов : опыт ведения общественной дискуссии / А. Э. Котов. – СПб., 2010. – 224 с.

79. Фетисенко О. Л. «Гептастилисты» : Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (идеи русского консерватизма в литературно-художественной и публицистической практиках второй половины XIX – первой четверти XX в.) / О. Л. Фетисенко. – СПб., 2010. – 784 с.

80. Киреев А. А. Учение славянофилов / А. А. Киреев ; сост. С. В. Лебедев, Т. В. Линицкая ; предисл. С. В. Лебедева. – М., 2012. – 640 с.

81. Лебедев С. В. Генералы-политики второй половины XIX века / С. В. Лебедев // Клио. – 2003. – № 1. – С. 156–168.

82. Медоваров М. В. А. А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Медоваров. – Н. Новгород, 2013. – 357 с.

83. Медоваров М. В. Александр Алексеевич Киреев / М. В. Медоваров // Вопросы истории. – 2014. – № 8. – С. 39–67.

84. Поповкин А. А. Периодические издания Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества (1883–1916 гг.) / А. А. Поповкин // Русская народная линия. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/07/26/periodicheskie_izdaniya_sanktpeterburgskogo_slavyanskogo_blagotvoritelnogo_obwestva_1883_1916_gg/

85. Мотин С. В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И. С. Аксакова и В. С. Соловьева) / С. В. Мотин // Соловьевские исследования. – 2014. – № 2 (42). – С. 6–33.

86. Тесля А. А. Россия и «другие» в представлении русских консерваторов / А. А. Тесля // Отечественные записки. – 2014. – № 4(61). – С. 85–94.

87. Андреев Н. Ю. Славянофильство и неославянофильство : единство и дифференциация / Н. Ю. Андреев // Новая правовая мысль. – 2013. – № 3. – С. 4–11.

*Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского*

Медоваров М. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

*Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky*

Medovarov M. V., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

**КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ:
русский публицист и мыслитель**

С. В. Хатунцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 мая 2015 г.

Аннотация: *рассматривается жизненный путь, взгляды и идейная эволюция одного из крупнейших русских консерваторов пореформенного периода, публициста и мыслителя К. Н. Леонтьева (1831–1891).*

Ключевые слова: *К. Н. Леонтьев, Россия, Крым, Турция, история России, история России пореформенного периода, русский консерватизм, русская общественно-политическая мысль, гептастилизм.*

Abstract: *the article covers the life and ideological evolution of one of the major Russian conservators of the post-reform period, political writer and thinker – K. N. Leontjev (1831–1891).*

Key words: *K. N. Leontjev, Russia, Crimea, Turkey, history of Russia, russian history of the post-reform period, russian conservatism, russian social and political ideas, heptastylicism.*

Константин Николаевич Леонтьев – одна из самых ярких, крупных и оригинальных личностей своего времени. Он прожил жизнь яркую, богатую разнообразными событиями и неожиданными поворотами судьбы. Был врачом, дипломатом, цензором, послушником, иноком, но всегда, независимо от рода занятий, выступал на ниве русской словесности. Его наследие – дюжина томов художественной прозы и критики, писем, социально-политической публицистики. Однако известен Леонтьев, прежде всего, именно как публицист и мыслитель.

По словам биографа и поэта Юрия Иваска, Леонтьев – выдающийся представитель великой духовной контрреволюции XIX–XX столетий, которая защищала качество от количества, даровитое меньшинство от бездарного большинства, яркую личность от серой массы, дух от материи, природу от техники, искусство от прессы, истину – от рекламы и пропаганды, творческую свободу – от плутократии. В анналах человеческой мысли имя Леонтьева стоит в одном ряду с именами К. Карлейля и Ж. Гобино, Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, Ж. Де Местра и Д. Кортеса, О. Шпенглера и А. Мёллера ван ден Брука, М. Серрано, Х. Ортеги-и-Гасета.

Его позиции не были неизменными. В молодости он придерживался либеральных взглядов, потом стал либеральным консерватором, близким к поч-

венничеству и славянофильству, однако же «поправел»; с середины 70-х гг. XIX века это – «пламенный реакционер», защитник церковного православия, самодержавия и дворянства. Леонтьева, наряду с Н. Я. Данилевским и К. П. Победоносцевым, можно включить в «триаду» виднейших представителей консервативной мысли пореформенной России XIX столетия. Н. А. Бердяев считал его одним из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе, «первым и единственным философом консерватизма», «самым крупным, единственным крупным мыслителем консервативного лагеря».

Леонтьев сотрудничал с такими выдающимися литературными силами охранительно-консервативной направленности, как М. П. Погодин, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, Н. Н. Страхов, П. Е. Астафьев. Высокую оценку давали ему интеллектуальные оппоненты – Вл. Соловьев, Лев Толстой.

Леонтьев оказал прямое и весьма значительное влияние на становление взглядов таких фигур, как «народоволец-рenegат» Л. А. Тихомиров, ставший крупнейшим идеологом российской монархической государственности, философ В. Розанов, консервативный публицист священник И. Фудель, редактор журнала «Русское обозрение» А. А. Александров.

Имелись у мыслителя друзья и покровители в правительственных кругах. В их число входили государственный контролер Т. И. Филиппов, министр внутренних дел Д. А. Толстой, товарищ министра внутренних дел князь К. Д. Ггарин, министр народного просвещения граф И. Д. Делянов.

Знали о Леонтьеве и в императорском доме. Цесаревич Александр Александрович читал его работы по рекомендациям своего наставника профессора Победоносцева. Став императором, Александр III выразил мыслителю монаршую благодарность за двухтомный сборник «Восток, Россия и Славянство».

Несмотря на все это, Леонтьев остался в стороне от main stream'a русской политической жизни. Как правило, его блестящие по стилю, глубокие и оригинальные по мысли статьи и книги либо замалчивались, либо сурово критиковались, причем не только либералами и революционерами, но и многими консерваторами. Даже в эпоху так называемых контрреформ, проводимых кабинетом Александра III, казалось бы, по рецептам, выписываемым «доктором» Леонтьевым, идеи последнего оказались практически не востребованными.

Некоторую известность при жизни Леонтьев получил только с середины 1880-х гг. После смерти мыслителя интерес к нему заметно угас, однако не потух окончательно. Внимание к его взглядам со стороны российского общества усилилось благодаря революции 1905–1907 гг. и, в еще большей степени, событиям 1917-го – благодаря тому, что его слова о России и русской революции оказались пророческими. Однако та часть нашего интеллектуального класса, которая проявляла активный интерес к наследию Леонтьева, либо отправилась за границу (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, П. Н. Милуков и др.), либо оказалась в положении гонимой «внутренней эмиграции» (И. Фудель, А. Александров, С. Дурылин). Эмигранты внешние – Бердяев, «евразий-

цы», в меньшей степени «младороссы» – использовали идеи мыслителя в своих социально-политических построениях и познакомили с ними западную общественность, которая стремилась осмыслить феномен противостояния двух мировых систем, сложившийся по окончании Второй мировой войны.

В СССР к середине 1930-х гг. сложился устойчивый стереотип восприятия Леонтьева как мракобеса и крайнего реакционера, поэтому до начала 1960-х гг. его имя на родине практически не упоминалось. Очень интересно, что в оценках Леонтьева партийные публицисты (например, Н. Мещеряков) вплоть до полного тождества сошлись с представителями либерального крыла эмиграции, такими как поэт Г. Ив́анов. Однако хрущевская оттепель растопила лед, сковавший «подмороженное» наследие «русского Ницше». В 1960–1980-е гг. в Советском Союзе увидели свет статьи с критикой высказывавшихся им взглядов, а на рубеже 1980–1990-х гг. имя блистательного философа и парадоксалиста стало особенно популярным, начался настоящий леонтьевский «ренессанс». На страну обрушился целый шквал публикаций, так или иначе касавшихся этого мыслителя. Интерес к его творчеству до сих пор не ослабевает. Леонтьева упоминают, цитируют, издают и переиздают его сочинения, о нем пишут, причем не только «традиционалисты», монархисты и консерваторы, но и коммунисты и либералы. Ежегодно в России появляются десятки работ, посвященных этому интеллектуалу [1, с. 5–6].

Причины этого феномена, на наш взгляд, в том, что страна, как и в начале прошлого века, оказалась на историческом перепутье, ищет свою дорогу и обращается к творческому наследию своих сынов-консерваторов, ранее не услышанных, замолчанных и забаненных крикливым меньшинством так называемых «либералов» (в массе своей весьма далеких от истинного либерализма) и сонмами леваков-революционеров.

Однако нельзя обойти стороной и чрезвычайно высокое качество леонтьевской мысли – и по содержанию, и по форме. Леонтьев, русский «могиканин» и «зубр», был «человеком качества». Таких людей становится все меньше и меньше, и то, что они успели создать, рано или поздно выходит из-под бумажных глыб интеллектуального ширпотреба, начинает цениться так, как того заслуживает. Ветер тысячелетий уносит легковесные груды скапливающегося идейного мусора и освобождает скрывавшиеся под ними литые и чеканные формы подлинной мысли – мысли, созвучной мировой и национальной истории, мысли, отражающей блистание Вечности. Тут и открывается изумленной публике гранитная фигура «русского Сфинкса», «русского Юпитера» – Константина Николаевича Леонтьева.

Нельзя не сказать об актуальности его идей именно в наши дни. С 80–90-х гг. прошедшего века и в России, и в мире особую остроту приобрел, казалось бы, во многих отношениях решенный уже «национальный вопрос», новый, титанически мощный импульс получили либерально-эгалитарные процессы, вылившиеся в так называемую глобализацию. Грозные события

последних десятилетий «атомного» XX в. и особенно наступившего III тысячелетия все чаще заставляют задумываться о конечных судьбах не только нашей страны, нашего народа, но и человечества в целом, настоятельно требуют ставить и решать мировые историософско-эсхатологические проблемы. В этих устремлениях и попытках невозможно пройти мимо работ и взглядов такого замечательного русского мыслителя, как Константин Леонтьев.

Родился Леонтьев 13 января 1831 г. (25 января по новому стилю) в сельце Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии, принадлежавшем дворянам Леонтьевым.

Основную роль в его воспитании сыграла мать, Феодосия Петровна, представительница старинного, известного с начала XVI столетия рода, женщина умная, тонкая, образованная и сильная. Она была выпускницей Смольного института, любимицей императрицы Марии Федоровны; сына растила в «преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма», в атмосфере по-домашнему теплой православной религиозности.

Мать передала Константину кровь своего отца – Петра Матвеевича Карабанова, «дикого барина» в стиле екатерининской эпохи, в котором, по словам исследователя Ю. Иваска, страшное по своей необузданной свирепости «азиатство» и склонность к разврату сочетались с рыцарским великодушием, ненавистью ко лжи и двуличию, безудержной храбростью, преданностью государю и отечеству, любовью к прекрасному. Константин Николаевич гордился своим татарско-версальским предком.

Что касается отца мыслителя, по утверждению О. Л. Фетисенко, им был не отставной гвардии прапорщик Николай Борисович Леонтьев, человек малопримечательный, а В. Д. Дурново, сын обер-гофмаршала, чиновника 2-го класса Табели о рангах [2]. За несколько лет до рождения Константина Николай Борисович за приставания к прислуге был отселен гордой Феодосией Петровной в отдельно стоящий флигель.

Десяти лет Леонтьев был определен в Смоленскую гимназию, затем попал в Петербург кадетом в Дворянский полк. Из полка его уволили по болезни и приняли в Калужскую гимназию, которую он окончил в 1849-м с правом поступления в университет без экзаменов. В том же году начались его занятия на медицинском факультете Московского университета.

Студенческая пора принесла Леонтьеву любовь, дружбу, встречи с замечательными людьми – Т. Н. Грановским, А. В. Сухово-Кобылиным, М. Н. Катковым, графиней Сальяс. Но вместе с этим пришли расшатанное здоровье, юношеское разочарование в жизни, крушение детской религиозной веры. Позднее Леонтьев остановился на «каком-то неясном деизме, эстетическом и свободном», но до тех пор переживал «горький ... жестокий процесс ... умственного перелома»; мысль его впервые в жизни серьезно перерождалась.

Наступала эра противостояния «отцов» и «детей», и Леонтьев из стихийного монархиста стал полусознательным либералом неопределенного на-

правления, приверженцем республиканской формы правления. Но и тогда в республиках ему нравилось не то, чем отличаются они от монархий, т.е. не политическая свобода и равноправность, а то, что роднило их: «сила, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьба, битвы, слава, живописность и т.д.». Даже в эту бестолковую, как считал сам Леонтьев, пору своей жизни он ни разу «ни кощунственной насмешкой, ни... доводами плохой либеральной философии не оскорбил тех личных чувств и тех идеалов», которые неизменно, до гроба, исповедовала его мать.

Умственный перелом и связанные с ним душевные терзания заставили Леонтьева обратиться к перу и бумаге. Первое же свое произведение – комедию «Женитьба по любви», он решил показать Тургеневу, чьими произведениями увлекался и даже считал себя эдаким тургеневским персонажем – «лишним человеком». Иван Сергеевич в то время жил на Остоженке, неподалеку от дома богатой аристократки Охотниковой, свояченицы матери Константина Николаевича, у которой он и остановился в Москве. Там у него были несколько комнат с отдельным входом-подъездом.

Однажды утром, весной 1851 г., Леонтьев, набравшись смелости, облачился в студенческий вицмундир, водрузил на голову треуголку и отправился к создателю «Записок охотника», чтобы вручить ему свою рукопись. Маститый писатель весьма высоко оценил литературные опыты начинающего автора, возложив на него, вместе со Львом Толстым, надежды на будущее русской литературы.

Между Тургеневым и Леонтьевым завязалась дружба, сыгравшая огромную роль в творческой судьбе Константина Николаевича. Но и сам Тургенев из этого общения кое-что почерпнул. Так, выведенный студентом Леонтьевым в нескольких читанных Тургеневым рукописях образ доктора Руднева оказал большое воздействие на формирование образа Базарова – главного героя романа «Отцы и дети». Тургенев помогал молодому другу в решении его финансовых дел, тот бывал в его орловском имении Спасское-Лутовиново, где писатель с 1852 по конец 1853 г. пребывал в ссылке под надзором полиции.

С 1854 г. повести и очерки Леонтьева начинают публиковать в русской периодике, в литературном приложении к газете «Московские ведомости» и в журнале «Отечественные записки».

В том же году, не прослушав полного университетского курса, Константин Николаевич получил диплом, стал лекарем и поступил на военно-медицинскую службу. Он отправился в Крым, где разворачивались важнейшие события Севастопольской войны 1853–1856 гг. Простая, грубая и деятельная жизнь в Крыму вернула ему здоровье и свежесть, избавила от мучительного и кропотливого самоанализа, которому он предавался в Москве. Однако «честный труд» в военном госпитале близ Керчи, в крепости Еникале, не вполне устраивал потомка «дикого барина», хотя и там требовалась масса мужества, самообладания и других подобных им качеств – хотя бы для того, чтобы без наркоза, меди-

цинской пилой, произвести ампутацию. Но Леонтьеву хотелось «настоящих», собственно военных опасностей: походов, схваток с неприятелем, пороховой гари, а также вольных степей. Он добился назначения в 65-й Донской казачий полк – тем более, что в мае 1855 г. Керчь была взята неприятелем. Этот эпизод Леонтьев впоследствии очень ярко описал в своих мемуарах.

Став же полковым лекарем, он вместе с казаками отправлялся на рекогносцировки и в рейды, участвовал в кавалерийских боях, руководил реквизициями, спал у бивуачных костров под крымскими звездами. «Природа и война! Степь и казацкий конь верховой! Молодость моя ...молодость и чистое небо!» – вспоминал он об этом времени. Служба Леонтьева в Крыму сопровождалась множеством гусарских историй и «подвигов». Он даже похитил в Феодосии прекрасную гречанку – Елизавету Политову, ставшую его женой через несколько лет. При всём этом не оставлял Леонтьев и литературного поприща.

В Крыму Константин Николаевич впервые в жизни столкнулся с тем Востоком, тяга к которому не оставляла его уже до смертного одра.

После окончания Севастопольской войны Константин Николаевич оставался в Тавриде до августа 1857 г. Таким образом, в Крыму он провел практически три года жизни. В 1859 г. Леонтьев предложил министру просвещения Ковалевскому проект создания на южном берегу Тавриды, в Казенном Ботаническом (Никитском) саду особой «учебницы естествоведения». На «Записку» Леонтьева было наложено несколько резолюций, сам он получил от министра благодарственное письмо, но проект не сдвинулся с места.

Из Крыма путь отставного военного лекаря лежал в Москву. Но там места он себе не нашел и отправился домашним врачом в имение баронессы Розен, располагавшееся в Арзамасском уезде Нижегородской губернии. Леонтьев лечил крестьян, занимался науками с сыновьями хозяйки имения, много читал, особенно по естествознанию, философии, русской и иностранной изящной литературе и, конечно же, писал сам.

Впечатления «нижегородского» периода жизни легли в основу романа «В своем краю», опубликованного в 1864 г. сначала в «Отечественных записках», а затем отдельным изданием. Современному читателю эта книга, к сожалению, практически не знакома, но она стоит того, чтобы сказать о ней немного подробней. И отнюдь не потому, что своей рецензии ее «удостоил» едкий М. Е. Салтыков-Щедрин, а потому, что роман Леонтьева стал яркой литературной манифестацией так называемого «нищезанства», «эстетического имморализма» – почти за два десятилетия до появления работ в этом духе самого Фридриха Ницше, и не в Германии, а в России. Это потом, на рубеже столетий, нищезанство у нас в стране (вслед за Европой) вошло в моду, стало интеллектуальным «мэйнстримом», в том числе в революционных кругах (ему отдали дань Горький, Луначарский, Б. Савинков и др.). Но тогда Леонтьев, русский «предвестник нищезанства, неожиданно появившийся в 60-х годах» (это выражение критика начала XX в. Б. А. Грифцова), остался практически не замеченным и на настроения общества нисколько не повлиял.

Кстати говоря, в конце жизни он познакомился с сочинениями Ницше. Сведения об этом встречаются в дневнике писателя – однофамильца Константина Николаевича Ивана Леонтьевича Леонтьева, публиковавшегося под псевдонимом Щеглов. Это единственный источник, указывающий на знакомство Леонтьева с работами германского философа.

Роман «В своем краю», заверченный еще до отъезда Леонтьева на Восток, т.е. до ноября 1863 г., нужно поставить рядом с законченным практически в то же время в Петербурге, только в Петропавловской крепости, «романом» Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Подобно произведению известного теоретика-революционера, роман Леонтьева являлся литературно-художественным выражением целого спектра этических, эстетических и в конечном итоге общественно-политических воззрений своего создателя и, по замыслу Леонтьева, должен был играть ту же роль, которую сыграло произведение Н. Г. Чернышевского: роль пропагандиста и агитатора, «наставника жизни». При этом в чисто литературном отношении роман Леонтьева написан несравненно более талантливо и гораздо более интересно, чем произведение отправленного в Сибирь революционного демократа. Главным его героем был гувернант Василий Милькеев, занимающийся с детьми графини Новосильцевой, в образе которой узнаются черты баронессы Розен.

К 60-м гг. XIX в. созрело основанное на эстетизме мировоззрение Константина Николаевича. Он пришел к убеждению, что «всё хорошо, что прекрасно и сильно, – будь это святость, будь это разврат, будь это революция, будь это охранение...». Леонтьев решил оставить давно уже стеснявшую его практическую медицину, перебраться в столицу на Неве и стать профессиональным литератором: «открывать глаза» на истины эстетизма читающей публике. Выйдя во вторую в его жизни отставку со службы и пожив немного в Кудиново, Леонтьев отправился к брату Владимиру в Петербург. Но там он замечен не был: русскому обществу, увлеченному вихрем либеральных реформ, было не до эстетики.

Повращавшись в «передовых» кругах столичной интеллигенции и хорошо узнав ее представителей, Леонтьев проникся неприязнью к их демократическим идеалам и буржуазному прогрессу, ведущему ко всеобщему равенству, к господству так называемого «среднего человека» – ограниченного и самодовольно-скучного буржуа, к уничтожению поэзии и красоты жизни, всех ее цветов кроме сюртучно-серого. С этим он как эстет мириться не мог. Поняв, что прекрасного гораздо больше на стороне «церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т.д., чем на стороне современного уравнивания», крайней и умеренной буржуазности, Леонтьев встал на сторону «консерваторов». Для него это означало разрыв с юношеским либерализмом и либералами, в том числе с Тургеневым. Скрепя сердце, Леонтьев расстается со своим литературным патроном. Борьба идей в его душе была так сильна, что он «похудал и почти целые петербургские длинные ночи проводил нередко без сна, положивши голову и руки на стол в изнеможении страдальческого раздумья». Уче-

ник Леонтьева Александров описывает момент его разрыва со столичными демократами на Аничковом мосту, который известен всем, кто интересовался этим мыслителем.

Следует отметить парадоксальное влияние на него работ А. И. Герцена: они поворачивали Леонтьева не к революции, а наоборот – к консервативным идеям, прежде всего – благодаря убойной эстетической критике Герценом современной ему мещанской Европы. Именно под его влиянием Леонтьев осознал и сформулировал глубоко имманентную ему самому точку зрения на буржуазию и на буржуазное общество в целом [3, с. 131].

В чуждом для него Петербурге, да и вообще в России, всё прочнее становящейся на путь общеевропейского развития, меняющей поэзию патриархального дворянско-крестьянского быта на прозу пореформенной буржуазности, Леонтьеву становится душно, и он, устроившись на службу в Азиатский департамент имперского МИДа, бежит на экзотически-яркий, сверкающий многоцветьем красок Восток, в балканские провинции Турции.

На это решение повлияли две встречи с русскими дипломатами, служившими в Османской империи, а устроиться на службу помог брат Владимир, знавший директора Азиатского департамента Стремоухова. Леонтьев сдал необходимые экзамены, послужил в архиве МИДа и получил там очень рельефное представление о русской политике на Востоке.

С конца 1863 г. Константин Леонтьев – секретарь и драгоман (т.е. переводчик) русского консульства на острове Крит. Здесь, отстаивая престиж и достоинство своей Родины, да и собственную дворянскую честь, он вступает в конфликт с французским консулом Дерше. Тот в одной из бесед отзывается о России оскорбительно, и Леонтьев отвечает ему ударом хлыста. Русское посольство в восторге от этого смелого, хотя и не дипломатичного поступка. Константина Николаевича отзывают в турецкую столицу, там он получает назначение в бывшую резиденцию османских султанов, первую их столицу в Европе – город Адрианополь.

Служа на Востоке, Леонтьев делил свое время между напряженной дипломатической деятельностью, сердечными увлечениями и занятиями литературой. Там он писал свои балканские очерки, рассказы и повести, оттуда отправлял корреспонденции и статьи в русские газеты, журналы. Жил Леонтьев на широкую ногу, привычки имел совершенно барские. Так, утренний кофе был для него настоящим ритуалом и растягивался часа на два. Он держал множество слуг, и жалованья (вполне приличного) ему всегда не хватало. Это заставляло Константина Николаевича делать весьма значительные долги, благодаря чему он «познакомился» со множеством местных ростовщиков, одним из которых был Соломон Нардеа – «Шейлок» османского разлива. Долги, сделанные в Турции, Леонтьев выплачивал до конца жизни.

В Министерстве иностранных дел его знали и ценили, у начальства – русского посла в Порте графа Н. П. Игнатьева, начальника Азиатского депар-

таменту МИДа Стремоухова и самого министра, а впоследствии – канцлера Горчакова, он был на отличном счету, и служебная карьера Леонтьева продвигалась быстро. В 1865 г. он получил назначение в Белград, однако добратся туда не успел – назначение было отменено, и Леонтьев остался в Турции. В мае 1867 г. он становится вице-консулом в придунайском городе Тульча, с 1812 по 1856 г. принадлежавшем России.

Одной из главных его задач в Тульче было противодействие польской эмиграции, которая работала против России и пыталась настроить против нее местных старообрядцев.

В 1869–1871 гг. Леонтьев – консул, сначала в Янине, затем в Салониках. Туда к нему приезжает «запретная любовь», полуплемянница (если учитывать отцовство В. Дурново) Мария Владимировна. Эта женщина, которая была моложе Леонтьева на 16 лет, любила его и была предана ему до конца жизни. Она очень много сделала для сохранения творческого наследия этого мыслителя-публициста.

Тем временем на службе ему предлагают пост генерального консула в Праге – после образования там вакансии, но судьба вносит в эти планы свои коррективы.

Для Леонтьева 1871-й год стал годом тяжелых испытаний, годом окончательной «переоценки всех ценностей», третьего и последнего в его жизни умственного перелома. Период эстетического упоения бытием проходит, на смену ему являются усталость, душевное томление и тоска, возникает мысль уйти в монастырь. Зимой в Петербурге умирает любящая и любимая мать, а летом Леонтьев заболевает сильным желудочным расстройством и, принимая свой недуг за холеру, готовится к смерти сам. В один из наиболее ужасных моментов болезни, глядя на образ Богородицы, привезенный одним греческим монахом с Афона, Леонтьев уверовал вдруг в ее существование и всемогущество и, сжав кулаки, воскликнул: «Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного верующего... и... постригусь в монахи...». Через два часа Константин Николаевич почувствовал значительное облегчение и стал совсем другим человеком. Со старой жизнью покончено; Леонтьев пришел к глубинному, «личному», как он его назвал, православию, и личная вера dokonчила в 40 лет его политическое и художественное воспитание.

Около года он провел на горе Афон среди греческих и русских монахов, желая получить пострижение в этой обители. Однако мудрые духовные наставники, старцы, убедили его повременить с монашеством и уехать в Константинополь. Там он вытребовал у посла Игнатьева отставку от дипломатической службы, предоставленную ему с большой неохотой, и написал свою крупнейшую историософскую работу «Византизм и славянство», в которой

«дополнил» концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского своей «гипотезой триединого развития».

Гипотезу «триединого развития» Леонтьев развивал параллельно с формированием теории Данилевского, одновременно с ним. «Труд жизни» последнего, «Россия и Европа», начал публиковаться только в 1869 г. А уже в 1867 г. у Леонтьева была схема процесса триединого развития [4].

Его первый, начальный этап он именовал периодом «первичной простоты». Содержание этого этапа – индивидуализация того или иного социального организма, т.е. обособление его, с одной стороны, от окружающей природы, а с другой – от остальных общественных организмов и постепенный переход его от простейшего к сложнейшему, от примитивности и бесцветности к оригинальности и многокрасочности. На протяжении этого периода увеличивается внутреннее богатство социума, укрепляется его единство.

Ко времени достижения пика развития, т.е., по Леонтьеву, высшей степени дифференциации культуры в деспотическом единстве ее духовно-религиозной идеи, наступает вторая стадия – стадия «цветущей сложности». Затем приходит пора «вторичного», или же «предсмертного», «смесительного упрощения» и «вторичной простоты». На этой ступени уменьшается число индивидуальных признаков общественного организма, упрощаются и смешиваются его составные части, нарушаются его единство и сила. «Всё постепенно *понижается, мешается, сливается...* переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее». Конечный результат этого процесса – оформление предельно сглаженного культурно-исторического ландшафта и гибель цивилизации.

Леонтьев постулировал, что время жизни всякого культурно-государственного организма составляет не более 1000–1200 лет, и каждый из них проходит в своем развитии три вышеописанные ступени: «первичной простоты», «цветущей сложности» и «вторичного смесительного упрощения». Эта «гипотеза» во многих отношениях предвосхитила «морфологию истории» германского философа-эссеиста О. Шпенглера. Кстати, и сам великий немец «отводил» на существование каждой мировой культуры практически тот же срок, что и Леонтьев – тысячелетие.

Весной 1874 г. Леонтьев покинул Восток и возвратился в Россию. Здесь он собирался печатно проповедовать свои революционно-консервативные взгляды, добиться признания и стать «литературным генералом». Его великолепные повести из восточной жизни печатались в «Русском вестнике» М. Н. Каткова, вышли и отдельным изданием, но образованное общество того времени широкого внимания к ним, как и в предыдущем десятилетии к роману «В своем краю», не проявило. Статьи Леонтьева, предостерегавшие от повального в 70-е гг. XIX в. увлечения панславизмом и безоглядного потворства России югославянам, особенно болгарам, боровшимся с Константинопольской патриархией, также не были оценены по достоинству. Только на рубеже 80–90-х гг., после того как в 1885–1887 гг. братская вроде бы Болгария, осво-

божденная от власти султана лавиной русских штыков и реками русской крови, отвернулась от своих московско-петербургских радетелей и стала союзницей Австро-Венгрии и Германии, некоторые представители консервативного лагеря вспомнили леонтьевские инвективы в адрес балканских единоверцев и согласились с их автором. Следует напомнить, что несмотря ни на какие разоблачения, панславизм остался одной из внешнеполитических доктрин России и именно панславизм, определявший поведение значительной части русского общества, был одним из важнейших факторов, вовлекших страну в Первую мировую войну, приведшую ее к катастрофе.

Вернувшись на родину, Леонтьев превратился в скитальца: жил то в Москве, то в имении Кудиново, которое он безуспешно пытался спасти от разорения и продажи с молотка, останавливался в Калуге, Смоленске и Петербурге, полгода провел послушником в Николо-Угрешском монастыре. Наведывался он и в Оптину Пустынь, где обрел друга и катехизатора – о. Климента Зедеггольма, о котором Леонтьев впоследствии написал очень интересную книгу, а потом духовного наставника – старца Амвросия, последнего из великих старцев этой обители. Но всюду его преследовала нужда, «дворянское оскудение». Несколько месяцев в начале 1880 г. Леонтьев был помощником редактора русского официального листка «Варшавский дневник» князя Голицына. С его появлением газета стала ярче и интереснее, приобрела немало подписчиков, о ней узнали в столицах. Однако нехватка средств гонит Леонтьева и из Варшавы. Константин Николаевич возвращается в Москву и с помощью своего друга и единомышленника по церковным вопросам Т. И. Филиппова устраивается цензором в Московский цензурный комитет.

Филиппов – интереснейшая фигура, он был членом так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин», знатоком восточного христианства и собирателем русского песенного фольклора, основателем Русского Палестинского общества, занимал пост министерского уровня – был государственным контролером, т.е., говоря современным языком, заведовал аудитом финансов всей Российской империи.

Цензорство было для Леонтьева «стиркой и ассенизацией чужого, большей частью грязного белья», но эта служба сделала его жизнь более размеренной, стабильной и обеспеченной. На ней бывший консул развлекал себя, как умел.

Так, однажды, цензурируя поэтическую строку «воруют даже генералы», он переправил ее на «воруют даже либералы», что было совершеннейшей истиной.

Как-то к нему обратился один купец, умоляя защитить от литератора-шантажиста, печатавшего в бульварном романчике с продолжением подробности соблазнения им же дочери этого самого купца. Со следующего номера издания скандальная публикация была прервана. Когда же купец захотел отблагодарить своего спасителя солидной денежной суммой, то Леонтьев, кстати говоря, нуждавшийся в деньгах едва ли не до самой смерти, чуть не спустил его с лестницы.

Некий анонимный «доброжелатель» прислал ему записку со словами: «Г..., брат». Леонтьев положил ее в один из ящиков своего бюро и время от времени доставал и перечитывал – «чтобы не зазнаваться».

В годы цензорства Леонтьев много болел, страдал от массы хронических недугов. Вот далеко не полный их список: катар гортани, заставлявший его зимою, с ноября по апрель, носить медицинский респиратор, спинномозговая болезнь, сужение мочевого канала – недуг, суливший почти что неизбежную смерть: либо под ножом хирурга, либо в результате медленной и мучительной интоксикации организма, невралгии, сыпь, язвы на руках и ногах, катаральная дизентерия, гнойное заражение крови, воспаление лимфатических сосудов. Константин Николаевич переносил всё это стойчески, сохранял присутствие духа и продолжал, по мере сил и возможностей, свою литературную деятельность.

Вокруг него сформировался кружок молодежи, увлеченной его идеями и речами, главным образом – питомцев так называемого Катковского лицея и студентов Московского университета.

Среди учеников будущего «оптинского отшельника» Леонтьева и в целом в группе «молодых львов», которая активно общалась с ним, прежде всего следует назвать православного немца И. Фуделя, ставшего священником, известным публицистом и общественным деятелем, филолога и редактора А. Александрова, будущего профессора Я. А. Денисова и бывшего революционера Ф. П. Чуфрина, Г. И. Замараева, Н. А. Уманова, И. И. Кристи.

Иван Кристи был ближайшим и любимейшим учеником Леонтьева, «Иоанном Богословом» его положительного учения – гептастилизма. Мыслитель прочил Кристи в свои преемники. Однако судьба «Ванечки» была нескладной, а потом и вовсе трагической.

Два молодых человека из близкого окружения Леонтьева, А. Д. Оболенский и А. В. Волжин, впоследствии, хотя и ненадолго, стали обер-прокурорами Святейшего синода.

Каждый ученик пошел по жизни своей дорогой, никто из них не внес фундаментального вклада в развитие идей своего учителя. Да и реально осуществимой и разработанной программы у Константина Николаевича не было. Он пытался свести свои озарения, глубокие и острые интуиции в единое учение – «гепта-», или «эптастилизм», учение о семи столпах «нового созидания». Но никакого гептастилизма в четкой и законченной форме в природе не существовало и существовать не могло.

Гептастилизм был заявкой на создание доктрины, предназначенной для сотворения новой, небывало пышной четырехосновной культуры, которая воплощает в себе идеал Н. Я. Данилевского. Ею он и остался. И это – отнюдь не случайно, а закономерно.

В начале 1880-х гг. окрепла основанная на взаимной интеллектуальной симпатии дружба Леонтьева и В. С. Соловьева. Они переписывались, беседовали, спорили. Поначалу Леонтьев, со свойственной ему «влюбчивостью» в

людей, в которых видел возможных – и гениальных! – продолжателей своего дела, Соловьева боготворил, но перед смертью, прочтя трактат этого философа об упадке средневекового мировоззрения, отрёкся от дружбы с ним, в сердцах порвав его фотографию, стоявшую на камине.

В приятельских отношениях Леонтьев был с крупным представителем позднего славянофильства С. Ф. Шараповым, представителем либеральной ветви в этом идейном течении. Он был учеником и идейным наследником И. С. Аксакова.

В феврале 1887 г. Леонтьев вышел в отставку с последней, четвертой по счету, цензорской службы; благодаря стараниям сочувствовавших ему высокопоставленных правительственных чиновников получил неплохую пенсию – 1,5 тыс. руб. серебром плюс 1 тыс. дополнительно «за литературные труды» – и поселился возле Оптиной Пустыни, в так называемом «консульском домике», расположенном у самой ограды этой обители. Начался один из самых продуктивных в творческом плане периодов его жизни, «болдинская осень» Леонтьева как публициста. Он пишет ряд статей под общим названием «Записки отшельника», встречается и спорит в Москве и Оптиной Пустыни с Л. Толстым, которого превозносил как писателя-художника и психолога, но которому за его «искания» хотел «сотни две горячих всыпать туда...» или обеспечить ссылку куда-нибудь в Сибирь, Томск, чего Лев Николаевич, впрочем, страстно желал и сам для усиления популярности своих морально-атеистических проповедей.

Необходимо отметить и несколько работ Леонтьева о современном ему национализме: «Национальная политика как орудие всемирной революции», «Плоды национальных движений на православном Востоке», «Письма к В. С. Соловьёву о национализме культурном и политическом». В них варьировалась мысль, что со времен Великой Французской революции национально-освободительные и национально-объединительные движения приводят не к развитию национальных культур и расцвету их самобытности, связанному с усилением оригинальных их черт, как это было, по мнению Леонтьева, в XV–XVII вв., а к буржуазно-космополитическим результатам: всеобщему усреднению и нивелировке, в частности уничтожению сословий и состояний, вымиранию или капиталистическому перерождению старинной аристократии, подрыву монархической государственности, религиозных устоев и, следовательно, к обеднению культурной жизни народов.

Отметился Константин Николаевич и как незаурядный литературный критик. В работе «Анализ, стиль и веяние» он разобрал крупнейшие романы Л. Н. Толстого – «Война и мир», «Анна Каренина», а ранее, в начале 1860-х гг., написал несколько интересных критических статей, в том числе посвященных тургеневскому роману «Накануне».

В последние годы он жил в Оптиной Пустыни, эдаким патриархальным отцом-помещиком. Много времени и сил Леонтьев отдавал своим воспитанникам, «детям души», Варе и Николаю.

В апреле 1891 г. завязалась переписка между ним и малоизвестным тогда философом В. Розановым, в августе того же года Константин Николаевич был тайно пострижен под именем Климента и по настоянию своего духовного отца, великого оптинского старца Амвросия, отправился в Троице-Сергиев Посад.

Там, в лаврской гостинице, он простудился и 12 ноября (24 ноября по новому стилю) умер от воспаления легких. Именно эту болезнь он чрезвычайно подробно описал в эссе «Византизм и славянство» как пример развития и усложнения различных процессов.

Интересно и символично, что незадолго до простуды Леонтьеву для устройства в номере понадобился особенный синий тюль. Нужная ткань нашлась в одном-единственном месте – ритуальной лавке...

Могила К. Н. Леонтьева находится в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры у храма Черниговской Божией Матери. Рядом с ним покоится и один из тех, кому были адресованы его последние письма, тот, кто, по мнению Константина Николаевича, понял его именно так, как сам он хотел быть понят другими – В. В. Розанов [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хатунцев С. В. Константин Леонтьев : интеллектуальная биография (1850–1874-е гг.) / С. В. Хатунцев – СПб., 2007.
2. Фетисенко О. Л. Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики / О. Л. Фетисенко. – СПб., 2012.
3. Хатунцев С. В. Общественно-политические взгляды и идейная эволюция К. Н. Леонтьева в 60-е – начале 70-х гг. XIX века / С. В. Хатунцев // Вопросы философии. – 2005. – № 10.
4. Хатунцев С. В. Проблема «Россия – Запад» во взглядах К. Н. Леонтьева (60-е гг. XIX века) / С. В. Хатунцев // Вопросы истории. – 2006. – № 3.
5. Хатунцев С. В. Константин Леонтьев : жизнь и судьба / С. В. Хатунцев // Наш современник. – 2011. – № 11.

Воронежский государственный университет

Хатунцев С. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России

E-mail: staskhat@comch.ru
Тел.: 8(473) 223-12-85

Voronezh State University

Khatuntsev S. V., Candidate of Historical
Sciences, Associate Professor of the Russian
History Department

E-mail: staskhat@comch.ru
Tel.: 8(473) 223-12-85

**ФИЛОСОФИЯ ЛИЧНОСТИ ПРОТИВ «НОВОГО ВАРВАРСТВА»:
метафизический персонализм П. Е. Астафьева**

М. А. Прасолов

Воронежская Православная духовная семинария

Поступила в редакцию 11 мая 2015 г.

Аннотация: рассматриваются принципы критики западного модерна в философии П. Е. Астафьева.

Ключевые слова: метафизический персонализм, модерн, субъект, личность, внутренний опыт, консерватизм, исторический процесс.

Abstract: *the article discusses the principles of criticism of Western modernity in the philosophy of P. E. Astafiev.*

Key words: *metaphysical personalism, modernity, subject, personality, inner experience, conservatism, historical process.*

Русская консервативная мысль является традицией интеллектуального противостояния западному модерну, что в наше время жесткой борьбы за право определять «режим чтения» действительности, превращает ее в исключительно ценный ресурс ноомахии [1]. Одним из представителей этой традиции является Петр Евгеньевич Астафьев (1846–1893), который, несмотря на растущий к нему в последнее время интерес, все еще числится в категории «забытых», чье бессмертие обеспечивают, главным образом, сноски и комментарии. Биографии и некоторым аспектам творчества этого оригинального представителя русского метафизического персонализма и консерватизма посвящена данная статья (развернутое исследование см.: [2] и [3]).

Предки Астафьева со стороны отца были выходцами из Греции, приехавшими в Россию вместе с Димитрием Кантемиром в 1711 г. Они принадлежали к известной фамилии Кантакузин-Стефи-Фермати, восходящей еще к византийской аристократии [4, ф. 377, оп. 7, № 277, л. 1]. Прапрадед будущего философа, Фома Астафьев, обосновался в южных краях России еще при Анне Иоанновне [4, ф. 377, оп. 7, № 277, л. 1, 7]. Сын Фомы, Иван, отличался в службе «ревностью и прилежностью», за что был часто награждаем в годы правления Екатерины II, а в ноябре 1767 г. получил дворянство [5, ф. 29, оп. 123, д. 109, л. 3]. Его сын Петр, по сведениям родословной Астафьевых, был уже губернским секретарем, а внук, Евгений Петрович, дослужился до чина надвор-

ного советника и являлся «одним из самых видных деятелей при введении в Воронежской губернии крестьянской, земской и судебной реформы» [4, ф. 377, оп. 7, № 277, л. 1; 6, т. 1, с. 842]. Его жена Наталья Федоровна принадлежала к роду вологодских дворян Чубаровых. В их семье и родился будущий философ.

Дата рождения философа остается спорной. Во всех справочных изданиях, биографиях, некрологах называется 7 декабря 1846 г. [6, т. 1, с. 842]. Архивные сведения, в том числе свидетельство из метрических книг, однако, указывают на 8 декабря [5, ф. 29, оп. 123, д. 109, л. 78]. Будем полагаться на эти сведения и считать днем рождения Петра Евгеньевича Астафьева 8(20) декабря 1846 г. Местом рождения была деревня Евгеньевка Острогожского уезда Воронежской губернии.

В год рождения Петра Евгеньевича его отец был еще коллежским регистратором, но он постарался дать своему сыну достойное воспитание и образование. Для него был нанят гувернером доктор Штейнмюллер («старый энциклопедист, философ и поклонник Наполеона I» [4, ф. 377, оп. 7, № 277, л. 2]), который занимался с мальчиком дома до 1863 г. Опытный и знающий немец сумел хорошо подготовить своего воспитанника, и Астафьев сразу поступает в 7-й класс Воронежской губернской гимназии. Он окончил гимназию через год, в 1864 г. Еще будучи гимназистом, Астафьев публикует свой первый литературный опыт – путевой очерк «От Острогожска до Ивановки» [7, 1864, 27 июня]. В том же году он поступил на юридический факультет Московского университета. Студентом ему довелось слушать лекции таких именитых ученых, как Б. Н. Чичерин, Ф. Н. Дмитриев, Ф. Б. Мюльгаузен [4, ф. 377, оп. 7, № 277, л. 2].

В университете Астафьев открывает в себе склонность и способности к философии. Философские курсы в то время читал П. Д. Юркевич, один из самобытнейших русских умов, стоявший у истоков собственно русской философии, «мыслитель строгий, соединявший логическую точность с мистической пытливостью» [8, с. 242]. Среди его учеников был и В. С. Соловьев. Юркевич оказал заметное влияние на Астафьева, его взгляды и творчество. Сам Астафьев часто ссылался на труды учителя, всегда отзывался о нем с почтительностью и признательностью. Влияние Юркевича проявилось в гносеологии Астафьева, в его неприятии материализма и позитивизма, а также в литературных пристрастиях.

По окончании в 1868 г. университета Астафьев два года был кандидатом на судебные должности, а в 1870 г. – стипендиатом Демидовского юридического лицея в Ярославле для подготовки к профессорскому званию. В 1872–1876 гг. он преподавал в лицее философию права как приват-доцент. Свою деятельность на этом поприще Астафьев открыл вступительной лекцией, прочитанной 7–11 сентября 1872 г. и изданной затем отдельной книгой под названием «Монизм или дуализм? Понятие и жизнь» [9]. Это было одно из первых выступлений против засилья позитивизма в университетском обра-

зовании того времени. Астафьев изложил свой взгляд на развитие и задачи философии, высказал те идеи, которым останется верен всю жизнь, развивая и углубляя первоначальные интуиции.

В конце 1870-х гг. Астафьева направили в качестве мирового посредника в Подольскую губернию. На время отойдя от философии, он составляет экономические обзоры: «Последнее десятилетие экономической жизни Подольской губернии» и «Очерки экономической жизни Подольской губернии». Он выступает со статьями в известных журналах и газетах той поры. С 1876 г. публикуется в «Русском вестнике», в 1876–1878 гг. составляет ряд передовиц и иностранных обозрений в «Русской газете», литературную часть которой он организовал совместно с Н. П. Аксаковым.

Талантливого публициста заметил М. Н. Катков, который пригласил Астафьева в 1881 г. в Императорский лицей цесаревича Николая (так называемый «Катковский») заведующим университетским отделением и преподавателем гносеологии, логики, этики и психологии. С этого времени Астафьев окончательно определяет свое жизненное поприще. Философия и публицистика – вот два его главных дела.

По взглядам и убеждениям, а также по своей вере, Астафьев принадлежал к кругу неославянофилов и охранителей. В их среде он был достаточно известен и уважаем. Впоследствии, уже после кончины философа, многие его единомышленники высоко оценили астафьевское творчество. Например, Л. А. Тихомиров ставил Астафьева в один ряд с К. Н. Леонтьевым, М. Н. Катковым, Н. Н. Страховым, И. В. Киреевским, Ю. Н. Говорухой-Отроком. С ним согласны о. И. Фудель, В. В. Розанов, К. Н. Леонтьев и другие авторы [10, с. 357–358, 397; 11, с. 377; 12, с. 377]. Астафьев часто печатался в изданиях консервативного направления: «Московских ведомостях», «Московском листке», «Русском обозрении», «Русском вестнике». Главным образом, тексты Астафьева в этих изданиях – это литературно-критические статьи, однако их трудно отделить от его философских работ: настолько сильна между ними взаимная связь. Подчас журнальная статья более напоминает краткое философское исследование, что, может быть, делало ее трудной для восприятия, но отличало богатством и глубиной мысли. Среди подобного рода сочинений Астафьева наиболее существенны следующие: «Урок эстетики (памяти А. А. Фета)», «Наше знание о себе», «Родовой грех философии», «Перерождение слова», «Религиозное обновление наших дней», «Душа женщины», «К спору с г. Вл. Соловьевым», «Идеал и страсть» и др.

Астафьев стал одним из основателей и деятельных авторов журнала «Вопросы философии и психологии» (начал издаваться с 1889 г.) и членом знаменитого Московского психологического общества. Это были первое издание и первая организация в России, сплотившие профессиональных философов. «В развитии журнала Петр Евгеньевич играл выдающуюся роль», а участие в работе общества было для него всегда настолько важным и любимым делом,

что, уже заболев, Астафьев не захотел уезжать по наставлению врачей на отдых в деревню, говоря, что «сам он может переехать, а вот общество в деревню не перевезешь» [13, с. 116–117]. Он участвовал почти во всех заседаниях общества, где сам сделал несколько докладов, например «О внутреннем опыте в его значении для психологии и для общего философского мирозерцания» (21 марта 1887 г.), «О воле по ее природе и значению в общей жизненной экономике» (3 и 20 декабря 1888 г.). На страницах журнала «Вопросы философии и психологии» Астафьев опубликовал ряд важных философских работ: «Воля в знании и воля в вере», «Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его новейшие критики», «Генезис нравственного идеала декадента», «Последние тени прошлого» и др. Работая в журнале и участвуя в деятельности общества, Астафьев общался и полемизировал с Вл. С. Соловьевым, Н. Я. Гротом, Л. М. Лопатиным, А. А. Козловым, А. И. Введенским, С. Н. Трубецким.

Главные философские сочинения Астафьева вышли отдельными книгами. Это «Монизм или дуализм?» (1872), «Чувство как нравственное начало» (1886), «Учение гр. Л. Н. Толстого в его целом» (1890), «Воля в знании и воля в вере» (1892), «К вопросу о свободе воли» (1889), «Страдание и наслаждение жизни» (1885), «Вера и знание в единстве мировоззрения (опыт начал критической монадологии)» (1893).

Современникам Астафьев был известен и как автор серьезных работ по психологии: «Психический мир женщины» (1881), «Понятие психического ритма как основание психологии полов» (1882), «Гипноз как психологическая задача» (1890).

Не терял Астафьев интереса и к вопросам, волновавшим в ту пору русское общество. В своей философской публицистике он прямо и резко выступал против набиравшего силу материализма, упрощенных социальных теорий, убогой литературы «пользы и тенденции» («Симптомы и причины современного настроения» (1885), «Старое недоразумение. По поводу вопроса тенденциозности в искусстве» (1888), «Состязание слов с понятиями» (1889)). Жесткой критике подвергал философ различные социально-политические утопии. С одной стороны, это было идолопоклонство западной демократии («Смысл истории и идеалы прогресса» (1885), «Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни» (1892), «Из итогов века. Еврейство и Россия» (1891)), а с другой – теократическая утопия Вл. С. Соловьева («Национальность и общечеловеческие задачи» (1890), «К спору с г. Вл. Соловьевым» (1890)). Натиску подобных идеалов Астафьев противопоставлял чистоту и силу веры (для него – это всегда православие); народную самобытность; творческое личное начало в искусстве, утверждающее красоту как таковую; благу волю свободного человека и основанное на ней нравственное чувство, под которым Астафьев понимал чувство любви человека к человеку и человека к Богу.

При содействии К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова в 1885 г. Астафьев начинает службу в Московском цензурном комитете. В 1890 г. он стал при-

ват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета, где преподавал философию права.

Астафьев был известной личностью в Москве, ибо принимал «деятельное участие в популяризации знаний и выступал в различных аудиториях в качестве публичного лектора» [14, с. 879]. Он мечтал издавать свой журнал «Итоги», в котором предполагал печатать работы по самым разным вопросам: философии, истории, литературе, а также обзоры событий и книг [15, ф. 776, оп. 8, № 714]. Ради исполнения замысла он приобрел небольшую типографию. Однако воплотить мечту не удалось.

Путь наверх по академической лестнице для Астафьева оказался затруднен, в том числе по причине его взглядов. Он не сделал карьеры. Жил часто в долг, постоянно нуждался (получал только 80 рублей за лекции в университете), гонорары в «консервативных» изданиях постоянно задерживали. Сам философ был по-детски непрактичен, не умел «обустраиваться». Его правдивость, резкая прямота, отсутствие лести, делали Астафьева в глазах многих «типическим неудачником» [13, с. 117–118]. Но по тем же причинам дом философа всегда был полон гостей и радушного к ним отношения, о чем вспоминал его пасынок В. Якубовский [16, с. 924–932]. «Я его уважаю..., – писал К. Н. Леонтьев, – это хороший русский человек» [12, с. 340–341].

Последнюю свою книгу «Вера и знание в единстве мировоззрения» Астафьев торопился завершить и издать. Этот труд он считал главным итогом своего творчества. У Астафьева было предчувствие, что книга – последняя. Одному из друзей он подписал ее: «такому-то, перед расчетами» [13, с. 121]. Философ умер 7(19) апреля 1893 г. в Петербурге «от разрыва сердца» в возрасте 46 лет. Его тело было перевезено по железной дороге с остановкой в Москве, где с ним прощались философы из Психологического общества во главе с Л. М. Лопатиным и Н. Я. Гротом. Похоронен Астафьев в имении своей приемной дочери в селе Вьюнное Ромненского уезда Полтавской губернии [17]. Его семья осталась почти без средств к существованию (см. долгую (до 1904 г.) и бесплодную переписку его жены М. И. Якубовской с Министерством народного просвещения о пенсии [15, ф. 776, оп. 20, № 810, л. 85–105]).

«Не знаю, забудет ли когда наука его [Астафьева] заслуги, – говорил на панихиде священник Иоанн Соловьев, духовник Катковского лицея и известный церковный писатель, – но я смело говорю, что Церковь Православная отнеслась к его научным трудам как к службе Богу, и никогда, никогда не забудет его в своих вселенских, а потому и вседейственных молитвах. В этом все наше утешение; поэтому помолимтесь теперь, не забудем молиться о нем и впредь» [17].

«Новое варварство»: ситуация современности. Астафьев всегда полагал, что противоречия и крайности, обнаруживаемые в развитии философской мысли, есть выражение и причина кризиса культурной и социальной жизни: «Задача и слабости современной философии суть вместе с тем задачи

и слабости современной жизни; что с разрешением их, гибельным для одной сферы, погибнет и другая» [9, с. 94].

«Современную» культурную ситуацию Астафьев определяет как «*новое варварство*», в основе которого лежит губительный для человека и общества дуализм «неограниченного разума и неопределенной в себе воли» [9, с. 110] (к аналогичному выводу придет позже С. Н. Трубецкой: «бессамостный разум и безумная воля» [18, с. 535]). Разрешение этого противоречия – это не только философская задача, но и задача радикального обновления всей современной цивилизации.

Под современной цивилизацией и обществом Астафьев подразумевает европейский модерн и современные черты русской действительности. Философ беспощаден в критике модерна как болезненной тотальности. Торжество «нового варварства» приводит к всестороннему отрицанию «*безусловного в личности*». «Современная жизнь... забыла человеческую личность», монизм во всех сферах жизни заменил «живое я» на «пустое я» [9, с. 96, 98, 102, 104]. В этой подмене Астафьев видит главный корень всех болезней современной социальности. «Родовой грех» всей философии – забвение субъекта – является «родовым грехом» и всей современной культуры. «Взгляд, который человек имеет на самого себя, не может не быть творческой силой в жизни..., – утверждает Астафьев, – поэтому горе тому времени, когда человек или вовсе не имеет на себя никакого взгляда, или же имеет взгляд ложный и узкий! Такое время само воспитывает в себе неизлечимую болезнь» [9, с. 93].

Абсолютизм разума и абсолютизм воли приводит каждый к своим последствиям, которые образуют общую нетерпимую ситуацию. Примат разума, по Астафьеву, влечет отрицание личного верования, личной любви, наслаждения прекрасным, все то, в чем «выражается именно *выхождение* за пределы данного, условного и незаконченного, выражаются свобода, стремление к безусловному, отрицание мертвого *состояния*» [9, с. 95–96]. В сфере этики человек предстает вещью в ряду вещей, не имеющей, вне порядка целого, внутреннего смысла. Является «самоверканье, чудовищно-героический и бесплодный фанатизм самоотречения личности и отрицание ее в других» [9, с. 97]. Появляется тенденциозная литература, проповедь «полезного труда» как высшей основы морали, отрицается всякая лирика. Тенденциозность проникает даже в музыку, искусство наиболее личностное. В религии «совершенной идиосинক্রазией признается всякое *чувство* к Богу, всякое стремление общаться с Ним», религиозную веру заменяет благонамеренный пиетизм. Таким образом, личности и основанным на ней религии и искусству «*принадлежит достоинство только в случае* пригодности их внешним целям» [9, с. 97]. В социальной жизни люди становятся сами по себе тождественными, различаясь только положением и доставляемыми им благами. В обществе все личные отношения (любовь, дружба, уважение) относятся к сентиментальным иллюзиям. В человечестве не признается «ничего, чем оно само жило и живет, а видят

только сумму экономических, политических сил... Идее единого человечества нет места...» [9, с. 98]. Не признается никаких самостоятельных нравственных общественных организмов: семьи, государства, народа, церкви. Человек начинает возводить свою современную ограниченность в норму всей истории и, таким образом, «на историю кладется запрет».

Итак, «человек знания» есть «враг истории, религии, искусства, семейной и общественной жизни», заключает Астафьев. Кроме того, такой человек есть антихристианский человек, ибо абсолютизм теории поглощает христианскую идею безусловного значения личности и заменяет ее идеей объективной особи, некогда лежавшей в основании языческой цивилизации [9, с. 98–99]. Цивилизация модерна есть возврат к новой форме язычества.

Абсолютизм воли вызван естественной реакцией на абсолютизм знания. В этом случае разум отрицается ради бессознательных стремлений, отрицается все данное, условное, определенное. У бытия отнимается всякий смысл, на его место ставится голый процесс, ничем не регулируемое, ненасытное и неразумное стремление. Все общие формы отвергаются, и не только внешние, но и «законодательства духа» в самом человеке. Мораль фактически теряет все основания, кроме бессознательного эгоистического желания. В искусстве утверждается литература иронии и насмешки над всеми предметами человеческой любви и поклонения, которые объявляются призраками. Это ведет к «чудовищной бесформенности болезненной романтики», к безудержному эклектизму. Чистые формы искусства разрушаются. В науке господствуют произвольные построения, борьба со всеми авторитетами без разбора. Абсолютизм воли совершенно чужд и враждебен истории. В религии – это дурной мистицизм, раздувание человеком себя до размеров Божества. Вместе с отрицанием всего объективного является пессимизм, индифферентизм и квиетизм. «Безусловное господство вещи» сменяется «безусловным господством пустого я». И то и другое, по мнению Астафьева, «в равной степени враждебны жизни» [9, с. 101–102].

Подобные процессы, как думал Астафьев, зародились в Европе, но распространяются и в России. Философ считал, что в 1860–1870-е гг. в России господствовал догматический сенсуализм и материализм, аналогичный европейской эпохе Просвещения. По мнению Астафьева, абсолютизм теории особенно опасен в России, так как «у нас меньше чем где-либо выработались силы, которые могли бы противодействовать ему: исторические традиции у нас слабы, а воспитание эстетическое... у нас едва ли не составляет весьма редкого явления... Поэтому у нас и самое теоретическое развитие лишено всех естественных корней и случайно» [9, с. 108].

Внутренний опыт: метафизический персонализм. Западный модерн для Астафьева есть, в первую очередь, интеллектуальное повреждение, болезнь ума. Поэтому противостоять ему возможно только на уровне целостного мировоззрения, или метафизики. Если модерн есть забвение человеческой

личности, то метафизика, способная ему противостоять, должна быть принципиально иным обоснованием субъекта. Поэтому сердцевинной всех исканий Астафьева является метафизический персонализм, характерной чертой которого является утверждение о том, что субъект, человеческое я, обнаруживает сущее в самом себе. Данность сущего в сознании субъекта тематизируется в персоналистической философии как проблема внутреннего опыта и его природы. В русской философии существует традиция метафизического персонализма, для которой проблематика внутреннего опыта была ключевой. Метафизическим персонализмом называется направление в русской философии, которое обычно не совсем верно именуют «русским лейбницианством» (А. А. Козлов, П. Е. Астафьев, Л. М. Лопатин, Н. В. Бугаев, Е. А. Бобров, С. А. Алексеев (Аскольдов)) (см. подробнее [3]). В рамках этого направления именно Астафьев развил цельную концепцию внутреннего опыта.

Сущность своего мировоззрения Астафьев выразил так: «*монадология на почве критики внутреннего опыта*» [19, с. 1], «мировоззрение внутреннего опыта... как философия сознания» [там же]. Понятие внутреннего опыта – это стержень всей философии Астафьева [20, с. 559; 11, с. 78; 22, с. 123–125].

Мировоззрение должно, по мысли Астафьева, захватить всю полноту мысли и жизни, поэтому «начала такого мировоззрения должны быть неисключительными», а для всех самоочевидными (см. подробнее: [23]). Современная философия бесплодна, ибо «вынуждена исключить наиболее ценное, всеобщее и самоочевидное в общечеловеческом сознании». Она отрицает субъект и в этом ее неискупимый грех. Для Астафьева нет мира без субъекта и «нет мировоззрения без всерешающего знания о субъекте!» [26, с. 144, 145, 150–151]. Выбор прост: или мировоззрение механического, объективного, отрицающего дух монизма, или мировоззрение ясного и откровенного спиритуализма [24, с. 161]. Философ, конечно, выбирает спиритуализм. Я, сознание, воля, субъект есть для Астафьева самое очевидное и самое ценное. Это – «единственное самоочевидное», «единственная несомненная действительность» [24, с. 152; 22, с. 649]. Более того, субъект и его внутренняя жизнь есть «истинно-сущее», «самосущее начало действительности» [24, с. 153; 25, с. 650].

Такой «субъект должен занять место *реального начала мировоззрения*, – как думает Астафьев, – место *истинно-сущего* в мыслимом мире». Он есть из себя и для себя сущий, внутренне-единный, самобытный, из себя самого определяющийся источник действия. Иначе это не субъект вовсе. Ничто «не само-сущее не обладает самоопределением и не есть субъект» [24, с. 154]. Таково в самом первом приближении начало, с помощью которого Астафьев хотел развернуть всю свою философию и воздвигнуть здание всеобщего мировоззрения, ибо, по его мнению, все глубокие революции в философии начинались с обращения к я (Сократ, Декарт, Кант) [24, с. 151–152].

Познание такого субъекта дано, по мысли философа, во внутреннем опыте, который и составляет самое существо всей субъективности. Узнавши

внутренний опыт, мы узнаем и самое существо субъекта [24, с. 161, 164]. Сознание «я мыслю», «я сознаю» неотделимо от процесса внутренней жизни и составляет все ее содержание. Это для человека самая достоверная действительность, истина в основе всех других истин и как факт – совершенно вне сомнения. Здесь полная замкнутость внутренней жизни в себе, отнесение всех ее состояний к ее внутреннему средоточию, к я. Но этот факт свидетельствует пока еще не о природе я, но просто о замкнутости, неделимости его в себе. Замкнутое целостное самодовольство обеспечивает единство сознания и дано нам не как знание, но как *«чисто фактическая данность»* [25, с. 651–653].

Астафьев решительно настаивает на единстве субъекта и внутреннего опыта. Внутренний опыт – это сам предмет, сам субъект [25, с. 654, 658]. Он совершенно самопрозрачен для самого себя. Предмет познания, средства познания, да и само познание, во внутреннем опыте целиком тождественны, взаимопроникают друг в друга. Такой субъект и такой внутренний опыт, конечно, никак не совместимы с позитивизмом, материализмом, неокантианством, поэтому Астафьев постоянно вступает в непримиримую полемику со всеми вариантами данных философских течений [25, с. 658–659].

Чтобы еще убедительнее подтвердить тождество субъекта и внутреннего опыта, Астафьев вынужден доказывать, что внешний опыт не обладает общей достоверностью, ибо всегда разрешается во внутренний опыт и, таким образом, есть только вид, часть внутреннего опыта. Всякий внешний опыт есть внутренний опыт, но внутренний опыт не есть только внешний опыт. Отсюда неприятие Астафьевым абсолютизма объективной науки и редукции философии к науке. Астафьев утверждает, что внутренний опыт дает не только знание о фактах внутренней жизни, но и есть *«самое бытие фактов внутренней жизни»* [25, с. 663]. Это бытие Астафьев понимает как деятельность: «Я узнаю, совершая». И акты внутренней жизни не узнаются внутренним опытом, но суть сам внутренний опыт. Они, по Астафьеву, *«совершенно совпадают»* [25, с. 664].

Внутренний опыт – не просто бытие, не просто деятельность, но – жизнь, *«самое существенное определение жизни вообще»*. Жизнь – это то, в чем существо узнает о своем бытии и чем это бытие себя подтверждает. Жизнь – совокупность событий, в которых бытие становится субъективным, ведомым себе и для себя целым. Никакой ценности бытие само по себе не имеет, считает Астафьев, пока оно не стало субъектом, ведомым себе хотя бы в самой смутной форме. «Жизни столько же, – утверждает философ, – сколько субъективности, ведомости в себе». Отрицать внутренний опыт – отрицать жизнь [25, с. 665].

Внутренний опыт, по Астафьеву, есть *«основное начало знания и истинно-сущее начало бытия»*, *«истинно-сущее, реальное начало бытия»* [25, с. 689, 691]. Если для такого опыта быть – значит знать себя, а знать себя – быть собой, то знание, которое дает внутренний опыт, есть знание «по существу». «Знание так, как есть», «знание самого существа», «знание самой позна-

ваемой вещи», знание субъектом самого себя – знание субстанциональное, которому доступна самая сущность субъекта. Поэтому «область внутреннего опыта и область всего возможного для нас знания совпадают» [25, с. 665, 672, 673; 26, кн. 13, с. 68; кн. 14, с. 76, 80, 83, 85]. Только внутренний опыт и дает настоящее знание, тогда как внешний опыт дает лишь относительное знание. Отсюда следует, что «вся жизнь субъекта состоит в том, чтобы быть себе ведомым» [25, с. 672]. Внутренний опыт – это всегда сознание и самосознание. Внутренний опыт, субъект, сознание, самосознание, знание, бытие и жизнь «совершенно совпадают и тождественны» [26, с. 86; 27, с. 22].

Астафьев не допускает никаких бессознательных элементов во внутреннем опыте. Иначе бессознательным будет и субъект, в силу своего тождества с внутренним опытом. Но бессознательный субъект уже вовсе и не субъект, не я, ибо немыслимо бессознательное самосознание. Астафьев непримиримый противник всякой философии бессознательного. Отсюда его постоянная критика Шопенгауэра, Э. Гартмана и позитивистской психологии [21, с. 124].

Внутренний опыт, по Астафьеву, неизбежно есть акт, деятельность, деятельная сила. Деятельность – это существо внутреннего опыта. Он есть деятельность и только в нем есть деятельность [25, с. 672, 691]. Внутренний опыт есть мощный производящий фактор всей жизни, сила, не перестающая ни на миг выражать себя в деятельности. Во внутреннем опыте деятельность сознательна и сознание деятельно. Все предыдущие характеристики внутреннего опыта сами приобретают характер актов (см. подробнее [28]). Только в переходе от акта к акту может существовать сознание, самосознание, субъект и жизнь, и наоборот. «Субъект есть деятельность, самоопределяющаяся сила, если только он *сам по себе* есть сознание, ведомое себе, внутренняя, замкнутая в себе жизнь» [25, с. 670]. Эта деятельность – бесконечна и вносит качество бесконечности во внутренний опыт. Активность внутреннего опыта есть единая, внутренне замкнутая и законченная, сама себе довлеющая. Внутренний опыт целостен, дан себе раз и навсегда во всем своем целом, совершенно непоколебимо довлеет самому себе. Он может только раскрываться, развертываться из себя во всех направлениях, но не «*нарастать* отвне». Отвне ему ничто не нужно для своей жизни [25, с. 668, 688].

Как деятельность и самодовление внутренний опыт, по Астафьеву, совпадает с актами воли и чувства. Более того, эти акты и суть внутренний опыт, так как он не может к ним относиться как к объекту, ибо «*в них – он сам и всё*» [25, с. 676]. Искать непосредственного содержания внутреннего опыта, по Астафьеву, следует не в интеллекте, а в чувстве и воле. Положительным содержанием внутреннего знания существа о своей жизни является чувство усилия, активности, тогда как в чувстве сопротивления, пассивности – начало сознания объекта. Чувства усилия и сопротивления, по Астафьеву, – основное, элементарное содержание всякого внутреннего опыта, из которых происходит и все его последующее содержание и весь его внутренний мир [25, с. 666–667].

Ведомая себе воля – это «сам внутренний опыт», а не нечто «в внутреннем опыте». Воля – «самодетельность познавания им себя» [25, с. 692].

Внутренний опыт, по мнению Астафьева, не дан человеку в абсолютной субстанциональной завершенности, но постоянно созидает, устрояет сам себя. Он еще должен стать самим собой, познать себя, создать себя. Так возникает во внутреннем опыте всякое долженствование и открывается возможность суждения [25, с. 690]. Внутренний опыт – беспощадная и бесконечная внутренняя критика перед лицом должного. Он – вечная неуспокоенность и моральная устремленность. Внутренний опыт является началом творчества, а для объяснения последнего необходимо признать и абсолютную свободу внутреннего опыта. Без свободы внутренний опыт теряет все свои замечательные качества и не отличается от опыта внешнего.

Внутренний опыт составляет «всю мою субъективную жизнь», и он знает себя только в своих же пределах, причем знает и сами свои пределы. Это открывает ему путь к познанию того, что он является только частью другого внутреннего опыта, иной воли, что он – акт трансцендентной Воли. «Именно это замкнутое в себе знание “не имеющей окон” душевной монады моей и говорит мне, что я – не всё, что я не безотрадно, беспомощно и бесплодно один в бытии, но участник широчайшей, бесконечно могучей и высшей жизни, создание высшей Воли» [25, с. 693]. Составляющая мое собственное существо, моя реальная воля и есть мое я, и не исчерпывается этим я, выходит за пределы внутреннего опыта, моей собственной реальности, начало которой, тем самым, лежит вне внутренне опытно ведомой мне реальности, т.е. трансцендентно [19, с. 188–189].

Таким образом, внутренний опыт «не условный постулат метафизики, а непосредственный, самоочевидный факт знания и бытия. Уничтожить его – уничтожить всё!.. Внутренний опыт *есть я сам*, вся моя реальность и все мое знание» [29, с. 188]. Поэтому внутренний опыт есть «единственная почва для общечеловеческого мировоззрения» [25, с. 687]. Но если внутренний опыт есть чисто индивидуальный, как он может стать единым, общепризнанным знанием? Астафьев отвечает, что «в *идее*» внутренний опыт совершенно индивидуален, но «в *действительности*» существенных различий внутреннего опыта у людей нет. Во внутреннем опыте «проявляется *наибольшая одинаковость* всех людей», так же как «у *всех существ одного животного типа*» [25, с. 685–686]. Поэтому внутренний опыт должен быть положен в основу всеобщего мировоззрения, всей человеческой жизни.

История и личность. Если модерный абсолютизм воли и разума, по мнению Астафьева, приводит к отрицанию истории, лишает ее внутреннего смысла и оправдания, то метафизический персонализм оправдывает историю как развертывание внутреннего опыта человека. Истории нет без самосознания. Человек несет ответственность за свои исторические судьбы. «Вся его внешняя жизнь есть лишь воплощение им вовне своего собственного, вну-

треннего мира» [30, с. 90–91]. В процессе истории самосознание человека и человечества должно уяснить свое положительное содержание, внести свет и ясность в хаос стремлений и определить положительный идеал и критерий жизни. Таким образом, выходит, что *«история и философия – это главные орудия самосознания человечества и питомники его идеалов»* [30, с. 93]. Поэтому от того или иного понимания истории зависит действительная история.

В своей работе «Смысл истории и идеалы прогресса» Астафьев замечательно раскрывает всю слабость человеческого субъекта и всю его реальную нужду в истории для своего земного существования: *«...человек в этом сознании именно почерпает последнее земное оправдание своему единичному существованию, никогда не достигающему законченности в осуществлении своих личных задач и потому в этой единичности бессмысленному... искомое оправдание – в том, что это же самое сознание себя звеном великого человеческого целого, продолжающим не им начатое, но завещанное ему дело, которое и не кончается вместе с концом его личного земного существования, дает человеку и внутреннюю точку опоры в его деятельности и авторитетные твердые цели ей, и успокоение его духу среди всех бесчисленных неудач и недочетов его личных стремлений. А успокоение это ему столь необходимо!.. Столь необходимо оно для его мысли при одновременном сознании им и своей личной ответственности за свои судьбы, и в то же время – невозможности принять на самого себя всю эту страшную ответственность во всем ее объеме»* [30, с. 99]. И далее: *«Пока он сознает себя и потому, что он сознает себя, ему нужны и опора, и руководство, и оправдание. И ничего-то этого не находит он и не может найти в себе самом – в собственном сознании; он себе роковым образом не довлеет! Восполнить эту его ограниченность, дать ему эту жизненно необходимую опору, это руководство и оправдание может только осознанная связь его с тем, что вне его, выше его и руководит его судьбами, направляет их. Таковую осознанную связь с высшим... находит человек, с одной стороны, в положительной религии, а с другой – в истории с ее положительными началами...»*; *«вне истории и религии человеку и жить скучно и умирать страшно»* [30, с. 131–132]. «Утешительное» и «укрепляющее» значение истории для личности человека делает ее, тем самым, по мысли Астафьева, внутренне оправданной [30, с. 99–100].

Это очень важный момент всей практической философии Астафьева. Субъект в жизни оказывается слаб и немощен. Истинно сущий субъект оказывается нуждающимся в истории и религии, а те превращаются в средства снятия внутренних противоречий субъекта, который с роковой необходимостью должен прибегать к их помощи. Астафьев разделяет, таким образом, основные постулаты органической теории истории. Идеальная общественная форма – *«форма органическая, культурно-государственная, но не рассудочно-договорная, социальная»*. Эта форма держится авторитетом предания, религии, поэзии, мистицизма, семьи, Отечества. Исторический человек есть

«гражданин своего государства, своего времени и своей культуры» [30, с. 107; ср.: 31, с. 129, 130].

Подобный взгляд на историю Астафьев противопоставляет пониманию истории в современных теориях прогресса. Это – идеал космополитический и рационалистический. Главной движущей силой истории является отвлеченный разум, рост и распространение просвещения и равенства. Прогресс требует исключения из жизни всего индивидуального и установления автоматического, идеально механизированного строя жизни. Такой строй якобы завершит историю и разрешит все ее задачи. Человек вполне приспосабливается к своей среде и вполне приспособит среду к своим нуждам. Достижение полного приспособления к среде считается достижением нравственной жизни. Прогресс сопровождается увеличением средств существования, увеличением технических знаний и производства. Вся общественная жизнь определяется соглашением членов общества на базе рассудочного договора. Политический строй общества является чисто социальным. Идеальный строй теорий прогресса строится на отрицании всего личного в человеке: творчества, религии, любви, свободы, гения, метафизики, подвига, труда, государства, народа, культуры, церкви. Отрицая личность и историю, теория прогресса отрицает тем самым жизнь. «Космополитическая тенденция в истории всегда кончалась смертью» [30, с. 129].

Главной силой, способствующей торжеству социального строя со всеми его последствиями, является буржуазия, которая посредством революции и парламентаризма разрушает национальное государство, народы и христианскую церковь. Буржуазия – главный социальный враг всего личного во всех сферах жизни. Она является естественным противником «всякого идеализма вообще, требующего от жизни большего, ... чем осуществление и обеспечение прав и интересов, благополучия особи и особей» [32, с. 176]. С утверждением такого строя и торжеством буржуазии человечество делает крупный шаг назад в своем развитии. Но если Маркс видел перспективное решение проблемы в осуществлении социальной революции, то Астафьев – в сознательном укреплении антибуржуазных социальных сил (самодержавия, церкви, дворянства и крестьянства, национальной интеллигенции), под защитой которых можно было бы осуществлять строительство совершенно особой культуры [ср.: 31, с. 173, 193, 203–204]. Хотя в частных беседах Астафьев, подобно К. Н. Леонтьеву, высказывал свои определенные симпатии к социалистическому проекту: «Я социалист! Разве может умный человек в России не быть социалистом. Но умный человек не пишет об этом, разумеется, в «Московских ведомостях»!» (свидетельство А. Г. Горнфельда [33, ф. 155, оп. 1, № 23, л. 3–4]).

Итак, в чем Астафьев видит выход из кризиса «современной» европейской цивилизации, в чем он ищет «опоры» для существования и развития в истории подлинного внутреннего опыта человека? В философии – это спиритуалистическая метафизика персонализма. В жизни – это утверждение и защита

исторического национального государства, полным выражением которого для философа является русское самодержавие; национальность в смысле народной самобытности (здесь идеал – русский народ); чистое искусство, основанное на личном бескорыстном творчестве; деятельное моральное чувство или любовь; положительная религия (а именно, православное христианство); воспитание гармоничной личности или «истинно философского характера».

«Сократические сообщества»: проблема элиты. Для Астафьева было очевидным, что противостояние «новому варварству» невозможно без воспитания и организации интеллектуальной элиты. Хотя личные возможности самого философа были весьма ограниченными, но в качестве преподавателя и тьютора Катковского лицея он предпринял попытку воспитания и образования студентов в духе принципов метафизического персонализма. «Пользуясь предоставленным ему Катковым *личным и свободным* постоянным общением со студентами», философ на свои средства организует для студентов (до 30 человек) литературно-музыкальные вечера («пятницы»), куда приходили профессора, артисты, музыканты, поэты, философы, где давались концерты, читались литературные произведения (как рукописные, так и опубликованные), и, главное, «разгорались споры, религиозно-философские диспуты, нередко продолжавшиеся несколько дней» [16, с. 927]. Чтобы «воспитать в человеке человечность», Астафьев старается оказать «свободно-воспитательное влияние» на учеников, «желая развить чувство прекрасного» в учениках и реализовать общество «свободной интеллигенции». «Я имею возможность, – говорил философ, – воспитывать свою молодежь в единой духовной атмосфере, крепко единящей их на всю жизнь общими стремлениями, симпатиями и вкусами, и создавать понемногу те традиции, тот *esprit de corps*, который теперь, к сожалению, сохраняется и воспитывает людей чуть ли не в одной военной службе!» [16, с. 925].

Для подобных организаций я предложил бы название «сократическое сообщество». Личность Сократа для Астафьева, как и для многих философов того времени, была прообразом совершенного человека, «истинно философского характера» [9, с. 122, 125–126]. Насколько серьезно было в Астафьева это убеждение, свидетельствует тот факт, что перед смертью философ цитировал поэму А. Н. Майкова «Три смерти», слова умирающего Сенеки: «Сократ! учитель мой! друг милый! К тебе иду!...» [34, с. 21]. Подобные «сократические сообщества» основываются на постоянном диалоге, открытой публичности, вечной личной и застольной беседе, неутомимом говорении, кипении скорых и неожиданных знакомств, а также вечном нервном возбуждении, горячности и страстности в поисках смысла жизни и правды, противомещанской агрессии, избытку пафоса, борьбе крайне щепетильных самолюбий, с той или иной долей чая («напитка русского медитативного идеализма» (Вяч. В. Иванов)) и алкоголя. «Эти вечера у Петра Евгеньевича, особенно первое время, были очень оживленны и разнообразны, – вспоминал один из студентов. –

После самых отвлеченных дебатов о сверхъестественном мы наслаждались часто артистическим чтением, художественным пением или классической музыкой, потом ужинали и всегда засиживались далеко за полночь. Иногда на наши вечера допускались дамы... и тогда устраивались танцы» [35, с. 99].

Именно в такого рода сообществах («свободная интеллигенция», «круг людей с высшими запросами и развитием», «немногие сильные», как именовал их Астафьев [36, с. 197; 37, с. 179]) зарождаются ad hoc из реальной специфической бытовой и личной стихии альтернативные и перспективные идеи и творения: интеллектуальные, культурные, эстетические, философские и даже политические. Здесь создаются, апробируются и реализуются методы и средства критики и сопротивления деперсонализирующим тенденциям «современности» [9, с. 110]. Одной из задач астафьевских «пятниц» было освобождение сознания студентов от влияния модных учений и идеологий («очищение ума»): материализма, механицизма, позитивизма, толстовства, теософии и спиритизма.

По убеждению Астафьева, человек для сохранения свободы своей личности нуждается в социальных опорах. Его «пятницы» были попыткой поиска альтернативных социальных опор субъекта, предохранявших его от агрессии антиперсонализма современного «общества учреждений». В качестве таких опор предлагались «чистое искусство»: поэзия (А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Гёте, Шиллер) и музыка (Бетховен, Моцарт, Глинка); высокая культура чтения (понуждение к чтению, обсуждение прочитанного, формирование соответствующего круга чтения и «режима чтения»), философия (классические образцы – античность и немецкий идеализм), национальная социально-политическая реальность (русская самобытность, самодержавие), религия (православие).

Для «сократического сообщества» принципиально наличие напряженного персонального общения. Профессиональный научный опыт передается в ситуации общения «лицом к лицу», а полноценная традиция воспроизводит себя только таким образом. Персональный состав «сообщества» и проблема лидерства оказываются не менее важными, чем официальный статус участников «сообщества». В случае «пятниц» Астафьева наибольшее персональное и интеллектуальное напряжение возникло между личностью самого философа и личностью К. Н. Леонтьева. Творчество этих мыслителей трудно адекватно понять без учета всей сложной специфики их взаимоотношений в рамках «пятниц» [38]. Значимость участия в «пятницах» для развития своей личности признавали и студенты: «Да, кто хотел, тот мог черпать здесь духовную пищу непосредственно из живого источника, а не из учебников наших почтенных глубокомысленных профессоров, заставлявших нас отбывать повинность “зубристики”. То огромное воспитательное значение, какое имели для нас “Астафьевские пятницы” не может быть ясно выражено словами, – да едва ли кому-нибудь это и интересно, – но каждый из нас не может не питать чувства

глубочайшей признательности за все, что он приобрел здесь для своего я, для своих убеждений, для всего своего мировоззрения» [35, с. 100].

«Пятницы» Астафьева могли бы стать основой и для политических проектов самого радикального характера. В 1890 г. К. Н. Леонтьев и Л. А. Тихомиров строили планы по созданию тайного, нелегального общества, в шутку именуемого Леонтьевым «иезуитским орденом». Общество задумывалось принципиально свободным от «казенных рамок» – государственных и церковных. Допускался постоянный риск правительственного преследования. Тайность общества рассматривалась как «главное условие его силы». Общество по примеру масонов должно было иметь двойной устав и двойную организацию – тайную и явную [39, с. 650–651]. В члены общества планировалось вербовать и студентов, участников «пятниц», которых Леонтьев именовал «Анатолистами» или «Гептастилистами», «...указывая последним названием на те главные семь положений, на которых должна, по его мнению, основываться и развиваться Славяно-Русская культура» [35, с. 102].

«Пятницы» Астафьева обеспечивали покровительство будущей карьере студентов. Один из примеров – судьба А. А. Александрова (1861–1930(?)), который на «пятницах» познакомился с К. Н. Леонтьевым, став его душеприказчиком, был устроен воспитателем сына Л. Н. Толстого Андрея, получил поддержку К. П. Победоносцева и И. Д. Делянова, благодаря которой занял место редактора и издателя «Русского обозрения».

Таким образом, «пятницы» Астафьева и подобные им «сократические сообщества» воплощали социально-культурные альтернативы, были точками сопротивления современным негативным влияниям и местами строительства новых культурных проектов и реальностей. Астафьевское «сократическое сообщество» держалось верой русского философа в способность отдельного «имярека» открыть в себе самом доступ к сущему и, благодаря этой связи, устоять перед любыми хитростями мирового духа [40].

«Слишком евроеец». Очевидно, что в своих социальных рецептах противостояния западному модерну Астафьев не был оригинален. И по сей день многие критики «современности» ищут средства против нее в органических коллективностях. Оригинальным является исходный принцип Астафьева – метафизический персонализм. Внутренний опыт в понимании Астафьева есть, на наш взгляд, не что иное, как сфера интеллигенции или ума. Только в отличие от античного космического ума и средневекового богочеловеческого Логоса здесь интеллигенция всецело ограничена пределами человеческого субъекта. В этом отношении персонализм Астафьева представляет собой вариант новоевропейской философии субъекта. Философ противостоит модерну в пределах самого модерна. Это четко просматривается в том, насколько метафизический персонализм автономен и равнодушен, к догматической определенности православного христианства (см. подробнее [2; 3, с. 325–326]). Тонко заметил К. Н. Леонтьев, когда высказался о Достоевском и Астафьеве,

что они «оба западные европейцы по образованию и быту» и не без основания опасался, что «скрытая» модернность подобного неославянофильства оставит Россию в положении «чуть-чуть самобытненькой», а не радикально иной и интеллектуально независимой по отношению к Западу [41, с. 617, 650]. Опыт трудной борьбы с «новым варварством» за самостоятельность русского *логоса*, как он выразился в философии П. Е. Астафьева, несомненно, важен и не должен быть забыт. Однако столько же несомненно, что нам необходимо видеть ограничения этого опыта и научиться их преодолевать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дугин А. Г.* Ноомахия : войны ума / А. Г. Дугин. – М. : Академ. проект, 2014.
2. *Прасолов М. А.* Социально-философские и антропологические воззрения П. Е. Астафьева (1846–1893) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. А. Прасолов. – СПб., 2001.
3. *Прасолов М. А.* Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме / М. А. Прасолов. – СПб., 2007.
4. Институт русской литературы (Пушкинский дом) (ИРЛИ). – СПб.
5. Государственный архив Воронежской области (ГАВО).
6. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / С. А. Венгеров. – СПб., 1889.
7. Воронежские губернские ведомости.
8. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Киев, 1991.
9. *Астафьев П. Е.* Монизм или дуализм? Понятие и жизнь / П. Е. Астафьев. – Ярославль, 1873.
10. *Фудель И. Ю. Н.* Говоруха-Отрок / И. Фудель // Русское обозрение. – 1896. – № 9.
11. *Розанов В. В.* Вечная память / В. В. Розанов // Там же. – 1896. – № 9.
12. *Леонтьев К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. – М., 1993.
13. *Грот Н. Я.* П. Е. Астафьев. Некролог / Н. Я. Грот // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Кн. 18.
14. П. Е. Астафьев. Некролог // Исторический вестник. – 1893. – № 6.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА).
16. *Якубовский В.* Воспоминания о П. Е. Астафьеве / В. Якубовский // Русское обозрение. – 1893. – № 12.
17. Московские ведомости. – 1893. – 13 апр.
18. *Трубецкой С. Н.* Соч. / С. Н. Трубецкой. – М., 1994.
19. *Введенский А. И.* Петр Евгеньевич Астафьев. Характеристика его философских и публицистических взглядов / А. И. Введенский // Богословский вестник. – 1893. – № 6.
20. *Гаврюшин Н. К.* Забытый русский мыслитель // Вопросы философии. – 1996. – № 12.
21. *Козлов А. А.* П. Е. Астафьев как философ / А. А. Козлов // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Кн. 18.
22. *Прасолов М. А.* Забытый философ / М. А. Прасолов // Русская провинция. – Воронеж, 1995. – Вып. 2.

23. *Прасолов М. А.* К последней достоверности : В. С. Соловьев и П. Е. Астафьев о субъекте как метафизическом принципе / М. А. Прасолов // *Credo New*. – 2004. – № 3. – С. 49–59.
24. *Астафьев П. Е.* Родовой грех философии / П. Е. Астафьев // *Русское обозрение*. – 1892. – № 11.
25. *Астафьев П. Е.* Наше знание о себе / П. Е. Астафьев // Там же. – № 12.
26. *Астафьев П. Е.* Воля в знании и воля в вере / П. Е. Астафьев // *Вопросы философии и психологии*. – 1892. – Кн. 13–14.
27. *Астафьев П. Е.* К вопросу о свободе воли / П. Е. Астафьев. – М., 1889.
28. *Прасолов М. А.* Субстанция или акт? Полемика П. Е. Астафьева с А. А. Козловым о первоначале метафизики (1888–1890 гг.) // *Credo New*. – 2006. – № 4. – С. 53–65.
29. *Астафьев П. Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения / П. Е. Астафьев. – М., 1893.
30. *Астафьев П. Е.* Смысл истории и идеалы прогресса / П. Е. Астафьев // *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. – М., 2000.
31. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – СПб., 1999.
32. *Астафьев П. Е.* Из итогов века / П. Е. Астафьев // *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. – М., 2000.
33. *Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)*. – М.
34. *Майков А. Н.* Соч. : в 2 т. / А. Н. Майков. – М., 1984. – Т. 2.
35. *Замараев Г. И.* Памяти К. Н. Леонтьева / Г. И. Замараев // *Русская мысль*. – 1916. – № 3. – 2-я паг.
36. *Астафьев П. Е.* Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни / П. Е. Астафьев // *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. – М., 2000.
37. *Астафьев П. Е.* Перерождение слова / П. Е. Астафьев // *Русский вестник*. – 1892. – № 12.
38. *Прасолов М. А.* Два консерватизма : П. Е. Астафьев и К. Н. Леонтьев / М. А. Прасолов // *Консерватизм в России и мире : в 3 ч.* – Воронеж, 2004. – Ч. 2. – С. 29–67.
39. *Тихомиров Л. А.* Тени прошлого. Воспоминания / Л. А. Тихомиров. – М., 2000.
40. *Эвола Ю.* Оседлать тигра / Ю. Эвола. – СПб., 2005.
41. *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство / К. Н. Леонтьев. – М., 1996.

Воронежская Православная духовная семинария

Прасолов М. А., доктор философских наук

E-mail: prasolovm@mail.ru
Тел.: 8-951-552-93-02

Voronezh Orthodox Seminary

Prasolov M. A., Doctor of Philosophical Sciences

E-mail: prasolovm@mail.ru
Тел.: 8-951-552-93-02

**Л. А. ТИХОМИРОВ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ**

О. А. Милевский

Сургутский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 29 мая 2015 г.

Аннотация: *рассматривается общественно-политическая деятельность революционера, а впоследствии монархиста и консервативного мыслителя Л. А. Тихомирова.*

Ключевые слова: *Л. А. Тихомиров, народничество, общественно-политическая мысль, консерватизм, самодержавная монархия, рабочий вопрос, «Московские ведомости».*

Abstract: *the article based on large volume of historic sources and literature deals with public and political activity of L. A. Tikhomirov – a revolutionary who subsequently became monarchist and conservative thinker.*

Key words: *L. A. Tikhomirov, narodnik movement, public and political thought, conservatism, autocratic monarchy, labour question, «Moskovskie vedomosti».*

Имя Льва Александровича Тихомирова – революционера, а впоследствии крупного мыслителя-консерватора, несмотря на весьма обстоятельное изучение его биографии и политических взглядов современными историками [1], все еще привлекает внимание исследователей. Феномен Л. Тихомирова в том, что он прожил фактически две политические жизни: и как революционер, и как консервативный общественный деятель, причем в каждой из них он играл ведущие политические роли. Что же это было – ловкость и увертливость расчетливого перевертыша-карьериста или действительно осознанный идейный поворот? Представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в изучении сложнейших переплетений его жизни.

Л. Тихомиров родился 19 (31) января 1852 г. в Геленджике в семье военного врача. Жизнь семьи Тихомировых во второй половине XIX в. оказалась тесно связанной с освоением Западного Кавказа [2]. Несомненно, суровая кавказская обстановка оказала серьезное влияние на формирование характера Л. Тихомирова. В нем отложились те патриотические, проникнутые духом имперского государственного строительства черты, которые, в конце концов, пробили себе дорогу, повернув в сторону принятия идеалов самодержавной монархической государственности. Он сам впоследствии писал, что «жизнь

на Кавказе была проникнута глубоким смыслом, гораздо более, чем в любой другой области России... Тут человек сознавал, что он недаром живет на свете, а совершает некоторую хотя бы и малую долю великого дела» [3, с. 26].

Формирование общественно-политического мировоззрения Л. Тихомирова проходило в эпоху «великих либеральных реформ» 1860-х гг., затронувших практически все сферы жизни российского социума. Однако начатые в стране преобразования, породившие у общества надежды на обновление российских политических институтов и невиданный доселе всплеск либерализма, объективно подтачивали фундамент традиционной российской идентичности, заключенной в уваровскую формулу «православия, самодержавия, народности».

1860-е гг. явились в истории России не только периодом форсированного становления капиталистических отношений, но и эпохой активной литературной полемики между публицистами из консервативного лагеря, возглавляемого М. Н. Катковым, и представителями демократически настроенной печати – журналов «Современник» и «Русское слово» – по поводу дальнейшего развития страны. Ожесточенные литературные дискуссии стали символом раскола в русском обществе относительно оценки результатов реформ Александра II.

Именно в такой обстановке в период с 1864 по 1869 г. Л. Тихомиров обучался в Керченской гимназии, которая, как и большинство учебных заведений того времени, стала настоящим рассадником нигилизма и свободомыслия, подарив России кроме Л. Тихомирова и других крупных революционеров – А. И. Желябова и М. Н. Тригопи. Одним из проявлений модного тогда «отрицательного направления» была показная безрелигиозность. В результате множество наиболее развитых и думающих молодых людей оказались под влиянием антирелигиозных и противомонархических идей как иностранного, так и отечественного происхождения.

В своих воспоминаниях Л. Тихомиров отмечал: «Что касается религиозного настроения, оно у нас было очень слабо. Дети поступали в гимназию верующими. Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала». Объяснение тому он находит в духе эпохи. «Нужно вспомнить, что это были знаменитые 60-е годы, эпоха систематического подрыва веры, монархии и даже вообще всех исторических основ. В литературе развивался «нигилизм», отрицание всего, чем жило общество. Во главе отрицания стоял «Современник» Чернышевского» [3, с. 163].

В своих оценках Л. Тихомиров верно указывал одну из важнейших причин такого легкого перехода молодежи в стан «отрицателей» – невыработанность религиозного чувства. Вера в Бога, вытеснявшаяся под прессом общественного движения 1860-х гг. из сознания юношества, искала замены на что-то иное. И здесь явился пророк нигилизма Д. И. Писарев.

Естественно, что в идейно незрелой, не имевшей серьезного жизненного опыта гимназической среде писаревские идеи тотального разрушения нахо-

дили самую благодатную почву. О своем увлечении Д. Писаревым говорил и Л. Тихомиров, заявляя, что в гимназии «истинным властителем дум молодого поколения был Писарев... в гимназии это был мой пророк и учитель» [3, с. 163].

Столь пагубные для учащейся молодежи увлечения во многом объяснялись фактическим отсутствием в стране внятной политики по отношению к подрастающему поколению. Согласитесь, что трудно считать за таковую то, что предлагалось министерством Д. А. Толстого, которое получило в печати, причем вполне благонамеренной («Петербургские ведомости»), прозвище «министерства борьбы».

В условиях оторванности российской школы от реальных запросов жизни Л. Тихомиров, как и большинство его сверстников по гимназии, переживал период романтического увлечения нигилистическими идеями отрицателей-шестидесятников. Отмечая причины легкой победы идеологов отрицания, он подчеркивал, что «защитников исторических основ общественности и государственности мы почти не знали и не читали. Господствующее большинство печати приняло систему не спорить с ними серьезно, а только высмеивать» [3, с. 163–164].

В такой обстановке в 1869 г. Л. Тихомиров закончил гимназию и в августе 1870 г. поступил в Московский университет. Он жаждал общественного служения на благо простого народа, но пока его социальные идеалы были очень размыты. Он еще искал свое предназначение в жизни. Не следует забывать и того факта, что в рассматриваемое время он был юношей 17–18 лет, т.е. время психофизического развития, когда личность переживает очень сложный период, который психоисторик Э. Эриксон называл «кризисом идентичности» [4]. В ряду нескольких стадий этого явления Э. Эриксон основное внимание уделял «кризису идентичности», падающему на юношеский возраст (13–19 лет), когда в жизни подростка происходят важные биологические, психологические и социальные перемены, и он начинает поиск своего призвания [5, с. 176]. Именно такой период жизни и переживал Л. Тихомиров в конце гимназической – начале студенческой жизни.

Да и не только он один. Много позже Л. Тихомиров-монархист напишет о «поколении семидесятых годов»: «Печальна судьба этого поколения. Не имело оно недостатка в способностях, ни в искренности, ни в готовности к самопожертвованию, а в конце концов – было ли поколение до такой степени бесплодное, так мало создавшее, так безжалостно уложившее все силы в какое-то пустое место?» [6, с. 343]. Но это будет спустя годы, а в то время им владело желание деятельности. Деятельности непосредственной на благо общества, но точного представления, куда направить свои силы, Л. Тихомиров тогда еще не имел.

Теоретический вакуум в головах молодого поколения искал заполнения, а правительство ничего, кроме ужесточения курса, не предлагало, и новый пророк не замедлил явиться. С. Ф. Ковалик вспоминал, что «наибольшее зна-

чение в смысле выработки мирозозерцания имело для семидесятников сочинение П. Л. Лаврова «Исторические письма» [7, с. 151].

Основной пафос «Исторических писем» заключался в обращении к интеллигенции работать среди народа во имя его духовного преобразования и политического освобождения не на основе существующих политических порядков, а на иной, именно социалистической основе. То есть идеи «шестидесятников» не отрицались, но как бы развивались применительно к новым общественным условиям. «Исторические письма» студенческая молодежь встретила с небывалым энтузиазмом.

Именно в это время, находясь в стадии поиска ответа на, как казалось тогда Л. Тихомирову, жизненно важные для него вопросы, он вступил в конце 1871 г. в кружок московских «чайковцев». Этот поступок во многом предопределил ту цепь событий, которые в конце концов и привели Л. Тихомирова на олимп российского революционного движения.

В 1873 г. он, по предложению Н. А. Чарушина, перебрался в столицу, где был принят в центральный кружок «чайковцев». В него входили в будущем такие известные революционеры, как С. Л. Перовская, П. А. Кропоткин, С. М. Кравчинский, С. С. Синегуб и др. В Санкт-Петербурге он не без успеха попробовал себя на ниве бесцензурной литературы. Наиболее известные сочинения Л. Тихомирова того периода, написанные в жанре литературы «для народа», – «Е. Пугачев, или Бунт 1773 года» и «Сказка о четырех братьях». Однако его активная пропагандистская карьера оказалась недолгой в ночь с 11 на 12 ноября 1873 г. Л. Тихомирова арестовали [8].

Он оказался одним из многих сотен молодых людей, арестованных в этот период и притянутых к гигантскому делу, раздутому начальником московского ГЖУ И. Л. Слезкиным и прокурором Саратовской судебной палаты дознания С. С. Жихаревым «О пропаганде в Империи». Дождаясь начала суда, Л. Тихомиров около четырех лет провел в предварительном заключении. «Процесс 193-х», или «Процесс-монстр», как его окрестила российская демократическая печать фактически провалился. Инкриминировать большинству подсудимых обвинителями было практически нечего. По итогам процесса «193-х» приговор был оглашен 23 января 1878 г. По решению ОППС 90 человек были оправданы, 61 подсудимому было зачтено в качестве наказания предварительное заключение, в том числе и Л. Тихомирову.

Впоследствии, вспоминая этот период своей жизни, он писал в октябре 1888 г. О. А. Новиковой: «В кружке “чайковцев” я был из молодых, но видных членов, но вскоре (11 ноября 1873 г.) был арестован. В тюрьме меня обозлили. Подумайте – мальчик, полный жажды жизни, и, в сущности, за вздор, за дурацкую брошюру – 4 года заключения. Я не знал жизни. Следователи фактически мне сказали: “Вот какова жизнь в России, вот какова гуманность”. В это время у меня было самое решительное настроение (1878 г.), и я искал людей действия» [9, ф. 345, оп. 1, д. 746, л. 10].

В таком состоянии пребывало большинство молодых людей, выпущенных на свободу. Кроме того, по выходу из тюрьмы Л. Тихомиров был отдан под административный надзор с определением обязательного места проживания. Свое впечатление от этой санкции он описывал так: «При моей молодости и жажде широк[ого] наблюдения эта мера поразила меня, как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов» [10, с. 241]. Так началась нелегальная жизнь Л. Тихомирова, которую он в позднейший период прямо назовет «жизнью травленного волка» [11, с. 27].

Его авторитет в революционной среде сразу же толкнул его в гущу событий. Осенью 1878 г. он вступил в народническую организацию «Земля и воля» и сразу же стал одним из редакторов ее печатного органа. Попутно он сотрудничал в легальных демократических изданиях «Слово», «Дело» и «Отечественные записки». В «Земле и воле» он сразу примкнул к сторонникам прямой политической борьбы с правительством.

После раскола «Земли и воли» в августе 1879 г. Л. Тихомиров стоял у истоков создания «Народной воли», являлся членом ее Исполнительного комитета (ИК), Распорядительной комиссии и редактором нелегальной газеты. Фактически он выступал тогда как ведущий теоретик «Народной воли». Надо сказать, что в статьях Л. Тихомирова-народовольца всегда ощущался некий «государственный инстинкт». В печатном органе «Народной воли» он выступал с позиций признания необходимости государственных начал при осуществлении необходимых социальных преобразований, полагая, что «анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А между тем, именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать» [12, с. 3].

В этот период он отстаивал идею заговора, предполагая осуществить захват власти силами революционной организации. В статье «Желательная роль народных масс в революции» («Народная воля». 1880. № 4. – О. М.) он отмечал, что в захвате власти и в воплощении в жизнь принципов справедливого социального устройства лидерство должно принадлежать революционерам и их партии.

Уже в своем первом номере газета «Народная воля» вынесла смертный приговор российскому монарху Александру II и началась беспрецедентная 18-месячная «охота на царя», к которой был причастен и Л. Тихомиров, хотя на террор он смотрел только как на одно из многих тактических средств для того, чтобы вызвать заговор.

Так, при подготовке программы ИК «Народной воли», в которой террор особо не выделялся, а был перечислен наряду с другими формами борьбы, у него даже возникли серьезные разногласия с Н. А. Морозовым. В написанной Л. Тихомировым и принятой программе ИК («Народная воля». 1880. № 3. – О. М.) ближайшей задачей партии ставился именно политический переворот

с целью передачи власти Учредительному собранию, которое должно будет «пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей» [13, с. 172]. Убедившись воочию в неэффективности террора как способа борьбы и осознав, что русский народ никак не отозвался на действия революционеров, Л. Тихомиров начал переосмысливать свои взгляды. Летом 1880 г. он, искренне любящий своих товарищей, особенно А. Д. Михайлова, на одном из заседаний ИК заявил о своем желании покинуть революционную организацию, но в его просьбе было отказано.

Убийство Александра II 1 марта 1881 г. только усугубило идейный и психологический кризис Л. Тихомирова. В отличие от своих товарищей по революционному подполью, он оказался менее зашоренным, более способным отойти от узкореволюционных проблем, посмотреть на социальные вопросы шире, как бы со стороны. В своем письме В. Л. Бурцеву от 14 августа 1906 г. он впоследствии писал: «Когда я хочу уловить, в чем разница между мной и товарищами – основная разница, то я постепенно убеждаюсь: не во мнениях, не в идеалах (менее всего), ни даже в способах действия, а в том, что я давно стал жить с людьми вообще и в течение жизни все более вставал на общечеловеческую почву, а они, товарищи, замыкались в свой кружок, все более съезживающийся» [9, ф. 75, оп. 1, д. 32].

В обстановке массовых арестов народовольцев в послемартовский период Л. Тихомиров в 1882 г. с семьей перебрался за границу, в Швейцарию. Так, по его словам, начался 3-й этап его революционной деятельности, определяемый им как мечтания о государственном перевороте путем заговора с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы [14, с. 32].

В конце 1882 г. в эмиграции, он стал участником удивительных и достойных пера приключенческого романа переговоров между ИК «Народной воли» и представителями неофициальных, но крайне влиятельных в российском правительстве сил. Речь шла о прекращении террора революционерами при проведении коронации Александра III в обмен на определенные уступки со стороны правительства. Л. Тихомиров согласился принять участие в переговорах и принял на себя роль лидера «Народной воли» в эмиграции. Он объяснял этот поступок, с одной стороны, надеждой, что партия хотя бы временно откажется от террористических методов, а с другой – желанием поспособствовать амнистии и возвращению к жизни «десятков и сотен испытанных бойцов... послужить орудием освобождения товарищей...» [15, с. 154, 162].

Переговоры остались без продолжения, но сам Л. Тихомиров вновь втянулся в дела революционной эмиграции, в частности принял самое активное участие в издании и редактировании «Вестника “Народной воли”» (1883–1886 гг.). Издание «Вестника» большого успеха не имело, российская заграничная агентура во главе с П. И. Рачковским весьма успешно противо-

действовала его доставке в Россию. Неудача с «Вестником» и наблюдения за российской действительностью все более убеждали Л. Тихомирова в ошибочности исповедуемых им революционных теорий.

Разразившаяся «дегаевщина», дискредитировавшая народовольческий центр, еще более усилила пессимизм Л. Тихомирова в отношении перспектив революционного движения в России. Он записал в дневнике 8 марта 1886 г.: «Я окончательно убедился, что революционная Россия в смысле серьезной сознательной силы не существует... Народ страшно измельчал, они способны только рабски повторять примеры былых героев, но совершенно не способны поднять измельчившихся условий и выдумать что-нибудь свое» [10, с. 189].

Перебравшись для издания «Вестника» в Париж, Л. Тихомиров оказался в тяжелейшем финансовом положении. К финансовым неурядицам прибавился серьезнейший нервный стресс, связанный с тяжелой болезнью сына. К тому же во Франции он подвергался мощному психологическому давлению со стороны российской заграничной агентуры. Его разочарование жизнью в республиканской Франции усилилось и из-за кампании, инспирированной П. Рачковским, по высылке его из страны.

Л. Тихомиров начал иными глазами воспринимать окружающую его европейскую действительность. На рубеже 1885–1886 гг. он пережил настоящую мировоззренческую революцию. Этому во многом способствовала и начатая им в середине 1886 г. работа над книгой «Россия политическая и социальная» («La Russie politique et sociale», опубликована в Париже в 1888 г. – О. М.).

В ходе работы над книгой Л. Тихомиров многое пересмотрел в своих воззрениях и постепенно пришел к выводу, что Россия не нуждается в революционных изменениях, а желаемого результата можно добиться за счет культурной деятельности всех общественных сил, объединенных одной программой, т.е. эволюционно, на почве постепенного реформирования существующего строя. Он предложил в «Вестник “Народной воли”» статью, выражающую его новые политические воззрения. Естественно, редакция «Вестника» статью отклонила, а об идейных шатаниях Л. Тихомирова серьезно заговорили в эмигрантских кругах.

Внутренний кризис и интеллектуальное одиночество Л. Тихомирова подтолкнули его к возвращению к ценностям православной веры. Окончательный перелом в его мировоззрении наступил зимой 1886–1887 гг., когда Л. Тихомиров жил с семьей в уединении в местечке Ле-Рэнси под Парижем. Он так характеризовал свое душевное состояние: «Я был в полном противоречии со своей действительностью. Я был в сознании своем христианином, в действительности фактически отлучен от церкви и своих обязанностей христианина не выполнял. Я был горячим русским и от России отлучен. Я был монархистом, и... что имел на совести? Мне приходилось переделать всю свою жизнь, сверху донизу, а это значило фактически – принять новое отношение к эмигрантской среде» [10, с. 293–294].

Духовное спасение к Л. Тихомирову, пребывавшему в состоянии тяжелейшего мировоззренческого, да и личного кризиса, пришло в 1887 г., когда он познакомился с консервативной публицисткой О. А. Новиковой, родной сестрой генерала А. А. Киреева. Их сближали взгляды на русскую историю и национальную самобытность русского народа, выразившуюся, по их мнению, в создании такой своеобразной формы государственности, как самодержавная монархия.

Славянофильские настроения О. Новиковой подтвердили веру Л. Тихомирова в возможность «правильного народного развития» страны при посредстве верховной власти. Являясь даже в революционный период жизни сторонником сильной государственности, Л. Тихомиров, убедившись в несостоятельности революционной партии и отрицательно относясь к перспективам либерализма и парламентаризма в России, увидел решение проблем российского общества в создании национальной партии, которая служила бы опорой верховной власти в осуществлении проектов справедливого для всех сословий обустройства жизни.

На рубеже 1887–1888 гг. он в общении с российскими политэмигрантами уже не скрывал своих антиреволюционных взглядов. Первый шаг к официальному разрыву с революционным прошлым был сделан им после появления в начале 1888 г. предисловия ко 2-му изданию его книги «Россия политическая и социальная». В нем он выступил не только против террора, но и вообще против революционной формы борьбы. В предисловии Л. Тихомиров высказывал мысль о том, что нужны здоровые, положительные идеи и созидательная программа, и только в создании такой программы, по его мнению, заключался путь к решению социально-политических проблем в России.

Появление такого предисловия вызвало яростные нападки на него со стороны его бывших собратьев-революционеров [16–18]. В сложившихся обстоятельствах Л. Тихомиров решил написать ответ своим оппонентам из среды русской революционной эмиграции. Одновременно он задумался и о возвращении в Россию. Его работа над брошюрой «Почему я перестал быть революционером» завершилась в мае 1888 г. В ней он не только заявил об окончательном разрыве с революционным движением, но и достаточно подробно рассмотрел вопрос о самодержавной власти, отметив, что факт ее происхождения есть результат русской истории, который не нуждается ни в чем признании и никем не может быть уничтожен, пока в стране живут миллионы людей, не желающих знать ничего другого.

Критикуя парламентаризм как неудовлетворительную систему государственного управления, Л. Тихомиров указывал, что для России необходима сильная монархическая власть. Именно в самодержавной верховной власти, опирающейся на достойное правительство, Л. Тихомиров видел единственную реально мыслящую силу в стране [14, с. 48–49]. «Отречение» Л. Тихомирова вызвало буквально пароксизм ярости в рядах революционеров не только русских, но и западноевропейских [19, с. 137].

В августе 1888 г. Л. Тихомиров написал письмо товарищу министра внутренних дел В. К. Плеве с приложением к нему своей брошюры. В нем он выразил желание вернуться в Россию и посвятить свои силы пропаганде и укреплению того, что он так долго расшатывал, видя в этом свою нравственную обязанность.

Кроме того, 12 сентября 1888 г. он отправил личное письмо Александру III, в котором описывал свой революционный путь и просил позволить ему вернуться на родину, заключив свое письмо словами: «Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое неизменное орудие его благосостояния и совершенствования составляет Верховная власть с веками укрепленным авторитетом» [10, с. 250]. В результате 10 ноября 1888 г. русский царь утвердил доклад МВД Д. А. Толстого, по которому Л. Тихомиров получил полное помилование с условием, что по возвращении в Россию он будет водворен в определенную местность под надзор полиции сроком на пять лет.

После прибытия в Россию, недолго пробыв в столице, Л. Тихомиров отправился к месту своей ссылки в Новороссийск. Тогда же он начал активно сотрудничать в консервативной печати. Особенно часто его статьи появляются в «Московских ведомостях», причем он писал как о проблемах развития Западного Кавказа [2], так и на актуальные общественно-политические темы. Настоящий фурор в лагере консерваторов произвела его статья «Очередной вопрос». В ней он обращал внимание на то обстоятельство, что, хотя правительство уже в основном разгромило революционные организации, почва, на которой «вырастает общее мирозерцание европеизированной части русского общества, осталась нетронутой» [20]. В сложившейся ситуации, по мнению Л. Тихомирова, «национальным элементам русского общества», пребывавшим в состоянии индифферентности, нужно усилить агитацию и пропаганду в монархическом духе и особое внимание уделять молодежи.

В этом контексте хотелось бы обратить внимание на глубокую прозорливость Л. Тихомирова – он первым среди идейных консерваторов обратил внимание на молодежный фактор как один из решающих в борьбе за торжество монархической идеи. По совету А. Киреева, он изложил свои мысли по этому вопросу в специальной записке «О нравственном влиянии на молодежь». К сожалению, она до сих пор не найдена, и о ее содержании исследователи могут судить только по косвенным данным.

В письме к О. Новиковой, ставшей для их семьи очень близким человеком, он писал: «Нужно, следовательно, писать так, чтобы они (молодежь. – О. М.) прочли, а для этого прежде всего нужно, чтобы они не бросали статьи из-за чересчур шокирующих их слов» [9, ф. 345, оп. 1, д. 747, л. 2]. Для успеха контрреволюционной пропаганды, по его мнению, нужна была добросовестность в обличении. В каком-то смысле предложения Л. Тихомирова в этом направлении опередили время, предвосхитив то, что сегодня называется государственной молодежной политикой.

В июне 1890 г. Л. Тихомиров был освобожден от гласного надзора с решением на «повсеместное жительство» и поселился в Москве. С сентября 1890 г. он стал постоянным сотрудником «Московских ведомостей». Первоначально он вел «Дневник печати», однако амбициозному Л. Тихомирову это казалось слишком мелким. Он разочарованно писал О. Новиковой: «Эта работа скучна и бесполезна для меня, т.к. читать эту штуку нисколько не поучительно» [там же, л. 28]. Но с течением времени его положение в редакции упрочилось, к тому же он получил замечательную возможность сотрудничать в журнале «Русское обозрение», собравшем вокруг себя блистательную когорту национально мыслящих публицистов. Среди них кроме Л. Тихомирова были В. А. Грингмут, П. Е. Астафьев, Д. Н. Цертелев и др.

Стоит отметить, что в начале 1890-х гг. Лев Александрович основную часть своей публицистики посвящал выполнению «политического заказа» К. П. Победоносцева – борьбе против оппозиционных официальному кругу общественно-политических течений, от самого осторожного либерализма и западничества до марксизма и социализма. «Трудно назвать другого публициста правительственного лагеря, который уделял бы столько внимания критике марксизма», – отмечал В. Н. Костылев [21, с. 40].

К. Победоносцева и Л. Тихомирова роднила непримиримость к западноевропейским формам парламентаризма. Большое впечатление на обер-прокурора произвела достаточно аргументированная тихомировская критика концепции народного представительства в странах Западной Европы, внедрявшая в сознание русского общества идеи гибельности конституционализма как рассадника социалистических и коммунистических идей для России, а в будущем – и для всей Европы. Первоначально подобного рода мысли прозвучали в 1891 г. в публикации «Социальные миражи современности» [14, с. 113–152].

Невзирая на определенные расхождения среди правых публицистов, в целом политическая линия, проводившаяся Л. Тихомировым в «Русском обозрении», устраивала его «идейного опекуна» К. Победоносцева. Именно при его непосредственной поддержке в июльской книжке журнала за 1892 г. вышла еще одна статья, проникнутая теми же антизападническими и антилиберальными идеями, ставшая, по сути, продолжением предыдущей работы, под названием «Новейшие заявления коммунизма и партикуляризма» [22].

Наиболее же наглядно всю «порочность» системы парламентаризма Л. Тихомиров вскрыл чуть позднее в серии статей «Панама и парламентаризм» [14, с. 153–173]. В них, опираясь на скандал вокруг кампании по строительству Панамского канала, он обличал коррупцию и мошенничество, царившие в депутатских кругах Франции. Заявляя, что парламентская страна создает строй своеобразной олигархии, автор серьезно подрывал позиции своих либеральных оппонентов. Он утверждал: «Парламентаризм приводит официальное правительство страны к неслыханному доселе ничтожеству и

бессилю» [14, с. 173]. А значит, в условиях России любой парламент неизбежно превратился бы в антиправительственное учреждение с господством в нем худших элементов дворянской интеллигенции как наиболее организованного и политически активного сословия.

Вообще, социал-демократическое движение представлялось экс-революционеру наиболее опасным из существующих революционных течений, и распространение его в России сильно беспокоило Л. Тихомирова. Он не без основания опасался сращивания марксизма с рабочим движением из-за нежелания властей справедливо разрешить рабочий вопрос, действительно представлявший реальную опасность для государства. А эту опасность в отличие от остро чувствующего Л. Тихомирова многие в монархической среде не замечали.

Выдвижению Л. Тихомирова на ведущие роли в консервативном лагере способствовали и обстоятельства, связанные со смертью высокочтимого им императора Александра III. На его смерть в 1894 г. публицисты монархического лагеря отреагировали целым потоком славящих его царствование статей, но и среди них статьи Л. Тихомирова «Великий пример» и «Носитель идеала» не затерялись, а, наоборот, принесли их автору известность и окончательное признание в консервативных кругах. Особый резонанс среди читающей публики вызвала статья «Носитель идеала». В ней, подводя итоги предыдущего царствования, Л. Тихомиров доказывал, что «в царствование Александра III России и всему миру дано было пережить исторический момент, всю важность которого еще не осознают. Император Александр III не был только выразителем идей. Он был истинный подвижник, носитель идеала» [23, с. 8].

Близкий к царскому двору А. Киреев писал своему другу Л. Тихомирову, что «статья «Носитель идеала» сделала автору настоящую карьеру. Ее прочел государь и очень умилился» [24, ед. хр. 101, л. 42]. Очень хвалили публикации Л. Тихомирова такие его корреспонденты, как К. Победоносцев, С. А. Рачинский и архиепископ Амвросий [25, л. 114]. Общее мнение о впечатлении, произведенном этими статьями, наиболее точно сформулировал А. А. Майков в письме к Л. Тихомирову: «Чудесная статья, никто не выражал так полно, ясно и невинно идею русского царя» [9, ф. 311, оп. 2, д. 21, л. 1].

После подобного успеха Л. Тихомиров получил больше возможности для пропаганды своих идей на страницах консервативных изданий. Надо сказать, что диапазон его публицистики был весьма широк. Более того, очень часто он затрагивал или поднимал темы, неудобные для власть предержащих. Собственно говоря, Л. Тихомиров плохо вписывался в традиционные представления об официальных «служителях пера». Статьи типа «чего изволите» были для него неприемлемы в принципе. Он принял идею самодержавия, как истинный неофит, восторженно, но при этом весьма критично подходил к оценкам российской действительности. Своими статьями, часто очень критическими, он пытался сделать все зависящее от него, чтобы не только защитить и правильно позиционировать идею российской монархии, но и указать на недостатки этой

политической модели в настоящем, чтобы направить ее в правильное русло и тем самым сохранить для грядущих поколений. В этом отношении он являл собой образец совершенно «нетипичного консерватора» и выступал как консервативный реформатор, сторонник проведения необходимых для правильного развития самодержавной монархии «национальных реформ».

Именно в середине 1890-х гг. он начал активно работать над разработкой теории монархической государственности. Его взгляды того времени лучше всего характеризует анализ тематики его публицистики. Можно отметить, что хотя она и представлялась достаточно разнообразной, в ней можно выделить несколько направлений, которые он попытался объединить общей задачей. Рассматривая тот или иной социальный, экономический или политический вопрос, Л. Тихомиров неизменно указывал на то, что гарантом его решения является Верховная власть, выражающаяся в России в ничем не ограниченном, кроме определенных этических норм, правлении православного царя, связанного со всеми слоями населения и проводящего в своих решениях не волю какого-либо одного сословия, а всех его подданных, населяющих Российскую империю.

В конечном итоге его научные изыскания в вопросе создания теории самодержавной государственности вылились в работу «Единоличная власть как принцип государственного строения», увидевшую свет в 1897 г. Однако серьезные теоретические рассуждения о российской государственности, да еще включающие в себя критику бюрократического слоя, создающего «средостение между самодержцем и народом», пришлось по вкусу отнюдь не всем представителям «правого» лагеря. Л. Тихомиров, высоко оценивавший свой труд и считавший, что «нет ничего лучше и полезнее в русской публицистике», с грустью отмечал на страницах дневника: «Эта вещь прошла совершенно незаметно. Нигде нет ни слова, кроме «Московских ведомостей» [24, ед. хр. 6, л. 94].

Смелые мысли Л. Тихомирова по ряду весьма острых вопросов русской государственности, в частности его предложения по реформированию социально-сословных отношений, критика засилья бюрократии во власти, защита ортодоксального православия, неудовлетворенность некоторыми аспектами социально-экономического развития страны, вызывали подчас весьма жесткую отповедь из рядов все того же «правого» лагеря, для которого он так и не стал полностью своим.

Например, в «Русском обозрении» у него сразу выявились разногласия по вопросам выработки дальнейших путей социально-экономического развития России с редактором Д. Цертелевым. В частности, колкий обмен мнениями произошел между ними по поводу статьи Л. Тихомирова «Нужна ли нам фабрика?». Идею ориентации на развитие крупной национальной промышленности Л. Тихомиров в этой статье увязывал с созданием целостной программы социально-экономических преобразований под эгидой сильной и

социально-справедливой монархической власти. В то же время он предостерегал правительство от недооценки общественно-политических последствий быстрого развития капитализма в Российской империи.

Такие мысли Л. Тихомирова были не по душе многим представителям консервативного лагеря. Трения подобного рода являлись отражением общих разногласий, затронувших «правых» при изучении и анализе перспектив социально-экономического развития государства. Так, Д. Цертелев, разбирая статью Л. Тихомирова, не преминул заметить: «Ряды консерваторов стали у нас быстро пополняться новообращенными, которые нередко оказываются большими роялистами, чем сам король» [21, с. 38].

Такое непонимание со стороны как ряда крупных консервативных публицистов, так и политического истеблишмента раздражало Л. Тихомирова, искренне желавшего блага своему отечеству и чувствовавшего, что правительство, ничего не желавшее менять, теряет почву под ногами. Его предчувствия надвигающихся грозных событий вскоре полностью оправдались. После 13 лет спокойствия, достигнутого Александром III, страну в начале XX в. вновь накрыла волна революционного хаоса, апофеозом которого стала первая русская революция.

Вид растерявшейся власти, все более отходящей от идеи истинного самодержавия, той «этической монархии», за которую так боролся Л. Тихомиров, вызывал у него ярость. Свидетелем обуревавших его эмоций стали строки его дневника. Вот характерная запись от 11 февраля 1905 г.: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего правительства – решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы... Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию» [26, с. 63, 71].

Жесточайшей критике он подвергал и окружение монарха. На страницах дневника можно прочесть совершенно нелюбезные выражения по адресу некоторых царских министров: это и С. Ю. Витте – «гнусный сифилитик», и В. К. Плеве – «глубокий, до мозга костей бюрократ» [27, с. 16] и др. В ситуации, когда, казалось бы, рушились основы самодержавной монархии, Л. Тихомиров закончил свой самый фундаментальный труд «Монархическая государственность» – эта книга до сих пор считается классикой консервативной политико-философской мысли.

Но в этой работе он не только создал идеальную модель русской монархии, но и предложил в ней концепцию консервативных «национальных реформ». В частности, в числе условий, необходимых для выработки идеального типа монархии, которым, по его мнению, и является самодержавие, он называл религиозные, социально-бытовые и внешнеполитические [28, с. 468]. Частично в этой работе, а преимущественно в статьях периода 1900-х гг. он выдвинул и широкую программу преобразований в политической и социально-экономической сфере.

Следует особо отметить, что свои экономические построения, ориентированные на автаркию и быстрое развитие внутреннего рынка страны, Л. Тихомиров ставил в непосредственную связь с усилением роли государства в экономике. Естественно, что экономическая политика такого рода оказалась бы невозможной без выработки определенного социально-политического курса, неразрывно связанного с экономическим направлением, потому что проведение хозяйственных преобразований связывало воедино интересы разных классов и социальных групп.

События первой русской революции подняли Л. Тихомирова до высот большой политики. В 1907 г. состоялось его знакомство с П. А. Столыпиным, который высоко оценивал работы Л. Тихомирова. Л. Тихомиров также симпатизировал премьеру, отмечая: «...все, что слышу, рисует у него редкое качество – волю» [29, с. 69–70]. Период с конца 1907 по 1908 г. Л. Тихомиров провел в Санкт-Петербурге, консультируя П. А. Столыпина по рабочему вопросу. Однако столичные консерваторы приняли Л. Тихомирова в штыки, в частности очень непростые отношения сложились между Л. Тихомировым и ведущим публицистом «Нового времени» М. О. Меньшиковым.

Сам Л. Тихомиров был также разочарован, он ожидал много большего от пребывания возле П. Столыпина, рассчитывая через него всерьез влиять на выработку всего внутривластного курса в духе своей теории «этической монархии». Неудивительно, что чувство неудовлетворенности своим положением, а заодно и курсом, проводимым П. Столыпиным, у него нарастало. Он с грустью писал о П. Столыпине: «С ним можно было бы многое сделать, если бы он хотел» [34, с. 26]. Л. Тихомиров для правящих столичных сфер навсегда остался романтиком, стремящимся к абсолюту и не принимавшим осторожных действий премьера, стремящегося не раскачивать ситуацию и стабилизировать положение в стране.

Ситуацию между П. Столыпиным и Л. Тихомировым как нельзя лучше разрешил случай. К обоюдному удовольствию освободилось место редактора – издателя «Московских ведомостей». 14 декабря 1908 г. умер прежний редактор А. С. Будилович, и П. Столыпин предложил Л. Тихомирову занять этот пост. В 1909 г. влияние П. Столыпина при дворе уже не было столь сильным, и поддержка его курса прессой казалась ему отнюдь не лишней. Такой вариант устроил и Л. Тихомирова.

В результате в начале 1909 г. он возглавил «Московские ведомости». Свое редакторское кредо он выразил в передовице «От редактора-издателя», в которой прямо заявил, что будет продолжать катковскую линию в газете, основываясь на традиционной формуле – «самодержавие, православие, народность». По мысли Л. Тихомирова, «Московские ведомости» – не боевой партийный листок, по своим традициям они являются органом исторического национального направления, и «служение всей полноте национальной жизни составляет обязанность такого органа» [31].

Приоритетными направлениями издания назывались: поддержка православной церкви, необходимых для ее положения и значения в Русском государстве прав, охрана ее авторитета и содействие оживлению ее деятельности. В области политической – поддержка существующего самодержавного строя, и с этой целью исправление недостатков существующих государственных учреждений. В этом духе Л. Тихомиров и вел газету.

Анализируя публицистику газеты и собственно деятельность Л. Тихомирова на посту ее редактора-издателя, нельзя не отметить, что первостепенное место на страницах издания и особенно в статьях самого редактора отводилось вопросу о реформировании государственных учреждений, исходя из того, что они должны соответствовать руководящим идеям национальной жизни, т.е. не должны быть противны идее самодержавия и подрывать устои православной церкви.

И если в этом подходы Л. Тихомирова и премьера не совпадали, то Л. Тихомиров, что называется, «за словом в карман не лез», периодически возбуждая негодование П. Столыпина. В своем дневнике в записи от 1 января 1910 г. Л. Тихомиров отмечал: «Приходится весь год возбуждать неудовольствие Столыпина» [30, с. 28]. После очередной стычки в дневнике появилась следующая запись: «Этот Столыпин мне страшно надоел. Какого же черта он навязал мне «Московские ведомости»? Чего он мог ожидать от меня, кроме защиты церкви и царя?» [там же]. Однако, несмотря на обиды, по свидетельству брата П. Столыпина, тот до конца жизни «ценил и поддерживал Тихомирова» [32, с. 285]. Собственно, и публицист ценил и уважал П. Столыпина и в большинстве случаев в газете поддерживал его начинания, особенно в социально-экономической сфере. Так, уже после убийства П. Столыпина в письме к Б. В. Никольскому от 14 января 1913 г. Л. Тихомиров иронично писал: «Ругали Вы Столыпина, говорили, что препятствует ускорению России. Что же у вас там устроили без него? Пора бы покаяться перед покойным» [27, с. 19].

О поддержке газеты П. Столыпиным свидетельствовал и тот факт, что после его убийства в 1911 г. позиции Л. Тихомирова как главы «Московских ведомостей» резко ослабли. «Правые», например В. М. Пуришкевич, прямо обвиняли его в развале газеты. Охладели к Л. Тихомирову и в Зимнем дворце. В результате это закончилось тем, что в конце 1913 г. Л. Тихомиров оставил газету. 31 декабря 1913 г. перед тем, как окончательно распрощаться с «Московскими ведомостями», он опубликовал там прощальное послание, одновременно являвшееся и предостережением правительству, которое оказалось во многом пророческим.

«Прощаясь с читателями, я должен повторить тот же призыв, добавив, что наша национальная ситуация не только не оказалась в состоянии улучшения, но и ухудшилась в эти 5 лет», – писал он. Объясняя причину данного явления, публицист указывал: «В противоположность пяти предшествующим годам, периоду надежды, который вызвал П. Столыпин, в сегодняшнем на-

строении людей присутствует пугающая инертность. Может быть, мы живем более спокойно. Но это спокойствие безжизненности». По мнению Л. Тихомирова: «Россия давно не имеет идеала или великой национальной цели и то, что кажется материальным прогрессом или экономическим ростом, есть не более чем проявление процесса мирового завоевания России иностранным капиталом» [33].

Годы редакторства позволили скопить Л. Тихомирову небольшой капитал, и он с семьей купил дом в Сергиевом Посаде. Теперь в спокойной обстановке он позволил себе реализовать свою давнюю мечту. Еще в 1913 г. он начал работать над книгой религиозно-философского содержания. В ней он попытался проанализировать и объяснить всю историю человеческой цивилизации с религиозной точки зрения [34–36]. Над этой книгой он трудился более пяти лет. Она будет им закончена уже после революции в 1918 г., а издана уже в наше время в 1997 г. под названием «Религиозно-философские основы истории».

Работая над этим гигантским историософским полотном, он встретил Первую мировую войну и последовавшую за ней Февральскую революцию. Отречение царя и падение монархии он воспринял удивительно спокойно. В дневнике от 2 марта 1917 г. он записал: «Дело кончено. Временное правительство уже организовало все Министерства (в виде Комиссаров). Все ему подчинились. ... Несчастный Царь, может быть последний. Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут самодержавие, если народу внушили отвращение к нему – действиями самого же царя» [37, с. 348].

Вскоре Л. Тихомирову пришлось столкнуться с эксцессами революции. Так, 10 марта 1917 г. он с обидой писал в дневнике: «В газетах началось мое поругание. Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно и притом всегда думал о благе народа и рабочих. Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не был? Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли первый выдвинул идею созыва Собора, не я ли первый обличил Распутина... И меня же поносят, с прибавкой ругат[ельной], реакционером. Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень» [37, с. 354]. В такой ситуации сил бороться у Л. Тихомирова уже не осталось. Ему надо было думать не о судьбах монархии, а о семье. В результате он дал подписку на верность Временному правительству. 10 (23) марта газета «Утро России» сообщила об этом.

Так начался третий и заключительный круг жизни Л. Тихомирова. Он окончательно перебирается в Сергиев Посад, где рассчитывает пережить наступившие политические катаклизмы. После октябрьских событий 1917 г. он прекратил ведение дневника, но не оставил литературной работы. В это время он написал мистическую повесть «В последние дни» (1919–1920 гг.) [38]. Чтобы как-то свести концы с концами в голодное время гражданской войны,

Л. Тихомиров работал делопроизводителем в школе имени Горького (бывшая Сергиево-Посадская мужская гимназия. – О. М.), где ученики старому бородатому человеку дали прозвище «Карл Маркс» [1, с. 503].

Страшно нуждаясь, он, будучи 70-летним стариком, обратился в 1922 г. в КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых. – О. М.) за помощью. Его анкета была рассмотрена, и не без помощи старых товарищей по «Народной воле» В. Н. Фигнер и М. Ф. Фроленко он был зарегистрирован по 3-й категории и стал получать продовольственный паек, что несколько улучшило тяжелое продуктивное положение семьи (с ним жили жена и две дочери – Вера и Надежда) [1, с. 507–508]. В такой обстановке вплоть до самого конца жизни он работал над воспоминаниями, получившими название «Тени прошлого». Незадолго до смерти, почувствовав ухудшение своего здоровья, он успел передать свои рукописи в Румянцевский музей.

16 октября 1923 г. выдающийся консервативный мыслитель и философ умер в Сергиевом Посаде, где и был похоронен. К сожалению, для современных почитателей таланта Льва Александровича Тихомирова его могила не сохранилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репников А. В. Две жизни Льва Тихомирова / А. В. Репников, О. А. Милевский. – М. : Academia, 2011. – 560 с.
2. Терехова С. А. Проблемы освоения Россией Западного Кавказа в публицистике Л. А. Тихомирова / С. А. Терехова // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. – 2015. – № 3 (36). – С. 120–130.
3. Тихомиров Л. А. Тени прошлого / Л. А. Тихомиров. – М. : Москва, 2000. – 720 с.
4. Эриксон Э. Молодой Лютер : психоаналитическое историческое исследование / Э. Эриксон. – М. : Медиум. 1995. – 506 с.
5. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2008. – Вып. 3 : Историографическая революция. – 554 с.
6. Тихомиров Л. А. Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока / Л. А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1896. – № 9. – С. 341–360.
7. Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов / С. Ф. Ковалик // Революционеры 1870-х годов : воспоминания участников народнического движения в Петербурге. – Л. : Лениздат, 1986. – С. 150–193.
8. Милевский О. А. Ранний период революционной деятельности Льва Тихомирова. 1871–1873 гг. / О. А. Милевский // Народники в истории России : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 1. – С. 239–257.
9. РГАЛИ.
10. Тихомиров Л. А. Воспоминания / Л. А. Тихомиров. – М. : Гос. публ. ист. библиотека, 2003. – 617 с.
11. Тихомиров Л. А. Начала и концы. Либералы и террористы / Л. А. Тихомиров. – М. : Университет. тип., 1890. – 125 с.

12. Литература партии «Народная воля». – М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 336 с.
13. Революционное народничество 70-х годов XIX в. : сб. документов и материалов / под ред. Б. С. Итенберга. – М. ; Л. : Наука, 1965. – Т. 2. – 474 с.
14. Тихомиров Л. А. Критика демократии / Л. А. Тихомиров. – М. : Москва, 1997. – 672 с.
15. Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. – 1928. – № 4. – С. 139–174.
16. По поводу одного предисловия. – Б.м., 1888. – 36 с.
17. Лавров П. Л. Письмо товарищам в Россию / П. Л. Лавров. – Женева, 1888. – 32 с.
18. Плеханов Г. В. Неизбежный поворот / Г. В. Плеханов // Собр. соч. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – Т. 3. – С. 31–40.
19. Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г. В. и Р. М. Плехановых, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. – Вып. 1 : 1883–1897 гг. – М. : Памятники исторической мысли, 2009. – 572 с.
20. Тихомиров Л. А. Очередной вопрос / Л. А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1889. – № 121.
21. Костылев В. Н. Выбор Льва Тихомирова / В. Н. Костылев // Вопросы истории. – 1992. – № 6/7. – С. 30–46.
22. Тихомиров Л. А. Новейшие заявления коммунизма и партикуляризма / Л. А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1892. – № 7. – С. 268–285.
23. Тихомиров Л. А. Знамение времени. Носитель идеала / Л. А. Тихомиров. – М. : Университет. тип., 1895. – 16 с.
24. ГА РФ. – Ф. 634. – Оп. 1.
25. НИОР РГБ. – Ф. 230. – Картон 4415. – Ед. хр. 2.
26. 25 лет назад (из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – Т. 2. – С. 42–75.
27. Репников А. В. Предисловие / А. В. Репников // Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А. В. Репников. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 3–32.
28. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – СПб. : Российский Имперский Союз-Орден А/О «Комплект», 1992. – 674 с.
29. Письма Л. А. Тихомирова А. С. Суворину // Каторга и ссылка. – 1928. – № 12. – С. 58–64.
30. Милевский О. А. «Я верю в Россию...» / О. А. Милевский, А. В. Репников // Родина. – 2012. – № 4. – С. 24–29.
31. От редактора-издателя // Московские ведомости. – 1909. – № 5.
32. Тихомиров Л. А. К реформе обновленной России : сб. статей «Московских ведомостей» (1909–1911) / Л. А. Тихомиров. – М. : Тип. В. М. Саблина. – 1912. – 343 с.
33. Тихомиров Л. А. На прощание / Л. А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1913. – 31 дек.
34. Репников А. В. Лев Тихомиров – от революции к апокалипсису / А. В. Репников // Россия и современный мир. – 1998. – Вып. 3 (20). – С. 189–198.
35. Милевский О. А. Текст Апокалипсиса в историософском наследии Л. А. Тихомирова / О. А. Милевский // Человек–текст–эпоха : сб. науч. статей и материалов. – Вып. 4 : Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. – Томск, 2011. – С. 302–317.

36. Милевский О. А. Религиозная историософия Л. Тихомирова / О. А. Милевский // Актуальные проблемы региональных исследований : сб. науч. и науч.- метод. трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского гос. техн. ун-та. – Вып. 8. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2008. – С. 153–192.

37. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А. В. Репников. – М. : РОС-СПЭН, 2008. – 440 с.

38. Репников А. В. Неизвестная мистическая повесть Л. А. Тихомирова // Эхо : сб. статей по новой и новейшей истории Отечества. – М. : Изд-во МПУ «Народный учитель», 1999. – Вып 1. – С. 8–12.

Сургутский государственный педагогический университет

Милевский О. А., доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Surgut State Pedagogical University

Milevsky O. A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Social-Humanitarian Disciplines Department

E-mail: olegmilevsky@mail.ru

УДК 94:329.11(47+57)«19»

Д. В. СКРЫНЧЕНКО:
становление православного консерватора

В. Б. Колмаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 мая 2015 г.

Аннотация: рассматриваются факторы и условия, повлиявшие на формирование консервативного мировоззрения Д. В. Скрынченко. Особый акцент сделан автором на анализе метафизики консерватизма в России в конце XIX в.

Ключевые слова: традиционализм, консерватизм, метафизика, русское православие.

Abstract: the author examines the factors and conditions which affected the formation of the conservative world view of D. V. Skrynchenko. Special emphasis is made by the author on the analyses of metaphysics of conservatism in the end of the XIX century.

Key words: traditionalism, conservatism, metaphysics, Russian orthodoxy.

Подобно другим идеологиям, консерватизм возник и складывался благодаря отдельным людям, которые первоначально его усваивали и становились его носителями, а в дальнейшем активно дополняли и развивали его, усматривая в консерватизме фундаментальную ценность. Поэтому интерес к консерватизму предопределяет интерес к тем деятелям, которые были в своем роде «знаменосцами» консерватизма, что, в свою очередь, привлекает внимание исследователя к процессу формирования консервативных взглядов того или иного человека и предполагает анализ условий и обстоятельств, идейных влияний и веяний, которые сформировали консервативную направленность мысли. В связи с этим особый интерес представляют взгляды Дмитрия Васильевича Скрынченко (1874–1947), который был одним из ярких представителей провинциальной консервативной мысли, сформировавшейся в России на рубеже XIX–XX вв. Родился под Воронежем в семье псаломщика, получил образование в Воронежской духовной семинарии и в Казанской духовной академии. С 1901 г. Д. В. Скрынченко преподавал в Пермской духовной семинарии, а с 1903 по 1912 г. в Минской духовной семинарии. В это же время он редактировал «Минские епархиальные ведомости» и светскую газету консервативного направления «Минское слово». После пребывания в Житомире в

1912–1913 гг. Д. Скрынченко с 1913 по 1919 г. проживал в Киеве, преподавал в гимназии, сотрудничал в газетах «Киев» и «Киевлянин». В конце 1919 г. он эмигрировал на Балканы и осел в Югославии, в Нови-Саде, где преподавал в сербской гимназии и писал для русских и сербских газет. Он был человеком глубоко консервативных взглядов, что помогало ему противостоять как либерализму, так и социализму.

Воспользовавшись методологией немецкого социолога К. Манхейма, попробуем реконструировать в самом общем плане процесс возникновения консервативного мировоззрения Д. В. Скрынченко. Манхейм выделял два вида консерватизма: во-первых, это «естественный» консерватизм, который является синонимом традиционализма и обозначает «тенденцию к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными» [1, с. 593]. Традиционализм – это не что иное, как начальная реакция (т.е. ответ) на сознательные реформаторские тенденции. Он воспитывается, если так можно выразиться, инстинктивно, задается образом жизни, «входящим» в человека с детства. По мнению К. Манхейма, традиционализм является характерной психологической чертой каждого отдельного сознания. Мысль немецкого социолога можно понимать в том смысле, что постоянные перемены в мире, особенно те, что инспирированы политиками, заставляют человека крепче держаться за знакомые ему с детства структуры повседневности, с которыми он знаком, которые ему привычны, которым он верит, с которыми связаны наиболее глубокие интимные воспоминания. То есть традиционализм – это реакция на раздражитель, которая выражается в демонстративной приверженности прошлому. Этот консерватизм, как полагал К. Манхейм, рассматривает прошлое как незыблемую основу жизни, благодаря которой существует современность, он укоренен в самом бытии.

Во-вторых, как считал К. Манхейм, существует так называемый современный консерватизм. Это теория, зафиксированная в мыслительных конструкциях, могущих принимать самые разнообразные формы, определяющие осмысленное поведение «по отношению к изменяющимся от эпохи к эпохе обстоятельствам» [1, с. 596]. Современный консерватизм в отличие от традиционализма находится в сознательной оппозиции «прогрессивному» движению, под которым К. Манхейм подразумевал либеральное направление, делающее акцент на понятии прогресса [1, с. 598]. Современный консерватизм представляет собой идеологию, что указывает не только на его гносеологические, но и аксиологические основания. Именно они определяют содержание консервативного сознания.

В отличие от традиционализма современный консерватизм как идеология обладает собственной метафизикой. Метафизика консерватизма предполагает, что действительность рассматривается не только как нечто иррациональное, слабо доступное разуму [2, с. 79]. Это понятно, так как в отличие от либерализма консерватизм признает мир иррациональным. Метафизика религиозного консерватизма, о котором пойдет речь, исходит из двойственности

мира, который не сводится к миру объектов, вещей и процессов, они имеют глубокие, не всегда понятные смыслы, восходящие к Богу. Подобное понимание предполагает, что мир есть сложный организм, познание которого не может быть обеспечено силами одной науки. Тот комплекс консервативных идей, которые исповедовал Д. Скрынченко, выражался в форме православного консерватизма, т.е. его взгляды на Бога, мир и человека представляли систему религиозных и консервативных идей, ядром которых служило православие.

Рассмотрим онтологические основания, вызвавшие к жизни традиционализм во взглядах Д. Скрынченко. В данном случае представляют интерес и значимость многие детали, составляющие традиционную жизнь русской глубинки, еще не тронутой веяниями изменений последней четверти позапрошлого века. Именно они определяли отношение Д. Скрынченко к действительности, препятствуя сползанию к релятивизму и неопределенности, формируя устойчивую жизненную позицию.

Детство Дмитрия Скрынченко прошло в Песковатке, на берегу Дона, там он учился в народной школе, по окончании которой был отдан в Бобровскую прогимназию, где проучился два года. Уже в эмиграции Д. В. Скрынченко с нежностью вспоминал о времени, проведенном в Боброве: «Насколько я теперь представляю себе учебную жизнь Бобровской гимназии, она была поставлена прекрасно. Надо иметь в виду, что это было в 1885–1886 гг., а между тем там не только была серьезность обучения, но и обращалось большое внимание на наше воспитание и на физическое развитие... Бобров стоит на жирном черноземе, поэтому во время дождей на его не мощеных улицах, без тротуаров, была невылазная грязь; но гимназия, с ее прекрасным зданием, чистотой, хорошими порядками, стоит в моей памяти как нечто светлое, чистое. Учился я в ней всего лишь два года, так как отец, желая обучать на казенный счет подросшего брата Ваню, решил взять меня из прогимназии и отдать в духовное училище. Со слезами я прощался с гимназией. Директор Иван Иванович меня перекрестил и поцеловал, причем я, протягивая свою мордочку для поцелуя, почему-то перекрестился...» [3, с. 168].

В 1887 г. Ивана, младшего брата Дмитрия, приняли в Воронежское духовное училище; для самого Дмитрия места не нашлось, и он был определен в Задонск, в тамошнее духовное училище. После окончания 1-го класса Дмитрий Скрынченко как лучший ученик был переведен в духовное училище в Воронеж. В 1891 г. Д. Скрынченко закончил 4-й класс училища и был удостоен перевода в 1-й класс Воронежской духовной семинарии [4, 1891, № 14, с. 318]. Происходя из семьи псаломщика, он во время обучения в семинарии находился на церковном коште [4, 1892, № 22, с. 441]. Учился Дмитрий Скрынченко блестяще. К концу 5-го класса он был третьим учеником первого разряда [4, 1895, № 15, с. 347]. После окончания в 1897 г. последнего 6-го класса Д. Скрынченко был уволен в епархиальное ведомство со званием студента семинарии [4, 1897, № 13, с. 252].

С первых лет обучения Дмитрий вел дневник, куда заносил сомнения и критику, свои взгляды на жизнь. Однажды, как он вспоминал, дневник попал в руки инспектора семинарии протоиерея Василия Борисоглебского¹. Пока семинаристы обедали, инспектор прочитал дневник, после чего написал на последней странице: «Сею рукопись читал, но содержание оной не одобрил»². Знакомство с мыслями ученика не прошло для последнего бесследно: Дмитрию запретили прислуживать в алтаре, ограничили его выход в город.

Для детей, живших вне семьи в общежитии или на квартире, значительную, если не определяющую роль играли семинарские преподаватели. Во многом от их настроя и поведения зависел нравственный и административный климат в семинарии. Дмитрий Васильевич отзывался положительно о своих учителях в духовной семинарии. В его воспоминаниях мы не найдем горьких сетований на стесненную и давящую обстановку в семинарии, ярко описанную в «Дневнике семинариста» И. С. Никитиным, который учился в Воронежской духовной семинарии за несколько десятилетий до Дмитрия Скрынченко. «Дневник семинариста» просто пронизан безысходностью и тоской, на которую налагалась тяга поэта к яркой и гуманной жизни. Страницы воспоминаний Дмитрия Скрынченко о пребывании в стенах семинарии вполне благожелательны, хотя и не лишены известного критицизма. Можно предположить, что в стенах семинарии он чувствовал себя на своем месте – жил ее жизнью, и она была частью его души.

Однако в 4-м классе он ушел из общежития на съёмную квартиру. Что бы жить вне стен общежития, Дмитрий, как он вспоминал, «репетировал 7–8 учеников, и это давало мне возможность не только содержать себя, но и иметь лишнюю копейку для посещения театров, концертов и т.п.» [3, с. 170]. Семинарист использовал возможность самому распоряжаться свободным временем – он много читал, кроме того, часто посещал театр. Театр для него был фрагментом той возвышенной жизни, к которой он стремился.

В Воронежской духовной семинарии Дмитрию легко давались классические языки и философские предметы – логика, психология, история философии. В семинарии большое внимание уделялось умению изложить свои мысли на бумаге, приветствовались диспуты, особенно при изучении раскола и сектантства. «Среднее учебное заведение, – вспоминал Д. В. Скрынченко, – много дало мне для развития. В конце VI класса я стал думать о продолжении своего образования в Петроградском историко-филологическом институте, но ввиду моих успехов, был отправлен в Казанскую духовную академию, а в университет при отсутствии средств не рисковал поступить» [3, с. 171]. Годы, проведенные в семинарии, были временем духовного формирования. Вышедший из традиционной среды, он владел стабильным взглядом на вещи, сфор-

---

¹ Борисоглебский Василий Петрович (1849–1911). Преподаватель, инспектор и ректор (1900–1907) Воронежской духовной семинарии.

² Неточная цитата из повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека».

мированным средним церковным образованием. Конечно, он был знаком с метафизикой православия. Однако для расширения и углубления внутреннего мира требовалось выйти на новый уровень понимания Бога, истории и человека. Все это он получил в Казани.

Летом 1897 г. в Песковатке он готовился к вступительным испытаниям, и приехал в Казань к 15 августа, когда начинались экзамены. Лучшие из выдержавших экзамены принимались на церковный кошт, при этом за каждый год обучения в академии они должны были в дальнейшем прослужить полтора года (т.е. всего шесть лет) по церковному ведомству. В число студентов академии принимались выпускники первого разряда (т.е. отличники) из духовных семинарий, в основном Поволжья и Сибири, но иногда и из других регионов. Срок обучения составлял четыре года. Обучение в академии не только давало обширные знания, но и обеспечивало выпускникам хорошую карьеру – как минимум преподавателя духовной семинарии, многие из окончивших преподавали в вузах, гимназиях, служили в ведомствах народного просвещения и православного вероисповедания.

В 1895 г. кресло ректора академии занял архимандрит Антоний (Алексей Храповицкий, 1863–1936), который в 1897 г. стал епископом Чебоксарским. Ретроспективно можно утверждать, что архимандрит Антоний сыграл, возможно, определяющую роль в выборе жизненного пути молодого богослова и способствовал кристаллизации его мировоззрения. Пять лет ректорства Антония сказались на жизни академической корпорации. «Молодой, живой, увлекающийся, во все вмешивающийся и все преобразующий по-своему, – новый ректор весьма заметно растревожил академическую жизнь и повел ее форсированным шагом», – сообщает Богословская энциклопедия. И далее: «Никогда не бывало столько, сколько при нем, коллоквиумов, никогда столько не производилось магистров и докторов, не избиралось почетных членов и не выпускалось окончивших (70 в 1900 г.)» [5, стб. 809].

Ректор Казанской духовной академии архимандрит Антоний (Храповицкий) сыграл в жизни Дмитрия Скрынченко важную роль. Точную характеристику ему дал Г. Флоровский: «Он не был исследователем, не был ученым, но у него всегда были *свои* мысли, и мысли живые, и у него был особый дар их передавать или внушать» [6, с. 427]. Сам ректор читал в академии курс пастырского богословия. Архимандрит исходил из того, что проповедь есть не только средство передачи учения церкви, но и прежде всего средство пробуждения в пастве глубокого религиозного чувства. «Молодой, высокообразованный, талантливый и обаятельный, с десятилетнего возраста мечтавший стать монахом – архимандрит Антоний был фанатиком монашества. Его пламенный монашеский дух заражал, увлекал, зажигал сердца... Монашество в нашем представлении благодаря ему возвысилось до идеала сплоченного крепкого братства, ордена, рати Христовой, которая должна спасти церковь от прокуратуры (т.е. синодального устройства. – В. К.), вернуть по-

добающее ей место независимой воспитательницы и духовной наставницы русского народа. Перед нашим взором разворачивались грандиозные перспективы: восстановление патриаршества, введение новых церковных начал, переустройства академии в строго церковном духе...» [7, с. 41]. Кроме пропаганды монашества, Антоний выступал сторонником восстановления патриаршества в России. Уже будучи ректором Московской духовной академии, Антоний говорил, что «мысль о созыве Всероссийского собора давно уже зреет в сознании мудрых архипастырей русской церкви, и для многих из них она составила предмет вожделенных мечтаний» [8, с. 89]. Однако вопрос о партнерстве, поднятый Антонием в 1891 г., был обратной стороной вопроса о Соборе [9, с. 32].

Следует отметить, что Дмитрий Скрынченко испытал сильное влияние со стороны Антония, чью простоту обхождения и доступность отмечали многие. Но надо отдать должное молодому студенту: он сумел устоять перед обаянием архимандрита и монахом не стал. Впрочем, предоставим слово самому Д. В. Скрынченко: «Молодой, с правильными чертами лица, большим лбом, беспредельно ласковый и добрый, бессребреник и девственник, он имел огромное влияние на студентов, а его хорошие манеры и дворянское происхождение привлекали в академию и ее церковь городскую знать и целый хвост так называемых «мироносиц», его поклонниц, которых, кстати сказать, он жестоко высмеивал пред студентами. [...] его страстью было обратить и постричь в монахи возможно больше студентов, и это ему вполне удавалось; дело дошло до того, что чуть не четвертая часть студентов приняла постриг; особенно много потянулось в нашу академию окончивших гимназии, университеты, военные школы, представителей дворянства и даже аристократии...» [10, с. 163–164]. То, что Антоний проповедовал, и небезуспешно, идею монашества, вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), учившийся в Московской духовной академии в бытность там ректором Антония: «Идею монашества архимандрит Антоний пропагандировал среди нас поистине фанатически. В нем она сочеталась с женоненавистничеством. Он рисовал нам картины семейной жизни и супружеских отношений в мрачных, даже грязных тонах – и его проповедь имела успех...» [7, с. 41]. О деятельности Антония (Храповицкого) в качестве ректора так вспоминал митрополит Мелетий Харбинский: «Он видел, что непосредственное и постоянное общение с учащимися, чего до него почти не было, будет иметь самые благоприятные результаты. И вот это большое дело он делал при помощи устраиваемых у себя в квартире чаепитий» [11, с. 22].

В 1897 г. на казенное содержание было принято 25 человек. Среди них был Дмитрий Скрынченко [12, с. 90]. Позднее он вспоминал: «Казанская академия, куда я поступил после экзамена вторым учеником, сразу же произвела на меня впечатление высшей школы; это была, так сказать, лаборатория для выработки высоких интеллектов. Какое богатство, какой размах. Начать

с того, что Академия – это отдельный городок; большие корпуса для конвикта³, особая церковь, колоссальная библиотека с мировой литературой по всем областям знания, прекрасная больница, огромный парк и т.п.» [10, с. 163]. Действительно, библиотека поражала подбором богословской и светской литературы. Ее собирали весь XIX в., и значительную и наиболее ценную ее часть составляли книги из собрания Соловецкого монастыря, вывезенные в Казань во время Крымской войны, да так там и оставшиеся. Собрание книг и рукописей стремительно росло, на его пополнение денег не жалели. Если в 1891 г. в собрании насчитывалось 49 тыс. томов, то в начале XX в. их число превысило 80 тыс. [13, с. 108]. Вместе с библиотекой росла академия. В 1901 г., когда Дмитрий Скрынченко ее окончил, число студентов достигло 180 [14, с. 202]. Нагрузка у студентов академии была весьма значительной. На трех первых курсах предписывалось 18 лекций в неделю, на последнем – не менее 9. Выпускник Казанской духовной академии академик А. Н. Пыпин вспоминал: «Поступившего в академию питомца старых семинарских бурс сразу окружала непривычная ему атмосфера какой-то общей порядочности, полная уважения к его студенческому достоинству, на каждом шагу напоминавшая ему о самоуважении и воспитании в себе благородных чувств и поступков» [15, с. 728].

На первом курсе Академии Дмитрий Скрынченко погрузился в изучение целого ряда богословских и общеобразовательных дисциплин. Прежде всего, это Введение в круг богословских наук и Священное Писание, которые изучались два года. Кроме того, студентам предлагались гомилетика (теория и практика проповеди) и история проповедничества, а также библейская история. К общеобразовательным предметам относились психология, латынь, общая гражданская история, иностранные языки. Помимо этих предметов необходимо было написать три семестровых сочинения и экзаменоваться в чтении проповеди. Семестровые сочинения следовало представлять 1 ноября, 10 января и 15 марта. Темы курсовых сочинений на старших курсах выбирались самими студентами, а затем утверждались Советом Академии. Написанию семестровых сочинений издавна отводилась значительная роль. В старом академическом уставе 1814 г. значилось: «Добрая метода учения состоит в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках» [13, с. 60]. За свои первые сочинения Дмитрий Скрынченко получил четыре с плюсом, 4,5, 4 и 4,5 балла [16, л. 39 об.]. На втором году обучения круг дисциплин несколько менялся. Оставались иностранные языки, семестровые сочинения и проповедь. Добавлялись церковная история, патристика, логика, история философии, всеобщая и русская история. На третьем курсе вводились догматическое и нравственное богословие, церковное право, история русской церкви, церковная археология и литургия, метафизика, история и разбор западных исповеданий. Студенческая жизнь в академии складывалась, прежде всего, из занятий. Лекции длились один астрономиче-

---

³ Конвикт (лат.) – общежитие в духовных учебных заведениях.

ский час, причем посещение лекций было обязательным. На содержание студента академии выделялось 200 рублей в год. Каждому выдавалась казенная форма, которая представляла собой подрясник темно-синего сукна с бархатным синим поясом, а при выходе на улицу предписывались сибирка⁴ и шляпа.

В академии лишь лучших студентов переводили на 4-й курс для работы над кандидатской или магистерской диссертацией, остальные выпускались со званием «действительного студента». На последнем курсе читалось пастырское и догматическое богословие, педагогика, церковное право, церковная археология и литургия, история и обличение русского раскола [16, л. 40]. Особое внимание уделялось написанию кандидатского сочинения. Под руководством профессора В. И. Несмелова Дмитрий Скрынченко написал и 1 мая 1901 г. представил работу «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению». Добавим, что он обладал завидной работоспособностью. Он умел сосредоточить усилия на разнородных предметах, не упуская при этом главного, ради чего он учился и получал обширные знания. Сохранившийся в архиве «Табель баллов» за 1897–1901 гг. и копия его диплома свидетельствуют о его способностях, трудолюбии и глубоких знаниях [16, л. 257 об., 299].

В Казани Дмитрий Скрынченко посещал театр, в котором полгода давали оперу, а полгода драму. Его кумиром был известный актер Мамонт Дальский. «Игра этого артиста, – вспоминал он, – потрясла студенческую молодежь» [10, с. 163]. В свободное время Дмитрий пел в сводном хоре, составленном из студентов академии, университета и ветеринарного института, посещал профессоров академии, прежде всего А. В. Говорова, который читал гомиетику, В. И. Несмелова, П. К. Жузе.

Обучение Дмитрия Скрынченко в Казанской духовной академии выпало на то время, когда жизнь академии выстроили в соответствии с новым уставом 1884 г. Была усилена власть ректора и ослаблена роль Совета, на последнем четвертом курсе вводились обязательные лекции – раньше студенты последнего года обучения были освобождены от занятий для написания диссертаций. Начальству было предписано строго наблюдать за составом библиотеки и выбором тем для курсовых сочинений [17]. В целом новый устав усилил утилитарно-прикладной характер академий. Ужесточался контроль за чтением студентов. Так, в 1883 г. в Казанской академии выписывали 18 газет и 9 журналов, а в 1890 г. – 5 газет и один журнал («Исторический вестник») [17]. В 1889 г. были утверждены и изданы «Правила рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых степеней». В них предлагалось обращать внимание не только на ученые достоинства работ, «но и на соответствие общего направления их с духом и достоинством православной церкви» [6, с. 418]. Документ этот, разработанный Священным синодом, требовал, чтобы представленные сочинения не могли вызвать ни малейшего сомнения в

---

⁴ Сибирка – верхняя одежда из сукна в виде короткого кафтана в талию со сборками.

истинности православного учения, и не давали бы повод к ложным вопросам [там же]. «Правила» были документом охранительным. Несколько забега вперёд, можно сказать, что в написании своей работы в Казанской духовной академии Дмитрий Скрынченко следовал этим «Правилам», и они не казались ему излишними. Он был воспитан в суровой строгости, которая совпадала с усилением консервативной составляющей эпохи. Эта строгость воспринималась Дмитрием как естественная и необходимая. В его воспоминаниях мы не найдем сетований по поводу ограничений со стороны академических властей. Его самого отличала нетерпимость к инаковерию и инакомыслию, что определялось искренней верой и приверженностью строгим принципам. В православии он видел естественную основу русской жизни и, разумеется, стремился сохранить его в неизменном виде. В стенах Казанской духовной академии завершился этап формирования консервативного мировоззрения Д. Скрынченко, которое в дальнейшем не подвергалось фундаментальным изменениям. Оно могло дополняться, но основы его оставались неизменными.

Он вышел из церковных низов, где в те времена сомнение в вере было редким, а преданность царю и Отечеству почиталась за естественную добродетель. Вместе с тем те взгляды, которыми обладал к началу стремительного и зыбкого XX в. молодой кандидат богословия, формировались на основе метафизики православия. Попробуем бегло обозначить основные идеи, присущие православной метафизике. Как отмечалось выше, ее исходным тезисом является фундаментальная идея о двойственном строении мирового и исторического бытия. Это значит, что все вещественное и материальное служит слабым средством выражения высшей истины и высшей красоты. Будучи человеком веры, Д. В. Скрынченко нес в себе многие из тех глубинных и фундаментальных черт русского сознания, которые в свое время получили название мистический реализм. Характеризуя последний, В. В. Зеньковский писал, что он «признает всю действительность эмпирической реальности, но видит за ней иную реальность; обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны; эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к мистической реальности» [18, с. 40].

В пределах мистического реализма, наверное, определяющим является мотив целостности, которая противостоит дискретности и расчлененности бытия, компромиссам и половинчатости и учит во всем идти до конца. В дальнейшем этот мотив превратится в одно из важнейших душевных качеств Дмитрия Васильевича Скрынченко. Мистический реализм предполагает пленение (вольное или невольное) сознания утопией – это сакрализация царской и государственной власти, черно-белое видение мира, нежелание идти на уступки, страстное стремление приблизиться воплощению Царства Божия на земле. «Это был удивительный миф, – писал В. В. Зеньковский, – вырвавшийся из потребности сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности» [18, с. 41]. Заметим, что Дмитрий Васильевич

обладал *церковным сознанием*, так как получил церковное образование, и в то же время владел вполне рациональными светскими знаниями, которые весьма органично были встроены в сознание церковное.

На протяжении нескольких веков в России утверждалась государственнo-православная идея, выраженная формулой монаха Филофея – «Москва – третий Рим». Она выражала отождествление русской жизни со Святой Русью, которая мыслилась как идеал нравственный не только для самих русских, но и для других народов. В начале XX в. словосочетание *Святая Русь* использовалось не только для обозначения русских православных, но и для обозначения всей нации, «в которой возрождалось христианство в исходном смысле этого слова» [19, с. 518–519].

В формуле Филофея коренилось не только утверждение о Руси как хранительнице истинной веры и ее защитнице; не только указание на особую роль государства, которое защищает веру, но и вероисповедная настороженность в отношении к иноверцам, покоящаяся на оппозиции «мы – они». Москва, где веками концентрировалась высшая политическая власть, рассматривалась как носитель истинной веры, из чего и вытекал страстный поиск священного смысла царской власти. Стоит добавить, что понятие *царь* в России того времени имело мистический смысл, отсылавший к религиозной позиции, в которой царем назван Бог. «Сакрализация монарха, – как отмечают В. М. Живов и Б. А. Успенский, – входила в самый механизм государственного и в частности синодального устройства» [20, с. 55–56; 142].

Дмитрий Васильевич обладал пониманием истории, выразавшимся в виде представлений о сочетании в царе и государстве божественного и человеческого начал. Причем в рамках подобного понимания исторический процесс развивается, безусловно, к своему оцерковлению, «к превращению земного властвования в церковное» [18, с. 49]. Кроме того, в мистическом реализме имелся набор идей, которые Н. А. Бердяев удачно назвал церковным национализмом. Последний включал в себя сохранение государственного устройства в неизменном виде, церковность русской жизни и патриотизм. Это была идея консервативной стабильности, выражавшая стремление укрепить тело (государство) и душу (церковь), слить их в едином синтезе.

Взгляды Дмитрия Скрынченко складывались в сложную эпоху, когда консервативному сознанию стало противопоставлять себя революционное, бесовское, по выражению Ф. М. Достоевского, начало. И он впитал многое из того, что составляло суть консервативного сознания рубежа веков. В его понимании это был, конечно, православный консерватизм, так как в течение многих лет только на православие он возлагал надежды в плане переустройства общества. Свою роль видел в качестве просветителя и воспитателя, но не церковного, а светского, полагая, что он сможет оказывать более действенное влияние на людей, с которыми ему доведется встречаться. Дмитрий Скрынченко исходил из тезиса о несовершенстве человека и вследствие этого необ-

ходимости подчинения его высшему организующему началу – Богу. Он отвергал наивный взгляд Ж. Ж. Руссо, искренне верившего в изначально добрую природу человека.

Время, в которое формировались взгляды Дмитрия Скрынченко, было временем для России противоречивым. Оно было продолжением эпохи Великих реформ, которые в сфере церковной жизни не были доведены до логического конца – церковь по-прежнему была инкорпорирована государственным организмом, а вокруг вопроса о свободе совести происходили острые дискуссии. В правление К. П. Победоносцева церковь окончательно стала государственной, контроль над архиереями ужесточился, последние, в свою очередь, стремились жестко контролировать подчиненное им духовенство и учебные заведения. В подобном выстраивании «вертикали власти» можно усмотреть одну из причин того, почему Дмитрий Скрынченко не избрал пути пастыря. Здесь сыграло свою роль его своеобразное «вольнодумство», помноженное на жесткую принципиальность, стремление внести в жизнь ясные православные ценности, а главное – неподдельная вера в чистоту и святость русского народа. Подобно К. П. Победоносцеву, опорой жизненного строя он считал не дворянство, а простой народ. В 1896 г. К. П. Победоносцев писал, что «в народе хранится запас духовной силы и глубокой веры, из коего сами учителя и правители народа должны почерпать свою силу одушевления» [21, с. 403–404; 22, с. 45]. Несомненно, Дмитрий Скрынченко подобные взгляды разделял, хотя конкретную политику обер-прокурора в сфере церковной и духовной жизни считал излишне жестокой и малоперспективной. Бюрократизация церковной жизни и отчужденность церкви от многих насущных проблем не могли не подтолкнуть Дмитрия Скрынченко к уходу в сферу воспитания пастырей.

Спустя десятилетия Д. В. Скрынченко вспоминал о годах обучения в академии вполне доброжелательно. Он соблюдал дисциплину, принимая ее как данность, стремился получить профессиональные знания, при этом увлекался литературой и искусством. Он не хотел быть монахом. Выйдя из низов духовного сословия, он хотел вернуться в него полным знаний с тем, чтобы просвещать. Внешний вид Дмитрия Скрынченко определялся ценностями эпохи – он, конечно, носил бороду. Этим обозначалась не только принадлежность к духовному ведомству, но и симпатия к Александру III, в правление которого ношение бород стало повсеместным и проникло даже в гвардию. Кроме того, борода его была выражением единства с народом, который он знал и любил, и с церковнослужителями, из среды которых он вышел.

Дмитрию Скрынченко довелось жить при трех последних императорах. Он родился при Александре II, а когда Дмитрию исполнилось 7 лет, царь был убит. Годы его юности падают на правление Александра III. Как раз в это время Дмитрий Скрынченко получил заряд того русского консервативно-православного духа, который он сохранил на всю жизнь. Время его взросления и самостоятельной жизни протекали в царствование Николая II. Эта эпоха

носила ярко выраженный транзитивный характер, что иногда замечали современники, правда, мало кто мог с уверенностью сказать, к какому рубежу вскоре подойдет страна. Д. Скрынченко впитал метафизику консерватизма, его сверхличностные, сверхбытийные основания, которые опирались на православие и традиционализм.

Окончание Духовной академии создавало «веер возможностей» для молодого кандидата. Не все из окончивших академию становились монахами, некоторые получали приходы, служили пастырями и проповедовали. Дмитрий Скрынченко не стал ни монахом, ни священником, но церковного ведомства не покинул. Летом 1901 г. в Совет Казанской духовной академии поступила бумага из канцелярии Обер-прокурора Святейшего синода. Вот что в ней значилось: «По утвержденному Г. Синодальным Обер-прокурором 25 июля 1901 г. докладу учебного комитета при Святейшем синоде кандидат Казанской духовной академии Дмитрий Скрынченко определен на должность преподавателя латинского языка в Пермскую духовную семинарию с 16 августа» [16, л. 28]. Одновременно он был утвержден в чине коллежского асессора [23, с. 298]. Простившись с близкими, Д. В. Скрынченко устремился в неведомое будущее.

Можно полагать, что сочетание традиционализма, который дан, так сказать, объективно, с метафизикой консерватизма, которая в данном случае предстает как метафизика православия, есть основа для возникновения консервативной жизненной позиции. Однако все эти факторы – лишь предпосылки. Механизм возникновения консервативного сознания «запускается» лишь тогда, как полагал К. Манхейм, «когда на сцену выходят альтернативные образы жизни и мышления, против которых консерватизм вынужден начать идейную борьбу» [1, с. 612]. Сочетание этих факторов отчетливо просматривается в жизни Д. В. Скрынченко. Именно поэтому традиционализм в его взглядах трансформировался в консерватизм и обрел соответствующие времени формы и способы выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манхейм К. Консервативная мысль / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.
2. Ионин Л. Н. Апдейт консерватизма / Л. Н. Ионин. – М., 2010.
3. Скрынченко Д. В. Мои воспоминания / Д. В. Скрынченко // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2005. – Вып. 13.
4. Воронежские епархиальные ведомости.
5. Казанская духовная Академия новая, 1842–1907 гг. // Православная Богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. 8.
6. Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс, 1991.
7. Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни / Евлогий (Георгиевский). – М., 1994.

8. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.) / С. Л. Фирсов. – М., 2002.

9. Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев, Святейший синод и архиереи в 1881–1894 гг. / А. Ю. Полунов // Вестник МГУ. Серия 8, История. – 1994. – № 4.

10. Скрынченко Д. В Казани (мои воспоминания) / Д. Скрынченко // Православный собеседник (Казань). – 2010. – Вып. 2 (20).

11. Жизненный путь Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого) // Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). – Джорданвилль, 1988.

12. Памятная книжка Казанской духовной академии, 1900–1901 гг. – Казань, 1900.

13. Бердников И. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования, 1842–1892 гг. / И. Бердников. – Казань, 1892.

14. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. – СПб., 1905.

15. Пыпин А. Казанская духовная академия / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1892. – № 12.

16. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 10241.

17. Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. Гл. 2 / А. Ю. Полунов. – Режим доступа: <http://www.conservatism.narod.ru/polunov/polunov.html>

18. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Л., 1991. – Т. 1, ч. 1.

19. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II / Р. С. Уортман. – М., 2004.

20. Живов В. М. Царь и Бог : семиотические аспекты сакрализации монархии в России / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Язык культуры и проблема переводимости. – М., 1987.

21. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки. 1866–1995. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М., 2001.

22. Полунов А. Ю. Константин Петрович Победоносцев – человек и политик / А. Ю. Полунов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 45.

23. Пермские епархиальные ведомости, 1901. – № 20. Офиц. отдел.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Колмаков В. Б., кандидат философских наук,
доцент

Kolmakov V. B., Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru
Тел.: 8(473) 252-56-63

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru
Тел.: 8(473) 252-56-63

ЧЕРНОСОТЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1901–1917 гг.*

И. В. Омелянчук

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Поступила в редакцию 20 мая 2015 г.

Аннотация: *исследованы возникновение и эволюция черносотенного движения в Российской империи, основные монархические организации, их социальный состав, размещение, численность, взаимоотношения с правительством.*

Ключевые слова: *Российская империя, черносотенное движение, монархические организации, консервативная идеология.*

Abstract: *this article studies the emergence and evolution of the Black Hundred movement in the Russian Empire, the main monarchist organizations, their ideology, social structure, placement, the number of members, relationship with the government.*

Key words: *the Russian empire, the black hundred movement, monarchist organization, conservative ideology.*

Словосочетание «Черная сотня» и прилагательное «черносотенный» стали весьма употребительны в политической лексике с начала XX в., с момента появления одноименного политического движения, ставившего своей целью сохранение самодержавия в Российской империи. С этого же времени в общественном сознании правдами и неправдами утверждается и негативный семантический смысл этих понятий, прочно связанный с погромами, убийствами и самой оголтелой махровой реакцией и обскурантизмом, что не соответствует исторической действительности.

Название «Черная сотня» дошло до нас из глубины веков. Традиционно в средневековой Руси для удобства управления и сбора податей городское торгово-ремесленное население делилось на сотни. Существовали высшие купеческие (Гостиная, Суконная и др.) и низшие посадские сотни. Последние объединяли, как правило, торговцев и ремесленников одной специальности, проживавших в одном или нескольких соседних кварталах и обладавших правом самоуправления. Посады и слободы, платившие подати непосредственно в государеву казну именовались «черными», в отличие от «белых», находившихся в феодальной собственности и плативших подати своему владельцу.

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-11-33002.

© Омелянчук И. В., 2015

Таким образом, изначально под «черными сотнями» подразумевались торгово-ремесленные корпорации посадских людей, несущих на своих плечах государство тягло. В Смутное время (1605–1612 гг.), когда под угрозой оказалось само существование Русского национального государства, именно посадское население составило основу Второго ополчения, освободившего Москву от польских интервентов и восстановившего русскую династию на московском троне. В начале XX в., когда зашаталась устои самодержавия, возникшие в Российской империи многочисленные монархические союзы и организации приняли название «Черная сотня», надеясь спасти монархию, как в Смутное время это сделало ополчение Минина.

Политические оппоненты правых использовали словосочетание «Черная сотня» в качестве бранного ярлыка. Но сами монархисты не отказывались от этого наименования, считая его почетным, и усматривали прямую связь между народным ополчением 1612 г. и консервативными партиями начала XX в. Так, один из авторов черносотенных «Московских ведомостей» писал: «...я считаю за честь, что я принадлежу к «черной сотне», с гордостью беру на себя бросаемое вами нашей партии название «черносотенца» и надеюсь носить его с честью» [1, 1906, 1 янв.].

Первой общественной организацией, вставшей на защиту монархии, стало «Русское собрание» (РС), официально «открывшее свои действия» 26 января 1901 г. В его составе доминировали представители столичной интеллигенции с аристократическими корнями и высшего чиновничества. На начальном этапе своего существования РС не ставило перед собой политических задач, сосредоточив свои усилия на культурно-просветительской деятельности. Но усиление революционного движения побудило «Собрание» прийти «на помощь ясно осознаваемой всеми русскими людьми потребности объединения для дружного отпора все растущей смуте» [2, с. 195] и стать полноценной политической партией. В 1903 г. РС получило разрешение МВД на открытие филиалов, первый из которых был создан в Харькове. Всего действовало 18 отделов «Собрания», расположенных преимущественно на окраинах империи (Одесса, Киев, Вильно, Радом и др.). В правом лагере РС играло роль интеллектуального штаба вплоть до января 1914 г., когда в силу ряда причин оно вновь отказалось «от участия в жизни политических партий и возвратилось к своему первоначальному уставу» [3, т. 1, с. 12].

Вслед за правой интеллигенцией в рамках созданного в Москве в апреле 1905 г. Союза русских людей (СРЛ) объединились и дворяне [4, с. 361]. С ноября 1905 г. этой организацией руководил А. Г. Щербатов, который пользовался известным авторитетом в правом движении и был избираем почетным председателем нескольких региональных и всероссийских монархических съездов, чего нельзя сказать про сам Союз. Он остался достаточно формальным объединением московских интеллектуалов славянофильского толка, не имеющим значительного политического веса. Единого руководящего органа

СРЛ не имел, поэтому связь между отделами была весьма условной. Со временем почти все местные организации Союза выработали собственные уставы, став самостоятельными. Одновременно с СРЛ «для борьбы с боевой партией конституционалистов» возникла и Русская монархическая партия (РМП) [1, 1905, 8 окт.]. Организационным центром ее формирования стала газета «Московские ведомости», редактируемая В. А. Грингмутом, ставшим председателем партии. В течение 1906–1907 гг. были открыты несколько десятков местных отделов, некоторые из них, например Киевский, стали впоследствии самостоятельными. С 1908 г. РМП была переименована в Русский монархический союз (РМС).

Вышеназванные партии представляли собой достаточно элитарные объединения, поэтому в правых кругах после опубликования манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего политические свободы и введившего в государственный механизм империи новый представительный орган власти – законодательную Государственную Думу, зародилась мысль о создании массовой всесословной партии, которая не только будет обладать серьезным электоральным потенциалом для проведения в Думу правых депутатов, но и сможет противостоять нарастающей революции «на улице». Первое заседание организации, получившей название «Союз русского народа» (СРН) и ставшей лидером черносотенного монархического движения, состоялось 8 ноября 1905 г. в Санкт-Петербурге. У истоков ее стояли архимандрит Арсений, детский врач А. И. Дубровин, адвокат П. Ф. Булацель, купчиха Е. А. Полубояринова, инженер А. И. Тришатный, помещик В. М. Пуришкевич. Председателем Союза стал А. И. Дубровин.

По сравнению с созданными ранее черносотенными организациями в СРН была значительно упрощена процедура приема новых членов и существенно снижена сумма членских взносов, что способствовало увеличению численности организации за счет низших слоев населения. В обзоре политических партий, найденном среди бумаг бывшего товарища министра внутренних дел Б. В. Курлова при обыске в 1917 г., говорилось: «Между... большими союзами раскинулась масса отделов и подотделов, до сельских включительно, и через них Союз русского народа, единственная политическая партия в России, имеет соприкосновение с действительною массою простого серого люда. Вот в чем кроется и действительная сила Союза, и его живучесть» [5, с. 106].

В 1905 г. во многих регионах страны под воздействием революционных событий возникли местные контрреволюционные организации. Большинство из них оказалось «однодневками», быстро сойдя с политической сцены, некоторые после создания СРН вошли в его состав. Так, Курская народная партия порядка была преобразована в отдел СРН, а «Любарское общество людей, преданных престолу и отечеству» (Волынская губерния) влилось в Житомирский отдел Союза. Целый ряд региональных правых организаций вошли в состав СРН на правах местных отделов, сохранив при этом свое название, как,

например, Астраханская народно-монархическая партия или Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия. Некоторые региональные правые организации не только сохранили самостоятельность, но и расширили свои действия на соседние губернии, открыв там свои отделы, например Киевский «Двуглавый орел». А созданное в 1906 г. в Киеве «Содружество патриотических русских рабочих», впоследствии переименованное в Союз русских рабочих (СРР), вообще превратилось во всероссийскую организацию, имея свыше 20 региональных отделов (в том числе и в Петербурге), численность которых составляла не менее 30 тыс. человек.

С целью привлечения на свою сторону возможно большего числа сторонников, черносотенцы создавали различные профессиональные объединения, не ставившие перед собой каких-либо политических целей. Так, в Житомире местным отделом СРН создана «Трудовая артель сапожного дела русских мастеров» [6, ф. 442, оп. 862, д. 90, л. 11]. При Московском отделе Союза действовала артель обойщиков, драпировщиков и столяров [7] и т.п.

Учебные заведения, в особенности университеты, стали также ареной политической борьбы, в которой главным оружием революционного студенчества были забастовки. Консервативные же силы в университетской среде выступали против прекращения занятий, за «академический порядок». Поэтому монархические студенческие организации, действовавшие в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани и других городах, получили общее название «партий академического порядка». Впоследствии большинство этих партий вошло в состав Всероссийского национального студенческого союза (ВНСС), устав которого был утвержден 30 сентября 1909 г. [8, с. 44, 121].

Наличие множества социальных перегородок в русском обществе способствовало возникновению различных правых организаций, выражающих консервативные политические устремления той или иной социальной группы. Существовали сословные («Кружок дворян, верных присяге»), молодежные («Двуглавый орел»), женские («Общества русских женщин»), спортивные («Русский богатырь»), религиозные («Союз старообрядцев за Веру, Царя и Народность») и другие монархические организации. Если сословные организации вскоре прекратили свое существование, оказавшись не в состоянии активно влиять на политические процессы в силу узости своей социальной базы, то правые организации, созданные по профессиональному признаку, действовали более успешно (во всяком случае, в начальный период их существования), отражая давно назревшую потребность в создании профессиональных союзов, регулирующих взаимоотношения труда и капитала.

Практически сразу были предприняты попытки консолидации черносотенного движения. Первые шаги в этом направлении сделала РМП, ставшая инициатором объединения правых организаций под эгидой созданного в Москве в январе 1906 г. Всенародного русского союза (ВРС), в состав которого вошли 22 организации [1, 1906, 12 янв.; 3, с. 655; 9, л. 173], «исповедующие

православную веру, нерушимость самодержавной власти государя и единство Русской земли» [1, 1906, 6 янв.]. Устав Союза, зарегистрированный 26 августа 1906 г., содержал только самые общие положения, которые не могли бы вызвать споров между различными правыми организациями на почве идеологии: «а) Манифестом 17 октября не введена конституция, и самодержавная власть остается в силе; б) Россия составляет одно нераздельное целое под властью Неограниченного Самодержавного Царя; в) ни под каким видом или наименованием не должен быть допущен созыв учредительного собрания» [9, л. 168]. Но даже такое весьма условное объединение монархических организаций оказалось нежизнеспособным и, по сведениям МВД, в ноябре 1906 г. ВРС прекратил свою деятельность [9, л. 181].

Эстафету подхватило «Русское собрание», объединявшее в своих рядах лучшие интеллектуальные силы монархистов. В феврале 1906 г. в Петербурге был проведен съезд этой организации, в котором приняли участие и другие монархические союзы. Съезд принял платформу соглашения между правыми партиями и наметил форму объединенных местных организаций. Спустя два месяца в Москве состоялся II Всероссийский съезд Русских людей (первым стал считаться съезд РС). Этот съезд не решил проблемы объединения правых, но, тем не менее, был заложен фундамент для следующего III съезда Русских людей, состоявшегося в Киеве в октябре 1906 г. На этом съезде принято решение о создании координационного органа правых – главной управы Объединенного русского народа. В нее вошли А. И. Дубровин от СРН, М. Л. Шаховской от «Русского собрания» и кооптированный ими протоиерей И. И. Восторгов, представлявший РМП и Всенародный русский союз [4, с. 420]. Но так как не все организации согласились беспрекословно подчиниться единому центру, то было решено, что «деятельность управы не должна носить властный характер, сообщаемые ею местным организациям предположения исполняются последними только в случае, если они ими одобрены» [10, с. 184]. На местах создавались аналогичные коалиционные объединения – губернские управы. «Наиболее целесообразной» делегаты съезда признали программу СРН, постановив, что она «должна быть разослана для ознакомления с нею всем единомышленным организациям, в надежде, что они сами постепенно к ней присоединятся» [10, с. 186]. IV съезд Объединенного русского народа (Москва, апрель 1907 г.) постановил, что «ввиду преобладающего значения СРН... союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций» [4, с. 425].

Чтобы сделать более привлекательным объединение с СРН, всем организациям, вступающим в Союз, разрешалось сохранять свои названия и уставы. При этом в своей деятельности главный Совет СРН должен сообщать «свои решения и предложения своим отделам к исполнению, а другим монархическим организациям лишь к сведению, предоставляя им свободу присоединяться от своего имени к действиям СРН» [11, 25 мая]. Получив такой карт-бланш,

Союз начал постепенно занимать доминирующее положение в областных управах Объединенного русского народа. В июле 1907 г. съезд председателей отделов СРН принял решение превратить местные коалиционные Управы в губернские советы СРН, поставив ассоциированные с Союзом региональные организации перед выбором: либо окончательно влиться в СРН, либо пытаться противостоять революции в одиночку, рискуя оказаться на обочине политического процесса. Наиболее активно против организационной экспансии СРН выступили киевские и московские монархисты. Лидер последних И. И. Восторгов в декабре 1907 г. выдвинул свой проект объединения правых сил, согласно которому монархический лагерь должен возглавить реанимированный для этой цели Всенародный русский союз, уже более года бездействовавший. И. И. Восторгов предложил А. И. Дубровину пост постоянного председателя Совета ВРС [12, с. 129–130]. Но этот проект А. И. Дубровиным был отклонен.

Если в период Первой русской революции правительство весьма лояльно относилось к правым партиям, видя в них надежных союзников в борьбе с освободительным движением, то после третьеиюньского переворота союз власти с монархистами практически распался. Причины этого лежат сразу в нескольких плоскостях: во-первых, ортодоксальные правые «дубровинского» толка не вписывались в политическую систему «думской монархии» в силу их неприятия парламентаризма; во-вторых, курс правительственных реформ, направленных на укрепление капиталистических отношений в экономике страны, в том числе и в сельском хозяйстве, противоречил как экономическим интересам правых, так и их традиционалистской ментальности; в-третьих, черносотенцы отнюдь не были абсолютно лояльны к Петербургскому «бюрократическому режиму», объявив его главным препятствием, мешающим единению царя с народом, и предлагая различные способы его реформирования, заслужив тем самым прозвище «революционеров справа».

Правительство в свою очередь не упустило возможности воспользоваться внутренним конфликтом в правом лагере для его ослабления. Во время избирательной кампании в III Думу умеренная часть Союза, возглавляемая В. М. Пуришкевичем и И. И. Восторговым, согласилась «с предложением бюрократии проводить в Государственную Думу октябристов» [3, т. 1, с. 577] (т.е. вступить с ними в предвыборную коалицию). Главный Совет СРН во главе с председателем А. И. Дубровиным в ответ запретил отделам СРН вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия» и отказался от использования на выборах правительственных денег, «так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза русского народа октябристскую Думу» [13, ф. 116, оп. 1, д. 1, л. 11–11 об.]. Тактические разногласия были усугублены личным конфликтом между А. И. Дубровиным и В. М. Пуришкевичем, претендовавшим также на лидерство. Следствием этого стал выход последнего из СРН и

появление в ноябре 1907 г. новой партии – Русского народного союза имени Михаила Архангела (СМА), созданием которого В. М. Пуришкевич, выполняя «заказ» правительства, пытался приспособить правую организацию к политической деятельности в условиях «думской монархии». Но несмотря на правительственную поддержку СМА, учрежденный как парламентская партия, даже не смог создать в Думе собственной фракции. Да и полноценной заменой Союзу русского народа СМА так и не стал. Его численность была на порядок ниже, количество выданных членских билетов не превысило 20 тыс. [14, с. 185].

Если раскол СРН 1907 г. и создание СМА стали следствием личного конфликта в руководстве Союза, то раскол СРН 1909 г. имел более глубокие, социальные причины. Входящие в состав Союза представители высших слоев, в первую очередь помещики, образовали так называемое «обновленческое» течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Государственная Дума и аграрная реформа П. А. Столыпина. Лидерами «обновленцев» стали Н. Е. Марков 2-й и С. А. Володимиров, к которым присоединился и В. М. Пуришкевич. На противоположной стороне оказались входившие в состав СРН представители среднего и бедного крестьянства, недовольные столыпинской политикой разрушения общины, в которой они видели эффективный инструмент своей социальной защиты, рабочие (в большинстве своем недавние выходцы из деревни), оказавшиеся «пасынками» правительства, представители мещанства, которому не было места в социальной системе капиталистической России, а также часть интеллигенции с традиционалистским мировоззрением. Характерной чертой этого течения, возглавляемого А. И. Дубровиным, стало неприятие третьеиюньской политической системы, являющейся институциональным выражением Государственной Думы. Летом 1909 г. сторонники Н. Е. Маркова 2-го обновили состав главного Совета СРН и добились в нем численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»), а А. И. Дубровин, сложивший с себя в июне 1910 г. обязанности председателя, стал инициатором создания новой организации – Всероссийского Дубровинского СРН, конституированного в ноябре 1911 г. Между двумя партиями началась борьба за контроль над региональными отделами. Большинство низовых организаций встали на сторону А. И. Дубровина. «Марковский» Главный Совет СРН не нашел ничего лучшего, как закрыть не желающие подчиняться отделы. «Дубровинцы» в ответ превращали филиалы Союза в самостоятельные организации («Тверской СРН», «Ковровский СРН» и др.) с последующим подчинением их ВДСРН.

Большинство монархистов считало, что расколы в Союзе были инспирированы П. А. Столыпиным, стремившимся превратить умеренную («обновленческую») часть Союза в лояльную к власти партию парламентского типа, а крайне правую «дубровинскую» (не вписавшуюся в третьеиюньскую политическую систему) – в политических маргиналов, не способных дестабилизиро-

вать режим «думской монархии». Даже Н. Е. Марков впоследствии утверждал, что П. А. Столыпин «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в Союзе», правда отрицая при этом, что симпатии главы правительства были на стороне «обновленцев» [15, т. 6, с. 194–195].

Нейтрализуя опасного неконвенционального противника в лице СРН, правительство не оставляло надежд на создание влиятельной проправительственной монархической партии парламентского типа для защиты своих интересов в Думе («партии власти»). Летом 1908 г. на базе думской фракции националистов был конституирован Всероссийский национальный союз (ВНС), председателем которого был избран С. В. Рухлов. Близкая по взглядам к националистам фракция умеренно-правых стала основой для создания летом 1909 г. одноименной партии, председателем которой стал П. Н. Балашов. Если мнения исследователей о роли правительства в создании этих политических структур разделились, то влияние П. А. Столыпина на их последующее сближение практически не оспаривается. Во всяком случае в январе 1910 г. умеренно-правые и националисты объединились в рамках ВНС, занявшего откровенно проправительственную позицию. Председателем Союза стал П. Н. Балашов. Основное отличие умеренно-правых националистов от крайне правых заключалось в признании ими парламентаризма в качестве принципа государственного строительства. При этом программа ВНС провозглашала одновременно и неизбежность законодательной власти самодержавного царя. В составе Союза ведущую роль играли представители высших слоев, в первую очередь националистически настроенные русские помещики и интеллигенция Юго-Западных окраин империи. Однако в преддверии выборов в IV Думу руководство ВНС взяло курс на расширение партийных рядов путем массового открытия провинциальных отделов. Но, несмотря на предпринятые усилия, националисты так и не смогли стать «народной» партией. Тем не менее, благодаря поддержке правительства и наличию в рядах партии представителей интеллектуальной и финансовой элиты, националистам удалось оказать существенное влияние на результаты думских выборов и соответственно на работу самой Думы.

«Вотчиной» монархических партий стали юго-западные окраины империи, где социально-экономические проблемы, характерные для всей территории страны, дополнялись острыми этно-конфессиональными противоречиями. В первую очередь это борьба за землю между польскими помещиками-католиками и православными крестьянами, а также экономическое противостояние между православными крестьянами и еврейскими торговцами-посредниками. В обоих случаях монархические партии стояли на стороне местного крестьянства, что обусловило его активное участие в черносотенном движении.

Еще одним «доменом» правых стали губернии нечерноземного центра России, где на сторону «Черной сотни» встали в основном представители сред-

них и низших городских слоев (в том числе и рабочие), чье благосостояние было подорвано революционными событиями 1905–1907 гг. В. И. Ленин главной причиной таких консервативных настроений рабочих «исконно русских» губерний не без оснований считал «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные массы рабочих, но менее порвавшие связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах; и большая удаленность от заграницы; и отсутствие национальной розни» [16, т. 11, с. 313]. После спада революционной волны черносотенное движение в центральных областях России начинает терять сторонников, не видевших смысла в активной политической деятельности после поражения революции. В окраинных же губерниях, в особенности на юго-западе, численность монархических организаций продолжала увеличиваться вплоть до начала Первой мировой войны, так как уровень политизации населения здесь не снижался, подпитываемый постоянно тлеющими социально-экономическими конфликтами с ярко выраженной этно-религиозной окраской.

Черносотенцы стали самым массовым политическим движением в России в период между двумя революциями. Один из лидеров «Русского собрания» Н. А. Энгельгарт в начале 1906 г. писал: «Черносотенное движение разливается по стране неудержимым половодьем» [17, с. 192]. По подсчетам С. А. Степанова (на наш взгляд, несколько заниженным), к 1907 г. в 2208 населенных пунктах Российской империи действовало 2229 отделов различных монархических организаций (из них 2124 отдела СРН) [18, с. 193]. Они насчитывали в своих рядах около 410 000 человек (из них 358 758 членов СРН) [19, с. 106]. Причем Главный Совет Союза давал иное количество отделов – «более 4000» [20].

Причиной массовости черносотенства, как, впрочем, и других политических движений в России начала XX в., стало наличие многочисленных маргинальных (занимающих промежуточное положение) социальных групп, возникших в результате глубоких социальных изменений, вызванных бурным ростом промышленности и урбанизацией страны. В первую очередь, это переселившиеся в города крестьяне и разночинная интеллигенция. Эти слои населения, в силу неустойчивости своего положения и вызванного этим социального беспокойства, были особенно политически активны. Те из них, кого устраивал нынешний, с таким трудом приобретенный, но непрочный статус, для его сохранения стремились к твердому порядку и стабильности, что и привело их в черносотенный лагерь. Те же представители маргинальных групп, которые испытывали неудовлетворенность своим положением, оказались на стороне оппозиции. Модернизационные конфликты, обострившиеся в российском обществе в начале XX в., в первую очередь кризис идентичности (потеря привычных духовных ориентиров), кризис участия (смена привычных форм вовлечения населения в политический процесс) и, в меньшей степени, кризис легитимности (несоответствие целей и ценностей правящего режима с пред-

ставлениями граждан), повышали уровень политизации населения и способствовали рекрутированию в ряды «Черной сотни» адептов традиционализма.

Известный американский социолог П. А. Сорокин считал, что основной причиной всех революций является подавление базовых инстинктов (потребностей) человека, в первую очередь инстинктов самосохранения, собственности, свободы и др. Если первая фаза революции имеет своей целью немедленное удовлетворение наиболее угнетенных из них, то вторая сопровождается нарастанием подавления базовых инстинктов человека. В результате появляется «усталость» от революции, а «требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка, хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции» [21, с. 272, 293, 283]. Естественно, что социальной базой контрреволюции стали те социальные группы, у которых число подавленных революцией базовых инстинктов превысило число удовлетворенных ею. Такие группы существовали во всех слоях населения Российской империи, что и обусловило всеобщий социальный состав черносотенных союзов и организаций.

Революционное движение своей пропагандой не могло не затронуть свойственные традиционному обществу архетипы общественного сознания и основанные на них социальные нормы. Их насильственное разрушение порождало социальный страх, беспокойство, а также вызывало проблемы самоидентификации личности, ее привязки к какой-либо устойчивой социальной группе, к каким-либо абсолютным ценностям, следствием чего явился рост национализма как наиболее простого способа идентифицировать себя с достаточно стабильным социальным образованием (нацией).

Среди базовых структур сознания, подвергшихся наиболее мощному давлению со стороны революционно-освободительного движения, в первую очередь, следует выделить архетип «Святой Руси», лежащий в основе менталитета почти 100 миллионов православных подданных империи. Архетип «Великой державы» был атакован и русской революционной пропагандой, и окраинными национальными движениями. Сыграло свою роль и поражение в Русско-японской войне, задевшее национальное достоинство русского человека. Критика в адрес института самодержавной монархии и самого императора, традиционно в России выполнявшего патронажную функцию по отношению к низшим слоям населения, стремилась разрушить архетип «Царя-батюшки». Такое вторжение революционной пропаганды в тонкие психические структуры человека порождало иногда обратную реакцию, создавая тем самым почву для появления консервативного политического движения, среди идеологических приоритетов которого значились «нация», «государство» и «порядок» (сохранение привычного уклада жизни). Обращение правых к основным архетипам русского национального сознания, нашедшим свое отражение в уваровской формуле «Православие, Самодержавие, Народность» позволило монархистам создать всеобщее политическое движе-

ние, объединившее в своих рядах несколько десятков различных политических и общественных организаций.

Однако массовость черносотенного движения, к которой так стремились монархисты, имела и свою оборотную сторону. Разнообразие властно значимых интересов различных слоев общества, представленных в этом движении, затрудняло выработку единой политической линии, которую поддержали бы представители всех социальных групп, входивших в правый лагерь, и не позволило черносотенцам сохранить организационное и идеологическое единство. Среди факторов, препятствовавших консолидации консервативного лагеря, можно назвать также личные амбиции его лидеров и позицию правительства, стремившегося втиснуть черносотенство в «прокрустово ложе» третьеиюньской политической системы.

Существовавшая в советской историографии марксистская система типологии политических партий наталкивалась на известные трудности в отношении черносотенных организаций. Если же воспользоваться классификацией, предложенной З. Ньюменом, то правые партии можно отнести к доктринальному типу, в деятельности которого доминирует защита чистоты своих идеалов и принципов. Учитывая то, что в рядах оппозиции были также партии доктринального типа (в первую очередь социалистические), то становится очевидной объективная обусловленность нарастания конфликтности политического процесса в России начала XX в.

По типологии М. Дюверже, в рядах черносотенного движения были партии двух типов: кадровые (сформированные «сверху» на базе парламентских объединений и групп давления, ориентированные на участие в них только профессиональных политиков) и массовые (сформированные «снизу», с возможным участием профессиональных политиков, как правило, артикулирующие интересы определенных социальных слоев). К кадровым черносотенным партиям можно отнести ВНС и «Русское собрание», типичным образцом массовой партии стал СРН.

По способу социального действия в черносотенном лагере были представлены как минимум два типа политических партий: консервативные («Русское собрание», СРЛ, РМП, СРН и др.) и праворадикальные («Двуглавый орел» и «Общество активной борьбы с революцией и анархией»). Учитывая, что ВНС был достаточно последователен в вопросе проведения реформ, то его, с известной натяжкой, можно отнести к умеренно-реформистским партиям. Если же в основание классификации положить идеологический принцип, то все черносотенные организации, в том числе и ВНС, следует отнести к правому крылу российской партийной системы.

Несмотря на обилие программных установок монархических партий, можно выделить их общие положения, составляющие ядро идеологии черносотенного движения. Главные духовные ценности, лежавшие в основе «русского государственного строения и народного быта», по мнению правых,

наиболее полно выражались известной формулой графа С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Трактовка первой и второй ее составляющих не вызывает сомнений: усиление ведущей роли православной церкви в общественно-политической и духовной жизни страны и сохранение (или после манифеста 17 октября, даже восстановление) самодержавной власти монарха. В понятие «народность» вкладывался уже двойкий смысл, с одной стороны, оно означало сохранение русской национальной идентичности («самобытности»), т.е. попросту русский национализм, а с другой – тесное единение царя с народом, т.е. своеобразный патриархальный демократизм (по словам В. И. Ленина, «самый грубый, но и самый глубокий» [16, т. 24, с. 18]), который, по мнению правых, должен вновь стать характерной чертой политической системы России. Ныне общепризнано, что одним из показателей эффективности всякой политической системы является наличие обратной связи между обществом и властью. Именно эту связь и пытались создать монархисты, выступая за «тесное единение царя с народом». Правда, в вопросе о способах осуществления этого единения монархисты так и не смогли прийти к единому мнению. Все основные положения идеологии правых вытекали из вышеизложенных.

Объективно социальная база консервативной (черносотенной) идеологии была очень узка – помещики, государственная и церковная бюрократия. Однако обращение правых к православной идее, глубоко укорененной в менталитете русского народа, принесло им немалые политические дивиденды и существенно расширило их электорат, сделав движение всесословным. Главной задачей государства в области церковной политики правые считали восстановление авторитета православной церкви, во многом утраченного за два предыдущих столетия, и усиление ее роли в общественно-политической жизни страны. Для этого следовало возродить патриаршество и ввести мирское выборное начало в церковное самоуправление, чтобы восстановить утраченное единство клира и мирян, и освободить церковь от опеки государства. Отношения же между государством и церковью должны, по мнению монархистов, строиться на основе равноправного союза, упрочить который предполагалось созданием связующего звена – прихода, который должен был сочетать в себе и духовные, и административные функции.

Краеугольным камнем черносотенной идеологии стало положение об исторической обусловленности самодержавия в России, являвшегося необходимой и лучшей формой проявления государственного бытия русского народа, обеспечивающей само существование русского национального государства и осуществление им его всемирно-исторической миссии. Главное преимущество самодержавия перед другими политическими системами, по мнению правых, заключается в том, что монархия основана на нравственном законе, данном непосредственно Богом, а конституционное государство – на юридических нормах, созданных человеком, которому, как известно, свой-

ственно ошибаться. Важным достоинством самодержавной монархии правые считали также независимость Верховной власти от различных политических сил (в отличие от главы конституционного государства, избранного при содействии конкретных групп интересов), что позволяет ей в равной мере защищать интересы всех социальных слоев, не отдавая преимущество ни одному из них.

Несмотря на категорическое неприятие принципа парламентаризма, вступившего в противоречие с неограниченным самодержавием, отношение правых к представительным органам не было однозначно отрицательным, ибо третий член уваровской формулы – «народность», понимаемый как единение царя с народом, по-прежнему оставался краеугольным камнем идеологии русских монархистов. Для восстановления этого единения, утраченного в «Петербургский» период, часть правых предлагала возродить Земский собор, надеясь тем самым еще и перехватить инициативу у оппозиции, требовавшей привлечения общественных сил к государственному управлению. Другая же часть монархического лагеря выступала против реанимации этого учреждения, с одной стороны, опасаясь постепенного превращения Земского собора в полноценный парламент, а с другой – указывая, что изменившиеся социально-экономические условия просто не позволят воссоздать его в прежнем виде. После манифеста от 17 октября 1905 г., будучи вынужденными признать существование созданной волей монарха законодательной Государственной Думы, российские консерваторы не оставляли надежд на ее ликвидацию или превращение в законосовещательный орган, выдвигая соответствующие проекты, суть которых, как правило, сводилась к созданию народного представительства, не посягающего на прерогативы самодержца и представляющего собой адаптированный к современным условиям вариант Земского собора. Со временем повеление русского общества, а также позиция верховной власти, склоняющейся к использованию элементов конституционализма в своей политической практике, обусловили постепенную коррекцию взглядов консерваторов, признавших (хотя и с определенными оговорками) целесообразность наличия в политической системе России представительного органа власти с законодательными полномочиями и направивших свои основные усилия на изменение избирательного законодательства с целью обеспечения лояльности к самодержавию депутатского корпуса.

Если все правые в конце концов признали легитимность представительного органа в России, споря только о его полномочиях, то существование политических партий так и осталось, по мнению большинства монархистов, «незаконным», так как достижение любой партией своей цели (получение политической власти) означало ограничение прерогатив самодержца. Себя же черносотенцы не относили к политическим партиям, оставляя за собой роль «голоса всей земли», и конечной целью своей деятельности провозглашали сохранение всей полноты политической власти за монархом.

Большинство правых публичных политиков, а вместе с ними и широкие партийные массы, стремясь сохранить существующую политическую систему России, особо не задумывались над необходимостью ее модернизации. Но среди идеологов правых были и те, которые признавали недостатки существующего строя и настаивали на его изменениях, результатом которых должно было стать возвращение к «истинному самодержавию». Некоторые проекты преобразований, предлагаемые монархистами, были вполне адекватны проблемам, стоявшим перед Российским государством. Так, весьма своевременными и прогрессивными являлись идеи разделения властей и повышения роли местного самоуправления, отстаиваемые Л. А. Тихомировым [22] и С. Ф. Шарповым [23]. Многие предложения Д. И. Иловайского (многоступенчатые выборы, превращение Госсовета в верхнюю палату парламента, введение в него членов по выбору, создание должности главы правительства) [24] были реализованы в законодательных актах конца 1905 – начала 1906 г.

Тем не менее правые получали голоса на выборах не за проекты реформ, а за свое стремление сохранить политическую систему России неизменной. Поэтому особой активности в продвижении идей «творческих консерваторов» (подробнее о них см. работу А. В. Репникова [25, с. 43]) монархисты не проявили. Поскольку социально-экономическое развитие страны требовало реформ, на которых настаивали оппоненты правых, то со временем черносотенцы стали терять голоса и тех, которые поняли необходимость изменений, и тех, которые убедились в неспособности черносотенцев им противостоять.

В своей политической деятельности черносотенцы основные надежды возлагали на массовые социальные группы – крестьянство и рабочих, которых они надеялись «вырвать из рук разъедающей их крамолы» и тем самым блокировать нарастание революционных процессов в Российской империи. Но предложить для этих слоев населения что-либо более привлекательное, чем предлагала оппозиция, правые так и не смогли. Своими союзниками монархисты, не без оснований, считали купечество и мещанство, однако малочисленность и политическая неорганизованность этих сословий не позволили им сыграть существенной роли в политических баталиях этого периода.

Социальные проблемы российского общества идеологи консерватизма рассматривали сквозь призму сословности, что обуславливалось как социальной парадигмой консервативной идеологии, так и политическими целями правых. Сохраняя традиционную сословную стратификацию общества, монархисты тем самым стремились сохранить и традиционную политическую систему – самодержавие. Но вступление России в фазу капиталистического развития поставило на повестку дня новые вопросы. Существовавшая сословная система уже не могла удовлетворить усложнившиеся потребности общества, в первую очередь в сфере представительства интересов различных социальных групп. В условиях демократии функцию социального представительства выполняют политические партии. Монархисты, выступая против суще-

ствования партий как таковых, стремились передать эту функцию сословиям, под которыми они понимали организационно оформленные добровольные группы интересов. Эти социальные общности с помощью органов сословного самоуправления должны были выдвигать свои властно значимые интересы в сферу публичной политики, обеспечивая тем самым необходимый баланс групповых интересов. Данная социальная модель, предложенная Л. А. Тихомировым под названием «свободно-сословный строй» [22, с. 481], напоминает современный западный вариант плюралистической демократии, подразумевающий передачу основных полномочий по защите интересов отдельной личности социальной группе, к которой она принадлежит.

В решении социальных проблем черносотенцы следовали заимствованной у народников тактике «малых дел», предлагая ряд мер, направленных на постепенное улучшение положения народных масс. Но успех этих начинаний во многом зависел от «доброй воли» господствующих классов – помещиков и буржуазии. Поэтому, несмотря на ряд успехов (улучшение рабочего законодательства, некоторая корректировка способов осуществления столыпинской реформы и др.), изменить ситуацию в социальной сфере правым не удалось.

Жесткие рамки консервативной идеологии не позволяли монархистам предлагать какие-либо радикальные меры для разрешения хозяйственных задач страны, а их приоритетность и способы решения обуславливались, в первую очередь, политическими целями правых. В целом черносотенцы достаточно четко представляли себе экономические проблемы Российской империи и предлагали вполне адекватные способы их разрешения.

Главную проблему российской экономики – дисбаланс между аграрным и индустриальным секторами – правые намеревались решить с помощью дешевого государственного кредита, который должен способствовать перераспределению средств между промышленностью и сельским хозяйством. Уровень сельскохозяйственного производства предполагалось поднять путем повышения агрокультуры, кооперирования и кредитования мелких хозяйств, создания развитой инфраструктуры, в первую очередь элеваторов и путей сообщения, а также введения государственного контроля над торговлей сельскохозяйственной продукцией, в особенности зерном. Важным фактором повышения жизненного уровня крестьянства правые считали развитие кустарной промышленности, которая должна насытить рынок предметами потребления и создать в деревне рабочие места в периоды сезонного прекращения сельскохозяйственных работ.

Развитие промышленности монархисты ставили в прямую зависимость от развития сельского хозяйства и главным способом ее стимулирования считали рост внутреннего рынка за счет повышения покупательной способности крестьянства и пролетариата. Стремясь не допустить установления зависимости экономики страны от иностранного капитала, черносотенцы предлагали ограничить сферу его применения и способствовать переходу промышленно-

сти, финансов и торговли в «русские руки» путем «национализации» кредита и создания законодательной базы, обеспечивающей преимущества русским предпринимателям. Серьезным препятствием для развития промышленности правые считали монополии и предлагали принять против них ряд ограничительных мер. Идеологии черносотенства был свойствен этатизм, поэтому ведущую роль в развитии экономики большинство правых отводило государству, определенную роль здесь сыграла и традиционная слабость российского частного капитала. Частная собственность признавалась консерваторами священным устоем общества и ей отводилась важнейшая стимулирующая роль в экономическом развитии страны.

Сохраняя имперский характер Русского государства, черносотенцы стремились сохранить и имперский характер национальных отношений в нем, т.е. господство титульной нации и «благодарное» подчинение ей других народов, которым пребывание в составе империи должно приносить «неисчислимы блага», а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к культурным ценностям и др. Поэтому, не выступая против культурной и экономической самобытности малых народов, правые стремились затормозить их политическое развитие и тем самым блокировать процесс национального самоопределения для сохранения единства страны.

Характерной чертой монархической идеологии был антисемитизм, который для черносотенцев являлся одновременно и способом защиты своей национально-конфессиональной идентичности, и формой борьбы с революционным движением, и инструментом конкурентной борьбы в экономической сфере, и попыткой объединить массы людей, воздействуя на их инстинкты созданием образа общего врага. Своей главной задачей в еврейском вопросе черносотенцы считали сохранение исключительного законодательства в отношении евреев, надеясь тем самым минимизировать их влияние на политические процессы, проходящие в России.

Противопоставление «Россия–Запад» стало краеугольным камнем идеологических концепций русских монархистов в начале XX в. Черносотенцы исходили из видового различия двух цивилизаций, имеющих совершенно разные, а порой и противоположные формы самовыражения. В политической сфере это самодержавие и конституционализм, в экономической – сельское хозяйство и промышленность, в социальной – соборность и индивидуализм, в духовной – православие и католицизм (протестантизм). Геополитические концепции русских консерваторов, в развитие которых наибольший вклад внесли Л. А. Тихомиров и М. Ф. Таубе, можно отнести к континентальной школе геополитики, отдающей предпочтение контролю над сухопутными пространствами. Сценарии будущего, составленные М. Ф. Таубе, прошли проверку временем, в частности, он предсказал гибель Британской империи и появление сверхдержав («великодержав»), первой из которых станет «американский материк» [26, с 186–192].

Несмотря на то что внешнеполитическая доктрина правых представляла собой конгломерат мессианских идей, имперских амбиций и реальных экономических и военных интересов Российской империи, она отличалась четкой оценкой существующих реалий и взвешенностью. В отличие от либералов, выражавших экспансионистские интересы буржуазии, борющейся за новые рынки сбыта, и левых радикалов, рассчитывавших захватить власть, превратив «войну империалистическую в войну гражданскую», правые стремились не допустить втягивания России в международные конфликты, по крайней мере, до тех пор, пока ее внутреннее положение не стабилизируется, и военная мощь не достигнет уровня, адекватного стоящим перед страной внешнеполитическим задачам. Важнейшей из них правые считали расширение восточных владений империи. Но в отличие от западной цивилизации, экспансию которой на Азиатский материк обуславливали, по мнению черносотенцев, материальные интересы, российское проникновение в Азию объяснялось христианскими просветительскими целями и мессианством русского народа-богоносца. Поэтому столкновение между материализмом Запада и духовностью православной России в борьбе за гегемонию на обширных пространствах Азии правые считали неизбежным.

Важное место в идеологии черносотенного движения занимала критика либерализма и социализма. По мнению монархистов, либеральная политическая система возможна только в государстве, в основе которого лежит завоевание, приведшее общество к разделению на враждебные классы. В основе же Российской державы лежит не завоевание, а «добровольное призвание», не социальная вражда, а гармония сословий, что делает западную демократию, основанную «на политическом торге между заинтересованными сторонами» [1, 1906, 3 янв.] (властью и обществом), совершенно непригодной для русской действительности. Монархисты указывали, что в системе представительной демократии, народовластие невозможно, ибо власть будет сосредоточена в руках кучки политиканов, именующих себя представителями народа. Жестко связывая западную цивилизацию и конституционализм, черносотенцы стремились предотвратить движение России по западному пути неприятием евро-атлантической политической культуры, предполагающей широкое политическое участие народа и рассматривающей власть как результат активных действий индивида. Русские монархисты противопоставляли этому «исконную» идею отказа народа от участия в политической деятельности в пользу самодержца, власть которого имеет божественное происхождение, а отнюдь не является результатом «многomyтежного человеческого хотения».

Критика социалистической идеологии основывалась на утверждении о том, что реальные плоды социализма будут кардинально отличаться от тех радужных перспектив, которые рисуют его приверженцы. По мнению правых, социализм приведет к еще большему закреплению личности и, лишив граждан свободы, не принесет людям труда и материального благополучия. А все-

общее равенство, утверждали черносотенцы, не только не достижимо, но и вредно, так как будет препятствовать развитию общества, подавляя энергию талантливых индивидов.

Признавая необходимость введения всеобщего начального образования, монархисты стремились придать ему сугубо практическую направленность, делая акцент на ремесленных и сельскохозяйственных школах, чем хотели решить одновременно две задачи: стимулировать развитие экономики повышением уровня технической грамотности населения и сохранить сословную корпоративность гимназий и университетов для подготовки лояльных к самодержавию специалистов и чиновников. Важную роль в образовательном процессе, по мнению правых, должна играть православная церковь, закладывая в учениках фундамент верноподданнического мировоззрения.

Наибольшую тревогу черносотенцев вызывало состояние высших учебных заведений, ставших в ходе Первой русской революции вотчинами оппозиции. Первоочередными мерами в сфере высшего образования монархисты называли ликвидацию автономии университетов, способствовавшей их превращению в «революционные клубы», и увольнение оппозиционно настроенных преподавателей. Кроме того, правые настаивали на прекращении практики получения образования за границей, следствием которой являлся экспорт революционных идей в Россию.

Черносотенное движение возникло в условиях трансформации общества в разгар модернизационных процессов, охвативших Россию на переломе столетий. Если российские либералы в ответ на вызовы времени не нашли ничего лучшего, как позаимствовать, порой без должного критического осмысления, опыт европейских стран, не всегда соответствовавший потребностям страны и русской политической традиции, то консерваторы попытались предложить свой «самобытный» путь развития России. Однако распространение монархических идей в широких народных массах, в силу продолжавшейся радикализации российского общества, имело ограниченные успехи, так как правые, связанные рамками консервативной идеологии, не могли обещать населению немедленных позитивных социально-политических перемен, чем порой злоупотребляли их противники. Кроме того, в черносотенной идеологии немало было и откровенно слабых мест. Не признавая факта вступления России на путь индустриального развития, монархисты акцентировали свое внимание на социальных группах уходящего общества: крестьянах, помещиках, купцах, мещанах, ремесленниках. Реального пути решения главного вопроса русской общественной жизни – аграрного – ими так и не было предложено. В национальном вопросе лозунги правых о культурной автономии не могли соперничать с требованием права наций на самоопределение, выдвигаемым оппозицией. Использование антисемитизма в политической борьбе не могло не привести к известной маргинализации черносотенного движения и его бойкоту со стороны других политических сил.

До сих пор самым острым вопросом в историографии черносотенного движения остается правый террор. Появление его явилось ответом на политические убийства, совершаемые левыми в годы Первой русской революции. Если оппозиция рассматривала террор как действенный способ защиты населения от произвола властей, то правые – как защиту того же населения, но уже от революционного произвола. Для этой цели монархисты даже создали боевые дружины, членами которых было совершено несколько политических убийств. Учитывая значительную пропагандистскую силу революционных терактов, исполнители которых становились кумирами значительной части «прогрессивного общества», возможно, что и лидеры черносотенного движения рассчитывали громкими силовыми акциями способствовать росту популярности правых партий в среде традиционалистов. Черносотенцы совершили три или четыре политических убийства: рабочего Мухина, вступившего в боевую дружину СРН в качестве агента РСДРП, членов Государственной Думы М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса и, возможно, А. Л. Караваева. Таким образом, жертвами правого террора можно считать максимум четыре (!) человека. В то же время общее число погибших от рук революционеров-террористов, по подсчетам современной американской исследовательницы А. Ейфман, только за 1905–1910 гг. составило 7634 человека [27, с. 32]. Как видим, масштабы черносотенного террора и террора революционного не сопоставимы. А после окончания революции все черносотенные партии осудили террор. Но джин уже был выпущен из бутылки, поэтому силовые акции (не сопровождавшиеся убийствами) продолжались еще некоторое время. Объяснялось это тем, что многие боевые организации монархистов попросту не выполняли указаний своих партийных руководителей (картина, характерная не только для черносотенного лагеря), а также и тем, что в правые организации, пользуясь упрощенным порядком приема новых членов, вступали люди самых разных моральных качеств, в том числе и не самых высоких.

Не выдерживает критики и выдвинутая оппозицией и прочно закрепившаяся в публицистической литературе версия об организации погромов в октябре 1905 г. черносотенными партиями. Часть еврейских погромов вообще произошла до создания массовых правых организаций. Так, только в 1904 г., во время Русско-японской войны, по сведениям Я. С Хонигсмана и А. Я. Наймана, «в различных местностях отмечено около трех десятков погромов» [28, с. 140]. Летом 1905 г. в районе Керчи произошел погром, поводом к которому «послужило отношение евреев к поражениям России в Русско-японской войне» [6, ф. 348, оп. 1, д. 86, л. 2]. В октябре 1905 г. произошло 690 погромов в 660 населенных пунктах [29, с. 109]. К этому времени в России существовало всего три черносотенные организации, предполагавшие расширить свою деятельность на всю страну: «Русское собрание», СРЛ и РМП. Количество их сторонников исчислялось сотнями человек, большинство которых проживало в столицах. Когда черносотенное движение набрало силу, в Российской им-

перии произошли только два погрома, сравнимых по своим масштабам с октябрьскими, в Седлеце и Белостоке (лето 1906 г.). Но в Белостоке в тот период вообще не было монархических организаций, а в Седleckом Монархическом союзе русского народа числилось 140 членов [30, с. 110, 113]. При этом русское население в этих городах по численности значительно уступало польскому и еврейскому.

Правый публицист А. П. Липранди объяснял погромы 1905–1906 гг. как раз «отсутствием монархических организаций... с ростом и повсеместным распространением их погромы не усилились, а наоборот, совершенно прекратились» [31, с. 35]. Однако спустя много лет В. В. Шульгин признал косвенную вину монархистов за подобные инциденты. На допросе в 1945 г. он заявил: «...В той мере, в какой наша антисемитская деятельность могла вызвать эксцессы, носившие название погромов, мы, которых называют черносотенцами, несем за это моральную ответственность, потому что наши газетные статьи и речи, падавшие в массы, для людей, недостаточно развитых, являлись подстрекательством к погромам» [32, с. 85]. Практически теми же словами выразил свое отношение к проблеме современный американский исследователь Д. Роусон. Он подчеркнул, что хотя правые радикалы порой и организовывали единичные нападения на евреев, но все же гораздо чаще они действовали «посредством подстрекательской риторики» и несут ответственность за погромы лишь в этом смысле [33, р. 228].

И хотя борьба с оппозицией являлась одним из основных направлений деятельности черносотенных организаций, следует признать, что велась она преимущественно мирными средствами, на поле политической агитации и пропаганды. Значительное место в этой сфере деятельности правых занимали крестные ходы и молебны, практически полностью заменявшие в арсенале монархистов политические демонстрации. Учитывая религиозность населения, подобная деятельность правых, поддержанная церковью, способствовала рекрутированию новых членов в ряды движения. Депутации к монарху, челобитные на высочайшее имя, а также обращения в адрес чиновников различных уровней, являлись способом осуществления политического давления на правительственный аппарат. Отправка верноподданнических телеграмм оказывала определенное влияние на формирование общественного мнения и создавала атмосферу общественной поддержки, служа противовесом многочисленным петициям и резолюциям со стороны оппозиции. Так, в марте 1907 г. СРН инспирировал целый поток телеграмм с требованием роспуска Думы. По мнению Д. Роусона, распустить представительный орган и изменить избирательный закон Николай II решил только после того, как правые организации уверили его в широкой «всенародной» поддержке этого шага [33, р. 229]. В начале 1910 г. товарищ председателя Главного Совета СРН А. А. Римский-Корсаков предписал «всем отделам СРН обратиться к Государю Императору с челобитной о запрещении евреям проживать вне черты осед-

лости... почти единовременное получение со всех концов России массы телеграмм будет ярким доказательством, что, наконец, испытываемый нами гнет жидов делается нестерпимым» [13, ф. 116, оп. 1, д. 595, л. 38–38 об.].

Для пропаганды своих идей и воспитания населения в монархическом духе правые устраивали чтения, носящие в основном исторический или религиозно-нравственный характер, например «Подвиги св. Ольги», «Жизнь русских славян» [9, л. 200]. Черносотенная газета «Благовест» сообщала, что «чтения устраиваются во всех почти отделах и привлекают большое число посетителей» [34]. Лидеры правых совершали пропагандистские поездки по стране. Так, В. М. Пуришкевич весной 1912 г. совершил длительное турне, во время которого читал лекции «Проснувшийся Китай как угроза русскому переселенческому движению» и «Работа партии народной свободы (кадетов) в Государственной Думе над разрушением русской государственности» [13, ф. 117, оп. 1, д. 202, л. 3–3 об.].

Под эгидой черносотенных партий была также развернута широкая благотворительная деятельность. Например, 2 марта 1907 г. Ярославский отдел СРН устроил в Манеже в пользу голодающих литературное утро [11, 9 марта]. Житомирским отделом Союза «основано Русское благотворительное общество, цель которого оказывать поддержку беднейшему русскому населению» [6, ф. 442, оп. 862, д. 90, л. 11]. Ялтинский отдел СРН 27 декабря 1912 г. устроил елку для беднейших детей Ялты, на которую пришли около 600 человек [35, 1912, 8 янв.]. Член Главной Палаты СМА В. В. Казаринов выделил в своем поместье в Петроковской губернии усадьбу с угодьями и домом в 21 комнату для детей нижних чинов стражи и полиции, убитых революционерами при исполнении служебных обязанностей [13, ф. 117, оп. 1, д. 118, л. 5].

Повышенное внимание, уделяемое правыми непечатным формам политической пропаганды, объяснялось их стремлением опереться на низшие социальные слои – крестьянство, мещанство, неквалифицированных рабочих и ремесленников, уровень грамотности которых был весьма низким. Кроме того, черносотенцы всегда подчеркивали, что они являются сторонниками «малых дел», поэтому отдавали предпочтение именно делам – благотворительным акциям, ходатайствам о решении конкретных проблем и другим, считая их более эффективными, чем громкие лозунги.

Тем не менее черносотенцы развернули и достаточно широкую издательскую деятельность. К началу 1906 г., по данным «Русского знамени» и «Московских ведомостей», в России издавалось 89 газет и журналов правого и крайне правого направления [36, с. 112], а к октябрю 1908 г., по сведениям Главной Палаты Союза Михаила Архангела, их число уже превысило 120 [13, ф. 117, оп. 1, д. 81, л. 1 об.]. Большое внимание монархисты уделяли и непериодическим изданиям. По подсчетам А. В. Шевцова, общий тираж таких изданий СРЛ составил более 2 млн 520 тыс. экземпляров, СМА – около 1,3 млн [37, с. 209–210, 226].

Большинство правых газет являлось убыточными и могли существовать только за счет правительственных субсидий. Так, Н. Е. Маркову 2-му ежемесячно выделялось 12 тыс. руб., из которых 8–9 тыс. он тратил на издание своей газеты «Земщина» [15, т. 6, с. 182]. Однако правая пресса после третьего июньского переворота не уловила изменений позиции власти и не смогла перестроить тон своих публикаций, в которых по-прежнему доминировали радикальные настроения. Результатом этого стало сокращение или даже прекращение правительственного субсидирования правых газет и усиление административного давления на них. Так, «Русское знамя» с конца 1910 г. издавалось исключительно на личные средства Е. А. Полубояриновой, а сумма штрафов, наложенных на газету только за 1907 г., составила 4 тыс. руб. [19, с. 104]. В других независимых правых изданиях ситуация была аналогичной. Например, в 1911 г. редактор «Грозы» Н. В. Дунин-Борковский был оштрафован на 500 руб. В 1912 г. новый редактор П. А. Лебедев дважды подвергнут аресту на три месяца [35, 1911, 5 апр.; 1912, 16 мая].

В целом, несмотря на все усилия, достигнуть поставленной цели – не допустить распространения либеральных и социалистических идей в российском обществе и способствовать укреплению монархических принципов в сознании населения – правая печать не сумела. Главной причиной этого стала нехватка денежных средств, в изобилии имевшихся у газет либерального направления, щедро спонсируемых буржуазией. Поддержка государства, в том числе и финансовая, не смогла полностью решить эту проблему, хотя и способствовала поддержанию на плаву некоторых монархических изданий. После охлаждения отношений между правыми и властью ситуация еще более усугубилась, и тиражи черносотенных газет начали неуклонно сокращаться. Сыграли свою роль и кадровые проблемы правой прессы, испытывавшей острую нехватку квалифицированных журналистов.

Чтобы оградить подрастающее поколение от оппозиционных идей, правые стремились создавать собственные учебные заведения, главной задачей которых было воспитание учащихся в «монархическом духе». Но, несмотря на отдельные успехи в Одессе, Харькове, Казани и других городах и даже учреждение в феврале 1914 г. Всероссийского Филаретовского общества народного образования [13, ф. 117, оп. 1, д. 2, л. 42], создать широкую сеть учебных заведений под эгидой монархических партий черносотенцам так и не удалось. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием средств, так как финансирование учебных заведений производилось за счет добровольных пожертвований, приток которых не отличался стабильностью. Трудно было найти и преподавательские кадры для школ, так как в учительской среде преобладали оппозиционные настроения.

Несмотря на то что многие монархисты активно выступали против существования в России парламента, большинство правых партий приняло самое активное участие в выборах в Государственную Думу. Однако монархические

организации (за исключением СМА и ВНС) изначально не являлись парламентскими. Поэтому оппозиционные партии, в первую очередь либеральные, в предвыборных баталиях чувствовали себя гораздо увереннее, чем монархисты, которые на электоральном поле так и не смогли одержать ни одной громкой победы всероссийского масштаба. Тем не менее доля правых депутатов в Государственной Думе увеличивалась от созыва к созыву, но объясняется это скорее политическими предпочтениями, даваемыми монархистам избирательным законом от 3 июня 1907 г., и использованием административного ресурса, а отнюдь не отточенными электоральными технологиями правых или их идеологическим доминированием над политическими оппонентами.

Черносотенцы – единственное, пожалуй, политическое объединение, развернувшее планомерную экономическую деятельность под политическими лозунгами. Коммерческая деятельность правых партий преследовала сразу несколько целей: сплочение своих сторонников и поддержание их активности в условиях спада революции, создание правым партиям имиджа «радетелей о благе народном» и экономическая борьба против «иностранцев», в первую очередь евреев. Кроме того, различными коммерческими предприятиями монархисты рассчитывали улучшить финансовое положение своих организаций, а также создать условия для оказания более действенной материальной помощи сторонникам «Черной сотни». Наиболее активную экономическую деятельность развил СРН, стремившийся к созданию различных товариществ взаимного кредита, обществ потребителей, ссудо-сберегательных касс и других, справедливо полагая, что кооперация сумеет защитить мелкого производителя и потребителя от произвола крупных предпринимателей. Наибольшую активность союзники проявляли в Юго-Западном крае, в частности в Волынской губернии, где был даже создан банк «Почаево-Волынский народный кредит» [13, ф. 116, оп. 1, д. 108, л. 3]. Губернатор в 1911 г. отмечал, что председатель Почаевского СРН архимандрит Виталий «не покладая рук стремится пропагандировать пользу кооперативных учреждений» [6, ф. 442, оп. 642, д. 497, л. 5]. В августе 1913 г. в Нижнем Новгороде был проведен съезд представителей потребительских обществ СРН и примыкающих к нему монархических организаций. Но, по признанию самих черносотенцев, съезд был немногочисленным и дать какой-либо серьезный толчок кооперативному движению так и не сумел [13, ф. 116, оп. 1, д. 23, л. 10].

В целом экономическая деятельность черносотенцев, несмотря на определенные успехи, не достигла своих основных целей: обеспечить финансирование правых партий и сделать промышленность и торговлю «исключительно русскими». Успешными были лишь те коммерческие предприятия монархистов, которые не преследовали политические цели, т.е. не противоречили экономическим законам. А различные нарушения и злоупотребления со стороны отдельных лидеров правых отнюдь не улучшали имидж монархических партий. Тем не менее деятельность черносотенцев в экономической сфере име-

ла и положительные результаты, среди которых следует выделить развитие кооперации, способствовавшей повышению жизненного уровня населения, и перенесение национализма на почву экономики, создавшее необходимые политические предпосылки для русификации промышленности.

Важное место в деятельности правых уделялось борьбе с забастовочным движением. Для этой цели использовались как агитационные приемы (например, в 1911 г. в Москве черносотенная «Группа рабочих» выпустила воззвание с призывом «не слушать революционеров, пропагандистов и не устраивать забастовок» [38, с. 339]), так и замена бастующих рабочих членами черносотенных партий (штрейкбрехерство), как, например, в Одесском порту, где в случае забастовок члены СРН «заступают места бастующих рабочих и тем делают невозможным прекращение работ» [6, ф. 419, оп. 1, д. 5829, л. 6]. Монархическим организациям в годы Первой русской революции удалось сыграть определенную роль в борьбе с забастовками, в особенности на железных дорогах, но конечные результаты этой деятельности имели в основном негативное значение для имиджа правых партий, а предприниматели, пользуясь отсутствием забастовок, снижали заработную плату рабочим, в том числе и черносотенцам.

При анализе деятельности монархических организаций бросается в глаза разнообразие ее форм и направлений (пропаганда, выборы в Государственную Думу, борьба с забастовочным движением, создание сети учебных заведений, коммерческие предприятия, благотворительность и др.). Но добиться решающих успехов ни на одном из них правым так и не удалось, что объясняется доктринальным характером черносотенных партий, для которых важнейшее значение имели идеологические принципы, порой противоречившие реальным потребностям, возникающим в процессе политической деятельности. Обусловленность тактических действий правых жесткими идеологическими рамками сузила для монархистов поле политического маневра и предопределила их конечную неудачу.

Спад накала политического противостояния в обществе после выборов в IV Думу привел к заметному снижению активности всех политических партий, в том числе и монархических. Их деятельность утрачивает былой размах, многие лидеры правых (А. И. Дубровин, Б. В. Никольский, А. И. Соболевский, А. Г. Щербатов и др.) отходят от политической деятельности. Однако начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем привели к некоторому оживлению деятельности монархистов, направивших свои усилия на оказание помощи армии сбором пожертвований, открытием лазаретов и т.п. Например, председатель СМА В. М. Пуришкевич фактически сложил с себя полномочия руководителя партии и создал собственный санитарный отряд, деятельность которого удостоилась похвалы Николая II. Вернувшийся к общественной деятельности А. И. Дубровин 22 октября 1914 г. выступил с призывом организовать сбор средств на нужды войны «и осуще-

ствить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно тем новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины» [3, т. 2, с. 436]. Его примеру последовал А. И. Соболевский, активно участвовавший в сборе средств для оказания помощи фронту.

В ходе войны меняется внешнеполитическая ориентация русских монархистов. По свидетельству французского посла М. Палеолога, «крайне правая» вплоть до начала войны «проповедовала соглашение с германским императором» с целью «усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием» [39, с. 66]. Однако после начала войны монархисты переходят на англофильские позиции, всячески открещиваясь от своей прежней внешнеполитической линии. Ярким примером является эволюция взглядов В. М. Пурешкевича [40, с. 222]. Правда, некоторые из них впоследствии вновь пересмотрели свои взгляды. Так, в феврале 1915 г. Департамент полиции сообщал, что среди правых возникло течение, выступающее за сепаратный мир с немцами из опасения, что «окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием Германской Республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение» [38, с. 379]. Наиболее известным представителем этих неогерманофилов был А. И. Дубровин. Издаваемое им «Русское знамя», по словам современников, «вело себя очень часто как «Прусское знамя»» [16, т. 27, с. 298]. Его соратник П. Ф. Булацель также критиковал проанглийские настроения в обществе и даже считал, что одним из следствий сближения с Великобританией может стать превращение России в английскую колонию.

Летом 1915 г. рост политической напряженности в стране, вызванный поражениями русской армии и нарастанием оппозиционных настроений, вынудил правых нарушить принцип «священного единения» и вернуться к политической деятельности. Один из лидеров Московских монархистов В. Г. Орлов и редактор правой газеты «Колокол» В. М. Скворцов при финансовой поддержке правительства создали новую монархическую организацию – Отечественный патриотический союз (ОПС), в состав которого вошли «58 провинциальных и столичных отделов прежних монархических организаций», в основном СРН и СМА [3, т. 2, с. 443]. Устав ОПС в отличие от других правых партий допускал прием в Союз «инородцев», в том числе и евреев, что дало повод ортодоксальным черносотенцам обвинить его в измене правому делу. Таким образом, созданный с целью объединения правого лагеря ОПС лишь усугубил его раскол, подвергшись обструкции со стороны практически всех монархических организаций.

Создание в Думе либерального Прогрессивного блока (август 1915 г.) побудило «дубровинцев» – руководителя Одесского СРЛ Н. Н. Родзевича и председателя Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого – выступить с инициативой проведения монархического

съезда, целью которого было бы объединение всех правых сил. Правда, сам А. И. Дубровин считал, что в настоящее время «съезд совершенно бесполезен, особенно при том разногласии и раздорах», которые переживал правый лагерь [3, т. 2, с. 446]. Общий съезд действительно провести не удалось, вместо него осенью 1915 г. было проведено два «совещания»: в Петрограде (21–23 ноября), организованное сторонниками Н. Е. Маркова 2-го, и в Нижнем Новгороде (26–29 ноября), где собрались приверженцы А. И. Дубровина. «Марковцы» сделали шаг навстречу своим оппонентам, избрав их вождем в созданный на Петроградском совещании Совет монархических съездов, а сам Н. Е. Марков 2-й даже появился на съезде «дубровинцев» в Нижнем Новгороде. Правда, импульс к этому примирению исходил извне, от властей, заинтересованных в объединении правых в качестве противовеса либеральному Прогрессивному блоку. По словам товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, «А. Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А. И. Дубровина с Марковым» [15, т. 4, с. 128]. Однако «дубровинцы», менее склонные прислушиваться к мнению властей, на своем совещании в Нижнем Новгороде, несмотря на присутствие Н. Е. Маркова 2-го, встречного шага не сделали, и лидер «обновленцев» в созданный на этом совещании Президиум монархического движения введен не был. Правда, в дальнейшем наметилось сближение позиций враждующих сторон. Н. Е. Марков 2-й и А. И. Дубровин в течение 1916 г. не раз выступали с совместными заявлениями в печати и даже намеревались провести общий монархический съезд в Москве, однако до объединения дело так и не дошло, и Февральскую революцию правый лагерь встретил по-прежнему раздираемый противоречиями.

Таким образом, появление черносотенного движения знаменовало собой новый этап в развитии русского консерватизма, представлявший собой попытку практической реализации «снизу» теоретических положений, разрабатывавшихся в России с конца XVIII в. Необходимым условием его начала стала общемировая тенденция повышения степени влияния населения на политические процессы посредством участия в деятельности политических партий, проявившаяся на рубеже XX в. и в России.

Социальную базу черносотенного движения составляли те общественные слои и группы, для которых модернизация России по западному образцу, а тем более революционное переустройство ее социально-политической системы, означали утрату привычного окружающего мира и традиционных духовных ценностей. Подобные группы имелись практически во всех классах и сословиях российского общества. Поэтому характерной особенностью черносотенного движения стала его всесословность. И хотя объективно черносотенцы защищали в первую очередь интересы господствующих социальных групп, все же на их знаменах не было узкосословных или классовых лозунгов, а постулируемые ими ценности, основанные на христианской этике и национальной культурной традиции, носили универсальный характер. Но отсут-

ствие в российском обществе по вине высших классов даже тени социального партнерства привело к тому, что узкогрупповые интересы возобладали, и ряды черносотенного движения начали покидать представители различных сословий, привлеченные идейными установками партий, имеющих более узкую социальную базу и поэтому более полно выражающих классовые и групповые интересы своих членов. Таким образом, черносотенство в очередной раз продемонстрировало невозможность создания политического движения, артикулирующего властно значимые интересы абсолютно всех общественных классов и социальных групп.

Идеология черносотенства представляла собой попытку обоснования «самобытного» пути развития России, представлявшего собой не выбор между «Востоком» и «Западом», а признание самодостаточности независимого российского цивилизационного пространства. В его основание правые пытались положить традиционные ценности аграрного общества (коллективизм, патернализм, ведущую роль церкви в духовной жизни страны), соединенные с некоторыми элементами индустриального (развитие промышленности, расширение гражданских свобод и др.), и все это скрепить цементом русского национализма. Несмотря на определенную эклектичность, а в некоторых вопросах и откровенную реакционность, черносотенная идеология отвечала чаяниям и духовным потребностям значительной части населения Российской империи, свидетельством чему служит поддержка правых кандидатов на выборах в Государственную Думу избирателями всех курий, чего так и не удалось добиться политическим оппонентам черносотенцев.

Однако монархисты оказались перед объединенным фронтом социалистического, либерального и национально-освободительного движений. Хотя эта коалиция и не отличалась прочностью и долговечностью, все же на определенном этапе все три ее составляющие преследовали единую цель, что и обусловило поражение консервативно-охранительных сил. Кроме того, патриархально-патерналистские («Царь-батюшка», «Мир-община») и христианский («Святая Русь») архетипы, служившие основой мировоззрения черносотенства, не могли устоять под напором атеистической и индивидуалистической модернизации российского общества конца XIX – начала XX в. Разрушение этих фундаментальных для традиционной русской ментальности архетипов своим следствием имело уменьшение популярности монархических идей и ослабление правого лагеря.

Черносотенное движение возникло в годы Первой русской революции как боевая организация традиционалистов, призванная дать отпор оппозиции. Но со временем монархические партии приблизились к типу парламентских. Именно эта эволюция, направляемая действиями правительства, привела к расколу самой многочисленной правой организации – СРН, часть которого так и не смогла примириться с существованием парламента в России. Такое явление характерно для всей «Черной сотни». Правые партии, не сумевшие

приспособиться к новым условиям «думской монархии», первыми оказались на обочине политической жизни Российской империи.

И все же в начале XX в. черносотенцы служили главной (а иногда и единственной) опорой самодержавия и явились тем субъективным фактором, который позволил царизму выдержать натиск Первой русской революции. В борьбе за сохранение существующей политической системы у черносотенцев было два могучих союзника: самодержавное государство и православная церковь. Эти три силы составили своего рода триумvirат, каждый член которого мог сохранять status-quo лишь при поддержке двух других. Именно поддержка церкви и государства позволила черносотенному движению приобрести такой размах и массовость. В то же время конфликт внутри этого триумvirата, выразившийся в резком охлаждении отношений правых партий и правительства после 1907 г., ослабил всю коалицию и предопределил ее гибель в пламени будущей революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московские ведомости. – 1906.
2. Деятельность обществ // Мирный труд. – 1903. – № 5.
3. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. – М., 1998.
4. *Левицкий В.* Правые партии / В. Левицкий // Общественное движение в России в начале XX в. – СПб., 1914. – Т. 3, вып. 5.
5. Союз русского народа : материалы чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М. ; Л., 1929.
6. Центральный государственный архив Украины.
7. Вече. – 1909. – 19 мая.
8. *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе / А. Н. Шварц. – М., 1994.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 187. – Д. 157.
10. Третий всероссийский съезд : протоколы. – Киев, 1906.
11. Тверское Поволжье. – 1907.
12. *Степанов С. А.* Черная сотня / С. А. Степанов. – М., 2005.
13. Государственный архив Российской Федерации.
14. *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л. М. Спирин. – М., 1977.
15. Падение царского режима. – Л., 1926. – Т. 6.
16. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Изд. 5-е.
17. *Энгельгарт Н.* Черная маска / Н. Энгельгарт // Мирный труд. – 1906. – № 2.
18. *Степанов С. А.* Численность и состав черносотенных союзов и организаций / С. А. Степанов // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. – М., 1987.
19. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914) / С. А. Степанов. – М., 1992.
20. Вестник Союза русского народа. – 1911. – 2 июля.
21. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М., 1992.

22. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М., 1998.
23. Шарапов С. Опыт русской политической программы / С. Шарапов. – М., 1905.
24. Кремль. – 1905. – 24 февр. – № 21 и 22.
25. Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности / А. В. Репников. – М., 1999.
26. Таубе М. Образование великодержавных единиц / М. Таубе // Мирный труд. – 1906. – № 3.
27. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 : пер. с англ. / А. Гейфман. – М., 1997.
28. Хонигсман Я. С. Евреи Украины. Краткий очерк истории / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – Киев, 1993. – Ч. 1.
29. Кожин В. В. Загадочные страницы истории XX в. / В. В. Кожин. – М., 1995.
30. Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. – 1997. – № 6.
31. Липранди А. П. Равноправие и еврейский вопрос / А. П. Липранди // Мирный труд. – 1910. – № 10.
32. В. В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ / предисл. А. В. Репников, В. С. Христофоров // Новая и новейшая история. – 2003. – № 4.
33. Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge, 1995.
34. Благовест. – 1909. – 21 окт.
35. Гроза.
36. Непролетарские партии России : урок истории. – М., 1984.
37. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. / А. В. Шевцов. – СПб., 1997.
38. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – М., 2001.
39. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны : пер. с фр. / М. Палеолог. – 2-е изд. – М., 1991.
40. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич : опыт биографии правого политика / А. А. Иванов. – СПб., 1911.

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Омельянчук И. В., доктор исторических наук,
профессор

E-mail: omeliyanchuk@mail.ru

*Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletov*

Omeliyanchuk I. V., Doctor of Historical
Sciences, Professor

E-mail: omeliyanchuk@mail.ru

РУССКИЕ ПРАВЫЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. А. Иванов

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)*

А. В. Репников

*Российский государственный архив социально-политической истории,
Российский университет театрального искусства*

Поступила в редакцию 21 мая 2015 г.

Аннотация: *рассматривается отношение русских правых к Первой мировой войне и вызванным ею кризисным процессам в российском обществе, государственной политике России, союзникам по Антанте, Германии и немцам.*

Ключевые слова: *русские правые, Первая мировая война, русский консерватизм, русский национализм.*

Abstract: *the article deals with the Russian right's attitude to the World War I and crisis processes in Russian society caused by it; State policy of Russia, allies of the Entente, Germany and the Germans.*

Key words: *russian right-wing, the First world war, russian conservatism, russian nationalism.*

Накануне Первой мировой войны правый лагерь находился в состоянии кризиса. Крупнейшая монархическая организация Российской империи – Союз русского народа (СРН), – представлявшая в 1905–1907 гг. внушительную политическую силу и бывшая самой многочисленной из всех политических партий, уже с конца 1907 – начала 1908 г. стала терять свои позиции и вскоре распалась на три самостоятельные организации – Русский народный союз им. Михаила Архангела (РНСМА) под руководством В. М. Пуришкевича, СРН под руководством Н. Е. Маркова и Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН) под председательством А. И. Дубровина. Русское собрание (РС), бывшее интеллектуальным центром правомонархического лагеря, превратилось к 1912 г. в клуб сторонников СРН и РНСМА, утратившую политическую активность [1, с. 9]. Переживали упадок московские правые организации – Русский монархический союз (РМС) под руководством С. А. Кельцева, Союз русских людей (СРЛ) под председательством А. И. Соболевского и др. Такое положение было вызвано как борьбой за лидерство внутри монархических организаций, так и действиями власти, сократившей поддержку правых, в которых после подавления революции 1905–1907 гг. она уже не нуждалась,

предпочитая иметь дело с представителями более умеренных политических сил. Не лучше обстояло дело в умеренном сегменте правого лагеря – у русских националистов, представленных Всероссийским национальным союзом (ВНС), столичным и региональными национальными клубами, а также родственными им по духу организациями и внепартийными публицистами. Возникнув в 1908 г. и окончательно оформившись во Всероссийскую политическую партию к 1910 г., ВНС не смог стать массовой партийной структурой. Накануне войны в ВНС стали проявляться две линии: одна – на сближение с крайне правыми (П. Н. Балашев, Ф. Н. Безак и др.), вторая – на сближение с октябристами (В. В. Шульгин, А. И. Савенко, В. А. Бобринский и др.).

Процессы, происходившие накануне Первой мировой войны в лагере правых и националистов, в полной мере сказались на их объединениях в представительных учреждениях Российской империи [2]. В результате расколов фракция правых в IV Государственной Думе (председатель А. Н. Хвостов, с 1913 г. – С. В. Левашев) не представляла всего монархического лагеря, а выражала позицию его умеренной части, признававшей полезной законодательную работу в представительном учреждении (преимущественно членов и сторонников СРН и РНСМА). Думская фракция правых, насчитывавшая накануне войны 64 человека, оказалась в изоляции. Даже союзники правых – националисты (88 человек под председательством П. Н. Балашева) вскоре большинством голосов постановили, что работа в Думе должна вестись совместно с октябристами [3, № 8, с. 25; № 10, с. 11].

В Государственном совете накануне войны консервативные силы были представлены двумя объединениями – правой группой (лидер П. Н. Дурново) и группой правого центра (лидер А. Б. Нейдгарт). Первая из них стояла на самодержавно-монархических позициях и была близка фракции правых Государственной Думы, а вторая – думской фракции националистов и умеренно-правых и, несмотря на наличие в ней отдельных правых монархистов, в целом была группой консервативно-либеральной. Если небольшую группу нейдгартовцев (19 чел.) отличали единство и сплоченность, то правая группа Государственного совета (68 чел.) не была идеологически монолитной, являя собой довольно аморфное объединение: в ее рядах находились представители как либеральных консерваторов, так и крайне правых [4, с. 124].

В своих внешнеполитических предпочтениях большинство консерваторов расходилось накануне войны с официальным курсом, который, по их мнению, вовлекал Россию в невыгодный для нее союз с Англией и Францией, толкая к конфликту с политически и династически близкой Германией, бывшей еще и экономическим партнером. В 1908 г. Ю. С. Карцов в работе «В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)» утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом... исторический враг России – Англия» [5, с. 15–16].

Выступая 13 января 1912 г. в Главной палате РНСМА с докладом «Россия, Англия и Германия», Карцов предупреждал, что «Англия, видя для себя опасность ввиду все усиливающегося торгового и морского могущества Германии, ищет сближения с Россией, чтобы тем самым ослабить свою соперницу. Но государственные интересы России... требуют союза не с Англией, а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, но даже и всю континентальную Европу и, более того, чрезмерно усилила бы господство Англии» [6, с. 96]. Предостерегая от союза с Англией, Карцов призывал избегать и чрезмерной ориентации на Германию, усиливающей натиск на Восток (под натиском автор понимал не только непосредственное давление на Россию и славянские народы, но и проникновение немецкого влияния в Малую Азию и на Ближний Восток).

Англофобия русских консерваторов, о которой много говорили их политические оппоненты, была связана не только с тем, что в Англии они видели геополитического соперника, но и с неприятием политического строя Великобритании и даже с деятельностью английского масонства, в которой русские монархисты видели угрозу «престолу и алтарю». Одним из тех, кто подробно рассматривал в своих работах соперничество России и Англии, был А. Е. Вандам (Едрихин), писавший в работе «Наше положение»: «Пора бы задыхающимся в своем концентрационном лагере белым народам понять, что единственным разумным выходом *balance of power in Europe*¹ была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии» [5, с. 36]. В качестве союзников России по коалиции Вандам видел Германию и Францию.

В работе «Государственная оборона России» первый председатель СРЛ князь А. Г. Щербатов прогнозировал, что «при первой возможности Германия будет вынуждена в силу обстоятельств утвердить свои мирные торговые завоевания вооруженной силой, и что ее нападению подвергнется страна, наименее подготовленная к самообороне» [8, с. 171–172]. России же, считал он, предстоит готовиться к войне не с одной державой, а с союзом держав. Вместе с тем добавлял: России в предстоящей мировой борьбе следует освоиться с мыслью, что у нее нет и быть не может надежных союзников.

Неизбежность «большой войны» прогнозировал в 1913 г. К. Н. Пасхалов, отмечавший, что «для России создалось теперь такое положение, что столкновение ее с Австрией является неизбежным. Хочет или не хочет она войны, а таковая будет, если только Россия не откажется добровольно от своего мирового значения и сама не станет членом славянской федерации под скипетром Габсбургов, чего, конечно, предположить нельзя... Удается ли русскому колоссу устоять на ногах или же он рухнет и, рассыпавшись на составные части, послужит образованию новых государственных организмов, это зависит всецело от мудрости и искусства его государственных людей» [8, с. 21]. За два

¹ Баланс сил в Европе (англ.).

месяца до начала Первой мировой войны Пасхалов уже практически не сомневался в неизбежности конфликта. «Не знаем, – писал он в мае 1914 г., – какое впечатление произвело на наших профессионалов иностранной политики прошлогоднее решение германского правительства на громадное увеличение своих боевых сил и как они его себе объяснили, но для нас, простых смертных, было совершенно ясно, что эта грозная сила собирается исключительно против нашего отечества». Отмечая, что Берлин достиг пика военного могущества, а «вся Германия превращается в один сплошной военный стан», Пасхалов справедливо заключал: «Продолжаться долго такое напряжение не может, оно было бы слишком разорительно, и Германия рисковала бы быть раздавленной собственной военной тяжестью, если замедлит навалить ее на тех, для кого приготавлилась, именно – на нас» [9].

Столкновение с Германией беспокоило Л. А. Тихомирова, записавшего в дневнике 16 июля 1914 г.: «Я не верил в европейскую войну, п[аче] ч[аяния] слишком верил в малодушие нашей политики. Но нынешние известия очень грозны. Если правда, то от России требуют заявление нейтралитета, что также оскорбительная провокация, которой, пожалуй, не выдержат и наши брошированные лбы» [10, ф. 634, оп. 1, д. 22, л. 70]. Причем Тихомиров полагал, что Россия не готова к войне с Германией, спасти ее могут лишь просчеты со стороны противника.

Близкий РНСМА писатель И. А. Родионов считал войну «судьбоносной ошибкой Императорского Правительства, т.к. не Германия, а Англия являлась действительным историческим врагом России. С Германией же, соединяя ее технику со своим сырьем, Россия могла бы составить непобедимый союз, которому никто в мире не был бы опасен. Он говаривал, что немец – хороший товарищ и, в противоположность австрийцу, надежный союзник. Только ему надо сперва рога обломать, чтобы тевтонская спесь всего не испортила» [11, с. XLVII; 12, с. 141–152; 13, с. 264–265].

Таким образом, предпочитая союз войне с Германией, большинство русских консерваторов не питали иллюзий на счет планов последней, признавая, что немцы готовят свою армию «не только для смотров и парадов» (А. С. Вязигин) [6, т. 1, с. 34]. В связи с этим у правых вызывало опасение то обстоятельство, что русская армия к войне не готова, «не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение» [6, т. 1, с. 34]. Незадолго до войны председатель Главной палаты РНСМА В. М. Пуришкевич заявлял в Думе: «Нам необходимо поставить армию на должную высоту, чтобы военному министру не задержали отпуск кредитов на военные надобности <...> необходимо увеличить количество пулеметных команд при наших частях, ибо у нас их гораздо меньше, чем в Германии» [14, с. 156].

Желая избежать военного конфликта с Германией, правые выступали противниками активной политики России на Балканах и призывали МИД не ввязываться «в те дела, которые <...> могут привести к европейскому пожа-

ру и заставить нас втянуться в авантюру, о которую разлетится, может быть, наша слава, наше могущество вконец» (В. М. Пуришкевич) [15, с. 335]. Лидер СРН Н. Е. Марков впоследствии так комментировал предвоенную позицию монархистов: «Бросаться в войну, не подготовившись к победе, лишь для того, чтобы не сомневались в благородстве наших чувств, было простительно Дон-Кихоту, но ведь Дон-Кихоты потому и вывелись, что слишком часто пытались защитить угнетенных, не справляясь со своими действительными возможностями победить подчас воображаемых угнетателей» [16, с. 171].

Наиболее трезвое и точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. В феврале 1914 г. он представил на имя императора «Записку», содержание которой уже отражено в заголовках ее разделов: 1. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав; 2. Трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате сближения с Англией; 3. Основные группировки в грядущей войне; 4. Главная тяжесть войны выпадет на долю России; 5. Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются; 6. В области экономических интересов русские пользы и нужды не противостоят германским; 7. Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы; 8. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон как сводящаяся к ослаблению монархического начала; 9. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть; 10. Германии, в случае поражения, предстоит пережить не меньшие социальные потрясения, чем России; 11. Мирному сожительству культурных наций более всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство над морями.

Четко обозначив расстановку сил, Дурново предупреждал, что военный конфликт, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии, перерастет в мировой в случае вовлечения в него России на стороне Британии, а это приведет к тому, что русской армии придется выступить в роли оттягивающего пластыря: «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем, сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания» [17, с. 62–63]. Предвидя ряд вызванных войной осложнений, Дурново констатировал: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которой, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно» [17, с. 63]. Правый политик указывал, что союз

между Англией и Россией не открывает перед последней никаких выгод, но сулит внешнеполитические проблемы. Анализируя притязания Российской империи и возможности их достижения, Дурново приходил к заключению, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств» [17, с. 64]. Поэтому, считал он, ни труднодостижимая победа над Германией, ни тем более поражение от нее не сулили России никаких благ – ни во внутрениполитической ситуации (ослабление монархического начала, рост либеральных и революционных настроений), ни в экономике (развал народного хозяйства и большие долги по займам), ни во внешней политике (естественное желание союзников по Антанте ослабить Россию, когда в ней уже не будет нужды).

Вывод из «Записки» следовал такой: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последней Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией» [17, с. 75].

Вместе с тем Дурново указывал и на слабость российского либерализма, который в случае кризиса, вызванного грядущей войной, не сможет сдержать революционного выступления масс. Если самодержавной власти хватит воли твердо пресечь оппозиционные выступления, то, при отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, «этим дело и кончится». Но если правительственная власть пойдет на уступки и попытается войти в соглашение с оппозицией (что в итоге и произошло), то она лишь ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. «Хотя и звучит парадоксом, – писал Дурново, – но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия» [17, с. 71].

Дурново предрекал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а засим и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппо-

зиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [17, с. 72].

Стремление избежать войны во что бы то ни стало определяло внешнеполитическую позицию не только Дурново, но и большинства правых. Это нашло свое выражение еще весной 1909 г., когда правая группа Государственного совета выразила недовольство дипломатией А. П. Извольского, которая вмешивала Россию в австро-сербские дела. Либерально-оппозиционные круги тогда были вынуждены с недоумением признать «полное отсутствие у правых славянофильских тенденций» [18, с. 65–66; 19, с. 197–217]. Как замечает А. В. Шевцов, «не претендуя, в отличие от либералов и славянофилов, на создание славянской федерации и завоевание новых земель, крайне правые хотели навести порядок в собственном доме» [20, с. 27]. И это вполне объяснимо, так как свойственный либералам и националистам панславизм толкал Россию к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями, ибо других способов собрать славян, распределенных на пространствах, принадлежащих или контролируемых этими государствами, не существовало.

Печатный орган СРН в январе 1912 г. писал: «Войны никто не желает, и все ее боятся. Бойтся ее и Германия, которую разъедает социализм. И сорок лет она не воевала, несмотря на упорные вызовы Англии. Почему же мы должны защищаться от врага, который нам не угрожал, даже во время Японской войны <...> и должны лезть в пасть гидре революции [т.е. Франции]» [21, с. 343]. Оппонируя с думской кафедры лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову, придерживавшемуся англофильских позиций, Н. Е. Марков, заявив, что для англичан «выгодно, чтобы Россия с Германией воевали, ибо они разобьют себе, во всяком случае, лбы, а Англия будет только усиливаться», резюмировал: «...лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией; это будет проще, и здесь, мне кажется, мы гораздо легче можем договориться. С Германией мы не воевали <...> со времени Елизаветы Петровны <...> У нас нет причин для войны; нужна война между Францией и Германией, нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией война не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно. Но нас вовлекают, потому что у нас как-никак 2 000 000 штыков и небольшая броненосная эскадра...» [22, стб. 430–431]. Ю. С. Карцов вспоминал, что незадолго до войны, на одном из вечеров, устроенных министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, Марков «попробовал было заикнуться о союзе с Германией», но глава МИДа «прервал его категорическим заявлением: “Союз с Германией в предположения русского правительства не входит”» [23, л. 284]. Пасхалов отмечал враждебность европейских (в том числе и славянских) стран к России, которая «занимает совершенно отличное положение и под их мерку не укладывается», считая, что России не нужны союзы «ни с Германией, ни с Англией, Францией, ни даже... с Черногорией, которая теперь, кажется, тоже не оправдывает особого доверия» [24, с. 239, 241].

Впрочем, были среди консервативной элиты и убежденные германофилы. Но и они обосновывали свою позицию не столько симпатиями к Германии, сколько русскими и общеевропейскими интересами. Характерно в этом отношении высказывание члена РНСМА Ф. В. Винберга, сделанное им вскоре после окончания мировой войны: «В Германии желала войны преисполненная надменности и самомнения военная партия <...> Люди этого склада мыслей восторженно и многозначительно распевали свою традиционную песню “Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt”². Они забывали, к сожалению, или, вернее, не понимали, что эта прекрасная, вдохновенная песня только тогда может быть спета с полным успехом и в полной гармонии, когда для ее исполнения соединятся два хора, два объединенных и дружных народа, германский и русский; и тогда они ее будут петь с некоторым изменением или, вернее, с прибавлением нескольких слов. Будет тогда звучать эта песня следующим образом: “Rußland, Deutschland über alles, über alles in der Welt”³. И тогда, под вдохновляющие аккорды этой песни, оба народа найдут свое настоящее призвание и обретут всечеловеческое, великодушное и благостное стремление к “миру всего мира”, о котором неустанно, но до сих пор несбыточно молится христианская церковь» [25, с. 49].

Проблема заключалась в том, что в отличие от русских правых необходимость мирного сосуществования России и Германии была к 1914 г. совершенно не очевидной для влиятельных немецких кругов, стремившихся к развязыванию военного конфликта. На это обращал внимание член РНСМА Г. А. Шечков, предупреждавший, что прогерманская ориентация правых лидеров обернется пустой тратой времени и усилий, поскольку Германия определенно готовится к войне с Россией.

Таким образом, взгляды правых накануне войны существенно разошлись с внешнеполитическим курсом правительства. Чувствуя возможность скорой войны с Германией, правые советовали не ссориться с ней, а искать пути мирного разрешения растущих противоречий: во-первых, из-за недостаточной подготовленности России к войне, относительной слабости ее вооруженных сил и оборонительных укреплений; во-вторых, предвидя трагические последствия, к которым привела война во всех сферах русской жизни; в-третьих, видя в Германии наиболее близкое по духу царской России европейское монархическое государство. Но хотя правые всеми силами стремились предотвратить войну с Германией и убедить правительство сменить внешнеполитическую ориентацию, возможность войны ими не отрицалась [26, с. 15–18; 27, с. 128–137]. В связи с этим представители консервативного лагеря требовали от власти увеличения военного бюджета, военных средств до такой степени, «чтобы миролюбие наше не было истолковано как наша слабость» (Н. Е. Мар-

² «Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете» (нем.) — первая строка из «Песни немцев» (1841).

³ «Россия и Германия превыше всего, превыше всего на свете» (нем.).

ков) [28, стб. 300]. Они желали, чтобы Кабинет министров в целом и военный министр в частности не считались при обсуждении вопроса о необходимости увеличения боевых сил с тем, как посмотрят на это в той же Германии. «С этой точки зрения просто преступно считаться с воззрениями Запада, как бы они не косились на каждый шаг по увеличению наших военных сил, как бы не видели себе вызова <...> Мы хотим мира, но хотим мира не во что бы то ни стало», – подчеркивал В. М. Пуришкевич [28, стб. 309]. Правые также сознавали, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала несколько лет для ее полного воплощения и всеми силами стремились если не предотвратить, то хотя бы оттянуть войну до того момента, когда русская армия получит явные преимущества перед армией потенциального противника. «Мы говорили, – объяснял уже в годы войны Марков, – попробуйте не ссориться, но в то же время говорили: вооружайтесь до зубов» [29].

Объявление Германией войны России нанесло серьезный удар по предвоенным взглядам русских консерваторов, заставив их менять риторику. Заняв с первых же дней войны патриотическую позицию, они провозгласили лозунг войны до победного конца. Как бы оправдываясь за свою предвоенную «прогерманскую» внешнеполитическую ориентацию, они широко использовали хорошо отработанный ими ранее пропагандистский прием по формированию образа врага русского народа, которым, в силу исторического момента, оказывались немцы, наделяемые теперь исключительно такими чертами, как надменность, жестокость, вероломство, варварство, алчность и др. Поэтому, подчеркивали правые, война не может быть завершена до полной и решительной победы славянства над германизмом. Однако в правом лагере не было единства насчет того, что считать *полной победой* и преждевременным миром. Для одних было очевидно, что война должна продолжаться до полного торжества антигерманской коалиции, другие отмечали, что достаточным является ведение войны «до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы – признают себя сломленными и согласятся на выгодный и почетный для России мир» [30, с. 13–14].

Но несмотря на явно выраженную патриотическую позицию правых и антигерманский пафос их выступлений в годы войны, либеральный лагерь создал миф о «германофильстве» монархистов, используя в качестве «доказательства» довоенную «прогерманскую» ориентацию большинства консервативных лидеров и обвинил их в стремлении к сепаратному миру. Очевидно, что цель этих обвинений была сугубо политической – использовался любой повод, который мог послужить дискредитации политического противника.

Хотя накануне 1914 г. правые выступали критиками внешнеполитического курса правительства, с первых же дней войны они выказали полное доверие власти. Консервативный лагерь поддержал призыв к «священному единению», предполагавший прекращение партийной борьбы в стране до окончательной победы над внешним врагом. Условием внутреннего мира

правые выдвигали отказ либеральных и левых сил от каких-либо реформаторских проектов, непосредственно не связанных с военными нуждами страны, поскольку если Государственная Дума начнет во время войны рассматривать вопросы о реформах, то непременно рухнет то шаткое единение, которое было выражено всеми (кроме крайне левых) политическими силами страны в 1914 г. Другим условием политического перемирия с либералами выдвигалось требование полного отказа на время войны от критики действий правительства и армейского командования.

Практически сразу же консервативным лагерем была сформулирована внешнеполитическая программа требований к войне. Ее лейтмотивом было полное уничтожение германского империализма и милитаризма. Отмечалось, что Россия обязана воспользоваться моментом для достижения своих исторических задач как внешне-, так и внутривнутриполитических. На суд общества была представлена «уточненная» и дополненная версия правительственной декларации, требовавшая превращения Германской империи в прежний союз немецких государств с низведением Пруссии «на ее прежнее скромное место», с восстановлением независимости всех германских областей и государств, «проглоченных» ею ранее; присоединения к России Галиции, Буковины и Закарпатской Украины, находившейся под властью Австро-Венгрии; освобождения славянских народов от «тевтонского ига» с последующим вовлечением их в орбиту влияния Российской империи; получения Россией проливов, составляющих выход к Черному морю с соответствующими участками суши на европейском и азиатском берегах (Константинополя, Адрианополя и соответствующих областей с Галлиполи, а также область, прилегающей к Мраморному морю в Малой Азии); присоединения Армении с Трапезундом и северной половиной Персии к России; совместного с союзниками владения и управления Святой землей (Палестиной). Правые настоятельно рекомендовали правительству следовать примеру союзников, прежде всего Англии, «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца, тем не менее, мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными» [31, с. 512]. Как отмечалось в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам» [32, с. 23]. В связи с этим член правой группы Государственного совета А. А. Римский-Корсаков указывал правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий» [33, с. 243]. Опасаясь, что российская дипломатия может «дать слабину» на мирном конгрессе, когда речь пойдет о компенсациях для России, и уступить давлению стран-союзниц, Пуришкевич в 1916 г. учредил «Общество русской государственной карты», имевшее целью выработку основных положений, на которых Россия могла бы заключить мир с Германией, «осуществляющий

ее исторические, национальные, государственные и славянские задачи» [10, ф. 117, оп 1, д. 698, л. 7]. Общество, для участия в котором были приглашены эксперты из разных областей, должно было «нарисовать русскому народу будущую карту России и обосновать исторически, географически и этнографически ее возможные границы, дабы в момент заключения нами мира русский народ понимал бы, чего он имеет право требовать» [34, с. 51–52].

Разразившаяся вопреки желанию правых война толкнула их к сближению во взглядах с представителями либерального лагеря, в том числе и с конституционными демократами (за исключением отношения к Англии), тоже «бредивших Константинопольским призом». Но во внутривосточных установках между ними лежала пропасть. Либералы рассматривали войну как «освободительную», которая должна привести к свободе как внешней, так и внутренней [35]. Консервативный лагерь мечтал отвлечь народ от революционной борьбы посредством вызванного войной патриотического подъема и стабилизировать внутреннее положение в стране ее победоносным окончанием. Доведение войны до половины, без достижения окончательной победы над врагом, или преждевременное заключение мира были для большинства правых невозможны.

Несмотря на обвинения правых в «германофильстве» [36, с. 202–212; 37, с. 90–104], звучавшие со стороны их политических оппонентов, большинство представителей консервативного лагеря не рассматривали возможности сепаратного мира, а те немногие, кто по мере затягивания войны и усугубления кризиса в стране стал склоняться в пользу такого варианта, руководствовались отнюдь не интересами Германии, а национальными интересами России в том виде, как они ими понимались. Чувство долга перед Отечеством и монархией вынуждало правых действовать согласно воле самодержца. Большинство членов монархических партий и союзов приняли нежелательную для них войну с пониманием необходимости выполнить долг перед царем и Родиной до конца. Можно с уверенностью констатировать, что победа России над Германией была для русских консерваторов куда желательнее заключения позорного мира. Вне зависимости от того, на чьей стороне пришлось бы вступить в мировую войну, конечная цель у русских правых была бы одна – победа России.

Относительно внутренней политики консервативный лагерь сформулировал ряд требований, вызванных к жизни войной. Ключевым из них было утверждение, что все вопросы, не имеющие прямого касательства к войне, должны быть отложены ради внутреннего мира до победы. А. А. Бобринский так сформулировал это: «В переживаемую нами тревожную годину России нужны не слова, а дело. “Все для войны, все для успеха”, – вот тот лозунг, который мы готовы неизменно повторять при каждом случае, доколе не закончится международная борьба» [38, стб. 51]. Поэтому программа правых в годы войны практически не касалась вопросов социального и политического устройства общества. Основными положениями являлись: борьба с «немец-

ким засильем», дороговизной и политическими требованиями либерального лагеря. В рамках этой программы правые предлагали принять меры, общий смысл которых состоял в том, чтобы «перекрыть» программу Прогрессивного блока, созданного либеральной оппозицией в августе 1915 г.; подрвать влияние либеральной буржуазии и левых партий, ослабить рост недовольства среди населения. Целью программы было сохранение «вековых устоев» русского общества, исторически сложившейся российской государственности с неограниченной самодержавной властью, и победоносное завершение войны, призванное укрепить существующий строй и содействовать разрешению накопившихся социально-экономических и политических противоречий. Остальным вопросам уделялось гораздо меньшее внимание.

Среди программных установок русских правых, ставших непосредственным откликом на войну, было требование борьбы с «немецким засильем», которое виделось, главным образом, в трех областях русской жизни: в области землевладения, торгово-промышленной и банковской. Такая политика, как казалось правым, позволяла одновременно достигнуть нескольких целей: отбиться от обвинений в «германофильстве», продолжавших звучать из либерального лагеря; смягчить остроту аграрного вопроса за счет земель немецких колонистов; поддержать отечественных промышленников и предпринимателей путем административного удаления немцев-конкурентов; поднять патриотические чувства в русском народе [39, с. 7–8]. «Народ тяготеет к земле, а не к ограничению власти Государя, – писал в письме к Маркову А. С. Вязигин. – Удовлетворение этой тяги Царем должно быть первым и очередным делом, ибо искалеченные, потерявшие трудоспособность люди должны быть обеспечены не 2 руб. 50 коп. годовой пенсии, а по старинке – раздачей неотчужденной земли, отобранной у немецких колонистов, вознаграждение коих по мирному договору должно быть возложено на немцев. Иначе вся ненависть будет направлена на помещиков» [1, с. 126].

Требования правых в вопросе борьбы с «немецким засильем» были сведены к следующему: совершенное упразднение немецких колоний на всей территории Российской империи с отчуждением земель от подданных враждебных России стран, лиц, имеющих двойное подданство (русское и одного из враждебных государств) и всех немцев-колонистов с русским подданством, уклоняющихся от выполнения воинского долга; создание из отчужденного имущества земельного фонда для наделения на льготных условиях отличившихся на войне солдат и офицеров; отчуждение всех видов недвижимости, принадлежащих германским и австро-венгерским подданным (предприятий, фабрик, магазинов, банков, частных пансионатов), в пользу государства; недопущение иностранных подданных к управлению предприятиями, работающими на государственную оборону; передача всех страховых обществ, принадлежащих немцам, в монопольное владение государству; ликвидация немецких образовательных учреждений [40, стб. 1269].

Правыми предлагалась борьба с протестантизмом (лютеранством и баптизмом) и различными протестантскими сектами (прежде всего, с сектантами-меннонитами, уклоняющимися от воинской повинности) как носителями германской идеологии. «У всех этих хищных германцев, – резюмировал позицию правых Н. Е. Марков, – надо вырвать зубы, надо отнять у них возможность пожирать русское достояние. И не следует заботиться вопросом: справедливо это или не справедливо; по германцам надо ударить одним мощным взмахом русского законодательства» [41, с. 528]. Требования правых так и не переросли в осуществленные проекты, но даже если их программа в данном вопросе и была бы реализована в полном объеме, она не смогла бы удовлетворить потребности всего крестьянства.

Хотя правые рассуждали о необходимости мер против германских и австрийских *подданных*, в народе их лозунги борьбы с «немецким засильем» нередко воспринимались как призыв к борьбе с *русскими немцами*. Втянувшись в антигерманскую кампанию и желая получить с нее определенные дивиденды, правые упустили из виду важный момент. «Откуда, – писал Ю. С. Карцов, – взялась она, повальная ненависть к немцам, сверху и донизу охватившая русское общество? В основе ее лежало стремление революционное и антидинастическое. Царь наш не русский, не Романов, а немец Гольштейн-Готторп, царица гессенская принцесса, или, как ее в интеллигентских кругах называли, на русские хлеба севшая гессенская муха. Но государь и государыня не допускали, [что] движение направлено против них» [23, л. 203]. Не допускало этого, за редким исключением, и большинство правых, хотя своей риторикой они невольно способствовали росту антидинастических настроений.

Экономическая программа правых в годы войны была весьма скромной. Ее основополагающим постулатом стал лозунг борьбы с дороговизной, вызванной тяготами войны. Подразумевалось не столько повышение цен, необходимое государству для продолжения военных действий, сколько злоупотребления, спекуляция, сокрытие товара и пр. Основными виновниками спекуляций и повышения цен на предметы первой необходимости правыми выставлялись евреи. Вина возлагалась и на прежних министров финансов С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова, разрушивших, по мнению монархистов, финансовую систему страны накануне военных потрясений. Для борьбы с растущей дороговизной правые предлагали ряд мер, призванных обуздать банковские спекуляции и захват ими промышленных предприятий, настаивали на усилении государственного участия в финансовой и экономической сферах страны, требовали установления предельной нормы торгово-промышленной прибыли до окончания войны и призывали к введению уголовной ответственности по законам военного времени для лиц, виновных в злонамеренном сокрытии товаров первой необходимости [6, с. 492–493]. В рамках борьбы с дороговизной признавалось необходимым установление казенной монополии на торговлю всеми предметами первой необходимости, в особенности хле-

бом. Продовольственный вопрос признавался первоочередным, поскольку, как констатировали правые, «программа сытого обывательского желудка – это залог спокойствия <...>, залог победы» [40, стб. 267–268]. Не последнюю роль в борьбе с банками и синдикатами играло стремление крупного капитала перехватить политическую власть в стране, изменив существующее законодательство в свою пользу. «По Москве, – говорил Марков на Особом совещании по обороне 5 февраля 1917 г., – ходят разжиревшие либеральные купцы, которые требуют политической свободы, стремясь принести вред государственным интересам. Москва нажила на войне миллиарды, а оказалась неспособной покрыть миллионный займ». Указывая на кадета М. В. Челнокова, владельца заводов, бывшего с начала войны главноуполномоченным Всероссийского союза городов, Марков заключал, что самым эффективным способом борьбы с теми, кто наживается на войне, является виселица [42].

Правые настаивали на решительной борьбе правительства с подорожанием предметов «тепла и пищи», вплоть до объявления в стране военного положения и применения военных законов. «Нельзя безнаказанно жить при условиях военного времени, но не по законам военного времени, – писал Г. А. Щечков Вязигину. – Мы все живем в осажденной стране <...>. Все ропщут не на войну, а на безнаказанность хищников, предателей, на безвластие. Введите полевые законы, и население благословит вас, как спасителей. Но, увы, это невыгодно предателям. Это нелиберально, неконституционно» [43, с. 81]. Правые были убеждены, что справиться с дороговизной и спекуляцией под силу только царскому правительству. Либералам они не верили, считая, что те никогда не пойдут на борьбу с экономическими преступлениями, поскольку в них замешана та же либеральная буржуазия. Выход для успешной борьбы с растущей дороговизной виделся один: установление правительственной экономической диктатуры.

Для поднятия боевого духа армии правые требовали от правительства немедленно провести закон, который после ее окончания гарантировал бы государственные пенсии всем раненым, лишившимся трудоспособности, семьям погибших воинов и георгиевским кавалерам, а также предоставлял единовременное пособие солдатам-крестьянам, хозяйства которых пришли в полный упадок в результате войны. Поскольку предложенные меры требовали значительного финансирования, проводить их в жизнь предлагалось за счет взысканной с побежденного врага контрибуции [44, с. 14].

Правые требовали от властей, чтобы помощь беженцам оказывалась как можно лучше. Особо подчеркивалось, что речь идет о русских беженцах, так как различные «национальные инородческие организации» уже пользуются широкой государственной финансовой поддержкой. Монархические организации требовали от правительства «восстановить в деле помощи беженцам нарушенную справедливость» и принять меры, чтобы «правильным и планомерным возвращением русского населения западного края на родные места

после изгнания неприятеля, быстро и прочно вновь утвердить разрушенную там врагом русскую государственность» [45, с. 36].

«Рабочий вопрос» в условиях резкого падения благосостояния рабочих и их радикализации также обращал на себя внимание консервативного лагеря. Правые не раз говорили о необходимости увеличения заработной платы в соответствии с прогрессирующей инфляцией, об улучшении условий труда, оговариваясь, что добиваться этого можно только «мирными» средствами, отвергая тактику забастовок и перевода экономических требований в политическое русло. Отношение к забастовкам стало еще более суровым, так как любая забастовка в условиях войны трактовалась правыми как государственное преступление, поскольку, если простаивает завод, то войска недополучают оружие. Кроме того, подчеркивали правые, рабочие – такие же военнообязанные, как и другие подданные, но только «одного солдата оторвали от семьи, отправив в окопы без всякого жалованья», другого же, знающего ремесло, «избавили от возможности каждый день получать пулю в лоб», оставили в кругу семьи и выплачивают деньги. Правые считали, что бастующие рабочие, не желающие добросовестно исполнять свой долг в тылу, должны отправляться исполнять долг в окопы [46, ф. 1278, оп. 5, д. 237, л. 94–96].

Не раз в годы войны правые обращали внимание на вопросы, касающиеся свободы слова, военной цензуры и политики, проводимой оппозиционными органами печати. Они выступили защитниками военной цензуры и противниками широкого осведомления армии обо всех негативных сторонах жизни общества и государства. Такие вопросы, как свобода печати, полагали они, могут подниматься лишь в послевоенное время, когда первоочередной задачей перестанет быть борьба с внешним врагом. Признавая обилие негативных событий в тылу и на фронте, консерваторы не считали нужным, чтобы подобные новости сообщались мирному населению и солдатам. Чтобы не подрывать боевой дух армии и не революционизировать ее, на фронт не должны поступать сведения о проблемах тыла. Свое внимание правые обращали и на необходимость осуществления специального контроля над кинофильмами, особенно зарубежными (путем цензуры и специальных высоких налогов на иностранные киноленты), так как «кинематографы <...> обратили в орудие революционного пропагандирования народа» [47, 1917, 12 февр.]. Протестовали они и против показа народу документальных съемок ужасов войны. «Покажите нашему народу <...>, – писала «Курская быль», – красоту и величие подвигов наших воинов <...>, покажите чудеса техники <...>, покажите работу наших санитаров на поле боя и жизнь наших воинов на позициях; дайте ряд снимков, сделанных во время посещения городов нашим Державным Вождем и членами Его семьи; покажите великую самоотверженную работу наших Августейших Сестер милосердия...» [48].

Расценивая действия либеральной оппозиции как «войну», развязанную против самодержавия, правые выступали за усиление правительственного

вмешательства в данную сферу. Но, несмотря на то что позиция консерваторов в вопросе о допустимых пределах свободы слова в годы войны во многом смыкалась с позицией правительства, отношение к военной цензуре было двойственным: с одной стороны, они считали ее необходимой и даже высказывались за ее усиление, отмечая, что «ради одоления врага необходимо мириться с подобными неудобствами печати» [47, 1914, 16 сент.], а с другой – находили ее несовершенной и даже «прогермански настроенной», если дело касалось санкций в отношении черносотенных изданий.

Среди правительственных инициатив, активно поддержанных правыми в годы войны, стало введение «сухого закона». В первые дни войны они с удовлетворением отмечали положительное действие царского закона, запрещавшего продажу крепких спиртных напитков. Однако уже осенью 1914 г. в монархических газетах появились статьи, полные негодования по поводу потребления народом денатурированного спирта, «киндер-бальзама», политуры, «ханжи» и тому подобных «напитков» [47, 1914, 21 окт., 16 нояб.]. Выход из сложившейся ситуации виделся правым в том, чтобы довести производство денатурата до полной невозможности его употребления как напитка; вводе строгих условий отпуска спирта; ужесточении наказания за продажу вредных спиртосодержащих смесей вплоть до каторги; признании пьяного состояния отягчающим, а не смягчающим обстоятельством при совершении правонарушений; введении суровой кары за тайное винокурение [46, ф. 1675, оп. 1, д. 33, л. 4–4 об.].

Война заставила правых внести также коррективы в их позицию по национальному вопросу. Отношение к еврейству несколько не изменилось, однако в силу обстоятельств «еврейский вопрос» был потеснен в риторике правых «немецким вопросом». В целом же, в годы войны правые сохраняли антисемитскую риторику, рассматривая евреев исключительно как спекулянтов, мародеров, германских шпионов, проводников революционных идей, людей, не способных (или не желающих) защищать Россию и жаждущих ее поражения. Исходя из этого, правые продолжали проводить юдофобскую политику, не допуская и мысли о возможном равноправии евреев и отмены черты оседлости, на которой настаивал Прогрессивный блок. Между тем в результате захвата немцами территорий, входивших в черту оседлости, евреи (беженцы и выселенцы) стали массово продвигаться вглубь России, что де-факто привело к ликвидации черты оседлости и заставило правых разрабатывать вопросы, касающиеся правил проживания еврейского населения в новых условиях. Один из таких проектов предлагал сосредоточить евреев-беженцев в среднеазиатских и кавказских городах, а не высылать их во внутренние российские губернии [44, с. 13].

Неоднократно в годы войны правые касались положения Великого княжества Финляндского, жители которого были освобождены от воинской повинности. Финнов предлагалось лишить всех привилегий и ввести для них такие же повинности, как и для русского народа [49]. Однако правительство, опасаясь проявления недовольства со стороны финнов и, следовательно, не-

смотря на объявленный нейтралитет, возможного вмешательства в финляндские дела соседней Швеции, поддерживающей Германию, эти предложения не поддержало.

Другой проблемой был вопрос о будущем Польши. До 1915 г. правые всячески подчеркивали, что разрешение польской проблемы – «вопрос второстепенный», но после того, как Германия, оккупировав Польшу, объявила о создании из польских областей независимого государства, тон изменился. Не допуская в принципе разрешения национальных вопросов в условиях войны, правые заявляли, что польский вопрос следует обсуждать только после победы, когда станет ясен вклад поляков в борьбу с Германией. Но после того, как император повелел Совету министров разработать законопроекты о предоставлении Польше по завершении войны «права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности» [50, стб. 9], взгляд правых на польский вопрос стал значительно мягче. Избегая конкретных обещаний, кроме заверений, что единство польского народа будет восстановлено в границах Российской империи, правые намекали полякам, что если они и дальше верно будут служить интересам России, то их ждет «благодарность русского народа», однако в чем эта благодарность будет выражаться, осторожно умалчивали.

Часто обращались правые и к так называемой «украинской» проблеме, подразумевая под ней стремление Германии и Австро-Венгрии при помощи местных националистов-сепаратистов («мазепинцев») отколоть от Российской империи малороссийские земли. При этом консервативный лагерь особо подчеркивал, что «мазепинство» является «политическим движением, всецело созданным, субсидируемым и руководимым Австро-Германией» [45, с. 30]. В целом, политика правых в национальном вопросе сводилась к лозунгу великой единой и неделимой России, поэтому они всячески старались оттянуть решение данного вопроса, не соглашаясь ни на какие уступки до окончания войны.

Попытки консервативного лагеря «перекрыть» программу Прогрессивного блока и ослабить рост недовольства среди населения за счет перечисленных выше предложений и призывов оказались неудачными. Традиционно свойственная консерваторам политика скромных, но достижимых без радикальной ломки политического строя и сложившихся институтов мер, нацеленных на постепенное улучшение народной жизни, в условиях системного кризиса, левой и либеральной пропаганды, сулившей более радикальное и эффективное решение наболевших вопросов, оказалась малопривлекательной и неконкурентоспособной.

Вместе с тем война внесла изменения не только в программные установки, но и оказала большое влияние на деятельность и численность правых. Падение последней было катастрофичным. Если в период своего могущества общая численность всех правых организаций составляла около 400–450 тыс. чел.

[21, с. 82; 51, с. 85], то к 1916 г. она сократилась примерно до 45 тыс. чел. (без учета численности Отечественного патриотического союза) [21, с. 82–83]. Что касается ВНС, то и до войны не бывший многочисленной структурой, к ее концу он был представлен преимущественно депутатами-националистами в Государственной Думе, разделенными к тому же на три фракции (националисты и умеренно-правые, прогрессивные националисты, центр).

Деятельность правых партий и союзов в годы Первой мировой войны можно условно разделить на три этапа: начальный, характеризовавшийся политическим затишьем (июль 1914 – август 1915 г.); период активизации (август 1915 – ноябрь 1916 г.) и период краха (ноябрь 1916 – февраль 1917 г.). В условиях краткосрочного примирения большинства политических сил («священного единения») правые партии и союзы заметно сократили масштабы своей работы, а возглавляемый Пуришкевичем РНСМА и вовсе приостановил свою деятельность на время войны (продолжал функционировать только его руководящий орган – Главная палата). Массовая мобилизация на фронт привела к существенному сокращению численности правых и закрытию целого ряда региональных отделов. Позиционировавшие себя патриотами многие члены правых партий и союзов считали, что театр военных действий важнее политических баталий. Освобожденные от обязательного призыва нередко уходили на войну добровольцами, так поступили практически все члены молодежной монархической организации «Двуглавый орел», лидер которой – В. С. Голубев – заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых. Другие подвизались в санитарных отрядах, также оставив на время политическую деятельность. Вожди правых организаций не стали исключением. Лидер РНСМА – Пуришкевич вместе с женой и сыновьями работал на передовой, организовав санитарный поезд и питательные пункты, признанные, по общему мнению, одними из лучших в России [52, с. 193–216]. Сын А. И. Дубровина – Николай Дубровин – служил в годы войны лейтенантом на флоте.

СРН открыл на свои средства лазарет, в котором обязанности сиделок и сестер милосердия исполняли жены и дочери членов Союзов. Дочь лидера СРН – Маркова трудилась сестрой милосердия на фронте, став жертвой отравления газами [53, с. 84]. Лидеры ВНС – В. В. Шульгин и В. А. Бобринский, сменив спортуки на офицерские мундиры, отправились на фронт. Все правые организации занимались сбором средств на патриотические цели. Стесненные в материальном плане региональные отделы брали на себя обязательства по содержанию определенного количества коек в госпиталях.

Вместе с тем, не сумев создать собственных развитых общественных структур, которые могли бы сравниться по возможностям и влиянию с либеральными земскими и городскими союзами, а также военно-промышленными комитетами, сумевшими привлечь для своей деятельности большие государственные субсидии и капиталы сочувствовавшей им буржуазии, вклад правых в дело обороны страны выглядел более чем скромно. А активная борьба пра-

вых со злоупотреблениями, в которых они уличали общественные организации, воспринималась общественным сознанием как «козни» черносотенцев, направленные на дискредитацию делавших «настоящую работу» либералов.

Превращение крупных общественных организаций, созданных в годы войны для помощи правительству в обеспечении всем необходимым фронта и тыла (Земский и Городской союзы, позже объединившиеся в Земгор, военно-промышленные комитеты), в политизированные союзы либеральной оппозиции не могло не волновать правых. Монархический лагерь обращал внимание власти на то, что данные организации, осуществляющие свою деятельность преимущественно за счет казенных субсидий, во-первых, не справляются с взятыми на себя обязательствами; во-вторых, усилившись благодаря государственному финансированию, ведут антиправительственную пропаганду; в-третьих, нецелесообразно используют полученные от власти средства, а порой и сознательно наживаются на выполнении военных заказов. Правые выражали сожаление, что правительство из-за неспособности казенных заводов полностью обеспечить потребности фронта вынуждено прибегать к помощи частных предприятий дорогой для России ценой, не без сарказма отмечая, что для России было бы гораздо лучше, если было бы меньше подобного общественного патриотизма и больше казенных заводов [54, стб. 120]. В связи с этим правые постоянно требовали от правительства, щедро субсидировавшего общественные организации, установить за ними строжайший государственный контроль.

Кроме того, равно как и в отношении ВПК, правым доводилось замечать за земскими и городскими союзами явное выпячивание своих заслуг в ущерб общегосударственному делу и желание убедить общественность, что именно они, а не государство снабжают фронт и тыл всем необходимым. Бороться с этими явлениями правые предлагали массовой отправкой «земгусаров» на фронт и проведением усиленной ревизии их деятельности с обязательной широкой публикацией ее результатов. Однако добиться этого им удалось лишь частично. Видный член правой группы Государственного совета князь А. А. Ширинский-Шихматов был поставлен во главе ревизии для борьбы со злоупотреблениями при освобождении от воинской повинности, которая была назначена на конец февраля 1917 г. Но работа ревизии началась за несколько дней до революции, после которой деятельность ее была прекращена.

Ошибочно считать, что правые были против любой общественной инициативы. Они никогда не требовали запрета ВПК и других организаций, а лишь настаивали на жестком государственном контроле над их деятельностью. Их пугал не тот факт, что общество стремится помочь нуждам войны, а то, в каких целях это делается и насколько продуктивна будет такая помощь. «Работа общества нужна, без содействия общественных сил на местах правительство не может продуктивно работать, но одно дело – привлекать эти общественные силы к живому сотрудничеству с собою, и совершенно другое

дело – самоупражнение правительственной власти и передоверие своих обязанностей и полномочий в руки первых встречных “спасателей” России», – писала черносотенная «Курская быль» [55].

Двойственным было и отношение правых к правительственной власти. Несмотря на то что представители оппозиционного лагеря постоянно пытались представить монархистов в качестве «лакеев» правительства, терявшего общественную поддержку, дело обстояло иначе. Отношение к правительству во многом зависело от конкретных лиц, занимавших ключевые министерские посты, и изменения общественно-политического положения в стране. Защищая власть в годы войны от критики либеральной оппозиции, правые не являлись силой, слепо следующей правительственному курсу, и позволяли себе критиковать отдельных членов кабинета и некоторые направления его деятельности. Более того, на частных совещаниях и в письмах они часто выражали свое недовольство излишне либеральным, по их мнению, курсом власти, сомневались в адекватности принимаемых правительством мер и «награждали» не вызывавших у них поддержки министров нелестными эпитетами. «Посмотрите, как власть презренно себя держит, – писал осенью 1915 г. в частном письме к Н. Ф. Бурдукову Н. А. Маклаков. – Ни туда, ни сюда. Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум; созывают Думу и распускают; берут на себя устройство судьбы беженцев, учреждая даже новую должность директора департамента, и передают вслед за сим все это дело земскому и городскому союзу; борются против программы “желтого блока” и в то же время разрешают соединенный общеземский и общегородской съезд, который – что должно быть понятно всякому дураку – собирается только с политическими видами. <...> Страшно, что, по-видимому, одно правительство и по сей день стоит в испуге, разиня рот перед скоморохами новой революции. <...> Бедная Россия, у которой императорское правительство ведет себя как школьники, не знающие букваря и боящиеся строгого учителя. И учитель их – улица... Что за стыд» [10, ф. 102, оп. 265, д. 1032, л. 1482–1482 об.].

В годы войны правительство не оправдало ожиданий консервативного лагеря, оказавшегося хотя и в умеренной, но оппозиции власти, стремившейся вынудить уйти в отставку неугодных министров и заставить правительство отказаться от лавирования между интересами либеральной буржуазии и правыми кругами, в пользу последних. В отличие от Прогрессивного блока, стремившегося при помощи массовой критической кампании подтвердить негодность существовавшего правительства, правые желали сотрудничества с властью, чтобы помочь ей найти средства для выхода из сложившегося кризиса. Как и либералы, правые требовали сильной власти, но при формальном сходстве подход к решению этого вопроса у них был принципиально иным. Либеральные круги высказывались за сильную власть в руках «популярного» человека; правые – за вождя, исповедующего консервативные взгляды.

Вместе с тем, добиваясь в годы войны от верховной власти формирования кабинета из правых деятелей, консерваторы, получая назначения на ключевые государственные посты (А. Н. Хвостов, Н. Д. Голицын), упустили предоставленные им шансы переломить ситуацию в свою пользу. В итоге получился замкнутый круг, выхода из которого консерваторы не нашли.

Правые подвергали критике правительство и за слишком мягкое, на их взгляд, отношение к социал-демократам, стоявшим на пораженческой позиции, которая расценивалась консервативными кругами как государственная измена. Откликаясь на арест думских депутатов-большевиков, впоследствии осужденных на ссылку в Восточную Сибирь, правый публицист С. К. Глинка-Янчевский подчеркивал, что в условиях военного времени «никакие нежности с изменниками недопустимы, хотя бы ими были и члены Думы», и требовал, «чтобы все изобличенные в тяжком государственном преступлении были тотчас же переданы военному суду и были судимы по законам военного времени» [56–57]. «Петля на шею – вот единственная расправа со всеми злодеями, продавшими свою совесть за немецкое золото», – писал Глинка-Янчевский, призывавший власть помнить, что «когда в какой-либо части тела обнаруживается заражение крови, ее надо отрубить. Пожалеете пальца на ноге или руке – придется отрезать всю ногу или руку. Пожалеете их – погибнет человек...» [57–58].

Крайне негативным было отношение правых к сформировавшемуся во второй половине 1915 г. Прогрессивному блоку, в котором видели виновника рухнувшего «внутреннего мира». Свою позицию они аргументировали тем, что Прогрессивный блок объединяет лишь представителей либерального лагеря, которые таким образом противопоставили себя правительству и правым. Попытки создать альтернативный Прогрессивному блоку монархический «Черный блок» успехом не увенчались [59, с. 9–17]. Центробежные силы оказались в консервативном лагере сильнее центростремительных, что проявилось в отказе думских националистов и группы правого центра в Государственном совете вступить в блок с правыми. Националисты в 1915 г. раскололись, что привело к выходу из рядов фракции «прогрессивных националистов» (лидеры В. В. Шульгин, В. А. Бобринский), преминувших к либеральной оппозиции. Серьезные внутренние противоречия были и в парламентских группах собственно правых, выступавших в поддержку объединения консервативных сил, что в 1915 г. едва не вылилось в раскол правой группы Государственного совета, а в ноябре-декабре 1916 г. привело к распаду думской фракции правых и переходу большинства ее членов в новообразованную фракцию независимых правых, допускавшую «свободную» критику» власти (лидер Б. А. Голицын). В Государственном совете правая группа, хотя и смогла преодолеть кризис и даже численно усилилась за счет назначенных в январе 1917 г. новых членов, пребывала также в состоянии кризиса, что проявилось в сложности избрания ее последнего председателя, которым накануне революции в качестве компромиссной фигуры стал А. Ф. Трепов.

Консервативные круги не оставляли попыток консолидации монархического лагеря вплоть до крушения монархии. В 1915 г. правыми было проведено три монархических совещания (в Саратове, Н. Новгороде и Петрограде), на которых помимо прочего поднимались вопросы о необходимости консолидации. В ходе совещаний произошло сближение ранее враждовавших лидеров ВДСРН и СРН – Дубровина и Маркова, однако с резкой критикой монархических съездов выступил лидер РНСМА Пуришкевич, примкнувший вскоре в своей риторике к оппозиционному лагерю. Не способствовало единению и возникновение в 1915 г. новой монархической организации – Отечественного патриотического союза (лидер В. Г. Орлов), допускавшей прием в свои ряды евреев, что вызвало общее его бойкотирование со стороны других черносотенных союзов.

Итогом монархических совещаний, призванных объединить разрозненные силы, стало создание двух параллельных структур, претендующих на лидерство во всероссийском правом движении – Совета монархических съездов, в состав которого вошли преимущественно лидеры правых объединений законодательных учреждений и Президиума монархического движения, во главе которого встали А. И. Дубровин и его сторонники. Предполагалось, что все разногласия будут устранены в ходе всероссийского монархического съезда, который планировалось провести в начале 1917 г., однако Февральская революция перечеркнула эти планы.

Не были востребованы властью и проекты правых по выходу страны из кризиса, вызванного войной. В ноябре 1916 г. князем Н. Д. Голицыным от своего имени императору была передана «Записка», составленная членами кружка Римского-Корсакова. В «Записке» предлагался ряд следующих мер, призванных, по мнению ее автора, спасти монархию: 1) назначение на высшие государственные и командные должности верных самодержавию, единомышленных и энергичных лиц; 2) немедленный роспуск Думы без указания срока нового ее созыва, но с упоминанием предстоящего «коренного изменения» законов и положений о выборах в законодательные учреждения; 3) введение военного положения в Петрограде и Москве; 4) концентрация в обеих столицах надежных войск, вооруженных пулеметами; 5) немедленное закрытие всех органов левой печати с одновременным усилением правых газет; 6) милитаризация всех предприятий, работающих на оборону, с подчинением всех их работников законам военного времени; 7) назначение правительственных комиссаров во все главные и местные комитеты союзов земств и городов; 8) предоставление права генерал-губернаторам и губернаторам отстранять от должности «чины всех рангов», замешанных в антиправительственной деятельности; 9) усиление Государственного совета правыми элементами и прекращение назначения в него лиц, поддерживающих Прогрессивный блок [60, с. 122–125].

По утверждению Н. А. Маклакова, текст этой записки был составлен членом Главного совета СРН М. Я. Говорухо-Отроком. 8 января 1917 г. Ма-

клаковым была передана императору вторая «Записка», полученная им от Говорухо-Отрока как дополнение к первому документу. В ней отмечалось, что компромиссные решения в отношении Государственной Думы не принесут успокоения, поскольку государственный строй, утвердившийся в стране с введения основ парламентаризма, является «нетерпимым». Выходов из сложившейся ситуации автор записки видел два: либо остановить решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо «спокойно ждать государственной катастрофы» [60, с. 126].

Еще две «Записки» аналогичного содержания были составлены Римским-Корсаковым и М. Я. Говорухо-Отроком в середине января 1917 г. Свой проект выхода самодержавия из кризиса путем изменения Основных законов предложил лидер астраханских монархистов Н. Н. Тиханович-Савицкий. Интересовался возможностью пересмотра Основных законов член РНСМА Г. А. Шечков [43, с. 224]. В «Записке» Римского-Корсакова, переданной А. Д. Протопопову 15 января 1917 г., помимо перечисленных предложений предлагались меры, которые должны были быть воплощены в жизнь отдельными ведомствами: организация сильной правой печати и государственного влияния на оппозиционные издания; усиление цензуры; массовое издание брошюр монархического содержания для простого народа; назначение «драконовских наказаний» за клевету в печати; ослабление земских и городских союзов и привлечение в строй всех «земгусаров»; использование в полной мере военного положения; введение военного закона о конфискации имущества изменников и лиц, «возбуждающих смуты»; широкое награждение верноподданных, особенно из низов; реформа полиции и др. «Записка» содержала также рекомендации для Святейшего синода, министерств земледелия, финансов, путей сообщения, народного и военного просвещения. Особое внимание обращалось на необходимость немедленного пресечения властью заигрывания высших военных чинов с общественностью [33, с. 243–244]. Главный смысл требований, выдвинутых кружком Римского-Корсакова, заключался во введении в стране режима военной диктатуры, призванной оградить страну от революции, роспуск Государственной Думы и изменение Основных законов в плане восстановления прав самодержца, утраченных им в результате предшествующих реформ.

Однако ни император, ни председатель Совета министров, ни председатель Государственного совета следовать предложенному правыми курсу не собирались, полагаясь не на репрессивные меры, а на победу в войне. Пойти в сложившихся условиях (политический кризис, общественное недовольство, давление союзников) на государственный переворот и установление диктатуры власть едва ли могла. Осуществить это можно было только в ответ на реальную попытку дворцового переворота или революции; в противном случае, нанесение превентивного удара не встретило бы общественной поддержки, ибо общественное мнение уже было сформировано не в пользу существующей власти.

Накануне февральских событий 1917 г. правые потерпели поражение. Они и сами признавали это. Трагедия русского консерватизма во многом заключалась в том, что правым удавалось справедливо критиковать своих политических противников, находить слабые места в их программах, прогнозировать разрушительные для монархии последствия, к которым вели действия оппозиционного лагеря, но они не смогли предложить действенные рецепты для выхода страны из системного кризиса и спасения монархии от краха. Сложившаяся патовая ситуация могла бы разрешиться в результате блистательной военной победы, но вместо этого последовала революция и крушение монархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание 1900–1917 / Ю. И. Кирьянов. – М., 2003.
2. *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте : от кризиса к краху (1914–1917) / А. А. Иванов. – М. ; СПб., 2013.
3. *Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. – 1999. – № 8.*
4. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917) / С. В. Куликов. – Рязань, 2004.
5. *Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / сост. А. В. Репников, Е. Н. Рудая, А. А. Иванов. – М., 2014.*
6. *Правые партии. 1905–1917 годы : документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю.И. Кирьянов. – М., 1998.*
7. *Щербатов А. Г.* «Обновленная Россия» и другие работы / А. Г. Щербатов. – М., 2002.
8. *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос / К. Н. Пасхалов. – М., 1913.
9. *Пасхалов К. Н.* Накануне войны / К. Н. Пасхалов // Московские ведомости. – 1914. – 14–15 мая.
10. Государственный архив Российской Федерации.
11. *Стукалова Г. П.* Страница истории России / Г. П. Стукалова // Родионов И. А. Наше преступление. – М., 1997.
12. *Репников А. В.* «За грехи... и преступления... промотавшихся отцов» (И. А. Родионов, П. Н. Краснов и Ф. В. Винберг о революции в России) / А. В. Репников // Революция 1917 года в России : новые подходы и взгляды. – СПб., 2011.
13. *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности / А. В. Репников. – М., 2014.
14. *Дорошенко А. А.* Правые в Государственной Думе Российской империи / А. А. Дорошенко. – Самара, 2004.
15. *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной Думе (1907–1912) : дис. ... канд. ист. наук / Р. Б. Ромов. – М., 2003.
16. *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Н. Е. Марков. – М., 2002.
17. *Записка П. Н. Дурново / публ. и коммент. А. А. Иванова и Б. С. Котова // Свет и тени Великой войны. – М., 2014.*
18. *Бородин А. П.* П. Н. Дурново : портрет царского сановника / А. П. Бородин // Отечественная история. – 2000. – № 3.

19. Иванов А. А. «Болгарская измена» : русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав / А. А. Иванов, А. В. Репников // Новейшая история России. – 2014. – № 3.

20. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века / А. В. Шевцов. – СПб., 1997.

21. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 / Ю. И. Кирьянов. – М., 2001.

22. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. – Пг., 1914.

23. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. – Ф. 1. – Д. М–76 (1).

24. Пасхалов К. Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей, писем и пр. / К. Н. Пасхалов. – М., 1909. – Т. 2 : 1906–1909.

25. Винберг Ф. В. Крестный путь / Ф. В. Винберг. – СПб., 1997. – Ч. 1 : Корни зла.

26. Иванов А. А. «Зловещий лик Вильгельма Кровавого». Германский император в оценках русских консерваторов / А. А. Иванов, А. В. Репников // Родина. – 2014. – № 8.

27. Иванов А. А. «Для победы... все народные силы должны тесно сплотиться вокруг своего верховного вождя» (о взглядах Д. И. Иловайского в 1914–1916 гг.) / А. А. Иванов, А. В. Репников // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. – Н. Новгород, 2014.

28. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. – СПб., 1913.

29. Новое время. – 1915. 5 (18) авг.

30. Булацель П. Ф. Дневники / П. Ф. Булацель // Российский гражданин. – 1916. – № 29.

31. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). – М., 1999.

32. Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. – 1926. – Т. 4 (17).

33. Программа Союза русского народа перед Февральской революцией // Там же. – 1927. – Т. 1 (20).

34. Пуришкевич В. М. Дневник / В. М. Пуришкевич // Последние дни Распутина. – М., 2005.

35. Речь. – 1915. – 24 нояб.

36. Иванов А. А. «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны : мифы и факты / А. А. Иванов // Вестник Чебоксарского кооперативного ин-та. – 2009. – № 1.

37. Репников А. В. Образ Германии в представлениях русских консерваторов накануне и в период Первой мировой войны / А. В. Репников // Консерватизм в России и Германии : опыт интернационального диалога. – Воронеж, 2012.

38. Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XII. – Пг., 1916.

39. Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны / И. Г. Соболев. – СПб., 2004.

40. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. – Пг., 1915.

41. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – М., 2001. – Т. 3.

42. Утро России. – 1917. – 7 февр.

43. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. – 1996. – № 8.

44. Труды Всероссийского монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. – Пг., 1916.
45. Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде : постановление и краткий отчет. – М., 1915.
46. Российский государственный исторический архив.
47. Земщина. – 1914–1917.
48. Курская быль. – 1915. – 27 янв.
49. Вестник Союза русского народа. – 1915. – 7 марта.
50. Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XI. – Пг., 1915.
51. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914) / И. В. Омельянчук. – Киев, 2006.
52. *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич : опыт биографии правого политика (1870–1920) / А. А. Иванов. – М. ; СПб., 2011.
53. *Иванов А. А.* Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н. Е. Маркова (по материалам личных писем политика) / А. А. Иванов, С. В. Машкевич, А. С. Пученков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1, ч. 2.
54. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. – Пг., 1916.
55. Курская быль. – 1915. – 13 окт.
56. *Глинка С.* Смеют жаловаться!.. / С. Глинка // Земщина. – 1914. – 9 нояб.
57. *Глинка С.* Слуги врага / С. Глинка // Там же. – 10 нояб.
58. *Глинка С.* Какова изворотливость / С. Глинка // Там же. – 16 нояб.
59. *Иванов А. А.* «Черный блок» : неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году / А. А. Иванов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена : науч. журнал. – 2009. – № 99.
60. Последние дни императорской власти : по неизданным документам / сост. А. Блок. – Пг., 1921.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

Иванов А. А., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русской истории

E-mail: andriv78@yandex.ru

*Russian State Pedagogical University
named after A. I. Herzen
(St. Petersburg)*

Ivanov A. A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian History Department

E-mail: andriv78@yandex.ru

*Российский государственный архив
социально-политической истории*

Репников А. В., доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций, профессор кафедры истории, философии и литературы Российского университета театрального искусства

E-mail: rgaspi@inbox.ru

*Russian State Archive of Social
and Political History*

Repnikov A. V., Doctor of Historical Sciences, Deputy Head of the Center for Documentary Content Department, Professor of the History, Philosophy and Literature Department of the Russian University of Theatre Arts

E-mail: rgaspi@inbox.ru

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

Поступила в редакцию 25 января 2015 г.

Аннотация: проведен анализ деятельности крупнейших неформальных правых организаций в период Первой мировой войны. Особое место уделено социальному составу, вопросу организации собраний, кругу рассматривавшихся вопросов. Делается вывод о степени влияния организаций на внутреннюю политику Николая II.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, правые, правомонархический салон, Государственный совет, Государственная Дума, Совет министров, Русское собрание, Союз русского народа.

Abstract: we have done the analysis of the informal right political organization's activity in the period of the First World War. Considerable place is spared to social gradation, organization of meetings, the range of questions that were exposed. The author concludes about the degree of organization's influence to the internal politics of Nikolai II.

Key words: Russian Empire, the First world war, rights, right-monarchist saloons, State council, State Douma, Council of ministers, Russian community, Union of the russian folk.

В последнее время у исследователей отечественной истории стал проявляться неподдельный интерес к изучению правых (монархических, черносотенных) политических организаций России начала XX в. Но если, как правило, историки ограничиваются изучением деятельности официальных структур (партий, союзов и т.д.), то деятельность неформальных правоконсервативных (монархических, черносотенных) кругов – кружков, салонов, «бесед», «гостиных», «чаепитий», «журфиксов» и др. – остается обычно за рамками их исследования. Тем не менее отметим, что правые пытались оказать влияние на политику Российской империи не только через официальные организации, но и через неформальные связи и неформальные структуры, в том числе и через так называемые политические салоны и кружки.

Понятие «салон» – французского происхождения, берущее свое начало со второй половины XVIII столетия. Согласно Большой советской энциклопедии, это «светский политический, литературно-художественный кружок, состоящий из избранных лиц...» [1, с. 625].

Сыграв огромную, в том числе и политическую, роль в истории Франции, салоны с конца XVIII в. стали появляться и в России. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона упоминаются среди прочих первые русские салоны – С. Д. Пономаревой, А. П. Елагина, баронессы Э. Ф. Раден, великой княгини Елены Павловны и др. Однако вплоть до конца XIX в. они были по преимуществу либеральными или, в крайнем случае, умеренно-консервативными.

Только в связи с ростом национального самосознания русского народа и со становлением правой идеологии в России к концу XIX столетия появляются собственно правомонархические салоны. Многие из них вышли из литературных кружков. Как правило, на таких вечерах обсуждались как проблемы литературы, так и политики.

В Петербурге-Петрограде начала XX в. существовало довольно много *неформальных правых организаций*. Наиболее крупные из них – салон издателя газеты «Гражданин» князя В. П. Мещерского [2, с. 35–124], салон генерала от инфантерии Е. В. Богдановича [2, с. 125–188], салон князя М. М. Андроникова [3], кружки графа члена Государственного совета С. Д. Шереметева [4], доктора П. А. Бадмаева [5], шталмейстера Н. Ф. Бурдукова [6] и др. Кроме того, функционировали так называемые *религиозно-политические салоны*, в которых, помимо собственно политических вопросов, широко обсуждались проблемы церковной жизни, а среди участников такого рода салонов преобладали представители православного духовенства, в том числе и высшие церковные иерархи. Наиболее известные религиозно-политические салоны начала XX в. – это салон графини С. С. Игнатьевой [7], салон графа Н. Ф. Гейдена [8], салон камергера Е. Г. Швартца [9], салон митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова) [10].

В течение многих лет мы исследовали деятельность неформальных правых политических организаций периода Первой мировой войны, изучали аспекты, связанные с организацией салонных собраний (время, место проведения мероприятий, социальный состав участников и др.), а также круг вопросов, которые рассматривались на заседаниях кружков и салонов. Особое место в изучении деятельности неформальных групп составляет проблема их влияния на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи, в том числе и на императора Николая II.

Среди неформальных правых организаций периода Первой мировой войны важное место занимают те из них, которые были связаны с функционированием правой группы Государственного совета и фракции правых Государственной Думы (кружок А. А. Римского-Корсакова, салон Б. В. Штюрмера, кружок графа С. Д. Шереметева). Программы этих кружков и салонов составляли, по сути дела, единое целое с программами правых парламентских объединений [11, с. 58–59, 68–69]. К примеру, такие пункты неофициальной программы (официальной программы как таковой у них не было) правой

группы Государственного совета, как «неприятие революции как абсолютно-го зла; неверие в возможность усмирения бунта и умиротворения общества либеральными реформами; вера в природные преимущества самодержавной монархии, отношение к Манифесту 17 октября как «непоправимому удару по русскому началу» и «торжеству западных учений»» [11, с. 69], разделялись участниками и кружка А. А. Римского-Корсакова, и салона Б. В. Штюрмера, и салона С. Д. Шереметева.

Сложнее обстоит дело с программными требованиями правой фракции Государственной Думы. По справедливому признанию А. А. Иванова, «в отличие от Государственной Думы II и III созывов, где был представлен весь спектр правых сил, в Думе IV созыва крайне консервативный фланг был представлен лишь умеренным крылом черносотенного лагеря. Собственно крайне правые, или «правые революционеры», как их иногда называли за стремление демонтировать выборные представительные институты думской монархии, участие в выборах 1912 г. проигнорировали» [11, с. 58]. Нам представляется, что программные пункты рассмотренных кружков и салонов были гораздо праворадикальнее (роспуск Думы, введение чрезвычайных мер и пр.), чем весьма умеренные требования значительной части «правых» думцев. Впрочем, фракция правых была весьма неоднородной по своему составу и программным требованиям, окончательно расколовшись к концу 1916 г.

Безусловно, политические взгляды большинства участников кружков и салонов, связанных с правыми парламентскими объединениями, были близки взглядам активных думских правых деятелей Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского, к тому же являвшихся одновременно видными участниками кружка А. А. Римского-Корсакова [12, с. 34] и салона Б. В. Штюрмера [13, с. 57].

Обращение к неопубликованным архивным источникам позволило уточнить ряд биографических сведений организаторов кружков и салонов (в частности, была установлена точная дата рождения А. А. Римского-Корсакова – 3 мая 1850 г.) [14, ф. 1162, оп. 6, д. 455], а также существенно расширить круг лиц, участвовавших в их работе или же контактировавших с их организаторами. Важный вывод заключается в том, что практически все участники рассмотренных организаций являлись одновременно членами нескольких дружественных и идеологически схожих кружков и салонов (например, члены салона С. Д. Шереметева посещали кружок А. А. Римского-Корсакова и т.д.).

Проанализированные документы свидетельствуют об активной деятельности неформальных правых организаций. В частности, в кружке А. А. Римского-Корсакова, по сути, был выработан целый детальный план наведения «порядка» в стране. «Записки» и прочие документы, составившиеся участниками кружков, доходили до императора (по крайней мере, значительная их часть) [15, с. 10–11]. Однако Николай II считал, что эти планы не следует превращать в жизнь [15, с. 13].

Что же касается салона С. Д. Шереметева, то бросается в глаза его весьма низкая политическая активность в период Первой мировой войны (в противоположность его бурной деятельности в годы первой русской революции). Это обстоятельство объясняется, во-первых, преклонным возрастом С. Д. Шереметева; во-вторых, весьма натянутыми его отношениями с императором (которые еще более испортились из-за того, что граф занял ярко выраженную антираспутинскую позицию); в-третьих, тем, что значительная часть посетителей салона С. Д. Шереметева одновременно активно работала в кружке А. А. Римского-Корсакова, составляла там «записки», направлявшиеся императору, и т.д. Тезис, господствовавший в либеральной печати, а затем закрепившийся в советской и отчасти постсоветской историографии, о значительном влиянии правых кружков и салонов на политику Николая II не подтверждается источниками.

Еще несколько неформальных правых организаций – кружок Н. Ф. Бурдукова, кружок П. А. Бадмаева и салон князя М. М. Андроникова – тем или иным образом были связаны с деятельностью Г. Е. Распутина. Однако, вопреки расхожим представлениям, отношения между организаторами и участниками этих кружков и салонов и «старцем» были далеко не безоблачными. С течением времени они претерпевали существенные изменения. Прежде всего это касается салона князя М. М. Андроникова, который поначалу поддерживал хорошие отношения с Г. Е. Распутиным, а затем они резко ухудшились и даже переросли в открытую конфронтацию (участие Андроникова в подготовке яда с целью отравить старца и т.д.) [3, с. 128]. Причину таких изменений следует видеть, прежде всего, в нежелании Распутина подчиняться чужой воле, в его нежелании быть «использованным» политическими интриганами в своих целях.

Основываясь на широком спектре исторических источников, нам удалось уточнить и расширить круг участников неформальных правых организаций, уточнить время их возникновения, адреса проведения собраний. Важным выводом является также то, что, даже несмотря на сложные взаимоотношения между организаторами этих кружков и салонов (князь М. М. Андроников, например, был в конфронтации с Н. Ф. Бурдуковым), тем не менее, их рядовые участники могли посещать и салон Андроникова, и кружок Бурдукова, и салон митрополита Питирима, и салон графини С. С. Игнатьевой, и другие существовавшие в то время неформальные правые организации (например, А. Д. Протопопов и Н. П. Саблин посещали и салон Андроникова, и кружок Бурдукова).

Распространенные в периодической печати и мемуарах обвинения в адрес Н. Ф. Бурдукова и М. М. Андроникова в гомосексуализме, ввиду свидетельств, которым можно было бы в полной мере доверять, не могут быть однозначно ни подтверждены, ни опровергнуты. Скорее всего речь может идти о типичной в среде русской аристократии и интеллигенции начала XX в. тен-

денции, связанной с желанием опорочить конкурента или оппонента путем распространения о нем «непристойных» слухов. В те времена в «приличном обществе» гомосексуализм однозначно осуждался как тяжкий грех, «порок», «болезнь». Однако, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам (в том числе агентурным донесениям [14, ф. 1683, оп. 1, д. 119, л. 10], «содомский грех» имел, тем не менее, довольно широкое распространение в различных слоях общества, что давало дополнительный повод использовать обвинения в гомосексуализме в качестве компромата по отношению к тому или иному конкуренту и политическому противнику.

Важным аспектом деятельности кружков и салонов, близких к Г. Е. Распутину, составляли «коммерческие предприятия», или, попросту говоря, аферы, которые лидеры этих неформальных организаций осуществляли с помощью влиятельных лиц. Таким образом, вопросы идеологии, политическая сторона деятельности данных организаций как бы уходят на второй план, уступая место предпринимательской деятельности, «коммерческим предприятиям».

Удалось также установить, что император и императрица старались дистанцироваться от этих кружков и салонов, не принимали или почти не принимали у себя их лидеров. Получая от организаторов неформальных правых организаций письма и телеграммы, император прислушивался к их рекомендациям, но принимал самостоятельные решения с учетом различных факторов. Иногда эти решения могли совпадать с мнением участников того или иного кружка или салона (например, это поддержка А. Н. Хвостова, а затем и А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел, которую осуществляли и в кружке П. А. Бадмаева [5, с. 168–170], и в салоне М. М. Андроникова [3, с. 127–128], и у Н. Ф. Бурдукова [6, с. 363–364]). Однако приходится признать, что это не более, чем совпадение интересов, а не непосредственное влияние того или иного кружка или салона на императорскую политику. Тем не менее, используя всевозможные слухи, крупнейшие либеральные газеты того времени пытались представить влияние кружков, салонов, Распутина и так называемой придворной «камарильи» как чуть ли не решающим в политике Николая II в предреволюционные годы.

Что касается религиозно-политических салонов, то изученные нами источники свидетельствуют, что в период Первой мировой войны фактически они являлись «клубами по интересам», на салонных собраниях которых обсуждались вопросы церковной и политической жизни.

В процессе нашей работы удалось существенно расширить представления о деятельности салона Н. Ф. Гейдена, которые ранее ограничивались, по сути дела, только воспоминаниями митрополита Евлогия (Георгиевского). Нами выявлены новые факты из биографии Гейдена, расширен круг активных участников салона (например, выявлены факты, связанные с посещением кружка приват-доцентом римского права, известным черносотенным

деятелем Б. В. Никольским) [8, с. 186–189]. То же самое касается и салона Е. Г. Шварца (выявлены новые сведения из его биографии, уточнен его адрес (Знаменская ул., д. 38) [16, с. 757], где осуществлялись собрания, значительно расширен круг активных участников салона и т.д.). С помощью дневниковых записей Б. В. Никольского удалось частично восстановить круг лиц, посещавших салон митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова) [10, с. 234–238]. В значительно меньшей степени удалось установить новые факты, связанные с работой славянофильских обществ и салонов («Славянские трапезы», салон А. Н. Брянчанинова [2, с. 268–269]).

Политическое влияние религиозно-политических кружков либо вообще сводилось к нулю, либо было связано с попытками продвижения или, наоборот, устранения некоторых государственных и церковных деятелей. Иногда эти назначения или удаления действительно происходили. Однако на выбор Николая II могли влиять не только и не столько устремления участников того или иного салона, сколько совпадавшие с предложениями кружков мнения других лиц, приближенных к императору (Г. Е. Распутин, граф В. Б. Фредерикс, А. А. Мосолов и др.). Либеральная пропаганда, ставившая своей целью добиться низвержения самодержавия, сознательно искажала факты, связанные с деятельностью салонов, преподносила их в гипертрофированном виде, сознательно преувеличивала влияние кружков на политику Николая II, муссируя слухи о всеильной «камарилье», в которую, по уверению газетчиков и издателей «летучих листков», входили и неформальные правые организации.

Существовали также некоторые другие неформальные организации правого направления (или, по крайней мере, имевшие репутацию правомонархических в тогдашнем либеральном «общественном мнении») – салоны графини М. Э. Клейнмихель, Е. Ф. Лазаревой, И. И. Воронцова-Дашкова, Н. С. Брасовой, баронессы Е. М. Розен. Однако источники свидетельствуют или об их крайне низком влиянии на императорскую политику (салон графини М. Э. Клейнмихель [17]), или же о полном отсутствии какого бы то ни было влияния вообще (салоны Е. Ф. Лазаревой, Е. М. Розен [2, с. 269–270]).

Изучение деятельности неформальных правых политических организаций периода Первой мировой войны позволило сделать *следующие выводы*.

1. По сравнению с периодом конца XIX – начала XX в., когда в политической жизни царской России задавали тон крупнейшие правомонархические салоны – В. П. Мещерского, Е. В. Богдановича, в годы Первой мировой войны, после смерти в 1914 г. этих двух лидеров крупных салонов, произошел кризис большинства неформальных правых организаций. Некоторые из них прекратили свое существование в связи со смертью организаторов (салоны В. П. Мещерского и Е. В. Богдановича), другие же (салоны С. С. Игнатьевой, кружок графа С. Д. Шереметева, салон Н. Ф. Гейдена, Е. Г. Шварца) постепенно утрачивали свои позиции, происходило их «измельчание». Данное обстоятельство

связано в том числе и с общим кризисом правомонархического движения, которое имело место в предреволюционные годы [18, с. 67].

Кроме того, постепенно нивелируется понятие «салон» в классическом смысле этого слова, а на место салонов постепенно приходят другие неформальные организации, которые с некоторой долей условности можно назвать кружками (кружки Н. Ф. Бурдукова, П. А. Бадмаева, А. А. Римского-Корсакова и др.). Некоторые вновь появившиеся салоны (например, салон митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), Б. В. Штюрмера, Е. Ф. Лазаревой, И. И. Воронцова-Дашкова, Е. М. Розен) хотя традиционно и именуется в источниках и историографии «салонами», тем не менее, в большей степени подходят под определение «кружок», чем «салон» в классическом его понимании.

Несмотря на некоторое «измельчание», неформальные правые организации на протяжении предреволюционных лет оставались заметной частью правого политического спектра, а многие из организаторов и участников кружков и салонов одновременно являлись видными функционерами официальных правомонархических партий и союзов.

2. Участники неформальных правых организаций являлись своего рода элитой в правомонархическом движении. Лидеры и участники неформальных правых политических организаций пытались устранить разногласия в среде монархических партий, однако они так и не смогли объединить правых в единую организацию.

3. Рассматривая социальный состав участников неформальных правых организаций, мы приходим к выводу, что в них преобладали представители высшей светской и церковной бюрократии – дворянство и духовенство, в гораздо меньшей степени – купечество. Практически полностью отсутствовали представители низших социальных слоев (в отличие от официальных правых организаций).

4. При рассмотрении деятельности значительного числа неформальных правых организаций обращает на себя внимание не очень четко выраженная «правая» политическая ориентация этих структур. Думается, что в связи с общим кризисом власти и правомонархической идеологией вообще некоторые салоны и кружки (Н. Ф. Бурдукова, М. М. Андроникова, П. А. Бадмаева) постепенно отходили от реализации сугубо политических установок и «правой» программы, а обращались главным образом к осуществлению выгодных им политических интриг и финансовых афер. Их политическая программа при этом оказывалась весьма аморфной.

Вместе с тем сохранялись «правые» кружки и салоны в классическом смысле этого слова. Так, салон С. С. Игнатьевой, кружок С. Д. Шереметева, салон Н. Ф. Гейдена, кружок А. А. Римского-Корсакова и салон Б. В. Штюрмера были сугубо «правыми» по своей сути и выработали четкую программу политической деятельности.

Неформальные правые организации участвовали в формировании официальной идеологии монархизма. В частности, нами выявлен и проанализирован комплекс программных документов, связанных с деятельностью кружка С. Д. Шереметева, – о восстановлении церковного прихода в качестве церковно-общественной единицы в императорской России, о необходимости сближения народа с духовенством, о поддержке дворянского землевладения, о создании ежедневной охранительной газеты, о необходимости слияния потомства светлейших князей императорской крови с дворянством [4, с. 73–74].

5. Относительно небольшим было число участников правых неформальных организаций в период Первой мировой войны. Если, к примеру, в случае с М. М. Андрониковым, общее число участников собраний могло по-прежнему исчисляться сотнями [3, с. 127], то число одновременно присутствовавших на собраниях составляло обычно от нескольких человек до нескольких десятков.

6. Круг вопросов, которые рассматривались участниками неформальных правых организаций, оставался достаточно широким. В основном разбирались проблемы, связанные с внутренней и внешней политикой, однако среди них особое место занимали традиционные для всех неформальных организаций вопросы, связанные с патронатом и протектированием тех или иных лиц.

7. Как свидетельствуют проанализированные нами документы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, обвинения в адрес многих организаторов и участников неформальных правых организаций (М. М. Андроников, Б. В. Штюрмер, Н. Ф. Бурдуков, А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов и др.) в шпионаже в пользу Германии оказались надуманными и ложными. Кроме того, анализируя документы из фондов ЧСК, мы пришли к выводу, что и подавляющее большинство обвинений в адрес консервативно настроенных политиков в желании заключить сепаратный мир с Германией, в «германофильстве» и других, также не находят подтверждения [19, д. 541, л. 82; д. 499, л. 7–7 об.].

В предреволюционные годы широко тиражировалась клевета о том, что императрица Александра Федоровна, друг царской семьи Г. Е. Распутин, фрейлина А. А. Вырубова, другие лица из ближнего окружения царя, в том числе участники монархических кружков и салонов, симпатизировали Германии и стремились склонить Россию к сепаратному миру. Постепенно подобного рода слухи широко распространялись в различных слоях российского общества и обрастали многочисленными «подробностями». Отметим, что многие проанализированные документы опровергают распространенные в либеральной периодической печати предреволюционных лет разного рода слухи, связанные с деятельностью неформальных правых организаций. Можно сделать вывод о том, что слухи о якобы имевшем место «сотрудничестве» правоконсервативных политиков с германскими кругами сознательно распространялись либеральными силами с целью дискредитации государствен-

ной власти, в том числе и непосредственно царской семьи. Подобного рода слухи должны были подготовить «общественное мнение» в антимонархическом духе и способствовать подготовке революционного взрыва, который в итоге и случился в феврале 1917 г.

8. Влияние практически всех рассмотренных нами неформальных правых политических организаций на политику Николая II в период Первой мировой войны значительно уменьшилось по сравнению с предшествовавшим периодом. Часть организаторов кружков и салонов (А. А. Римский-Корсаков, Б. В. Штюрмер, С. Д. Шереметев), используя свои связи в правых парламентских группах (прежде всего, Государственный совет и отчасти Государственная Дума), пытались оказывать политическое влияние на царя (например, при помощи уже упомянутых нами «записок»), однако, как показывают источники, оно оставалось ничтожным.

Некоторые участники кружков и салонов периода Первой мировой войны вообще не были лично знакомы с императором. Уже в силу своего возраста ни М. М. Андроников, ни Н. Ф. Бурдуков не могли быть «старшими наставниками» царя, что ранее хотя бы отчасти имело место в случае с прежними салонами – князя В. П. Мещерского и генерала Е. В. Богдановича. Николаю II было просто непозволительно слушаться создателей тех или иных кружков и салонов, пытавшихся диктовать ему свою волю. Некоторым в своем роде исключением (да и то не в полной степени) был, пожалуй, только митрополит Петроградский и Ладожский Питирим, которого царь глубоко уважал и салон которого также пытался влиять на императорскую политику [10, с. 237–238].

Проанализировав значительное количество камер-фурьерских журналов царственных особ, разносные книги корреспонденции, пригласительные билеты на высочайшие приемы, переписку императора, императрицы и великих княжон, а также дневники императора Николая II, удалось выяснить, кого из организаторов и участников неформальных правых структур принимали император и императрица, и как часто это происходило. Можно отметить, что наиболее часто принимала у себя царская чета митрополита Питирима [10, с. 238] и Б. В. Штюрмера [13, с. 58], тогда как остальные организаторы кружков и салонов либо вообще не удостоивались высочайших аудиенций, либо это происходило крайне редко. В частности, нами опровергнуто расхожее представление о том, что якобы царь систематически принимал в своем дворце доктора П. А. Бадмаева [5, с. 167].

Отметим также и тот важный факт, что определенная часть организаторов неформальных правых политических организаций, как, например, М. М. Андроников, вызывали у монарха резкую антипатию [3, с. 129–130].

Взгляды Николая II по тем или иным вопросам нередко совпадали с программой участников неформальных правых организаций, которые иногда добивались высших должностей. В большей степени это можно объяснить личными симпатиями к ним со стороны императора и императрицы, чем

влиянием кружков и салонов на императорскую политику. Практически все политические программы рассмотренных нами неформальных организаций (к примеру, многочисленные «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова) оставались без должного внимания со стороны царя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. – Изд-е 2-е. – М. : Большая советская энциклопедия, 1955. – Т. 37.

2. *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.) / Д. И. Стогов. – СПб., 2007.

3. *Стогов Д. И.* Салон князя М. М. Андроникова и система власти Российской империи / Д. И. Стогов // Клио : журнал для ученых. – 2006. – № 3 (34). – С. 127–132.

4. *Стогов Д. И.* Кружок графа С. Д. Шереметева в политической жизни самодержавной России / Д. И. Стогов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 4 (33). – С. 69–74.

5. *Стогов Д. И.* Кружок П. А. Бадмаева и его влияние на политику Российской империи в годы Первой мировой войны / Д. И. Стогов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : научно-теоретический и прикладной журнал. – 2013. – № 6 (32), ч. 2. – С. 165–171.

6. *Стогов Д. И.* Кружок Н. Ф. Бурдукова в системе власти самодержавной России (1914–1917 гг.) / Д. И. Стогов // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2013. – № 3 (31). – С. 355–367.

7. *Стогов Д. И.* Салон графини С. С. Игнатъевой в политической жизни России начала XX века / Д. И. Стогов // Научное мнение : научный журнал. – 2013. – № 9. – С. 146–157.

8. *Стогов Д. И.* Салон графа Н. Ф. Гейдена в структуре черносотенного движения начала XX века / Д. И. Стогов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : научно-теоретический и прикладной журнал. – 2012. – № 7 (21), ч. 1. – С. 185–190.

9. *Стогов Д. И.* Религиозно-политические салоны и их влияние на политику Николая II / Д. И. Стогов // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 5. – С. 13–17.

10. *Стогов Д. И.* Деятельность салона митрополита Петроградского Питирима (Окнова) (1915–1917 гг.) / Д. И. Стогов // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Междунар. науч. конф. (12–13 марта 2014 г.). – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2014. – Ч. 1. – С. 233–239.

11. *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте : от кризиса к краху (1914–1917) / А. А. Иванов ; науч. ред. И. В. Алексеева. – М. ; СПб., 2013.

12. *Стогов Д. И.* Кружок А. А. Римского-Корсакова и его влияние на политику Николая II / Д. И. Стогов // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 3, т. 4 : История. – С. 32–41.

13. *Стогов Д. И.* Салон Б. В. Штюмерера в системе власти самодержавной России / Д. И. Стогов // Вестник Орловского гос. ун-та. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 6 (26). – С. 56–60.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА).
15. *Стогов Д. И.* Последняя попытка спасти монархию : «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова, и их политическое значение / Д. И. Стогов // Революция 1917 года в России : новые подходы и взгляды : сб. науч. статей. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 5–13.
16. *Весь Петроград на 1917 год* : адресная и справочная книга. – Пг., 1917.
17. *Стогов Д. И.* Салон графини М. Э. Клейнмихель и степень его влияния на политику Российской империи / Д. И. Стогов // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук) . – 2014. – № 6, т. 1. – С. 479–486.
18. *Стогов Д. И.* Правые политические организации в период Первой мировой войны. Проблема влияния правых на политику Николая II / Д. И. Стогов. – Saarbrücken, 2012.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1467. – Оп. 1. – Д. 541.

*Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В. И. Ульянова (Ленина)*

Стогов Д. И., кандидат исторических наук,
ассистент кафедры истории культуры,
государства и права

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Tel.: 8-911-245-06-71

*St. Petersburg State V. I. Ulyanov-Lenin's
Electro-Technical University «LETI»*

Stogov D. I., Candidate of Historical Sciences,
Assistant of the Culture History, State and Law
Department

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Tel.: 8-911-245-06-71

**П. И. КОВАЛЕВСКИЙ – УЧЕНЫЙ, ПУБЛИЦИСТ,
ИДЕОЛОГ КОНСЕРВАТИВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА**

П. Б. Стукалов

Воронежский институт ФСИН России

Поступила в редакцию 21 июня 2015 г.

Аннотация: *показаны основные этапы становления общественно-политического мировоззрения П. И. Ковалевского, наиболее существенные аспекты его деятельности. Проанализированы его взгляды по наиболее актуальным вопросам идеологии русских националистов начала XX в.*

Ключевые слова: *П. И. Ковалевский, Всероссийский национальный союз, нация, национализм, национальный вопрос.*

Abstract: *shows the main stages of the formation of his social and political philosophy, the most significant aspects of its activities. In addition, the article analyzes the views of PI Kovalevsky on the most pressing issues of russian nationalist ideology of the early XX c.*

Key words: *P. I. Kovalevsky, Russian national union, the nation, nationalism, national issue.*

Павел Иванович Ковалевский (1850–1931) – известный отечественный психиатр, один из идеологов Всероссийского национального союза – политической организации русских националистов начала XX в. П. И. Ковалевский родился в небольшом городке Петропавловка Екатеринославской губернии в семье священника. Несмотря на материальную стесненность семьи Ковалевских, его профессиональная карьера стала быстро развиваться по нарастающей.

Так, за короткий период с 1869 по 1890 г. П. И. Ковалевский, получив духовное и медицинское образование, проделал путь от уездного врача до экстраординарного профессора, издателя и редактора ведущих отечественных изданий в области психиатрии, организатора первого в истории съезда ведущих представителей психиатрической науки, состоявшегося в 1888 г.

Результатом масштабной научно-практической деятельности, проводимой П. И. Ковалевским, стала разработка им важнейших научных теорий, таких как материалистическое представление о сущности психических явлений в норме и патологии, теория психозов, положения о роли кровообращения в центральной нервной системе и др. За свои заслуги в области развития медицинской науки Ковалевский в конце XIX в. получил ряд правительственных

наград, среди которых орден Святого Владимира, Золотая табакерка имени императора Александра III, а также чин действительного статского советника.

Общественно-политическое мировоззрение будущего теоретика ВНС формировалось преимущественно под влиянием консервативно настроенных профессоров Харьковского университета, в стенах которого произошло его становление в качестве профессионального ученого. В частности, в документах царской охраны, чутко отслеживающей направленность политических настроений русской ученой интеллигенции, П. И. Ковалевский упоминался в качестве исключительно лояльного по отношению к самодержавному политическому режиму лица. Привитые ему с детства такие черты мировоззренческой позиции, как убежденный монархизм и приверженность православию, предопределили органическое неприятие оппозиционных и нигилистических настроений в любом виде. Лояльность и поддержка Ковалевским существующей политической системы обусловили и высокую степень доверия, оказываемого ему со стороны правительственных структур. Указанный факт нашел свое проявление в назначении П. И. Ковалевского на ответственный пост ректора Варшавского университета. Основным направлением деятельности профессора в этой должности стало ведение борьбы с польским «засильем», привлечение к преподаванию молодых кадров преимущественно великорусского и малороссийского происхождения.

Таким образом, уже в период работы в Варшавском университете П. И. Ковалевский имел устоявшееся национал-консервативное мировоззрение, стоявшее ему в услужение. В скором времени против профессора сформировалась оппозиция из числа польских профессоров, которая воспользовалась тяжелой болезнью профессора и в 1896 г. сумела обеспечить его отстранение от должности и последующее увольнение.

С начала XX в. наступает новый этап в жизни ученого. С этого времени профессор начинает принимать участие в общественной деятельности и становится участником общественного движения. В частности, в этот период он являлся членом элитарной консервативной организации «Русское собрание», сочувствовал нарастающему черносотенному движению. Вместе с тем нельзя говорить о том, что П. И. Ковалевский играл сколько-нибудь значимую роль в общественном движении правых. Выступая в роли стороннего «созерцателя», проводя много времени в своем кавказском имении, профессор в период первой русской революции занимался историософией. В результате появились его знаменитые «психиатрические этюды» и обобщающие работы по истории России, Украины и Кавказа [1–4].

Возникновение Всероссийского национального союза (ВНС), политической организации русских националистов, по-видимому, с интересом воспринималось мыслителем. В связи с этим логично предположить, что идейная доктрина новой организации полностью совпадала с мировоззренческой позицией П. И. Ковалевского. Несмотря на то что на протяжении всей дея-

тельности ВНС профессор не входил в состав парламентской фракции националистов, его роль в движении русского национализма трудно переоценить. Он довольно быстро зарекомендовал себя в качестве признанного теоретика, дал исчерпывающие формулировки базовым понятиям новой идейной концепции. В период расцвета деятельности ВНС (1911–1912 гг.) профессор выступил с рядом теоретических работ, в которых обосновывал ключевые понятия националистической доктрины, разъяснял собственное понимание программных основ и деятельностных установок организации.

Кроме того, мыслитель принимал деятельное участие и в работе общественных организаций русских националистов. При его непосредственном участии был создан Всероссийский национальный клуб (ВНК) в качестве культурно-просветительской организации, главной целью которой являлась пропаганда идей русского национализма. П. И. Ковалевский занимал в ВНК ведущее положение, являлся его старшиной, председателем научно-политического (лекторского) отдела, а также членом редакционной комиссии главного периодического издания организации – Известий ВНК, на страницах которых часто публиковались его теоретические трактаты [5]. Кроме того, профессор внес неоценимый вклад и в дело пропаганды идей союза на местах. Выполняя решения Первого съезда русских националистов, прошедшего в Петербурге в 1912 г., с целью организации местных отделов ВНС Ковалевский совершил ряд поездок по стране, в основном в центральные и западные губернии, где читал лекции, разъясняющие сущность идеологии русского национализма.

С началом мировой войны и нарастанием кризисных явлений как в стране, так и в организации русских националистов П. И. Ковалевский постепенно отходит от активной общественно-политической деятельности. Тем не менее в 1915 г. вышла важнейшая теоретическая работа профессора, в которой подводился итог его изысканий относительно определения сущности понятий «нация» и «национализм», а также давалась исчерпывающая характеристика основных черт русского национального типа [6]. Кроме того, ученый активно участвовал в пропагандистском движении патриотического характера, выступив в печати с имевшей огромный успех статьей, в которой анализировались негативные особенности немецкой нации, в связи с чем доказывалась справедливость ведения войны со стороны Российской империи.

С 1916 г. Ковалевский окончательно отошел от активной общественной деятельности и работал в Петроградском университете, где на юридическом факультете читал курс судебной психологии. Революция 1917 г. для теоретика русского национализма, как и для многих представителей русской интеллигенции, ознаменовала собой личную катастрофу. В это время профессор имел все основания бояться за себя и своих близких. По его собственному признанию, новая власть поставила его на край гибели: «Все, что я копил, у меня отобрали... лишили службы, отобрали пенсию, не дали ни гроша. Практики никакой. Лечить пришлось бы или всех, или никого. Умирай с голоду. За

границу не пускали», – писал Ковалевский своему бывшему коллеге по партии митрополиту Евлогию [7]. Во многом под влиянием такого рода обстоятельств Ковалевский был вынужден поступить на службу большевистскому режиму, который он органически не принимал. Так, он служил главным врачом отряда Красной армии, на себе испытал все ужасы гражданской войны, впоследствии работал главным врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде, а с 1924 г. читал курс военной психологии в одном из высших военных учебных заведений. Кроме того, Ковалевский осматривал Ленина в период его болезни и первым определил у него прогрессивный паралич [8]. Данный факт едва не стоил ему жизни, и в декабре 1924 г. профессор оказался под угрозой заключения. Однако благодаря личным связям Ковалевский в начале 1925 г. смог выехать за границу в Бельгию, где совершил попытки активизировать общественно-политическую деятельность, сотрудничая с бывшим коллегой по партии митрополитом Евлогием по вопросу организации движения православных иерархов в эмиграции. Свои дни П. И. Ковалевский закончил в маленьком бельгийском городке Льеж 17 октября 1931 г.

Несмотря на то что П. И. Ковалевский практически не принимал участия в деятельности Всероссийского национального союза, его следует рассматривать в качестве одного из ведущих идеологов русского национализма начала XX в. В своих публицистических трудах ученый обосновал ряд ключевых идеологем националистической доктрины. Так, в частности, взгляды П. И. Ковалевского существенным образом повлияли на формирование официальной позиции ВНС по таким принципиальным вопросам, как определение базовых категорий националистической доктрины – «нация», «национализм», выявление особенностей отечественного исторического процесса, сущности концепции решения национального вопроса, формы национального Русского государства.

Определяя понятия «нация» и «национализм», П. И. Ковалевский выступил новатором. Сочетая принципы примордиалистского и конструктивистского подхода, П. И. Ковалевский понимал нацию в качестве общности, обладающей особым антропологическим, духовным, психологическим и вместе с тем особым гражданским единством. С естественно-научных позиций ученый обосновывал объективное существование основных характеристик нации и национализма – национального сознания и национального чувства. Определяя нацию таким образом, идеолог ВНС обосновывал ее роль в качестве основного субъекта исторического развития, ориентируясь при этом на законы социального дарвинизма [9–10].

Вместе с тем представляется, что основной проблемой подхода П. И. Ковалевского к анализу сущности указанных феноменов являлось стремление ученого рассматривать их как бы в «чистых» «лабораторных» условиях при полном игнорировании реальной общественной обстановки, что вело к созданию очевидных несоответствий между теорией и практикой, а также про-

творечий, недоработок в самой доктрине. В связи с этим П. И. Ковалевский нередко терял критерий объективности, сбиваясь на откровенную апологику значения национализма как в качестве сущностной характеристики мировоззрения отдельной личности, так и социально-политического феномена. Примером этого являлось одностороннее рассмотрение отечественного исторического процесса, ключевые детерминанты которого находились, по мнению П. И. Ковалевского, лишь в политической сфере и были обусловлены уровнем развития национализма.

Существенное значение имели взгляды Ковалевского по национальному вопросу. Рассматривая проблемы межнациональных отношений в Российской империи в качестве приоритетных, идеолог ВНС сформулировал базовые принципы для разработки эффективной государственной политики в национальном вопросе. Ключевыми из них являлись следующие:

– принцип «Россия для русских», в соответствии с которым в Российской империи предполагалось реализовать концепцию «национального государства», в рамках которого представители русской нации должны были получить абсолютное большинство во всех управленческих структурах империи в экономической и культурной сферах. При этом государственная политика должна была быть направлена исключительно на обеспечение прямой защиты прав и интересов представителей русской национальной общности;

– принцип правового неравенства наций в составе империи, реализованный на основе концепции «равносилы». Ее сущность заключалась в необходимости создания в рамках Российской империи условий, обеспечивающих равные возможности для развития всех наций в ее составе в зависимости от исходных характеристик их национального сознания и правового положения в государстве. В связи с этим, например, права евреев в экономической сфере, где они достигли небывалого влияния, должны были быть искусственно урезаны, тогда как представители других национальных общностей, другие нации обязаны получать большие возможности для своей деятельности. Указанный приоритет национальной политики должен был реализовываться в тесной связи с принципом господства державной нации, а также отвечать исключительно русским интересам, поскольку перераспределял права во всех сферах жизнедеятельности общества в их пользу;

– принцип «дифференцируемого подхода», в соответствии с которым определялась конкретная совокупность прав представителей нерусских народностей в составе империи и необходимая политика в их отношении. В качестве критериев такой дифференциации соподчиненных наций мыслитель предлагал следующие: наличие собственного национально-обособленного ареала, степень национально-культурного развития, а также отношение той или иной нации к Русскому государству и господствующей в нем нации.

В отношении наций с высокой степенью развития национально-культурного сознания (к ним, по мысли Ковалевского, следовало относить, в первую

очередь, поляков и финнов) предлагалось вести политику, направленную на предоставление им прав национально-культурной автономии. К так называемым низшим нациям, таким как в основном северокавказские и финно-угорские народности предполагалось применять тактику русификации с целью их полной ассимиляции без сохранения собственных национальных атрибутов. Полная ассимиляция таких народностей являлась, по Ковалевскому, гарантией получения ими прав наравне с русскими.

Третий критерий – степень политической лояльности, по мысли Ковалевского, являлся важнейшим и в наибольшей степени мог определять направленность национальной политики в отношении конкретной соподчиненной нации. Вместе с тем указанный критерий характеризовала высшая степень непостоянства и вариативности. В связи с этим лояльная позиция, занятая конкретной «инороднической» группой в отношении Русского государства и нации, могла сиюминутно поменять сложившуюся политическую конъюнктуру в ее отношении. Поэтому, например, финны, которые имели достаточно высокий уровень национально-культурного развития, однако систематически выступали против государственной политики русского правительства, не должны были иметь сколько-нибудь существенных прав в государстве. Наоборот, евреям для того чтобы сделаться полноправными гражданами империи, достаточно было «стать русскими по духу», уважать существующий государственный строй;

– принцип «единодержавия». Смысл его состоял в признании неприкосновенности единства и территориальной неделимости Российского государства. П. И. Ковалевский выражал содержание этого принципа следующим образом: «Русская земля ни при каких условиях не может быть ни разделена, ни уменьшена в объеме, ни расчленена на составные части, из которых она произошла. Она может быть увеличена в объеме. К ней могут быть произведены приращения – но уменьшение недопустимо и немислимо. Точно так же немислимо расчленение ее на отдельные части в виде штатов, автономий, федераций и пр. Всякий сепаратизм и всякие подразделения – глупые, праздные и преступные мечтания. Россия есть неделимое и нерушимое целое, и в ней мыслимо лишь единодержавие» [10, с. 241].

Определяя перспективную цель государственной политики в национальном вопросе, П. И. Ковалевский выступал за масштабную культурную интеграцию народов империи, за ассимиляционное взаимодействие между отдельными национально-культурными типами. Это привело бы, по мнению ученого, к «естественному» решению национального вопроса на принципах взаимоуважения отдельных наций при признании старшинства русских. В то же время тактика достижения указанной цели Ковалевским определена не была.

П. И. Ковалевский внес существенный вклад в разработку проблем концепции государственного устройства, предложенной ВНС. В связи с этим обращает на себя внимание его интерпретация содержания триады «правосла-

вие – самодержавие – народность», которая определяла исходные политические установки всех правых Российской империи. Сущность его «авторского понимания» триады состояла в том, что идеолог ВНС исключил «народность» из ее структуры, введя в ее состав категорию «единодержавие». Другими словами, в качестве незыблемых основ русской государственности Ковалевский рассматривал самодержавие, православие и единодержавие, непреходящая ценность которых определялась не их самостоятельным значением, а соответствием сущностным характеристикам русской национальной общности. Таким образом, по мнению ученого, именно русская нация, иначе народность, выступила создателем истинно национальной формы власти, веры, национально-территориального устройства.

Много внимания в своих работах П. И. Ковалевский уделял анализу специфики самодержавной формы правления. Необходимость сохранения этого института в качестве системообразующей характеристики русской государственности представлялась ученому очевидной.

При этом незыблемость самодержавия Ковалевский обосновывал, во-первых, тезисом о том, что необходимость его существования определялась характеристиками русской нации, представители которой были склонны к ссорам и разрозненности, не были в состоянии самостоятельно организовать свое государственное бытие, вследствие чего добровольно передали властные функции варяжским князьям, сумевшим с течением времени стать некоей надсоциальной силой, сплотившей русскую нацию.

Таким образом, именно княжеская власть, трансформировавшаяся впоследствии в самодержавную, т.е. самодостаточную и независимую, вытекала «из органической неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению» [10, с. 240], и поэтому именно самодержавие «является органичной национальной потребностью, без которой Россия существовать не может... Отнять в государственном строе России самодержавие – значит поставить ее в антинациональные условия бытия, противные его существу» [10, с. 140, 143].

Во-вторых, анализируя русский исторический процесс, П. И. Ковалевский делал однозначный вывод о том, что объективные его особенности также способствовали утверждению в Русском государстве самодержавной формы правления, поскольку именно она в союзе с институтом православной церкви не только смогла отстоять независимость и целостность русской государственности в кризисные эпохи феодальной раздробленности и смутного времени, создать прочные основы социального мира, построенного на принципах патернализма (особой сословной солидарности), но и в конечном итоге обеспечить прогрессивное развитие, эволюцию от простейшей формы государства, сформировавшейся в эпоху Киевской Руси, до имперского величия [10, с. 142].

В итоге собственных рассуждений Ковалевский соотносил величие русской государственности и крепость самодержавной формы правления в пло-

скости прямо пропорциональной зависимости, доказывая, что «в русском самодержавии зиждется целостность, крепость, мощь и величие России», причем «всякое нарушение самодержавия немедленно влечет за собой подрыв благосостояния нации и крепости государства» [10, с. 142].

Другой ключевой характеристикой отношения П. И. Ковалевского к институту самодержавия являлось обоснование необходимости осуществления его последовательного реформирования в соответствии с концепцией, предложенной премьер-министром П. А. Столыпиным. Главная посылка теоретика ВНС при этом сводилась к утверждению незыблемости представительного образа правления, при котором самодержец выступал в единстве с Государственной Думой и Государственным советом при наблюдении законодательных учреждений за законностью деятельности правительства. Данный тезис Ковалевского полностью совпадал с официальной партийной позицией, которая сводилась, во-первых, к тому, что главой государства должен был являться самодержец, повелевающий им при содействии назначенных министров и избранников народа; во-вторых, к обязанности министров отвечать на запросы членов Государственной Думы по вопросам текущей политики; в-третьих, проповедовался принцип «национализации» органов управления, при котором во главе их должны были находиться убежденные русские националисты, проповедовавшие последовательность и преемственность в проведении политики.

Обращает на себя внимание позиция П. И. Ковалевского по вопросам характеристики необходимого для Российской империи политического режима. В этих вопросах идеолог ВНС выступал в качестве последовательного сторонника демократизации общественно-политической жизни, считая равенство граждан империи перед законом, свободу слова, религии, печати и собраний в пределах закона чрезвычайно необходимыми и важнейшими установлениями [11, с. 53]. По мысли Ковалевского, именно возможность организовывать общественно-политические дискуссии позволяла осуществлять прогрессивное развитие общества.

Являясь последовательным сторонником демократизации общественно-политической жизни, П. И. Ковалевский разработал и обосновал концепцию реформирования отечественной судебной системы. Основными ее характеристиками являлись следующие аспекты.

Во-первых, расширение содержания целевого назначения судебных учреждений. В связи с этим П. И. Ковалевский последовательно обосновывал утверждение о том, что судья должен стать своеобразным «социальным» врачом общества, поэтому считал необходимым не только оставить за судом функцию вынесения приговора по свершившемуся правонарушению, но и дополнить ее обязанностью проводить обязательную диагностику личности преступника с целью ее исправления и предупреждения последующих возможных правонарушений [12, с. 49]. В состав суда Ковалевский предлагал,

таким образом, вводить двух судей: профессионального юриста, исследовавшего обстоятельства правонарушения, и судебного психиатра, изучающего личность преступника. По мнению мыслителя, такой состав суда был необходим для более точного определения состава преступления и личности преступника с целью вынесения ему адекватного наказания, позволяющего нейтрализовать его в дальнейшем.

Для обеспечения более эффективного судопроизводства идеолог ВНС предлагал разделять правонарушителей на категории – прирожденных, случайных, рецидивистов, по отношению к которым суд обязан был назначать соответствующие адекватные наказания, начиная от условного осуждения, рабочей колонии, до полного изолирования в специальных учреждениях для прирожденных преступников.

Особое внимание Ковалевский уделял профилактике и предупреждению преступности у малолетних детей из трудных семей. Для них он предлагал устраивать специальные учебные заведения, в которых под пристальным наблюдением врача-психиатра специально обученный персонал воспитателей и врачей проводил бы курс реабилитации, следуя принципам «человеколюбия, терпения и снисходительности» [12, с. 60].

Таким образом, общие принципы судебной реформы, связанной с качественным изменением судебных органов власти, декларируемые Ковалевским, сводились к следующим утверждениям: необходимости переориентации суда на личность преступника и предупреждение преступности, созданию демократичного суда, который должен был назначать адекватные наказания, учитывая тяжесть совершенного преступления и личностных характеристик преступника.

Демократизм взглядов П. И. Ковалевского проявился и в его оценке социальной структуры Российской империи. Игнорируя сословную организацию российского общества, идеолог рассматривал его в качестве совокупной русской национальной общности, в составе которой он выделял две взаимосвязанные между собой части: народ, включающий земледельцев, рабочих, буржуазию, духовенство, интеллигенцию и родовую аристократию. При этом Ковалевский подчеркивал огромное значение народа в государстве, поскольку он являлся основной производительной силой общества, обеспечивая в таком качестве его благосостояние. Идеолог ВНС настаивал на проведении активной социальной политики в интересах широких народных масс.

Такого рода выводы определяли представления П. И. Ковалевского относительно места и роли ВНС в общественно-политической системе. По его мнению, естественным следствием развития национального сознания любой нации являлось стремление достигнуть равенства членов национальной общности по уровню образования и доступа к национальным благам. Оценивая историческое развитие Русского государства, мыслитель, отчасти соглашаясь с идеями народника Петра Лаврова, утверждал, что со стороны интеллиген-

ции существует неоплатный долг по отношению к русскому народу, поскольку именно его стараниями была построена могущественная Российская империя. Оба наблюдения приводили теоретика национализма к выводу о том, что демократизм должен рассматриваться в качестве главного элемента идеологии русского национализма. В связи с этим Ковалевский утверждал: «Она (национальная партия. – П. С.) по всей справедливости будет партией государственной. Таково ее будущее и такую она может стать, но при одном условии: с народом, через народ и для народа... Его-то интересы и должны стоять на первом плане в программе деятельности русской национальной партии...» [10, с. 168–169].

В отношении вопросов внешней политики государства П. И. Ковалевский выступал последовательным сторонником внешнеполитической автаркии. Так, рассматривая проблемы практической реализации данной концепции на примере вопросов о взаимоотношениях со странами Западной Европы, идеолог ВНС высказывался прямо и беспелляционно: Россия не должна вступать в тесные контакты ни с одной из европейских держав. При этом мыслитель не отрицал возможности доброжелательных отношений со странами Европы, но только в «прагматических» целях, под которыми имел в виду прежде всего экономическое сотрудничество. Идеальной моделью взаимоотношений России и славянского сообщества являлось, по мнению ученого, взаимодействие в качестве старших и младших партнеров, в рамках которого Россия, намеренно не предпринимая попыток организовать славянский союз, теоретически могла войти в него только на правах старшего, став во главе его, превратив русское дело в общеславянское. Итог своих рассуждений теоретик выразил следующим образом: «Если Россия будет для славян, но и славяне для России. Смотреть же на Россию, как на дойную корову, – время прошло!» [11, с. 41–42].

Таким образом, П. И. Ковалевский являлся не только ведущим ученым – психиатром, родоначальником целого направления в отечественной психиатрической науке, но и видным общественно-политическим деятелем, сыгравшим важную роль в обосновании идейной доктрины русского национализма начала XX в. Его политическое мировоззрение обладало своеобразием, поскольку в нем сочетались черты правового консерватора и последовательного либерала. Эта характеристика нередко вносила неразрешимые противоречия во взгляды Ковалевского по многим актуальным проблемам российской действительности. Вместе с тем многие идейные установки П. И. Ковалевского, прежде всего относительно концепции решения национального вопроса, не только оказали существенное влияние на официальную доктрину ВНС, но и определили конкретные политические мероприятия правительства. В связи с этим полагаем, что общественно-политические взгляды П. И. Ковалевского, как и в целом представителей политического течения русского национализма начала XX в., настоятельно требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевский П. И.* Александр III – царь-националист / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография В. Коротеевой, 1912. – 144 с.
2. *Ковалевский П. И.* Завоевание Кавказа Россией / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография Акинфиева, 1914. – Т. 2. – 343 с.
3. *Ковалевский П. И.* История Малороссии / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография В. Коротаевой, 1912. – 220 с.
4. *Ковалевский П. И.* История России с национальной точки зрения / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография Акинфиева, 1912. – 108 с.
5. *Ковалевский П. И.* Задачи русского национализма / П. И. Ковалевский // Подольнин. – 1912. – 20 марта.
6. *Ковалевский П. И.* Немцы : психологический очерк / П. И. Ковалевский // Наши враги. Очерки. – Пг., 1915. – Вып. 1. – С. 1–72.
7. ГА РФ. – Р-5919. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 2.
8. *Иванов А.* Профессор-националист. К 75-летию кончины П. И. Ковалевского / А. Иванов // Агентство «Русская линия». – 2006. – 17 окт.
9. *Ковалевский П. И.* Психология русской нации / П. И. Ковалевский. – Пг., 1915. – 93 с.
10. *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография М. Акинфиева, 1912. – 394 с.
11. *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография М. Акинфиева, 1912. – 66 с.
12. *Ковалевский П. И.* Борьба с преступностью путем воспитания / П. И. Ковалевский. – СПб. : Тов. Вульф, 1908. – 72 с.

*Воронежский институт
ФСИН России*

Стукалов П. Б., кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник организационно-
научного и редакционного отдела

E-mail: papen2007@mail.ru

*Voronezh Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia*

Stukalov P. B., Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Organizational
and Scientific Editorial Department

E-mail: papen2007@mail.ru

УДК 94:329.11(47+57)«20»

К «ФЕНОМЕНОЛОГИИ» КОНСЕРВАТИЗМА И НЕ ТОЛЬКО...

А. А. Ширинянц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 13 июня 2015 г.

Аннотация: рассмотрены через призму феноменологии и аксиологии русского консерватизма программы современных политических партий в России, декларирующих приверженность консерватизму. Проанализирована проблематика консерватизма в современном идеологическом пространстве страны; предложены ответы на вопросы о том, что такое консерватизм и что лежит в основе консерватизма; подвергнута рассмотрению проблема определения консерватизма; проведено сопоставление консерватизма и традиции, а также консерватизма и теоретической рефлексии; описаны характерные признаки консерватизма, а также специфика русского политического консерватизма; раскрыта суть неоднородности русского консерватизма и роли консервативной идеологии в современности; продемонстрирована роль русской интеллигенции в формировании консервативной идеологии; показана «опозиционность» и «прогрессивность» консерватизма; соотнесены консервативные ценности и консервативные декларации политических партий.

Ключевые слова: консервативная идеология, консервативные ценности, политические партии и партстроительство в современной России.

Abstract: the programs of Russian modern political parties, proclaiming conservative aims are analysed in the article through the patterns of phenomenology and axiology of Russian conservatism. The problem of the role of conservatism in contemporary ideological quest in Russia is discussed; original definitions of conservatism and its basis are proposed; links between conservatism and tradition and theoretical reflection are described; specific features of Russian political conservatism and the sources of its heterogeneity are revealed; accent is put on the role played by Russian intelligentsia in formation of conservative ideology; “oppositional” and “progressive” character of conservatism is marked down; comparison of conservative declarations with conservative values is developed.

Key words: conservative ideology, conservative values, political parties, party-building in modern Russia.

Вместо предисловия. В начале 2014 г. ко мне обратились со странной для меня просьбой: «попроще» объяснить суть феномена консерватизма сотрудникам двух управлений Администрации Президента РФ. Затем коллеги-политологи из Восточно-Китайского университета затеяли большую международную научную конференцию, где попросили меня рассказать о процессе партийного

© Ширинянц А. А., 2015

строительства в современной России [1, с. 628–689]. Прежде чем выступить в Шанхае, мне удалось в Москве в ходе второго форума «Бердяевских чтений», которые проводит Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), обсудить основные положения своего доклада с единомышленниками [2, с. 166–183]¹. По просьбе одного из них – А. Ю. Минакова, материал этих выступлений был обобщен, дополнен и оформлен в статью, которая и предлагается читателям сборника.

Консерватизм в современном идеологическом пространстве страны. Известно, что идеологическое кредо Президента РФ выражается понятием «консерватизм» [5]; любимый концепт Председателя Правительства РФ – «консервативная модернизация» [6].

Прежде чем ответить на вопрос, какое реальное политическое содержание стоит за этими призывами-слоганами², следует определиться, что представляет собой современное идеологическое пространство нашего Отечества и как оно соотносится с пространством политическим.

Политический ландшафт, как правило, рассматривается в структурно-функциональном, институциональном аспектах. Одним из основных институтов государственной власти в России (наряду с Президентом РФ, Правительством РФ, судами РФ) выступает парламент – Федеральное Собрание, которое является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Немного арифметики. В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VI созыва, депутаты которой в 2011 г. были избраны по пропорциональной системе (т.е. по партийным спискам), представлены четыре политические партии, две из которых прямо заявляют об идеологической приверженности российскому консерватизму («Единая Россия») [7] и русскому национализму (Либерально-демократическая партия)³. Фракция правящей в нашей стране партии «Единая Россия» имеет в своем составе 238 депутатов, фракция ЛДПР – 56. Таким образом, 65,32 % от общего числа депутатов, принимающих федеральные законы, а также участвующих в формировании правительства страны и контроле его деятельности, позиционируют себя как «российские консерваторы» и «русские националисты».

Далее, по состоянию на начало 2015 г. в Российской Федерации было официально зарегистрировано 76 политических партий [9], из которых 73 пар-

¹ С небольшими вариациями этот материал был опубликован также в журналах «Историческое образование» [3, с. 99–117] и «Вестник Гродненского государственного университета» [4, с. 131–142].

² Как известно, в буквальном смысле слоган (англ. Slogan), собственно, и означает «клич», «призыв».

³ «Наша партийная идеология направлена на объединение всех патриотических сил русской нации для национального возрождения страны... ЛДПР сразу же определила в качестве важнейшего своего концептуального постулата идею патриотизма, центральной частью которого стала защита русского народа» [8, с. 4–5].

тии обладают правом участия в выборах [10]. Кроме того, зарегистрированы 54 организационных комитета, ставящих целью создать политическую партию [11]. Из 76 действующих политических партий 20 можно назвать консервативными, так как в своих программных документах они декларируют те или иные консервативные принципы и ценности; 15 «околоконсервативных» и «неконсервативных» партий осознанно или неосознанно используют в партийных документах консервативную риторику⁴.

Если к этому добавить бурно растущее в количестве и прибавляющее в политическом весе Общероссийское общественное движение «Народный фронт “За Россию”», объединившее единомышленников Президента России [17], то масштабность присутствия консерватизма в современном идеологическом и политическом пространстве страны возрастет еще больше.

Между тем при анализе современности надо хорошо понимать, что фактор популярности «мема» консерватизма напрямую зависит от степени близости соответствующих «агентов» (термин В. Декомба) к власти. В данном случае эта позиция отражает скорее коммуникацию политической партии с властью, чем с той или иной общественной аудиторией [18, р. 936–940].

Многие представители консервативных, традиционалистских, националистических, патриотических и других партий, претендующих на роль «идеологов» или даже «теоретиков», не всегда четко представляют себе, что же собственно такое «консерватизм», какова иерархия консервативных ценностей, и практически всегда слабо ориентируются в пространстве интеллектуального богатства русской консервативной социально-политической мысли, формировавшей эту иерархию консервативных ценностей. Более того, и в этом мы полностью солидарны с А. В. Репниковым, каждая политическая сила вкладывает в понятие консерватизма «содержание, которое ей выгодно в него вкладывать в данный момент» [19].

Приходится констатировать, что консерватизм сегодня в отечественном политическом пространстве – это, прежде всего, область политической рито-

---

⁴ Примером таких «околоконсервативных» партий могут служить те партии, которые не относят себя к консервативному направлению, но апеллируют в своих программах к «традиции», к «нравственным принципам, соответствующим традициям России», «духовности», «любви к Родине» и пр. (см., например, программы Общероссийской политической партии «Народ против коррупции» [12]; Всероссийской политической партии «Российская партия садоводов» [13]; Всероссийской политической партии «Женский диалог» [14] и др.). Ярким примером «неконсервативной» партии, пытающейся в своих программных документах что-то сказать о консерватизме, выступает «внеидеологическая» Всероссийская политическая партия «Честно» (Человек. Справедливость. Ответственность), которая для «улучшения жизни простых людей» собирается применять «различные меры: консервативные (например, для консервации бесплатности образования и бесплатности здравоохранения)» [15]; в этом ряду и «демократическая» политическая партия «Молодая Россия» – партия «радикальных неотехнологов», отвергающая «идеологическое деление на всевозможных либералов, консерваторов, коммунистов, социалистов и т.д.», но свой перечень «базовых ценностей» открывающая не чем иным, как «целостностью нашей страны, ее традициями», и ратующая за выступление против тех, «...кто пытается извне грубо вмешиваться во внутренние дела» [16].

рики, которая очень часто скрывает неотрефлексированное содержание. Для многих партий ритуальными стали фразы о «государственности» и «патриотизме». Как мантры звучат лозунги, подобные этим: «Наша цель – обновленная сильная Россия!», «Родина, Семья, Честь, Патриотизм, Духовность», «Сохраним себя, сбережем семью, возродим Россию» и др. На страницах партийных программ можно встретить термины «российский консерватизм», «либеральный консерватизм», «консервативный демократический социализм», «левый консерватизм», «социальный консерватизм», «либерал-консерватизм», «нео-консерватизм», «здоровый консерватизм», «гражданский национализм». В этих программах идет речь не просто о консервативной идеологии, а о «национально-патриотической идеологии», об идеологии «российской имперской демократии», о «казачьей идеологии» и др.

Возникает вполне закономерный вопрос: откуда берутся такие «идеологические» основы? На наш взгляд, в данном случае могут быть только два рациональных варианта их появления: либо их создатели, совершенно не понимая сути консерватизма, изобретают то, что с ним не всегда соотносится, либо мы имеем дело с открытиями в политической науке. В последнем случае авторы этих программ должны дать развернутое научное обоснование своих нововведений. Хотелось бы верить, что те, кто включает в программы эти и подобные им термины и понятия, могут легко растолковать непросвещенному читателю их суть. Если же партийные теоретики и идеологи не могут научно обосновать вводимые ими новые понятия, очевидно, что деятельность этих квазиконсервативных партий обречена на провал⁵.

Отталкиваясь от факта масштабного присутствия консерватизма в идейно-политическом пространстве нашей страны и неопределенности его трактовок действующими политиками и партстроителями, затронем несколько вопросов и сюжетов, касающихся феноменологии⁶ консерватизма и, на наш взгляд, важных в контексте описания консерваторов и консерватизма как явления.

Что такое консерватизм? В зависимости от различных толкований феномена консерватизма обосновываются различные подходы к решению этого, казалось бы, простого вопроса. Весь спектр толкований можно свести к двум основным случаям. Первый случай толкования – когда консерватизм рассматривают преимущественно как политическую идеологию, в конечном

⁵ Некоторые партстроители в этом плане «облегчают» себе жизнь, демонстрируя идеологическую всеядность. Например, как нескромно считают авторы программы политической партии «Города России», она «строится на переосмыслении передовой политической мысли всех общественно-политических движений и организаций существующих сегодня в России и мире. Наша программа объединила в себя все достойные программные положения и установки большинства политических партий РФ не зависимо от их идеологической окраски» (орфография и пунктуация оригинала сохранены. – А. Ш.) [20].

⁶ Термин «феноменология» здесь применен в широком смысле как описание явления, как оно является в сознании. О феноменологическом подходе к описанию политической современности см.: [21, с. 134–140].

счете отождествляемую с консерватизмом политических партий. Это узкая трактовка. И должен заметить, что, конечно же, объективные основания для такой узкой трактовки имеются. Ведь институционально оформленный политический консерватизм всегда выступает логическим завершением консервативного мироощущения. Но ситуация гораздо сложнее. Очевидно, что расширительная трактовка консерватизма, представляющая его как универсальное явление, включающая в себя характеристику консерватизма и как способа (стиля) мышления, и как политической идеологии, и как комплекса поведенческих установок, и даже как моды, – такая трактовка (или «второй случай истолкования») более оправдана и соответствует реальности.

Что лежит в основе консерватизма? Общее, присущее данному феномену на разных точках исторической и географической системы координат – это, на наш взгляд, оптимальные непатологические психологические реакции, вызывающие глубокие охранительные консервативные чувства и стремления. Никто не отменял и не может отменить, например, элементарных социально-психологических явлений контрсуггестии и контр-контрсуггестии; никто не может уничтожить механизмов социальной репродукции, противоположных инновациям; никто, наконец, не может отрицать силы ретроградного стремления человека, в каждый момент жизни всегда стоящего на пороге неизвестного. Это – ретроградное стремление опереться на что-то прочное и незыблемое, а таковым неизменно оказывается Прошлое (не случайно поэты его называют «хранителем надежности бытия»⁷). В этом отношении консерватизм представляется своеобразной защитой от непредсказуемости реального мира⁸.

Рефлексивный же, или «теоретический», консерватизм – это некий сплав очень разных тем, мотивов, настроений, хотя и имеющих общий стержень. В первом приближении «стержень» этот включает следующую аргументацию. Во-первых, защиты традиционных ценностей; соблюдения их иерархии; уважения авторитетов, дисциплины, морали, норм и обязанностей индивида, уважения основных общественных институтов – семьи, государства, церкви, школы, армии. Во-вторых, культурного кризиса, который трактуется как ослабление традиционных связей, духовно-нравственных ценностей, этических и эстетических норм и других основ, на которых покоится общество. В-третьих, идеи необходимости социальной стабильности. Пафосом консерватизма становятся осторожность, недоверие к новациям; тяга ко всему устоявшемуся,

---

⁷ Замечательно об этом сказал Ф. Искандер: «Такая хрупкая вещь, как человеческая жизнь, может иметь достойный смысл, только связавшись с чем-то безусловно прочным, не зависящим ни от каких случайностей. Только сделав ее частью этой прочности, пусть самой малой, можно жить без оглядки и спать спокойно в самые тревожные ночи» [22, с. 98].

⁸ Консерватизм отдельного конкретного человека всегда ретрограден – он всегда обращен в прошлое. Почему? Все очень просто. Прошедшее, будущее, настоящее – не что иное, как абстракции объективного времени (измеряемого отрезками пути небесных тел), и имеют смысл лишь для осознающего время человека, но не для человечества, живущего «исторической жизнью» лишь последние 16 минут из «суток» (550 тыс. лет), проведенных человеком на планете Земля.

стабильному, к порядку; желание иметь гарантированную уверенность в завтрашнем дне и одновременно с этим неприятие экстремизма и приспособление к меняющимся условиям.

Проблема определения консерватизма. Существующий разброс оценок и мнений о природе консерватизма в значительной степени обусловлен трудностью его содержательного определения, что объясняется, по меньшей мере, двумя наиболее общими причинами методологического характера.

В подавляющем большинстве теоретики консерватизма склонны считать себя, прежде всего, прагматиками, отрицающими значимость абстрактных рецептов в политике и сосредоточивающими все свое внимание на конкретных механизмах урегулирования тех или иных проблем в условиях общественных кризисов. Жизнь много богаче «голологических» умствований (термин Ап. Григорьева). Нельзя построить общество – «консервативное», «демократическое», да и любое другое, по кем-то придуманному проекту⁹. Реагирование на реальные вызовы жизни, а не «построение» чего-то в соответствии с априорными схемами – суть консервативного действия. Консерватизм, следовательно, воспринимается не просто как идеология, а как подход к политике, ее оценка. Соответственно этому в каждом отдельном случае содержание консервативной программы или теории ставится в зависимость от требований эпохи, в результате чего вариантность объектов консервативной фиксации увеличивается. В свою очередь увеличивается и число характеристик и признаков консервативного идейно-духовного комплекса.

На вышеуказанную проблему разнообразия конкретно-исторических типов консерватизма накладывается не менее сложная проблема его «трансляции» на инонациональный язык. Поясним – в отличие от универсальных и интернациональных идеологий социализма или либерализма консерватизм всегда представляет собой сугубо национальное явление, что с присущей ему прямоотой четко сформулировал еще К. Н. Леонтьев: «...охранение у всякой нации *свое*, у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один...» [24, с. 362].

С этой точки зрения в России может существовать только «русский», «российский» консерватизм, но не химеры, вроде «продуктивного консерватизма», «социального консерватизма», «созидающего консерватизма» и т.п., рождающиеся в головах современных российских партстроителей.

Консерватизм и традиция. Один из авторитетных исследователей утопии и традиции – польский социолог Ежи Шацкий показал, что для консерваторов их идеология имела «три значения: была защитой или существующего положения вещей, или исторической непрерывности, или же какого-то положения в прошлом, признаваемого идеальным» [25, с. 370].

Действительно, главным определителем для всех разновидностей консервативной мысли является положительное отношение к прошлому, опора

---

⁹ О социальном «проективизме» см.: [23, с. 147–151].

на историческую традицию. Здесь, наверное, нужно сказать, что понимается под традицией. Определяя традицию, воспользуемся дефиницией, которую дал Шацкий: традиция – это «те образы ощущений, мышления и поведения, которые ввиду их... принадлежности к общественному наследию группы оцениваются ее членами положительно» [25, с. 386].

Подчеркнем, что всегда факт возникновения пристального внимания к традиции свидетельствует о том, что существует определенная угроза социальному порядку, освященному временем – и этот порядок нуждается в защите и требует рационального осмысления происходящего.

Консерватизм и теоретическая рефлексия. Еще один исследователь – Карл Манхейм – связал консервативную ориентацию с пафосом «обусловленности» сознания [26, с. 193]. Немецкий социолог различает два вида консерватизма: «с одной стороны, более или менее универсальный, а с другой – определенно современный, являющийся плодом определенных общественных и исторических обстоятельств» [27, с. 593]. Если первый вид Манхейм назвал традиционализмом, то второй – собственно консерватизмом, который есть «в сущности... прежде всего сознательный традиционализм» [27, с. 601], т.е. консерватизм рефлексивный, выступающий в сознательной оппозиции к нарушившему традиционный уклад идейному движению. Действительно, традиционное сознание само по себе не предрасположено к теоретизированию, и лишь противодействующее ему «движение оппозиционных слоев и их стремление взорвать существующий порядок как бы извне воздействует на консервативное сознание, заставляя его... осмыслить историческую роль» [26, с. 194]. Иначе говоря, определенная внешняя среда заставляет консерватизм рефлексировать. Хотя до этого человек, адаптировавшийся к данным реальным обстоятельствам, не делал их объектом теоретических размышлений и принимал окружающее как часть общего миропорядка, не содержащего каких-либо проблем. В последнем случае консервативное сознание пребывает в плоскости скрытого существования, в сфере «неосознанных возможностей свершения» и воздействует на общество как нечто потустороннее – в качестве веры, религии, мифа.

Появление консерватизма как социального течения и типа теоретической рефлексии над политикой означает, что в политической практике все отчетливее прослеживается присутствие двух масштабных целостных тенденций, из которых одна ориентирована на форсирование общественных изменений, а другая – сдерживает их. Манхейм не сводил эти изменения к исключительно политическим, а рассматривал их в масштабах измерения духовной культуры, мировоззрения, психологии данного общества.

Сущность, или характерные признаки консерватизма. Традиционно проявление консервативной интенции связывается с конкретным историческим фоном – реакцией на Французскую революцию. Однако, на наш взгляд, важно не только то, что консерватизм есть реакция на революцию

и Просвещение, ей предшествовавшее, но и то, что он появился как сознательное оппозиционное движение, выросшее на неприятии буржуазно-либеральной идеологии.

Что касается Просвещения – тысячелетие, а может быть и больше, человечество жило прошлым, наука и общественное знание были в буквальном смысле слова «ретроградными», так как самой достоверной считалась наиболее древняя доктрина, учение, идеология, а возраст был синонимом мудрости. Ортодоксальность, выраженная формулой: «то, чему верили везде, всегда и все», обращенность вглубь веков, продержались до XVII столетия как непрерываемая основа для научных поисков. Характеризуя Просвещение, А. Ф. Лосев указывал на лозунг «знание без веры», на вероучение о «всемогуществе знания», на «постоянное упование на науку», на слепой догмат «в знании – сила», на механицизм и машинную культуру, ставшие составными частями «ново-европейского духа», пронизанного рационализмом и индивидуализмом. Просветительский миф о всемогуществе знания, – подчеркивал он, – оказывается не чем иным, как «буржуазным мифом» [28, с. 501]¹⁰. Добавим, что именно в «век Просвещения» (в философии от Декарта) наука обратила свои взоры в будущее, притом настолько решительно, что по отношению к прошлому выработалось чисто обывательское пренебрежение, выраженное формулой «чем старее, тем ошибочнее (глупее)».

Сущностью любого консервативного течения XIX в. является *охранение старых, традиционных начал*, которым грозит гибель со стороны новых, разрушительных тенденций развития общества.

Классический консерватизм прошлого признает необходимость фактического и юридического неравенства людей, сохранения сословий и привилегий господствующих или ранее господствовавших классов и социальных групп. Для консервативных теорий и концепций характерны теологическое и натуралистическое обоснование философских и социологических позиций, ссылки на божественную и естественную природу охраняемых ценностей. В представлениях консерваторов общество и государство являются естественными органическими образованиями, где нарушение и диссонанс в одной части вызывают болезненный отклик всего социального организма.

Это все о первом признаке консерватизма. Теперь о признаке втором. Это – *естественно-историческая объективность*. Теоретики консерватизма в идейной борьбе против просветителей сумели вскрыть метафизическую ограниченность их рационалистических, априорных построений, выдвинули исторический подход для объяснения природных и общественных явлений. Этот подход, носивший натуралистический и фаталистический характер, отрицал правомерность революций, любых насильственных действий, направленных

---

¹⁰ Лосев утверждает: «Как все мышление после Средних веков есть либерализм и гуманизм, как вся социально-экономическая жизнь этих веков основана на отъединенном индивидуализме, т.е. оказывается капитализмом, и на рационализме, т.е. оказывается машинной культурой, так миф о всемогуществе знания есть всецело буржуазный миф» [28, с. 501] .

на изменение существующего порядка. Консервативное направление противопоставило интернациональным и космополитическим позициям своих противников из революционного и либерального лагеря идеи национальной самобытности, культурного своеобразия, охранения традиционных национальных начал от разрушения инонациональными и космополитическими веяниями.

Наконец, третий сущностный признак консерватизма. Консерватизму присуща установка на «реальное историческое делание». Приверженцы консерватизма испытывают недоверие к абстрактному, далекому от конкретных жизненных обстоятельств теоретизированию. Это не значит, что идеологи консервативного направления не создают развернутых теоретических построений и концепций, но даже консервативные утопии имеют практическую социально-политическую направленность. Такая установка консерваторов во многом обусловлена их реальной причастностью к сфере управления. Мироззренчески она вытекает из понимания ими политического процесса как управляемого «сверху», что находит выражение в апелляции к силе и авторитету государства и других надличностных социальных институтов как регуляторов этого процесса.

Специфика русского политического консерватизма. Что касается русского политического консерватизма прошлого, то наряду с вышеперечисленными чертами в ряде случаев его концептам были свойственны романтические и утопические формы. Обуславливалось это, прежде всего, тем, что русские консервативные концепты питались религиозными, историософскими, социальными идеями и им не хватало политической автономной рациональности, характерной для западноевропейской мысли [29, с. 11–22; 30, с. 20–28; 31, с. 26–33; 32, с. 536–546].

Приведем конкретный пример консервативного видения взаимоотношений власти и народа. Славянофил К. С. Аксаков считал, что «Государево дело» – это «все дело управления государственного, и внешнего и внутреннего, – и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы». Поясняя существо этого дела, Аксаков предлагает замечательный образ стражи, охраняющей храм, где совершается богослужение (стража здесь – правительство, а молится – народ)¹¹.

Подобный утопизм обуславливался не только и не столько внутренней логикой аргументации или фантастичностью политических идей, сколько акцентом на роли моральных установок¹². Оценки политической власти как

¹¹ «Подвиг общественный для правительства заключается в том, что оно обеспечивает для народа нравственную жизнь и блюдет его духовную свободу от всяких нарушений. Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение и воссылается общественная молитва, – стоит на страже и отстраняет всякое враждебное нарушение от этого молитвенного подвига» [33, с. 231].

¹² Именно сложность трансформации моральной установки в норматив практической политики, несоизмеримость масштабов нравственного императива и реальных возможностей государственной политики и имели своим следствием схематизм и дидактику многих концепций русских консервативных мыслителей.

«святых обязанностей», «служения» и «испытания» ее носителей – красной нитью проходят через размышления практически всех русских консервативных мыслителей [34, с. 70].

К этому нужно добавить, что русская консервативная традиция не вырабатала сколько-нибудь «устоявшегося», единого философско-политического основания, в рамках которого она могла бы рассматриваться как консолидированное идейно-политическое течение.

Неоднородность русского консерватизма. Можно утверждать, что сущность русского консерватизма выражалась известной триадой: «Православие. Самодержавие. Народность». В связи с этим целесообразным представляется условно разграничить имевшие в России XIX в. место консервативные течения по акценту на той или иной составляющей триады. Первое направление – это направление, для которого самым важным представлялась защита самодержавия, государственно-хранительное (его часто отождествляют с «казенным патриотизмом», «официозно-бюрократическим» консерватизмом, что не совсем верно). Второе – это направление, для представителей которого характерен акцент на народности, «племенном начале». Третье направление, главным объектом охранения которого было православие, – православно-хранительное. Можно, конечно, провести и более дробное деление внутри каждого выделенного крыла. Но хорошо понимая условность всяких классификаций в истории мысли, создающихся для «удобства» ее изучения, ограничимся этим самым общим замечанием.

Как и в любом общественно-политическом движении, отношения между представителями разных течений русского политического консерватизма были сложными и неоднозначными. Нет ничего удивительного и в том, что русские консерваторы часто расходились во взглядах со своими, казалось бы, идейными соратниками и открыто полемизировали друг с другом (в частности, М. П. Погодин критически оценивал политическую историософию Н. М. Карамзина, а К. Н. Леонтьев, хваля М. Н. Каткова за государственническую позицию, критиковал его за «уступки» либерализму, за недостаточное понимание сложности переживаемого Россией времени, в свою очередь, М. П. Погодин не совсем улавливал суть «триединого процесса» К. Н. Леонтьева, а И. С. Аксаков не принимал критического отношения К. Н. Леонтьева к идее славянского единства). Ситуация эта объясняется тем, что русский консерватизм XIX в. – неоднороден, отсюда и полемика среди самих консерваторов. Таким образом, подход, основанный на анализе русского консервативного лагеря как чего-то целостного и единого, представляется некорректным. Понимание этого позволяет более детально разобраться во взаимоотношениях представителей различных течений консервативной ориентации в России и актуализировать именно те аспекты их творчества, которые могут быть полезны для формирования современной идеологии политического консерватизма.

Консервативная идеология и современность. Если «консервативный» акцент на роли моральных установок существует вне времени и его не нужно обсуждать, то консолидация современного российского консерватизма на едином основании становится задачей дня. Стране, т.е. людям и государству, нужна целостная, внутренне непротиворечивая идеология. Идеология как форма организации коллективного сознания, основанная на прошлом и настоящем, ориентирована в конкретное будущее, – это то, что в *статике* обозначает системные принципы взаимодействия социальных групп и институтов, отграничение «своего» и «чужого», т.е. устранение проблем самоидентификации как для отдельных людей, так и для общества в целом, а в *динамике* обозначает цель, средства и способы ее достижения, т.е. смысл общественного развития. При этом идеология ставит четкие рамки того, что можно, а чего нельзя делать в обществе (общие идеологические принципы воплощаются в нормы права, соблюдение которых становится законом для граждан и институтов, поддерживается силой государства, принуждающего к их соблюдению). В идеологии в концентрированном виде аккумулируются ценности, т.е. то, что значимо для людей, полезно, чем желательно обладать или же к чему нужно стремиться. Системы ценностей, выстроенные в определенном порядке, или иерархия ценностей, составляет значимое ядро каждой политической идеологии, маркирует ее и отграничивает от других идеологий. Все это справедливо и в отношении идеологии консерватизма, значение которой для современной России чрезвычайно велико.

Иерархия консервативных ценностей или эклектика? Еще четверть века назад для российских государственных деятелей в объяснении проводимой ими политики обычным было обращение к базовым социалистическим ценностям *социальной справедливости, равенства и солидарности*. Затем эти социалистические ценности были оттеснены на периферию политического дискурса апелляцией к либеральным и демократическим ценностям. Такая апелляция считалась признаком хорошего тона и даже служила неким пропуском в клуб вершителей судеб страны и мира. Напомним, что хрестоматийный перечень демократических и либеральных ценностей обычно ограничивается первой частью фразы Т. Джефферсона (по-своему «переложившего» слова Дж. Локка) о праве «на жизнь, на свободу и на стремление к счастью»¹³. Отброшенное Джефферсоном локковское «право на собственность», тем не менее, осталось в перечне основных либеральных ценностей, и, наряду с *верховенством закона, равенством всех перед законом, разделением властей, уважением прав и свобод человека, защитой свободы торговли и конкуренции, неприкосновенность частной собственности* сейчас является краеугольным

---

¹³ Вторая часть этой фразы, вошедшей в американскую «Декларацию о независимости» 1776 г., гласит о том, что «если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа» [35, с. 41].

камнем иерархии либеральных ценностей. С недавних пор эти классические формулировки демократических и либеральных ценностей были дополнены некими новыми «европейскими ценностями», такими как «плюрализм, недискриминация, терпимость, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами» [36, п. 3], а одной из аксиологических максимум стало *уважение прав лиц, принадлежащих к меньшинствам*, в первую очередь к меньшинствам сексуальным. Такие «дополнения», по сути, размывли либеральную политическую идеологию и нивелировали идею демократии. Не случайно толерантность и мультикультурализм, воздвигнутые на вершину иерархии европейских общественных ценностей, а главное, их воплощение в реальной политике, вызывают во всем мире справедливое чувство отторжения у тех, кто не страдает психическими и социальными патологиями.

В России большинство граждан – люди, исповедующие традиционные ценности *здоровой и крепкой семьи, сильного и справедливого государства, заботящегося о своих гражданах, а также любовь к своей стране и уважение истории своего народа*, тяготеющие к российскому патриотизму и русскому традиционализму. Им, в первую очередь, и адресована консервативная риторика современных российских политиков. Настораживает в этой коммуникативной ситуации, выстраиваемой властью и ее «агенсами» с помощью «мема» консерватизма, одно обстоятельство, назовем его «идеологической всеядностью», когда в ядро политической идеологии консерватизма произвольно включаются ценности либеральные и социалистические. Такой эклектизм «размывает» идеологию, демаркирует ее границы, и вот уже из уст первого лица страны мы слышим нечто странное для уха консерватора: «Добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства – это такие же базовые консервативные, подчеркну, ценности, как патриотизм, уважение к истории, традиции, культуре своей страны» [37].

Русская интеллигенция и консерватизм. Главную роль в формировании идеологии обычно отводят интеллигенции. Замечательный итальянский писатель и философ Умберто Эко очень верно заметил, что «русское понятие „интеллигенция“ не подходит под европейский термин *intelligenza*», который употребляется часто иронически, для обозначения категории людей, беспрерывно вылезаящих с поучениями (по-французски *maître à penser* – мэтры общественного мнения) [38, с. 3]. Одна из широко признанных дефиниций интеллигенции определяет ее как образованную, мыслящую часть общества, влияющую на формирование общественного сознания и претендующую на роль духовной элиты [39, с. 39–55].

При этом отечественная интеллигенция, как и ее духовные вожди, часто рассматривалась и рассматривается в русской культуре как своего рода интеллектуальное «сектанство», характеризующееся специфической идеологией и моралью, особым типом поведения и бытом, физическим обликом и радикальным умонастроением, неотделимым от идейно-политической не-

терпимости. Соответствующий облик интеллигенции сложился в результате ее идейного противостояния (в лице радикально настроенных поборников демократии в России) русскому самодержавию. Интеллигенция ассоциировалась уже не с аккумуляцией всех достижений отечественной и мировой культуры, не с концентрацией национального духа и творческой энергии, а скорее с политической «кружковщиной», с подпольной, заговорщицкой деятельностью, с этическим радикализмом, тяготеющим к революционности (вплоть до террора). Принадлежность к интеллигенции тем самым означала не столько духовное избранничество и универсальность, сколько политическую целенаправленность – фанатическую одержимость социальными идеями, стремление к переустройству мира в духе книжно-утопических идеалов, готовность к личным жертвам во имя народного блага.

Здесь, невозможно удержаться, чтобы немного не снизить героический пафос. Когда говорят о жертвенности русских радикалов, мне сразу вспоминается гротескный образ Васисуалия Андреевича Лоханкина, созданный фантазией писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Персонаж их сатирического романа «Золотой теленок» был выгнан из пятого класса гимназии «за неуспешность», никогда нигде не работал, «сидел на шее» у жены, т.е. вел исключительно «интеллектуальный» образ жизни и потому причислял себя к социальной прослойке интеллигенции. Подолгу простаивая перед книжным шкафом (в котором «по ранжиру вытянулись дивные образцы переплетного искусства»), он думал: «Рядом с этой сокровищницей мысли делаешься чище, как-то духовно растешь». Поротый на кухне соседями по коммуналке, во время экзекуции Васисуалий вполне «интеллигентски» (по мнению наших великих сатириков) размышлял: «Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва... Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая сермяжная правда» [40, глава XIII].

С таких позиций, «русская интеллигенция» представляется фантомом, выдумкой людей (журналиста Боборыкина и его предшественников¹⁴), обозначившим этим термином феномен радикальной молодежи – «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и недоучек-дилетантов», невежд, забывших Бога и собирающихся «строить новое общество... на крови и в грязи» [43, с. 19, 135], и их вождей – «нахватавшихся вершков журналистов», бессмысленно отрицающих все существующее во имя фантастического будущего, уподобляющихся «мухам, гадящим картину великого художника» [44, с. 19]. Процитированные слова М. П. Погодина и Б. Н. Чичерина кому-то могут показаться несправедливыми, но они четко фиксируют то обстоятельство, что в русском общественном сознании того времени слово «интели-

¹⁴ Впервые слово «интеллигенция» в русской литературе употребил славянофил И. С. Аксаков в статье «Отчужденность интеллигенции от народной стихии», опубликованной в газете «День» 21 октября 1861 г. [41, с. 202]. Однако беллетрист П. Д. Боборыкин много лет настаивал на своем приоритете, заявляя, что именно он в 1866 г. «пустил» в русскую журналистику этот термин [42, с. 129–132, 134–135].

гент» имело ругательный оттенок, а здравомыслящие люди не считали возможным так себя именовать.

Возникает вопрос: почему? Да потому, что цвет русской нации составляли не разномастные представители радикальной оппозиции, как нас учили 70 лет, а как раз те самые «хранители», консерваторы и государственники, олицетворявшие интеллектуальное средоточие «русского народного духа» [45; 46].

«Оппозиционность» консерватизма. Консерваторы не менее радикалов осознавали и переживали раскол русского общества на две субкультуры – бюрократическую «немецкую» (от слова «немой», чужой) и общинно-мирскую крестьянскую (христианскую, православно-русскую). Если мы внимательно прочтем то, что писали так называемые «охранители», если мы попытаемся понять то, к чему они стремились, то с удивлением обнаружим в их творчестве и гражданской позиции явный элемент оппозиционности существующей власти. Более того, практически все русские мыслители (от Н. М. Карамзина до Л. А. Тихомирова) изображали идеальную монархию, отталкиваясь от критического отношения к реальному воплощению современного им российского самодержавия¹⁵.

Однако в противовес нигилизму недоучившейся молодежи оппозиционность их была конструктивной и в аргументации отличалась опорой на солидную интеллектуальную традицию как западной, так и русской науки; знанием и осознанием социально-политической истории, позволявшими утверждать недопустимость кардинальных инноваций и революционных скачков; трепетным отношением к «домашнему быту русского народа», который хотя и противопоставлялся быту и духу «цивилизованных европейцев», но оценивался не по шкале «хуже – лучше», подразумевающей необходимость кого-то в чем-то догонять, заимствовать чей-то уникальный опыт и другое «европейничанье», а получал право на параллельное существование в качестве особой православной цивилизации. Их оппозиционность онемеченной бюрократической власти поддерживалась мировоззренческой установкой на «органичное» развитие общества, укорененного в национально-русской почве и питающегося отнюдь не теоретическими книжными изысками Вольтеров и Руссо, а поэтому, в отличие от прожектерства строителей далекого и недостижимого «светлого будущего», нацеленного на конструктивные перемены настоящего.

Консервативный патриотизм и русофобия. В свое время замечательный русский мыслитель И. А. Ильин в небольшой статье «Мировая политика русских государей» (1949 г.), перечисляя характерные черты отношения Запада к России в XIX в., обнаружил в Европе целое «гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...». Емкая, точная и выразительная формула Ильина, разъясняющая суть такого отношения, сводится к следующему: «Европейцам «нужна» дурная Россия: **варвар-**

¹⁵ Хрестоматийный пример – «историко-политические» письма М. П. Погодина периода Крымской войны [47, с. 93–116].

ская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленить; **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно-разлагающаяся**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту «гнилую» Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий «до последней капли ее крови» [48, с. 93]. Спустя годы И. Р. Шафаревич убедительно показал сущностную, «онтологическую» связь *русофобии*¹⁶ с *пропагандой* (т.е. с журналистской публицистикой – в корне отличающейся от историософских размышлений и выражающей не искренние попытки понять смысл русской истории, а злободневные интересы и чувства). Шафаревич совершенно справедливо подчеркнул то обстоятельство, что, как и любая пропаганда, русофобия имеет определенную цель, в данном случае – доказать «опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества» [49, с. 405]. В данном случае и Ильин, и Шафаревич «осовременили» понятие, которое, как принято считать, впервые ввел в общественный оборот Ф. И. Тютчев, указывавший, что в основе русофобии – ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России [50, с. 191]. Возникновение образа России – «чудовища», «людоеда XIX века» [50, с. 156] – в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы (т.е. России – законной сестры христианского Запада, не феодальной и не иерархической, но поэтому еще более искренно-христианской, целого мира, единого по своему началу, солидарного в своих частях, живущего своей собственной органической, самобытной жизнью [50, с. 182]), непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит западную: «Западные люди, судящие о России, – это нечто вроде китайцев, судящих о Европе...» [50, с. 100]. К «непониманию» присовокупляется «нравственная безответственность» [50, с. 191]. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение раздражает против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности» [50, с. 193], а сами начала цивилизации (история без феодализма, религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного про-

¹⁶ Взгляд, «согласно которому русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира» [49, с. 405].

стора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления» [50, с. 192]). В связи с этим он отмечает также инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство – «нечто среднее между уважением и страхом – то чувство awe (благоговейного страха. – А. Ш.), которое испытывают только по отношению к Власти» [50, с. 100–101].

Критический настрой русских консерваторов и патриотов по поводу того, что происходило и происходит в современной им России, вызван не русофобией, а любовью к своей стране и народу, т.е. патриотизмом. Нельзя, как это делает либеральный публицист В. А. Шендерович, утверждать, например, что все лучшее, что было создано в русской классической литературе, имеет русофобский характер, и называть русофобами Чехова, Горького, Достоевского, Лескова, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чаадаева только за то, что они критически писали о российской действительности¹⁷. Нельзя потому, что в их произведениях мы не найдем страха и ненависти к России и русскому народу, ненависти, которая лежит в основе русофобских инвектив людей, чей страх перед огромной экспансивной силой русской державы и незнание громадного русского мира вызывают то, что Ф. И. Тютчев и назвал «руссофобией»¹⁸.

Что касается либералов типа Шендеровича и их странной «любви» к России, то о них очень точно высказался все тот же Тютчев. Российские либералы-западники, живущие и в Европе, и в России, – это люди, у которых напрочь отсутствует «национальное чувство» и чья русофобия, как считает Тютчев, – инстинктивна, беспринципна, не имеет никакой логики и вообще иррациональна: «Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней у этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной жизни в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нрав-

¹⁷ Фрагмент беседы В. Шендеровича с ведущей И. Воробьевой в эфире передачи «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы» 15 января 2015 г.: «Я просто обращаюсь к тем, кто неосторожно употребляет в адрес какого-то произведения, написанного про нашу Родину, вот это вот «руссофобия». Почитайте ж вы наконец Чехова, почитайте вы наконец Горького – сказки Горького! Не «Мать», а сказки. «В овраге» почитайте, «Степь» почитайте, Лескова почитайте всего. О Лермонтове я уже не говорю, я уж не говорю про Чаадаева. Вся наша хрестоматия – это все руссофобия, это все, так или иначе, вызывало ненависть. «История одного города», – я тут цитировал рецензию на «Историю одного города: руссофобия, руссофобия, презрение к народу, незнание истории... Руссофобия – все! Только слова такого не было. Все то же самое. Все лучшее, что было создано, все шло под этой маркой. Уже заберите... зашейте себе рот с этим словом!» (орфография и пунктуация оригинала сохранены. – А. Ш.) [51].

¹⁸ О руссофобии см.: [52; 53; 54, с. 35–47; 55, с. 77–86].

ственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней» [56, с. 306].

«Прогрессивность» консерватизма. В свое время Н. А. Бердяев, рассуждая о консерватизме, совершенно справедливо заметил: «Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать» [57, с. 122].

В наши дни много говорят о возрождении России. Возрождение предполагает возврат к состоянию дееспособности. Не разрушение, но созидание, сохранение и охранение исконных, базовых, сущностных начал российского общества. От чего? От разрушительного нигилизма, радикализма, реформизма и прочих «измов». В пользу чего? В пользу стабильности, законности и порядка, преемственности традиций и т.п., одним словом – в пользу консерватизма. С точки зрения возрождения Великой России – консерватизм, сохраняющий то немногое, что осталось после череды «великих» российских экспериментов, много прогрессивней нигилистического радикализма декабристов, народников, анархистов, большевиков и нынешних «демократов-либералов» [58, с. 561].

Это, на первый взгляд, парадоксальное утверждение о «прогрессивности» консерватизма требует небольшого историко-политологического объяснения. Когда рассуждают о консерватизме, то расхожим стереотипом является восприятие его приверженцев как противников прогресса вообще, причем не проводится принципиального различия между понятиями «прогресс» и «развитие». Одним из первых в истории русской социально-политической мысли «развел» эти два понятия Константин Николаевич Леонтьев, заявив, что «между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: *эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития*» [59, с. 103]. Он доказывает, что «прогресс, то есть последующая ступень истории, ее завтрашний, так сказать, день не всегда носит характер более эмансипационный, чем была ступень предыдущая, чем период истекающий или истекший». В силу этого «*могут стать прогрессом, в свою очередь, и всякие реакционные меры, и временные, и законодательные – раз только меры, освобождающие личность человеческую, достигнут так называемой точки насыщения*» [60, с. 321]. Леонтьев, используя идею прогресса против самих «прогрессистов», настойчиво убеждает своих читателей в том, что «настало время *реакционного движения, если не для всех, то, по крайней мере, для некоторых сторон жизни...*» [61, с. 310]. Эти слова русского мыслителя позапрошлого века актуальны и в наши дни.

Консерватизм и «будущее». Известного рода исторический фатализм консерваторов, нелюбовь к «зряшному» теоретизированию и социальному проективизму, их стремление к охранению традиционных начал и установка

на реальное дело отнюдь не подразумевают отказа консервативных мыслителей и политиков от раздумий о будущем и предположений о возможных путях социально-политического развития. Наиболее четко взаимосвязь консервативной политики и размышлений о будущем сформулировал Л. А. Тихомиров: «Бывает политика, представители которой говорят: “Наша задача – благополучно провести государство через заботы настоящего момента. Завтрашний день принадлежит тем, кто будет жить завтра. Пусть они сами позаботятся о своем дне, как мы заботимся о своем”. Это политика ничтожная, не заслуживающая названия политики. Она и нечестна, и неразумна. Те исторические моменты, когда она появляется, суть предвестники гибели правительства или государства, или даже нации. Люди, неспособные в задачах дня помнить задачи будущего, не имеют права быть у кормила правления, ибо для государства и нации будущее не менее важно, чем настоящее, иногда даже более важно. То настоящее, которое поддерживает себя ценой подрыва будущего, совершает убийство нации» [62, с. 637].

Консервативные ценности и консервативные декларации. Вернемся к современным политическим партиям, декларирующим свою «консервативность». Здесь мы обнаруживаем множество примеров вопиющего несоответствия деклараций этих так называемых «консервативных» партий собственно консервативным ценностям. Я не буду касаться программных документов партии «Единая Россия», в которых почему-то даже слово «консерватизм» не употребляется [63; 64; 65], посмотрим на другие партии, не так тщательно скрывающие свои идеологические предпочтения.

Либерально-демократическая партия в политических документах, в патриотической и националистической риторике своего бессменного лидера воспроизводит одну из основных ценностей консерватизма – «народность», отождествляет себя с русским национализмом. Ратующая за русский народ, за «объединение всех патриотических сил русской нации для национально-возрождения страны, для предотвращения превращения ее в полуколонию Запада и для восстановления ее статуса великой державы» [8, с. 4]. ЛДПР, как и консерваторы прошлого [66, с. 90–103], совершенно справедливо ставит на повестку дня «русский вопрос» – вопрос о русофобии и ущемлении прав русского народа, провозглашает консервативный лозунг национально-политического единства и целостности страны как основание национальной идеи.

Идеологию партии составляют пять основных принципов – патриотизм, либерализм, демократия, справедливость, правопорядок. При этом абсолютно неконсервативные либеральные, демократические и социалистические принципы в интерпретации партийных теоретиков «волшебным образом» становятся близкими консервативным ценностям сильного, единого и неделимого государства, свободы как результата действий сильной власти, охраняющей и защищающей своих подданных, и даже некоторым образом консервативной идее неоднородности социальной структуры. «Ли-

берализм» превращается в свободу, регулируемую государством. «Демократия» подразумевает превращение России в унитарную республику, «с сильной властью главы государства и сильным парламентом». «Справедливость» отождествляется с «равными социально-экономическими и политическими возможностями и правами», в результате чего все вокруг становятся «средним классом» с дифференцированным материальным положением в зависимости от своего труда, предприимчивости, таланта, способностей и просто удачи» [8, с. 15, 16, 18]. Понятно желание партии оттянуть на себя часть голосов избирателей либерального, демократического и социалистического сегментов российского электората. Но зачем отказывать этому «электорату» в здравом смысле, подменяя политические понятия и пытаясь манипулировать сознанием граждан?

Еще больше снобизма по отношению к «электорату» демонстрирует Демократическая партия России, воссозданная в 2012 г. известным политтехнологом и профессиональным партстроителем А. В. Богдановым. В короткой программе и шаблонном уставе партии, которая ее лидером позиционируется как «консервативная»¹⁹, нет ни слова не только о консерватизме, но даже упоминания о государстве, власти, церкви, семье, традиции, нравственности и др., т.е. нет того, без чего невозможен консервативный дискурс. Суть этой «новой-старой» программы²⁰ никак не соотносится с консерватизмом, так как она нацелена на пропаганду и претворение в российскую жизнь политических, экономических и этических принципов Европейского союза. Сегодня такая цель выглядит просто экзотически. Не случайно 10 августа 2014 г. эта экзотическая программа была дополнена (или заменена?) не менее экзотической программой «Демократическая партия России. Лучше с нами!», состоящей из 171 слова и 12 грамматических ошибок. Согласно этой непонятно кем и когда принятой «программе», теперь ДПР ориентируется не только на вхождение России в Европейский союз, но и на борьбу за права крымских татар [68].

В упомянутом уже списке Министерства юстиции РФ находятся и монархические партии, которые по определению должны исповедовать консервативные ценности. Однако в реальности дело обстоит иначе. Так, наряду с истинно монархической и консервативной партией «Самодержавная Россия», идеология которой ориентирована на известную формулу русского консерватизма «Православие. Самодержавие. Народность», в списке Минюста можно обнаружить некую «Монархическую партию», имеющую, на

---

¹⁹ «А кто вы по воззрениям, консерваторы, либералы, социал-демократы? А. БОГДАНОВ: Консерваторы. К нам близка ХДС-ХСС в Германии, консервативная партия в Великобритании, республиканская партия в США, если так по воззрениям» [67].

²⁰ Программа политической партии «Демократическая партия России», принятая на съезде 5 апреля 2012 г., практически не отличается от принятой на XXI съезде партии 29 января 2008 г. программы «12 шагов в Европу : ориентиры на десятилетие».

наш взгляд, фиглярский характер²¹. Эта партия устами своего «вождя» заявляет: «Принципиальное отличие «Монархической партии» от всех остальных заключается в том, что мы не являемся демократической партией» [69]. При этом в уставе партии в перечне ее задач значится политическая поддержка «россиян, заинтересованных в проведении либеральных рыночных реформ и развитии демократии» [70, п. 5.1.3]²². В результате мы видим, что консервативная «недемократическая» партия декларирует поддержку «развития демократии» и «либеральных рыночных реформ». Налицо смешение аксиологических принципов консерватизма и либерализма, опошляющее саму консервативную идею. К подобным «монархистам» в этом плане примыкает политическая партия «Национальная безопасность России», созданная экс-депутатом А. М. Федуловым, который за свою политическую карьеру сменил уже шесть партий. Его новая партия выступает за «развитие самобытной, самостоятельной российской имперской демократии, первооснову идеологии которой составляют исторические традиции, учитывающие культуру и менталитет россиян, здоровый консерватизм, патриархальность и патриотизм» [71].

На фоне программ идеологических путаников, может быть, одной из самых интересных для консервативно ориентированного избирателя выглядит Программа Всероссийской политической партии «Партия возрождения села». Привлекает внимание то, что наряду с ритуальными «государственностью» и «патриотизмом» в ней воспроизведены два идеологических принципа, близкие классическому русскому консерватизму: опора на сформировавшиеся веками нравственные устои народа и противодействие навязыванию россиянам чуждой их мировоззрению западной культуры [72]. Помимо всего прочего, эта оригинальная программа написана хорошим русским литературным языком.

Примеры можно множить, но сказанного вполне достаточно для предварительного вывода. Вывод этот неутешителен. Большинству современных консервативных партстроителей не хватает элементарных знаний, а некоторым псевдоконсерваторам – элементарной честности. Этим последним, рассматривающим партстроительство как бизнес, можно пожелать одного – приносить свои предпринимательские таланты в других областях.

Вместо заключения. Итак, даже короткое наблюдение за процессом партстроительства в России вынуждает задаться рядом неприятных вопросов. А нужна ли современным консерваторам идеология вообще? Может быть,

²¹ Примерами политической клоунады могут служить организованный партией фарс на выборах депутатов в городскую Думу и мэра Екатеринбурга в 2013 г., провозглашение в 2014 г. некоего немецкого принца императором Николаем III, проект создания государства Императорский Престол на купленных в Черногории 80 га земли и др.

²² Объяснением, но не оправданием может служить ссылка на некий «типовой устав», которым «монархисты», впрочем, как и многие другие партстроители, некритически воспользовались при создании партии и подготовке ее регистрации.

консерваторам пойти по пути идеологической всеядности, совместить несовместимое и придумать что-то всеобъемлющее (как выражаются некоторые партстроители – «миксовое», «блендовое»), удовлетворяющее вкусам всех и вся, нечто, что может заменить все политические идеологии разом? А, может быть, плюнуть в конце концов на идеи, принципы и ограничиться совершенствованием техники манипулирования сознанием потенциального избирателя? Тогда может возникнуть следующий вопрос: а нужна ли такая партия кому-то, кроме ее функционеров? И потом еще вопрос: а нужна ли такая представительная демократия, элементы которой – политические партии – никого и ничего не представляют?

На наш взгляд, ответы на все эти вопросы очевидны. Поэтому позволим высказать небольшое пожелание тем консервативным партстроителям, которые заняты сегодня идеологическими поисками. Автору данной статьи, как и многим историкам мысли, абсолютно ясна важность аксиологии консерватизма: изучения иерархии ценностей в идеологии российского консерватизма, исследования их исторического генезиса, раскрытия их сущности, значимости для современности, поиска путей и средств их практического воплощения²³. Систематическое исследование под этим углом зрения богатейшего наследия русской социально-политической мысли XI–XXI вв., тщательный анализ текстов русских мыслителей, фиксация основных консервативных идей и концепций, соотнесение их с практикой исторического движения – все это, на наш взгляд, поможет определить иерархию российских консервативных ценностей, объяснить их актуальность и санкционировать применение в современных условиях.

В конечном счете опора на авторитет отечественной консервативной социально-политической мысли²⁴ позволит справиться с поверхностностью идейно-теоретических построений тех, кто сегодня называет себя «консерваторами». Только обращение к исторической традиции русского консерватизма, к исторически сложившимся в России консервативным ценностям может придать фундаментальный характер программным установкам современных российских консерваторов, преодолеть их теоретическую разнородность и консолидировать в единое идейно-политическое движение, ориентирующееся на аутентичную консервативную политическую программу, отличную от либеральных, социалистических и модных сейчас идеологически аморфных, эклектичных программ.

---

²³ Нельзя не согласиться в этом отношении с А. Ю. Минаковым, утверждающим, что «нахождение компромисса между ценностями модернизации и ценностями традиционной культуры, который позволил бы им не уничтожать и не обеднять, а гармонично развивать, дополнять друг друга, стало одной из острых задач нашего времени» [73, с. 4].

²⁴ При всей важности изучения западной традиции развития консерватизма, о котором ратует, например, В. А. Гуторов [74, с. 4–20], очевидно, что в России приоритет должен быть отдан русской мысли, так же как во Франции – французской, а в Китае – китайской.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shirinyants A.* Conservatism and conterporary government in Russia: Back to origins? / A. Shirinyants // *Луньвенци : Чжэндан Чжэнчи юнь Гоцзя чжили Сюе-шу Яньтаоной.* – Шанхай : Изд-во Восточно-Китайского университета, 2014. – Т. 2.

2. *Шириняц А. А.* Консерватизм и политические партии в современной России / А. А. Шириняц // *Тетради по консерватизму : альманах Фонда ИСЭПИ.* № 3. – М. : Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014.

3. *Шириняц А. А.* Возвращение к истокам? Консерватизм и партстроительство в современной России / А. А. Шириняц // *Историческое образование.* – М., 2014. – № 4.

4. *Шириняц А. А.* Консерватизм и партстроительство в современной России : возвращение к истокам или брань за «электорат»? / А. А. Шириняц // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.* Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – Гродно, 2014. – № 3 (183).

5. *Никонов В. А.* Консервативное послание / В. А. Никонов. – Режим доступа: <http://er.ru/news/109879/>

6. *Иванов В.* Консервативная модернизация / В. Иванов. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/355942>

7. Выступление Председателя Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия», Председателя Государственной Думы Бориса Грызлова на XI съезде. – Режим доступа: <http://gryzlov.ru/index.php?page=publications&id=444>

8. *Идеология ЛДПР* / под общ. ред. В. В. Жириновского. – М., 2010.

9. Министерство юстиции РФ. Список зарегистрированных политических партий. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>

10. Центральная избирательная комиссия РФ. Зарегистрированы Минюстом России, но правом участия в выборах не обладают три политические партии – политическая партия «Партия прогресса», политическая партия «Партия родителей будущего», общественная организация – политическая партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров». – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/politparty/sved_min_yust.doc

11. Министерство юстиции РФ. Сведения о «действующих» организационных комитетах. – Режим доступа: http://minjust.ru/sites/default/files/ok_dlya_sayta_na_22.01.2015.docx

12. Программа Общероссийской политической партии «Народ против коррупции». – Режим доступа: http://party-npk.ru/party/docs/?ELEMENT_ID=11

13. Программа Всероссийской политической партии «Российская партия садоводов». – Режим доступа: <http://www.izbiraem.ru/party/i/244>

14. Программа Всероссийской политической партии «Женский диалог». – Режим доступа: <http://partiyawd.ru/index.php/about-us/program>

15. О партии. – Режим доступа: <http://partiyachestno.org/o-nas/o-partii/>

16. Программа политической партии «Молодая Россия». – Режим доступа: http://minjust.ru/sites/default/files/basetype/2012/06/molodaya_rossii_programma-1.doc

17. Манифест Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию». – Режим доступа: <http://onf.ru/structure/documents-1/>

18. *Baltovskij L.* Communicative Element in the Activities of Russian Political Parties: Past and Present / L. Baltovskij, V. Belous // *World Applied Sciences Journal.* – 2013. – Vol. 23, № 7.

19. Репников А. В. Русский консерватизм : историографический аспект проблемы / А. В. Репников. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/39080.php>

20. Программа политической партии «Города России» : принята на Учредительном съезде 20 мая 2012 г. – Режим доступа: http://minjust.ru/sites/default/files/basetype/2012/06/programma_gross.doc

21. Белоус В. Г. К вопросу о «Феномене России», или политическая современность как разрыв между памятью и воображением / В. Г. Белоус // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 6. – 2014. – № 4.

22. Искандер Ф. Сандро из Чегема / Ф. Искандер. – М., 1995.

23. Ширинянец А. А. Миф и утопия демократии / А. А. Ширинянец // Государственное управление и государственная служба : науч.-аналит. журнал. – Астана, 2011. – № 4.

24. Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм нам вреден / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. В. Репников. – М., 2010.

25. Шацкий Е. Традиция. Обзор проблематики / Е. Шацкий // Утопия и традиция : пер. с польск. / общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М., 1990.

26. Манхейм К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. – М., 1994.

27. Манхейм К. Консервативная мысль / К. Манхейм // Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. – М., 1994.

28. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М., 1990.

29. Перевезенцев С. В. К вопросу о специфике русской социально-политической мысли XI–XVII вв. / С. В. Перевезенцев // Вестник Моск. ун-та. Серия 12, Политические науки. – 2008. – № 4.

30. Перевезенцев С. В. К вопросу об идейных истоках русского консерватизма. Статья первая / С. В. Перевезенцев // Мир и политика. – 2011. – № 6.

31. Перевезенцев С. В. К вопросу об идейных истоках русского консерватизма. Статья вторая / С. В. Перевезенцев // Там же. – № 7.

32. Ширинянец А. А. О специфике истории социально-политической мысли России / А. А. Ширинянец // Общественная мысль России : истоки, эволюция, основные направления : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2010 г.) / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М., 2011.

33. Аксаков К. С. Записка о внутреннем состоянии России / К. С. Аксаков // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянец, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. – М., 2010.

34. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века : Н. М. Карамзин / под ред. А. А. Ширинянца ; сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянец. – М., 2001.

35. Декларация независимости 4 июля 1776 г. // Антология мировой политической мысли : политические документы : в 5 т. Т. 5 / отв. ред. И. Г. Усачев ; ред.-сост. Ю. В. Ирхин [и др.]. – М., 1997.

36. Лиссабонский договор (от 13 декабря 2007 г.) о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.2007.306.01.0001.01.ENG#d1e585-1-1

37. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/47173>

38. Эко У. Быть интеллигентом в России – знак противостояния / У. Эко // Литературная газета. – 1998. – 13 мая. – № 1.

39. Ширинянец А. А. Интеллигенция в политической истории XIX века / А. А. Ширинянец // Вестник Моск. ун-та. Серия 12, Политические науки. – 2012. – № 4.

40. Ильф И. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – Режим доступа: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0140.shtml

41. Соколов К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К. Б. Соколов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 1999.

42. Боборыкин П. Д. Подгнившие «вехи» (конспект публичной лекции) / П. Д. Боборыкин // В защиту интеллигенции : сб. статей. – М., 1909.

43. Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах / М. П. Погодин. – М., 1873.

44. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б. Н. Чичерин. – Изд. 4-е. – СПб., 1904.

45. Ширинянец А. А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века / А. А. Ширинянец. – М., 2002.

46. Ширинянец А. А. Российская интеллигенция на рубеже веков : заметки о политической культуре / А. А. Ширинянец, С. А. Ширинянец. – М., 1997.

47. Ширинянец А. А. Русский хранитель : политический консерватизм М. П. Погодина / А. А. Ширинянец. – М., 2008.

48. Ильин И. А. Мировая политика русских государей / И. А. Ильин // Профессор И. А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. – Париж : Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. – Т. 1.

49. Шафаревич И. Р. Русофобия / И. Р. Шафаревич // Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее : публицистика. – М., 1991.

50. Тютчев Ф. И. Россия и Запад : книга пророчеств / Ф. И. Тютчев. – М., 1999.

51. Беседа В. Шендеровича с ведущей И. Воробьевой в эфире передачи «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы» 15 января 2015 г. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1473792-echo/>

52. Русский вопрос в истории политики и мысли : антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.

53. Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос» : французская русофобия в XIX веке / О. Е. Сорокопудова, А. А. Ширинянец // Вестник МГОУ. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/555>.

54. Ширинянец А. А. «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX века / А. А. Ширинянец // Вестник российской нации. – 2014. – № 2.

55. Горохов А. А. Возвращение русского консерватизма : ответ Кори Робину / А. А. Горохов // Историческое образование. – 2014. – № 3.

56. Тютчев Ф. И. Письма к московским публицистам И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. А. Ф. Аксаковой. Петербург. Среда, 20 сент[ября] [1867] / Ф. И. Тютчев // Литературное наследство. Т. 97 : Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. – М., 1988.

57. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев ; сост. предисл. и примеч. Л. В. Полякова. – М., 1990.

58. Ширинянец А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли) / А. А. Ширинянец. – М., 2011.

59. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Избранное. – М., 2010.

60. Леонтьев К. Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года. <Передовая> Варшава, 13 марта / К. Н. Леонтьев // Там же.

61. Леонтьев К. Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года. Взрыв в Зимнем дворце. Варшава, 15 февраля / К. Н. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Избранное. – М., 2010.

62. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров ; сост., автор вступ. ст., коммент. А. В. Репников. – М., 2010.

63. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (Программное обращение Партии «Единая Россия» к гражданам России) (2011). – Режим доступа: <http://er.ru/party/program/>

64. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). – Режим доступа: http://er.ru/party/presidential_election/

65. Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия» (2013). – Режим доступа: <http://er.ru/party/rules/>

66. Ширинянец А. А. М. Н. Катков и М. П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России / А. А. Ширинянец // Катковский вестник : религиозно-философские чтения : к 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова. – М., 2008.

67. Андрей Богданов в программе «Разворот» радио «Эхо Москвы». – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/56683/>

68. Программа политической партии «Демократическая партия России». – Режим доступа: http://democrats.ru/?page_id=199

69. Антон Баков : Ройзман – это не человек, а мифический персонаж // РИА «Регионы России». 09.2013. – Режим доступа: <http://www.gosrf.ru/news/11483/>

70. Устав политической партии «Монархическая партия». – Режим доступа : <http://minjust.ru/sites/default/files/basetype/2012/07/ustav.doc>

71. Программа политической партии «Национальная безопасность России». – Режим доступа: <http://www.izbiraem.ru/party/i/192>

72. Программа Всероссийской политической партии «Партия возрождения села». – Режим доступа: http://партиявозрождениясела.рф/программа#_Точ327345672

73. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011.

74. Гуторов В. А. Консерватизм как альтернатива? Западная традиция и современная Россия / В. А. Гуторов // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 6. – 2006. – Вып. 4.

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Ширинянец А. А., доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории
социально-политических учений

E-mail: jants@yandex.ru

*Moscow State University named after
M. V. Lomonosov*

Shirinyants A. A., Doctor of Political Sciences,
Professor, Head of the History of Socio-Political
Studies Department

E-mail: jants@yandex.ru

УДК 94:327(47+57:430)«19»

**«ПРЕДСТОИТ... РЕШИТЕЛЬНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ
ГЕРМАНСКОГО МИРА С РУССКИМ»:
прогнозы и предостережения Клавдия Пасхалова**

А. А. Иванов

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)*

А. В. Репников

Российский государственный архив социально-политической истории

Поступила в редакцию 5 июня 2015 г.

Аннотация: впервые после 1914 г. представлены две статьи видного правого деятеля К. Н. Пасхалова (1843–1924), представляющие несомненный интерес для историков русского консерватизма. Публикацию сопровождают краткий очерк о Пасхалове и научные комментарии.

Ключевые слова: К. Н. Пасхалов, Первая мировая война, русские права, русский консерватизм.

Abstract: two articles of the prominent right public man K. N. Paskhalov (1843–1924) are presented in the publication for the first time after 1914, they present evident interest for the historians of russian conservatism. The publication accompanied by the brief essay about Paskhalov and scientific comments.

Key words: K. N. Paskhalov, conservatism, russian rights, World War I.

Политический и общественный деятель, консервативный публицист Клавдий Никандрович Пасхалов родился в 1843 г. в дворянской семье, жившей в Калужской губернии [1–5]. Семья была очень одаренной. Отец – боевой кавказский офицер. Мать Анна Никаноровна Пасхалова (урожденная Золотаева) (1823–1885) – поэтесса. Ее второй муж – писатель. Старший брат Клавдия – Виктор Никандрович – выпускник Московской и Парижской консерваторий, известный композитор, автор романсов, многие из которых были написаны на стихи, сочиненные матерью. Вячеслав Викторович Пасхалов (внук Анны Никаноровны) впоследствии тоже стал композитором, а его двоюродная сестра Анна Александровна Пасхалова-Чегодаева (1869–1944) была певицей и драматической актрисой. Другая двоюродная сестра Вячеслава Викторовича – Алевтина Михайловна Пасхалова (1878–1953) – прославилась на подмостках русской оперы.

Испытавший влияние творчески одаренной семьи, Клавдий Пасхалов поначалу пытался найти себя на литературном поприще. В его художественных произведениях затрагивались вопросы землеустройства и крестьянского быта. Эта тема всегда была интересна Пасхалову, но стать писателем ему было не суждено. В 1875 г. он поступил на службу в Министерство финансов и служил в Особой канцелярии по кредитной части, в 1882 г. стал членом Совета Крестьянского банка. Однако его жизненный путь – это путь не столько государственно-го чиновника, сколько публициста и активного общественного деятеля.

Выйдя в отставку в чине действительного статского советника, Пасхалов, несмотря на преклонный возраст, принял самое активное участие в монархическом движении. Он являлся членом Русского собрания, «Кружка москвичей», состоял почетным членом Русского монархического союза и Калужского отдела Союза русского народа, был организатором и участником ряда монархических съездов и совещаний. Регулярно выступая со страниц «Московских ведомостей», Пасхалов в 1908–1914 гг. входил также в состав редакционной комиссии многотомной «Книги русской скорби», которая издавалась Русским народным союзом имени Михаила Архангела и содержала биографии «мучеников и борцов за идею православия, самодержавия, царя и русской народности, погибших в результате террористических актов» [6]. Как отмечал А. Я. Аврех, «Пасхалов для черносотенцев был примерно тем же, кем был князь П. А. Кропоткин для анархистов: патриархом и теоретиком одновременно» [7]. Пасхалов был удостоен и внимания императора Николая II, который в 1905 г. трижды принимал «старика-дворянина» и подолгу беседовал с ним [8].

Как и большинство русских консерваторов, накануне Первой мировой войны Пасхалов выступал противником чрезмерного сближения России с Англией, которая, по его мнению, «всегда была и осталась приютом всех злодеев и разрушителей нашего отечества» [9, с. 238]. Еще в августе 1908 г. в статье «С Англией или Германией?» Пасхалов обращал внимание своих читателей на то, что цель Британии – всемирное владычество, а единственный ее соперник в этом – Россия. «Поделить между собою это владычество над миром – неосуществимая мечта, да и Англия вовсе не стремится к совладычеству с Россией, которую она в своей британской гордыне никогда не признает себе равной; она стремится к *исключительному* господству над миром, – отмечал правый публицист. – А так как с 1870 года выросло немецкое государство, являющееся новым и притом ближайшим препятствием к английской мировой гегемонии, то неудивительно, что у несомненно умных и дальновидных государственных людей Англии явилась мысль одно препятствие сокрушить другим и сделать попытку заставить Россию и Германию разбиться друг об друга и разом освободиться от обоих конкурентов» [9, с. 237]. Не испытывал он никакого восторга и относительно русско-французского союза, полагая, что Франция «бросилась в союз с нами только ради спасения своей дряблой шкуры, достаточно отбарабаненной толстым Михелем, а ее финансовые услуги принесли великую пользу ее же гулящим капиталам и очень сомнительную

кредитуемой ими России» [9, с. 238–239]. Но при этом Пасхалов уже тогда был далек от того, чтобы видеть в Германии нашего естественного союзника. Вывод, который он сделал, не потерял актуальности и сегодня: «Весь европейский мир нам был всегда чужд и неприязнен, а теперь таковым стал американский – неизвестно почему, а азиатский – по вине собственных наших руководителей. При таком положении было бы величайшим заблуждением верить в возможность искренней дружбы к нам кого бы то ни было. Правильно поняты интересы России требуют, чтобы она была хороша и равна со всеми великими и малыми державами, но да сохранит вас Всевышний от особой дружбы и союзов! Довольно они нам стоили. А потому ни с Германией, ни с Англией, Францией, ни даже, скажу, с Черногорией, которая теперь, кажется, тоже не оправдывает особого доверия, оказанного ей великим усопшим Монархом...» [9, с. 241]. Спустя пять лет, в 1913 г., Пасхалов уже предсказывал неизбежность большой войны, причину которой он видел в чрезмерных аппетитах габсбургской монархии: «Для России создалось теперь такое положение, что столкновение ее с Австрией является неизбежным. Хочет или не хочет она войны, а таковая будет, если только Россия не откажется добровольно от своего мирового значения и сама не станет членом славянской федерации под скипетром Габсбургов, чего, конечно, предположить нельзя... Удастся ли русскому колоссу устоять на ногах или же он рухнет и, рассыпавшись на составные части, послужит образованию новых государственных организмов, это зависит всецело от мудрости и искусства его государственных людей» [10, с. 21]. Последнее предупреждение русскому обществу о надвигающейся войне с Германией и Австро-Венгрией вышло из-под пера Пасхалова за два с половиной месяца до ее начала – в мае 1914 г. [11, с. 351, 382–383].

С началом Первой мировой войны К. Н. Пасхалов стал активным борцом с «немецким засильем», был одним из инициаторов и активных участников Саратовского совещания уполномоченных монархических организаций, на котором его избрали в состав делегации для Высочайшего приема. Однако в Петрограде представители совещания получили отказ в просьбе о встрече с царем, что произвело на Пасхалова удручающее впечатление. 15 декабря 1914 г. он жаловался А. А. Ширинскому-Шихматову: «...еще грустнее то, что Царь, за права Которого мы распинаемся, очевидно, гневается на нас. Это ясно из отказа принять делегацию с Иконой и из молчания на нашу верноподданническую телеграмму. За что? Ведь в нашем выступлении не имели места никакие соображения личных выгод, и ничего, кроме оплевания, от печати и общества мы не получили. Мы ведь шли “против течения”» [12, с. 25]. С каждым месяцем войны мрачные предчувствия усиливались. 31 октября 1914 г. и 17 января 1915 г. Пасхалов предупреждал в письмах к Д. А. Хомякову: «Лестно снова водрузить крест на Св. Софии и получить ключ от проливов, но сбудется ли это даже при блестяще успешной кампании, а если и сбудется, то в какой форме осуществится. Я вообще убежден, что, по окончании возникших войн для нас настанет самое трудное, самое тяжелое время. Вместить в свое лоно

тройное число поляков, в примирение которых с нами я ничуть не верю, – четыре миллиона мазепинцев, да еще миллион галицких жидов, – все это едва ли будет способствовать процветанию и спокойствию государства. А чтобы сделаться хозяевами выхода из Черного моря, надо взять не один только Константинополь, но оба берега Босфора, Мраморное море и Дарданеллы, и окружиться вечными непримиримыми врагами, все мечты которых будут в том, чтобы нас оттуда выгнать... Нет, теперь очевидно, что беспримерная военная слава принесет нам беспримерные горькие плоды» [12, с. 6–7].

Информации о том, как Пасхалов воспринял крушение самодержавия и последующие события пока найти не удалось. Известно лишь, что скончался он в 1924 г. в селе Колосово Алексинского уезда Тульской губернии¹.

* * *

Впервые после 1914 г.² переиздаются две статьи К. Н. Пасхалова, представляющие интерес как с точки зрения изучения русской консервативной мысли в целом, так и в качестве яркой иллюстрации предвоенных геополитических прогнозов русских консерваторов, которые в целом ряде своих предсказаний оказались более дальновидными, чем их оппоненты. Первая из них – «Накануне войны» – посвящена предчувствию неизбежного военного столкновения, перед которым оказалась Европа к 1914 г. Во второй – «Торжество русских идеалов» – К. Н. Пасхалов выступает как апологет монархической триады «Православие, самодержавие, народность», отстаивая преимущество русского государственного строя перед европейскими, которое, на его взгляд, особо выявилось в первые месяцы мировой войны.

К. Н. Пасхалов

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ³

Ты виновата тем, что хочется мне кушать⁴.

Конечно, накануне войны. Никакого другого логического умозаключения нельзя вывести из всей совокупности и последовательности событий, как внешних, так и внутренних, о которых рядовой обыватель осведомляется

---

¹ В настоящее время в Москве готовится первая кандидатская диссертация, посвященная жизни и творчеству Пасхалова, что дает надежду на ликвидацию некоторых белых пятен в его биографии.

² Отметим, что ни одна из представленных ниже статей Пасхалова не вошла в предпринятое в 2008 г. переиздание его трудов [13].

³ Публикуется по изданию: Московские ведомости. 1914. 14–15 мая. № 11–12.

⁴ Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Волк и Ягненок»: «Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать, / Досуг мне разбирать вины твои, щенок! Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». – Сказал и в темный лес Ягненка поволок».

ежедневную печатью. Люди, которым дано проникать в сокровенные тайны международных отношений и действий, может быть, имеют солидные основания надеяться на то, что наше русское, мирное житие не будет нарушено, но то, что доступно наблюдению и непривилегированному глазу, не способно вселить ни малейшего успокоения.

Не знаем, какое впечатление произвело на наших профессионалов иностранной политики прошлогоднее решение германского правительства на громадное увеличение своих боевых сил⁵ и как они его себе объяснили, но для нас, простых смертных, было совершенно ясно, что эта грозная сила собирается исключительно против нашего отечества. В самом деле, против Франции у Германии было вполне и даже более чем достаточно и бывших сил, тем более, что Франция давно и, может быть, бесповоротно утратила воинственность, отличавшую ее в монархический период ее существования, против Англии, с которой у Германии идет перекосердие о мировом первенстве, нужна не столько армия, сколько флот, Турция забрана ею голыми руками, Австрия и Италия – союзницы. Кажется, не требуется особой проницательности, чтобы догадаться, против кого же при таких обстоятельствах собирает Германия огромные полчища при величайшем напряжении экономических сил, устанавливая небывалые налоги, чуть не конфискацию части имущества всех своих подданных⁶. Один Берлин повинен уплатить 150 миллион[ов] марок. Вся Германия превращается в один сплошной военный стан, в каждом собрании провозглашается необходимость приготовиться к отпору против воинственных замыслов не кого другого, а – России, что для нас представляет очевидную ложь, но что служит отличным предлогом для оправдания действий германского правительства в глазах населения, от которого требуют непомерные жертвы.

Продолжаться долго такое напряжение не может, оно было бы слишком разорительно и Германия рисковала бы быть раздавленной собственной военной тяжестью, если замедлит навалить ее на тех, для кого приготовлялась, именно – на нас.

Но, как ни велика военная мощь Германии, а успешно бороться с Россией одной только массой своих армий все-таки представляет предприятие если не рискованное, то очень сомнительное. И вот Германия хлопочет повсюду создать себе союзников. Об Австрии уж и говорить нечего. Вышвырнув ее в 1866 г. из германского союза, она лишила Австрию цели и смысла ее государственного назначения – стоять во главе германского мира и, может быть, сама же указала ей другую цель – стать во главе мира славянского, к чему Австрия и стремится со времен Садовой⁷ систематически и неуклонно. Надо ли

⁵ Имеется в виду военный закон, принятый в Германии в 1913 г. и предусматривавший беспрецедентное увеличение численности немецкой армии и усиление ее боеготовности.

⁶ Заметное численное увеличение армии потребовало от германских властей в 1913 г. обложить немецкое общество единовременным чрезвычайным военным налогом.

⁷ Имеется в виду битва при Садовой (1866), ставшая генеральным сражением австро-прусской войны и закончившаяся поражением австрийцев.

это доказывать? Босния и Герцеговина⁸, отношения к балканским славянам и стремление втянуть их не мытьем, так катаньем в сферу своего влияния, вернее – подчинения, вначале экономического, а потом и политического, создание искусственного государства Албании⁹, как предлог для постоянного вмешательства в жизнь балканских славян, – дают достаточно ясное представление о том, куда направлены вождения Габсбургской монархии.

Но пока во главе славянского мира стоит естественным образом сильнейшая славянская держава – Россия, до тех пор на пути австрийских вождений стоит неодолимое препятствие. Надо его устранить. А для того чтобы справиться с такою громадиной, как наше отечество, надо его ослабить внутренним разложением. Для этой цели впереди всего послужили галицкие поляки, в которых раздули прямо бешеную ненависть к России, – бешеную до полной потери сознания тех нравственных границ, которых нельзя переходить без потери не только чувства чести и справедливости, но даже человеческого подобия, становясь в ряд диких зверей, руководящихся только свирепым инстинктом хищничества. Прочтите только, что творится сейчас на судбище во Львове против русских людей и православных священников¹⁰, как попирается там нагло, открыто, бессовестно всякое понятие о правосудии за тем, чтобы задушить в Галиции всякое проявление русского сознания в русском местном населении.

Наш пресловутый Шемякин суд покажется верхом справедливости пред тем, что творится там, в этом бесстыдном надругательстве над правосудием.

Однако и одних поляков, как союзников против России, оказалось мало и вот является на сцену гениальная по своей простоте идея натравить одну часть русского народа против другой, убедив их, на основании отличий в местном говоре, что они не только не родня, но представляют чуждые друг другу народности и не только чуждые, но и враждебные, из которых одна якобы «угнетает» другую.

При деятельном содействии и денежной помощи Германии появляется и расцветает среди русской галицкой интеллигенции украинство, появляется искусственно новая народность, дотоле неслышанная и никому неизвестная, сочиняется для нее особый язык и деятельно разрушается народный посредством уничтожения этимологического правописания и замены его так

---

⁸ Босния и Герцеговина была оккупирована австро-венгерскими войсками по условиям Берлинского трактата (1878), однако официально оставалась частью Османской империи. В 1908 г. Босния и Герцеговина была аннексирована Австро-Венгрией и вошла в состав страны, что привело к Боснийскому кризису 1908–1909 гг.

⁹ Решение о создании «независимого княжества Албания» было принято на конференции в Лондоне, после поражения Турции в 1-й Балканской войне (1912–1913).

¹⁰ 24 февраля / 9 марта 1914 г. в г. Львове, входившем тогда в состав австрийской Галиции, начался суд над четырьмя видными представителями русофильского движения, которые были обвинены в государственной измене и шпионаже в пользу России. Однако явная надуманность обвинений привела к тому, что 24 мая / 6 июня 1914 г. все обвиняемые были оправданы судом присяжных и освобождены из-под стражи.

наз[ываемым] фонетическим, а главное, культивируется среди воспринявших украинство слепая, неукротимая ненависть ко всему русскому.

Для всякой другой народности, проникнутой сознанием своего национального достоинства, такая нелепая и прямо глупая выдумка, как украинство, не могла бы иметь никакого вредного влияния и заслужила бы только осмеяние скудоумных ее последователей, но, к прискорбию, у нас, русских, всякая сепаративная идея, даже самая пошлая, самая нелепая, пользуется сочувствием и успехом в «либерально»-скорбных головах господствующего течения, и то, что у другого народа осталось бы оригинальностью немногих чудаков, у нас разрастается в очень опасное для целостности государства явление. Заимствуя с Запада все, что идет к нашему народно-государственному быту, как к корове седло, мы словно слепнем, когда встречаемся с явлениями, достойными подражания, одним из которых, и при том наиважнейшим для государства, является единство государственного и литературного языка и оберегание его построения, сложившегося исторически трудами целого ряда гениальных деятелей.

И вот, вопреки здравому государственному смыслу, все, что мнит себя «либерально-прогрессивным», с восторгом готово насадить в наших школах и деловых обращениях всевозможные свои и инородческие диалекты, одновременно стремясь исказить разными упрощениями свой прекрасный, культурный, достигший высокой степени совершенства русский язык. Не *великорусский*, как стараются дать ему ограничительное значение, стремящееся уравнять его с другими местными говорами, а именно *русский*, общерусский язык, в который вошло все лучшее из всех местных русских говоров и наречий.

Как стараются на юге малороссов превратить в каких-то выдуманных, враждебных нам украинцев, так на северо-западе идет настойчивая работа обособлению белорусов и внушения им, что они ничего не имеют общего с великороссами, и во всяком случае не ближе к ним, чем к полякам, и что настоящее их племенное название не белорусы, а русины. Одновременно с пропагандой племенного сепаратизма ведется настойчивое совращение в католицизм, к чему широкий путь открыл акт 17 апреля 1905 года¹¹, и полнейшее отсутствие попечения об охране от соблазна ренегатства населения, исповедующего «господствующую» религию. А для русского человека переход в католичество сопровождается неизбежно и потерей национальности.

Усилившись в военном отношении, вселив недоверие к намерениям России даже в Швеции, которая вдруг, ни с того ни с сего почувствовала опасность нашего нападения на нее и стала против нас вооружаться, и расшатавши цельность России внутри, обе наши соседки – Германия и Австрия, очевидно, считают настоящий момент вполне подготовленным для успешного напа-

¹¹ Имеется в виду указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), законодательно утверждавший права на свободу вероисповедания лиц неправославного исповедания и отменявший преследование за отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение.

дения. Об этом свидетельствуют не какие-нибудь отвлеченные соображения, а целый ряд неоспоримых фактов, главным образом распространение лжи, что со стороны России якобы грозит опасность нападения, а что Германия и Австрия только «вынуждены» защищаться от ее агрессивных намерений. Это, видите ли, Россия своими чрезвычайными вооружениями, неприязненными действиями и агитацией в печати против Германии и шпионством в Галиции против Австрии вызывает необходимость для союзниц готовиться к защите. Но на языке немцев эта защита осуществляется «молниеносным нападением» на непомышляющего нападать врага, как это еще недавно объяснял в рейхстаге германский военный министр при вопросе об учреждении милиции. Распространяется воззвание германского красного креста, призывающего к пожертвованиям для заблаговременного изготовления запасов перевязочных материалов и лазаретной организации. Предполагается введение военного налога на иностранцев. Статс-секретарь фон Ягов¹², совершенно позабыв о враждебном тоне германской печати по отношению к России, в заседании рейхстага бросает грозное осуждение русской печати за то, что она позволила себе не то что выдумать что-нибудь против Германии, а отметить враждебные выступления против России немецких служащих или не служащих генералов в сборищах всенемецкого союза в Штутгарте¹³ и др. А между тем, целый ряд немецких газет нападают на Россию, указывая на нее как на угрозу европейскому миру и призывая свое правительство к готовности к войне.

Нельзя не отметить при этом и целый ряд несомненно преднамеренных оскорблений русских людей даже официального положения, имевших в последнее время место в обоих союзных государствах. Я настаиваю на том, что оскорбления наносились преднамеренно и состояли не столько в действиях непосредственных их исполнителей, а в том как относились к этому правительству обоих государств. Припомните случай г. Алехина в Австрии или случай г. Полякова и Попова в Германии¹⁴.

Итак, оба государства, Австрия и Германия, истратили миллиарды на усиление своей военной мощи, ослабили внутренними смутами своего противника, запаслись союзом даже со второстепенными державами, нападать на который никто не думал, и ищут только предлога для «молниеносного нападения» несмотря на наше ничем невозмутимое смирение. Спрашивается,

¹² Ягов Готлиб фон (1863–1935) — немецкий дипломат, статс-секретарь (министр) иностранных дел Германии (1913–1916).

¹³ Имеется в виду Пангерманский союз (Alldeutscher Verband) — один из идеологических центров Германии (1891–1939), выступавший накануне Первой мировой войны с экспансионистской, пангерманской и милитаристской программой. Деятельность союза не ограничивалась границами Германии и была направлена на объединение всего немецкого сообщества.

¹⁴ Речь идет о ряде скандальных арестов русских поданных на территории Германии и Австрии накануне Первой мировой войны. Инженер Н. И. Алехин был арестован в Вене по подозрению в шпионаже, Поляков — в Кельне по обвинению в воровстве. Инциденты получили большую огласку в русской печати и способствовали нарастанию в России антигерманских и антиавстрийских настроений.

какой же интерес двигает их поступками и заставляет идти все-таки на большой, очень большой риск? Ответ совершенно ясен: для Австрии возвращение смысла существования как великой державы, утраченного в 1866 году¹⁵, и заманчивая надежда осуществить идею создания «великой Габсбургии», простирающейся до р. Дона, для Германии – экономическое завоевание России и полное ее в этом смысле подчинение германским интересам, без чего Германия существовать не может и испытает полный экономический разгром. Заметьте, что военные приготовления против нас начались именно в то время, когда поднялись рассуждения о предстоящем пересмотре торгового договора и начали высказываться желания освободиться от тяжкого экономического ига, наложенного на нас существующим договором. Колоссальное промышленное развитие Германии требует рынков для сбыта; обширнейшим и удобнейшим представляется Россия. Лишившись его, германская промышленность испытает жестокое крушение. Поэтому Германии во что бы то ни стало необходимо добром или угрозами, силой или хитростью, но заставить нас подчиниться ее экономическим интересам и только в этом случае мы избежим войны.

Но если правительство наше не пожелает подчиниться Германии, то последней – хочет она этого или не хочет, а придется покуситься силой взять от России то, что не уступят ей добровольно. «Таможенная война, – говорит *Berliner Tageblatt*¹⁶, – если она возникнет, сделает наше положение критическим и будет первым этапом, ведущим к вооруженной войне», и далее: «в таможенной войне между двумя империями должна, несомненно, сильно пострадать германская промышленность. Россия теперь опирается не только на французские, но в ее распоряжении находятся также английские, а следовательно и американские, капиталы, что позволяет ей создать собственную промышленность, которой до сих пор не было». А это для Германии зарез.

Вот причины грозящей нам со стороны Германии войны – экономическая необходимость. Одна Австрия выступить против нас не осмелится и потому отдельно о ней говорить нет причин. Удовлетворенная же в экономическом отношении Германия на риск войны с нами не пойдет. Но вопрос: может ли Россия без ущерба для экономических интересов и достоинства собственного народа удовлетворить аппетиты Германии? Это едва ли возможно. Отсюда и вероятность, что мы накануне войны.

Что же может противопоставить Россия соединенным полчищам среднеевропейских государств и, может быть, еще примкнувших к ним второстепенных? Может ли она надеяться на помощь своих: союзницы Франции и согласницы Англии? Не знаю, как на этот предмет смотрят наши официальные

¹⁵ Имеется в виду поражение Австрии в ходе австро-прусской войны 1866 г., в результате которого она была вынуждена отказаться от объединения германских государств под своим началом в пользу Пруссии, ставшей гегемоном в Германии.

¹⁶ «*Berliner Tageblatt*» — ежедневная либеральная газета, выходившая в Берлине с 1872 по 1939 г.

сферы, а обывательские склонны к большому сомнению в дружестве чувств наших согласниц. Не станем вспоминать печальное время японской войны, пусть то прошло! Но вот вам недавно: гр. Коковцов¹⁷ не мог выклянчить у французов полностью той суммы, которая, по его соображениям, необходима была нам на железнодорожное строительство. Французы отказали в большей части просимого займа под предлогом собственной нужды и почти непосредственно вслед за этим отказом у них нашлось для Турции чуть ли в полтора раза больше, чем дали нам. Это ли не дружба, это ли не союзница!

Англия, – ну, эта церемонится еще меньше. На словах – полнейший *entente cordiale*¹⁸, а на деле?..

— Не хотите ли в союз? – предлагают Грею в Париже.

— Нет, благодарю вас, не желаю связывать себя никакими обязательствами и служить чужим интересам.

А затем в парламенте запрос: скоро ли выведут русские войска из Персии? Потом – приятное известие: в Лондоне открылся украинский кружок для пропаганды мазепинского¹⁹ бунта. Не правда ли, какая нежность и внимание к дружеской державе...

Итак, ясно, что в роковом столкновении с Германией и К^о мы можем рассчитывать только на собственные силы и средства. Как велики они, в порядке ли и готовности – обывателю знать не полагается, да и не надо. Мы, верноподданные, надеемся, что правительство наше исполнило свой долг и озаботилось о защите государства и населения от западных хищников. Но достаточно ли одной военной готовности для уверенности в успехе? Не должна ли содействовать ему могущественно и бодрость общественного духа, патриотический подъем и готовность всеми силами защищать интересы своего отечества? Но замечаются ли таковые признаки в общественном настроении при приближении военной грозы? Увы, не усматривается ничего подобного. Вместо того, чтобы объединиться ввиду приближающейся грозной опасности, забыть хоть на это время наше политическое разномыслие и помнить только одно, что надо дать дружный отпор алчному врагу, наши общественные микроцефалы не перестают гнусно и подло подкапываться под существующий государственный строй, стараясь скомпрометировать правительство, извращая его намерения, для возбуждения к нему недоверия, и заботясь только о

---

¹⁷ Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) — российский государственный деятель, граф; министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914).

¹⁸ *Entente cordiale* (фр.) — «сердечное соглашение», серия соглашений между Англией и Францией (1904), приведших наряду с франко-русским союзом к возникновению Антанты — военно-политического блока России, Англии и Франции, созданного в качестве противовеса «Тройственному союзу».

¹⁹ *Мазепинство* — определение, данное в Российской империи украинскому политическому движению, нацеленному на отделение Малороссии от России. Восходит к имени гетмана И. С. Мазепы, предавшего императора Петра I и перешедшего на сторону шведского короля Карла XII накануне Полтавской битвы (1709) в надежде на создание после поражения России независимого Украинского государства.

том, как бы расхитить и те остатки власти, которые еще уцелели от погрома 1905 г., и в конце расшатать политическую устойчивость государства.

Не достигшие венца своих вожделий революционные, оппозиционные и захватно-конституционные группы в один голос травят настоящий правительственный состав, виноватый лишь в том, что он стремится удержать все мятущиеся элементы в пределах законности, насколько это допускает слабая демаркационная линия между дозволенным и недозволенным, почти стертая системой неограниченного попустительства в течение времени Столыпина-Коковцовского²⁰ насаждения конституции, что и уничтожило всякую дисциплину – как политическую, так и нравственную, в собрании облыжно зовущих себя «народными представителями», а в сущности представляющих в большинстве только свои собственные мизерные фигурки с недовысуженными мозгами. Руководящие ими поводыри и их печатные органы свое собственное недовольство на проявляющую силу и достоинство (хотя и в умеренной степени) власть очень развязно приписывают «стране», которая, во всяком случае, ничем не уполномочивала их говорить от своего имени. Если в стране много недовольных ка-дэков, октябристов, прогрессистов и других охотников на распорядительные роли, то еще в тысячи раз больше русских людей, нуждающихся в спокойствии и защите, которые может им оказать только твердая, сильная власть. За такую власть пойдут на защиту родины все, в ком еще не отгнило чувство любви к родной земле.

«Прогрессивно-либеральные» болтуны осмеливаются сваливать неудачи японской войны на бывший «режим», забывая, что этот режим именно и создал величайшее и сильнейшее государство в мире, а унизило, опозорило и ослабило его то «освободительное» движение, которое вынесло наверх все легковесное, алчное, кинувшееся взапуски на расхищение плохо лежавшей в то время власти. Не «режим» проиграл японскую войну, а то позорное состояние общественной нравственности, которое побуждало «русских» по имени деятелей радоваться поражению наших войск и посылать поздравительные телеграммы японскому императору. Пора перестать так нагло клеветать на режим, да и на войско. Не они проиграли последнюю войну, а проиграла ее крамола и измена общественных деятелей, строивших новый государственный строй на позорно-подлых поступках. И результаты получились соответствующие. «Не от терния чешут смоквы, не от купины емлют гроздия»²¹. Вот это-то терние и следует ввергнуть в печь и сжечь без остатка и только тогда можно надеяться на победу и одоление внешнего врага. Не надо забывать,

---

²⁰ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862–1911) — российский государственный деятель. С апреля 1906 г. – министр внутренних дел, с июня 1906 г. – одновременно председатель Совета министров. 1 сентября 1911 г. смертельно ранен Д. Г. Богровым. Об отношении К. Н. Пасхалова к деятельности П. А. Столыпина, которую он оценивал негативно, см. [9, с. 13–20].

²¹ «Ибо всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника» (см.: Евангелие от Луки, синодальный перевод, 6:44).

что предстоит, может быть, решительное столкновение германского мира с русским (но не со славянским). Одолеет более сильный духом и властью.

А немцы очень хорошо учитывают настоящий момент. Газета *Germania*²² пишет: «Россия представляет теперь все симптомы разложения, революционное движение возникает снова».

Приглашаем наше влиятельное общество и правительство доказать, что *Germania* ошибается.

Р. С. Только что окончил статью, как, взяв газету, нашел речь министра иностранных дел, произнесенную им в Г. Думе. Конечно, поспешил ее прочесть, надеясь встретить в ней веские и убедительные данные, способные рассеять нашу обывательскую тревогу. Увы, ничего подобного в ней не нашлось. Правда, вся она исполнена желанием успокоить слушателей и уверить, что все прекрасно, но все это – прекрасные слова, но напрасно стали бы искать в ней подкрепляющих эти слова фактов. Г. министр уверяет, что наши отношения ко всем державам – не только тройственного согласия, но и союза – прекрасны. И мы верим, что таковы *наши* отношения к ним, но таковы ли *их* чувства к нам – сомнительно... И *факты* не рассеивают сомнения, а скорее подтверждают. Вот, напр., г. Сазонов²³ в доказательство добрых отношений к нам Австрии указал на речь г. Берхтольда²⁴ в австр. делегациях. А почему же он упустил упомянуть о речи председателя делегаций, сказанной вслед за речью г. Берхтольда, окрашенной совсем другим колером, прямо враждебной России. Значительная часть речи министра отведена сообщению о том, сколь много мы заботились о монголах, армянах и даже обещали способствовать благоустройству Турции (зачем это?), а вот о русских интересах, напр. об Урянхае²⁵, – ни слова. Между прочим, говоря об армянах, г. Сазонов поведал, что туда для их благополучия будут по соглашению между державами назначены два европейских генерал-губернатора. Может быть, с точки зрения дипломатической это успокоительно, но с точки зрения обывательской, русской, так просто оскорбительно, потому что эти губернаторы, наверно, будут не русские. Странное дело: мы всех устраиваем, всех освобождаем, за всех кровь проливаем, а как в освобожденные нами страны сажать правителей, королей, князей, – то непременно сядет немец. Вот и теперь в Армению, к нам под бок посадят какого-нибудь ревнителя фатерлянда²⁶. И это считает г. Сазо-

²² «*Germania*» – немецкая политическая газета, близкая к партии центра, издававшаяся с 1870 по 1938 г.

²³ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – российский государственный деятель, министр иностранных дел (1910–1916), имел репутацию убежденного антантофила.

²⁴ Берхтольд Леопольд фон (1863–1942) – австро-венгерский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии (1912–1915).

²⁵ Урянхайский край – русское название Тувы в 1914–1921 гг. До 1912 г. находился под властью маньчжурской династии Цин (правившей Китаем), после Синьхайской революции (1912–1913) попросился под протекторат Российской империи. В апреле 1914 г. Урянхайский край был принят под российское покровительство и включен в состав Енисейской губернии.

²⁶ *Vaterland* – отечество (нем.).

нов удачным и желательным с русской точки зрения разрешением армянской неурядицы! Нет, уж на мой вкус лучше пропади она пропадом вся Армения под турком, но без насаждения еще лишних – германских, датских и др. князей и губернаторов.

Вообще после речи г. руководителя иностранной политики я почувствовал себя так, как голодный человек, которому вместо хорошего, питательного блюда поднесли жиденького бульенца, какой-то суп пустаньер. Много слов и все хороших, а существенного – нуль.

Торжество русских идеалов ²⁷

I

Бесспорно, что война величайшее бедствие, тягчайшее испытание, ни-спосылаемое человечеству. Она вырывает из жизни сотни тысяч, а при настоящих ее небывало громадных размерах и миллионы человеческих существований, и притом самый цвет населения; она разоряет государства и состояния частных лиц, опустошает целые области и в несколько часов превращает их в пустыню, а города – в груды развалин. Но в то же время она представляет столь много поучительного, дает такой яркий и обильный материал для оценки тех воздействий, под влиянием которых сложились положительные или отрицательные качества враждующих народностей, какой в мирное время находится, так сказать, в скрытом состоянии.

До сих пор Россия не только что во мнении Европы, но и среди нашего «прогрессивного» общественного слоя считалась *страной отсталой*, варварской; государственный строй ее – *устаревшим*, не отвечающим потребностям прогресса, господствующая религия ее народа – *диким суеверием*. Исходя из таких воззрений, нас начали усердно превращать *из варваров в европейцев, из «рабов» в «граждан»*, беспощадно сокрушая все традиции нашего исторически сложившегося самобытного государственного Самодержавного строя, низводя наш духовный идеал – Православие на один уровень со всяким иным, даже не христианским культом. Уступки, которые сделало правительство, далеко не удовлетворили прогрессивных новаторов и вызвали состояние постоянного столкновения общественных вожаков с представителями правительства. Учрежденная Самодержавной Властью Государственная Дума для разработки мероприятий для удовлетворения нужд государства, при помощи «достоинейших, доверием народа облеченных людей», меньше всего думала об исполнении этой своей обязанности, а вся поглощена была стремлением *к расширению своих прав за счет Самодержавия*, до осуществления конституции со всеми ее атрибутами по западноевропейскому образцу.

Несомненно, что развитие народа, его характер и нравственные качества образуются *под влиянием государственного и духовного идеалов, на него дей-*

---

²⁷ Публикуется по изданию: Вестник Союза русского народа. 1914. № 202. 30 нояб. С. 4–6.

ствующих. Чем выше эти идеалы, тем добродетельнее и нравственнее должен быть и народ, живущий под их влиянием, тем сильнее должно быть их действие. Для наших общественных мудрецов высший государственный идеал выражался в порядках, установившихся по ту сторону нашей западной границы, естественно, поэтому, что они влекли к ним нашу государственную жизнь. Наш государственный Самодержавный строй определялся ими, как тюрьма, в которой задыхаются («дышать нечем») народы, наш народ – грубая, невежественная масса, неспособная к труду и лишенная всякой предприимчивости, окончательно пропившаяся и прогнившая; наше духовенство – проводник духовных начал в население – сословие полуграмотное, озабоченное преимущественно сбором за духовные требы.

Но вот столкнулись два мира: русский и западноевропейский в борьбе на жизнь и смерть. И что же оказалось?

Полнейшее, очевиднейшее и неоспоримое торжество наших, русских, государственных и духовных начал, под воздействием которых сложился нравственный облик русского человека. Настоящая война дала случай проявиться неизмеримой силе Самодержавной Власти во всем ее благотворном значении для народа.

Народ еще вчера по слабости человеческой, поощряемой ошибочною финансовою, а вернее, и общею внутреннею политикой, пьяный, сегодня по одному слову Самодержца стал трезвейшим из всех. На всем необъятном пространстве Русского Государства все подчинилось Царскому велению с радостью и готовностью. И это мгновенное отрезвление, которому в большой степени мы обязаны нашими военными успехами, могло произойти *только по способу «быть по сему».*

Попробуйте, проведите-ка полное запрещение продажи и потребления водки²⁸ «конституционным» способом. Да ни за что в мире! Ведь если у пьяного зелья много противников, то, пожалуй, не менее и защитников и притом очень влиятельных, материально заинтересованных в винокурении, а следовательно, и в потреблении. Да, наконец, если бы после огромной проволоочки и бесконечных словопрений в комиссиях и общих собраниях наших «палат» и удалось восторжествовать поборникам трезвости, то, вероятно, только в виде какого-нибудь компромиссного мероприятия, практически безрезультатного. А по воле Самодержавца, – как ножом отрезало и, что всего важнее, в самый потребный момент.

Дельцы, которые из всех сил стараются сокрушить наш самобытный государственный Самодержавный строй, уподобляли Россию тюрьме, в которой задыхаются народы. Опять же возгоревшаяся нынешняя война доказала всю ложность такого утверждения. Ведь если бы народы, подвластные Самодер-

²⁸ В связи с подготовкой к мобилизации (1914) в России были введены существенные ограничения на продажу крепких спиртных напитков. С началом Первой мировой войны указом императора Николая II «сухой закон» (не распространявшийся только на виноградные вина и пиво) был установлен до полного завершения военных действий.

жавной власти Русского Царя, чувствовали себя, как арестанты, то германское нашествие предоставляло им прекрасный случай избавления от тюремного заключения. Однако ни одна народность, даже из тех, среди которых интеллигенция их старалась посеять злобу и ненависть к России, не выказала стремления от нее оторваться, что весьма доказательно свидетельствует, что, если кому и было «нечем дышать», если кого и давил режим, который для его ошельмования окрестили «бюрократически-полицейским», «приказным строем», то никак не народы, а разве только тех честолюбцев и интриганов, которым для достижения их личных стремлений нужна была ссылка на народ. И вот, когда наступило событие, в котором должно было с особою ясностью выразиться отношение народов к «режиму», под воздействием которого протекло их существование, т.е. к Самодержавию, то оказалось, что жилось им, должно быть, не плохо, если все не только с готовностью, но и с энтузиазмом ринулись по манию Самодержавца на защиту государства «полицейского» режима.

Когда, при вспыхнувшей войне, вся масса населения проявила горячие чувства привязанности к своему русскому отечеству и стихийно увлекла за собою все даже архиепопозиторские общественные слои, органы поборников конституционализма не преминули определить это движение формулой: «Общество выказало полное доверие правительству, а потому имеет право ожидать, что и правительство заплатит ему тем же». Тут для достоверности необходима поправка. Не общество, а *народ*, *все народы* России поверили своему Самодержавному Царю, поверили Его правоте и все единодушно двинулись на защиту Царя и Родины. Именно Царя. Это не фраза, а сущность отношений к Царю Русского Народа, носящего Царя в сердце своем неотделимо от представления о родине, и всего дорогого, с ней связанного.

Несмотря на все старания конституционной и революционной пропаганды искоренить преданность населения его историческому государственному идеалу, ей это, очевидно, не удалось. Временно помраченный народоправскими соблазнами, он вспыхнул в русских сердцах ярким пламенем и выразился в восторженно-бурном проявлении всеобщего обожания к Царю, как выразителю этого идеала. Фальшиво настроенные струны всяких искусственно-интрижных оппозиций и забастовок полопались с треском, когда наступил момент действительной и страшной опасности, и вся Россия, – *вся*, все племена и возрасты, вся армия образованной молодежи и простых рабочих [цензурный пропуск], все разом сбросило либеральные кандалы и восприяло снова русскую душу и русский здравый смысл.

«Полицейский режим». Этою презрительною кличкою окрестили невежественные политические недоноски наше величавое Самодержавие, представляющее совершеннейший идеал государственного устройства. Злоупотребления чиновников они смешали с достоинством правящей идеи, чем и доказали печальное убожество своего политического развития. Дальше взяток какого-нибудь квартального надзирателя, злоупотреблений чинуша их

политическая прозорливость не простиралась, и они наивно полагали, что это зло присуще Самодержавию, как будто в республиках и конституциях с самым отменным «народным представительством» не грабят обывателя еще много почище наших приказных строк.

Теперь, когда с такою поразительною яркостью выразилась вся благодетельная сила, все величие Самодержавия, его тесное сродство со всеми фибрами народной души, его способность моментально исправлять тяжкие ошибки государственной жизни и залечивать, казалось бы, неизлечимые многолетние язвы, когда все это запечатлено непреложными фактами и сознано всеми слоями населения, будем надеяться, что это сознание не удастся снова помрачить сознательным и, что еще печальнее, бессознательным разрушителям русского государственного идеала.

II

Религия, несомненно, составляет ту духовную пищу, под влиянием которой складывается нравственное существо народа. И вот теперь, когда среди тяжелых испытаний военных ужасов должны были проявиться результаты двух различных религиозных воздействий на состязающиеся народы, мы видим, к чему привело лютеранство немцев и как отразилось Православие на духовном существе русского народа. С одной стороны, немцы со всей их культурой и техникой превратились сверху донизу в алчных разбойников, для которых нет ничего святого, никакой нравственной узды, никаких условностей, выработанных человечеством, для спокойного сожительства, Германия хочет, Германии нужно, – и к черту все обязательства, договоры, подписи и другие условности. Она обратилась из государства в огромное разбойное становище с атаманом вместо императора во главе. Ложь, клевета, невероятная зверская жестокость при удачах, невероятно злобная мстительность не только на людях, но и на неодушевленных предметах при поражениях. И все это не случайное проявление злой воли, но систематически возведенное в принцип поведение. И это одобряется их духовными пастырями, как на днях еще один из них заявил публично.

Теперь сравните с этим одичанием наше воистину христоролюбивое воинство, эту вооруженную часть русского народа, призванного ныне на тяжкий подвиг защиты родины от разбойно-грабительского покушения германо-австрийских бандитов. Лев на поле битвы – русский воин превращается в добродушнейшего товарища к побежденному противнику, делящегося с ним последним сухарем, последним огрызком сахара. Ни одного случая жестокости, или надругательства, или бесцельного истребления неприятельского имущества. Вот и решите: чья же культура духовная выше: лютеранская, преобладающая у наших врагов, или Православная, преобладающая у нас? Кажется, двух решений этот вопрос не допускает.

Итак, наиболее поучительное, что может извлечь каждый здравомыслящий человек из свирепствующей ныне военной бури, – это очевидное, несо-

мненное превосходство русских духовных и государственных начал пред западноевропейскими. А, между тем, наша младенчески несмышленная интеллигенция стремится заменить их лучшими, заимствуя их из источников совершенно чуждых всему русскому государственному складу и мечась от высочайшего религиозного идеала Православия, столь сродного душе народной, и в толстовство²⁹, и в пашковство³⁰, и в баптизм, и к братьям Чуриковым³¹ и комп. и т.д.

Не портить наши высокие исторические идеалы бессмысленным и рабским подражанием иноземным порядкам, образовавшимся при других исторических и характерных условиях, а надлежит развивать их, совершенствовать. Не ослаблять надо было силу Самодержавия, вся благотворность которого так ярко проявляется в критические минуты, переживаемые государством, а укреплять его соответствующими его духу учреждениями, которые не заслоняли бы от него мнимым большинством, как результатом партийных интриг, возможность выбора решений истинно-полезных для государства. Обратите внимание на то, в каком соответствии находилось всегда состояние России с проявлением в ней самодержавной идеи. Каждый раз, когда проявление это ослабевало по каким бы то ни было причинам, появлялись всяческие нестроения и смуты и наоборот, как только что Самодержавие проявлялось во всем своем значении и силе, так государство процветало и укреплялось. Достаточно вспомнить и сравнить Россию 1881 года с тою, которую в 1894 году оставил Великий Родитель ныне благополучно царствующего Императора, незабвенный Русский Царь Александр III³², даже после своего краткого царствования.

Насколько идеал Самодержавного Царя пустил глубокие корни в народных сердцах и сознании, можно было видеть в том восторженном обожании, с которым народ встречал своего Монарха в Москве, которая как будто посылает в Г. Думу самых непримиримых противников этого государственного принципа. Отсюда видно, что между народными чувствами и выборным шарлатанством нет ничего общего.

Итак, бережно хранить и развивать следует всем русским деятелям наши высокие идеалы: духовный – Православие и государственный – Самодержавие, а не искать их замены в рабском поклонении чуждым богам и порядкам. *Le mieuх est l'ennemi du bien* – от добра добра не ищут.

²⁹ *Толстовство* – религиозно-утопическое общественное течение в России конца XIX – начала XX в., сложившееся под влиянием религиозно-философских идей Л. Н. Толстого и предполагавшее преобразование общества путем морального самоусовершенствования, «всеобщей любовью» и «непротивлением злу насилием». Выступало с критикой православной церкви и пассивно отрицало самодержавие, в связи с чем в 1897 г. было объявлено вредной сектой.

³⁰ *Пашковцы* – религиозная секта «евангельских христиан» в России, созданная в конце XIX в. В. А. Пашковым, последователем английского проповедника лорда Г. Редстока. Были близки к баптизму, отвергали почитание икон и святых, таинства и церковную иерархию.

³¹ *Чуриков Иван Алексеевич* (1861 – после 1932) – самарский купец, раздавший свое состояние и ставший проповедником трезвого образа жизни. Имел многочисленных почитателей, основал в Петербурге «религиозное общество брата Ивана Чурикова», имевшее признаки секты.

³² *Александр III* (1845–1894) – российский император с 1881 г.

И теперь только лишенный всякой способности рассуждения или намеренно слепой может не сознавать, какое великое, нецененное добро имеем мы в основах нашей государственной и духовной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирьянов Ю. И.* Пасхалов Клавдий Никандрович / Ю. И. Кирьянов // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия. – М., 1996. – С. 453.
2. *Степанов А. Д.* Пасхалов Клавдий Никандрович / А. Д. Степанов // Черная сотня : историческая энциклопедия. 1900–1917. – М., 2008. – С. 385–387.
3. *Репников А. В.* Клавдий Никандрович Пасхалов / А. В. Репников // Москва. – 2005. – № 12. – С. 160–167.
4. *Репников А. В.* Общественно-политические взгляды К. Н. Пасхалова / А. В. Репников // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России : сб. науч. статей. – Пенза, 2005. – Вып. 3. – С. 84–91.
5. *Репников А. В.* Пасхалов Клавдий Никандрович / А. В. Репников // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2010. – С. 351–356.
6. Книга русской скорби. – СПб., 1908. – Вып. 1. – С. 1.
7. *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. / А. Я. Аврех. – М., 1981. – С. 231.
8. Дневники императора Николая II (1894–1918). – М., 2013. – Т. 2, ч. 1. – С. 36, 38, 648.
9. *Пасхалов К. Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей, писем и пр. / К. Н. Пасхалов. – М., 1909. – Т. 2 : 1906–1909 гг.
10. *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос / К. Н. Пасхалов. – М., 1913.
11. *Котов Б. С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати) : дис. ... канд. ист. наук / Б. С. Котов. – М., 2014.
12. «Не понимают величия русской государственной идеи» : переписка К. Н. Пасхалова 1914–1917 годов / вступ. ст. и публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. – 1995. – № 6.
13. *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос / К. Н. Пасхалов ; сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогова. – М., 2008.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

Иванов А. А., доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры
русской истории
E-mail: andriv78@yandex.ru

*Russian State Pedagogical University
named after A. I. Herzen
(St. Petersburg)*

Ivanov A. A., Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor of the Russian
History Department
E-mail: andriv78@yandex.ru

*Российский государственный архив
социально-политической истории*

Репников А. В., доктор исторических
наук, заместитель начальника Центра
документальных публикаций,
профессор кафедры истории, философии
и литературы Российского университета
театрального искусства
E-mail: rgaspi@inbox.ru

*Russian State Archive of Social
and Political History*

Repnikov A. V., Doctor of Historical Sciences,
Deputy Head of the Center for Documentary
Content Department,
Professor of the History, Philosophy and
Literature Department of the Russian University
of Theatre Arts
E-mail: rgaspi@inbox.ru

УДК 94:329.11(47+57)«18/19»(049.32)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Фетисенко О. Л. Гептастилисты : Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). – СПб. : Пушкинский дом, 2012. – 784 с.

С. В. Хатунцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 июня 2015 г.

Рецензируемая книга – крупнейший фундаментальный труд в области леонтьевоведения в последние годы, можно даже сказать – во всем наступившем III тысячелетии. Тема абсолютно оригинальная – прежде всего это касается отношений Леонтьева со своими учениками, фигуры которых впервые в историографии освещены и исследованы подробно, причем с документальной стороны. О. Л. Фетисенко проделала новаторскую работу, причем тщательно и скрупулезно. Практически на каждой странице книги видна кропотливейшая работа исследователя-филолога.

Константин Николаевич по своему влиянию на жизнь и политику, на русскую мысль и на общественное мнение России «светилом» не стал в отличие от Герцена, Чернышевского, Михайловского, Толстого, Достоевского и даже в отличие от Вл. Соловьева. Он, подобно именно Соловьеву, мог бы превратиться во «властителя дум» русской интеллектуальной элиты – декадентов, символистов и др. Все они с началом XX столетия стали проявлять к Леонтьеву значительный интерес, особенно после революции 1905 г. Но – не сложилось, и не потому, что Леонтьев был менее талантлив, менее умен, чем те, которые стали «властителями», не потому, что писал плохо. Наоборот, с этим у Леонтьева все было прекрасно: одна его брошюра, одна развернутая статья, например «Национальная политика как орудие всемирной революции», на наш взгляд, стоила всего Михайловского, всего Чернышевского, а то и обоих их вместе взятых.

Однако массовым, так сказать интеллектуальным, запросам своей эпохи творец «Византизма и славянства» не отвечал, а вот Николай Гаврилович, популяризатор Герцена и западных революционно-демократических идей на русской почве, им как раз соответствовал и даже их модерировал. В этом

причина успеха и относительного неуспеха Леонтьева. В мутном пресноводном потоке, который представляла собой пореформенная Россия, Чернышевский вместе с Михайловским оказались щуками и сомами, прекрасно приспособленными к среде обитания и ловле сбитой с панталыку рыбешки, а Константин Николаевич был этаким «морским чудищем», реликтом «эры левиафанов». Или океанским китом. Ему не то что развернуться – выжить в реке, текущей в обессоленное «море Эмансипации», было проблематично. Поэтому «русским Солнцем» Леонтьев не стал, а стал крупной планетой на окраине солнечной системы – Сатурном, Юпитером. Или же «далекой звездой» на отшибе «русского космоса» с небольшой системой спутников в поле своего тяготения, тоже в основном небольших. Самое крупное и оригинальное из явлений, развившихся в данной системе, пожалуй, о. Иосиф Фудель – своего рода Луна, Меркурий леонтьевского космомира.

На этот космомир и направлено в основном внимание Фетисенко. Прежде всего она выявила и показала само существование «леонтьевской» «планетной системы». В ее книге изучаются связи и взаимодействия в ней, ее представители, а также связи и отношения открытого трудом Ольги Леонидовны космомира в лице «звезды» или же «планеты-гиганта» – Константина Николаевича – с другими планетами и звездами «русского космоса» – большими и малыми, комплиментарными и не очень по отношению к Леонтьеву на разных этапах жизни и деятельности.

В корпус знаний о К. Н. Леонтьеве, в том числе биографических, Фетисенко вносит немало нового. Так, отбрасывая предположения и догадки в опоре на автобиографические тексты мыслителя, она четко заявляет о том, что настоящим его отцом был не рядовой помещик Н. Б. Леонтьев, отставленный от службы «за шалости», а блистательный аристократ В. Д. Дурново; говорит о «запретной любви» Константина Николаевича и его, учитывая «фактор» В. Д. Дурново, полуплемянницы Марии Владимировны (с. 13–14, 200). Много интересных биографических данных содержится в последней главе рассматриваемой монографии «...И в пределах преподобного Сергия».

Сильная сторона книги – исследование терминологии и образности Леонтьева, тех понятий, которыми он пользовался, в частности понятия «пророчество». «Пророчество» политическое в прямом смысле этого слова, как совершенно справедливо замечает О. Л. Фетисенко, есть не «одобрение» того или иного события, тенденции, а лишь сообщение о них, что необходимо не просто учитывать, а брать на вооружение – особенно тем, кто видит в Леонтьеве едва ли не предтечу сталинизма (с. 28).

Много у нее глубоких, правильных мыслей и замечаний о главном фигуранте ее труда: то, что Леонтьев скорее не публицист, а политический писатель и мыслитель, что мыслит он проективно и вовсе не утопист в том смысле, что никогда не проповедовал «рай на земле» (с. 30–31).

Фетисенко проделала колоссальную текстологическую работу, которая позволяет ей, в частности, заявить о том, что реплики из «Варшавского дневника», цитируемые как высказывания 1880 г., могут являться вариантом 1885 г. А это два совершенно разных периода, между которыми пролегло 1 марта 1881 г. (с. 36). В рассматриваемой книге очень много тонкого филологического анализа, она буквально насыщена им – и основной текст, и многоэтажные подвалы примечаний: настоящий «сад расходящихся тропок», стремящихся далеко за пределы книги.

Обширные примечания, которые сами могут составить целую книгу, с одной стороны, разрыхляют монографию, а с другой – выводят ее в безбрежные горизонты русской культуры, общественно-политической мысли и в целом жизни России с 1850-х по 1930-е гг.

Интересны разные конкретные выводы и послы О. Л. Фетисенко. Так, начало перелома в воззрениях Леонтьева, начало его ухода от юношеского либерализма она обоснованно относит даже не к весне 1861 г., а к 1860 г. (с. 54), постулирует, что «прогрессивно-охранительное направление» целиком сложилось у Леонтьева к 1880–1881 гг., и его своеобразным манифестом стала предназначенная для правительственных кругов «Записка о необходимости новой большой газеты в Санкт-Петербурге» (с. 76). Исследовательница отмечает также, что «оптинский отшельник» задолго предвосхитил Г. Гессе с его «эпохой фельетонов», осмеянной в «Игре в бисер» (с. 678).

Автор монографии очень тщательно анализирует историю создания многих леонтьевских текстов, в частности «Византизма и славянства», выявляет круг чтения и соответственно многие источники, из которых его создатель мог черпать импульсы, зародыши идей и идеи, развитые им впоследствии.

В раскрытии гептастилизма в узком значении этого слова как учения о семи столпах «нового созидания» автор монографии идет намного дальше хорошо известного письма Леонтьева И. Фуделю от 6–23 июля 1888 г., но не за зарницы и выси. О. Л. Фетисенко прибавляет к этому документу новооткрытые источники – фрагменты, наброски, записки. Важнейший и интереснейший из них – записка Леонтьева своему ученику Я. А. Денисову, в которой прорисованы все семь позиций «эптастилизма», что не встречается ни в одном из документов, известных современной науке. Это – ценнейшее открытие автора монографии.

Однако никакого «стройного учения» гептастилизма, явленного в четкой и законченной форме, сквозь призму которого Фетисенко стремится рассмотреть важнейшие процессы и явления консервативных течений в русской литературе указанного выше периода, на страницах книги не видно – если, конечно, не называть этим именем воззрения Леонтьева в целом – так, как мы называем «ницшеанством» взгляды Ф. Ницше. На наш взгляд, последнее было бы вполне правильным. В этом случае гептастилизм (или «анатолизм»)

не следует насильственно-непрерывно расписывать по «задекларированным» в его названии семи пунктам.

Ему посвящено два, от силы – три десятка страниц 744-страничного текста книги. В целом «номинальный» гептастилизм как был провозглашенной заявкой на создание доктрины, предназначенной для сотворения новой, небывало пышной четырехосновой культуры (вспомним идеал Н. Я. Данилевского), так он ей и остался. И это не случайно, а очень закономерно. Гептастилизм «сугубый», если понимать под ним именно и исключительно «седемистолпие», является стройплощадкой, неким почти всегда неполным, «гуляющим» (что немаловажно) реестром государственно-культурных конструкций и помещений, которые следует возвести. Византийская плинфа со скрепляющими растворами на стройку «анатолизма» завезена – хранится себе на складах, мозаика, настенные рисунки продумываются. Но дальше мечты-«утопии» дело не пошло, да и пойти не могло, поскольку законченный семиглавый комплекс «эптастилизма» стал бы отрицанием глубинных основ всей леонтьевской мысли как таковой. Он перечеркнул бы и разрушил «гипотезу триединого процесса», потому что «узкий» гептастилизм – это то, как пожилому уже, стареющему человеку, точнее культурно-политическому организму (России), взять да и шагнуть в «акме» на целый жизненный срок (1000–1200 лет по Леонтьеву). Но такое в принципе невозможно, будь то человек, будь то государство, цивилизация, планета, звезда, галактика, а то и весь универсум. Как бы реален – в качестве идеала или некогда существовавшего биологического вида – ни был упоминаемый Константином Николаевичем «летающий крокодил» (птеродактиль), – попробуй-ка создать чудо-монстра хотя бы в современных лабораториях, не говоря уже о средствах, имевшихся в конце XIX в.?

«Гептастилизм» самой Ольги Леонидовны (с. 85–89) – не какая-то открытая ею «Тайная доктрина» мыслителя, лежавшая до поры под спудом, а лишь реконструкция его культурно-исторической грёзы. Такого рода реконструкции с разной степенью успеха и адекватности предпринимали многие исследователи Леонтьева, начиная со сборника, посвященного 20-летию его смерти, и попытка нашего автора находится в том же ряду, не сильно из него выбиваясь в плане гносеологического прорыва. Тем не менее Фетисенко сделала хорошее и объективное обобщение, основанное на великолепном знании творческого наследия покойного «мэтра мысли», на его глубокой, тщательной проработке.

Говоря о взаимоотношениях своего фигуранта с И. С. Аксаковым, одним из его постоянных внутренних оппонентов, автор книги находит «очевидную» – если потрудиться над текстами Леонтьева так, как старатель трудится над горами золотиносных песков – тенденцию к смягчению отзывов о нем. Учитывая, что в пореформенный период Иван Сергеевич в целом эволюционировал «вправо», это закономерно. В каких-то пунктах Аксаков даже сближался с К. Н. Леонтьевым вплоть до совпадения, что отмечал историк

С. М. Сергеев. Данную закономерность Фетисенко подтверждает выводом, основанным на эмпирическом материале.

Она же подмечает черту, общую для Леонтьева и Н. П. Гилярова-Платонова, столь разных и непохожих своими политическими воззрениями: их всегдашний «дальний план», устремленность не в «завтра», а в «послезавтра» (с. 197).

Нехристианскому почитанию монарха в кругах охранителей «отвечало обожествление «народа» демократическими кругами и почвенниками» (с. 215). Мимо этой, казалось бы, очевидной мысли, проходили целые поколения ученых – одно за другим, и лишь О. Л. Фетисенко ее увидела и озвучила.

Нельзя не отметить главы о взаимоотношениях основного фигуранта книги с государственным контролером, знатоком восточного христианства и собирателем русского песенного фольклора Т. И. Филипповым. И написано хорошо, с душой – впрочем, как и вся монография, и эти самые отношения исследованы превосходно.

Анализируя «нескончаемый спор» Леонтьева с Ф. М. Достоевским, автор книги задается весьма нетривиальным вопросом – почему первый столь ревностно пристрастен по отношению ко второму, нет ли тут чего-нибудь личного?

Что касается рассматриваемых Фетисенко взаимоотношений мыслителя с Л. Н. Толстым, то хочется отметить: если «зеркало русской революции» называло Леонтьева скандальным «разбивателем стекол», то сам Толстой был, так сказать, «стекольщиком»: он отливал и устанавливал стекла, через которые русская публика смотрела на мир, да и на войну тоже.

Оригинальна глава о литературных знакомствах Леонтьева 1870–1880-х гг.

Полная новизна отличает главы о контактах мыслителя с публицистом и издателем Н. Н. Дурново и с писателем И. Л. Леонтьевым (Щегловым). Ими никто и никогда не занимался, да и Дурново и Щеглов редко попадали в поле зрения исследователей и критиков. Интересно, что дневник последнего – единственный источник, указывающий на знакомство Леонтьева, которого в начале прошлого века стали называть «русским Ницше», с сочинениями германского философа (с. 686). Это одна из ценнейших находок создательницы монографии.

Мало изучены были также связи Леонтьева с С. Ф. Шараповым, представителем «аксаковского», т.е. либерального стиля в славянофильстве. В рассматриваемой книге они получили весьма солидное, если не фундаментальное освещение. Фетисенко, как и положено, выходит далеко за рамки этих связей и очень основательно «прописывает» фигуру Шарапова.

На с. 423 она ссылается на слова «запоздалого славянофила» о том, как он обрел личную веру в Бога. Их можно было бы «обыграть», сопоставив со свидетельствами Леонтьева о том, как он сам расставался с либерализмом в начале 1860-х и обратился к «личному» православию в Салониках в 1871 г.

Однако Фетисенко замечает и даже артикулирует сходство Шарапова с Шатовым из «Бесов». Оно заключается в преодолении нигилизма, исповеда-

нии славянофильских идей и мучительном пути «от национально-политического (славянофильского) исповедания к церковному». Кроме того, автор книги четко выделяет основной предмет несогласий между Шараповым и Леонтьевым. Это, помимо панславизма, понимание ими самодержавия и «вертикали власти» (с. 437–438).

Фетисенко тщательно выявляет персоналии учеников «оптинского отшельника» и, в целом, той молодежи, которая так или иначе попала в круг общения с ним. В частности, она выясняет, что двое из ближайшего «коммуникационного периметра» К. Леонтьева (А. Д. Оболенский и А. В. Волжин) были, пусть и недолго, обер-прокурорами Святейшего синода.

Впервые во всей имеющейся историографии она подробно, в деталях и в общем плане, говорит о таких последователях мыслителя, как Г. И. Замараев, Я. А. Денисов, Н. А. Уманов, Ф. П. Чуфрин, И. И. Кристи. Последний был ближайшим и любимейшим учеником Леонтьева, «Иоанном Богословом» гептастилизма, которого мыслитель прочил в свои преемники. Однако судьба «Ванечки», по словам создателя монографии, была нескладной, а потом и вовсе трагической (с. 532). Очерк о Кристи следовало бы выделить особо.

По-новому смотрит Фетисенко на А. А. Александрова, редактора, преподавателя, публициста. Мнение о нем высказывается не самое лестное, но на основании глубокой проработки источников. В текстах Александрова автор книги, за редким исключением, находит больше официальной риторики, чем «живой души» (с. 560). Очень хорошо раскрыта деятельность Александрова в журнале «Русское обозрение», который обрисован как весьма примечательное издание.

Много интересного «нарывает» создательница монографии обо И. И. Фуделе, также не избалованном вниманием исследователей. Она показывает, что протоиерей, которого Константин Николаевич любил как сына, был в намного большей степени «леонтьевцем», чем этого хотелось его собственному сыну, Сергею Иосифовичу, убежденному антилеонтьевцу (с. 645).

В монографии два главных «прямых наследника» Леонтьева с их семьями как бы противопоставляются друг другу. «Православный немец»-аккуратист Фудель и его жена являются своего рода антитезой несколько неряшливому Александрову с его невыносимой «Тарасовной». Автор гораздо больше симпатизирует первой, чем второй супружеской паре.

Фетисенко создает живые, разносторонние портреты учеников Леонтьева, что, как уже говорилось, ново, интересно, оригинально. Многие из них на сегодняшний день являются самыми полными в историографии очерками-исследованиями о них.

Из книги хорошо видно, что стратегического продолжения дела великого русского консерватора через его учеников быть не могло. Да и разработанной программы у Константина Николаевича не было: одни только наброски, заметки, фантазии и «общие планы»...

Заключение фактически является особой главой, в основном посвященной судьбам творческого наследия Леонтьева со времени его смерти до 1917 г.

Нельзя объять необъятное. Обо всех «леонтьевских» персоналиях в одной лишь монографии не напишешь. Но вот чего, пожалуй, в ней не хватает – так это отдельного специального очерка о М. В. Леонтьевой, бывшей в кругу людей, наиболее близких к «оптинскому отшельнику», и сыгравшей в его судьбе и сохранении памяти о нем огромную роль.

Есть в книге небольшие редакторские недочеты. Так, на с. 167 Фетисенко дублирует цитату из «Моей литературной судьбы» Леонтьева; на с. 526 повторяет архивный отрывок, приведенный на с. 524; на с. 667 – фразу о войне 1877–1878 гг.

На наш взгляд, в монографии можно было бы сократить цитаты из источников, публиковавшихся ранее. Обилие больших кусков цитируемых документов местами делает работу похожей на хрестоматию или на компиляцию. Но, несмотря на это, перед нами – классический исследовательский текст, вышедший из-под пера рядового филолога.

Монографию Фетисенко можно рассматривать как серию очерков, раскрывающих единую, но очень многоплановую сюжетную линию. Полностью готовой панорамы взаимоотношений Леонтьева с окружающим миром она не дает. Это в рамках одной-единственной книги попросту невозможно. По той же причине не претендует она и на всеохватность раскрытия леонтьевской темы. Ее страницы полны прекрасными замечаниями и обобщениями, а в целом картина выходит очень разносторонней. Но порой эта разносторонность оборачивается дробностью, а иногда – рыхловатостью. В конечном итоге получается большое, многофункциональное здание с обилием причудливо разбросанных помещений, похожее на Кносский дворец. В нем уже вполне можно жить и работать, но оно еще не сдано «под ключ»; есть участки, отделка и доводка которых все еще продолжаются.

Книга Ольги Леонидовны – не столько музей или «пешеходная экскурсия» «по леонтьевским местам», сколько живая, творческая лаборатория – даже, пожалуй, целый научно-исследовательский институт, в котором решаются старые проблемы леонтьевоведения и ставятся новые.

Воронежский государственный университет
Хатунцев С. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России

E-mail: staskhat@comch.ru
Тел.: 8(473) 223-12-85

Voronezh State University
Khatuntsev S. V., Candidate of Historical
Sciences, Associate Professor of the Russian
History Department

E-mail: staskhat@comch.ru
Тел.: 8(473) 223-12-85

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Иванов А. А. Правые в русском парламенте : от кризиса к краху (1914–1917). – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. – 520 с.

М. В. Медоваров

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 13 июня 2015 г.

Рецензируемая монография, основанная на тексте докторской диссертации автора, представляет собой своеобразный итог его исследований в данном направлении на протяжении последних полутора десятилетий.

Большое внимание А. А. Иванов уделяет методологической и терминологической корректности своей работы. Совершенно оправданным представляется его детальное разъяснение границ изучаемого объекта – фракции правых в IV Государственной Думе и правой группе Государственного совета в годы Первой мировой войны. Разумеется, на протяжении всей книги автору приходится не раз делать экскурсы и в довоенный, и в послереволюционный периоды, но такой шаг всегда оправдан контекстом подобных экскурсов.

При всей значимости источниковой базы исследования (документы из фондов девяти архивов, прежде всего РГИА и ГАРФ; опубликованные стенографические отчеты; десятки мемуаров; центральная и малоизвестная провинциальная пресса – как правомонархическая, так и либеральная) наиболее существенным фактором, позволяющим дать высокую оценку работе А. А. Иванова, является его превосходное знание историографии не только правых партий и движений 1905–1917 гг., но и истории России начала прошлого века в целом. Об этом свидетельствует как список использованной литературы, так и регулярность, с которой автор обращается к интереснейшим перипетиям историографических споров – не только в первой, вводной, главе, но и во всех главах монографии. Даже если А. А. Иванов не поставил и не разрешил бы ряд новых для исторической науки проблем, один только его вклад в подведение итогов изучения некоторых сюжетов, являвшихся предметом расхождений среди советских и российских историков, позволил бы говорить об очень большом значении его изысканий. Крайне важно, что автор не останавливается перед серьезной содержательной критикой даже именитых историков, поневоле затормозивших своим авторитетом неподвзятое изу-

чение многих проблем внутривнутриполитической истории России периода третьей ионьской монархии.

Но, разумеется, А. А. Иванов выходит далеко за пределы обозначенной частной задачи и создает «первую в российской и западной историографии попытку системной реконструкции и анализа деятельности правого спектра Государственного совета и Государственной Думы в годы Первой мировой войны» (с. 53).

Вполне обоснованным представляется то, что изложение начинается не с августа 1914 г., а с выборов в IV Государственную Думу в 1912 г. В первой главе А. А. Иванов рассматривает состав фракции правых в контексте внутренних конфликтов в монархическом лагере между СРН Н. Е. Маркова, СМА В. М. Пуришкевича и ВДСРН А. И. Дубровина, не говоря уже о более мелких организациях. Обрисованы портреты лидеров правой фракции, а также главы правой группы Государственного совета П. Н. Дурново, несомненно, являющегося одной из центральных фигур монографии. Его знаменитая записка, с удивительной точностью прогнозирувавшая развитие событий после вступления России в мировую войну, анализируется А. А. Ивановым детально. Краткие, но меткие характеристики даны остальным правым депутатам и сенаторам.

Признавая давно известный факт, что до лета 1914 г. многие правые политики выступали за мир с Германией и против союза с Англией и Францией, А. А. Иванов не устает подчеркивать, что после того, как Германия объявила войну России, ни один из правых деятелей не запятнал себя изменой Родине, а все подозрения в «германофильстве» в их адрес фабриковались либеральной прессой намеренно. Скромные попытки некоторых монархистов предостеречь русское общество от болезненной тотальной германофобии или проанализировать причины немецких военных побед немедленно трактовались либералами как склонность правых к предательству и сепаратному миру. Такие обвинения, вполне естественные в устах непримиримых политических противников, являются совершенно непростительными, когда они всплывают на страницах некоторых исторических работ 100 лет спустя – и на это также указывает автор. «Если некоторых правых думцев и можно заподозрить в так называемом «германофильстве», то только понимая его как чувство глубокого неудовлетворения и досады от осознания того, что воевать приходится с тем, кого так хотелось бы видеть в рядах своих союзников в силу государственно-политической общности», – таков вполне оправданный вывод А. А. Иванова (с. 123).

Описывая эйфорию периода «священного единения», А. А. Иванов обращает внимание читателя на то, что бывлой антисемит и смертельный враг кадетов В. М. Пуришкевич в своем братании с либералами и раввинами изначально пошел гораздо дальше остальных правых. Фактически уже его поведение летом 1914 г. с неожиданными панегириками курсу Антанты стало отправной точкой для его проанглийской ориентации и дальнейшего противостояния

основной массе правых депутатов, которые заведут его как политика к концу 1916 г. очень далеко... Несомненно, для А. А. Иванова как автора первой научной биографии Пуришкевича [1] было вполне естественным уделять именно этому политику особое внимание на протяжении всей книги. Одно только описание активной деятельности Пуришкевича по оказанию помощи фронту, за которую ему были благодарны даже вечные оппоненты, занимает более 12 страниц.

Рассматривая начавшуюся с осени 1915 г. атаку либералов на правительство под лозунгами «ответственного министерства», А. А. Иванов справедливо отмечает, что поначалу правые просто не поняли всей опасности начинавшейся «осады власти» (а затем и «штурма власти») и пребывали в растерянности и разобщенном состоянии. Твердость, дальновидность, ответственность и подлинно государственное мышление проявил только П. Н. Дурново, в своей речи 19 июля 1915 г. потребовавший отказа от любых реформ на время войны и подчинения всех приказам правительства. Но его принципиальная позиция оттолкнула не только кадетов, октябристов, прогрессистов, националистов, но и значительную часть правой группы Государственного совета. После смерти Дурново никто из правых политиков, кроме отошедшего от дел Л. А. Тихомирова, не решился отстаивать столь принципиальную позицию. Но каждое новое смягчение позиции правых воспринималось либералами как проявление слабости монархического лагеря.

Большое значение имеют подсчеты состава и численности депутатов, вошедших и не вошедших в Прогрессивный блок, произведенные А. А. Ивановым. Особое внимание уделено им позиции переходных и колеблющихся групп, вроде расколовшейся фракции националистов в Государственной Думе и правого центра в Государственном совете. Автор анализирует переход правых к активной реакции на образование Прогрессивного блока, их аргументы, указывавшие на подрывной, революционный, губительный для страны характер его требований. Однако уже к осени 1915 г. наметилась полная изоляция правых Думы и Совета от правоцентристских сил. Попытки создать «Черный блок» были обречены на неудачу в условиях, когда даже правая группа Государственного совета чуть было не раскололась на две части. Умеренность и непоследовательность нового ее лидера А. А. Бобринского ослабила правых еще больше. Ситуация с письмом А. П. Струкова председателю Совета министров от 23 августа 1915 г. с предупреждением о революционной опасности, когда многие правые и члены Объединенного дворянства не поддержали консервативную позицию Струкова, лишней раз продемонстрировала, насколько сильным стало влияние либералов. Впрочем, когда весной 1916 г. Бобринского на посту лидера правой группы сменил И. Г. Щегловитов, ряды правых стали выглядеть несколько более сплоченно на фоне кризиса фракции правых в Думе, где Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский оттолкнули от себя правых депутатов из крестьян и духовенства.

А. А. Иванов подчеркивает, что правые позволяли себе свободную критику правительства, в частности В. А. Сухомлинова, С. Д. Сазонова, А. В. Кривошеина, Н. Б. Щербатова, А. Д. Самарина, А. А. Поливанова и других, несмотря на то, что некоторые из них сами вышли из правой среды. Тем самым монархисты продолжали довоенную линию противопоставления министров Государю. С другой стороны, с достаточно либеральным А. Д. Протопоповым у правых сложились неплохие отношения (с. 210–212). При этом А. А. Иванов отмечает роковую слабость правых, среди которых не нашлось ни одного по-настоящему крупного и решительного государственного деятеля на министерских постах: «Император довольно часто шел навстречу правым, ставя на ключевые посты представителей правой группы Государственного совета, но каждый раз выходило, что ни один из них не оказывался способным ни поставить общественные процессы под жесткий контроль власти, ни войти с общественностью в конструктивно-сотруднические отношения» (с. 212). Этот тезис автор монографии обосновывает, в частности, сквозь призму детального рассмотрения личности и деятельности А. Н. Хвостова, знаменитого нижегородского губернатора и министра внутренних дел, на различных постах (с. 213–231). Отставка Хвостова, связанная с его конфликтом с Г. Е. Распутиным, резко снизила возможности влияния правых на правительство.

А. А. Иванов уделяет внимание внутриполитическим требованиям правых в годы Первой мировой войны, рассматривает борьбу в Думе и Совете по поводу борьбы с «немецким засильем» в виде конфискации или секвестра немецких земель и предприятий в России. Автор приходит к выводу, что деятельность правых не повлияла на итоговые правительственные мероприятия по данному вопросу, тем более что в самом правом лагере были разные мнения на этот счет. В экономической программе правых в годы войны на первое место выдвинулся вопрос о борьбе с дороговизной путем государственного регулирования торговли и банковской сферы, путем наказаний спекулянтов, перекупщиков, банкиров, наживавшихся на войне. Не раз А. А. Иванов возвращается к вопросу о роли частных предпринимателей, объединившихся вокруг Земгора, в обороне страны. Даже в современной историографии встречаются примеры некритического повторения лозунгов либеральной пропаганды тех лет об огромных заслугах Земгора, в то время как в действительности частные предприятия обеспечили не более полутора процентов (!) от общего производства военной промышленности в России (с. 272–278, 372). «Что же касается критики правыми деятельности общественных организаций, в особенности таких, как Земский и Городской союзы и ВПК, то она была во многом справедливой и аргументированной, – пишет А. А. Иванов. – А вклад этих организаций в дело ниспровержения монархии, как и предупреждали правые, оказался гораздо значительнее, нежели их помощь фронту». В такой ситуации страстные выступления либеральных публицистов в 1915–1916 гг. в защиту предпринимателей и спекулянтов, якобы старавшихся на благо Родины, предстают

в совершенно ином свете (с. 254). На этом фоне конкретные экономические меры, предлагавшиеся правыми и иногда реализованные правительством (например, увеличение золотого запаса), можно оценить положительно.

Весьма интересным представляется рассмотрение борьбы вокруг закона о прогрессивном подоходном налоге (с. 257–265). Эта проблема, восходившая еще к 1860-м гг. и актуальная для России в течение полувека [2, с. 199–243], предстает в монографии А. А. Иванова в новом свете. Автор доказывает, что в 1916 г. и правые, и левые депутаты Государственной Думы были в принципе за введение такого налога, но разногласия касались времени его введения, характера шкалы (арифметическая или геометрическая прогрессия), конкретных ступеней шкалы. Правые предлагали во время войны ввести временный учет-веренный налог или иные дополнительные военные сборы, но Прогрессивный блок, обслуживавший интересы капиталистов, не позволил этого сделать.

Заслугой А. А. Иванова является детальное рассмотрение сюжета, известного как «Черносотенцы и мясо». В то время как кадеты, намеренно уязвляя чувства православных, хотели объявить на время войны мясопустными днями с понедельника по четверг, правым удалось провести закон о мясопустных днях со вторника по пятницу, что хотя бы частично соответствовало православным постным дням.

В то же время А. А. Иванов не раз отмечает, что умеренная социально-экономическая программа правых в годы войны в глазах населения явно проигрывала широкомасштабным обещаниям левых и либералов. Призывы к рабочим терпеть лишения до победы над врагом не могли быть столь же привлекательными, как социал-демократическая программа. Сами правые это понимали и безуспешно предостерегали кадетов и октябристов от разжигания народных масс революционной фразеологией. По мнению А. А. Иванова, правые могли завоевать некоторую популярность, внося большой вклад в улучшение антиалкогольного законодательства и борьбу с пьянством, но комитет по подготовке «трезвенной реформы» под руководством правых успел провести до падения монархии лишь одно заседание в феврале 1917 г. (с. 297).

Особое место занимает вопрос о прессе и цензурной политике в годы Первой мировой войны. Если от военной цензуры в равной мере страдали почти все издания, то главной опасностью всё же стала монополия либеральной прессы на трактовку речей членов Государственной Думы и Государственного совета в выгодном для себя ключе путем замалчиваний и искажений. Сколько-нибудь убедительные выступления правых депутатов и сенаторов либеральная пресса избегала цитировать. Фактически правые лишились информационной трибуны еще до того, как победившая Февральская революция закроет все их издания...

Не вполне адекватной представляется программа правых по национальному вопросу в годы войны. В условиях, когда всю вину за неудачи армии не-

возможно было свалить на евреев, высказывания правых по еврейскому вопросу часто были противоречивыми. Больше единства и решительности проявляли правые в своих требованиях привлечь жителей Финляндии к обороне империи, но правительство на это не пошло. Для Польши правые соглашались на весьма ограниченную автономию лишь после победы в войне и объединения всех польских земель силой русского оружия, что вряд ли выглядело привлекательным для поляков. Впрочем, А. А. Иванов несколько упускает из виду позицию Д. А. Хомякова, Ф. Д. Самарина, Л. А. Тихомирова и ряда других консерваторов, последовательно выступавших в годы войны за дарование Польши независимости в этнически польских границах. Как было показано А. Ю. Бахтуриной, эта позиция к февралю 1917 г. нашла отклик в Совете министров [3, с. 63–64].

Понимая, что деятельность правых депутатов и сенаторов нельзя рассматривать в полном отрыве от внепарламентской деятельности монархических партий и движений в 1914–1917 гг., А. А. Иванов делает основательный экскурс в историю их взаимоотношений, сравнивая персональный состав Русского собрания, Объединенного дворянства, некоторых столичных правых салонов с составом фракции правых в Думе и правой группы Государственного совета. Рассмотрены причины некоторой отчужденности парламентских правых от всероссийских монархических совещаний во втором полугодии 1915 г. и создание Совета монархических съездов, в который, однако, не вошли представители ультраправых, образовавших альтернативный орган – Президиум монархического движения. Небольшая часть правых, прежде всего В. М. Пуришкевич, в силу своего общего «полевления» бойкотировали все монархические совещания и съезды.

В четвертой главе книги, посвященной деятельности правых депутатов и сенаторов после ноября 1916 г., А. А. Иванов подводит итоги начатому в предыдущих главах разговору о кризисе и распаде фракции правых, правой группы, Объединенного дворянства и других монархических образований. Очень подробно рассмотрен ответ правых на антиправительственные речи П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина и В. М. Пуришкевича, с которых начался «шторм власти» в конце 1916 г. Особое внимание уделено речи Пуришкевича 19 ноября, знаменовавшей начало открытого раскола в рядах правых, и ее последствиям (с. 325–351). Дальновидная и твердая позиция Н. Е. Маркова, давшего верный прогноз развития революции в России, не только не спасла фракцию правых, но и привела к ее параличу: 22 ноября, после резкого выпада Маркова против Родзянко (с. 351–360) он был удален из Думы на пятнадцать заседаний, а 33 из 53 правых депутатов вышли из подчинения Маркову и произвели раскол фракции. «Но поступок Н. Е. Маркова был не причиной, а лишь катализатором давно начавшегося процесса, особенно обострившегося в связи с общенациональным кризисом, – указывает А. А. Иванов. – Для большинства правых депутатов выходка Маркова явилась лишь поводом покинуть

фракцию» (с. 365). Раскол назревал еще с 1913 г., и удивляться, пожалуй, следует лишь тому, что он произошел столь поздно.

В отсутствие Маркова речь, произнесенная в защиту правительства 26 ноября министром внутренних дел, правым Н. А. Маклаковым перед уже революционно настроенной Думой, по праву расценивается автором монографии как мужественный поступок, даже подвиг (с. 367–376). Но в тот же день Государственный совет подавляющим большинством голосов принял «формулу перехода, в которой говорилось о необходимости тесного сотрудничества власти с законодательными учреждениями, устранении влияния на государственные дела “скрытых безответственных сил”, создании работоспособного правительства, опирающегося “на доверие и сочувствие страны”» (с. 377). В такой ситуации Н. А. Маклаков в феврале 1917 г. предложил императору распустить IV Государственную Думу и в ноябре 1917 г., как и планировалось, провести выборы в новую Думу, но Николай II желал повременить с решительными действиями.

Обрисовывая состояние правых сил в январе – феврале 1917 г., их крайнюю слабость и бессилие, А. А. Иванов не устает подчеркивать дальновидность их прогнозов относительно радикального характера надвигавшейся революции. «Причина такой дальновидности, прежде всего, заключалась в том, что правые депутаты, в большинстве своем помещики, священники и крестьяне, знали и понимали русский народ значительно лучше, в отличие от высокообразованных, по-европейски мыслящих, но далеких от народных масс либералов-интеллигентов», – таков принципиальный вывод автора (с. 386).

Если в Государственной Думе в январе – феврале 1917 г. правые потерпели полное поражение, то в Государственном совете они перешли в наступление после того, как Николай II очень серьезно усилил правую группу верхней палаты, назначив сразу 18 новых членов Совета, которые все были правыми. И. Г. Щегловитов сменил либерала А. Н. Куломзина на посту председателя Государственного совета, что вызвало панику среди оппозиции. Вместе с тем даже правый центр отказался поддержать правую группу, а в таких условиях изменения в личном составе верхней палаты не могли иметь решающих последствий. Тем более нельзя считать их попыткой государственного переворота с целью предотвратить революцию. А. А. Иванов признает наличие плана такого переворота в записке, поданной Николаю II членами монархического кружка А. А. Римского-Корсакова и детально предостерегавшей от последствий будущей революции, и в некоторых других записках (с. 403–412), но указывает на то, что император так и не решился даже на роспуск Думы, вопреки мнению императрицы, а большинство правых вовсе не разделяло подобных замыслов. Фактически А. А. Иванов соглашается с мнением А. Ф. Трепова, что Николай II считал необходимым отложить все политические преобразования до конца войны: «Император любил слишком горячо свой народ, чтобы поверить, что он может быть вовлечен в революцию в то время, когда

победа являлась вопросом нескольких недель. Россия этого не знала и была раздавлена тяжестью, которая оказалась слишком тяжелой» (с. 413).

В условиях паралича думской фракции правых, слабости и безынициативности председателя Совета министров Н. Д. Голицына новый раскол в обновленной правой группе Государственного совета в январе – феврале 1917 г. лишний раз показал, что шансов на спасение у правых не было. Единственным, кто предпринял тогда энергичное противодействие оппозиции, был И. Г. Щегловитов. Поэтому никакого сопротивления февральской революции правые оказать не смогли. «К началу 1917 г. у правых не было сколько-нибудь значимой поддержки в обществе, а следовательно, и реальных шансов на победу. Поражение правых было предопределено намного раньше, чем оно, в сущности, произошло», – подводит итог А. А. Иванов, повторяя слова Г. Е. Распутина незадолго до гибели: «Правые тоже дураки, всё равно они ничего не сделают» (с. 393, 431).

Монография завершается параграфом о судьбах правых членов Государственной Думы и Государственного совета после революции (с. 432–466). Такой раздел стал уже традиционным в трудах по истории русского консерватизма (например, в монографиях С. А. Степанова [4, с. 455–501] и А. В. Репникова [5, с. 408–491]). Вместе с тем многие детали биографий даже наиболее известных монархических политиков, таких как В. М. Пуришкевич или Н. Е. Марков, еще не прояснены. Поэтому А. А. Иванов подробно рассматривает их жизненные пути наряду с судьбами всех остальных правых депутатов и сенаторов, умерших вскоре после 1917 г. или десятилетия спустя расстрелянных большевиками, эмигрировавших или уцелевших в Советской России. Всего А. А. Иванову удалось собрать сведения о нескольких десятках правых депутатов. О некоторых известна только дата смерти, другие прославились своим мужеством перед казнью, третьи проявили себя как редкостные и беспринципные авантюристы. «Но во всех этих судьбах есть нечто общее – глубокий трагизм, связанный с сокрушительным политическим поражением, крахом идеалов и безвозвратной утратой православно-самодержавной России», – вполне обоснованно заключает А. А. Иванов.

В целом монография А. А. Иванова позволяет выделить как внешние, так и внутренние причины поражения правых в 1917 г. При всей дальновидности и реалистичности их программы призыв ограничиться в годы войны умеренными преобразованиями и отказаться от радикальных требований не могли быть восприняты ни либеральными кругами, ни рабоче-крестьянскими массами. В период резкой радикализации общества здравые и осторожные призывы были обречены на то, чтобы пропасть втуне. С другой стороны, явное расхождение между частью правых депутатов, сенаторов, членов Объединенного дворянства и монархических партий, тяготевшими к оппозиции и Прогрессивному блоку, и более твердыми и устойчивыми монархистами, наметившееся еще до войны, привело к концу 1916 – началу 1917 г. к невозможности для правых

Думы и Совета выработать единую позицию и всерьез противодействовать циничному «штурму власти», развернутому Прогрессивным блоком. Конечно, апатия, деградация, распад правого лагеря не были всеобъемлющими: некоторые монархисты предлагали здравые и реалистические рецепты спасения страны. Однако активность отдельных лиц уже не могла ничего значить в условиях, когда император и министры до последнего надеялись на благополучный исход и не решались взять эти рецепты на вооружение. Ценный исторический труд А. А. Иванова способен навести на размышления о том, почему «паралитики власти» проиграли «эпилептикам революции», причем отнюдь не только на примере России и не только на примере 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич : опыт биографии правого политика (1870–1920) / А. А. Иванов. – М. ; СПб., 2011. – 441 с.
2. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха – Л., 1978. – 248 с.
3. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи : государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – М., 2004. – 392 с.
4. Степанов С. А. Черная сотня / С. А. Степанов. – М., 2005. – 544 с.
5. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников. – М., 2007. – 520 с.

*Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского*

Медоваров М. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

*Nizhniy Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky*

Medovarov M. V., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Общие положения

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 20 страниц рукописи и до 6 рисунков, краткие статьи – до 5 страниц и до 4 рисунков.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Структура публикаций

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводятся: дата поступления материала в редакцию и краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (**а не по алфавиту**).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

Требования к оформлению рукописи

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman Cyr).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисовочная подпись должна быть самостоятельной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

Требования к оформлению электронной версии

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи они являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.